Вадим Золотарев, Юрий Шаповал

История сталинизма

«Гильотина Украины»:

нарком Всеволод Балицкий и его судьба

Совет при Президенте Российской Федерации
по развитию гражданского общества
и правам человека

Государственный архив
Российской Федерации

Российский государственный архив
социально-политической истории

Президентский центр Б. Н. Ельцина

Издательство
«Политическая энциклопедия»

Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»

Институт научной информации
по общественным наукам РАН

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*),

Л. Виола (*Lynn Viola*),

А. Грациози (*Andrea Graziosi*),

А. А. Дроздов,

Э. Каррер д'Анкосс (*Hélène Carrère d'Encausse*),

В. П. Лукин,

С. В. Мироненко,

Ю. С. Пивоваров,

В. Пасат (*Valeriu Pasat*),

А. Б. Рогинский,

Р. Сервис (*Robert Service*),

Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),

А. К. Сорокин,

Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),

М. А. Федотов,

О. В. Хлевнюк

История сталинизма

Юрий Шаповал
Вадим Золотарев

«Гильотина Украины»: нарком Всеволод Балицкий и его судьба

РОССПЭН
Москва
2017

УДК
ББК
Ш

Издание осуществлено при финансовой поддержке Еврейского музея и Центра толерантности

Шаповал Ю. И., Золотарев В. А.

Ш «Гильотина Украины»: нарком Всеволод Балицкий и его судьба / Юрий Шаповал, Вадим Золотарев. – М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 000 с.: ил. – (История сталинизма)

ISBN 978-5-8243-2190-6

«Гильотина Украины» – именно так назвал Всеволода Балицкого, многолетнего шефа ГПУ-НКВД Украины, один из его современников.

Авторы книги, опираясь на уникальные документы и материалы, детально воссоздают основные этапы жизни этого человека, показывают его подлинную роль в формировании большевистской тайной полиции и руководстве ею, его связи и влияния, амбиции и личностные черты, обстоятельства и версии гибели. Большое внимание уделено окружению В. Балицкого, тем, с кем ему довелось работать.

Авторам удалось собрать (часто буквально по крупицам) интересные и важные сведения о В. Балицком, обработать не доступные ранее и очень ценные архивные источники. Все это позволило подготовить наиболее полное на сегодняшний день жизнеописание одного из самых заметных деятелей коммунистической спецслужбы.

Читатель сможет впервые познакомиться с ранее не публиковавшимися документами, отражающими деятельность В. Балицкого.

УДК
ББК

ISBN

© Шаповал Ю. И., Золотарев В. А., 2017
© Политическая энциклопедия, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

История любой спецслужбы — это в первую очередь история ее деятельности, созданные портреты тех людей, которые там работали и, разумеется, тех, кто этой спецслужбой руководил.

Рассказ о ЧК-ГПУ-НКВД дает возможность на предельно конкретном, персонифицированном уровне осмыслить специфику и своеобразие коммунистической общественно-политической системы. В ней, как известно, карательные органы играли одну из ключевых ролей в политической борьбе и в осуществлении глобальных социально-экономических преобразований. А все это немыслимо вне деятельности конкретных людей, лидеров и рядовых граждан, тех, кто принимает решения, и простых исполнителей.

Герой нашего исследования, Всеволод Балицкий, долгие десятилетия был своеобразной «persona non grata» на страницах изданий о ЧК-ГПУ-НКВД. Только в 1989 г. появилась первая короткая справка о нем в журнале «Известия ЦК КПСС», в статье, посвященной судьбам членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде партии[1]. В 1992–2001 гг. мы начали активный поиск материалов и подготовили первые, далеко не полные публикации о нем[2].

---

[1] О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 88. См. также: Чисніков В. Керівники органів державної безпеки Радянської україни. (1918–1953 рр.): Матеріали до біографічного довідника // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2000. № 2/4. С. 365.

[2] См., например: Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. В. А. Балицький. На шляху до правди про нього // Український історичний журнал. 1993. № 6. С. 50–63; № 7/8. С. 53–69; Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. Київ, 2002; Schapowal J. Wsewolod A. Balitzkij: Ein Volkskomissar / Stalinscher Terror. 1934–41: Eine Forschungsbilanz, 85–108 / ed. W. Hedeler. Berlin: Basis Druck Verlag, 2002; Shapoval Yuri, Vsevolod Balickij, bourreau et victime / Cahiers du monde Russe 44, nos. 2–3 (April–September, 2003): 369–401.

Если о «железных сталинских наркомах» бывшего союзного масштаба – Генрихе Ягоде[1], Николае Ежове[2], Лаврентии Берия[3], Иване Серове[4] и других написано немало, то создание своеобразного коллективного портрета тех, кто возглавлял спецслужбу, определял направление и содержание ее деятельности в коммунистической Украине, еще в процессе. Однако процесс этот продолжается, и мы тоже к нему причастны[5].

Автор одной из публикаций, в которой упоминается имя Всеволода Балицкого, замечает, что «дать однозначную оценку его политической деятельности очень трудно»[6]. С одной стороны, были попытки показать его деятелем, который «сопротивлялся указаниям Ежова по разоблачению “врагов народа”»[7]. С другой стороны, некоторые авторы представляли Балицкого руководителем, окружившим себя преданными людьми, ведущим разгульный образ жизни, занимавшимся расхищением денежных фондов спецслужбы[8].

---

[1] См., например: Сухотин Я. Первый энкавэдэшник. Жизнь и смерть Генриха Ягоды // Час пик. 1996. № 117; Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности: Сб. док. Казань, 1997; Ильинский М. Нарком Ягода. М., 2005; и др.

[2] См., например: Полянский А. Как ломали «железного наркома» // Секретное досье. 1998. № 2. С. 68–77; Он же. Ежов. История «железного» сталинского наркома. М., 2003; Брюханов Б.Б., Шошков Е. Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. СПб., 1998; Jansen M., Petrov N. Stalin’s Loyal Executioner: People’s Commissar Nikolai Ezhov. 1895–1940. Stanford, 2002; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М., 2008; и др.

[3] См., например: Берия: конец карьеры / сост. В. Некрасов. М., 1991; Knight A. Beria: Stalin’s First Lieutenant. Princeton, 1993; Наумов В., Коротков А. Лаврентий Берия – ласковый палач // Московские новости. 1994. № 36; Хлевнюк О. Берия: пределы исторической «реабилитации» // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 103–110; Рубин Н. Лаврентий Берия: миф и реальность. М., 1998; Наумов В., Коротков А. Берия – тайный и явный // Столичные новости. 1998. № 19; и др.

[4] См.: Петров Н. В. Первый председатель КГБ генерал Иван Серов // Отечественная история. 1997. № 5. С. 23–43; Он же. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005.

[5] См., например: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997; Золотарьов В. А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. Харків, 2004; Україна в добу «великого терору» (1936–1938 рр.) / авт. упоряд. Ю. Шаповал та ін. Київ, 2009.

[6] У истоков. Страницы истории органов госбезопасности Украины // Вечерний Киев. 1989. 10 января.

[7] См.: Виноградский В.М., Якименко И.К. Полковник Шовкуненко рассказывает // Коммунист Украины. 1990. № 1. С. 78. См. также: На сторожі безпеки Вітчизни. Відповіді Голови Комітету державної безпеки Української РСР генерал-майора М. М. Голушка на запитання редакції газети «Радянська Україна» // Радянська Україна. 1988. 9 серпня.

[8] См., например: Скотников С., Творинский В. Еху «сдают» властелина // Зеркало недели. 1996. 29 июня.

Для нас очевидно, что Всеволод Балицкий – не безоговорочный фанатик коммунистических идей, хотя всю жизнь последовательно их отстаивал. Он не был тривиальным казнокрадом, однако при этом широко и активно пользовался возможностями служебного положения далеко не в благородных целях. Балицкий не «чекистский Казанова» (история ЧК-ГПУ-НКВД знает более колоритные примеры), но, разумеется, и не пуританин. Он не был банальным интриганом, хотя и организовал подслушивание разговоров высших руководителей УССР по тогдашней спецсвязи и очень живо интересовался «жизнью других».

Кто же такой на самом деле Всеволод Балицкий, которого в свое время нарком просвещения Украины Николай Скрыпник назвал «гильотиной Украины»? В нашей книге попытаемся ответить на этот и многие другие вопросы, связанные с деятельностью Балицкого.

При этом мы старались избегать «однолинейных», упрощенных подходов, которыми, увы, до сих пор грешат некоторые публикации. Для нас было важнее, опираясь на архивные документы, через судьбу конкретного советского регионального руководителя показать, как действовал механизм органов ЧК-ГПУ-НКВД, рассказать об их месте и роли в тогдашней специфичной системе государственности. Видимо, вряд ли стоит долго пояснять необходимость именно такого рода исследований для реалистичного понимания природы коммунистического режима, его сути. И тут для исследования биографии Всеволода Балицкого, который с небольшим перерывом работал в Украине на руководящих чекистских постах с 1919 до 1937 года, открывались широкие возможности.

Работу с фактическим и архивным материалом мы считали исключительно важной. В первую очередь речь идет об Отраслевом государственном архиве Службы безопасности Украины в Киеве и многих его региональных филиалах. При написании книги широко использовали документы Центрального государственного архива общественных объединений Украины (бывший Партийный архив), Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Опирались также на ставшие доступными документы других архивохранилищ Украины и России, использовали материалы и сведения, любезно предоставленные нам отдельными исследователями, о чем указывается в сносках.

Еще об одной особенности этой книги считаем необходимым сказать особо. Мы стремились максимально контекстуализировать деятельность Всеволода Балицкого, показать, как те или иные его действия были связаны с общей политической и экономической ситуацией в тогдашней коммунистической России и в Украине, с теми

политическими поворотами, которые влияли на судьбы миллионов людей в Советском Союзе.

Сочли необходимым максимально подробно рассказать о коллегах и подчиненных Всеволода Балицкого. Ведь он действовал не один. Рядом были те, кто уважал и ненавидел его, кто выполнял и определял направления действий. Такой взгляд на работу спецслужбы позволяет не только контрастнее оттенить, выразительнее показать значение и роль самого Балицкого, но и глубже понять, что деятельность специфических структур, подобных ЧК-ГПУ-НКВД, не зависит только от воли шефа, а является следствием коллективных усилий. А в коллективе, группе, даже и корпоративной, как известно, далеко не все могут думать одинаково. Вот почему в этой книге вы найдете портреты людей из окружения Всеволода Балицкого. Не знаем, как в России, но в Украине исследователи не часто «собирают» их под одной обложкой. Надеемся, что издание будет полезно и интересно читателям, интересующимся периодом, о котором пойдет речь.

Выражаем искреннюю благодарность всем, кто помогал нам в подготовке книги к изданию, в частности Светлане Набок и Олесе Мандебуре.

ГЛАВА 1

ВОСХОЖДЕНИЕ (1892–1923)

Всеволод Аполлонович (во всех тогдашних документах писалось «Апполонович». – *Прим. авт.*) Балицкий родился в ноябре 1892 г. в городе Верхнеднепровске – уездном центре Екатеринославской губернии (ныне райцентр Днепропетровской области, Украина)[1]. В одной из газетных публикаций времен перестройки была названа и точная дата его рождения – 27 ноября[2], но подтвердить ее документально пока не удалось.

Апполон Иванович Балицкий работал помощником бухгалтера в Верхнеднепровском уездном казначействе и имел чин коллежского регистратора[3] – низшего гражданского чина XIV класса в Табели о рангах Российской империи[4].

Как долго прожили Балицкие в Верхнеднепровске, не установлено, но в 1894 г. Апполон Иванович еще числился в той же должности на той же работе[5]. Известно только, что юность нашего героя прошла в другом уездном центре Екатеринославской губернии – Луганске, где его отец работал помощником бухгалтера на местном патронном заводе. Поскольку Луганский патронный завод был открыт в 1895 г., можно предположить, что Балицкие перебрались в город в конце XIX в. Позднее сам Всеволод Балицкий писал, что его семья никако-

---

[1] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (далее – ЦГАВОУ). Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[2] Усенко І., Сидоренко О. Біля витоків. Сторінки історії органів держбезпеки України // Вечірній Київ. 1989. 10 січня.

[3] Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на 1889 год. Екатеринослав: Екатеринославский губернский статистический комитет, 1889. С. 589.

[4] Леонтьева Г. А., Шорин П. А., Кобрин В. Б. Ключи к тайнам Клио. М., Просвещение,1994. С. 269.

[5] Памятная книжка и адрес-календарь Екатеринославской губернии на 1894 год. Екатеринослав: Екатеринославский губернский статистический комитет, 1894. С. 122.

го «имущества не имела», что он «жил после 17 лет на собственный заработок»[1] и там же, в Луганске, «впервые познакомился с революционным движением»[2].

Впрочем, в разные годы он по-разному освещал отдельные эпизоды собственной биографии. Так, в «Автобиографичной анкете члена Всеукраинского ЦИК Советов» в январе в 1922 г. Балицкий указал свою национальность – русский[3]. Русским записан и в «Послужном списке для лиц, состоящих на службе в органах ГПУ», датированном 1927 г.[4] Однако позже во всех личных документах значился уже украинцем[5], а после ареста в 1937 г. опять указал, что он русский[6].

Фамилия Балицкий (в Украине ее произносят с ударением на первом слоге) довольно распространена среди украинского и польского населения Центральной и Западной Украины. Существует версия, что происходит она от названия ручья Балыкив – притока Днепра и Десны. Фамилия довольно древняя – в реестре войска Богдана Хмельницкого за 1649 г. встречаем шесть казаков Балицких.

Свое социальное происхождение Балицкий обычно обозначал так: «из служащих»[7] или «из интеллигентов»[8], хотя Г. К. Герекке, знавший его с юности по Луганску, позднее утверждал, что Балицкий был дворянином[9].

В Луганске Всеволод познакомился с гимназисткой Людмилой Александровной Четверяковой, которая была младше его на два года. С тех пор он стал частым гостем в семье бухгалтера земской управы Ивана Васильевича Проворного, пребывавшего в гражданском браке с мамой Людмилы – Марией Васильевной[10].

По окончании восьми классов гимназии Всеволод Балицкий в 1912 г. без государственных экзаменов поступает на юридический факультет Московского государственного университета[11]. Ни

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[2] Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. В. А. Балицький. На шляху до правди про нього // Український історичний журнал. 1993. № 4–6. С. 50.

[3] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[4] Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины (далее – ОГА СБУ). Харьков. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161.

[5] Центральный государственный архив общественных объединений Украины (далее – ЦГАООУ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 354. Л. 21.

[6] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 3. Л. 308.

[7] Там же. Л. 308.

[8] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[9] ОГА СБУ. Харьков. Д. 031106. Л. 42.

[10] Там же. Л. 71.

[11] Государственный архив Харьковской области (далее – ГАХО). Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161об.

в одном из известных нам документов нет данных, хотя бы косвенно подтверждающих заявление членов общества изучения истории отечественных спецслужб российских историков спецслужб В. К. Былинина, А. А. Здановича и В. Н. Коротаева о том, что он «поступил в Киевский политехнический институт», а затем «перевелся в Варшавский политехникум»[1].

Вызывает большое сомнение и утверждение других членов этого же общества В. Ю. Воронова и А. И. Шишкина, что Балицкий «с 1912 г. состоял в Союзе Русского народа»[2]. О черносотенной молодости Балицкого писали без ссылок на архивные источники и некоторые украинские историки. Например, В. И. Семененко, а за ним И. И. Винниченко и Ф. З. Зинько заявляют: во время выборов в ВУЦИК в 1921 г. один из бахмутских рабочих рассказал, что в молодости Балицкий принимал участие в Луганской черносотенной организации «Союз русского народа», поэтому он и выступил открыто против его кандидатуры. Однако скандала не случилось, поскольку из Москвы поступило указание «закрыть» этот вопрос. А сам заместитель председателя ВУЧК якобы приказал донецким чекистам: «Немедленно проведите расследование о прошлом того мерзавца, который дал мне отвод, и пришейте ему контрреволюцию». А критикана вроде бы расстреляли. О «черносотенце» Балицком узнал Сталин, заявивший, что «это – способный жандармский генерал. Мы его используем»[3].

Пока не удалось отыскать никаких документов, подтверждающих упомянутую версию. Но можно точно утверждать: после ареста Балицкого в 1937 г. его обвинили во многих грехах, но никаких упреков в юдофобии и черносотенном прошлом не было. Да и разве можно обвинять в антисемитизме человека, подавляющее большинство ближайшего окружения которого составляли евреи? Хотя Владимир Вольский-Вольмир, учившийся с Балицким в Луганской мужской казенной гимназии и служивший в царской армии, вспоминал о вы-

---

[1] Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 3. М.: Кучково поле, 2007. С. 401.

[2] Воронов В. Ю., Шишкин А. И. НКВД СССР: структура, руководящий состав, форма одежды, знаки различия 1934–1937 гг. М.: Русская Разведка, 2005. С. 253.

[3] Семененко В. И. Слепая верность: из истории всеукраинской ЧК // Провинциальная ЧеКа. Харьков, 1994. С. 16 17; Винниченко І. І. Україна 1920–1980-х: депортації, заслання, вислання. Киев, 1994. С. 15; Семененко В. І. Історія Східної України. Поновлення кайданів (1917–1922 роки). Х., 1995. С. 252; Зинько Ф. З. Кое-что из истории Одесской ЧК. Одесса, 1998. С. 112.

сокомерии и пренебрежительном отношении будущего наркома внутренних дел УССР к гимназистам-евреям, но о его причастности к черносотенцам – никогда и ничего[1]. А упомянутых выше авторов, скорее всего, ввел в заблуждение видный черносотенец, приват-доцент Лев Алексеевич Балицкий – однофамилец нашего героя.

Обучаясь в Московском университете, Балицкий параллельно как вольный слушатель учится в Лазаревском институте восточных языков, размещавшемся в Армянском переулке, дом 2. Это учебное заведение было основано 10 мая 1814 г. на средства армянина Е. Л. Лазарева. С 1879 г. институт имел статус государственного учебного заведения и находился в ведении Министерства народного просвещения. В слушатели принимали по аттестату зрелости выпускников всех российских гимназий. Срок учебы – 3 года, ежедневно студенты прослушивали 6–7 лекций по арабскому, персидскому и турецко-татарскому языкам, истории Востока и русской словесности. Для лиц, которые параллельно изучали юридические науки, устанавливался срок учебы в четыре года. Выпускники Лазаревского института восточных языков, как правило, работали по линии Министерства иностранных дел России на Ближнем Востоке[2]. Следовательно, вполне вероятно, что Всеволод Балицкий в молодости мечтал о карьере дипломата.

Впрочем, особых успехов в овладении иностранными языками он, судя по всему, не достиг. И если в середине 1920-х гг. писал, что плохо говорит по-украински, читает по-французски и по-немецки и плохо пишет по-персидски[3], то позже оценивал свои филологические способности куда как скромнее. Так, в одной из служебных анкет сотрудника ОГПУ он указал:

«1. Какой национальности – украинец.

2. Какой язык считает родным – русский.

3. Какими другими языками владеет – никакими».

В какой степени Балицкий владел украинским языком, неизвестно. В анкете делегата XII съезда КП(б)У в 1934 г. на вопрос: «Знаете ли украинский язык (подчеркните: пишите, читаете, говорите, выступаете)» – он дал такой «конкретный» ответ: «Знаю»[4].

---

[1] Отметим при этом, что В. Л. Вольский-Вольмир, еврей по национальности, в своих воспоминаниях продемонстрировал однозначное и весьма негативное отношение к Балицкому Воспоминания Владимира Львовича Вольского-Вольмира в записи его племянника В. Баранова. Личный архив В. А. Золотарёва.

[2] Энциклопедический словарь русского библиографического института ГРАНАТ. М., 1936. Т. 26. С. 375.

[3] ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161об.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 354. Л. 21.

Именно в Москве Всеволод Балицкий приобщился к студенческим революционным кружкам. В 1913 г. он становится членом РСДРП (меньшевиков)[1]. Факт его пребывания в меньшевистской партии позже старательно скрывался в официальных биографиях для массового читателя[2]. И когда в 1936 г. наркомвнудел УССР обнаружил, что в его биографии, напечатанной на обложках тетрадей для рядовых пограничников, указывалось, что в юности он состоял «в объединенной РСДРП(б)», то возмущению его не было предела[3]. Но в своих партийных и служебных документах собственное меньшевистское прошлое Всеволод Балицкий никогда не скрывал, ведь на то время это был достаточно распространенный «грех» среди партийной и чекистской номенклатуры.

В рядах меньшевиков он находился два года, а в 1915 г. присоединился к большевикам. Что побудило его изменить своим политическим идеалам и где именно это случилось, сказать трудно, поскольку осенью 1915 г. Балицкий был мобилизован в армию[4]. В своей автобиографии он так писал: «Как студент был направлен в Тифлисскую школу прапорщиков»[5].

С началом 1-й мировой войны в Российской империи для пополнения больших потерь среди офицерского состава армии открыты краткосрочные военно-учебные заведения для подготовки офицеров военного времени – прапорщиков, учеба в которых длилась три–четыре месяца (специальные – полгода, кавалерийские – год). Выпускники этих заведений не пользовались правами кадровых офицеров, им не предоставлялись чины штаб-офицеров. После демобилизации армии они подлежали освобождению в запас. Комплектовались школы прапорщиков из лиц с высшим и средним образованием, студентов, лиц, имевших образование в пределах уездного или высшего начального училища[6].

В годы Первой мировой войны в Тифлисе действовали 1-я, 2-я и 3-я школа подготовки прапорщиков пехоты при запасной пехотной бригаде, а также 4-я Тифлисская школа прапорщиков пехоты. В какой из них учился Всеволод Балицкий, неизвестно.

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Арк. 3 об; ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161.

[2] Большая Советская Энциклопедия. М., 1926. Т. 4. С. 495; Вісті ЦВК УСРР // 1935. 29 листопада.

[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539-ФП. Л. 204.

[4] ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161об.

[5] Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. В. А. Балицький. На шляху до правди про нього // Український історичний журнал. 1993. № 4–6. С. 50.

[6] Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Воениздат,1993. С. 145.

В своей автобиографии Балицкий писал, что по окончании школы прапорщиков он был «как политически неблагонадежный направлен на Кавказский, а затем на Персидский фронт. С начала февральской революции руководил революционным движением среди солдат старой царской армии. Был избран председателем полкового комитета 114 пехотного запасного полка и председателем гарнизонного совета солдатских депутатов города Тавриза (Персия). Одновременно вел партийную работу среди русской колонии и персидской бедноты города Тавриза»[1].

Здесь стоит уточнить: председателем гарнизонного совета солдатских депутатов в Тавризе (ныне город Тебриз в Иране. – *Прим. авт.*) он был в октябре 1917 г. – марте 1918 г., а перед этим – товарищем (заместителем) председателя гарнизонного совета офицера Гамбарова и председателем полкового комитета. За революционную деятельность был арестован и провел два месяца в тюрьме 7-го Кавказского корпуса[2].

Подробности ареста Балицкого неизвестны, но начальник штаба Кавказского военного округа на театре военных действий в своем сообщении от 23 апреля 1917 г. за № 2647 предупреждал руководство Тифлисского гарнизона о «провокаторской деятельности среди солдат 281 пехотного запасного полка и всего Эриванского гарнизона»[3] подпоручика 281 пехотного запасного полка Иванова и младшего унтер-офицера 12 роты того же полка Балицкого.

После освобождения короткое время занимал пост председателя товарищеского суда[4]. Позже Балицкий вспоминал, как служил в военном трибунале в Персии и спасал от смертных приговоров рядовых солдат, а если ему это не удавалось, то у него от отчаяния сердце кровью обливалось[5].

Следует отметить, что 14 февраля 1966 г. Центральный государственный военно-исторический архив СССР подготовил справку, адресованную КГБ УССР, в которой указывалось, что «подтвердить службу Балицкого Всеволода Апполоновича в составе 281 пехотного запасного полка в 1917 г. не представляется возможным, т. к. материалов указанного полка за это время нет»[6]. Зато, по некоторым вызы-

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 17.

[2] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[3] ОГА СБУ. Киев, Ф. 13, Д. 408, Т. 3, Л. 51.

[4] ЦГАВОУУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[5] Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. К.: Perlit production ltd, 1994. С. 174.

[6] ОГА СБУ, Киев, Ф. 13, Д. 408, Т. 3, Л. 52.

вающим сомнение данным, во время войны он «за проявленную храбрость награждался орденами Анны 4-й и 3-й степени и Станислава 4-й степени»[1].

Скупые сведения про работу Всеволода Балицкого в Тавризе находим в автобиографии члена ВКП(б) с 1912 г. Я. П. Кузнецова, возглавлявшего в 1921 г. Харьковскую губернскую милицию: «В 1914 г. был призван на военную службу и назначен в пехоту на Кавказ в г. Эривань. В 1915 году был в бою под г. Сорокомышем и в конце 1916 года был наш полк переведен в Персию в г. Тавриз, где и оставался до Февральской революции 1917 года, в таковой я принял самое активное участие среди войск, было разогнано все начальство полка как контрреволюционный элемент. Там же был избран в совет от полка и в гарнизонный исполком вместе с товарищем Балицким и Гамбаровым принимал участие в организации СДРП среди персидского населения»[2].

Сохранилось удостоверение, которое 23 января в 1918 г. подписал председатель Исполнительного комитета Тавризкого Совета солдатских депутатов и представителей граждан В. А. Балицкий: «Дано сие прапорщику Чирскому в том, что он, как член президиума Исполнительного Комитета Тавризского Совета солдатских депутатов, состоял наблюдателем за Тавризской полицией, причем в выполнении своих обязанностей проявил большую энергию, настойчивость, неуклонно стремясь к поддержанию порядка в гарнизоне, который находился в исключительных условиях из-за пребывания в чужеземном городе»[3].

Пройдет двадцать лет, и на допросе арестованный начальник украинского совета «Динамо» полковник Роман Антонович Чирский «сознается» следователю, начальнику 3-го отделения 2-го (оперативного) отдела УГБ НКВД УССР лейтенанту государственной безопасности С. Г. Колесову, что «в 114-м полку нам удалось при выборах в полковой комитет провести председателем Тавризского совета солдатских и казачьих депутатов офицера Гамбарова, председателем полкового комитета – Балицкого, секретарем – Чирского. После Октябрьского переворота власть в той местности, где мы находились, перешла к иранцам. Мы (Члены Тавризского совета. – *Прим. авт.*),

---

[1] См.: Былинин В. К., Зданович А. А., Коротаев В. И. Организация «Прометей» и «прометеевское» движение в планах польской разведки по развалу России/СССР // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М.: Кучково поле, 2007. Т. 3. С. 401.

[2] ГАХО. ФП Р 203. Оп. 1. Д. 409. Л. 24.

[3] ОГА СБУ. Киев. Д. 44414 ФП. Л. 128.

боясь роста революционных настроений в гарнизоне, по указанию русского консула вошли в секретное соглашение с иранским генерал-губернатором и при его содействии разоружили большую часть гарнизона. Все военное снаряжение было передано местным иранским войскам в начале эвакуации русских войск. Из Ирана мы прибыли в Тифлис, где власть находилась в руках меньшевиков. Затем город был захвачен немцами. Там я и расстался с Балицким»[1].

В 1918 г., при отступлении русской армии из Персии, Балицкий находился в Закавказье на партийной работе. В частности, в апреле–июле был членом партийного комитета и членом партийного бюро РСДРП(б) Гурии и Мингрелии, где его арестовали грузинские меньшевики и продержали полтора месяца в Кутаисской тюрьме[2].

О последующих этапах своей жизни сам Всеволод Балицкий вспоминал так: «Потом был отправлен Кавказским Краевым Комитетом в Москву. По пути арестовывался немцами и Центральной Радой (войсками гетмана Павла Скоропадского или Директории, а не Украинской Центральной Рады, которой в ту пору уже не существовало. – *Прим. авт.*), но убежал из-под ареста. В Харькове ЦК КП(б)У оставлен для работы на Украине. Начиная с 1919 года, работаю все время на Украине, за исключением нескольких месяцев работы в Москве»[3].

Свою деятельность в Киеве Балицкий, имевший в партийных кругах псевдоним «Всеволод», начал в январе в 1919 г. как «особоуполномоченный Украинской Республики»[4]. В том же месяце решением ЦК КП(б)У был откомандирован во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию (ВУЧК), испытывавшую большие проблемы с кадрами.

Официально ВУЧК была создана декретом Временного рабоче-крестьянского правительства Украины 3 декабря 1918 г. для планомерной борьбы с «контрреволюцией, спекуляцией, саботажем и преступлениями по должности», а председателем ВУЧК был утвержден член ЦК КП(б)У И. И. Шварц (Семен), его заместителями – Ф. И. Николаенко и Корочаев[5]. Сам же Шварц (Семен) позд-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 44414 ФП. Л. 25–26.

[2] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3.

[3] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 18–19.

[4] ГАХО. ФР-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 161об.

[5] См.: Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия (1918–1922) / под ред. Н. М. Голушко. 2-е изд., перераб. и доп. Харьков: Основа, 1990. С. 37.

нее писал, что «ВУЧК зародилось еще в ноябре 1918 года в городе Курске, в вагоне т. Шварца, в период нахождения украинского ревкома на колесах. В тоже время шла вербовка людей для ВУЧК и собирались сведения об украинских белогвардейцах»[1]. Интересно, что в 1923 г. председатель ГПУ УССР В. Н. Манцев называл датой образования ВУЧК 28 января 1919 г.[2]

Формально основными направлениями работы чекистских подразделений были: сбор информационных сведений, которые могли влиять на политическую жизнь, но главным образом об отношении разных категорий населения к политике, осуществляемой коммунистическим режимом; тщательный контроль за оппозиционными партиями, антикоммунистическими элементами в целях ликвидации противников режима; недопущение мятежей, восстаний, любых оппозиционных выступлений; борьба с саботажем, спекуляцией, должностными преступлениями; борьба с бандитизмом в разных формах; борьба с преступлениями в экономической сфере.

Основатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский подчеркивал: «ЧК должна быть органом Центрального Комитета, иначе она вредна, тогда она выродится в охранку или орган контрреволюции»[3]. В феврале 1919 г. ЦК РКП(б) отмечал, что «ЧК созданы, существуют и работают **лишь как прямые органы партии** (подчеркнуто нами. – *Прим. авт.*), по ее директивам и под ее контролем»[4]. Таким образом, с самого начала поставленные партией в исключительное положение, органы ЧК-ГПУ как бы получили «индульгенцию» за свои явные и эвентуальные «грехи». Сохранилось чрезвычайно много документов, которые подтверждают и ярко иллюстрируют многоаспектность и обоюдную пользу партийно-чекистского «тандема».

Особо следует подчеркнуть, что органы безопасности в Украине всегда действовали под жестким контролем центра, что собственно и делало их послушным орудием в руках московского руководства. А об отношении в то время украинского населения к ЧК красноречиво свидетельствует, например, справка о состоянии дел в Киевской губернии от 15 мая в 1919 г., поступившая председателю Реввоенсовета РСФСР Л. Д. Троцкому: «Уманский уезд. По всему уезду антисемитская агитация... Сотрудники ЧК – евреи, пойманные населением, расстреливаются...

---

[1] Шварц И. И. Начало работы // Коммунист (Харьков). 1923. 11 февраля.

[2] Общее собрание Петинского района // Там же. 1923. 6 февраля.

[3] Цит. по: Маймескулов Л. Н., Рогожин А. И., Сташис В. В. Всеукраинская чрезвычайная комиссия, 1918–1922 гг. С. 94.

[4] Там же. С. 95.

Бердичевский уезд. Проезжающие через город части, бесчинствуют. Идут погромы под лозунгом: “Бей жидов, громи ЧК, – они враги наши”.

Васильковский уезд являет собой гнездо бандитов, контрреволюционеров, и разной другой дряни. Беспрерывные восстания, грабежи и убийства, неоднократный разгон ЧК. В одном случае был убит бандитами почти весь состав коллегии и сотрудников ЧК...»[1]

Приведем еще несколько примеров. Председателем Константинградской уездной ЧК Полтавской губернии работал местный пьяница А. Черненко, использующий свое служебное положение для личного обогащения. Он забирал и присваивал у арестованных деньги и драгоценности, издевался над людьми. Такими же были и его подчиненные. В начале февраля 1919 г. в состав Константинградского ревкома входили и представители партии боротьбистов. Для их устранения от власти коммунисты воспользовались самоубийством председателя ревкома – коммуниста, обвинив в этом боротьбистов.

В ночь на 14 февраля по приказу уездного комитета КП(б)У чекисты арестовали боротьбистов Котлика, Чуба и Шило, тайно убили их и, чтобы спрятать следы преступлений, бросили в речку под лед. Скоро бесследно исчезли и коммунисты Олешко и Кузьменко, которые были не согласны с бандитскими действиями местной власти. Разбой константинградских чекистов вызвал искреннее возмущение жителей Константинграда (ныне город Красноград Харьковской области) и уезда. Восстали красногвардейцы местного гарнизона, требуя суда над преступниками. Их выступление было подавлено, но власть не могла не реагировать на действия константинградских чекистов. По постановлению Полтавской губернской ЧК А. Черненко и его подчиненный С. Шах были расстреляны[2].

Отметим, что тайные расстрелы политических оппонентов – обычная практика большевиков. И. П. Габинский (Каляев), возглавлявший весной 1919 г. уездное политбюро (ЧК) в городе Каневе Киевской губернии, на страницах журнала «Летопись революции» писал о том, как за подготовку восстания по решению уездного ревкома он расстрелял Ю. С. Хрусталёва-Носаря, председателя Петербургского Совета рабочих депутатов в 1905 г., а также его родного брата Е. С. Носаря и фельдшера Волкового. Двух последних тайно отвели на днепровский мост, расстреляли и бросили в воду

---

[1] Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. М.: Новости, 1992. Кн. 1. С. 283–284.

[2] См.: Ровегук В. Я. За волю України. Нариси повстансько-партизанської боротьби на Полтавщині в 1917–1923 рр. Полтава, 2007. С. 238.

в 4 ч утра 10 мая. Самого же Хрусталёва-Носаря убили в 2 ч ночи 11 мая в комнате бывшей гостиницы Симонова в Переяславе (ныне город Переяслав-Хмельницкий Киевской области). После расстрела его труп вынесли на руках, отвезли на мост и бросили в Днепр. «Так Носарь за преступление против власти рабочих и крестьян получил вполне заслуженное свидание с братом, – цинично писал бывший чекист. – Через неделю в Днепре всплыл труп, завернутый в ковер... Придя на берег, мы лично убедились, что прибитый днепровским течением труп, это труп этого же злосчастного неудачника контрреволюционера Носаря Юрия Степановича: большая фигура, зашитая в ковер, два ряда золотых зубов. Не желая, чтобы во время перевозки в город кто-нибудь узнал, мы тут же на берегу в песок труп Носаря закопали»[1].

Н. А. Авраменко, проживавший в то время в Каневе и лично знавший Габинского, позднее вспоминал, что чекист хвастался ему тем, что расстрелял Ю. С. Хрусталёва-Носаря по личному распоряжению Л. Д. Троцкого[2]. Поскольку Авраменко с 1920 г. был в эмиграции, то маловероятно, чтобы он был знаком с воспоминаниями Габинского, напечатанными в Харькове в 1931 г. Последний же в то время писать о том, что выполнял волю некогда всесильного Председателя Реввоенсовета уже не мог.

21 мая 1919 г. Полтавский губернский ревтрибунал возбудил уголовное дело против заведующего Секретно-оперативным отделом Полтавской губернской ЧК Житомирского и чекистов Томаса, Иващенко и Романова по обвинению в преступных действиях, взяточничестве и провокациях. Во время суда обнаружились вопиющие факты коррупции и бандитизма, но приговор был чисто символическим: Житомирского и Томаса осудили условно на 5 и 3 года соответственно[3].

13 июля 1919 г. чекисты арестовали на железнодорожной станции Полтава несколько красногвардейцев 8-го полка 46-й стрелковой дивизии за погромную агитацию и грабежи. Красногвардейцы 8-го полка с этим не смирились, избрали 20 делегатов и направили их в ЧК с просьбой отпустить арестованных товарищей в связи с объявленной амнистией, но получили отказ. Тогда солдаты кинулись к вагону

---

[1] Габінський (Каляєв) І. П. До розстрілу колишнього голови Петербурзької Ради Робітничих Депутатів 1905 р. Ю. С. Хрустальова-Носаря // Літопис революції. 1931. № 4. С. 121–123.

[2] Авраменко Н. Спомини запорожця. К.: Темпора, 2007. С. 285.

[3] Ровегук В. Я. За волю України. Нариси повстансько-партизанської боротьби на Полтавщині в 1917–1923 рр. С. 240.

с арестованными, освободили их, а далее направились в транспортное отделение ЧК, разогнали сотрудников, забрали оружие и двинулись к зданию губернской ЧК, располагавшемуся по улице Килинской.

Подойдя к нему, они обстреляли его, ворвались в помещение, где учинили настоящий погром – двери и мебель в комнатах поломали, ценное имущество и оружие изъяли, дела и документы уничтожили. Чекисты в панике разбежались, в руки повстанцев попали только двое – Певзнер и Рабинович, которых красногвардейцы потащили с собой на вокзал. По дороге Рабиновичу удалось бежать, а Певзнера солдаты затащили с собой в поезд и по дороге убили[1].

Ссылаясь на этот инцидент, Полтавский губисполком решил вместо ЧК создать Оперативно-административный отдел губисполкома, сотрудники которого лишались права внесудебных репрессий, а могли заниматься лишь розыскной и следственной работой. Контроль за ними должен был осуществлять Юридический отдел губисполкома[2].

Следует отметить, что взаимоотношения между частями Красной Армии и ЧК в то время в Украине были довольно напряженными. По свидетельству белогвардейского разведчика полковника А. М. Двигубского, внедрившегося в штаб Украинского фронта, сам командующий В. А. Антонов-Овсеенко «не переваривал чрезвычаек, называя их “черезчурками”»[3].

Недовольство действиями чекистов выражал и еще один красный герой Гражданской войны, командир Таращанской бригады В. Н. Боженко. Он послал командиру 44-й стрелковой дивизии телеграмму следующего содержания: «Жена моя социалистка 23 лет. Убила ее ЧЕКА г. Киева. Срочно телеграфируйте расследовать о ее смерти, дайте ответ через три дня, выступим для расправы с ЧЕКОЙ, дайте ответ, иначе не переживу. Арестовано 44 буржуя, уничтожена будет ЧЕКА». Только уговоры члена Реввоенсовета Украинского фронта В. П. Затонского удержали Боженко от похода на Киев[4].

Кстати, назвать Василия Назаровича Боженко антикоммунистом или просто критиком большевиков в Украине весьма сложно. Недаром уже упомянутый Владимир Петрович Затонский писал, что

---

[1] Органи державної безпеки на Полтавщині. (1919–1991) Полтава: АСМІ, 2005. С. 18.

[2] Ровегук В. Я. За волю України. Нариси повстансько-партизанської боротьби на Полтавщині в 1917–1923 рр. С. 240–241.

[3] Двигубский А. М. Отчет о деятельности Харьковского разведывательного центра. Харьков: Рейдер, 2007. С. 32.

[4] Антонов-Овсеенко В. А. Записки о гражданской войне М.; Л., 1934. Т. 4. С. 163.

Боженко, хотя до конца жизни так и не научился как следует говорить по-русски (это, кстати, очень точно отразил в своем знаменитом фильме «Щорс» Александр Довженко), чрезвычайно враждебно относился ко всему украинскому. И когда одна из бродячих театральных трупп обратилась к нему с просьбой сыграть для красноармейцев пьесу из украинской классики, то Боженко оставил на этом письме резолюцию: «Играть я разрешу, только не на контрреволюционном языке!»[1] . Бывший член ревтрибунала Таращанской бригады Георгий Кондратьев вспоминал, что Боженко «иногда... расправлялся с преступниками самостоятельно: бил терпеливо ручкой нагана по голове виновного с криком: “Стерва, в мать, в бога, позоришь революцию”. После минутного упражнения наганом череп не выдерживал, и человек падал замертво. Тяжелая рука была у батьки Боженко. В таких условиях приходилось проводить революционную законность и понятия военной централизации»[2].

Возмущение населения можно понять, ведь многочисленные преступления украинских чекистов признавал даже сам В. И. Ленин, который в записке к председателю ВУЧК М. И. Лациса 4 июня в 1919 г. отмечал: «Каменев говорит – и заявляет, что несколько виднейших чекистов подтверждают, – что на Украине Чека принесли тьму зла, будучи созданы слишком рано и впустив в себя массу примазавшихся»[3].

Эта записка являлась ответом вождя мирового пролетариата на письмо тогдашнего главного «украинского» чекиста, которое никогда в советское время в полном объеме не печаталось[4]. Мартин Лацис жаловался, что органы госбезопасности не из кого строить, что в Украине собрались те из работников, которых «выбрасывали в Москве как малоспособных и малонадежных», отмечая, что по сравнению с другими советскими органами в ВУЧК втрое больший процент коммунистов[5].

Трудно восстановить в деталях первые шаги Всеволода Балицкого по карьерной лестнице в ВУЧК из-за отсутствия соответствующих документов в архивах. Точно известно, что на 21 февраля 1919 г. он занимал должность заведующего инструкторским подотделом

---

[1] Затонский В. П. Национальные проблемы на Украине. Харьков, 1926. С. 55.

[2] Кузнецова С. «Бил терпеливо ручкой нагана по голове» // Коммерсант. Власть. 2010. 22 ноября.

[3] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М., 1975. Т. 50. С. 338.

[4] В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 213.

[5] Кокурин А., Петров Н. ВЧК (1917–1922) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 106.

Иногороднего отдела ВУЧК. Известно также, что в 1919 г. он заведовал инструкторским, иногородним, юридическим и секретно-оперативным отделами[1].

Отметим, что Инструкторский отдел ВУЧК отвечал за работу с местными органами ЧК[2]; Иногородний поддерживал связь со Всероссийской чрезвычайной комиссией (ВЧК) и местными органами ВУЧК, должен был бороться с «контрреволюцией» на железных дорогах, занимался проведением инспекций и сбором сообщений; Юридический руководил всеми следственными делами ВУЧК, проводил следствие по контрреволюционным делам, должностным преступлениям, спекуляции, преступлениях на железных дорогах; Секретно-оперативный отдел занимался охраной «революционного порядка», обеспечивал предотвращение и уничтожение любых «контрреволюционных проявлений»[3]. В некоторых документах указывалось, что до сентября 1919 г. Балицкий заведовал секретариатом ВУЧК[4].

Балицкий входил в состав Инспекции НКВД УССР. Сохранился мандат, который удостоверял серьезные полномочия этой структуры: «Мандат. Выданный Инспекции Комиссариата Внутренних дел в составе товарищей:

1) Балицкий Всеволод Аполлонович,

2) Буцик Павел Евстахиевич,

3) Вальтер Петр Петрович,

4) Иванов Владимир Иванович,

5) Катюшкин Федор Прокофьевич,

6) Реденс Станислав Францевич,

которая имеет право:

1) осуществлять ревизию деятельности отделов Управления и Коммунального и выдавать общие указания,

2) выступать на заседаниях Исполкомов и отделов от имени Народного Комиссариата Внутренних Дел и вносить предложения о смещении ответственных лиц,

3) принимать жалобы и заявления на действия представителей местной власти,

4) принимать меры для организации школ советских работников,

---

[1] ГАХО. ФР-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 162.

[2] Кокурин А. И., Петров Н. В. ВЧК (1917–1922) // Свободная мысль. 1998. № 6. С. 106.

[3] ВЧК-ГПУ / сост. Ю. Фельштинский. Benson (Vermont), 1989. С. 7–12.

[4] Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. С. 99.

5) намечать кандидатуры корреспондентов Народн[ого] Комиссар[иата] Внутр[енних] Дел и представлять на утверждение Исполкомов и Наркомвнудел,

6) привлекать ответственных работников для работы в центре,

7) обследовать партийную работу местных организаций и

8) пользоваться прямым проводом»[1].

Приходилось Всеволоду Балицкому также выезжать в губернии. О результате одной из таких поездок 18 июля 1919 г. Отдел особых сообщений Совета Народных Комиссаров (СНК) УССР сообщал в Москву: «Член инспекции комвнудел (Комиссариата внутренних дел. – *Прим. авт.*) и ЧК т. Балицкий, который приехал из Одессы, сообщает следующее. Бандитизм в Одессе развивается легально. Рассадником бандитизма является полк известного бандита Мишки Япончика, численностью 2400 человек. Санкция на образование полка была дана местным Советом обороны. Политкомом полка назначен анархист Фельдман. Несмотря на многократные, в течение 4 недель заверения Япончика, что полк выступит на позиции, последней до сих пор находится в городе и творит бесчинства и грабежи. Местная ЧК и комендатура бессильны бороться с такой крупной и реальной силой, какую представляет этот полк. В последнее время между ЧК, комендатурой и полком установлено молчаливое соглашение»[2].

О главной цели этой поездки Балицкого в Одессу писал позднее в своей автобиографии Арнольд Аркадьевич Арнольдов (Кессельман), работавший в то время заместителем начальника Секретно-оперативной части Одесской губернской ЧК: «Принимал я также участие в красном терроре, который проводил... тов. Балицкий»[3].

Конечно, зачищал Одессу Всеволод Балицкий не по своей инициативе. Член Одесского губернского комитета КП(б)У Я. Б. Гамарник с трибуны съезда советов губернии торжественно заявлял: «Мы не должны останавливаться перед расстрелами... и мы будем массами, пачками расстреливать... И поэтому красный террор должен сейчас пойти по всему революционному фронту»[4].

В Одессе массовые казни «контрреволюционного элемента» происходили во дворе губернской ЧК на Екатерининской площа-

---

[1] ОГА СБУ. Киев, фонд печатных изданий (далее – ФПИ). Д. 408. Л. 552–552об.

[2] Капчинский О. Н., Кравец А. С. Мишка Япончик – король Молдаванки. М.: Детектив-Пресс, 2007. С. 107.

[3] Краткая автобиография нач. СОЧ Севастопольского окр. Отд. ГПУ Крыма Арнольдова-Кессельмана Арнольда (Авраама) Аркадьевича (Израилевича) от 19 апреля 1924 г. // Личный архив авторов.

[4] Шкляев И. Н. Мятеж // Акерманские хроники. Белгород-Днестровский, 1997. С. 54.

ди. Расстреливали в гараже до 50 арестованных за ночь. По воспоминаниям бывшего коменданта здания губернской ЧК Н. Л. Мера, расстрелами занимались практически все чекисты, дежурившие по ночам. Для этой цели заводили мотор грузовика, приговоренные раздевались донага, причем одежду сортировали на мужскую и женскую, верхнюю и нижнюю. Жертв партиями по 10–12 человек заводили в гараж, где комендантский взвод расстреливал несчастных[1].

Начальник оперативного отдела Одесской ЧК Михаил Моисеевич Вихман позднее с гордостью писал: «Лично мной были расстреляны военный министр Украинской Рады – Рагоза [А. Ф. Рогоза (Рагоза) в апреле–ноябре 1918 г. – военный министр Украинской державы. – *Прим. авт.*] и министр Коморный (В. В. Коморный в марте–мае 1918 г. – генерал-губернатор г. Одессы. – *Прим. авт.*) и еще много сотен врагов Советской власти расстреляны моей собственной рукой, точная цифра их записана на моем боевом маузере и боевом карабине»[2].

Сам Всеволод Балицкий был убежденным сторонником «красного террора», о чем красноречиво свидетельствуют не только действия, но и помыслы нашего героя. Они, в частности, выражены в его стихотворении, напечатанном в февральском номере «Известий Киевского комитета рабочих и крестьянских депутатов» за 1919 г.:

Мы дружно на бой поднялись,
И там, где недавно так весело
жилось,
Потоки крови полились.
Так что же? Пусть льется, не
будет пощады,
Ничто не спасет вас, ничто!

И пощады врагам не было. Член Коллегии ВУЧК Балицкий подписал немало смертных приговоров. Так, например, 13 августа 1919 г. Коллегия ВУЧК в составе М. И. Лациса, А. В. Шишкова, В. А. Балицкого и В. И. Витлицкого осудила на смерть польских подданных отца и сына Старж-Якубовских за попытку перейти линию фронта и вернуться на свою родину. Еще через несколько дней Коллегия ВУЧК под председательством М. И. Лациса и при участии Балицкого приговорила к смертной казни В. А. Жомпкевича[3].

---

[1] Шкляев И. Н. История Одесской губЧК. 1917–1922 гг. Одесса: Студия «Негоциант», 2002. С. 50.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 51645. Т. 2. Л. 224–225.

[3] Там же. Д. 51241. Л. 3.

На волнах красного террора по ступеням чекистской карьеры поднялось немало сотрудников, которые в дальнейшем принадлежали к ближайшему окружению Всеволода Балицкого. Так, с 15 мая по 15 июня 1919 г. главой комиссии по проведению красного террора в Киеве был Н. Л. Рубинштейн, а с 27 августа по 30 августа 1919 г. операцией по проведению «красного террора» во Владимирском районе Киева руководил А. Б. Розанов. Мы еще неоднократно вспомним об этих деятелях.

Кроме ВУЧК и Киевской губернской ЧК, «красный террор» осуществлял и Особый отдел (ОО) ВЧК XII армии, находившийся на Пушкинской улице. По воспоминаниям бывшего заместителя начальника этого отдела Ф. Т. Фомина, тогдашний начальник Н. Г. Грюнвальд буквально терроризировал киевлян. Рядом с его кабинетом было устроено что-то вроде буфета со спиртными напитками. Здесь особисты напивались до потери сознания. Пьяные, с мандатами на аресты и обыски за подписью Грюнвальда, они делали, что хотели. Кабинет начальника Особого отдела превратился в амбар, куда приносили драгоценности, изъятые во время обысков. Там их делили по желанию хозяина. Грюнвальд даже приказал расстрелять свою любовницу Чхеидзе, после того как она решила уйти от него[1].

Под непосредственным руководством Всеволода Балицкого Секретным отделом ВУЧК был раскрыт «грандиозный контрреволюционный заговор против Советской власти», центральной фигурой которого являлся бразильский консул граф Альберт Пирро. Вот как об этом официально сообщалось: «Вокруг него сгруппировалось все черное офицерство и представители буржуазного мира. В распоряжении организации имелись в достаточном количестве пулеметы, винтовки и прочее, и с каждым днем увеличивались запасы оружия для того, чтобы иметь возможность захватить все главные советские учреждения в свои руки и произвести переворот в Киеве. У некоторых из арестованных по делу найдены шифрованные записки, адресованные представителям англо-французских миссий. Многие буржуа обращались в консульство в целях принятия бразильского подданства, чтобы таким образом совершенно порвать с ненавистной им Советской властью.

Коллегия Всеукраинской Чрезвычайной комиссии, ознакомившись всесторонне с добытыми по этому делу следственными материалами, постановила нижеследующих лиц расстрелять и приговор привести в исполнение в 24 часа.

---

[1] Фомин Ф. Т. Записки старого чекиста. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 106–119.

1) Графа Альберта Павловича Пирро, 35 лет, представителя Бразильской республики при Советском правительстве Украины, при помощи которого была организована контрреволюционная организация, имевшая целью захватить власть в свои руки.

2) Альфредова Павла Прокофьевича, заведующего оружием первым киевских инженерных советских командных курсов, доставлявшего в консульство оружие и патроны, при посредстве Болховотинова, бывшего офицера, состоящего в личном конвое гетмана.

3) Митрофанова Ивана Ивановича, помощника заведующего учебной частью 2-х советских командных артиллерийских курсов, бывшего подполковника Генерального штаба, принимавшего активное участие в организации выступления.

4) Трифановского Георгия Михайловича, землевладельца, контрреволюционера, сознавшегося на допросе о том, что принимал все меры для того, чтобы избавиться от Советской власти.

5) Поплавскую Раису Леонидовну, служившую у консула в качестве сотрудницы, собирающуюся ехать во Францию для предупреждения Клемансо о том, что из России выезжает инкогнито группа коммунистов с агитационной целью. При обыске найдены шифрованные записки на имя англо-французских представителей в Константинополе.

В отношении остальных лиц, связанных с этой организацией следствие продолжается»[1].

Мы не случайно привели это сообщение ВУЧК, напечатанное во многих киевских газетах. Ведь многие современники из антибольшевистского лагеря, в том числе и известный историк, автор знаменитой книги «Красный террор в России» Сергей Мельгунов, считали бразильского консула агентом ВУЧК, который «конечно, не был расстрелян, ибо, как теперь известно, он был лишь провокатором»[2]. Видевших его людей голубоглазый блондин Пирро поражал балтийским акцентом, неумением обращаться с ножом и вилкой, явно не знакомым с консульской работой, а также странным покровительством, оказываемым ему советскими органами и ЧК. Консул, не имевший при себе никаких документов, расклеивал по всему городу обращения к киевлянам записываться в бразильское подданство. Новоиспеченных бразильцев просили передать кое-какие письма, которые после их ареста были объявлены «шпионскими шифровка-

---

[1] Красный Меч (Орган политотдела Особого корпуса войск ВУЧК, Киев). 1919. 18 августа. № 1; Вісті ВУЦВК. 1919. 15 августа.

[2] Мельгунов С. П. Красный террор в России 1918–1923. М.: PUICO; P. S, 1990. С. 180.

ми». Кстати, после ухода «красных» из Киева труп Пирро найден не был[1].

Действительно, абсолютно непонятно, как оказался летом 1919 г. в Киеве бразильский консул и как иностранного дипломата расстреляли чекисты? Ну а про «логичность» обвинения Р. Л. Поплавской говорить не приходится. Интересно, что в удостоверении, выданном ей А. Пирро, отмечалось, что Поплавская «на основании Международного права обыскам, аресту и реквизиции не подлежит без особого на то согласия Бразильского Консульства на Украине и обязательного присутствия одного из представителей последнего». Эта индульгенция не спасла несчастную от ареста 22 июля и расстрела 13 августа 1919 г. Следует также отметить, что по делу «грандиозного заговора» было арестовано аж семь человек. В настоящее время есть данные только о расстреле четырех человек, но Альберта Пирро среди них нет[2].

Параллельно с раскрытием «заговора бразильского консула» газеты сообщали еще об одном достижении Всеволода Балицкого и его подопечных. Секретным отделом ВУЧК были получены сведения о том, что «в одном из домов по Миллионной улице состоялось заседание петлюровцев, на котором был выработан план захватов мостов, прилегающих к Киеву, и решено совершить внутренний переворот путем ареста членов правительства. Для этой цели петлюровцы завели знакомство с одним из советских командиров, чтобы тот пошел им навстречу, т. е. предоставлял в их распоряжение достаточное количество войск, настроенных против коммуны». За участие в заговоре были расстреляны активные участники заговора крестьянин Г. Р. Квасец, учительница Н. С. Тананайко и студент политехнического института К. А. Корж. А вот руководителя организации, действовавшего под псевдонимом «Назар Стодоля», чекистам задержать не удалось[3] (как выяснилось позже, в действительности это был член ЦК Украинской партии социалистов-революционеров Назар Петренко).

26 августа 1919 г. в соответствии с постановлением Киевской губернской ЧК «для разбора дел арестованных заключенных в концентрационный лагерь» была назначена тройка в составе: председатель – В. А. Балицкий; члены – С. С. Шварц и А. М. Оя; секре-

---

[1] Виноградов А. Бойня // Новая интересная газета. Тайны истории. Киев, 2004. № 1. С. 6–7.

[2] Органи державної безпеки Київщини (1919 – 1991) у фотографіях і документах. Київ, 2004. С. 45.

[3] Известия ВУЦИК. 1919. 23 августа.

тарь – Павлова. В мандате, подписанном председателем Киевской губернской ЧК М. И. Лацисом, «означенной тройке предоставляются неограниченные полномочия в отношении вынесения о приговорах и приведении их в исполнение»[1].

После отступления из Киева 30 августа 1919 г. руководящий состав ВУЧК перебрался в Гомель, откуда сотрудники комендантского отдела отвезли в Москву заложников и драгоценности[2].

Гомельский укрепленный район с мощным железнодорожным узлом был расположен на рубеже Западного и Южного фронтов. После падения Киева он приобрел для красных исключительное стратегическое значение. Чтобы организовать оборону, сюда на так называемом поезде ВЧК прибыл член Коллегии ВЧК М. С. Кедров. На совещании при его участии, а также Я. Х. Петерса, М. И. Лациса, В. А. Балицкого, был создан Совет обороны укрепленного района и предложен ряд мероприятий по его удержанию, которые В. И. Ленин назвал «архисрочными»[3].

Документы и факты свидетельствуют, что главным средством для спасения, сохранения и укрепления своей власти большевики всегда считали прежде всего террор, который вместе с ЧК осуществляли военно-революционные трибуналы. О роли последних в наведении порядка красноречиво свидетельствовал Лев Троцкий в письме к Владимиру Ленину: «Полевые трибуналы приступили к работе. Проведены первые расстрелы дезертиров... Первые расстрелы уже произвели впечатление. Надеюсь, что перелом будет достигнут в короткий срок. Необходима дальнейшая посылка твердых работников»[4].

В. И. Ленин полностью разделял эту мысль и писал в письме к заместителю председателя ВЧК И. С. Уншлихту: «Гласность ревтрибуналов – не всегда; состав их усилить “вашими” людьми, усилить их связь (всяческую) с ВЧК; усилить быстроту и силу их репрессий... Малейшее усиление бандитизма и т. п. должно влечь военное положение и расстрелы на месте»[5].

Как видим, особенное внимание В. И. Ленин уделял поискам способных исполнителей. Так, еще 11 августа 1918 г. он телеграфировал в Пензу: «Повесить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше 100 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц... Сделать так,

---

[1] ОГА СБУ, Киев, Ф. 13, Д. 408, Т. 2, Л. 541.

[2] Там же. Ф. 12, Д. 3230, Л. 4.

[3] Ленинский сборник. М., 1970. Т. XXXVII. С. 272.

[4] Цит. по: Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. Кн. 1. С. 294.

[5] Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Т. 54. М., 1975. С. 144.

чтобы на сотни верст кругом народ видел, дрожал... Найдите людей потверже»[1]. Несомненно, одним из «твердых» работников был и назначенный 5 сентября 1919 г. председатель Чрезвычайного Военно-революционного трибунала Гомельского укрепленного района Всеволод Балицкий[2]. К исполнению своих обязанностей он приступил через день, членами трибунала стали А.Б. Розанов и С.С. Шварц, секретарем – А. М. Оя[3]. Под его председательством ревтрибунал рассматривал не только дела о преступлениях военнослужащих и действиях, которые могли с точки зрения большевиков привести к снижению боеспособности Красной Армии, но и дела о контрреволюции, спекуляции, должностных и уголовных преступлениях, поскольку органов юстиции в прифронтовой полосе не было. В соответствии с инструкцией, при вынесении приговора члены ревтрибунала должны были руководствоваться «исключительно обстоятельствами дела и велением революционной совести»[4].

Тогдашний председатель Революционного военного трибунала РСФСР К. Х. Данишевский заявлял, что военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карательные органы, созданные в процессе напряженной революционной борьбы, выносящие свои приговоры, руководствуясь принципом политической целесообразности и правосознанием коммунистов[5]. Как подтверждают документы, среди жертв ревтрибуналов было немало сознательных, твердых и последовательных врагов большевизма. Были и уголовные преступники. Однако основной массой среди расстрелянных были простые крестьяне, которые или не понимали сути происходящего, или не понимали, почему они должны умирать за «коммуну». 12 сентября 1919 г. Чрезвычайный революционно-военный трибунал Гомельского укрепрайона был расформирован[6].

Кроме должности главы ревтрибунала в Гомеле Всеволод Балицкий в сентябре в 1919 г. занимал еще и должность председателя ВУЧК[7]. Она стала вакантной после назначения Мартина Лациса начальником Секретно-оперативного отдела (СОО) ВЧК. Чрезвычайный военно-революционный трибунал под руководством Ба-

---

[1] Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. М.: Март, 1996. С. 57.

[2] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3об.

[3] ОГА СБУ, Киев. Ф. 13. Д. 408. Т. 2, Л. 528.

[4] Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. М., Советская энциклопедия, 1983. С. 132.

[5] Известия ВЦИК. 1919. 3 января.

[6] ОГА СБУ, Киев. Ф. 13, Д. 408. Т. 2, Л. 531.

[7] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3об.

лицкого работал недолго, потому что «военное состояние Гомеля улучшилось»[1]. После этого Балицкий отбыл в Москву, где работал в Секретном отделе ВЧК инспектором ВЧК[2], а также возглавлял вместе с В. И. Яковлевым секцию по борьбе с дезертирством, которая по поручению Ф. Э. Дзержинского была создана при Московской ЧК[3].

И здесь хотелось бы сказать об одной проблеме, требующей, на наш взгляд, более пристального внимания исследователей. В период оккупации Украины армией А. И. Деникина были образованы комиссии для расследования преступлений «красных». В них входили общественные деятели, иностранцы. Выводы комиссий подтверждались свидетельствами очевидцев. Информационной частью отдела пропаганды особого совещания при главнокомандующем вооруженными силами на Юге России выпускались «Сводки сведений о злодеяниях и беззакониях большевиков». Кроме фантастических и непроверенных слухов (а было таких немало), сводки содержали вполне реальную информацию. Подавляющее большинство злодеяний белогвардейцы приписывали чекистам. А харьковчанин С. А. Саенко, прославившийся своими зверствами, стал одним из самых известных чекистов времен Гражданской войны, изувер и садист.

Харьковская газета «Южный край» от 10 июля 1919 г. сообщала: «Вчерашним днем раскопки жертв “Чрезвычайки” закончены. Всего было вырыто трупов: в лагере Чрезвычайки – 107, каторжной тюрьмы – 97, на Шатиловке (за сапер. бат.) – 46, в парке – 3, в саду Мигрини – 4, на городском кладбище – 5, на лютеранском – 5, на ипподроме – 2, на Сум[ской] ул. во дворе № 47, где помещалась комендатура “Чрезвычайки” – 6, и вырыто в парке бывшей сов[етской] милиции – 11. Всего 286 трупов»[4].

Хотелось бы заметить, что «лагерь Чрезвычайки» в Харькове находился на улице Чайковской, дом 16 (это здание сохранилось до наших дней и под тем же номером), а ужасающие кадры раскопок жертв большевиков можно увидеть в документальном фильме Станислава Говорухина «Россия, которую мы потеряли». На самом деле упомянутый лагерь считался концентрационным лагерем при Харьковском губисполкоме. Сохранился любопытный документ от 5 мая 1919 г.: «Предъявитель сего товарищ С. А. Саенко Президиу-

---

[1] ОГА СБУ. Одесса. Д. 2151. Л. 12.

[2] ОГА СБУ. Киев. ФПИ, Д. 408. Л. 553.

[3] ОГА СБУ. Одесса. Д. 2151. Л. 12.

[4] Южный край. 1919. 10 июля.

мом Губисполкома назначается Заведующим Харьковским концентрационным лагерем»[1]. Выходит формально Степан Саенко в мае–июне 1919 г. в ЧК не работал. Да и расстреливали на Чайковской не только чекисты.

Свидетельствует Б. Г. Гагиев (кстати, первый осетин, награжденный орденом Красного Знамени), в 1919 г. работавший в Харькове под именем Г. Г. Габаева и возглавлявший здесь отряд туземцев имени товарища Габаева (то есть имени самого себя): «Перед уходом из Харькова мы с товарищем Саенко заехали в концентрационный лагерь, где в это время сидело несколько десятков офицеров и помещиков из контрреволюционной Украины, расстреляли там двух генералов и ряд других контрреволюционеров и уехали. Это было сделано с той целью, чтобы уничтожить верхушку и руководителей контрреволюционной организации»[2].

Харьковская каторжная тюрьма и ее начальник Черноносов ЧК не подчинялись. Непосредственно к Харьковской губернской ЧК относилось лишь здание на улице Сумской, дом 47, а ее комендантом был И. С. Судаков, прославившийся доставкой золотого запаса Украины из Киева в Москву[3]. В 1920-е годы он работал комендантом ВУЧК-ГПУ УССР и лично приводил приговоры в исполнение.

Но вернемся к герою нашего рассказа. 5 ноября 1919 г. Президиум ВЧК в Москве принял решение: «Откомандировать на Украину для организации ЧК следующих товарищей: в качестве председателя тов. Балицкий, заведующий Оперативной частью тов. Овчинников, зав. след. частью тов. Твердохлебов, зав. хоз. частью тов. Вальтер и тт. Поляков, Рубинштейн, Игнатов, Оппельбаум, Полевой, Григорьев и Баранов»[4].

Организовывать ЧК Всеволоду Балицкому пришлось в Житомире, куда он был назначен председателем Волынской губернской ЧК. После освобождения городов Украины от деникинцев местные губревкомы, помня о той плохой славе, которую оставили по себе чекисты у населения, боялись даже называть новые органы чрезвычайной репрессии именем ЧК. Вновь созданные карательные органы назывались «Следкомы» (Следственные комиссии) и организовывались или при комендатуре города (так было в Харькове

---

[1] Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. Ч. 1 / ДП «Редакційно-видавнича група Харківського тому серії «Реабілітовані історією»». Київ; Харків: Оригінал, 2005. С. 60.

[2] Цит. по: URL: www.darial-online.ru/2002_1/gagiev.shtml (дата посещения: 17.01.2011).

[3] Звоницкий Э. Сотрудник ЧК // Чекисты. М.: Молодая гвардия, 1970. С. 62–65.

[4] ОГА СБУ. Киев. ФПИ. Д. 408. Л. 538.

и Екатеринославе), или как отделы ревкома (как, например, в Житомире и Николаеве)[1].

Приехав в Житомир, Всеволод Балицкий стал разбираться со «следкомом». Позже в одном из отчетов отмечалось, что «работа этих органов, полностью отвечала их компромиссному названию. С таким явлением столкнулся тов. Балицкий, откомандированный ВЧК в первый, освобожденный от Петлюры, уголок УССР – Житомир. Волынский Следком оказался не только в высшей степени слабым органом борьбы, но и к тому же, благодаря своей слабости, не пользовался никаким авторитетом. Следком был коренным образом реорганизован, переименован в ЧК с соответствующими отделами. В продолжении месяца работа его настолько подвинулась вперед, что появилась возможность выделить группу для организации Губчека, в освобожденном красными войсками Киеве»[2].

Вернув «карающему мечу партии» гордое название ЧК, Балицкий тем не менее не пожелал работать в печально знаменитом доме на Илларионовской, а обосновался в усадьбе бывшего Крестьянского поземельного банка по Николаевской улице, и, как писал очевидец, «по ночам окрестным жителям приходилось слышать звуки выстрелов (глухих), это в чрезвычайке расстреливали несчастных жертв»[3].

Упоминание о деятельности Всеволода Балицкого именно этого времени находим в воспоминаниях Г. Ф. Лапчинского: «В Житомире в то время находился тов. Мануильский в качестве «опродкомгуба»; вместе с ним работал тов. П. К. Солодуб, который незадолго перед этим вступил в нашу партию. Председателем Ревкома, точнее, Губернского Комитета Обороны, был М. П. Васильев, секретарем

---

[1] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. Харьков, Типография Цупчрезком, 1921. С. 4. Решение Волынского губернского революционного комитета о создании следкома можно объяснить кровавой деятельностью губернской ЧК. После захвата города 2-м Галицким корпусом Украинской Галицкой Армии (УГА), по приказанию ее командира полковника А. Вольфа 23 августа 1919 г. начался осмотр здания Волынской губернской ЧК, которая размещалась в усадьбе училища на улице Илларионовской, дом 8. [См.: Громадянин (Житомир). 1919. 28 августа]. Это было двухэтажное каменное здание, огражденное от улицы высоким забором с колючей проволокой. Усадьба была небольшая, с палисадником, сараем, погребом и сторожкой. Расстреливали в сарае и погребе, где обнаружили потоки крови и мозгов. Хоронили тут же, в палисаднике. (См.: Красный террор глазами очевидцев / сост. С. В. Волков. М.: Айрис-Пресс, 2009. С. 81.) Было вырыто 62 трупа, из них трое женщин. (См.: Громадянин (Житомир). 1919. 13 сентября.)

[2] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 4.

[3] Красный террор глазами очевидцев. С. 82.

Губпарткома – тов. Борисов (Коган), которого я знал еще из 1 (краевого) съезда с. -д. (большевиков) Украины в декабре 1917 года. Здесь же находился Галревком – товарищи Порайко и Михайлик, а Женя Михайлова была уполномоченной по работе за фронтом. По чекистской линии работали товарищи Я. Лифшиц (правильно – Лившиц. – *Прим. авт.*) и Балицкий»[1].

Почти со всеми упомянутыми лицами судьба еще сведет Всеволода Балицкого. Однако об этом – позже. Невзирая на успехи Балицкого на Волыни, руководить чекистской работой в Украине ему не доверили. Начальником Чрезвычайных комиссий и Особых отделов Украины в декабре 1919 г. был назначен Василий Николаевич Манцев (переведенный с должности заместителя председателя Московской ЧК), завоевавший доверие руководства раскрытием громкого террористического акта – взрыва в Леонтьевском переулке в Москве.

Своим приказом № 1, изданным в Курске в декабре 1919 г. (без указания числа), В. Н. Манцев назначил помощниками начальника Чрезвычайных комиссий и особых отделов Украины Е. Г. Евдокимова (перед этим он был заведующим Особым отделом Московской ЧК) и К. М. Карлсона (занимал должность заведующего политбюро Московской ЧК). Секретарем Чрезвычайных комиссий и особых отделов Украины был утвержден С. С. Игнатов (ранее помощник секретаря Московской ЧК).

Этим же приказом назначены председателями Чрезвычайных комиссий и Особых отделов: Белгородской губернии – Г. Я. Магон (ранее следователь Секретно-оперативного отдела Московской ЧК); Харьковской губернии – В. И. Иванов (ранее председатель Курской губернской ЧК); Полтавской губернии – А. И. Путилин; Киевской губернии – В. А. Балицкий; Екатеринославской губернии – Ю. Иванов[2]. 13 января 1920 г. В. Н. Манцев был одновременно утвержден начальником Особого отдела Юго-Западного фронта. Таким образом, общее руководство всеми органами ВЧК на Украине с марта было сосредоточено в его руках.

Декретом ВУЦИК от 17 марта 1920 г. «для объединения и руководства деятельностью всех восстановленных на территории Украинской Социалистической Советской Республики чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности при СНК учреждается Центральное

---

[1] Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине. 1926. № 6. С. 42.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 112. Л. 23.

управление чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности»[1].

Далее в декрете указывалось, что во главе ЦУПЧРЕЗКОМа Украины стоит начальник центрального управления, назначаемый Совнаркомом и подчиняющийся непосредственно последнему. Начальнику Центрального управления ЧК Украины подчиняются все чрезвычайные комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности на территории Украины, а «Центральное управление ЧК Украины существует согласно особого положения и штатов, утверждаемых СНК, и содержится на средства, отпускаемые по смете НКВД»[2]. В отличие от ВУЧК в 1919 г. ЦУПЧРЕЗКОМ был создан как самостоятельное государственное ведомство на правах наркомата и в состав НКВД УССР не входил. Таким образом, ЦУПЧРЕЗКОМ в Украине получил такой же статус, как и ВЧК в РСФСР. Председателем ЦУПЧРЕЗКОМА 25 марта 1920 г. стал В. Н. Манцев, а его заместителями – Е. Г. Евдокимов и В. П. Янишевский.

О первых шагах В. А. Балицкого на посту председателя Киевской губернской ЧК его подчиненный Илья Израилевич Ильюшин-Эдельман позднее напишет так: «Опять организовано киевскую ЧК в помещении прежней ВУЧК – на улице Розы Люксембург. С Волыни приезжает целый ряд прежних киевских работников во главе с тов. Балицким. Теперь к работе приступать легче – определены организационные формы, практика, старые работники. А работы много. И в первую очередь нужно освободить воздух от примазавшихся провокаторов, которые примазались, а в действительности помогали строить армию Деникина. Таких нашлось много. Дальше взялись за выявление черносотенного элемента, который деникинской контрразведке выдавал сторонников советской власти. Аппарат киевской ЧК в конце 1919 года был уже полностью сконструирован и тогда началась плановая, углубленная работа по освобождению Киевщины от контрреволюционных элементов и людишек, что восстали против завоеваний Октября»[3].

24 декабря 1919 г. в интервью корреспонденту «Известий Киевского губревкома» Всеволод Балицкий, в частности, сказал: «Ближайшая задача дня для КГЧК это, безусловно, очистка города от всякого вредного элемента, которым так обилен Киев. Киев с его осо-

---

[1] Известия ВУЦИК и Харьковского губревкома. 1920. 20 марта (№ 76). С. 4.

[2] Там же.

[3] Ілюшин І. І. Революційна путь Київської ЧК // Пролетарська правда. 1927. 18 грудня.

бенностями мне уже известен по моей предыдущей работе во ВУЧК. Ни для кого не секрет, что Киев исконь века является городом, в котором черносотенного и контрреволюционного элемента, хоть отбавляй; несомненно, что в настоящее время такого элемента больше, чем когда-либо.

Господствующие здесь недавно белогвардейцы, безусловно, оставили в Киеве целый ворох подпольных организаций, в задачу которых помимо чисто шпионских целей, также входит и подрыв доверия со стороны обывателя к Советской власти. Агенты этих черных гнезд будут всюду распространять нелепые и вздорные слухи, пугать голодом и тому подобными вещами. Но методы работы деникинских агентов слишком известны, и парализовать их деятельность будет нетрудно. С контрреволюцией ГЧК поведет самую планомерную и беспощадную борьбу. Предварительные меры для этого уже предприняты мною во время пребывания на посту председателя Волынской ГЧК.

– Имеются ли данные о деникинских агентах в Киеве?

Безусловно... Но как бы белые не хитрили, ЧК в состоянии не только парировать все шахматные ходы деникинского подполья, но и заранее их атаковать.

Не меньше труда придется потратить комиссии по борьбе с бандитизмом. В комиссии имеются вполне определенные данные, указывающие на то, что Киев в настоящее время переполнен преступным элементом. Безнаказанность совершенных за время пребывания белых в Киеве налетов и грабежей привлекла сюда большую часть представителей преступного мира Одессы, Харькова и др. городов Украины. Преступники, переодевшись в форму красноармейцев, нередко с оружием в руках совершали налеты, грабили население и бесчинствовали. Уличенные в бандитизме будут уничтожаться.

Со спекуляцией и спекулянтами, как таковыми, комиссия будет бороться также беспощадно. Для киевских торговцев, видно, мало подействовала как казацкая нагайка, так и разгромы их магазинов. Ничем, как злостным преступлением нельзя назвать ту бешенную вакханалию, которую подняли киевские купцы вокруг советского рубля. Должен заявить, что такой саботаж, как умышленное припрятывание товаров магазинов владельцами с целью вздувания цен на них, даром не пройдет. Недопустимо, чтобы кучка негодяев во имя своих хищнических аппетитов заставляла бы население голодать. Спекулянты за подобные действия понесут высшую меру наказания, а их семьи будут сосланы на принудительные работы в концентрационный лагерь до конца гражданской войны.

В заключение, должен с особым удовольствием констатировать, что отношение к ЧК в настоящее время самое благожелательное. За

последние несколько дней по своей личной инициативе в комиссию приходит много обывателей, бедняков и рабочих, которые сами помогают нам в деле борьбы с преступными элементами, мешающими планомерной работе Советской власти»[1].

С первых дней своей работы в ЧК Всеволод Балицкий был сторонником беспощадной расправы с противниками большевистского режима и не боялся высказывать свою точку зрения публично. Так, в беседе с киевскими журналистами о перспективах принятия в Украине закона об отмене смертной казни, аналогичного закону РСФСР, он заявил, что, по его мнению, отмена смертной казни в Украине была бы преждевременной, поскольку республика, еще полностью не освобожденная от белых, по-прежнему является театром военных действий и не может попасть под общую рубрику отмены высшей меры: «Те местности УСРР, которые уже освобождены от деникинских банд, и поныне кишат шпионами и провокаторами, которые так или иначе будут пробовать тормозить и разрушать строительство Советской власти. В тот или иной способ их помощники спекулянты будут препятствовать, распуская тревожные вести и повышая цены»[2].

Среди многочисленных жертв киевских чекистов следует выделить расстрел в феврале 1920 г. артистки П. М. Журковской-Дупаковой, которая, как отмечалось в официальном комментарии, «будучи приглашенной в театр “Пиколло” для прочтения перед красноармейцами революционных стихов, прочла провокационное стихотворение “Водолаз”, составленное в явно враждебных Советской власти выражениях и содержащее призыв к вооруженному выступлению против власти»[3].

Одной из первостепенных задач, которую пришлось решать Всеволоду Балицкому, стало решение продовольственной проблемы. Несмотря на приказ киевского ревкома об открытии магазинов в городе, владельцы или не открывали их, или отказывали гражданам в приеме советских денег, считая их ненадежными. Нужны были срочные меры. И вот 23 декабря 1919 г. городские газеты опубликовали сообщение «От Киевской Губ. ЧК» за подписью В. А. Балицкого и секретаря губ. ЧК С. С. Шварца, в котором, в частности, говорилось: «Киевская Губернская Чрезвычайная Комиссия в последний

---

[1] В губернской ЧК. (Беседа с председателем ГЧК тов. Балицким) // Известия Киевского губревкома. 1919. 25 декабря.

[2] Скасування найбільшої кари – розстрілу (Розмова с т. Балицьким) // Більшовик (Київ). 1920. 18 січня.

[3] Коммунист (Киев). 1920. 12 февраля.

раз предупреждает владельцев магазинов и торговцев, что если в течение сегодняшнего дня магазины не будут открыты и торговля не примет нормального характера, то виновные в этом будут рассматриваться как непризнающие Советской власти и будут беспощадно расстреливаться; все их имущество будет конфисковано в пользу республики, а семьи будут отправлены на принудительные работы в Концентрационный лагерь до окончания гражданской войны. Виновные в спекуляции, вздутии цен и отказе в приеме советских денег подлежат также расстрелу»[1].

Балицкий слов на ветер не бросал, и уже в январе 1920 г. Киевской губернской ЧК было расстреляно 13 фальшивомонетчиков[2]. В марте такая же участь постигла Е. Переверзева, спекулировавшего золотыми монетами, и владельцев магазинов С. Г. Пиковского, М. А. Штаймазена, Поляченко, не исполнивших приказ о сдаче товаров на учет (сокрытие излишков)[3], а также И. П. Широкова «за отказ приема при покупке советских денег»[4].

Успехи Всеволода Балицкого в борьбе со спекулянтами и фальшивомонетчиками высоко оценил Василий Манцев, заявивший, что «в Киеве в этом отношении сделано больше всего. В свое время, когда спекуляция хлебом и курс рубля достигли удивительных размеров, Киевская губ. ЧК по согласованию с Ревкомом расстреляла группу наиболее известных спекулянтов, в результате чего цены на хлеб значительно снизились, а курс рубля повысился»[5]. Одобрил он и действия Балицкого по истреблению повстанцев на селе. Главным методом этой борьбы было выявление атаманских баз, окружение района, и «беспощадная борьба за уничтожение их»[6].

Под руководством Всеволода Балицкого киевские чекисты арестовали около 200 членов «Польской военной организации»[7]. Отличился он и в борьбе с политическими оппонентами большевиков. 21–23 марта 1920 г. в Киеве состоялся судебный процесс над киевскими меньшевиками Г. Д. Кучиным-Оранским, И. С. Биском, И. М. Кручинским и другими[8]. Подготовка и ход этого процесса еще ожидают своего исследования, однако нет сомнения, что этот опыт

---

[1] От Киевской Губ. Ч. К. // Известия Киевского губревкома. 1919. 23 декабря.

[2] Коммунист (Киев). 1920. 15 января.

[3] Там же. 1920. 13 марта.

[4] Там же. 1920. 6 марта.

[5] Известия ВУЧК. 1920. 17 марта.

[6] Там же.

[7] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 16–18.

[8] Більшовик. 1920. 24 березня.

показательного процесса Балицкий и его коллеги используют в будущем, о чем речь еще впереди.

Головной болью для киевских чекистов стала борьба с уголовным бандитизмом. Пожалуй, ни в одном городе Украины бандиты не имели таких возможностей укрываться, как в Киеве. Многочисленные овраги, балки и рвы под Дмитриевской, ближней и дальней Слободкой за Днепром и парками представляли собой удобное и надежное убежище для бандитов. Лесная чаща, пещеры и овраги сбивали с бандитского следа агентов ЧК и милиции. На помощь Балицкому была брошена «особая группа» под руководством Ф. Я. Мартынова. Этот чекист прославился захватом в Москве Я. Кошелькова, ограбившего 2 января 1918 г. самого В. И. Ленина. После ликвидации очагов бандитизма в Москве особая группа была передана в распоряжение В. Н. Манцева. В январе Мартынову поставлена задача уничтожить уголовный бандитизм в Украине. Свою работу особая группа начала в Харькове, а 26 марта выехала в Киев.

Мартынов полагал, что в Киеве ему придется столкнуться с крепко спаянными между собой многочисленными и хорошо организованными шайками, для ликвидации которых придется приложить немало усилий. Однако оказалось, что в Киеве нет такой бандитской вакханалии, как в Харькове. Объяснялось это не столько ударной работой киевских чекистов, сколько тем, что многие киевские бандиты в поисках большой добычи работали в харьковских бандах Шурки Ростовского и Масальского, или же разъехались по другим городам.

Освоившись и сориентировавшись в незнакомом городе, особая группа ВЧК отправилась в разведку и вскоре встретилась с двумя бандитами из разгромленной в Харькове банды Бондаренко. Чекисты отрекомендовались налетчиками, бежавшими из тогдашней столицы УССР от ареста. Их подробный рассказ о харьковском разгроме развязал языки бандитам. Желая собрать всех чекистов воедино, сотрудники особой группы предложили своим новым «друзьям» произвести совместный грандиозный грабеж и для обсуждения его плана созвать всех «пацанов». 1 апреля чекисты, придя в условленное место, к своему удовольствию застали там бандитов в полном составе. После короткой борьбы бандиты были схвачены[1].

Дальнейший процесс ликвидации уголовного бандитизма в Киеве шел быстрыми темпами. Были захвачены бандитские «авторитеты» Сочугов, Мосяков, Давыдов, Лопаев-Крылов (бросивший при аресте бомбу), Середницкий (стоявший во главе приехавшей из Варшавы

[1] Познер Л. Особая группа. Эпизоды из деятельности Чека // Коммунист (Харьков). 1923. 11 февраля.

шайки «Касистов»[1]. Уже через неделю Мартынов с особой группой выехал в Одессу.

Всеволоду Балицкому неоднократно приходилось выезжать в рабочие командировки, о чем киевские газеты регулярно информировали своих читателей. Вот один из примеров января 1920 г.: «По распоряжению начальника Всеукраинской Чрезвычайной комиссии тов. Манцева председатель Киевской Губчека тов. Балицкий на днях выезжает в Житомир образовывать деятельность Волынской губчека. Паралельно тов. Балицкий объедет Киевскую и Волынскую губернию для ознакомления с постановкой дела борьбы с контрреволюцией и спекуляцией»[2].

Во время этой поездки Балицкий официально был назначен главным чекистом Правобережной Украины: «Вчера в Киев возвратился из служебной поездки и вступил в исполнение своих обязанностей председатель Киевской губ. ЧК тов. Балицкий. Тов. Балицкий назначен полномочным представителем и начальником Центральной Чрезвычайной комиссии и особых отделов всей Правобережной Украины»[3].

Это назначение исходило непосредственно из Москвы без предварительного согласования с В. Н. Манцевым. И это его задело. Когда последний попытался опротестовать назначение, то Феликс Дзержинский холодно, сдержанно, но весьма твердо пояснил своему подчиненному, кто на самом деле решает ключевые кадровые вопросы[4].

Киевские газеты и в дальнейшем постоянно сообщали о работе чекистов, печатая приказы губернской ЧК. Так, 1 февраля 1920 г. Балицкий подписал приказ № 6 по Киевской губернской ЧК о том, что «сегодня я выехал по служебным делам в Москву. Обязанности председателя возлагаю на своего заместителя т. Сергея Шварца. Все ордера на право производства обысков, арестов, выемок и конфискаций действительны за подписью зам. пред. тов. Сергея Шварца или членов Коллегии тов. М. Павлова и П. Вальтера»[5]. 2 апреля 1920 г. был опубликован очередной приказ Киевской губерн-

---

[1] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 16.

[2] Отъезд тов. Балицкого // Известия Киевского губревкома. 1920. 15 января.

[3] Возвращение тов. Балицкого // Известия Киевского губревкома. 1920. 21 января.

[4] Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). Київ.: Ніка-Центр, 2008. С. 201–202.

[5] От Киевской губ. ЧК. Приказ № 6. 1 февраля 1920 // Известия Киевского губревкома. 1920. 4 февраля.

ской ЧК за подписями В. А. Балицкого, заведующего Секретно-оперативным отделом М. В. Павлова и секретаря П. П. Вальтера, предписывавший в трехдневный срок «зарегистрироваться у коменданта К. Г. Ч. К. – Екатерининская, 18, – всем лицам, служившим при Деникине в Государственной Страже и Уголовном Розыске. Неисполнившие настоящий приказ понесут суровое наказание по законам военно-революционного времени»[1].

В конце апреля 1920 г., когда красные уже знали, что оставят Киев, Балицкий совместно с председателем Киевского губревкома А. В. Ивановым организовал в Лукьяновской тюрьме грандиозный митинг, участие в котором приняли около 3000 арестантов. Они с восторгом приветствовали предложение большевиков: в этот знаменательный «день праздника труда» их могут освободить под честное слово, хотя и с условием не нарушать общественный порядок, установленный Советской властью. И, что характерно, в следующие дни порядок в городе узниками действительно не нарушался[2].

После падения Киева весь состав Киевской губернской ЧК вначале перебрался в Черкассы, а затем по приказу Василия Манцева был эвакуирован в Харьков[3]. Поздно вечером 5 мая 1920 г. Всеволод Балицкий встречал на железнодорожном вокзале председателя ВЧК Ф. Э. Дзержинского, приехавшего в Украину во главе 1400 чекистов для укрепления тыла Юго-Западного фронта[4], возглавив его Особый отдел. Под непосредственным руководством «железного Феликса» и начал свою работу в Харькове Всеволод Балицкий, некоторое время работавший заместителем начальника Особого отдела Юго-Западного фронта. Сохранилось немало документов, которые они подписали совместно[5].

Уже 14 мая 1920 г. Ф. Э. Дзержинский в письме заместителю председателя ВЧК И. К. Ксенофонтову сообщал, что сделает все, чтобы дать «возможность окрепнуть ЧК, защищая ее от украинщины»[6]. Приведем слова Дзержинского в письме В. И. Ленину из Харькова 26 июня 1920 г.: «***Местные коммунисты какие-то недоноски, живут мелкими интересами. Русопятства я не замечал, да и*** жалоб не

---

[1] От К. Г. Ч. К. Приказ // Известия Киевского губревкома. 1920. 2 апреля.

[2] Дукельський С. ЧК на Украине. Benson (Vermont), 1990. С. 45.

[3] ОГА СБУ. Одесса. Д. 2151. Л. 14.

[4] Балицкий В. Светлый образ большевика // Красная звезда. 1936. 20 июля.

[5] Он же. Стальная когорта чекистов гордится своим вождем // Пролетарий. 1928. 20 июля.

[6] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А. А. Плеханов, А. М. Плеханов. М.: МФД: Материк, 2007. С. 188.

слышал. В области моей специальности – здесь обильный урожай. ***Вся, можно сказать, интеллигенция средняя украинская – это петлюровцы…*** Громадной помехой в борьбе – отсутствие чекистов-украинцев»[1]. Выделенные слова изымались из советских изданий[2]. Кстати, изъяли их и из современного российского сборника документов, посвященного Ф. Э. Дзержинскому[3].

Украинцы действительно составляли мизерный процент среди сотрудников ЧК. Исследователь О. И. Капчинский, анализируя национальный и социальный состав центрального аппарата ВЧК, отмечает, что в 1919 г. процент украинцев, даже после эвакуации в Москву сотрудников ВУЧК оставался низким, «в первую очередь по причине их относительно малого участия в революционном движении»[4]. Такая же ситуация сохранялась и в последующие годы. На 1 января 1922 г., согласно официальным документам, из 11 руководящих сотрудников ВУЧК 9 были русскими (в том числе и Балицкий), а 2 – евреями[5].

Об особенностях национального состава органов ЧК в Украине красноречиво свидетельствует национальный состав Харьковской губернской ЧК в 1921 г. Из 909 человек 539 (59,29%) были русскими, 181 (19,19%) – евреи, 76 (8,36%) – украинцы, 68 (7,48%) – латыши, 17 (1,87%) – поляки, 5 (0,55%) – литовцы, 4 (0,44%) – немцы, 2 (0,22%) – эстонцы, 2 (0,22%) – греки, 2 (0,22%) – армяне, 2 (0,22%) – англичане, 1 (0,11%) – финн, 10 (1,1%) – чекисты других национальностей[6].

С первых дней своей чекистской карьеры Балицкий активно включился в борьбу с «националистическим уклоном». Ярким представителем последнего, в частности, был объявлен Георгий (Юрий) Лапчинский, возглавлявший в ту пору в КП(б)У оппозиционную фракцию так называемых федералистов, добивавшуюся вместе с боротьбистами создания самостоятельной Украинской коммунистической партии (УКП). Фракция выступала также за равноправные федеративные отношения между Украиной и Российской Федерацией.

---

[1] Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927. М: РОССПЭН, 1996. С. 137–138.

[2] В. И. Ленин и ВЧК: Собрание документов (1917–1922 гг.). М.: Политиздат, 1975. С. 389.

[3] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 192.

[4] Капчинский О. И. Госбезопасность изнутри. Национальный и социальный состав. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 305.

[5] Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). С. 203.

[6] ГАХО. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 290. Л. 76об.–77.

7 июня 1920 г. Ф. Э. Дзержинский, очевидно борясь с «украинщиной», отдал распоряжение И. К. Ксенофонтову разыскать в Москве приехавшего из Харькова Г. Ф. Лапчинского: «Необходимо его немедленно арестовать, произведя тщательнейший обыск у него и жены с выемкой всех документов и переписки. Содержать его так, чтобы не мог сообщаться с внешним миром [при] особом отделе в хороших условиях. Причины ареста будут сообщены особо. Пустить версию, что поймано в Москве письмо к нему Петлюры»[1].

Как видим, председатель ВЧК лично приказывал своим подчиненным не только арестовывать лиц, не согласных с генеральной линией большевиков, но и прибегать к прямой провокации – распространению заведомо ложных сведений: ведь никак не мог «национал-коммунист» контактировать с Симоном Васильевичем Петлюрой. В Москве Лапчинского арестовать не удалось. В. Л. Герсон сообщил Дзержинскому, что тот выехал в неизвестном направлении[2].

Однако в столице Советской Украины раскольника таки «достали». 16 июля 1920 г. после обыска в номере гостиницы Г. Ф. Лапчинский был арестован по обвинению в расколе КП(б)У под флагом федерализма, создании с этой целью заговорщицкой организации «федералистов». В последние дни июля В. А. Балицкий получил от секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора предписание с предложением ЦК, принятом 26 июля, выслать Лапчинского за пределы Украины[3]. Балицкий дал соответствующие указания подчиненным – и следователь Харьковской губернской ЧК Иваненко начертал резолюцию: «Я считаю вину гр. Лапчинского в работе по расколу партии доказанной, а поэтому считаю необходимым гр. Лапчинского, как вредного для Советского строительства, выслать в Москву»[4]. По постановлению Коллегии Харьковской губернской ЧК от 30 июля 1920 г. Георгия Лапчинского под конвоем отправили в Москву с запретом возвращаться в Украину и письменным обязательством еженедельно появляться на Лубянке для регистрации[5]. (В 1938 г. Лапчинский будет репрессирован.)

---

[1] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 190.

[2] Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. С. 425.

[3] Лапчинська Н. В. І один у полі сила, коли він – воїн // Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. Ч. 1. Київ; Харків: Оригінал, 2005. С. 146.

[4] Євселєвський Л. І., Юренко О. П. Повернувся назавжди // Реабілітовані історією. Полтава: Рідний край, 1992. С. 209.

[5] Лапчинська Н. В. І один у полі сила, коли він – воїн // Реабілітовані історією. Харківська область: Книга перша. Ч. 1. С. 146–147.

27 июня 1920 г. председатель Киевской губ. ЧК Всеволод Балицкий был избран членом бюро Киевского губкома КП(б)У, затем он работает заместителем начальника ЦУПЧРЕЗКОМа В. Н. Манцева и по совместительству занимает должности начальника тыла и председателя трибунала Юго-Западного фронта, члена коллегии Наркомата иностранных дел УССР[1].

Следует подчеркнуть, что моральная обстановка в доме № 8 по Мироносицкому переулку, где находился в то время ЦУПЧРЕЗКОМ, была не из лучших. Московских чекистов, которые имели целью «укрепить» украинский филиал, искренне поразили (и это даже на фоне того, что творилось тогда в Москве!) своеволие и грубость, царившие в Харькове. Они стали даже «искать правды» в партийной организации. Так, уполномоченный Никитин писал, что «общение со мной тов. Манцева было чрезвычайно грубым... Тов. Шварц (С. С. Шварц был в то время заместителем председателя Харьковской губернской ЧК. – *Прим. авт.*) стоял перед тов. Манцевым по стойке смирно и так же по всем правилам четко говорил слова: «Слушаюсь. Так точно»[2].

Заведующая Секретно-оперативным отделом Харьковской губернской ЧК А. Георгиева жаловалась на своего начальника В. И. Иванова: «Он очень редко говорит спокойно. Он поголовно ко всем сотрудникам так относится. Из-за чего к председателю крайне недружественно относятся сотрудники, которые неоднократно стремятся писать коллективные заявления в губпарком и ВЧК. Дисциплина внедряется только криками и арестами до 30-ти суток... Вся постановка работы осуществляется единоличным распоряжением т. председателя, за весь месяц у нас не было заседание коллегии»[3].

В то время Всеволод Балицкий много ездил по Украине для налаживания чекистской работы. При этом он имел особенные полномочия. Вот, например, мандат, выданный ему Председателем Совнаркома УССР Христианом Раковским в мае 1920 г.: «Выдан тов. Всеволоду Апполоновичу Балицкому в том, что он назначен полномочным представителем Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий Украины и по постановлению ЦК КПУ, Совнаркома и Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий Украины, откомандирован в г. Одессу для координирования общих действий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией и должностными преступлениями.

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 2881. Л. 3об.

[2] ГАХО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 76. Л. 88.

[3] Там же. Л. 135.

Тов. Балицкий при выполнении возложенных на него обязанностей пользуется всеми правами Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий Украины.

Всем военным частям, советским учреждениям и партийным организациям предлагается предоставлять ему всевозможное содействие; тов. Балицкий имеет право пользоваться всеми средствами передвижения, разговора по прямому проводу, радио и другими средствами связи»[1].

В мае–июне 1920 г. Всеволод Балицкий находился в Чернигове, Одессе, Николаеве, Херсоне. Причем выполнял не только организационные, но и специальные задания, что отмечалось в отчете ЦУПЧРЕЗКОМа: «Поездка т. Балицкого в Одессу, Николаев и Херсон имела целью поднять общий революционный порядок на Черноморском побережье, наладить телеграфную, телефонную и автомобильную связь между Одессой и Николаевом, организовать охрану трактового пути между этими городами. Задача была выполнена. В местностях, сильно охваченных бандитизмом, были выставлены специальные заставы для охраны дорог. При обследовании работы Одесской ЧК выяснилась необходимость в немедленной разгрузке мест заключения от арестованных. С этой целью здесь впервые была применена система организации Судебных троек для быстрого решения дел»[2].

Сколько именно людей «разгрузили» в Одессе Балицкий и тогдашний председатель местной губернской ЧК Станислав Францевич Реденс, точно неизвестно и доныне. Однако если, по официальным данным, всеми подразделениями ЦУПЧРЕЗКОМа в 1920 г. расстреляно 3 879 человек, то на счету Одесской губернской ЧК было 1 418, то есть 36,5%[3].

Командировка Всеволода Балицкого в Одессу имела еще одну цель, о которой не сообщалось в официальной печати. О ней мы узнаем из письма Феликса Дзержинского, написанного на польском языке 23 мая 1920 г. в Харькове и адресованного председателю Одесской губчека Станиславу Реденсу. Председатель ВЧК писал, что посылает Балицкого «на некоторое время в Одессу, дабы в это тяжелое время укрепить работу комиссии... Железной рукой Вы должны искоренить преступления и всякого рода свинства ответственных советских работников. Балицкий в этом направлении получил указания» [4].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. ФПИ. Д. 408. Л. 540.

[2] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 6–7.

[3] Там же. С. 7.

[4] Аллилуев В. Аллилуевы-Сталин: хроника одной семьи. М.: Молодая гвардия, 2002. С. 80–81.

Для организации отпора «бандам» Нестора Ивановича Махно в августе 1920 г. в Полтаву выехал полевой штаб во главе с заместителем начальника Особого отдела и заместителем начальника тыла Юго-Западного фронта Е. Г. Евдокимовым и начальником войск ВОХР Харьковского сектора М. П. Мармузовым. В то же время контрольный объезд районов, охваченных повстанческим движением, осуществили начальник ЦУПЧРЕЗКОМа В. Н. Манцев и его заместитель В. А. Балицкий[1].

У Нестора Махно имелись свои счеты с чекистами. Еще в начале 1920 г. он издал приказ «О чекистах и их сообщниках», в котором объявил ЧК злейшим врагом свободного махновского движения[2]. Дров в огонь подкинула и неудачная попытка чекистов ликвидировать батьку. Главным исполнителем должен был стать попавший в плен махновец Ф. Глущенко, которому сам В. Н. Манцев предложил сделать выбор между расстрелом и работой в ЧК с участием в затеваемой ликвидации Махно. Глущенко выбрал жизнь. В напарники ему дали сотрудника особой группы ВЧК Я. С. Костюхина – более известного как бандит-налетчик по кличке «Яшка-дурной». 22 марта 1920 г. Костюхин был арестован в Харькове сотрудниками особой группы ВЧК, руководитель которой Ф. Я. Мартынов предложил под страхом смерти выдать своих сообщников. «Яшка-дурной» согласился сотрудничать, завоевал доверие чекистов и вскоре был зачислен в штат особой группы.

В первой декаде июня в Екатеринославле состоялось совещание, на котором Манцев, Мартынов и Глущенко выработали план убийства Махно. 13 июня ликвидаторы выехали к махновцам. Операцию сорвал Глущенко, сообщивший махновцам о плане чекистов 20 июня 1920 г. в селе Туркеновка Александровского уезда Екатеринославской губернии. На следующий день Глущенко и Костюхин были расстреляны[3].

А у Всеволода Балицкого с махновцами сложились свои отношения. Во время одной из поездок по Украине он попал в плен к махновцам. Разговор с чекистами у них был коротким – «в расход». Но судьба улыбнулась Балицкому. Его уже вели на казнь за село, когда эту процессию встретил начальник махновского штаба В. П. Билаш. Внимание последнего сразу привлек блондин во френче из добротного сукна с независимым внешним видом. Билаш остановил коня и, угостив чекиста папиросой, начал с ним разговор, после которого приказал... освободить смертника. И того отпустили.

---

[1] Дукельский С. ЧК на Украине. С. 80.

[2] Ейдеман Р., Какурін Н. Громадянська війна на Україні. Київ, 1931. С. 73–89.

[3] ЦГАООУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 332. Л. 206–207.

Однако куда интереснее то, что Балицкий не забыл эту услугу и, в свою очередь, спас жизнь Билашу, когда тот, тяжело раненный, 23 сентября 1921 г. попал к «красным». Почти два года находился он в камере смертников Харьковской тюрьмы. И все это время Балицкий, невзирая на настойчивые требования, не отправлял махновца в Москву на неминуемую гибель. За время заключения Билаш написал под чекистским контролем и с соответствующей цензурой воспоминания о махновщине. Наверное, в значительной мере именно за это он и был освобожден по амнистии[1].

Зато другим махновцам Всеволод Балицкий своего плена не забывал никогда. Поэтому симптоматичной была его реакция на непроверенную информацию о том, что в ходе боев с 38-м полком 7-й кавалерийской дивизии под Софиевкой (в 20 верстах от Западного Буга) 20 и 22 августа 1921 г. погиб Нестор Махно и его командиры Маруся, Иванюк и Лось. Решили проверить эту информацию и подтвердить ее весьма оригинальным способом, о котором Балицкий сообщал 26 августа в своей телеграмме Ф. Э. Дзержинскому и И. С. Уншлихту: «Нами высланы сотрудники на место боя для детального расследования, опросом местных жителей установить факт, сфотографировать все трупы и добыть голову Махно»[2].

Билаш был далеко не единственным, кого спас авторитет Балицкого. Так, летом 1920 г. в Харькове к бывшему дому доктора Френкеля по улице Пушкинской за номером 84–90, где проживал Балицкий с семьей, пожаловал доктор Г. К. Герекке, знавший замначальника ЦУПЧРЕЗКОМа еще по Луганску. Самого чекиста дома не оказалось. И тогда доктор попросил его тещу М. В. Четверикову освободить арестованного Харьковской губернской ЧК владельца магазина музыкальных инструментов А. Л. Желяшкевича. И что же? Теща пересказала эту просьбу зятю, и на следующий день та была исполнена[3].

В. А. Балицкому приходилось иногда замещать В. Н. Манцева, возглавлявшего по совместительству еще и Особые отделы ВЧК Южного и Юго-Западного фронтов (их штаб-квартира находи-

---

[1] Волковинський В. Нестор Махно: легенди і реальність. С. 174.

[2] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 336. Заметим, что такое варварское решение Балицкого было полностью в духе того времени. Например, когда М. И. Калинин приехал в Самарканд, то вместо тривиальных хлеба-соли ему на серебряном подносе поднесли голову басмача, которого чекисты ловили несколько месяцев. Этот ужасно-отвратительный «подарок» не смутил Калинина и он с благодарностью его принял. [См.: Плеханов А. М. Железный Феликс // Время (Харьков). 1997. 7 октября.]

[3] ОГА СБУ. Харьков. Д. 031106. Л. 27–28.

лась в Харькове по улице Губернаторской, дом 14) и потому часто выезжавшего на места с особыми полномочиями. Как заведующий Особым отделом фронта Манцев имел следующие права: на переговоры по прямому проводу; на пользование любыми телефонами; на отправления простых и военных телеграмм с соответствующими надписями; на проезд в штабных, служебных и специально предоставленных ему вагонах; свободное передвижение в любое время и в любом районе фронтов[1]. В послужном списке Василия Манцева сохранились сведения о его командировках в 1920 г.: с 18 мая по 5 июня; с 16 июня по 25 июля; с 9 по 28 сентября; с 5 по 15 ноября; и с 17 ноября по 18 декабря в Крым[2]. Особого внимания заслуживает последняя командировка.

16 ноября в 1920 г. Дзержинский послал Манцеву тайную шифрограмму с указанием принять «все меры, чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец. Поступайте с ними согласно данным Вам мной в Москве инструкциям»[3].

На следующий день Манцев выехал в Крым. Началось выполнение этих указаний. 21 ноября была создана так называемая Крымская ударная группа, возглавляемая заместителем начальника Особого отдела ВЧК Южного и Юго-Западных фронтов Ефимом Григорьевичем Евдокимовым. Кстати, сохранилось интересное описание этого известного чекиста, оставленное современником: «С головы до ног он был одет в новенькую светло-желтую кожу. На пальцах много золотых перстней»[4]. В одном из чекистских документов отмечалось, что «предпринятой экспедицией под руководством тов. Евдокимова в Крыму был очищен Крымский полуостров от оставшихся врангелевцев, и в результате было расстреляно до 12 тысяч человек, из коих до 300 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контрразведчиков, шпионов, в результате чего предотвращена была возможность появления в Крыму белых банд»[5].

Сейчас трудно сказать, вошли ли в это количество жертв коммунистического террора лица, казненные по постановлению чрезвычайной «тройки» особого отдела ВЧК при РВС Южного фронта под председательством Манцева. Только согласно опубликованным

---

[1] Архив Управления ФСБ РФ Омской области. Д. 199347. Л. 17.

[2] Там же. Л. 13об.

[3] Тополянский В. Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. М., Права человека, 1996. С. 206.

[4] Дубів В. Уламок з мого життя // Визвольний шлях. 1966. № VII–VIII. С. 918.

[5] ОГА СБУ. Винница. Д. 98. Т. 1. Л. 40.

данным под его руководством в Симферополе были приняты постановления «тройки» о расстреле: 22 ноября 1920 г. – 117, 154 и 857 человек (по трем спискам); 7 декабря – 82 человека; в Севастополе: 28 ноября 1920 г. – 26 человек[1]. Уже 20 декабря 1920 г. Манцев сообщал Дзержинскому, что он очень задержался в Крыму, но это было «абсолютно необходимо», ибо «белогвардейцы могли оттуда расползтись. Теперь, после Крыма, вероятно, и я получу прозвище «кровавого». Ну, что же делать. Такое прозвище от буржуа приятно»[2]. Чекист М. М. Вихман вспоминал, что «при взятии Крыма был назначен лично тов. Дзержинским первым председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где по указанию боевого органа партии ВЧК уничтожил эное количество тысяч белогвардейцев – остатков врангелевского офицерства. Герой Советского Союза тов. Папанин И. Д. работал комендантом Крымчека под моим личным руководством по уничтожению бело-зеленых банд в Крыму»[3]. Позднее, характеризуя крымскую резню, Всеволод Балицкий писал: «Раскаленным железом выпечены гнезда контрреволюции, оставленные белогвардейцами в Крыму»[4].

В то же время, когда Манцев и Евдокимов разбирались с врангелевцами в Крыму, Балицкий занимался «общей ликвидацией анархомахновщины на всей территории Украины», а точнее – вероломным арестом махновцев в Харькове и других городах Украины. Почему вероломным? Дело в том, что бойцы повстанческой армии Н. И. Махно были в то время союзниками большевистской власти и сыграли выдающуюся роль в захвате «белого» Крыма. Делегации махновцев и анархистов вполне легально проживали в Харькове. Они-то и стали главной мишенью чекистов.

Для руководства этой операцией при ЦУПЧРЕЗКОМе была создана «тройка» в составе В. А. Балицкого, заместителя начальника Особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов К. И. Зонова и начальника особого отдела ЦУПЧРЕЗКОМа С. С. Дукельского. В 20 ч 21 ноября 1920 г. Балицкий отправил телеграмму Дзержинскому, в которой сообщил об отсутствии телеграфной связи с В. Н. Манцевым и командующим Южным фронтом М. В. Фрунзе, обрисовал сложившуюся обстановку, доложил о подготовленных мерах, под-

---

[1] Абраменко Л. Последняя обитель. Крым. 1920–1921 годы. – К.: МАУП, 2005. С. 111.

[2] Тополянский В. Д. Вожди в законе. Очерки физиологии власти. С. 206.

[3] ОГА СБУ, Киев. Ф. 5. Д. 51645. Т. 2. Л. 224–225.

[4] Балицький В. А. Десять років боротьби з контрреволюцією // Пролетарська правда. 1927. 18 грудня.

черкнув, что ЦУПЧРЕЗКОМ «установил квартиры всех видных анархистов и махновцев»[1].

Мы не случайно упомянули об отсутствии телеграфной связи с Манцевым, поскольку, по нашему мнению, этот факт свидетельствует о том, что именно Балицкий явился главным организатором и исполнителем операции по аресту руководителей махновского движения.

По официальной версии ЦУПЧРЕЗКОМа, 24 ноября Нестор Махно издал секретный приказ по повстанческой армии, согласно которому его отряды должны сгруппироваться и занять Синельниково, Павлоград, Гришино и Юзовку. Приказ был вызван тем, что 27 ноября батька предполагал приступить к военной операции против Советской власти. Приказ Махно 24 ноября якобы был перехвачен мариупольскими чекистами[2]. Однако достоверность этого сообщения вызывает большие сомнения, поскольку в официальном сообщении ЦУПЧРЕЗКОМа, появившемся, как говорится, «по горячим следам», перехваченный мариупольцами секретный приказ Махно вообще не упоминается[3].

Как бы то ни было, но в ночь на 25 ноября 1920 г. всем председателям украинских губернских ЧК было дано предписание по прямому проводу: «Ввиду нарушения договора немедленно под личную ответственность Предгубчека произведите обыски и арестуйте всех махновцев-анархистов всех направлений, об исходе операции телеграфно донесите в Цупчрезком. Операцию не затягивать»[4].

Уже в 7 ч утра 26 ноября 1920 г. Балицкий и Зонов рапортовали Дзержинскому о том, что «в ночь с 25-го на 26-е приступили к ликвидации анархо-махновщины... Операция проходит удачно, анархо-махновцы взяты врасплох, организованного сопротивления не оказали. Убитых и тяжело раненных нет. Обыски и аресты продолжаются – еще не использовали и трети ордеров»[5]. Через несколько часов они же сообщили председателю ВЧК, что «операция прошла успешно, арестованы все представители от армии Махно, анархисты, проведшие забастовку на паровозостроительном заводе... В общем аресто-

---

[1] Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. С. 531.

[2] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 21.

[3] ЦГАВОУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 732. Л. 96–97.

[4] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 21.

[5] Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. С. 535.

вано 350 чел. Операция продолжается .... Считаем необходимым принять самые репрессивные меры в отношении анархо-махновцев»[1].

Среди арестованных были видные махновцы Д. И. Попов, А. Е. Буданов, П. Хохотва, Зинчарин, а также знаменитые анархисты В. М. Волин (Эйхенбаум), Марк Мрачный (Кливанский), Д. Коган, Барон Старший (А. Канторович), Цейлих и другие[2]. Арестованные были доставлены в тюремный отдел ЦУПЧРЕЗКОМа, где они встретились с Балицким, заявившим, что причиной ареста являются начало военных действий со стороны Нестора Махно и подозрение в их соучастии[3].

27 ноября 1920 г. Феликс Дзержинский по прямому проводу еще раз приказал Балицкому арестовать всех анархо-махновцев на территории Украины, а «главарей препровождать немедленно, секретно в Москву»[4]. Для решения этой задачи нужно было привлечь все силы внутренних войск, ЦУПЧРЕЗКОМа, особых отделов и войсковых частей «для разоружения и ликвидации банд одним коротким ударом... сломав самым беспощадным образом всякое сопротивление»[5].

На следующий день М. В. Фрунзе относительно махновцев приказал начальнику Особого отдела Южного фронта Е. Г. Евдокимову «всех главарей банд, уже захваченных нами, или которые будут захвачены, немедленно без всяких исключений, не передавая трибуналу, расстреливать»[6]. Во время операции были расстреляны в Мелитополе исполняющий обязанности командующего Повстанческой армией С. Н. Каретников и начальник полевого штаба Повстанческой армии П. Гавриленко, захвачены командир 2-го кавалерийского полка Зинченко, командир пехотного полка Кусенко, один из адьютантов Махно Середа и др. Из арестованных ЦУПЧРЕЗКОМом 346 махновцев 40 были отправлены в Москву[7].

Но покончить с Нестором Махно одним ударом не получилось, хотя Михаил Фрунзе уверял Ленина, что «махновщине нанесен смертельный удар»[8]. Батьке в очередной раз удалось вырваться из

---

[1] Там же. С. 536.

[2] ЦГАВОУ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 732. Л. 97.

[3] Левые эсеры и ВЧК: Сб. док. Казань, 1996. С. 152.

[4] Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. С. 541.

[5] Там же. С. 541.

[6] Там же. С. 541.

[7] Отчет Центрального Управления Чрезвычайных Комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год. К 5-му Всеукраинскому съезду советов. С. 22.

[8] Нестор Махно. Крестьянское движение на Украине. 1918–1921: Документы и материалы. С. 561.

большевистской мышеловки и продолжить борьбу. В уже упоминаемом нами письме Манцева Дзержинскому от 20 декабря указывалось, что «с махновцами ЧК справились хорошо, а военное командование хуже. Боюсь, что с передачей теперь всего дела борьбы с бандитизмом полевым частям, дело пойдет хуже»[1].

Манцев волновался напрасно. Военные товарищи были не менее беспощадны к махновцам и их пособникам, чем чекисты. Вот выписка из доклада начальника Лимано-Изюмского совещания по борьбе с бандитизмом Казимирчука: «Нам приходилось созывать сход, выбирать 5 кулаков или 5 подозрительных личностей и на всем сходе рубить их шашками. Такие меры действовали на крестьян и заставляли их выявлять бандитов»[2].

В то же время, когда чекисты Украины проводили «красный террор», Балицкий занимался... их популяризацией. 8 декабря в 1920 г. состоялось очередное заседание бюро коммунистической ячейки ЦУПЧРЕЗКОМа в составе В. А. Балицкого, В. П. Янушевского, С. С. Игнатова, Оганесьяна, заведующего информационным отделением ВУЧК М. Кустеляна и Разниченко. На повестке дня был вопрос «о популяризации ЧК». В протоколе отмечалось, что «этот вопрос неоднократно затрагивался в бюро. Популяризация ЧК, поднятие его престижа, в глазах рабочих масс – насущная задача Бюро. Так как парком (то есть партийный комитет. – *Прим. авт.*) ни одного раза ни на одном собрании района не ставил доклада о деятельности ЧК, в газетах не было помещено никаких заметок о ЧК, кроме его деловых сообщений, Бюро, считая такое состояние ненормальным, постановило... хлопотать перед паркомом: во-первых, поставить на ближайших общих собраниях района отчет о деятельности ЧК, и, во-вторых, поставить на больших заводах ряд докладов о задачах ЧК, в связи с переходом к борьбе с разрухой. Бюро ячейки должно мобилизовать с этой целью все имеющиеся литературные силы ячейки и поместить ряд статей в газетах с агитационной целью»[3]. Так агитировали за ЧК. И действиями, и словами...

Начиная с октября 1920 г. Политбюро ЦК КП(б)У на своих заседаниях стало уделять особое внимание организации политического судебного процесса над руководителями партии Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР). Но заместителю начальника Особого отдела ЦУПЧРЕЗКОМа Семену Семеновичу Дукельскому, который вел следствие по «делу членов ЦК УПСР», очевидно,

---

[1] Там же. С. 562.

[2] ЦГАВОУ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 293. Л. 7–8.

[3] ГАХО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59. Л. 43.

не хватало образования для проведения громкого политического процесса[1].

Спасать дело поручили Всеволоду Балицкому. 29 марта 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У назначило его главой специальной комиссии, которая в недельный срок должна была изучить состояние дел с подготовкой судебного процесса над членами ЦК УПСР В. А. Голубовичем, И. Н. Лизанивским, Н. А. Петренко и другими и предложить план последующей работы[2]. 3 апреля 1921 г. комиссия под председательством Балицкого заслушала доклад С. С. Дукельского и отметила, что «документально доказанные пункты обвинения сводятся к отдельным фактам, которые не отвечают своим содержанием и весомостью тем запросам, которые выдвигаются к политическому процессу, каким предусматривается процесс Голубовича и других»[3]. Однако, «основываясь на сообщении т. Балицкого о директиве политбюро ЦК, которая обусловливает необходимость постановки процесса Голубовича, невзирая ни на что», комиссия считала, «что дело могло бы быть поставлено на рассмотрение ревтрибунала только при соблюдении таких предосторожностей...»[4] Секретарь начальника ЦУПЧРЕЗКОМа Н. Л. Рубинштейн, являвшийся и секретарем комиссии, записал «Особое мнение т. Балицкого»: «Считаю, что без всяческих “предосторожностей”, а лишь при наличии специально выделенного для этого процесса состава Ревтрибунала, обвинения и защиты, процесс может быть поставлен и даст позитивные политические результаты»[5].

9 апреля 1921 г. Всеволод Балицкий отчитывался перед членами Политбюро ЦК КП(б)У о работе комиссии и отстоял свою точку зрения. Политбюро учло замечание чекиста и внесло коррективы в персональный состав ревтрибунала. Кроме того, было принято по-

---

[1] В автобиографической анкете С. С. Дукельский отмечал: «Образование начальное – не закончил 3 класса еврейского казенного училища в Елизаветграде в 1905 году, не закончил музыкальную общую частную школу в 1908 году, не закончил оперно-музыкальную частную школу Медведева в Киеве в 1909 году». [Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ.)] Регистрационный бланк члена КПСС № 04642513). Заметим также, что официальные историки органов советской госбезопасности (видимо, ради «улучшения» имиджа чекиста писали, что Дукельский был «талантливый пианист, который закончил Одесскую консерваторию». (Гладков Т. К. Медведев. М., 1985. С. 90.) Отсутствие образования не помешало С. С. Дукельскому в 1938 г. возглавить Комитет по делам кинематографии при Совете Народных Комиссаров СССР.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 14. Л. 55об.

[3] Адамський В., Канцелярук Б. 1921: політичне «виховання» українців // Розбудова держави. 1996. № 5. С. 60.

[4] Там же.

[5] Там же.

становление о том, что в обвинительном акте следует отметить связь членов УПСР с бандитами и белогвардейцами и закончить следствие в двухнедельный срок. В принятом решении было «подсказано», как готовить обвинительный акт: «В обвинительном акте отметить связь с бандами и белогвардейцами как на Украине, так и за рубежом»[1]. Решением от 17 мая 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У дает четко понять, как именно должен идти процесс: «Процесс использовать, чтобы дать характеристику поведения украинской интеллигенции»[2].

Так оно и случилось. Приговоры по делу бывших членов УПСР (эта партия в 1917 г. и позже была реальным и очень влиятельным политическим конкурентом большевиков) оказались мягкими. Власть демонстрировала «толерантность». Заметим, однако, что в начале 1930-х гг. многие участники этого процесса опять станут «клиентами» ГПУ: они пройдут по делу «Украинского национального центра» и будут уничтожены. А тогда, в 1921 г., партийные органы и чекисты сделали все, чтобы расколоть украинскую интеллигенцию. Именно так определило задание Политбюро ЦК КП(б)У на заседании 4 июня 1921 г.[3]

Кстати, свидетелями на процессе были Владимир Затонский, бывшие члены УПСР Афанасий Любченко, Александр Шумский, Иван (Израиль) Кулик, Василий Эллан-Блакитный, Юрий Мазуренко. Лишь Василий Эллан-Блакитный умрет собственной смертью, а остальные деятели (принадлежавшие к левому крылу УПСР, а впоследствии создавшие партию «боротьбистов», которая в 1920 г. вошла в КП(б)У и передала ей значительное количество ведущих политических, а особенно культурных сил), хотя и занимали некоторое время руководящие позиции в коммунистическом истеблишменте, будут беспощадно уничтожены.

Александр Яковлевич Шумский, в 1924–1927 ггг. – нарком просвещения Украины, даже будет объявлен лидером «национального уклона» (вместе с писателем Николаем Хвылевым и экономистом Михаилом Волобуевым). В начале 1927 . его отстранят от должности и отправят работать в Россию. В 1933 г. он будет арестован по обвинению в руководстве «Украинской военной организацией» («УВО»), сослан на Соловки, потом отправлен в ссылку в Красноярский край. Буквально с первых дней ареста он начнет активную борьбу за собственную реабилитацию, апеллируя к разным высоким инстанциям и к самому И. В. Сталину.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 14. Л. 76.

[2] Там же. Л. 120.

[3] Там же. Л. 130об.

А. Я. Шумскому удастся вырваться из соловецкого ада, а к 1936 г. его борьба даст результат: начинает выясняться, что «национал-уклониста» лишили свободы безосновательно. И вот тогда Всеволод Балицкий как один из главных инспираторов дела «УВО» немного занервничает. В марте он посылает тогдашнему наркому внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде «следственные материалы о контрреволюционной деятельности Шумского Александра Яковлевича». Фактически это были свидетельства, добытые, как правило, недозволенными методами. Перечень лиц, давших показания, был достаточно значительный (около 30 человек), а следовательно, Балицкий действовал беспроигрышно: слишком много подтверждений «опасности» от Шумского, поэтому его нельзя выпускать на волю. Он так ее и не дождется. В 1946 г., когда будет возвращаться в Украину, его убьют по личному распоряжению Сталина и Кагановича[1].

Обращает на себя внимание и то, что «процесс Голубовича» состоялся до известного московского процесса над социалистами-революционерами в 1922 г.[2] В сущности, в Украине впервые отрабатывалась «модель» показательного политического фарса, призванного, по точной оценке голландского исследователя Марка Янсена, «показать народным массам, что социалисты не имеют права на существование в России; что лишь коммунисты имеют право и способны руководить страной; что связываться с социалистами – значит обрекать себя на опасность. Другими словами, процесс должен был одновременно призывать под флаги коммунизма и запугать широкие слои населения»[3].

26 марта 1921 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б)У было принято решение «вместо Цупчрезкома создать ВУЧК. Председателем Вучека утвердить тов. Манцева, заместителем тов. Балицкого и членами коллегии Евдокимова, Янушевского, Рославец»[4]. Через четыре дня Президиум ВУЦВК переименовал Центральное управление чрезвычайных комиссий Украины по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями во Всеукраинскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями (ВУЧК). Работой ВУЧК долж-

---

[1] Подробнее см.: Шаповал Ю. Людина і система. Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні. Київ, 1994. С. 134–152; Шаповал Ю. Його таємниці. Виповнюється 120 років з дня народження Олександра Шумського // День. 2010. 19 листопада (# 212–213).

[2] См.: Болабольченко А. Всеволод Голубович і «справа УПСР». Київ, 1993.

[3] Янсен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М.: Возвращение,1993. С. 221.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 13. Л. 43.

на была руководить коллегия во главе с председателем. Положение, штаты, расходы ВУЧК утверждались Совнаркомом УССР.

Но фактически ЦУПЧРЕЗКОМ просуществовал до мая 1921 г., пока в составе ВУЧК не была проведена реорганизация наподобие ВЧК. С тех пор в ВУЧК входили три управления: Административно-организационное (АОУ) с административным, организационным, информационно-статистическим и финансово-бюджетным отделами Секретно-оперативное (СОУ) с отделом по борьбе с бандитизмом, особым и оперативным отделами; и Экономическое (ЭКУ) с транспортным отделением и специальными отделениями.

6 мая 1921 г. своим приказом № 5/42 председатель ВУЧК В. Н. Манцев утвердил в должностях руководящих работников ВУЧК: Е. Г. Евдокимова – начальником Секретно-оперативного управления и начальником Особого отдела СОУ по совместительству; В.П.Янушевского – начальником Административно-организационного управления; К. М. Артамонова – начальником Экономического управления; Н. А. Рославец – начальницей Политического отдела СОУ; С. С. Дукельского – заместителем начальника Особого отдела СОУ; М. Г. Михайлова – начальником Отдела по борьбе с бандитизмом СОУ; С. А. Брянцева – начальником Оперативного отдела СОУ[1]; Н. В. Королькова – начальником Транспортного отдела ЭКУ; Е. М. Братина – начальником Информационно-статистического отдела АОУ; В. Л. Торского – начальником Финансово-сметного отдела; П. П. Вальтера – секретарем Коллегии ВУЧК; С. С. Игнатова – начальником Общего отдела; Н. Д. Потапова – начальником Хозяйственного отдела[2].

---

[1] Стоит пару слов сказать и о Семене Александровиче Брянцеве. Будучи членом «тройки» Особого отдела 6-й армии он «зачищал» Крым от врангелевцев. За его подписью были вынесены постановления о расстреле в Джанкое: 4 декабря 1920 г. – 134 человека и 20 декабря 1920 г. – 41 человек; в Симферополе: 22 ноября 1920 г. – 27 человек, 24 ноября 1920 г. – 69 человек. (См.: Абраменко Л. Последняя обитель. Крым. 1920–1921 годы. Киев: МАУП, 2005. С. 92.) Беспощадность к «кровопийцам трудового народа» не мешала сыну кустаря-жестянщика, рабочему-сапожнику самому поживиться за казенный счет. В декабре 1922 г. Петинским райкомом КП(б)У Харькова он обвинялся «в продаже не принадлежащей ему мебели» и «невыполнении партобязанностей». (ГАХО. Ф. П-15. Оп. 1. Д. 14. Л. 115.) От неприятностей его спас лишь переезд в Москву на должность уполномоченного Экономического управления ГПУ РСФСР. С 1926 г. под фамилией Брагин он заведовал пушным складом Лейпцигского отделения Советского торгпредства в Германии, где пьянствовал и дебоширил, а в 1929 г. сбежал из СССР, став одним из первых невозвращенцев. (См.: Генис В. Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Опыт документального исследования: В 2-х кн. Кн. 1: «Бежал и перешел в лагерь буржуазии...» (1920–1929). М.: Ульяновский дом печати, 2009. С. 601–603.)

[2] ЦГАОУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 640. Л. 36–36об.

Отметим, что Н. Д. Потапов, будучи председателем Волынской губернской ЧК, был исключен из партии за злоупотребления «своими привилегиями и должностным положением», а конкретнее – за арест подчиненных, не желавших исполнять поручения личного характера, но В. Н. Манцев защищал его как мог и пристроил в центральном аппарате[1].

Как заместитель председателя ВУЧК В. А. Балицкий занимался и вопросами «Закордота» – Закордонного/Заграничного отдела ЦК КП(б)У. Фактически это было подразделение для разведки, контрразведки и осуществления боевых и пропагандистских операций в зарубежных странах. Сохранилась телеграмма на имя Балицкого: «Точно установлено, что посланный в Польшу "Закордотом"... коммунист Котович провокатор. Немедленно осуществите предохранительные мероприятия. Котовичем выдан член Коллегии "Закордота" Станиславский (речь идет о М. О. Станиславском – работавшем в 1932–1937 гг. заместителем Главного управления пожарной охраны ОГПУ-НКВД СССР. – *Прим. авт.*), который был арестован на границе»[2].

Энергичная деятельность Всеволода Балицкого не осталась незамеченной. Приказом ВУЧК № 90 от 11 сентября 1921 г. орденом Красного Знамени были награждены украинские чекисты, которые «наиболее отличились и личными заслугами приблизили момент и увенчали успех победы:

Балицкий В. А. – Заместитель Председателя ВУЧК;

Воронцов И. А. – Начальник Особого отдела Киевского военного округа;

Дейч М. А. – Председатель Одесской Губчека;

Дукельский С. С. – заместитель начальника Особого отдела ВУЧК;

Заковский Л. М. – Председатель Подольской Губчека;

Капустянский А. Л. – заведующий Секретно-оперативным отделом Киевской Губчека;

Кравченко И. В. – заместитель председателя Одесской Губчека;

Лившиц Я. А. – председатель Киевской Губчека;

Трепалов А. М. – председатель Екатеринославской Губчека»[3].

---

[1] Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.). С. 137.

[2] Козенюк В., Вівчарик М. Предтеча органів держбезпеки // Військо України. 1996. № 5–6. С. 49.

[3] Архив Управления внутренних дел Харьковской области (далее – АУ МВД ХО). Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Л. 123об.

Новые орденоносцы отличались по-разному. Так, в августе–октябре 1920 г. отряд под руководством уполномоченного Особого отдела Юго-Западного фронта А. Л. Капустянского, дважды приговаривавшегося при царизме к смертной казни за участие в революционном движении[1], на Полтавщине пополнял свои ряды в основном бывшими уголовниками, терроризируя местное население. В докладной на имя председателя Полтавского губисполкома сообщалось, что отряд Капустянского, «получив такое сволочное пополнение, занимается пьянством, грабежами и недопустимыми самовольными конфискациями»[2].

17 октября 1921 г. Политбюро ЦК КП(б)У поручило Всеволоду Балицкому «рассортировать» повстанческих атаманов, сложивших оружие, по таким категориями: «амнистированные, несколько раз амнистированные и ненадежные»[3]. И именно в октябре 1921 г. встал вопрос об отзыве В. Н. Манцева с Украины в связи с назначением его председателем Петроградской губернской ЧК вместо Б. А. Семенова «в связи с исключительной важностью Питера»[4]. Заместитель председателя ВЧК И. С. Уншлихт телеграфом сообщил, что председателем ВУЧК назначен бывший председатель Московской ЧК С. А. Мессинг. ЦК КП(б)У с этим не согласился и высказал встречное предложение. В телеграмме от 1 ноября 1921 г. на имя секретаря РКП(б) В. М. Молотова отмечалось: «Политбюро ЦК, принимая во внимание отзыв Манцева, категорически настаивает на кандидатуре Балицкого в. и. о. председателя ВУЧК»[5].

Просьбу руководства УССР в Москве не учли. ЦК КП(б)У настаивал на своем, и вскоре был найден компромисс. В 16 ч 30 мин 8 ноября 1921 г. Уншлихт послал телеграмму Манцеву: «Последние события на Украине заставили Президиум ВЧК пересмотреть свое последнее решение и предложить политбюро ЦК оставить вас на Украине, а в Петроград послать тов. Мессинга. Политбюро на сегодняшнем заседании наше предложение утвердило»[6]. И в самом деле, в тот же день Политбюро ЦК РКП(б) решило «разрешить ВЧК назначить т. Мессинга председателем губчека в Петроград, оставив

---

[1] Органи державної безпеки Київщини (1919–1991) у фотографіях і документах. С. 75.

[2] Ревегук В. Я. За волю України. Нариси історії повстансько-партизанської боротьби на Полтавщині в 1917–1923 рр. С. 249.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 16. Л. 75.

[4] В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917–1922). С. 516.

[5] Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. В. А. Балицький. На шляху до правди про нього // Український історичний журнал. 1993. № 4–6. С. 52.

[6] АУ ФСБ РФ Омской области. Д. 199347. Л. 24.

т. Манцева на Украине»[1]. Случай, в принципе, уникальный для тогдашней практики отношений центра и окраин. Дзержинский, комментируя эту ситуацию, написал Манцеву, что «Балицкий может немного сердится за всю эту историю, да и то напрасно»[2].

6 февраля 1922 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет (ВЦИК) в Москве решил упразднить Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК) и создать при НКВД РСФСР Государственное Политическое Управление (ГПУ). На эти изменения отреагировали и в Харькове: постановлением Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета (ВУЦИК) от 22 марта 1922 г. отменялась Всеукраинская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и должностными преступлениями и ее местные органы, то есть ВУЧК. При НКВД УССР было организовано Государственное политическое управление УССР, местными органами которого стали губернские отделы, создававшиеся при губернских исполнительных комитетах и действовавшие на основании особого положения, утвержденного Президиумом ВУЦИК.

Председатель ГПУ УССР по согласованию с ГПУ РСФСР был полномочным представителем последнего в Украине. Ему подчинялись особые и транспортные отделы, которые должны были вести борьбу с преступлениями в армии и на транспорте в пределах территории УССР, а также войска ГПУ в Украине.

Начатая реформа официально имела целью трансформировать органы безопасности из временных и чрезвычайных в те, что встраивались бы через Наркомат внутренних дел в общую систему тогдашней коммунистической государственности. Не случайно Председатель ГПУ в то же время стал и наркомом внутренних дел. Деятельность ГПУ должна была проходить под надзором создаваемой прокуратуры. Однако именно с этого времени, как отмечает, в частности, Павел Судоплатов (он, кстати, родился в Украине и здесь начинал свою карьеру) в книге воспоминаний, «ГПУ, должно было стать основным источником информации для всех уровней советского руководства»[3].

Так оно и случилось. Например, в инструкции 1921 г. для районных уполномоченных Каменецкой уездной ЧК читаем: «Одним из наиболее важных отделов Чека является хорошо поставленная информация, благодаря коей Уездная Чрезвычайная комиссия имеет

---

[1] В. И. Ленин и ВЧК. С. 521.

[2] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926. С. 345.

[3] Судоплатов П. Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля. М.: Гея, 1996. С. 14.

возможность дать центру точную обрисовку положения своего уезда, волости, села или деревни.

Только хорошо обрисованная и поставленная информация может явиться залогом к уничтожению тех или других отрицательных явлений в советском строительстве. Поэтому каждый районный уполномоченный раз и навсегда должен помнить, что он является всевидящим оком органа пролетарской диктатуры – Чрезвычайной комиссии и к делу должен относиться безукоризненно честно и серьезно, не преувеличивая и не преуменьшая получаемых им сведений от осведомителей и наблюдаемых лично...»[1]

Чтобы систематически получать нужную информацию, чекисты создавали сеть информаторов в каждом коллективе. Вот что говорилось о принципах вербовки информаторов в одной из строго секретных директив-инструкций по агентурной работе: «Вообще следует учитывать, что обычно наши объекты идут на вербовку только путем определенного давления на них в результате использования имеющихся обстоятельств. Попытки вербовать "на авось", практикующиеся часто, в большинстве случаев заканчиваются неудачами. Как правило, не следует злоупотреблять вызовами на вербовку тех взятых на учет, на которых нет компрометирующих материалов или не обнаружено таких данных, которые способствовали бы успешной вербовке»[2].

Документы и факты свидетельствуют, что важную роль в формировании мнения партийно-политического руководства о тенденциях и состоянии общественной жизни с самого начала играло Секретно-оперативное управление, созданное, как уже отмечалось, в 1921 г. В его состав входили: политический отдел, особый отдел, отдел по борьбе с бандитизмом, оперативный отдел (вспомогательный) и канцелярия[3]. Первому из этих отделов была поручена работа по «политическим партиям и политическим группировкам контрреволюционного характера»[4].

Сохранилось чрезвычайно много оперативно-информационных сводок, которые посылались в ЦК КП(б)У. В период 1919–1921 гг. они посвящены преимущественно вопросам борьбы с таким явлением, как бандитизм. Кстати, исследователям стоило бы поглубже рассмотреть то, что именно считалось в то время бандитизмом. Как пра-

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 3361. Оп. 1. Д. 16. Л. 28.

[2] ГПУ УССР. Секретно-оперативное управление. Директива-инструкция по агентурной работе. Харьков, 1930. С. 5.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 640. Л. 35об.

[4] Там же.

вило, эти документы имели название «Оперативно-информационная сводка №_____ о движении бандитизма на Украине» на определенный период времени.

Напомним, что борьба с повстанческим движением, широко распространенным в Украине, была весьма длительной. По сведениям ВУЧК, в сентябре 1921 г. в Украине действовали 64 отряда, в которых находилось 3277 повстанцев. До конца 1922 г. власть боролась со 111 организованными формированиями, насчитывавшими 2 634 человека. На 1 апреля 1923 г. в Украине существовало 26 отдельных вооруженных отрядов общей численностью 168 человек. До февраля 1924 г. осталась 21 группировка. Лишь в марте 1926 г. ГПУ констатировало, что политического бандитизма в Украине больше нет.

Упомянутые сводки имели преимущественно оперативный характер и не претендовали на какие-то политические обобщения, не содержали каких-то определенных рекомендаций, а разделы «Выводы» имели конкретное значение. Вместе с тем уже в документах того периода находим и рекомендации более широкого содержания, к которым прислушивались партийно-государственные руководители.

Большой интерес представляют бюллетени Политического отдела ВУЧК, где дан отчет о политических настроениях в связи с тем или иным событием в общественной жизни. Немало этих бюллетеней, в частности, посвящены отчетно-избирательной кампании в тогдашней столице Украины – Харькове в связи с выборами в Харьковский городской совет в октябре 1921 г. Как правило, в приложениях к этим бюллетеням можно найти документы, удостоверяющие наличие альтернативных большевикам-коммунистам политических партий и течений. Так, например, во время выборов в Харьковских вагонных мастерских и Главном депо 28 октября 1921 г. были выдвинуты кандидатуры от объявленной позже «националистической» и разгромленной (по тогдашней терминологии «самораспустившейся») Украинской коммунистической партии (УКП). Среди тех, чьи имена перечислены, находим и тех деятелей, которые достаточно скоро станут «клиентами» чекистов, в частности Андрея Ричицкого, Юрия Мазуренко и др.[1]

Чрезвычайно интересно сопоставить настоящий документ с датированным сентябрем 1923 г. специальным докладом ГПУ о состоянии УКП. Его тональность более категоричная, создается впечатление, что авторы точно знали: к их мысли прислушиваются. В настоящем документе, например, отмечалось наличие «ликвидаторов» – группи-

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 641. Л. 25.

ровки, действовавшей в Киеве и критиковавшей руководство УКП. Назывались шесть лиц, а среди них и какая-то Савченко, «старый член партии, которая работает пока еще очень осторожно в контакте с местным губотделом ГПУ и Губкомом...»[1]

Далее шла речь об углублении «ликвидаторского» течения в Киеве и о перебрасывании ее на Екатеринославщину и другие места: «Движение ликвидаторов в Киеве необходимо всеми средствами поддерживать и углублять, используя это течение во всеукраинском масштабе. Подпольную работу группы «ликвидаторов» продолжать, пока на их стороне не окажется абсолютное большинство, после чего возможным будет вынести эту работу открыто, такая работа приведет к окончательной ликвидации УКП. Что касается слияния с КП(б)У.., то этот вопрос необходимо обойти, поскольку в рядах УКП имеется большое количество петлюровского элемента»[2].

Немало документов аналогичного характера подтверждают, насколько ощутимым было стремление чекистов формировать определенную точку зрения на политических противников большевизма, а также видеть потенциальных врагов даже в тех силах, в частности в представителях интеллигенции, которые в принципе не отказывались от сотрудничества с большевиками. Это стремление совпало с еще одной могучей и, как выяснилось позже, непреодолимой тенденцией к фабрикации разного рода «дел», формированию «контрреволюционных» организаций, к беззаконию в условиях, когда у чекистов оказывалось в руках все больше власти.

Характерно, что на стремление работников ЧК перетягивать на себя функции, далекие от тех, которые им предписывались, достаточно рано указали сами большевистские руководители. Особенно четко это отразил приказ № 2 по ЦУПЧРЕЗКОМу от 15 января 1921 г., подписанный В. Н. Манцевым. В нем, в частности, отмечалось: «За последнее время наблюдается, что некоторыми чрезвычайными комиссиями и особыми отделами в борьбе с контрреволюционными, спекулятивными и другими организациями применяется т[ак] наз[ываемый] метод вхождения или введения в акт организации своих агентов в целях освещения и установления деяний как отдельных личностей, так и всей организации. И казалось бы, что при применении этого метода роль агента должна была бы ограничиваться разведывательной работой, но зачастую агенты из роли пассивной, наблюдательной, пресекающей преступления, переходят к активным действиям, **занимаясь созданием организации** (выделено нами. – *Прим. авт.*), сплочением

[1] Там же. Д. 1757. Л. 188об.

[2] Там же.

отдельных персон организации, и иногда подталкивая пассивный антисоветский элемент и обывателя к активной работе.

А старшие товарищи, ответственные руководители, смотрят на подобного рода работу сквозь пальцы и поощряют, **вводя эту тактику в принцип** (выделено нами. – *Прим. авт.*)»[1].

Понятно, в приказе осуждалась такого рода практика и подчеркивалось, что погоня за раскрытием организаций, «раздувание дел или создание организации, хотя бы и с целью раскрытия подозреваемого заговора – преступны, ибо подобного рода деятельность ведет к определенному вырождению наших революционных органов Чрезвычайной борьбы в старые, жандармские, сыскные отделения»[2].

Но, как показывают факты и документы, политическая реальность оказалась сильнее любых приказов: «дела» и «контрреволюционные» организации росли как грибы и фабриковались с размахом. Особенно когда, учитывая определенную политическую конъюнктуру, нужно было «заклеймить» представителей той или другой политической категории, «националистической интеллигенции», «вредителей» и даже представителей определенной национальности. Именно это подтверждают документы, раскрывающие механизм работы чекистских органов.

Необходимо серьезно исследовать те моральные критерии, по которым действовали чекистские органы. Здесь можно указать на одну характерную черту: из года в год инструкции по отбору кадров все меньше напоминали о преданности делу пролетариата. Руководителей ЧК, а впоследствии ГПУ-НКВД, волновало в первую очередь другое – умение работников быть дисциплинированными, выполнять все поручения, хранить секретность по любому делу. Одна из инструкций начала 1920-х гг. требует: «Быть аккуратным, чистоплотным, чтобы ваша внешность привлекала к вам клиентов и предоставляла возможность вынудить из них все необходимое...

Следует всегда помнить приемы иезуитов, которые не шумели на всю площадь о своей работе и не выставляли ее напоказ, а были скрытными людьми, которые обо всем знали и умели лишь действовать»[3].

Вместе с тем сами чекистские документы, например приказы, оставили очень много свидетельств о том, что своеволие, казнокрадство, проявления аморализма были постоянными спутниками всей истории существования органов ЧК-ГПУ-НКВД. Об этом не вспоминала советская официальная историография, заинтересован-

---

[1] Там же. Д. 640. Л. 21.

[2] Там же.

[3] ВЧК-ГПУ / сост. Ю. Фельштинский. С. 132.

ная в романтизации органов безопасности. Только начиная со времени горбачевской «перестройки» начали публиковаться документы 1920–1930-х гг., которые отражают реальное положение вещей, в частности показывают, кому именно было поручено вести войну против интеллигенции.

Вот, например, небольшой отрывок из письма группы коммунистов-чекистов в ЦК РКП (б) от 18 марта 1921 г.: «Как это ни грустно, но мы должны сознаться, что коммунист, попадая в карательные органы, перестает быть человеком, а превращается в автомат, который приводится в действие механически. Даже механически мыслит, потому что у него отобрали право не только свободно говорить, но и свободно индивидуально мыслить... Теперь, если мы посмотрим на коммунистов, которые находятся в пролетарских карательных органах, то мы увидим, что они стоят вне политической жизни Республики, поскольку благодаря длительному пребыванию в карательных органах, благодаря однообразной, черствой, механической работе, которая заключается только в разыскивании преступников и в уничтожении, они постепенно против собственной воли становятся индивидами, которые живут отдельной жизнью. В них развиваются плохие наклонности, как высокомерие, честолюбие, жестокость, черствый эгоизм и тому подобное, и они постепенно, для себя незаметно, откалываются от нашей партийной семьи, создавая свою особенную касту, которая ужасно напоминает касту прежних жандармов... Будучи бронированным кулаком партии, этот самый кулак бьет по голове партии»[1].

Многое абсолютно точно определили авторы этого письма. Тенденции, проявившиеся еще в начале 1920-х гг., не только не исчезли, а наоборот, укрепились в последующие годы. Поэтому важно развенчать мифы о чекистах, рассказать правду о тех реальных методах, какие они применяли в 1920-е гг. против мирного населения. Например, о системе заложников, внедренной по инициативе В. И. Ленина, в августе 1918 г. предложившего брать или назначать заложников в каждом хлебном уезде для получения «излишков» хлеба.

В Украине были разработаны специальные инструкции Постоянного военного совещания, в соответствии с которыми в заложники брали тех, кто пользуется популярностью и авторитетом всего села, чтобы все село чувствовало себя ответственным за них. Прежде всего, эта система использовалась для того, чтобы заставить крестьян выполнить планы сдачи хлеба государству. Так же использовалась

[1] Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. С. 45.

круговая порука, практиковавшаяся в «неблагонадежных районах». Здесь карали еще и за недоносительство. Еще один метод – введение института ответчиков. В соответствии с секретной инструкцией ответчики назначались в больших населенных пунктах из расчета один от каждых 30 домов, в селах и хуторах – от 10 домов.

В инструкции о порядке назначения ответчиков, утвержденной Постоянным совещанием 26 июля 1922 г., содержались рекомендации исполнителям путем террора ставить ответчиков в такие условия, когда они становятся информаторами большевистской власти и врагами бандитов, дать возможность ответчикам купить себе жизнь выдачей бандитов, заменяя расстрел заложничеством. Требовалось создавать на селе условия, когда «бандиты» и «ответчики» будут бояться доносов со стороны малоимущих. Предусматривалось, что за донос в фонд Комитета малоимущих крестьян (КМК) как вознаграждение попадет половина конфискованного имущества «кулака». Существовал еще институт пятихатников и десятихатников, то есть ответчики один от 5 и 10 домов зажиточных крестьян. В случае доказанной вины ответчиков беспощадно расстреливали.

Процитируем уникальные документы, которые требовали чекисты от «ответчиков». Как правило, это были анкета и подписка. Вот примеры таких документов из села Городище Луганского уезда:

«***Анкета.***

Фамилия Батюшин

Имя Анисим

Отчество Федоров

Время рождения 75 лет

Уроженец Донецкой губ. Луганского уезда Городищенской волости

Семейное положение Жена 60 лет, дети 39 лет. 40 лет.

Национальность Русский

Род занятий Хлебороб

Имущественное положение Дом, 3 штуки быков, одна корова, 3 шт. овец, 1 сеялка, 1 веялка, 1 плуг, две бороны

Прежняя судимость Под судом не был

Подпись ответчика За свою неграмотность ставлю три креста

1923 г. 5 дня апреля

Сотрудник отделения Донецкого Губернского Отдела ГПУ по Луг[анскому] уез[ду] Игнатов.

Подписка

Я ответчик за появление грабежей и бандитизма в пределах села Городище Луганского уезда Батюшин Анисим Федорович, даю на-

стоящую в том, что указанное обязываюсь без ведома Отделения ДГО ГПУ Луг. уезда никуда не давать в случае появления в селе Городище грабежей и бандитизма отвечаю по всем строгостям законов Соввласти, в чем и расписываюсь.

За неграмотность ставлю три креста

Сотрудник отделения Донецкого Губернского Отдела ГПУ Луганского уезда

Игнатов».[1]

В некоторых случаях Всеволод Балицкий лично инициировал захват заложников. Так чекист П. Н. Пташинский, вспоминая о своем телефонном разговоре с Балицким во время операции по ликвидации холодноярских атаманов в Кременчугской губ. летом 1921 г., писал, что зампред ВУЧК приказал ему действовать так, как велит ему его революционная совесть и сознание, принять строгие меры и взять заложников[2].

Любопытный документ об ответчиках, подписанный Балицким, был недавно обнародован украинскими историками. В нем предписывалось «не брать ответчиками при борьбе с бандитизмом евреев, если они не связаны с бандитами»[3].

Все эти мероприятия вместе с расстрелами, задержаниями, арестами в конечном итоге дали свои результаты. Сохранилось много документов о ходе этого кровавого противостояния, подписанных лично Балицким. Так, 27 марта 1922 г. он отчитывался заместителю председателя ГПУ РСФСР И. С. Уншлихту о ликвидации петлюровской организации «Первый Казачий совет Правобережной Украины»: «Политическая окраска самостийная. Связь с украинской профессурой и украинской интеллигенцией Чехивским-Василенко, Веселовским»[4]. 14 апреля 1922 г. Балицкий вместе с Манцевым докладывает на Политбюро ЦК КП(б)У «Об изъятии ценностей из церквей» и «О создании Государственного политического управления УССР»[5].

Мы уже вспоминали о процессе над членами ЦК УПСР. Однако в начале 1920-х гг. украинскую интеллигенцию пытались «поставить

---

[1] Цит. за: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. Київ, 2001. С. 52–53.

[2] Коваль Р. М. За волю і честь. Невигадані історії і вояцькі біографії. Київ: Діокор, 2005. С. 100.

[3] Цит. по: Реабілітовані історією: У двадцяти семи томах. Чернігівська область / упорядники: О. Б. Коваленко, Р. Ю. Подкур, О. В. Лисенко, О. І. Желєзна. Кн. 1. Чернігів: РВК «Деснянська правда», 2008. С. 194–195.

[4] Ченцов В. В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. Тернопіль, 2000. С. 86.

[5] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 29. Л. 68–69об.

на колени» не только с помощью политико-идеологического разоблачения. Когда в 1922 г. за границу из большевистской России была депортирована группа интеллектуалов, среди них были и представители Украины. 23 июня 1922 г. Политбюро ЦК КП(б)У, обсудив вопрос «О политических выступлениях профессуры», предложило Наркомату образования и ГПУ «применить как одно из репрессивных мероприятий против активистских элементов профессуры высылку за пределы федерации»[1].

До 3 августа 1922 г. украинская часть списка была подготовленная ГПУ. В нее вошли 77 лиц, среди них 47 работников высших учебных заведений (из них 32 профессора), жители Харькова, Киева, Екатеринославля, Одессы, Каменец-Подольского. Этот список был одобрен ЦК КП(б)У и ВУЦИКом. 9 августа 1922 г. «список антисоветской интеллигенции, составленный ГПУ Украины», был рассмотрен и утвержден на заседании специальной комиссии ЦК РКП(б) в Москве[2]. В ночь с 17 на 18 августа состоялись аресты.

В то же время чекисты считали, что украинская эмиграция может с восторгом воспринять новое интеллектуальное пополнение, еще более сплотится и тогда ГПУ будет значительно сложнее вести работу по ее дезорганизации. Эту мысль поддержали в ЦК КП(б)У, секретарь которого (это был Д. З. Лебедь) 7 сентября 1922 г., докладывая Сталину, Куйбышеву и Молотову об арестах, писал, что высылать украинских профессоров за границу вообще нецелесообразно, поскольку там и так сложилась достаточно мощная эмигрантская группировка, и обращался с просьбой ограничиться высылкой в отдаленные районы СССР[3]. В итоге многие из кандидатов на высылку за границу так и остались кандидатами. Среди них были, в частности, и одни из главных действующих лиц на будущем процессе «Союза освобождения Украины» – С. А. Ефремов и В. М. Чехивский. При этом ГПУ инициировало утверждение в январе 1923 г. решения Политбюро ЦК КП(б)У о проведении очередной «чистки» высших учебных заведений «от политически вредных и антисоветских элементов»[4].

Высылали из Украины не только интеллигенцию. Еще 14 апреля в 1922 г. по предложению Манцева и Балицкого Политбюро ЦК КП(б)У предоставило ГПУ УССР «право высылки за пределы УССР через ГПУ РСФСР членов партий правых и левых эсеров, меньшевиков,

---

[1] Гусєв В. Застосувати як одну з репресивних мір проти професури вислання за межі федерації // Віче. 1994. № 10. С. 124–125.

[2] Там же. С. 125.

[3] Латышев А. Г. Рассекреченный Ленин. С. 221.

[4] Гусєв В. Застосувати як одну з репресивних мір проти професури вислання за межі федерації // Віче. 1994. № 10. С. 128.

подпольщиков-анархистов и участников петлюровских, савинковских и других белогвардейских организаций, пребывание которых на территории УССР угрожает революционному порядку[1]. И уже 23 октября того же года ЦК КП(б)У, заслушав доклад Балицкого, признало «работу ГПУ УССР по ликвидации эсеров и меньшевиков ударной» и предложило чекистам «изъять» эсеров и меньшевиков до объявления выборов в Советы.

Следует сказать и о прямой и активной причастности Всеволода Балицкого еще к одному важному делу. Речь идет о его энергичном участии в совершенствовании и укреплении органов ЧК-ГПУ. Как свидетельствуют документы, во время большевистской новой экономической политики (НЭП) сотрудники ЧК, воспитанные в условиях кровавого противостояния, почувствовали не просто дискомфорт, а серьезную опасность для собственного существования. В первую очередь НЭП изменил финансово-экономическое положение «карающего меча революции».

Это, в частности, зафиксировала справка «К вопросу о положении органов ГПУ УССР», подготовленная в январе 1923 г. и подписанная В. А. Балицким. Скорее всего, настоящий документ был составлен для Москвы, но копию послали, как подобает, в ЦК КП(б)У. «Новая экономическая политика, – отмечалось в документе, – ухудшившая состояние значительной части органов, которые находились на госснабжении, отразилась чрезвычайно негативно и на положении органов Госполитуправления. Лишившись реальной поддержки других государственных организаций, которые снабжали нас предметами первой необходимости для секретной работы до “нэпа” и которые полностью отказали нам в этой помощи после перехода на самоокупаемость; введенные в твердый бюджет, который целиком не соответствует реальной потребности, органы ГПУ вынуждены сократить темп и характер работы в тех областях, где это является, с точки зрения защиты Республики, прямо преступным»[2].

Указывая на проблемы ГПУ, Всеволод Балицкий коснулся сокращения «численности центрального органа и подведомственной ему периферии», отметив, что на 1 января 1922 г. было 21 970 человек гласных сотрудников, а на 1 июля 1923 г. – 9 737 человек[3]. В этом же документе названа численность гласных и тайных сотрудников ГПУ – 16 000 человек.[4] Интересно и то, что констатировалось «мас-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 29. Л. 68–69об.

[2] Там же. Оп. 20. Д. 1757. Л. 1.

[3] Там же. Л. 2.

[4] Там же.

совое бегство»[1] сотрудников из ГПУ, а среди них членов партии: на 1 января 1922 г. коммунистов в органах было 7 812 человек, а на 1 июля того же года – 3 427 человек. «Таким образом, – писал Балицкий, – за первую половину 1922 года из органов ГПУ ушли свыше четырех тысяч членов партии... Поскольку эта тенденция, которая вызвана главным образом плохим материальным положением, не локализована, а в следующие месяцы увеличилась, перед органами ГПУ стоит как очередная и первостепенная задача прекратить уменьшение общего количества членов партии, то есть принять все меры к улучшению быта и материального положения сотрудников ГПУ»[2].

И такие мероприятия, очевидно, были осуществлены, поскольку партия рассматривала органы как опору своей власти. В частности, в апреле 1923 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «О секретном фонде для потребностей ГПУ» и постановило: «Поручить Фрунзе создать под своим председательством комиссию по представителям Наркоматов и в 3-дневный срок решить вопрос»[3].

Через несколько дней Всеволод Балицкий уже докладывал на заседании этой комиссии (присутствовали М. В. Фрунзе, Брон, Лобачев, Е. Г. Евдокимов, Ксандров, М. К. Владимиров, Духовный). После короткого обсуждения постановили: «Признать необходимым добиваться отчислений определенной части секретного общефедеративного фонда для удовлетворения потребностей Украины, исходя из тех рассуждений, что особенность обстановки на Украине вызывает безотлагательную необходимость функционирования достаточно сильного аппарата секретных информаторов. Предложить т. Владимирову провести это постановление в Москве через соответствующие инстанции, обязав тов. Балицкого обеспечить его всеми необходимыми для этого материалами; поручить т. Фрунзе и Манцеву лично поддерживать это ходатайство во время их поездки в Москву». Решено было также отчислить в интересах ГПУ определенный процент из конфискованных валюты и ценностей[4].

Тем временем решилась судьба Василия Манцева. 23 июля 1923 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело заявление председателя ГПУ УССР о его отзыве из Украины и решило обратиться в Политбюро ЦК РКП(б) с просьбой оставить Манцева в Украине на время отпуска Балицкого. Последнего назначили еще и времен-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1757. Л. 3.

[2] Там же.

[3] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 59.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 34. Л. 123.

но исполняющим обязанности наркома внутренних дел УССР[1]. В Москве учли просьбу «украинских товарищей» и задержали перевод Манцева в Москву. Прошло несколько недель, и на Лубянке издали приказ за № 102, в § 1 которого отмечалось: «Тов. Манцев В. Н. в связи с назначением членом Коллегии Народного Комиссариата Рабоче-крестьянской Инспекции освобождается от должности Полномочного Представителя ГПУ и Председателя ГПУ Украины и остается членом коллегии ГПУ.

Полномочным Представителем ГПУ на Украине назначается тов. Балицкий В. А. с 1 сентября этого года»[2].

Как видим, кандидатура нового председателя ГПУ УССР уже ни у кого не вызывала никаких возражений и сомнений. Тем более что в сознании многих партийных, государственных и военных деятелей само имя Балицкого ассоциировалось с ГПУ. В некоторых документах того времени иногда их даже разделяли, отмечая что Василий Манцев руководил НКВД, а Всеволод Балицкий – ГПУ.

Например, в приказе за № 31 от 31 июля 1922 г. по 4-му Украинскому полку войск ГПУ комполка Мухин и военком Махортов информировали личный состав о том, что «29-го июля этого года мной и в. и. о. военкома полка был сделан доклад Народному Комиссару внутренних дел тов. Манцеву и председателю Государственного Политического Управления тов. Балицкому об избрании их... почетными красноармейцами. Т. т. Манцев и Балицкий приказали сердечно благодарить полк за оказанное внимание и передать, что в тяжелую минуту нашей рабоче-крестьянской республики они всегда разделят славу и согласны умереть с 4-м Украинским полком за наше общее дело освобождения трудящихся от гнета капитала»[3].

В своей автобиографии Балицкий фиксирует: «В 1923 году назначаюсь народным комиссаром внутренних дел и Председателем ГПУ»[4]. В его деятельности и впрямь начинался новый этап – он стал первым лицом в системе коммунистической спецслужбы Украины.

---

[1] Там же. Д. 440. Л. 81об.

[2] АУ ФСБ РФ Омской области. Д. 199347, Л. 12.

[3] Там же. Л. 16.

[4] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 60.

ГЛАВА 2

ГОТОВЯ «РЕВОЛЮЦИЮ СВЕРХУ» (1923–1928)

Первым большим делом, с которым довелось столкнуться новому председателю ГПУ УССР, было дело генерал-хорунжего Юрия Иосифовича Тютюнника. Его чекисты выманили из Польши и арестовали в июне 1923 г. благодаря операции под общим руководством полномочного представителя ГПУ по Правобережной Украине Е. Г. Евдокимова и начальника Контрразведывательного отдела этого же полпредства Н. Г. Николаева-Журида. Главным исполнителем операции был перевербованный офицер армии Украинской Народной Республики атаман Г. Л. Заярный, которого генерал-хорунжий знал лично по гражданской войне. Помогали ему бывшие активные борцы с советской властью – П. И. Погиба и Н. В. Гриневский-Осадчий. Вся эта троица этим не только спасла себе жизнь, но и заслужила право работать в... большевистских органах госбезопасности[1].

По свидетельству бывшего советского дипломата Г. З. Беседовского, Феликс Дзержинский категорически настаивал на расстреле атамана, а руководство УССР считало, что Тютюнника можно «приручить» и использовать. Во внутреннюю тюрьму ГПУ УССР, где содержался генерал-хорунжий, приходили тогдашние руководители Украины и проводили профилактические беседы. Эти визиты, как писал Беседовский, «закончились тем, что Тютюнник заявил о своем полном раскаянии, о желании работать с советской властью...»[2].

Большевистское правительство поручило главе ГПУ «проверить серьезность и искренность намерений» петлюровского атама-

---

[1] Сотрудника 3-го (контрразведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР П. И. Погибу, курсанта 1-го Управления НКВД СССР Г. Л. Заярного и начальника 3-го отделения УРКМ Управления НКВД по Орджоникидзевскому краю Н. В. Гриневского-Осадчего арестуют в конце октября 1938 г. (после арестов их покровителей – заместителя наркома водного транспорта СССР Е. Г. Евдокимова и начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР Н. Г. Николаева-Журида) и расстреляют в 1939 г.

[2] Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. С. 128.

на[1]. О том, как осуществлялась эта «проверка», Всеволод Балицкий позже вспоминал так: «Хотя обращение Тютюнника и не было для ГПУ неожиданным, потому что мы знали, что украинская эмиграция полностью разложилась, однако к предложению Тютюнника мы отнеслись сначала с недоверием. Получив от правительства поручение проверить искренность заявления Тютюнника, а также получить гарантию его откровенности, я должен был начать с ним длительные переговоры. Для того, чтобы убедиться в откровенности замыслов Тютюнника, я поставил перед ним вопрос о гарантии, и, в первую очередь, о выдаче его архива. Мои условия были Тютюнником приняты и выполнены. Архив был предоставлен в мое распоряжение – это был богатейший материал о моральном состоянии руководителей украинской эмиграции и об их плотных связях с иностранными государствами, на иждивении которых они фактически находятся...

Получение архива семьи Тютюнника и целого ряда его сторонников дали мне возможность определить меру откровенности по отношению к Советской власти, передать его заявление о легализации в ВУЦИК с соответствующим положительным выводом. Тютюнник и его сторонники... являются наиболее активными элементами среди украинской эмиграции. Они на себе испытали силу панских пинков... Здесь, на Украине, они убедились, что лишь Советская власть и Коммунистическая партия способны дать развиться нации вообще. И, конечно, наиболее честные элементы украинской эмиграции после этого сделают вывод, с кем им по пути в данный исторический момент»[2].

Большую роль в «идеологическом разоружении» атамана сыграл начальник Контрразведывательного отдела ГПУ УССР В. Т. Иванов, который, по словам Балицкого, «закончил дело атамана Тютюнника (вызвана из-за границы семья Тютюнника, ряд его помощников, а также архив организации), и провел работу по разложению петлюровщины в стране и за рубежом»[3].

Юрий Тютюнник был амнистирован, после освобождения преподавал в Харьковской школе красных старшин, работал секретарем-инспектором ревизионной комиссии Всеукраинского государственного общества торговли. Был соавтором сценария фильма «Звенигора», а в откровенно пропагандистском фильме «ПКП» сыграл самого себя. К слову, «ПКП» расшифровуется так: «Пилсудский купил Петлюру».

---

[1] Більшовик. 1923. 27 жовтня.

[2] Михайленко А. Г., Ткаченко А. К. Легенда для генерала. Киев: Молодь, 1984. С. 189–190.

[3] ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 159.

Однако о прошлом Тютюнника никто не забыл. 12 февраля 1929 г. он был опять арестован и в марте того же года этапирован в распоряжение Контрразведывательного отдела ОГПУ СССР. 3 декабря 1929 г. Коллегией ОГПУ СССР Тютюнник был приговорен к расстрелу с отсрочкой до особого распоряжения. По нашему мнению, такое решение было связано с попытками чекистов использовать генерал-хорунжего в каком-то громком политическом процессе, но из этого замысла ничего не вышло. 20 октября 1930 г. атаман был расстрелян[1].

Осенью 1923 г. партийная дискуссия продолжилась, активное участие в ней принимали и чекисты. В своем выступлении на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны 2 июня 1937 г. И. В. Сталин так вспоминал те времена: «Дзержинский голосовал за Троцкого, не только голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист и весь ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось»[2].

Сторонники Троцкого нашлись и в рядах чекистов Украины. Так, почти вся партийная организация Киевского губотдела ГПУ после выступления Н. В. Голубенко проголосовала за троцкистскую платформу. Среди троцкистов были такие ответственные работники, как помощник начальника губотдела ГПУ В. М. Горожанин, заместитель начальника СОЧ Я. З. Каминский, секретарь парторганизации П. М. Рахлис, старший уполномоченный СО Воронов, уполномоченный КРО Н. С. Алехин, уполномоченный ЭКО А. И. Рыклин, уполномоченный ОО А. Я. Аузен, уполномоченный разведки Янов[3]. Киевские чекисты, правда, после соответствующей обработки достаточно быстро поняли свою ошибку и по предложению Горожанина написали покаянное письмо в местную газету «Пролетарская правда»[4]. А вот П. М. Рахлис каяться не пожелал и вскоре был отправлен в Подольский губернский отдел ГПУ на должность простого уполномоченного.

Троцкистов в центральном аппарате ГПУ УССР возглавлял начальник СОЧ Яков Абрамович Лившиц (как отмечалось ранее, в документах часто писали и «Лифшиц»). Он родился в 1896 г. в городе

---

[1] Божко О. Генерал-хорунжий армії УНР // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1998. № 1–2. С. 26–27.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2003. С. 203.

[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 33032 ФП. Л. 10–11.

[4] Пролетарская правда (Киев). 1924. 21 февраля.

Мозыре Минской губернии в семье табельщика спичечной фабрики. В двухлетнем возрасте потерял отца. Мать, чтобы хоть как-то прокормить четырех детей стала заниматься поденной работой[1]. Никакого образования не получил, что позволило позже И. В. Сталину заметить, что «Лившиц был малограмотным рабочим»[2]. Рабочим же он стал рано – в двенадцать лет начал учиться на токаря по металлу, в пятнадцать стал трудиться по специальности. В Мозыре заработки были мизерными, и Яков перебрался в Киев, но задержаться тут не удалось, поскольку евреям для постоянной работы нужен был вид на жительство. Пришлось перебираться в Одессу, где в 1912–1913 гг. работал на арматурном заводе и на заводе Кута. Там стал членом профсоюза и приобщился к революционному движению – посещал кружки и принимал участие в забастовках.

В 1913 г. Лившиц вернулся в Мозырь и устроился в мастерскую, где когда-то учился[3]. Там же вступил в партию эсеров, в рядах которой пребывал 2 года[4]. В 1915 г. призван на военную службу, но проливать кровь «за веру, царя и Отечество» не хотел. Страстное желание избежать фронта осуществилось благодаря физическому недостатку – заиканию. На военную службу его не взяли, а отправили «на испытание» в госпиталь. После полуторамесячного лечения в бобруйском госпитале Лившиц получил синий билет ратника ополчения 2-го разряда, вернулся в Мозырь и стал работать токарем по металлу на фанерной фабрике «Молния».

Первая мировая война требовала все больше «пушечного мяса», пришел черед и ратников 2-го разряда. Дабы избежать нового призыва, он переехал в Киев, где в пароходном обществе получил отсрочку от военной службы. Вскоре его перевели младшим помощником машиниста на пароход, но через несколько месяцев грянула Февральская революция. Еще январе 1917 г. Лившиц вступил в ряды большевистской партии и вскоре вернулся в родной город.

В мае 1917 г. на мозырской фабрике «Молнии» была создана большевистская организация из 7 человек. Ее председателем избрали Лившица. Откуда он черпал революционные знания, неизвестно.

---

[1] Бажан О. Г., Золотарьов В. А. Член «паралельного антирадянського троцькістського центру»: сторінки біографії чекіста Я. А. Лівшиця //Сумська старовина № XXX. Суми: Сумський державний університет, 2010. С. 212.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., МФД, 2003. С. 202.

[3] Бажан О. Г., Золотарьов В. А. Член «паралельного антирадянського троцькістського центру»: сторінки біографії чекіста Я. А. Лівшиця. С. 212.

[4] Реабилитация: Политические процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М.: Политиздат, 1991. С. 213.

В своей автобиографии Лившиц писал: «Надо сказать, что вплоть до 1917–1918 гг. я был совершенно безграмотным, писать не умел, научился читать по-русски по печатным буквам. После немецкого наступления я отступил в Смоленск. Затем был командирован в Киев на подпольную работу в период Петлюры. В первый период моей подпольной работы в Киеве работал в 1918 г. на технике, затем перешел в военный отдел подпольной организации. Во время Гетмана, а затем Петлюры, был на военной работе подпольным комендантом Подола, затем начальником повстанческого округа и потом опять комендантом Подола. В этот период времени подпольной работы, руководил восстанием крестьян-повстанцев в Киевской губернии в Таращанском и Сквирском уездах, затем был возвращен в Киев, вновь подпольным комендантом на Подоле до февраля 1919 г., до прихода советских войск в Киев. С приходом советских войск в Киев, с организацией советской власти, меня командировали на работу в Киевскую Чека» [1].

В Киевской губернской ЧК Я. А. Лившиц «дорос» до заведующего Секретно-оперативным отделом и заместителя председателя, твердо проводил «красный террор». Бывший следователь Киевской губернской ЧК М. Болеросов так характеризовал своего начальника: «Обладал колоссальным влиянием на дела Чека. Жестокий до беспредельности... В расстрелах жертв Чека участвовал не как гастролер, а как профессионал»[2].

После Киева Лившиц занимал должности начальника Инструкторского отдела и заместителя председателя Черниговского отдела губернской ЧК, вместе с Балицким работал в Волынской и Киевской ЧК, был секретарем, заместителем председателя и председателем Харьковской губернской ЧК; председателем Черниговской и Киевской губернской ЧК.

Будучи начальником Киевского губотдела ГПУ вместе с заместителем начальника Особого отдела Киевского военного округа Л. А. Ивановым, начальником Оперативного отдела ВУЧК М. П. Фриновским и начальником кавалерийской дивизии Г. И. Котовским вошел в состав чрезвычайной пятерки, которая под председательством помощника командующего Киевским военным округом И. И. Гарькавого 22 ноября 1921 г. в местечке Базар осудила на смерть 359 бойцов армии УНР – участников Второго зимнего похода[3].

---

[1] Бажан О. Г., Золотарьов В. А. Член «паралельного антирадянського троцькістського центру»: сторінки біографії чекіста Я. А. Лівшиця //Сумська старовина № XXX. Суми, С. 212.

[2] Виноградов А. Бойня // Новая интересная газета. Киев, 2004. № 1. С. 6.

[3] См.: Верига В. Листопадовий рейд. Київ, 1995. С. 140–141.

Первый такой поход украинских армейских частей под командованием М. Омеляновича-Павленко по тылам большевиков и деникинцев продолжался с декабря 1919 по май 1920 г. Вернувшись, эти части объединились с армией Украинской Народной Республики, которая под напором большевиков покидала Киев. Вскоре эти подразделения оказались в Польше, где были интернированы. С. В. Петлюра сделал попытку организовать разбросанных по разным лагерям бойцов и командиров армии УНР. В октябре 1921 г. были сформированы три группы для похода на Украину под общим командованием Ю. И. Тютюнника. Однако поход провалился, Тютюннику с частью бойцов удалось спастись, а 359 раненых бойцов попали в плен к большевикам. Вот с ними-то Лившиц и его коллеги и расправились в местечке Базар.

В служебной характеристике за июнь 1922 г. отмечалась недисциплинированность Лившица и его большая склонность ко всевозможным склокам, созданию группировок и подчеркивалось, что его «целесообразнее использовать на партийной работе»[1]. И это пожелание было выполнено: в октябре 1922 г. начальника Киевского губотдела ГПУ перевели на партийную работу. Однако осенью 1923 г. он вернулся в ГПУ и 19 сентября был назначен начальником Секретно-оперативной части.

Позже Всеволод Балицкий так расскажет о ситуации, сложившейся в центральном аппарате ГПУ УССР осенью 1923 г. во времена борьбы с оппозицией: «Лично пришлось в Харькове встретиться с Лившицем как с оппозиционером. У него были достаточно крепкие связи, и поскольку одно время положение было такое, что ячейки кое-где трещали, несмотря на то, что я был руководителем тогда НКВД, пришлось даже пару дней быть вроде как в меньшинстве. Только потом нам удалось мало по малу эту публику успокоить, разогнать и распустить»[2]. 14 февраля 1924 г. Яков Лившиц был отозван в Москву и вскоре переведен на хозяйственную работу.

Стало понятно, что руководство ГПУ УССР нуждается в укреплении. И Всеволод Балицкий стал формировать свою команду. Познакомимся поближе с некоторыми ее членами.

19 сентября 1923 г. начальником Особого отдела ГПУ УССР и частей пограничной охраны ГПУ УССР был назначен Николай Михайлович Быстрых. Он родился 26 января 1893 г. в Перми в семье рабочего-токаря Мотовилихинского пушечного завода. На этом же заводе с 1907 по 1914 г. работал токарем-слесарем, образование –

---

[1] Шаповал Ю., Золотарьов В. Всеволод Балицький: Особа, час, оточення. С. 64.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 531. Л. 75.

низшее. В 1911–1917 гг. пребывал в рядах меньшевиков, о чем собственноручно писал в анкете делегата XI съезда КП(б)У[1], но о его меньшевистском прошлом не упоминают как советские[2], так и современные российские историки[3]. За революционную деятельность его трижды арестовывали и увольняли с Мотовилихинского завода. С началом первой мировой войны был мобилизован в царскую армию, где дослужился до старшего унтер-офицера. В июне 1917 г. «как специалист» отправлен на родной завод, через два месяца стал большевиком, а еще через два – начальником пулеметной команды Мотовилихинского отряда Красной гвардии.

В мае 1918 г. началась его чекистская карьера. Работал председателем Оханской уездной ЧК, начальником активной части Вятской губернской ЧК, начальником Особого отдела 3-й армии Восточного фронта, начальником ОО Екатеринбургской губернской ЧК, заместителем начальника и начальником Особого отдела 16-й армии на польском фронте, участвовал в боях. С 26 октября 1920 г. возглавлял Особый отдел 6-й армии на Южном фронте.

В ночь с 26 на 27 ноября 1920 г. Быстрых лично возглавлял операцию по захвату махновского штаба в Симферополе. Расправившись с бывшими союзниками, большевики принялись за оставшихся в Крыму белогвардейцев. 16 мая 1921 г. Быстрых был назначен начальником Особого отдела Харьковского военного округа (дислоцировался в Екатеринославле), а 19 мая 1922 г. – заместителем начальника СОЧ и ОО ГПУ УССР. Пограничная охрана ГПУ УССР, которую возглавил Быстрых, состояла из 8 пограничных отрядов: 19-й в Олевске, 20-й в Славуте, 21-й в Ямполе, 22-й в Волочиске, 23-й в Каменец-Подольском, 24-й в Могилев-Подольском, 25-й в Тирасполе, 26-й в Очакове.

Начальником Секретно-оперативной части ГПУ УССР 22 апреля 1924 г. был назначен Василий Тимофеевич Иванов. Он родился в 1894 г. в селе Холзаково Гжатского уезда Смоленской губернии. В 1901 г. переехал в Москву, где его отец работал бетонщиком. Здесь закончил трехклассную городскую школу и четырехклассное торговое училище. В октябре 1910 г. начал трудовую деятельность. В 1911 г. стал членом культурно-образовательного общества и проф-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 356. Л. 26.

[2] Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. С. 83; Великий Жовтень і громадянська війна на Україні: Енциклопедичний довідник. Київ: УРЕ, 1987. С. 55; Марченко А. Николай Быстрых // Пограничники. М., 1974. С. 5–29.

[3] Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. С. 121–122; Сысоев Н. Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М.: Вече, 2002. С. 233–247.

союза московских торговых работников. В 1913 г. вступил в большевистскую партию и стал распространять газету «Правда», работал в газете «Наш путь». Позднее в кругу знакомых В. Т. Иванов любил называть себя «журналистом Ленинской школы»[1]. За принадлежность к РСДРП(б) его четыре раза арестовывала полиция.

В марте 1915 г. был мобилизован в армию и в составе 321-го полка 81-й дивизии отправился на австрийский фронт, где через два месяца попал в плен. Три года провел в лагере для военнопленных в Австро-Венгрии, проводил там большевистскую пропаганду[2]. В конце 1918 г. вернулся в Москву. С января 1919 г. работал агентом по заготовкам Наркомата питания Белорусско-Литовской Советской Республики в Слуцке. В марте 1919 г. назначен членом революционно-военного трибунала 8-й стрелковой дивизии, которая воевала с польской армией в Белоруссии. В августе 1919 г. возглавил Особый отдел 8-й стрелковой дивизии, а еще через два месяца – Особый отдел 52-й стрелковой дивизии.

В декабре 1920 г. он также «фильтровал» Крым от «контрреволюционного элемента» в составе Крымской ударной группы. И вскоре его «большие заслуги в секретно-оперативной работе»[3] были оценены начальником Особого отдела 6-й армии Н. М. Быстрых, который сделал его своей правой рукой и стал выдвигать на ответственные должности. И когда Быстрых возглавил Особый отдел ГПУ УССР, он содействовал назначению Иванова начальником Контрразведывательного отдела ГПУ УССР – подразделения, боровшегося со шпионажем, белогвардейской контрреволюцией и заговорами, контрабандой и незаконным переходом границы[4].

7 мая 1924 г. Секретный отдел ГПУ возглавил Валерий Михайлович Горожанин. Об этом невысоком, худощавом мужчине с шапкой густых волнистых волос с проседью, низким голосом с приятным тембром и до сих пор в литературе ходит немало легенд. Утверждают, что после первой русской революции Горожанин был вынужден эмигрировать и вернулся в Россию уже после свержения самодержавия. Во Франции он якобы познакомился с А. В. Луначарским, который, в свою очередь, познакомил его с Анатолем Франсом и Роменом Роланом[5]. В действительности его жизненный путь был другим.

---

[1] Кузьмин Г. Е. «Динамо», которое Вы не знаете // Киевские новости. 1992. № 38.

[2] Вісті ВУЦВК. 1937. 16 апреля.

[3] ГАХО. Ф. Р-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 160.

[4] Отчет о полугодичной деятельности ГПУ УССР (Январь–июнь 1922 г.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1997. № 1/2. С. 330.

[5] См.: Гладков Т. К. Медведев. М., Молодая гвардия, 1985. С. 90; Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце: В 2 кн. М.: Со-

Родился В. М. Горожанин в 1889 г. в городе Аккерман Бессарабской губернии (сейчас г. Белгород-Днестровский Одесской области) в еврейской семье страхового агента. Среднее учебное заведение закончил экстерном, сдав сначала экзамены за четыре класса гимназии, а еще через два года, в 1907 г., – за восемь классов. Вступил в партию социалистов-революционеров, руководил эсеровским кружком в Бессарабии и Одессе. В 1909 г. поступил на юридический факультет Новороссийского университета в Одессе, где проучился до весны 1912 г., был исключен и тогда же арестован[1].

По возвращении из ссылки в 1914 г. добровольно направился не во Францию, как рассказывала советским писателям его вдова, а в казармы вольноопределяющимся. Весь 1916 г. скрывался от военной службы. После Февральской революции стал эсером, а в 1919 г. – большевиком. С конца 1916 г. Горожанин работал секретарем рабочей кооперации в Одессе, а весной 1917 г. восстановился на 4-й курс юридического факультета Новороссийского университета. Закончить его не сумел, хотя в анкетах всегда указывал, что имеет высшее образование[2].

В январе 1918 г. красногвардеец Горожанин, до этого уже дважды избиравшийся в Одесский совет от рабочей кооперации, устанавливает большевистскую власть в городе и печатается в газете «Голос Революции». В мае 1919 г. становится следователем по особо важным делам Одесской губернской ЧК и «ликвидировал агентурным и следственным путем ряд больших дел, которые возникли в связи с проведением красного террора в Одессе»[3]. После захвата города деникинцами убежать не смог и был пленен. 16 сентября 1919 г. в газете «Одесские новости» появилась заметка «Задержаны два следователя ЧК Горожанин и Кибенко и сотрудница ЧК Дора (Ровенская)». По словам Горожанина, он был приговорен к расстрелу, но почему-то деникинцы его не казнили.

С 1920 г. работал в Николаевской губернской ЧК на должностях уполномоченного по контрреволюции и шпионажу, члена Коллегии и начальника Секретно-оперативного отдела. В 1921 г. возглавил Секретный отдел ВУЧК, в январе 1923 г. стал начальником Секретно-оперативной части Киевского губернского отдела ГПУ и полномочного представительства (ПП) ГПУ по Правобережной Украине,

---

временник, Олма-пресс,1998. Кн. 1. С. 40–41; Зинько Ф. З. Кое-что из истории Одесской ЧК. Одесса, 1998. С. 95.

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф.12., Д. 2816. Л. 1–3.

[2] Там же. Л. 3.

[3] Там же. Л. 13.

а с 1 июня 1923 г. – помощником начальника Киевского губотдела ГПУ. Он «непосредственно принимал участие в разработке «Высшего военного Совета», которая закончилась захватом Ю. И. Тютюнника, руководил разработкой «Киевского областного центра действия», слежкой за М. С. Грушевским, вернувшимся из эмиграции в Киев в марте 1924 г. и попавшим под тотальное наблюдение чекистов[1].

24 мая 1924 г. постановлением Совнаркома УССР заместителем председателя ГПУ был назначен Карл Мартынович Карлсон (бывший начальник Донецкого губернского отдела ГПУ). Он родился 10 ноября 1888 г. в Риге. Закончил четырехклассное Рижское элементарное городское училище и два класса Рижского немецкого ремесленного училища. В 1905 г. вошел сначала в кружок РСДРП, а затем в кружок Латышского Союза социалистической демократической партии «Аусма». В 1905 г. переехал в Санкт-Петербург, где вступил в кружок латышского городского района «Велна Звайгзне».

В июне 1907 г. арестован за принадлежность к РСДРП(б) и заключен в тюрьму «Кресты». На Пасху 1908 г. освобожден под надзор полиции. Во избежание суда скрылся в Германии, где связался с политической группой «Аузему Зени». Летом 1909 г. латышским заграничным комитетом вызван в Брюссель для организации типографии и издания журнала «Социал-демократический вестник». С 1910 г. работал заведующим этой типографией, через два года был избран секретарем бюро заграничных групп Социал-демократической партии Латышского края. 7 июня 1917 г. Карлсон вернулся в Петроград и вскоре стал заведующим типографией и редакцией газеты «Пролетарская Циня», а после переезда большевистского правительства в Москву назначен членом коллегии по управлению типографией газеты «Известия».

В июне 1918 г. перешел в ВЧК, где работал по линии разведывательного и Секретно-оперативного отдела. Во время наступления чехословаков направлен особоуполномоченным ВЧК в Нижний Новгород. Позднее назначен председателем Казанской губернской ЧК, где, как отмечалось в наградном листе, проводил «колоссальную работу по красному террору...»[2]. В июле 1919 г. в казанском ревтрибунале начался длительный процесс по делу 9 чекистов и сотрудни-

---

[1] Подробнее см.: Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ: Україна, 1996; Шаповал Ю. І. М. С. Грушевський у дзеркалі справи-формуляра // Український історичний журнал. 2001. № 4. С. 140–161.

[2] Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. Коливань у проведенні лінії партії не було (Сторінки біографії К. М. Карлсона – заступника наркома внутрішніх справ УРСР) // Український історичний журнал. 1996. № 1. С. 91–93.

ков ревтрибунала, обвиняемых в вымогательстве, взяточничестве, пьянстве и должностных преступлениях. Среди обвиняемых была и девятнадцатилетняя беременная латышка М. И. Кангер – гражданская жена К. М. Карлсона и по совместительству заместитель заведующего Секретным отделом Казанской губернской ЧК. После долгих разбирательств Кангер, получившая 15 лет лагерей, была амнистирована, но Карлсону пришлось уехать[1]. В числе хлопотавших за Кангер был и сам Ф. Э. Дзержинский, взявший ее на поруки[2].

В Москве Карлсона назначили членом коллегии Московской ЧК, он выезжал на подавление крестьянских восстаний в Тверской и Владимирской губерниях. В декабре 1919 г. направлен в Украину на должность помощника начальника ЦУПЧРЕЗКОМа. Выезжал в Екатеринославль и Полтаву организовывать губернские ЧК. Во время наступления П. В. Врангеля как полномочный представитель ЦУПЧРЕЗКОМа отправлен на Азовское побережье для организации ЧК в Таганроге, Мариуполе, Луганске. Принимал участие в ликвидации десанта полковника Назарова в станице Николаевской, после чего работал в Мариупольском уезде по ликвидации махновщины и проведению продразверстки. В ноябре 1920 г. Карлсон был назначен председателем Донецкой губернской ЧК, а в 1923 г. награжден орденом Красного Знамени[3].

В 1924 г. Контрразведывательный отдел ГПУ УССР возглавил Николай Иванович Добродицкий. Он родился 25 ноября 1899 г. в селе Волтово Новооскольского уезда Курской губернии в семье дьякона. Закончив земскую школу, в 1909 г. поступил в Обоянское духовное училище, которое закончил в 1913 г. и был переведен в Курскую духовную семинарию. Но после окончания четырех общеобразовательных курсов учебу бросил. Не имея средств к существованию, был вынужден пойти на службу в 15-ю Инженерно-строительную дружину Всероссийских земств и городских союзов на Северном фронте, где служил переписчиком в канцелярии и конторщиком.

В сентябре 1917 г. дезертировал, в г. Нежин Черниговской губернии поступил на первый курс историко-филологического института. Через месяц вошел в нежинскую организацию РСДРП(б). Но грызть гранит науки и агитировать нежинцев за светлое будущее ему быстро

---

[1] Литвин А. Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 113–114.

[2] Ф. Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926: Документы. С. 26.

[3] Золотарьов В. А., Шаповал Ю. І. Коливань у проведенні лінії партії не було (Сторінки біографії К. М. Карлсона – заступника наркома внутрішніх справ УРСР) // Український історичний журнал. 1996. № 1. С. 91–93.

надоело. В декабре 1917 г. он неожиданно выезжает в Суджи, а затем возвращается в село к матери. Отдохнув, опять решил строить светлое будущее, о чем впоследствии писал в автобиографии: «В марте в 1918 г. приехал в Курск и стал работать в Курской парторганизации... В ноябре после второй Губпартконференции был откомандирован в уездком в г. Короче. Здесь был назначен членом Коллегии уездчека. В это время губкомом была распущенная уездная парторганизация и я был одновременно назначен председателем организационного бюро РКП(б). Здесь работал до февраля 1919 года после чего, проведя уездные партконференции и съезд Советов, по собственному желанию отправился через Губком в распоряжение ЦК КП(б)У в Харьков. ЦК КП(б)У был отправлен для работы в ВУЧК»[1].

Свою чекистскую карьеру в Украине Добродицкий начал следователем и уже через несколько недель возглавил подотдел ВУЧК по борьбе с должностными преступлениями. 1 апреля 1919 г. его назначают заместителем заведующего Юридическим отделом ВУЧК, а еще через две недели он становится инспектором по борьбе с эсерами Секретного отдела ВУЧК и служит под непосредственным руководством В. А. Балицкого[2]. В конце июня 1919 г. Добродицкий идет добровольцем на фронт и попадает в Особый отдел 13-й армии, где работает следователем, секретарем, заведующим следственной частью, с декабря – заведующим агентурой[3].

Однажды Добродицкий получил из ВЧК пакет с фотографиями белогвардейских агентов, засланных к красным еще весной 1919 г. Пересмотрев фотографии, узнал военного комиссара штаба армии Петрашина, который на самом деле оказался поручиком Тюленевым. Добродицкий не арестовал разведчика, а начал с ним сложную оперативную игру, снабжая его дезинформацией. И хотя самому Тюленеву удалось скрыться (его арестовали лишь в мае 1920 г. на Кавказе), чекисты сумели обмануть белое командование и заставить его оттянуть силы от направления главного удара[4].

Весь 1920 г. Добродицкий находился в Особом отделе 13-й армии. По совместительству работал уполномоченным Крымской ударной группы Особого отдела Юго-Западного фронта и «за крымскую кампанию награжден серебряным портсигаром»[5]. Возможно, этот портсигар был собственностью одного из тех офицеров, которые

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 288. Оп. 7. Д. 448. Л. 5–5об.

[2] Добродицький М. Біла контрреволюція на Україні // Комуніст. 1927. 16 грудня.

[3] ЦГАВОУ. Ф. 288. Оп. 7. Д. 448. Л. 7об.

[4] Добродицький М. Біла контрреволюція на Україні // Комуніст. 1927. 16 грудня.

[5] ЦГАВОУ. Ф. 288. Оп. 7. Д. 448. Л. 7об.

были приговорены к расстрелу в 1920 г. «тройками» при участии Добродицкого (а таких было как минимум 1060 человек)[1].

В 1921 г. Добродицкий был начальником СОЧ ОО Харьковского военного округа, заместителем начальника Секретно-оперативного отдела Киевской губернской ЧК, помощником начальника 3-го отделения Особого отдела ВУЧК, с 29 августа 1922 г. – начальником 2-го отделения СОЧ ГПУ УССР, с 1 октября 1922 г. – начальником Отдела по борьбе с бандитизмом и охраны границ Контрразведывательного отдела СОЧ ГПУ УССР, а с 20 декабря 1922 г. – помощником начальника Контрразведывательного отдела ГПУ УССР.

В ноябре 1923 г. ГПУ преобразовано в Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Это стало прямым следствием принятого еще 30 декабря 1922 г. на 1-м съезде Советов Договора об образовании СССР, в котором отмечалось, что в целях «объединения усилий союзных республик по борьбе с контрреволюцией учреждается... при СНК Союза – объединенный орган государственного политического управления»[2]. 15 ноября Президиум ЦИК СССР утвердил Положение об ОГПУ и его органах. В соответствии с ним ОГПУ руководило работой местных органов ГПУ через своих уполномоченных при Советах Народных Комиссаров союзных республик – полпредов ОГПУ[3].

Полпредом ОГПУ по УССР и председателем ГПУ УССР стал В. А. Балицкий, являющийся также членом Коллегии ОГПУ СССР. При ней вскоре стало действовать так называемое Особое совещание — орган, рассматривавший дела лиц, обвиняемых в контрреволюционной деятельности, шпионаже, контрабанде, спекуляции валютой и золотом. 28 марта 1924 г. ЦИК СССР принял Положение о правах ОГПУ в части административных высылок, ссылок и заключения в концентрационный лагерь. Вынесение постановлений о высылке было возложено на Особенное совещание в составе трех членов Коллегии Гпу по назначению председателя ГПУ с обязательным участием Прокурорского надзора. В тогдашних союзных республиках вынесение упомянутых постановлений возлагалось на такие же совещания в составе членов Коллегии ГПУ под председательством уполномоченного ОГПУ[4].

Впоследствии все активнее стали функционировать внесудебные органы и так называемые тройки и двойки, в которые входили ру-

---

[1] Абраменко Л. Последняя обитель. Крым. 1920–1921 годы. Киев: МАУП, 2005. С. 98.

[2] Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: Справочник / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. С. 34.

[3] См. там же. С. 462.

[4] ГАЛО. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 27. Л. 101.

ководители партийных, советских органов и ГПУ. Как и Особое совещание, они принимали решения, что, по сути, подменяло судебные приговоры. На их основании происходил неправедный «суд», то есть людей карали без юридической аргументации обвинения, без формулирования каких-либо обоснованных мотивов и доказательств.

Для Всеволода Балицкого, судя по тем документам, с которыми нам удалось ознакомиться, не было сомнения в целесообразности и правильности этой репрессивной линии, приобретавшей все большую силу. В связи с этим уместно вспомнить такой эпизод. В начале 1924 г. тогдашний нарком юстиции и прокурор УССР Н. А. Скрыпник обратился к ЦК КП(б)У с предложением об обязательном возбуждении в судебном порядке дел лиц, принадлежавших по тогдашней терминологии к «антисоветским партиям».

Балицкий выступил против этого предложения. 29 февраля 1924 г. он, а также заместитель начальника Секретно-оперативной части ГПУ УССР В. Т. Иванов и начальник Секретного отдела ГПУ УССР Н. М. Райский обращаются к тогдашнему первому секретарю ЦК КП(б)У Э. И. Квирингу с предложениями по поводу ведения судебных дел представителей антисоветских партий и группировок. Они предлагали «и в дальнейшем их не предавать гласному суду, а высылать в административном порядке». Такое письмо было направлено и на имя заместителя председателя ОГПУ СССР В. Р. Менжинского.

Взяв для примера меньшевиков, авторы письма приводили такие «аргументы»: «Очень редко у последних при обыске удается обнаружить компр[ометирующий] материал (литература, прокламации и тому подобное), который мог бы служить для открытого суда вещественным доказательством вины подследственных»[1]. Политбюро ЦК КП(б)У поддержало позицию Всеволода Балицкого и его коллег.

К этому прибавлялось и стремление чекистов контролировать все «репрессивные» потоки. Так, 8 июля 1924 г. ВУЦИК УССР разослал всем исполкомам сообщение следующего содержания: «На имя Председателя Госполитуправления тов. Балицкого поступила телеграмма Объединенного государственного Политуправления, в каковой отмечено, что некоторые Губисполкомы Украины при рассмотрении судебных дел систематически высылают целыми группами уголовный элемент за пределы УССР, не согласовывая эти дела с органами государственного Политуправления, как Украинского, так и Союзного, в связи с чем возникают недоразумения, в частности бывает так, что районы, в которые посылается этот элемент, бывают уже полностью заполнены и приходится тогда выбирать другие места для высылки.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 30–30об.

Чтобы устранить эти ненормальности, предлагается вам согласовывать это дело с Госполитуправлением УССР и только по окончательному согласованию с последним относительно выбора мест высылки проводить таковую в жизнь»[1].

13 августа 1924 г. ВУЦИК и Совнарком УССР утвердили Положение о ГПУ УССР. ГПУ вышло из-под формального подчинения НКВД Украины. Было законодательно закреплено, что ГПУ учреждается при Совнаркоме УССР, а его председатель (он же – уполномоченный ОГПУ СССР) входит в состав правительства с совещательным голосом. ГПУ должно было выполнять все задания ВУЦИК и Совнаркома УССР, а в своей оперативной деятельности руководствоваться директивами и распоряжениями ОГПУ СССР. Надзор за делами, инициированными ГПУ УССР, должен был осуществлять прокурор через назначенного для этого помощника в пределах, определенных отдельными законодательными актами.

Взаимоотношения Прокуратуры и ГПУ УССР могут стать темой чрезвычайно интересного отдельного исследования. В начале 1920-х гг. чекисты не считали необходимым согласовывать свои действия с прокуратурой, не придерживались рекомендаций лиц, осуществлявших прокурорский надзор за ходом дознаний и следствия, за порядком содержания под стражей. Более того, временами чекисты не выполняли требования предоставить те или другие сведения, ссылаясь на чрезвычайную секретность. Вот почему неоднократно работники прокуратуры УССР вынуждены были разъяснять пределы компетенции чекистов.

В связи с этим сохранилось немало документов, которые вместе подписали В. А. Балицкий и Н. А. Скрыпник. Например, 14 февраля 1925 г. они совместно разослали всем губернским прокурорам и губернским отделам ГПУ циркуляр, в котором подчеркивали, что органы ГПУ, признав то или другое дело особенно секретным, имеют право «требовать, чтобы ознакомление с ним осуществлялось самим Прокурором». Данный циркуляр распространял это право не только на дела дознания, но и на циркуляры и инструкции ГПУ УССР и губернских отделов ГПУ[2].

Чекисты также отстояли свое право в случае выявления каких-либо правонарушений не подвергать их открытому суду. 2 февраля 1924 г. заместитель наркома юстиции и прокурор УССР Рейхель, прокурор при Наркомюсте Янский подписали циркуляр, в котором

---

[1] Государственный архив Луганской области (далее – ГАЛО). Ф. Р-636. Оп. 2. Д. 11. Л. 57.

[2] Там же. Л. 312.

подчеркивалось, что передача дел народным и губернским судам «приводит к расшифровке секретной работы ГПУ», а потому «предлагается срочно изъять указанные дела из производства судебных и следственных органов Республики и направить для осуществления последующего следствия в соответствующие органы и в последующем при возникновении таких дел, срочно, по выяснению должностного характера осуществленного преступления, направлять в органы ГПУ»[1].

Характерно, что к этой процедуре вскоре «приравняли» и секретных информаторов. Так, 14 сентября 1929 г. в директиве Прокуратуры УССР подчеркивалось, что дела секретных сотрудников подлежат суду Чрезвычайной сессии по служебным преступлениям на общих основаниях с другими сотрудниками ГПУ согласно секретному постановлению ВУЦИК об упомянутых «Чрезвычайных Сессиях» от 10 октября 1928 г.

29 января 1924 г. председатель ОГПУ СССР Ф. Э. Дзержинский предложил Политбюро РКП(б) подчинить органам госбезопасности милицию и уголовный розыск[2]. Это предложение было поддержано многими партийными и государственными деятелями. Одновременно разгорелись острые дискуссии, ставился вопрос и о ликвидации республиканских наркоматов внутренних дел. В Украине споры по этому вопросу обострились еще и потому, что после отъезда из Украины В. Н. Манцева, занимавшего по совместительству должности председателя ГПУ и наркома внутренних дел, его посты были разделены между В. А. Балицким, ставшим председателем ГПУ УССР, и И. Г. Николаенко – наркомом внутренних дел УССР. Попытки председателя ГПУ провести в Украине линию Дзержинского на ликвидацию НКВД и переподчинить себе милицию потерпели неудачу[3]. Возникший конфликт удалось ликвидировать назначением 3 марта 1924 г. Балицкого наркомом внутренних дел по совместительству.

Этому «соломонову решению» способствовало и «антипартийное» поведение И. Г. Николаенко, который на заседаниях Полютбюро ЦК КП(б)У 22 октября и 14 декабря 1923 г. во время рассмотрения вопроса о внутрипартийном положении в связи с выступлением оппозиции оказался единственным, выступившим против осуждения оппозиции. Через несколько дней нарком внутренних дел был уволен

---

[1] Там же. Д. 13. Л. 35.

[2] Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1987. С. 260.

[3] Усенко І. Б. Україна в роки непу: доля курсу на революційну законність. Харків, 1995. С. 35.

с работы «за появление на улице в нетрезвом виде и дебош в районной милиции»[1].

В общем-то, делами милиции Всеволоду Балицкому приходилось заниматься и раньше. Так, 20 августа 1923 г. он вместе с начальником милиции и уголовного розыска УССР Федотовым подписывает приказ, требовавший неуклонного выполнения предыдущих директив об «удалении из рядов милиции: 1) всех лиц, служивших в старой полиции, 2) всех, служивших в белых армиях, 3) всех бывших офицеров и чиновников старой армии, которые проживали на территории, занятой белыми и находящихся на особом учете ГПУ»[2].

8 апреля 1924 г. Балицкий утвердил «инструкцию о взаимоотношениях ГПУ с милицией и уголовным розыском при выполнении положенных на них заданий». Здесь, в частности, отмечалось: «Дача оперативных заданий милиции осуществляется начальником местного органа ГПУ соответственно старшему начальнику милиции...

Органы милиции отчитываются об исполнении данных им органами ГПУ заданий как перед указанными органами ГПУ, так и обязательно по линии своего подчинения.

На органы милиции возлагается ответственность за точное и своевременное выполнение оперативных поручений органов ГПУ»[3].

Вместе с милицией чекисты в начале 1920-х гг. решали многие вопросы, среди которых, в частности, изъятие оружия у населения, распространение антибольшевистской и религиозной литературы и др. Совместно они налаживали систему тотального учета всех «нежелательных» для власти элементов, а в дальнейшем и просто всех категорий населения.

В первую очередь, на «особый учет» брали всех тех, кто, по мнению власти, представлял наибольшую потенциальную опасность. Например, в 1923 г. циркуляром ГПУ УССР за № 004/г регулировался порядок выдачи вида на жительство бывшим белым офицерам и военным чиновникам, находившимся на особом учете. Скажем, губернские органы милиции должны были сначала получать эти виды на жительство и передавать их губернскому отделу ГПУ, который сверял настоящие документы со своими списками и ставил штамп «Бывший белый офицер, подлежит регистрации при перемещении по территории СССР».

Регистрация разных категорий населения была тесно связана с информационно-аналитической деятельностью ЧК-ГПУ. На

---

[1] Ченцов В. В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. С. 354.

[2] ГАЛО. Ф. Р-636. Оп. 1. Д. 7. Л. 30об.

[3] Там же. Ф. Р-1278. Оп. 1. Д. 4. Л. 156–157.

это Всеволод Балицкий обращал особое внимание еще в приказе Цучрезкома № 35, который он подписал 3 июня 1920 г. 14 сентября того же года был издан приказ № 1 Главного управления советской рабоче-крестьянской милиции, в котором подчеркивалось: «Советская рабоче-крестьянская милиция является глазами и ушами Советской власти на местах.

Аппарат милиции является – единственным аппаратом Власти, который при правильной его постановке распространяет свое влияние и наблюдение на все наиболее отдаленные и самые глубокие уголки Республики.

Для правильной и систематической борьбы с врагами Советской власти Главмилиция должна иметь все подробные сведения об общем состоянии городов, сел и поселков, отношения крестьян к власти, появлениях разных контрреволюционных и бандитских группировок, агитации против власти и тому подобное.

На местах милиция должна вести борьбу с разными проявлениями контрреволюции и бандитизма в тесном контакте с местными Губчека и Губначтыла, информируя их нижеуказанным путем»[1]. Далее шел подробный перечень вопросов, которые должны были обязательно войти в еженедельную информационную сводку. Последние в обязательном порядке передавались в уездах – политбюро (так тогда назывались чекистские органы), а в губерниях и областях – губчека.

Информационная деятельность постоянно совершенствовалась (с учетом меняющихся обстоятельств), появлялись новые служебные документы (циркуляры, приказы, письма и т. п.). Обратимся к одному из них, который подписали в августе 1925 г. временно исполняющий обязанности начальника Административно-организационного управления ГПУ УССР Н. С. Бачинский и временно исполняющий обязанности начальника Организационного отдела Л. Г. Словинский.

Фактически это – реестр срочных донесений местных органов ГПУ в руководящие инстанции. Среди многих находим такие типы донесений: личное письмо начальника органа ГПУ о «политсостоянии обслуживающейся единицы»; организационный доклад; несколько видов финансово-отчетных документов; цифровая ежемесячная ведомость об арестованных, которые прошли через данный орган ГПУ; доклад о деятельности КРО; сводка по бандитизму; сводка о выданных разрешениях для выезда за границу; сводка о тех, кто вернулся из-за границы; доклад-отчет о работе СО; информационные сводки ЭКО; обзор политико-экономического состояния округа (один экземпляр посылался лично Балицкому); организационный доклад по

[1] Там же. Ф. Р-1164. Оп. 2. Д. 114. Л. 28.

осведомлению; доклад о контрразведывательной деятельности; доклад о работе Политконтроля (ПК); доклад о секретной работе ПК; копии меморандумов по ПК; статистическая таблица о движении дел арестованных; сводка о передвижении белых офицеров; сводка об административно высланных; двухнедельные информационные сводки; доклад о заводах военной промышленности; доклад о состоянии артскладов и др.

Содержание каждого из упомянутых и других документов было структурировано. Например, политико-экономические обзоры жизни губерний должны были включать такие разделы: рабочие; промышленность; крестьянство; совапарат; кооперация, госторговля и частный рынок; интеллигенция; антисоветские партии и группировки; духовенство; бандитизм; безработица. В свою очередь, содержание каждого раздела также обстоятельно расшифровывалось, то есть это были предельно конкретные вопросы, на которые следовало дать ответы. И эта система неуклонно совершенствовалась с годами.

Очень рано в поле зрения чекистов и милиции попали лица других национальностей, проживавших на конкретной территории. Перед милицией было поставлено задание составить списки поселений, в которых компактно проживали лица той или иной национальности, и, ясное дело, взять на учет «неблагонадежных». Разумеется, на учет надлежало немедленно брать и тех, кто приезжал из-за границы, какими бы ни были мотивы такого приезда. Эти списки тут же передавались местным чекистам.

В марте 1924 г. ВУЦИК и Совнарком УССР приняли постановление «О запрещении социально-опасным гражданам пребывания в определенных местностях УССР». Вскоре Наркомат юстиции, НКВД и ГПУ УССР (в лице Всеволода Балицкого) утвердили и разослали инструкцию для губернских и окружных исполкомов, которой обязывали эти органы объявить регистрацию лиц, подвергшихся высылке по постановлениям судебной или административной власти. Выявление, регистрация и высылка «социально-опасных граждан» возлагалась на органы милиции. Регистрация осуществлялась путем заполнения анкет упомянутыми гражданами, которые должны были не только давать правдивые сведения, но и переселяться в указанные для них места не позже установленного для них срока. Впоследствии в СССР будет создана единая система «режимных местностей» 1-й и 2-й категорий и регламентированы категории лиц, не имеющих права проживать в этих местностях.

Не были забыты и сами работники НКВД и милиции. В 1923 и 1924 гг. издано несколько инструкций, которые требовали («с целью оздоровления и очистки от чуждого пролетариату элемента»)

организовать проверочно-аттестационные комиссии. Они должны были анализировать все письменные сведения о сотрудниках. Если кого-то освобождали, они не исчезали из поля зрения: их заносили в особые секретные списки.

В начале 1920-х гг. местные ГПУ начали тотальный сбор сведений о работниках предприятий и учреждений. На основании специального письма требовалось составить списки по такой форме:

– фамилия, имя, отчество;
– год и место рождения;
– образование;
– специальность;
– национальность;
– подданство (и как получено);
– должность и с какого времени работает;
– партийность до октября 1917 г. и в настоящее время;
– член какого профсоюза;
– служба в старой армии и чин;
– служба в белой армии и чин;
– служба в красной армии и чин;
– где находился и чем занимался до февраля 1917 г.;
– после февраля 1917 г. и до настоящего времени;
– был ли за рубежом, где и когда;
– был ли под судом и следствием, когда и где начато;
– адрес;
– имел ли перерывы в работе и их длительность;
– чем именно занят на работе и кто рекомендовал на работу.

Был установлен такой порядок, при котором списки составлялись не только на тех, кого брали на работу, но и на тех, кто увольнялся. Это очень важная составляющая системы анкетирования, которую ввел режим с начала 1920-х гг. Балицкий был прямо причастен к еще одной – проведение паспортизации, но об этом – немного дальше.

В 1922 г. в Москве был создан Главлит – Главное управление по делам литературы и издательств. Он возник как орган Наркомата просвещения в соответствии с декретом Совета Народных Комиссаров от 6 июня 1922 г. Вскоре такие же структуры возникли и в республиках. Тогда же, в 1922 г. в библиотеках появились спецфонды, предназначенные для хранения «враждебных», или идейно «вредных», изданий.

По постановлению Совета Народных Комиссаров УССР от 11 августа 1922 г., было создано Центральное (сначала предлагалось назвать «Главное») управление по делам печати при Наркомате просвещения УССР. Оно должно было стоять на страже политических, идеологических, военно-экономических и культурных интересов

и осуществлять предварительный и последующий контроль над издательской деятельностью в целом (кроме хозяйственных, финансовых и торговых вопросов).

Предварительный контроль предусматривал выдачу Главлитом разрешений на выпуск книг, периодических изданий, утверждение редакционных коллегий: ответственных редакторов, открытие издательств и утверждение их редакций, составление ориентировочного плана издательской продукции (с определением объема и процента литературы по отдельным жанрам и для отдельных групп потребителей) и т. п.

Последующий контроль заключался в оценке уже напечатанных трудов, произведений искусства, увидевших свет, и в принятии мер запретительного характера, если нарушались соответствующие инструкции. Под контролем Главлита находились: ввоз литературы из-за границы, радиовещание, выставки, общественные лекции и т. п.; он был призван охранять военно-экономические тайны, для чего при участии заинтересованных ведомств составлялся список сведений, не подлежавших обнародованию.

Главлит в первую очередь осуществлял политико-идеологический контроль над тем или иным материалом, руководствуясь основными коммунистическими постулатами о враждебности капиталистического окружения и его идеологических диверсиях. Все это с самого начала априори несло в себе ожидание опасности, а следовательно – требовало превентивной активности цензоров.

Разумеется, органы цензуры действовали в тесной связи со спецслужбой. Более того, чекисты создали своего рода предшественника-двойника цензуры – систему политического контроля. Положение о нем было принято Совнаркомом РСФСР 21 декабря 1921 г. Именно настоящий документ отменял службу военной цензуры и вместо нее внедрял отделы, отделения и пункты политического контроля (ПК) при Секретно-оперативном управлении ВЧК (позже – ГПУ). На местах подразделения политконтроля входили в состав секретно-оперативных частей губернских отделов ВЧК-ГПУ, в уездах политконтроль осуществляли уполномоченные губернских отделов ВЧК-ГПУ.

Сфера деятельности политконтроля: почтово-надзор за телеграфной и радиотелеграфной корреспонденцией; за корреспонденцией в соответствии с секретными списками органов безопасности; за типографиями, книжными складами, магазинами и другими заведениями, которые выдавали и продавали печатные издания; просмотр всех печатных произведений, которые вывозились за границу и ввозились из-за границы, а также топографических карт, фотографий, кино-

лент, почтовых марок; за деятельностью театров, кинотеатров, цирка и тому подобного.

Уже осенью 1922 г. отделы, отделения и пункты политконтроля были созданы в 120 городах большевистской России. Впоследствии система политконтроля была усовершенствована, а общее руководство осуществлял Отдел политконтроля Секретно-оперативного управления ОГПУ (он же, кстати, осуществлял негласный пересмотр корреспонденции лиц, представлявших оперативный интерес для чекистов). Такая же схема была внедрена в регионах. Не удивительно, что архивы сохранили немало уникальных документальных свидетельств того, как так называемые литы, чекисты, милиция осуществляли цензорские функции.

Одним из ярких примеров может служить циркуляр от 20 октября 1925 г., который подписали В. А. Балицкий, начальник Секретно-оперативной части ГПУ УССР В. Т. Иванов, временно исполняющий обязанности Начальника милиции и розыска УССР Л. Л. Цинцар, а также один из руководителей Административного отдела НКВД УССР Гольберг. Этот циркуляр был разослан всем соответствующим низовым структурам. Вот его содержание: «В последнее время на Украине появилось большое количество странствующих (бродячих) актеров, акробатов, певцов, музыкантов и других лиц, характер репертуаров коих нередко разлагающе действует на массу слушателей. Кроме того, есть основания предполагать, что среди странствующих актеров встречается антисоветский и просто уголовный элемент.

Вследствие этого предлагается:

1. Начальникам Окрмилиции и Розыска и Окротделений ГПУ войти с ходатайством в местный Окрисполком об издании обязательных постановлений, согласно коих странствующие актеры, акробаты, музыканты и т. д. обязаны были бы зарегистрироваться сами и свой репертуар в органах Полит[ического] контроля окротделений ГПУ.

2. Начальникам Окротделений ГПУ вменить в обязанность представителям Политконтроля ГПУ следить за тем, чтобы ***бродячие актеры имели соответствующую регистрацию своего репертуара в органах ГПУ*** (выделено нами. – *Прим. авт.*).

3. Начальникам Окрмилиции и Розысков вменить в обязанность представителям Милиции иметь наблюдение за бродячими актерами и их репертуарами. В случае обнаружения среди них преступного элемента, а также в случае установления отсутствия регистрации в органах Политконтроля ГПУ, задерживать этих лиц и привлекать к законной ответственности»[1].

---

[1] Цит. за: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 165.

А вот еще один пример цензорской деятельности. 13 января 1923 г. НКВД УССР разослал на места циркуляр № 12 в связи с активизацией продажи антисоветской и религиозной литературы. Циркуляр содержал такие требования:

«1. В кратчайший срок произвести проверку всех торговых заведений, занимающихся продажей произведений печати в смысле выборки ими соответствующих разрешений и торговли только допустимыми в пролетарском государстве произведениями.

2. Вслед за этим произвести перерегистрацию всех выданных разрешений на право торговли произведениями печати, причем разрешения должны быть возвращены только тем гражданам, которые зарекомендовали себя лояльным отношением к Советской Власти и которые не дискредитировали себя распространением антисоветских и запрещенной религиозной литературы.

3. Установить на будущее время строгое соблюдение за торговлей произведениями печати, не допуская ни производство торговли без выборки в установленном порядке разрешений, ни торговли произведениями антисоветского, ни запрещенных произведений антисоветского характера.

4. Одновременно с этим Отделам Управления и подведомственным им органам надлежит оказывать всемерное содействие Органам Управления по делам печати и ГПУ в предпринимаемых последними мерах к изъятию антисоветской и религиозной литературы из распространения»[1].

Итак, формировалась мощная цензорская система, а Всеволод Балицкий приложил к сему немало усилий. При этом он настойчиво занимался совершенствованием и расширением аппарата своего главного ведомства. В свою очередь, чекисты тщательным образом отрабатывали полученные благодаря партии привилегии и материальные льготы. В партийных документах можно найти немало свидетельств того, как Балицкий и возглавляемое им ГПУ служили укреплению режима. Например, 12 октября 1924 г. на заседании ЦКК КП(б)У он выступает с информацией и получает ряд поручений, среди которых было такое: «Поручить тов. Балицкому осуществить проверку антисоветских элементов. Работа должна быть проведена с максимальной осторожностью»[2].

26 июня 1925 г. на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У Всеволод Балицкий сделал доклад о работе ГПУ, после чего было

---

[1] Цит. за: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 165.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 114.

принято постановление, в котором, в частности, обосновывалась потребность увеличить средства на «информативную и контрдиверсионную работу ГПУ УССР», отмечалось, что ни в коем случае нельзя допускать уменьшения количества «гласных работников ГПУ», напротив, следует повысить им зарплату, улучшить материально-бытовое обслуживание, приравнять их службу к военной по всем параметрам[1].

Именно в это время происходили значительные изменения в территориальном устройстве ГПУ УССР, связанные с проведением административно-территориальной реформы. 3 июля 1925 г. Президиум ВУЦИК принял постановление «О ликвидации губерний и переход на трехступенчатую систему управления»[2]. С 1 августа 1925 г. вводилось разделение УССР на 41 округ. На базе ликвидированных губернских отделов ГПУ и подчиненных им окружных отделений ГПУ образовывались окружные отделы (окротделы) ГПУ.

На окружные отделы ГПУ возлагалось:

– предупреждение контрреволюционных преступлений политического и экономического характера;

– выявление контрреволюционных организаций и лиц, деятельность которых направлена на подрыв политического и экономического могущества страны;

– предупреждение и борьба с различными проявлениями бандитизма и вооруженными восстаниями;

– охрана государственной тайны;

– борьба со шпионажем;

– борьба с контрабандой;

– предупреждение и борьба с экономическими преступлениями в государственных, кооперативных, хозяйственных учреждениях и организациях;

– выполнение специальных поручений ГПУ УССР и окрисполкомов.

Вместе с тем окротделы ГПУ имели право:

– подавлять контрреволюционные и вооруженные выступления;

– вести агентурные наблюдения за подозреваемыми лицами, группами и организациями на территории округа;

– предоставлять выводы по вопросу выезда граждан за рубеж;

– возбуждать ходатайства перед особым совещанием при ГПУ УССР о высылке социально-опасных лиц за пределы округа;

---

[1] Там же. Л. 178–179.

[2] История административно-территориального деления Донецкой области 1919–2000 гг.: Сб. док. и мат. Донецк, 2001. С. 19.

– представлять соответствующим организациям и учреждений необходимую информацию;

– проводить учет, регистрацию и розыск политически не благонадежных лиц;

– изучать разнообразные стороны политической и экономической жизни округа;

– оповещать о настроениях различных слоев общества путем вербовки информаторов, люстрации корреспонденции, конспиративных изъятий и т. п.

Окружные отделы ГПУ УССР создавались при окружных исполкомах. С одной стороны, они действовали под непосредственным руководством ГПУ УССР, несли перед ним полную ответственность и периодически отчитывались о результатах работы. С другой стороны, как отделы окрисполкомов отчитывались перед последними по форме, в порядке и в сроки, установленные президиумом окрисполкома. Возглавлял окротдел ГПУ начальник, назначаемый и смещаемый с должности ГПУ УССР. Санкционировал назначение Секретариат или Организационное бюро ЦК КП(б)У.

В начале 1926 г. ЦК КП(б)У разграничил полномочия Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК КП(б)У в вопросах проведения назначений и перемещений сотрудников местных органов ГПУ. Теперь Оргбюро ЦК КП(б)У назначало только начальников крупных окротделов ГПУ – Екатеринославского, Киевского, Луганского, Николаевского, Харьковского, Одесского, Сталинского и уполномоченного ГПУ по Молдавской АССР, а Секретариат ЦК КП(б)У – всех остальных. Начальник окружного отдела ГПУ был наделен полномочиями административного, оперативного, процессуального, финансово-хозяйственного и представительского характера. Он имел право издавать приказы по окротделу, принимать и увольнять сотрудников на работу, накладывать на них взыскания, подписывать ордера на проведение арестов, обысков. Начальник окротдела ГПУ имел право в оперативных целях использовать милицию и уголовный розыск[1].

В июне в 1926 г. ВУЦИК УССР принял постановление «Об уточнении функций органов Государственного политического управления». Формально на центральные и местные органы ГПУ было возложено применение мер предупреждения и ведения (на равных основаниях с другими органами) дознания и следствия, борьбы с должностными и хозяйственными преступлениями, кражами госу-

[1] Окіпнюк В. Т. Державне політичне управління УСРР (1922–1934): історико-юридичний аналіз: Монографія. Київ: НА СБУ, 2002. С. 98–100.

дарственного и общественного имущества, подделкой денег и ценных бумаг. Вместе с тем документ отражал и расширение прав ГПУ.

Не случайно в середине 1920-х гг. в действиях Всеволода Балицкого прослеживается тенденция выхода из-под контроля не только прокуратуры, но и высших государственных органов. Председатель ГПУ УССР делал все, чтобы накрыть плотным ореолом секретности свою работу. Он даже запретил снимать художественный фильм «ГПУ» по сценарию бывшего чекиста, уже упоминавшегося Я. А. Лившица, поскольку «фильм может раскрыть некоторые секреты работы чекистов»[1].

Балицкий добился, чтобы планы работы ГПУ не утверждались ВУЦИК или Совнаркомом УССР. Сломал он также практику регулярных отчетов ГПУ перед высшими органами государственной власти и местными Советами[2]. Постепенно все вопросы, связанные с деятельностью ГПУ, стали решаться лишь на заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У. Впрочем, здесь решались и другие вопросы. Например, о награждениях самого Балицкого. Так, в протоколе закрытого заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 9 марта 1926 г. читаем: «О т. Балицком. Поручить Пр[езидиму] Вуцик'а представить тов. Балицкого к ордену Красного Знамени»[3].

Об усилении роли ГПУ свидетельствует и избрание 29 ноября 1927 г. Балицкого на Пленуме ЦК КП(б)У кандидатом в члены Политбюро. После этого он практически перестал бывать на заседаниях правительства. Зато усиливается его контакт с партийными органами. Он разъяснял подчиненным, «что аппарат ГПУ должен безоговорочно выполнять волю Центрального комитета, которая передается через его голову. Если есть приказ стрелять в толпу, независимо от того, кто бы там не был, – откажетесь – расстреляю всех. Нужно беспрекословно выполнять мою волю, а если будете митинговать, я этого не позволю. Центральному комитету партии нужен крепкий, монолитный аппарат, который выполняет волю партии»[4].

Тесное взаимодействие высших партийных инстанций и ГПУ ярко характеризует деятельность Балицкого в должности главы Комиссии по судебно-политическим делам при ЦК КП(б)У. Заметим, кстати, что в целом работа этой Комиссии практически неизвестна даже специалистам, поскольку ее материалы тщательным образом скрыва-

---

[1] Гудок. 1989. 29 декабря.

[2] Усенко І. Б. Позасудова репресія. Як це починалось // Комуніст України. 1990. № 2. С. 51.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 3. Л. 313.

[4] Цит. по: Ченцов В. В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. С. 48.

лись. Обратимся лишь к одному документу. 5 мая 1927 г. Балицкий посылает секретарю ЦК КП(б)У И. Я. Клименко докладную записку о характере постановлений Комиссии по судебно-политическим делам. В записке отмечалось, что «конкретные директивы судам по поводу меры социальной защиты могут даваться только относительно тех дел, которые имеют большое политическое значение и из которых устраиваются показательные процессы, причем директивы могут поступать только от ПБ ЦК ВКП(б)»[1].

А далее Балицкий писал: «...По всем делам, не имеющим общественно-политического значения, но по которым по сути необходимо применение высшей меры социальной защиты (шпионаж, контрреволюция и так далее), наши суды и, в частности, чрезвычайные сессии, при наличии нашей директивы о предоставлении меры социальной защиты на рассмотрение суда, выносят достаточно правильные суровые приговоры и, в частности, высшую меру социальной защиты – расстрел. При этом Прокуратура республики ведет за этими делами особенно пристальный надзор, которым полностью обеспечивается возможность как смягчения слишком суровых приговоров, так и опротестования приговоров мягких.

Следовательно, по незначительным делам правильность и строгость репрессий полностью осуществляется самими судами, а по делам большого общественно-политического значения – нашими конкретными директивами, санкционированными ЦК ВКП(б)»[2].

Кстати, в работе Комиссии по судебно-политическим делам в марте 1926 г. имел место чрезвычайно характерный случай. Член комиссии М. Ф. Владимирский выступил против ведения заседания на украинском языке, поскольку «он не может следить за ходом заседания»[3]. После этого Балицкий вносит предложение: «Ввиду того, что комиссия в большинстве состоит из представителей нацменьшинств УССР, деукраинизировать выступления на заседании...»[4] Это предложение было принято, невзирая на энергичный протест Н. А. Скрыпника, который руководил этим заседанием.

Не подлежит сомнению, что Всеволод Балицкий был причастен к ликвидации Симона Васильевича Петлюры в Париже 26 мая 1926 г. Подробности этой операции до сих пор неизвестны. Лишь в 2007 г. полковник ФСБ в отставке, профессор А. М. Плеханов приоткрыл завесу тайны. Он не дал, правда, никаких ссылок на источники, но

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Л. 361–362.

[2] Там же.

[3] Там само. Д. 4. Л. 124.

[4] Там же.

однозначно написал о том, о чем давно уже говорили историки, и не только они: «Антисоветскую активность Петлюры пресекли агенты советской спецслужбы: организатором операции выступил М. Володин, а убил Ш. Шварцбард»[1]. Пока не удалось выяснить личность Володина. Скорее всего, это псевдоним, под которым кто-то из сотрудников Иностранного отдела ОГПУ СССР работал в Париже. Например, знаменитый чекист-террорист Я. И. Серебрянский (Бергман) в 1925–1929 гг. пребывал на нелегальной работе в Бельгии и во Франции, являлся нелегальным резидентом ОГПУ в Париже[2].

Ясно, что ликвидацией С. В. Петлюры занимался центральный аппарат ОГПУ в Москве. Эта же структура, похоже, в значительной степени «дирижировала» и ходом процесса над убийцей. Процесс состоялся осенью 1927 г. в Париже, и убийца был оправдан как «мститель» за еврейские погромы в Украине во времена Директории Украинской Народной Республики, которой руководил тогда Петлюра. De facto суд превратился в показательную расправу над чрезвычайно демонизованным «украинским национализмом»[3]. Подтверждают такую оценку и опубликованные несколько лет назад одним из авторов этих строк неизвестные документы, свидетельствующие о заинтересованности Кремля в антипетлюровских результатах процесса и усилиях чекистов по направлению парижского процесса в «нужное» росло[4]. В этих усилиях тогда участвовало и ведомство Балицкого. Последний, кстати, мог иметь и какие-то особые антипатии к Петлюре.

Дело в том, что еще в 1925 г. Симон Петлюра, лидер УНР в эмиграции, написал статью «Милиция господина Балицкого и юстиция господина Скрыпника». Констатируя, что Балицкий одновременно является наркомом внутренних дел и начальником ГПУ и уголовного розыска, Петлюра сравнивал его с царским министром внутренних дел, бывшим одновременно и шефом отдельного корпуса жандармов. В статье утверждалось, что «история массовых и одиночных расстрелов, осуществленных агентами ГПУ (бывшая Чека) и по при-

---

[1] Плеханов А. М. ВЧК – ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. М.: Кучково поле, 2006; Плеханов А. М. Дзержинский. Первый чекист России. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007.

[2] Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. М.: Звенья, 1999. С. 380; Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 349.

[3] См.: Документ судової помилки. Процес Шварцбарда. Париж, 1958.

[4] См.: Шаповал Ю. Людина і система. Штрихи до портрета тоталітарної доби в Україні. Київ: Інститут національних відносин і політології НАН України, 1994. С. 96–107.

говорам революционных трибуналов, не написана. Цифру, которую называет само всесоюзное ГПУ – 1.526. 197 человек для всего Союза Советских Республик нельзя, разумеется, считать точной. Но и в том случае, если ее взять как показатель расстрелов, то и она поражает своим ужасом»[1]. Петлюра напоминал в статье, что половина расстрелов приходилась на Украину, где велась особенно жестокая борьба с антисоветскими движениями. Вот почему, по его мнению, «имена Балицкого и Скрыпника войдут в историю нашего народа не только как имена отвратительных предателей, но и как имена самых жестоких палачей его...»[2]

В ГПУ УССР также готовили операции против деятелей украинской эмиграции. 26 мая (по другим данным – 19 июня) 1926 г. в г. Ровно (Польша) был убит В. П. Оскилко. В ноябре декабре 1918 г. он был одним из организаторов восстания против гетмана П. П. Скоропадского на Волыни. С января 1919 г. – начальник войск Юго-Западного района действующей армии УНР, с февраля того же года – начальник войск Северной группы войск действующей армии УНР. 22 апреля 1922 г. приказом Симона Петлюры как головного атамана УНР Владимир Оскилко был отстранен от командования группой. Однако отказался выполнять этот приказ. По согласованию с партией социалистов-самостийников в ночь с 28 на 28 апреля 1919 г. Оскилко поднял в Ровно восстание против Директории, после его подавления он выехал в Польшу[3].

Долгие годы о «заказчиках» убийства В. П. Оскилко было ничего неизвестно. Подозревали как чекистов, так и петлюровцев, которые могли отомстить за измену в 1919 г. Но вот в наградном листе на сотрудника ГПУ УССР З. Г. Лунева (Минца) мы прочитали, что он, «будучи уполномоченным КРО ГПУ УССР, успешно провел ликвидацию видного петлюровского атамана Оскилко, находящегося за кордоном»[4].

Безусловно, убийства Симона Петлюры и Владимира Оскилко – это звенья одной цепи. Организацию убийства головного атамана УНР еще как-то можно объяснить, ведь Симон Петлюра являлся символом украинского национально-освободительного движения, а слово «петлюровец» стало нарицательным и означало приверженца

---

[1] Петлюра С. В. Статті. Упоряд. та авт. передмов. О. Климчук. Київ: Дніпро, 1993. С. 314.

[2] Там же.

[3] Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної республіки (1917–1921). Київ: Темпора, 2007. С. 318.

[4] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12, Д. 2280. Л. 28.

независимой Украины. Но с Оскилко возникает вопрос: зачем надо было убивать его, отошедшего от дел еще в 1919 г.?[1]

Можно предположить, что устранение чекистами Петлюры призвано было спровоцировать украинскую эмиграцию на акты мщения, что развязало бы ОГПУ руки в борьбе с «украинским буржуазным национализмом». Тем более что в это время шла борьба с наркомом просвещения УССР (бывшим «боротьбистом») Александром Шумским, объявленным «национал-уклонистом», а также с теми, кто его поддерживал.

На наш взгляд, подтверждают эту версию указания Ф. Э. Дзержинского, данные его заместителю Г. Г. Ягоде 22 июня 1926 г. Среди них находим, в частности, такие: «2) Вести энергичную агентуру за границей в петлюровских кругах и наблюдение за их действиями.

3) Произвести массовую операцию против петлюровцев, тщательно ее проработав и ударивши по их московским связям.

4) Усилить бдительность по охране высших партийных и советских учреждений на Украине и вождей, проверивши их аппараты с точки зрения связи с петлюровцами...

6) Захватить достаточное количество заложников»[2].

На следующий день Генрих Ягода и заместитель начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ СССР Я. К. Ольский направили телеграмму В. А. Балицкому и председателю ГПУ БССР Р. А. Пилляру. В ней, в частности, отмечалось, что с убийством С. В. Петлюры активизировались петлюровские элементы, что возможны теракты за границей и на территории Советского Союза. Ягода требовал дать «задание резидентам помимо Румынии более активно выявлять перегруппировки, намерения петлюровских кругов... Тщательно подготовить операцию с целью разгрома группировок, имея также ввиду взятие заложников»[3]. Телеграмма также требовала упредить намерения петлюровцев относительно ЦК КП(б)У, усилить охрану членов ЦК и государственных учреждений, а также предупреждала: «Имейте в виду, что базой терактов возможно являются польские резидентуры и консульства, которые будут оказывать помощь и давать директивы»[4].

Предметом особого внимания Всеволода Балицкого и его ведомства была церковь. Немало документов подтверждают это. И опять-

---

[1] Кстати, уже упомянутый М. К. Александровский, знавший В. П. Оскилко по работе в Ровно, характеризовал последнего как «учителя-молокососа, страдавшего манией величия». (Там же. Д. 2174. Л. 26.)

[2] Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ: отечественные органы государственной безопасности в период новой экономической политики. 1921–1928. С. 630.

[3] Там же. С. 337.

[4] Там же.

таки председатель ГПУ всегда выступал в тесном единстве с тогдашними партийными руководителями. Например, 25 февраля 1926 г. на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У обсуждались и утверждались «Предложения комиссии по вопросу о церковных делах». Вот отдельные пункты постановления:

«2. Считать необходимым дальнейшее усиление работы относительно охватывания информативным аппаратом тех группировок, которые до сих пор им еще в достаточной степени не были охвачены (автокефалия, католики, лютеране, менониты).

3. Одобрить намеченные комиссией репрессии относительно руководителей (Потиенко, Ярещенко и Шараевского) автокефальной церкви, осветив в печати их контрреволюционную работу. Поручить комиссии вести последующую работу относительно разложения автокефалистов.

4. Касательно, католиков продолжать курс на уничтожение существующей зависимости католической церкви на Украине от польского правительства, используя с этой целью советско настроенные части польского населения, так же – униатов, немцев-католиков, чехов, литовцев, и так далее.

6. Счесть возможным открыть в Киеве церковно-обновленское учебное заведение, по образцу московской Академии, при условии содержания на собственные средства, с количеством слушателей не больше 50 человек, под жестким контролем ГПУ.

7. Размер средств, которые должны быть отпущены ГПУ на работу среди духовенства, поручить установить особенной комиссии в составе тт. Чубаря, Затонского и Попова»[1].

Далее в документе анализируются особенности деятельности различных религиозных группировок в Украине к началу 1926 г., «антисоветские деяния» их руководителей, даются рекомендации, как эффективнее организовать и вести «антирелигиозную разложенческую» работу.

В следующем, 1927 г., был отстранен от руководства 2-м Всеукраинским православным церковным собором (ВПЦС) митрополит Василий Лыпкивский, с чего, собственно, началась ликвидация Украинской автокефальной православной церкви (УАПЦ)[2].

27 октября 1927 г. ГПУ УССР имело все основания заявить, что поставленные перед ним задания о свержении митрополита Василия Лыпкивского, архиепископов Александра Ярещенко и Василия

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 2. Л. 77.

[2] Зінкевич О., Воронин О. Мартирологія українських церков. Т. 1. Українська православна церква. Торонто, Балтімор, 1987. С. 142–144.

Потиенко «нами полностью выполнены. Собор прошел под полным нашим руководством»[1]. Председателем 2-го ВПЦС был Владимир Чехивский. В сентябре 1928 г. ГПУ УССР запретило ему заниматься любой церковной деятельностью. На протяжении 1926–1929 гг. в Украине было арестовано пять иерархов УАПЦ[2], а всего за период сталинизма уничтожено 34 ее епископа, 2000 священников и других церковнослужителей[3].

О размахе работы по религиозным группировкам дает представление бюджета ГПУ УССР на первое полугодие.

«Содержание секретных сотрудников по религиозным и сектантским группировкам.

II. Содержание осведомления в руководящих органах религиозных и сектантских группировок.

Украинский Синод в месяц 150 р. на 6 м.	900 р.
ВППР автокефалистов -/- 200 -/-	1200 р.
Собор епископов -/- 150 -/-	900 р.
По синодальному движению по 2 с/с на каждое Окр. Е. У. – 41 округ, по 10 р. каждому с/с на 6 месяцев 82 ч	4920 р.
По тихоновскому движению по 2 с/с на Округ 41 округ, по 10 р. каждому на 6 месяцев 82 ч	4920 р.
По автокефальному движению по 3 с/с на каждый округ – 22 округа, по 15 р. каждому с/с на 6 месяцев 36 ч	5940 р.
По собору эпископов по 2 с/с на округ – 18 округов, по 15 р. каждому с/с на 6 месяцев 36 ч	3240 р.
По еврейскому духовенству, по 2 с/с на округ, – 38 округов, по 10 р. каждому с/с на 6 месяцев 76 ч	4560 р.
По сектантам по с/с на округ – 41 округ, по 10 р. на каждого с/с, на 6 месяцев 41 ч	2460 р.
Советы сектантских общин 4 совета по 50 р. на все полугодие	200 р.
Итого:	3200 р.

III. Разъезды, командировки с/с всех группировок по всем округам Украины в месяц по 100 р. на все округа – 41 округ на 6 месяцев. 600 р.

---

[1] Ченцов В. В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. С. 255.

[2] Зінкевич О. Справа Української автокефальної православної церкви на процесі Спілки визволення України і її ліквідація у 1930 р. // Сучасність. 1988. С. 225.

[3] Розтальний В. Митрополит-мученик // Голос України. 1992. 19 червня.

IV. П. 1. Содержание секретных сотрудников по инославному и лютеранскому духовенству.

а) По польскому Р. Католическ. духовенству и костелами: 20 агентов ксендзов по 25 р. ежемесячно на каждого а на 6 месяцев	 450 р. 2700 р.
По с/с на обслуживание 100 кост., религиозных общин и религ. Кружков из числа наиболее важных обьектов обслуживания. Всего 100 агентов по 10 р. в месяц На 6 месяцев	 2000 р. 1200 р.
б) По немецкому католическому духовенству и костелам: 10 с/с ксендзов по 25 р. в месяц на 6 месяцев	 250 р. 1500 р.
По 1 с/с на каждый церковный совет в числе 21 ц/с. Всего 21 с/с по 20 р. в месяц На 6 месяцев	 420 р. 2520 р.
в) По униатскому духовенству и борьбе с унией: 3 с/с униатских священнослужителей по 50 р. в месяц На 6 месяцев	 150 р. 900 р.
По 2 осведомителя в каждом из 3-х униатских приходов: Всего 6 осведомителей по 10 р. На 6 месяцев	 60 р. 360 р.
г) По лютеранской церкви: 5 с/с пасторов и 3 кистера. Всего 8 с/с по 25 р. в месяц На 6 месяцев	 200 р. 1200 р.
По 2 с/с на 24 церковных совета. Всего 48 с/с по 10 р. в месяц. На 6 месяцев	 480 р. 2880 р.
д) По менонитским общинам: По 1 с/с на район с менонитским населением. Районов – 18. Всего с/с – 18 по 10 р. в месяц На 6 месяцев	 180 р. 1080 р.
Итого:	2514 р.

П. 2. Разъезды и командировки по инославному и лютеранскому духовенству.

а) Поездки с/с униатов в Москву, Николаев и др. округа на предмет выявления и разработки распространяющегося униатского движения. На 6 месяцев	 60
б) Командировка с/с закордон по разработке деятельности митрополита Шептицкого на нашей стороне. На 6 месяцев	 150
в) Разьезды с/с по округам и закордон в связи с предстоящим сьездом поляков в Польше на 6 месяцев	 30
г) Разьезды за с/с лютеран для работы по разложению лютеранской церкви и вербовки своих сторонников	

д) Разъезды и командировки с/с по другим отраслям работы и поездки работников для инструктирования агентуры по округам на 6 месяцев	2000
Итого на 6 месяцев:	3200

3. Непредвиденные расходы.

На 6 месяцев по 50 р. 300 р.
Всего: 58480 р.
/Пятьдесят восемь тысяч четыреста восемьдесят рублей/»[1].

Этот документ подписал начальник Секретного отдела ГПУ УССР В. М. Горожанин.

На беззаконие и своеволие, на грубые действия чекистов относительно церкви неоднократно были вынуждены реагировать Наркомюст и Прокуратура УССР. Это отдельная и большая тема. Приведем лишь пример, характеризующий тогдашнюю ситуацию. 7 марта 1928 г. появилось информационно-директивное письмо «О борьбе с церковной контрреволюцией», подписанное наркомом юстиции и Главным прокурором УССР В. И. Порайко и его помощником по надзору за органами ГПУ Г. А. Железногорским. В первую очередь они объясняли, что такое, собственно, «церковная контрреволюция». Это – «использование разными главарями церковных течений своего влияния на религиозно-настроенные массы для антисоветской деятельности». К таким течениям в документе были отнесены «тихоновщина» (сторонники патриарха Тихона) и «автокефалисты» (сторонники Украинской автокефальной православной церкви). Кроме того, в документе содержалась характеристика «лояльных течений в церкви» («Лубненский собор епископов» и «обновленцы») и отдельно говорилось о сектантах.

Авторы документа подчеркивали, что при проведении официального следствия «обвиняемые должны допрашиваться только в плоскости антисоветской деятельности. Имеющие иногда место случаи, когда у обвиняемых создается впечатление, в связи с неудачным подходом к следствию со стороны отдельных уполномоченных ГПУ, что их преследуют за веру и тому подобное, должны быть устранены. Необходимо также следить за тем, чтобы такие дела осуществлялись форсированным порядком, без всякой волокиты... О всяких спорах, которые возникают между Прокуратурой и ГПУ в таких делах – немедленно сообщать в Прокуратуру Республики»[2].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 34. Л. 92–93.

[2] ОГА СБУ. Киев. Фонд печатных изданий (далее – ФПИ). Л. 4.

В поле постоянного внимания Всеволода Балицкого и его ведомства находилась украинская интеллигенция, особенно те ее представители, которые возвратились из-за границы. Но следили и за теми, кто сотрудничал с большевистской властью, хотя были настроены относительно нее весьма критически. Вот что, в частности, говорилось в инструкции о постановке информационной работы окружных отделов ГПУ УССР в 1930 г.: «6. Интеллигенция.

По этому объекту сетка строится в основном по следующему принципу:

1) Обязательное насаждение информаторов в местах концентрации разных групп интеллигенции, особенно учительства, на селе и в городе.

2) Практиковать вербовку служилой интеллигенции из окружных и районных центров, которая имеет широкие связи с низовыми кадрами интеллигенции (инструкторский состав отделов народного образования и учреждений здравоохранения)»[1].

Как уже отмечалось, накопление «компрометирующего материала» против старой украинской интеллигенции, немалое число представителей которой занимались активной политической деятельностью в период Украинской Центрального Рады и Украинской Народной Республики, началось достаточно давно, как и отработка политических процессов по специально подготовленным сценариям.

В июне 1925 г. решением Политбюро ЦК КП(б)У была создана комиссия для изучения вопроса об украинской интеллигенции, тактике относительно нее, в частности Всеукраинской академии наук (ВУАН) и Михаила Грушевского, возглавлявшего после возвращения из эмиграции Историческую секцию ВУАН[2].

В состав комиссии вошли Л. М. Каганович, В. Я. Чубарь, А. Я. Шумский, Г. Ф. Гринько, В. А. Балицкий. 22 февраля 1926 г. Политбюро ЦК КП(б)У рассмотрело вопрос «О настроениях среди украинской интеллигенции», причем докладчиков было трое, а среди них – Всеволод Балицкий. В принятом решении отмечалось: «Считать необходимым взять курс на решительную борьбу с правыми группировками в среде украинской интеллигенции. Поручить тов. Балицкому через месяц подать доклад о дальнейших мероприятиях по разложению правых группировок в среде украинской интеллиген-

---

[1] ГПУ УССР. Секретно-оперативное управление. Отдел информации и политконтроля. Инструкция о постановке информационно-осведомительной работе окружных отделов ГПУ УССР. Харьков, 1930. С. 25

[2] ЦДАГОУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 1. Л. 179об.

ции. Поручить оргграспреду разработать мероприятия по исключению из состава кооперативных центров наиболее правых представителей украинской интеллигенции, антисоветски настроенных»[1].

Именно в 1926 г. в недрах ГПУ УССР появляется несколько чрезвычайно важных и сурово засекреченных документов, которые раскрывают «кухню» и настоящее содержание действий этого ведомства в условиях политики «украинизации». Это прежде всего циркулярные письма «Об украинской общественности» от 30 марта 1926 г. и «Об украинском сепаратизме» от 4 сентября 1926 г. Оба документа были подготовлены в Секретном отделе ГПУ, который был ключевым в предоставлении информации партийно-государственному руководству УССР.

ГПУ ориентировало местные органы о «сущности, истории и тактике украинского сепаратизма»[2], а также ставило конкретные задачи, которые должны были решать чекисты. Отмечая, что «новый национальный курс» после XII съезда РКП(б)[3] сделал невозможным продолжение вооруженного сопротивления большевистской власти, творцы документа указывали на то, что украинские националисты перенесли острие своих усилий на «культурный фронт», используя легальные возможности для противодействия большевистской власти. В документе подчеркивалось: «Украинизация используется для группировки во всех жизненных частях государственного организма сторонников националистических идей»[4].

---

[1] Там же. Д. 2. Л. 136.

[2] Цит. по: Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. С. 254.

[3] Речь идет о начатой в тогдашних союзных республиках политике «коренизации», которая в Украине приобрела в первую очередь форму «украинизации». Эта политическая линия была принята под натиском «национал-коммунистов» и по требованию В. Ленина. Формальной основой было то, что царская Россия эксплуатировала нероссийские народы, и в наследие от нее СССР досталось фактическое экономическое и культурное неравенство между русскими и другими народами. Поэтому решено было ускорить развитие тогдашних нероссийских республик, а одновременно «укореняться» на национальных окраинах. Политика «коренизации» предусматривала подготовку коммунистических кадров из представителей коренных национальностей, учет национальных факторов при формировании партийно-государственного аппарата. Кроме того, предусматривалось расширение просветительской деятельности на родных языках, содействие развитию национальных культур, организация сети школ всех уровней, учреждений культуры, газет и журналов, книгоиздательского дела на языках коренных национальностей и т. д. (См. подробнее: «Українізація» 1920–30-х років: передумови, здобутки, уроки / за ред. В. А. Смолія. Київ: Інститут історії України НАН України, 2003; Борисенок Е. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М.: Европа, 2006).

[4] Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. С. 257.

Были определенные носители украинского национализма. Это прежде всего Украинская автокефальная православная церковь, являющаяся, по мнению авторов циркуляра, «могучим оплотом национализма и отличным агитационным орудием»[1]. Всеукраинская академия наук была объявлена структурой, собравшей вокруг себя «компактную массу бывших видных деятелей УНР»[2]. Под подозрение попала, собственно, вся сфера культуры, в частности литература.

Эти и другие документы убедительно свидетельствуют, что с самого начала, вопреки всем официальным декларациям, ГПУ подозрительно и враждебно воспринимало «украинизацию», накапливало материал против ее активных сторонников. Среди основных были определены такие задания для органов ГПУ УССР: «выявления правых группировок, их деятельность и взаимоотношения с другими кругами украинской общественности»; «не ограничиваться простым наблюдением за всеми кругами украинской общественности, а вести активную разведку среди видных представителей украинских антисоветских течений»; «увязать работу по украинской интеллигенции с работой по селу»; «освещать текущие настроения украинской общественности, связанные с нашей внутренней и международной политической жизнью»[3].

Обращает на себя внимание, что все внутренние процессы в циркуляре увязаны с активизацией украинской эмиграции, часть из которой не принимала «украинизацию» как искреннюю и долгосрочную политику большевиков, однако стремилась использовать ее как мощный рычаг продвижения украинцев на ключевые руководящие посты в УССР, в сфере науки и культуры.

Принципиально важно то, что в этом и других документах чекисты как бы дистанцируютсяот украинских «туземцев», неких «автохтонных» украинских националистов, говорят постоянно об «украинских шовинистах», «антисоветском шовинистическом элементе», «украинских сепаратистах» и т. п. То есть чекисты не считают себя органической частью территории, на которой им доводится работать, а все украинское априори воспринимается как «националистическое», как некая враждебная или в лучшем случае подозрительная «украинская общественность».

Поставленные задачи последовательно выполнялись. Сохранились, в частности, уникальные материалы ГПУ, раскрывающие ме-

---

[1] Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. С. 257.

[2] Там же. С. 257.

[3] Там же. С. 266–267.

ханизм слежки за бывшим Председателем Украинской Центральной Рады, историком Михаилом Сергеевичем Грушевским, вернувшимся, как уже отмечалось, в Украину из эмиграции в марте 1924 г. Уникально уже то, что выдающийся ученый был взят на учет как «неблагонадежный» 20 июля 1924 г., то есть вскоре после своего приезда в Киев, хотя пристально следить за ним начали с самого прибытия.

В течение десяти лет, до самой смерти (в ноябре 1934 г.), Грушевский находился под постоянным наблюдением, а в его ближайшем окружении было немало секретных сотрудников, которые обстоятельно докладывали о настроениях, разговорах, намерениях, политических симпатиях и антипатиях, личных отношениях с другими деятелями их подопечного. 6 ноября 1926 г. Секретный отдел ГПУ УССР предложил уполномоченному разведки, ссылаясь на решение руководства ГПУ, взять Грушевского под внешнее наблюдение, что и было сделано. Академик в спецсводках проходил под псевдонимом «Старик».

И хотя М. С. Грушевский приехал в Украину с разрешения коммунистической власти для работы в Академии наук, чекистов особо волновал вопрос, для чего, с какой целью он вернулся, нет ли тут потаенных замыслов. Скрупулезно собирались и анализировались любые его критические высказывания в адрес большевистской власти, а также декларации о содействии развитию науки и культуры в Украине. Из этих сводок однозначно ясно, что академик как бы ведет двойную игру, стремится воспользоваться реалиями «украинизации» в своих «националистических» расчетах.

Вот, например, что сообщал 1 ноября 1926 г. секретный сотрудник под псевдонимом «Тычина»: «Я встретился с Грушевским дома, где у меня состоялся такой разговор. Я спросил Грушевского о будущем Украины. “Украина, — ответил Грушевский, – для меня дороже всего, и, возможно, потому я, как старый человек, могу смотреть на жизнь Украины с исторической точки зрения. В этом мое расхождение с коммунистами... Мы можем бороться с Россией, когда все украинские силы будут объединены...”»[1].

Уже в январе 1927 г. появился первый донос о том, что М. С. Грушевский якобы создал в Исторической секции ВУАН «враждебную политическую организацию», объединив вокруг себя «активных “хлопцев” от украинской контрреволюции»[2].

Аналогичным образом ГПУ УССР отслеживало и постепенно формировало мысль о «контрреволюционности» других выдающих-

---

[1] Цит. по: Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський і ГПУ-НКВД. Трагічне десятиліття: 1924–1934. Київ: Україна, 1996. С. 23.

[2] Там же. С. 29.

ся деятелей, стремившихся воспользоваться условиями «украинизации» для укрепления украинских научных и культурных сил. Кстати, в сообщения о М. С. Грушевском попали очень многие лица, которых впоследствии ГПУ включит в «Союз освобождение Украины» («СВУ»), «Украинский национальный центр» («УНЦ»), будет «монтировать» в другие дела в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Много делали чекисты и для того, чтобы «разложить», обострить противоречия в среде, как они выражались, «украинской общественности». Это приводило, в частности, к тому, что накалялись и без того напряженные отношения между разными деятелями украинской науки. Например, между сторонниками академиков М. С. Грушевского и С. А. Ефремова. Все это способствовало коммунистической «осаде», а затем, в конце 1920-х гг., и «штурму» ВУАН, которую, как было уже отмечено, властные структуры считали одним из бастионов «украинского национализма».

Всеволоду Балицкому пришлось непосредственно работать с тремя лидерами КП(б)У – Э. И. Квирингом, Л. М. Кагановичем, С. В. Косиором. Как свидетельствуют факты, он всегда находил с ними общий язык, в первую очередь благодаря постоянной поддержке действий каждого из упомянутых лидеров. В частности, он активно сотрудничал с Лазарем Кагановичем, возглавлявшим парторганизацию Украины с апреля 1925 по июль 1928 г.

Объектом их общего внимания в середине 1920-х гг. стал нарком просвещения УССР Александр Яковлевич Шумский. Недовольный темпами «украинизации», он в 1925 г. в Москве во время беседы с И. В. Сталиным, как свидетельствовал один из ее участников, заявил следующее: ЦК КП(б)У должен контролировать и руководить национальными и культурными процессами, происходящими в Украине. Однако из Москвы посылаются на Украину работники, «которые не понимают украинских национальных вопросов»[1]. Разумеется, нарком имел в виду прежде всего сталинского эмиссара Лазаря Кагановича. А далее Александр Шумский выразил уверенность в том, что «украинские коммунисты уже выросли и могут сами избирать руководителей партии и правительства»[2].

Вследствие этого появилось не просто персональное «дело Шумского», а целый «националистический уклон». Его лидерами позже объявят еще и известного писателя Николая Григорьевича Хвылевого (Фитилева), который своими памфлетами придал литературной дискуссии середины 1920-х гг. политическое значение. Еще одним

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф.6. Д. 59 881 ФП. Т. 118. Л. 30.

[2] Там же. Л. 30.

лидером, на сей раз «экономического уклона», объявят молодого экономиста Михаила Симоновича Волобуева, написавшего полемическую статью в журнал «Большевик Украины». Эта публикация будет заклеймена как «экономическая платформа национализма».

На такие оценки вдохновил сам И. В. Сталин своим письмом Л. М. Кагановичу и другим членам Политбюро ЦК КП(б)У от 26 апреля 1926 г. Письмо стало своего рода благословением на беспощадную борьбу с «национал-уклонистами». А. Я. Шумский, Н. Г. Хвылевой, М. С. Волобуев, а также другие их сторонники, литераторы и деятели культуры подвергнутся травле, оскорбительным и предубежденным оценкам в разного рода публикациях. Для расправы с инакомыслящими длительное время будут использоваться ярлыки «шумскизма», «хвылевизма» и «волобуевщины».

А. Я. Шумского арестуют в мае 1933 г., обвинив в том, что он был одним из организаторов и лидеров «Украинской военной организации» («УВО»). 13 мая 1933 г. в своей квартире в Харькове покончит жизнь самоубийством затравленный Н. Г. Хвылевой[1]. Экономиста М. С. Волобуева в 1934 г. по постановлению судебной «тройки» при Коллегии ГПУ УССР отправят в ссылку на пять лет в Казахстан. Однако он выживет и уже в середине 1950-х гг., во времена хрущевской «оттепели», подтвердит примененные в 1930-х гг. против него антигуманные методы для получения необходимых следователям «признательных» признаний[2].

Всеволод Балицкий реально способствовал также тому, что были практически уничтожены оппозиционные силы в КП(б)У. В 1927 г. в выступлении на X съезде он заверял делегатов в том, что «украинская оппозиция» имеет «подполье» и «надполье», причем в последнем «у них маленькие люди, те, которые связываются с беспартийными, и те, которые связываются с антисоветскими партиями. Это теперь уже ***почти доказанный факт»***[3] (выделено нами. – *Прим. авт.*). Обвинил Балицкий оппозицию и в том, что ее представители, которые находятся на советской работе, якобы идут на большие расходы, чтобы дать материальную возможность «существовать подполью», а также устанавливают связь («через меньшевиков») с заграницей[4].

---

[1] Подробнее см.: Полювання на «Вальдшнепа». Розсекречений Микола Хвильовий. Науково-документальне видання / упорядник Ю. Шаповал. Київ: Темпора, 2009.

[2] ОГА СБУ. Киев. Д. 59 881 ФП. Т. 119. Л. 62. Подробнее см.: Шаповал Ю. І. «Я помилявся, взявши на себе провину...». До 90-річчя М. С. Волобуєва-Артемова // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1994. № 1. С. 104–110; Он же. Текст як доля // День. 2003. 22 лютого (№ 34).

[3] X з'їзд КП(б)У. 20–29 листопада 1927 р.: Стеногр. звіт. Харків, 1928. С. 213.

[4] Там же. С.213.

Вскоре из лексикона Балицкого исчезнет слово «почти», и оппозиционеров уже будут твердо считать «пятой колонной» в партии, а их связь с антисоветскими силами или иностранными разведками станет как бы автоматически доказанной. Сохранилось немало документов, которые показывают и подтверждают это. Есть много свидетельств того, что именно Балицкий был инициатором большого количества карательных акций против оппозиции. Так, например, 27 июля 1928 г. на своем закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У постановляет: «1. Согласиться с предложениями тт. Постышева и Балицкого об изъятии (так в документе. – *Прим. авт.*) из Харькова нескольких (3–4) особенно активных оппозиционеров, осуществляющих разлагающую работу.

2. Принять предложение т. Балицкого о необходимости изъятия из других округов Украины нескольких особенно активных оппозиционеров, поручить т. Балицкому список оппозиционеров, которые подлежат изъятию, согласовать с т. Медведевым.

Вопрос об изъятии оппозиционеров поручить т. Балицкому согласовать с Москвой...»[1].

В целом в Украине тех, кто поддерживал троцкистскую оппозицию, по официальным данным было немного: на 7 декабря 1927 г. из 147 970 человек, принявших участие в дискуссии, за оппозицию проголосовал лишь 741 человек. Впоследствии оппозиционеров станут активно исключать из рядов КП(б)У, большинство из них погибнет в ходе репрессий 1930-х гг. Характерно, что именно тогда численность тех, кого будут квалифицировать как оппозиционеров, возрастет, ведь начнется активный поиск «скрытого троцкизма».

О провокационной работе чекистов в борьбе с оппозицией поведал позднее бывший начальник секретно-оперативного отдела Запорожского окротдела ГПУ Г. А. Клювгант-Гришин: «Моя работа по подготовке «встречи» Раковского, когда он приезжал в Запорожье. Ведь в результате правильно поставленной работы, его чуть не избили, выгнали и т. д. Тут приложена была моя рука»[2].

Незаконные, грубые действия своих подчиненных не раз пытался «теоретически» обосновать Всеволод Балицкий. Так, в одном из выступлений в 1929 г. он утверждал, в частности, что «в настоящий момент троцкизм, безусловно, нельзя ни в какой степени, ни в коем случае отделять от самой обыкновенной контрреволюционной группы...»[3].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 318.

[2] ОГА СБУ, Киев. Ф. 6. Д. 49732. Л. 107.

[3] Цит. по: Друга конференція КП(б)У. 9–14 квітня 1929 року. Стеногр. звіт. Харків: Державне видавництво України, 1929. С. 53.

По его убеждению, «вопрос о борьбе с троцкизмом поэтому выходит у нас за обыкновенные партийно-общественные рамки. Вы знаете, что борьбу с троцкизмом ведут и будут вести и органы государственной власти, ведающие борьбой с контрреволюцией»[1].

Фактом остается то, что органам ГПУ нередко проще было организовать и вести борьбу с разного рода «контрреволюционерами», чем обосновывать эти действия. Это уже партийным идеологам приходилось выдумывать такие дефиниции, как «правый уклон», «правооппортунистическая практика», «примиренчество в отношении к правому уклону», «правооппортунистические действия» и тому подобное.

В 1920-х гг. чекисты под чутким партийным руководством приобрели и значительный опыт в проведении массовых «чисток» и арестов в Украине. Например, 27 июня 1927 г. Всеволод Балицкий вместе с наркомом путей сообщения УССР информировал ЦК КП(б)У о «чистке» железной дороги. К тем, кого «чистили» были отнесены:

«1. Перебежчики.

2. Лица, которые могут быть ***вредными по национально-шовинистическим убеждениям*** (поляки, румыны, латыши, и тому подобное) (подчеркнуто нами. – *Прим. авт.*).

3. Другие неблагонадежные: а) члены антисоветских партий, б) имеющие с ними связь, г) (так в документе: буква “в” отсутствует. – *Прим. авт.*) осужденные за контрреволюционную деятельность, д) белые офицеры, е) подозреваемые в шпионаже, ж) осужденные за контрабанду, и) бывшие полицейские, жандармы, охранники»[2].

Несколько массовых операций было осуществлено против сионистских организаций в Украине, за которыми чекисты постоянно наблюдали и в деятельности которых видели значительную опасность. Эта традиция появилась еще в сентябре 1922 г., когда чекисты провели ликвидацию сионистских организаций и группировок на основании циркулярного письма ГПУ РСФСР от 30 мая 1922 г. № 23.

На октябрь 1922 г., как отмечалось в одном из документов Секретного отдела ГПУ УССР, в Харьковской, Киевской, Полтавской, Николаевской, Волынской, Подольской, Кременчугской и Черниговский губерниях действовало 635 сионистов. «За последнее время, – подчеркивалось в документе, – осуществлена большая работа по ликвидации сионистских организаций на Украине. В соответствии с сообщениями из мест ликвидация происходит успешно: изъ-

---

[1] Там же.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2521. Л. 17–18.

ято немало ценного материала, отменены комитеты и с отобранием подписки о прекращении последующей своей деятельности.

В настоящее время Секретным отделом ГПУ употребляются самые решительные меры к недопущению последующего развития сионистских организаций на Украине и по полной ликвидации таковых»[1].

Однако возвращаться к деятельности сионистов чекистам пришлось еще не один раз. В период новой экономической политики значительная часть нэпманов, а следовательно, и значительная часть еврейского населения Украины, была лишена гражданских прав. В этих условиях, вполне справедливо квалифицируя такие шаги власти, как дискриминацию, сионистские организации в Украине усилили свое влияние. В частности, они серьезно стимулировали хозяйственную деятельность евреев, еврейскую кооперацию, создавали кружки самообразования, в которых учеба осуществлялась на иврите и тому подобное. Даже лояльное к большевикам Главбюро Еврейской секции при ЦК КП(б)У вынужденно было констатировать, что сионистские группировки, совсем недавно слабые и не оформленные организационно, превратились в крепкие структуры с суровой дисциплиной и конспирацией под руководством опытных деятелей[2].

25 июля 1925 г. Всеволод Балицкий послал к ЦК КП(б)У докладную записку «О деятельности сионистских группировок». Он обращал внимание на увеличение сионистских группировок по всей Украине. В связи с этим отмечал: «Беря во внимание вышеизложенное, для того, чтобы парализовать деятельность сионистских группировок в Балте, Екатеринославле, Полтаве и Донбассе, считаем необходимым разновременно осуществить операцию по снятию верхушек организаций: в Екатеринославле в количестве от 12 до 15 лиц; в Балте – до 10 лиц; в Полтаве – до 20 лиц и в Донбассе – 25 лиц»[3].

Из доклада прокурора УССР Л. А. Крайнего (Карпиловского) на совещании прокуроров в 1927 г. «О работе ГПУ и Прокуратуры по борьбе с сионистским движением» узнаем: «1924 год и в особенности 1925 г. отмечается огромным, прогрессирующим ростом сионистского движения с социалистическими оттенками. Движение в этот период приняло широкий политический антисоветский характер, захватывая все более и более широкие массы мелкой еврейской буржуазии, учащейся молодежи и даже некоторой части трудящихся.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 13. Пор. 413. Т. 2. Ч. 3. Л. 504–505.

[2] Цит. по: Найман О. Я. Єврейські партії і об'єднання України (1917–1925). Київ, 1998. С. 135–136.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 13. Д. 4113. Т. 11. Ч. 4. Л. 822.

К концу 1925 года, когда сионистское движение достигает своего кульминационного пункта, численность сионистских партий на Украине достигает 30000 человек»[1].

Большевистский режим быстро понял, что имеет дело с достаточно мощным конкурентом. Именно поэтому вся история нэпа может быть прочитана еще и как история противодействия сионизму. Это противодействие было открытым (например, аресты активистов сионистских организаций, ссылки) или латентным (давление, угрозы). Авторы упомянутого документа-доклада, очевидно, грешат против истины, когда, описывая кризис сионистского движения начала 1926 г., будто отстраняются от этого процесса: «Кризис сионистского движения в начале 1926 г. характеризуется приостановкой роста и потерей влияния среди еврейских трудовых масс. В организациях начинается внутреннее брожение и “переоценка ценностей”. Руководящие органы сионистских партий пытаются внешними шумными выступлениями приостановить отход масс и заглушить внутреннее брожение. Март–апрель 1926 г. характеризуется небывалой до того времени внешней активностью верхов сионистских организаций. Выступления эти однако, не находят отклика в трудовых еврейских массах и приводят к результатам, противоположным тем, которых ожидали сионистские лидеры. Вместо прежнего сочувствия, с которым встречалось каждое сионистское выступление на массовом еврейском собрании, сионисты в настоящее время встречают явно-враждебное отношение, выливавшееся зачастую в форму “затюкивания сионистских ораторов и изгнания их из собраний”[2].

Однако точно известно, что и «внутреннее брожение», и «затюкивания сионистских ораторов», как и других ораторов (например, членов Украинской коммунистической партии – «укапистов»), не происходили в то время автоматически, сами по себе. Это было следствием целенаправленной работы ГПУ. Об этом, кстати, еще надлежит когда-то рассказать особо.

В декабре 1927 г. органы ОГПУ праздновали свое десятилетие. 18 декабря 1927 г. газета «Известия» напечатала статью Балицкого, в которой он, в частности, писал: «Особенно сложной является работа ГПУ в наше время... но чекисты идут на борьбу с контрреволюцией такими же бодрыми и крепкими, как и в первые дни»[3].

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 79.

[2] Там же. С. 85.

[3] Балицкий В. Десять лет борьбы с контрреволюцией на Украине // Известия. 1927. 18 декабря.

«Меченосцы партии» получали многочисленные приветствия и награды. Среди награжденных орденом Красного Знамени были и украинские чекисты: начальник КРО отдела ГПУ УССР Н. И. Добродицкий, начальник Секретного отдела ГПУ УССР В. М. Горожанин, начальник Каменец-Подольского окротдела ГПУ П. В. Семенов, начальник отделения КРО ГПУ УССР Е. А. Евгеньев-Шептицкий, начальник отделения Белоцерковского окротдела М. А. Черноусов, уполномоченный Одесского отделения Транспортного отдела ГПУ И. Л. Леушин, сотрудник Проскуровского окротдела ГПУ В. И. Крючков.

Не забыло о чекистах, бывших и действующих, и правительство УССР. Орденом Трудового Красного Знамени УССР были награждены: председатель ЦК союза шахтеров И. И. Шварц – бывший председатель ВУЧК; член Коллегии Наркомзема М. И. Лацис – бывший председатель ВУЧК; управляющий делами Наркомата рабоче-крестьянской инспекции С. Ф. Реденс – бывший председатель Одесской и Харьковской губернских ЧК; рабочий депо Основа г. Харькова И. Я. Королев – бывший помощник начальника Харьковского отделения транспортной ЧК.

Почетное боевое оружие от ВУЦИК получили член президиума ВСНХ СССР В. Н. Манцев (бывший председатель ГПУ УССР); начальник АОУ ОГПУ СССР И. А. Воронцов (бывший начальник Особого отдела Киевского Военного округа); полпред ОГПУ по Северно-кавказскому краю Е. Г. Евдокимов (бывший полпред ГПУ по Правобережной Украине); полпред ОГПУ по Сибири Л. М. Заковский (бывший начальник Подольского и Одесского губотделов ГПУ); начальник Управления пограничной охраны ОГПУ СССР З. Б. Кацнельсон (бывший начальник ОО XII армии); председатель Запорожского губисполкома П. И. Онищенко (бывший председатель Одесской и Екатеринославской губернской ЧК, начальник Запорожского губотдела ГПУ); начальник Главмилиции УССР И. К. Якимович (бывший заместитель командующего войск ВУЧК); В. М. Заборенко (бывший начальник Черниговского губотдела ГПУ); председатель Комвольтреста М. А. Дейч (бывший председатель Одесской губернской ЧК); заместитель полпреда ОГПУ по Ленинградскому ВО П. И. Карпенко (бывший председатель Черниговской губернской ЧК); начальник КРО ПП ОГПУ Северо-Кавказского края Н. Г. Николаев-Журид (бывший начальник КРО ПП ГПУ Правобережной Украины); секретарь ПП ОГПУ Северо-Кавказского края Э. Я. Грундман (бывший член Коллегии Подольской губернской ЧК); заместитель председателя ГПУ УССР К. М. Карлсон; начальник Управления пограничной

охраны ГПУ УССР и Особого отдела УВО Н. М. Быстрых; начальник ЭКУ ГПУ УССР и Южного окружного транспортного отдела ГПУ И. М. Блат; начальник Учетно-организационного управления ГПУ УССР и Харьковского окротдела ГПУ В. Т. Иванов; начальник АОУ ГПУ УССР Л. Ф. Щербинский; помощник начальника Особого отдела УВО В. Н. Гарин; начальник Одесского окружного отдела ГПУ И. М. Леплевский; начальник Киевского окружного отдела ГПУ С. И. Западный; начальник Артемовского окружного отдела ГПУ Ф. А. Леонюк; начальник Сталинского окружного отдела ГПУ А. Б. Розанов; начальник Волынского окружного отдела ГПУ А. Г. Грозный; начальник Криворожского окружного отдела ГПУ Я. К. Крауклис. Кроме того, ряд чекистов наградили боевым оружием, а еще 33 сотрудника ГПУ УССР получили серебряные часы[1].

В списке награжденных не было Всеволода Балицкого. Почему? Неужели его забыли? Конечно, нет. На пленуме Харьковского окружного исполкома 23 декабря 1927 г. было принято решение: «Просить Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета и Реввоенсовет УССР за долголетний самоотверженный труд в органах ЧК-ГПУ, – наградить Председателя ГПУ УССР т. Балицкого и Начальника Харьковского Отдела ГПУ т. Иванова В. Т. – Орденом Красного Знамени»[2].

В докладной записке «О награждении Орденом Красного Знамени Председателя ГПУ УССР т. Балицкого В. А. и Нач. Харьковского Отдела ГПУ т. Иванова В. Т.» отмечалось: «Тов. Балицкий В. А. – с начала 1919 года проводит наиболее ответственную руководящую и главную оперативную работу в органах ЧК УССР. За период 1919–1924 гг. находится на должностях Политинспектора ВЧК и одновременно Члена Коллегии, Председателя Волынской ЧК, Киевской ЧК, Представителя на Правобережной Украине, Зам. Нач. Цупчрезкома, Зам. Председателя ВУЧК и ГПУ. Наконец с 1923 года т. БАЛИЦКИЙ – Председатель ГПУ УССР, Член Коллегии ОГПУ и народный Комиссар Внутренних Дел УССР.

За все время неутомимого тяжелого труда т. БАЛИЦКИЙ проявил себя непоколебимым руководителем славной боевой работой ЧК-ГПУ. Имеет огромные заслуги в деле ликвидации на Украине контрреволюции, шпионажа и бандитизма. Авторитет его и деятельность как в партийной отрасли, так и в отрасли советского строительства достаточно известны»[3].

---

[1] Награда правительства УССР работникам ГПУ // Пролетарий. 1927. 28 декабря.

[2] ГАХО. ФР-845. Оп. 2. Д. 583. Л. 158.

[3] Там же. Л. 154–155.

Еще 19 декабря 1927 г. торжественное заседание Одесского городского совета постановило «ходатайствовать о награждении тов. Балицкого третьим орденом Красного Знамени, а начальника Одесского ГПУ тов. Леплевского вторым орденом Красного Знамени»[1]. В тот же день на торжественном заседании Запорожского городского совета было решено поставить в городе памятник Ф. Э. Дзержинскому и назвать два поселка Днепростроя именами Феликса Дзержинского и Всеволода Балицкого[2].

28 декабря 1927 г. в Харьковском театре имени Т. Г. Шевченко состоялось торжественное собрание, посвященное десятилетию ЧК. В президиуме сидели Л. М. Каганович, Г. И. Петровский, председатель Совнаркома УССР В. Я. Чубарь, нарком просвещения Н. А. Скрыпник (он сменил на этом посту А. Я. Шумского), председатель правления «Донугля» Г. И. Ломов-Оппоков, П. П. Постышев, П. В. Семенов, В. А. Балицкий, К. М. Карлсон, Н. М. Быстрых, И. М. Блат, В. Т. Иванов, начальник Секретного отдела ОГПУ СССР Т. Д. Дерибас, И. И. Шварц, М. И. Лацис. ВУЦИК наградил ГПУ УССР флагом. Чекисты подарили Балицкому боевое оружие и модель самолета, построенного на деньги сотрудников ГПУ УССР и названного именем их председателя. А рабочие канатной фабрики избрали Балицкого «почетным подмастером прядильного цеха» и принесли ему спецодежду, которую он сразу примерил.

Не обошлось, конечно, и без речей. В своем выступлении Н. А. Скрыпник заявил, что «в следующее десятилетие органы вооруженной силы пролетарской диктатуры сделают свое дело»[3]. Наверно, еще никогда его слова не были такими пророческими...

На следующий день в 11. 00 на площади ВУЦИК в Харькове состоялся торжественный парад под командованием Н. М. Быстрых, на котором Всеволод Балицкий вручил почетные знамена командирам восьми пограничных отрядов ГПУ УССР, а еще через два часа он вместе с Т.Д.Дерибасом, И.М.Блатом и секретарем Коллегии ОГПУ СССР В. Л. Герсоном присутствовал на открытии трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского[4].

В октябре 1928 г. ВУЦИК и Совнарком УССР приняли постановление «Об уточнении функций органов Государственного политического управления и прокурорского надзора в делах, находящихся в судопроизводстве органов политического управления УССР». Это

---

[1] Празднование 10-летия ГПУ на Украине // Пролетарий. 1927. 20 декабря.

[2] Там же.

[3] Пролетарий. 1927. 29 декабря.

[4] Там же. 1927. 30 декабря.

постановление закрепляло право органов ГПУ возбуждать уголовные дела, вести дознание и предварительное следствие. Им предоставлялось право принимать меры пресечения к лицам, относительно которых перед Особым совещанием при коллегии ГПУ УССР было возбуждено дело об административной высылке. Со временем права органов ГПУ еще больше расширились; им позволялось конфисковывать имущество названных граждан и др.

Фактически не осталось государственных сфер, которыми так или иначе не занимались эти органы. В поле их зрения были непосредственные результаты хозяйственной деятельности, каждая хозяйственная кампания (посевная, уборка урожая, хлебозаготовки) объявлялась политической акцией, обеспечение которой строго контролировалось местными органами госбезопасности. Такой подход активно поощряли политические руководители Украины.

Например, в декабре 1927 г. ГПУ УССР была проведена специальная операция на кожно-сырьевом рынке. Этой акции предшествовала тщательным образом разработанная директива, которую подписали начальник Экономического управления ГПУ УССР И. М. Блат, начальник 2-го отдела ЭКУ А. О. Броневой и помощник уполномоченного ЭКУ А. С. Волченок. Для «оздоровления» кожно-сырьевого рынка в ночь на 11 декабря 1927 г. было запланировано рассекретить тайные склады, нелегальные артели по производству кожи, обнародовать списки лиц, которые занимались нелегальным бизнесом. При этом в основу действий были положены агентурные материалы. Директива содержала также требование осуществить аресты в 26 округах. Всего планировалось арестовать 120 человек, а остальные задержанные должны были дать подписку о невыезде с постоянного места проживания[1].

В. А. Балицкий вместе с заместителем наркома юстиции и старшим помощником Генпрокурора М. В. Михайликом, а также с И. М. Блатом и помощником Генпрокурора Г. А. Железногорским подписал директиву о проведении кампании, которая должна была способствовать снижению розничных цен. Указания были посланы всем окружным прокурорам и начальникам окружных отделов ГПУ. Этой кампании предшествовало совещание по снижению розничных цен, проведенное Прокуратурой и ГПУ УССР. В сущности, как следует из директивы, это была попытка методами нажима понизить цены. Того, кто не желал этого делать (в первую очередь частников) просто подвергали репрессиям, а наиболее «злостных правонарушителей» содержали под стражей до суда.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Фонд распорядительных документов (далее – ФРД). Л. 2–3.

При этом требовалось, чтобы следствие завершалось в течение двух недель. «По наиболее важным делам, – подчеркивалось в директиве, – Прокуратуре принимать участие в судебном процессе и привлекать в качестве общественных обвинителей в порядке ст. 54 УПК представителей хозяйственных и торговых госорганов и требовать применения максимальной меры социальной защиты (то есть расстрела. – *Прим авт.*), предусмотренной данной статьей и настаивать на конфискации имущества и лишении права заниматься торговлей»[1].

Этот документ и регламентированные им действия способствовали свертыванию Нэпа, переходу к апробированным в первые годы существования большевистского режима командных методов управления хозяйственным развитием.

В 1928 г. органами милиции в тесном контакте с пограничными отрядами и транспортными органами ГПУ была проведена двухнедельная операция по борьбе с конокрадством. Осенью 1929 г. принято решение эту операция повторить.

5 февраля 1929 г. в Харькове торжественно отмечали десятилетие Рабоче-крестьянской милиции УССР. На праздник прибыли делегации рабочих из Сталино, Луганска, Артемовска, Днепропетровска, Киева и других городов. Они привезли много подарков. Г. И. Петровскому, например, вручили шахтерскую лампу, В. А. Балицкому – кирку, а начальнику Рабоче-крестьянской милиции и розыска И. К. Якимовичу – вагонетку. Подарки имели символическое значение: пусть один освещает путь, другой продолжает извлекать из контрреволюционных недр всякую ископаемую нечисть, а третий свозит эту нечисть на мусорник[2]. Следует заметить, что Иван Якимович в свое время не забыл о другом юбилее и 29 декабря 1927 г. издал специальный приказ «О десятилетнем юбилее органов ЧК-ГПУ», в котором, в частности, подчеркивалось: «Нам, работникам Милиции, особенно близкий и дорогой юбилей ЧК-ГПУ, поскольку за этих 10 лет Милиция работала плечом к плечу с органами ГПУ»[3].

Однако плечом к плечу действовали не только милиция и ГПУ, но и их начальники. Дело в том, что Балицкий и Якимович – большие личные друзья, и квартира последнего была, собственно, единственной из квартир подчиненных, которую посещал Балицкий.

Иван Константинович Якимович родился в 1890 г. в украинской семье в Санкт-Петербурге, где и закончил в 1910 г. среднее ремеслен-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Фонд распорядительных документов (далее – ФРД). Л. 2.

[2] Ювілейний бюлетень Народного комісаріату внутрішніх справ УСРР. Харьков, 1929. С. 26.

[3] ГАХО. Ф. Р-373. Оп. 1. Д. 10. Л. 21об.

ное училище. С 1914 г. работал на рудниках Донбасса. В 1917 г. счетовод Якимович организовывал Красную гвардию на Белореченском руднике Луганского района. После октябрьских событий 1917 г. занимал ряд ответственных выборных должностей. Свою военную карьеру он начал рядовым красноармейцем и постепенно выдвинулся на ответственные должности. Вместе с К. Е. Ворошиловим принимал участие в прорыве частей Красной армии из Донбасса на Царицын. В первой половине 1919 г. был военным комендантом Харькова. В 1920 г. возглавил 8-ю Донецкую дивизию внутренних войск и в следующем году «за ликвидацию бандитизма в Донбассе» награжден орденом Красного Знамени. С 1921 г. стал заместителем начальника войск ВЧК Украины и Крыма, с 1922 г. – заместителем командующего войсками ГПУ УССР, а с декабря 1923 г. – начальником милиции и розыска, членом Коллегии НКВД УССР[1].

В конце 1920-х гг. ситуация в СССР начала обостряться. Хозяйственные осложнения, в частности спад в закупках хлеба в 1927–1928 гг. (его называют «хлебным кризисом»), были использованы И. В. Сталиным и его окружением для обоснования тезиса об усилении «классовой борьбы», свертывания Нэпа. Как точно отмечает О. В. Хлевнюк, на деревню обрушилась кровавая и разрушительная кампания коллективизации, а оборотной стороной и необходимым условием поддержания высокого градуса штурма и натиска стала борьба с «врагами» – специалистами-«вредителями», «кулаками» и т. д. На них «списывали провалы сталинской политики и нарастание социально-экономического хаоса»[2]. В первую очередь режим пошел войной на крестьянство, недовольное теми экспериментами коллективизации, которые власть проводила над ним. Начинался этап «великого перелома». В. А. Балицкий внес в его подготовку достаточно серьезный вклад.

22 февраля 1928 г. академик ВУАН Сергей Ефремов записывает в дневнике: «В коммунистических кругах очень недовольны хлебозаготовительной кампанией. Не дают хлеба дядьки»[3]. Эти наблюдения академика подтвердили Балицкий и его ведомство. Так, в июне 1928 г. он отправляет Л. М. Кагановичу докладную записку о попытке возмущенных крестьян создать «рабоче-крестьянский союз».

---

[1] Красный стаж: Сб. статей, материалов и рассказов о жизни и деятельности милиции и розыска УССР. Харьков, 1926. С. 62–63.

[2] Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН; Фонд Первого президента России Б.Н.Ельцина, 2010. С. 34.

[3] Єфремов С. О. Щоденники, 1923–1929. Київ: Рада, 1997. С. 593.

Собственно, именно такой, за который столько лет выступали большевики. А вот отрывок из докладной записки, долгие годы спрятанной в «особой папке» Политбюро ЦК КП(б)У, которая никогда не была доступной для исследователей: «На почве недостатка хлеба за последние дни в г. Николаеве стали увеличиваться хлебные очереди.

11. VI этого года 10000 жителей г. Николаева совсем не получили хлеба. В этих очередях было много крестьян.

12. VI крестьяне из окрестных сел г. Николаева, стоящие в очередях, под влиянием агитации отдельных лиц начали возмущаться тем, что не отпускают хлеб и долгим простаиванием за ним.

В это время рабочие следовали на работу на завод им. Маркса. Крестьяне начали им жаловаться, в ответ рабочие предложили пройти с ними вместе на завод, чтобы рассмотреть эту ситуацию. Таким образом группа крестьян около 150 человек подошла к заводу. Собралась многотысячная толпа, потому что рабочие все приходили на работу. Крестьяне со слезами на глазах начали жаловаться на свое нищенское положение, заявляя, что "голодают, власть на них внимания не обращает..."

Поговорив с рабочими, крестьяне направились в окрисполком. По дороге к ним присоединились те крестьяне, которые стояли в очередях, и к окрисполкому подошла толпа в 500 человек. Там же в толпе появился неизвестный, заявивший: "От имени рабочего класса мы поддержим..." и т. д.

Аналогичный случай, когда крестьяне пытались непосредственно обратиться к рабочим, нами отмечен 7.VI этогогода в г. Херсоне, куда на завод им. Петровского прибыла делегация крестьян из 5 самых ближних сел в составе 10 человек.

...Принятыми мерами удалось предотвратить выступление крестьян на заводе, направив их в окрисполком.

В обоих случаях окртделами ГПУ приняты надлежащие меры, в частности, по г. Николаеву осторожным путем арестованы некоторые подстрекатели»[1].

Репрессии против крестьянства по инициативе ОГПУ начали широко освещаться в прессе, что вызвало негативную реакцию со стороны партийно-советского аппарата. По этому поводу в январе 1928 г. председатель ГПУ УССР получил гневную телеграмму председателя ОГПУ СССР, в которой, в частности, отмечалось: «Мне выражено крайнее неудовольствие чекистской литературой, как вредной для хлебозаготовок. Прекратите печатание сообщений о наших операциях в связи с хлебозаготовками. Проведите строгое исполнение дирек-

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 337–338.

тивы нашей о запрещении что-либо печатать без нашего ведома по подчиненным Вам органам»[1].

В мае 1928 г. Всеволод Балицкий выступил с докладом на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У. В резолюции, разосланной во все окружные партийные комитеты, от ГПУ требовалось «усилить работу с активно выступающими антисоветскими элементами на селе, применяя к ним репрессивные меры»[2].

В июне 1928 г. на имя генсека ЦК КП(б)У Л. М. Кагановича поступила докладная записка «Об оживлении украинской контрреволюции» за подписью Балицкого. В этом большом по объему документе ГПУ УССР подчеркивалось, что источником возросшей активности националистических элементов является «в первую очередь усиление капиталистических, кулацких прослоек украинской деревни»[3]. По мнению чекистов, «под давлением кулацких элементов националистические слои ревизуют платформу сотрудничества с Советской властью, принимают на себя защиту и представительство интересов кулака и начинают новый этап борьбы с Советской властью»[4].

Перечисляя разоблаченные ГПУ подпольные организации («Украинская мужичья партия», «Эсеровская организация в свекловодческой кооперации», «Харьковская хлеборобская организация», «Организация профессора Щепотьева в Полтаве» и другие), Балицкий особо обращает внимание на то, что «тактическая линия поведения украинской контрреволюции строится в тесной зависимости от международной обстановки»[5]. Разрыв отношений СССР с Англией, недружественные акты против советских представительств за рубежом, ожидание войны – все это также активизировало противников коммунистов. На такую активизацию, как утверждалось, влияла и антисоветская политика Юзефа Пилсудского: «Все группы украинской буржуазии в Галиции переходят на точку зрения необходимости поддержать Пилсудского в борьбе против СССР. Взамен этой поддержки Пилсудский выдвигает идею унии автономной Украины с Польшей... Этот блок оказывает сильное влияние на настроение и тактику внутренних антисоветских групп»[6].

---

[1] Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 257.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 51.

[3] Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 235.

[4] Там же. Л. 235.

[5] Там же. Л. 264.

[6] Там же. Л. 267–268.

Указывая на то, что «украинская контрреволюция» негативно относилась к оппозиционной борьбе внутри ВКП(б), Балицкий отмечает, что ей тем не менее близок сам факт ослабления монолитности партии и утверждает, что «украинская контрреволюция» стремится под шум внутрипартийной борьбы «создать массовую национальную партию и построить независимую самостоятельную демократическую Украину»[1].

Завершая записку, Балицкий касается проблем на селе: «Несмотря на то, что украинские контрреволюционные элементы в целом не имеют еще за собой сколько-нибудь значительных крестьянских масс, одно проникновение организаторов и агитаторов контрреволюции на село и возможность работать там, представляет собой большую опасность, так как делает село реальным местом смычки антисоветских элементов города с активизирующейся частью кулачества»[2].

Именно селу посвящен подписанный В. А. Балицким вместе с М. В. Михайликом (временно исполняющим в то время обязанности наркома юстиции и Генпрокурора) в июле 1928 г. уникальный документ – директиву «Об операции по сельской уголовщине». Указав на то, что «сельская уголовщина, в данный период острых продовольственных затруднений и общеполитических осложнений, есть самой серьезной опасностью», директива требовала начать не раньше 10 августа операцию, «основным заданием которой – длительная изоляция от села действительно активных или склонных к этому бандитов и злостных хулиганов, которые по степени своей неисправимости и активности могут быть использованы антисоветским элементом»[3].

Если перевести все это на нормальный язык, то директива требовала просто убрать из села всех, кто хотя бы чуть-чуть был недоволен политикой коммунистов. Документ четко регламентировал провести операцию в 24 округах, из которых планировалось «изъять» 1 200 человек. Руководство операцией возлагалось на «тройки» в составе начальника окружной милиции, окружного прокурора, и, понятно, начальника окротдела ГПУ. Интересно, что Балицкий и Михайлик особо подчеркнули, что именно надлежало сделать тройкам: «Тройкам, ответственным за операцию, следует учесть, что операция преимущественно рассчитана на заключение в концлагеря и админссылку за пределы УССР... Задание по подготовке и проведению операции считать ударным»[4].

---

[1] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 270.

[2] Там же. Л. 295.

[3] ОГА СБУ. Киев. ФРД. Л. 44об.

[4] Там же. Л. 45об.

13 ноября 1928 г. Наркомюст и ГПУ УССР направляют на места всем начальникам окружных отделов и пограничных отрядов ГПУ, всем окружным прокурорам директиву № 126040 с требованием борьбы с сельским «терроризмом». Но выполнение этого требования не удовлетворяет харьковское руководство, и 18 декабря появляется дополнение к упомянутой директиве, в котором содержится требование «все следственные дела по террористическим актам проводить форсированным темпом, отправлять их на заслушивание в Чрезвычайную Сессию и заслушивать их немедленно после передачи, обеспечив вынесение соответствующих приговоров»[1].

1 декабря 1928 г. Всеволод Балицкий поставил свою подпись на совместном документе, подготовленном (кстати, на украинском языке) ГПУ УССР вместе с наркоматами внутренних дел, юстиции и земельных дел. Он назывался «О мерах, исключающих возможность возвращения бывших помещиков в их бывшие владения». Бывшим землевладельцам, выселенным еще в 1925 г. на основании специального решения ЦИК и Совнаркома СССР и постановления ВУЦИК и Совнаркома УССР, категорически запрещалось возвращаться не только в свои бывшие владения, но и в приграничные округа, в местности на расстояние ближе 50 км от их бывших владений.

Уже в 1928 г. стало понятно, что из-за повышенной активности ГПУ и милиции возникли проблемы у самих органов. В декабре появилось несколько внутренних документов, направленных органам ГПУ, чрезвычайным сессиям и окружным прокуратурам, где, в частности, содержалось требование обратить особое внимание на перегруженность ДОПРов, т. е. домов принудительных работ, где содержались заключенные, чьи дела должны направляться на рассмотрение Особого совещания при коллегии ГПУ УССР на предмет админссылки или на рассмотрение Особого совещания при Коллегии ОГПУ СССР. Харьковское начальство потребовало от подчиненных в трехдневный срок обсудить вопрос о целесообразности содержания под стражей лиц первой категории. То есть, хотя об этом вслух и не было сказано, дали о себе знать факты тотальных арестов, с количеством которых уже было тяжело справиться.

Вместе с тем дальнейшие события доказали, что чекисты и милиция не собирались снижать свою активность.

---

[1] Там же. Л. 84.

ГЛАВА 3

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» И ПЕРЕЕЗД В МОСКВУ (1929–1931)

Мы уже цитировали дневник академика ВУАН Сергея Александровича Ефремова. Воспользуемся еще раз этими воспоминаниями и начнем рассказ о периоде «великого перелома» в Советском Союзе. О ситуации, сложившейся в украинском селе, Ефремов 13 июня 1929 г. написал так: «Наслушался всего. Крестьяне волками воют, и, кажется, даже «бедняки». Увидели, что у имущих забрали все, а им от того ничего не прибавилось... Множество пересказывают фактов: тот после грабежа повесился, в том селе хозяин поджег и то, что осталось: пусть никому не достается, там отрекаются и от земли: зачем за ней ухаживать, если все равно заберут... Такого отчаянного настроения никогда еще не было среди крестьян»[1].

А вот запись от 2 июля 1929 г.: «Из сел страшные известия: грабеж, террор. Никто не понимает, кому это и зачем нужно. Разоряют “кулака”, а вместе с тем уничтожают всякое вообще благосостояние. Какое-то садистское умопомрачение»[2].

Всеволод Балицкий и его ведомство принимали активное участие в проведении форсированно-принудительной коллективизации и «раскулачивании», действуя жестко, последовательно и непримиримо. 21 мая 1929 г. Балицкий вместе с М. В. Михайликом подписывает директиву начальникам окружных отделов ГПУ, окружным прокурорам и председателям окружных судов, требуя решительной борьбы с «кулацкими элементами, проводящими активную работу по срыву мероприятий в области хлебозаготовки». Далее следовал конкретный перечень того, что надлежало сделать:

«1) Сконцентрировать все материалы относительно этих лиц в окротделах ГПУ.

---

[1] Єфремов С. О. Щоденники, 1923–1929. С. 774.

[2] Там же. С. 777.

2) В качестве мер репрессии относительно злостных агитаторов и срывающих наши мероприятия по хлебозаготовкам предлагается дела направлять в Особое совещание по Админвзысканию, составленные дела направлять в суды.

3) Относительно дел, направленных в суд, ***для создания перелома среди зажиточной части села, обеспечить серьезные меры влияния в виде лишения свободы*** (выделено нами. – *Прим. авт.*).

4) Принять меры для того, чтобы привлечение к ответственности не было массовым, повальным, а выбрать в тех селах и районах, где срываются наши мероприятия, несколько злостных кулаков, проводящих агитацию, и в срочном порядке осуществить меры влияния, указанные в п. 2.

5) Ни в коем случае не допускать перегибов, помня, что удар должен быть направлен против кулацких элементов, опираясь на бедняцко-середняцкую общественность.

6) Дела оформлять в течение 3-х дней.

7) Окротделам ГПУ предоставляется право дела, находящиеся в производстве милиции и следственных органов, как правило по 7 и 58 ст. УК, принимать в свое производство; те из них, которые целесообразно рассмотреть на Особом совещании по админссылке, указанные действия Окротделы ГПУ согласовывают с окружным прокурором»[1].

13 октября 1929 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б)У среди прочих рассматривается «вопрос т. Балицкого». Шефу ГПУ УССР поручают срочно рассмотреть поступивший из Полтавы список на высылку за пределы Украины кулацких и бывших помещичьих семей, которые активно выступают против большевистских мероприятий в области хлебозаготовок, и принять меры по ускорению их высылки. При этом Балицкому поручают организовать изъятие у кулаков охотничьих ружей[2].

Массовые репрессивные акции приносили результаты: «население» за решеткой начало стремительно увеличиваться. 17 ноября 1929 г. в своем приказе Балицкий констатировал, что в ДОПРах УССР пребывает 50 000 человек, значительное число их находтся «на балансе» ГПУ. Отмечалось, что это проводит к «ненормальным явлениям» (скученность, антисанитария, болезни и проч.). Приказ требовал в десятидневный срок пересмотреть дела тех, кто в изоляции не нуждается.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. ФРД. Л. 20.

[2] См.: ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 7. Л. 56.

О том, как выполнялся этот приказ, ярко свидетельствует информация Старобельского окружного прокурора, отправленная в Харьков в Генпрокуратуру УССР 17 декабря 1929 г.: «Выполняя Ваше предложение и приказ Председателя ГПУ тов. Балицкого от 17/XI-29 г., мной вместе с нач. Окротдела ГПУ были пересмотрены все дела по ГПУ, по которым обвиняемые находятся под стражей и из числа содержащихся под стражей на 17/XI-29 г. 33 человек. Освобождены на 10/XII-29 г. – 13 человек, остались под стражей – 20. По характеру дел и преступлений этих оставшихся 20 человек, содержащихся под стражей, по моему мнению, освободить невозможно. Мной предложено окротделу ГПУ ускорить досудебное следствие в тех делах, по которым обвиняемые находятся под стражей»[1].

Почему не спешили освобождать арестованных, вполне понятно. Ведь всегда можно было ожидать обвинения в «либерализме» или «пособничестве» врагам. Еще более обострила такое отношение к репрессированным знаменитая сталинская речь на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 г. Именно тогда вождь народов призвал к «ликвидации кулачества как класса»[2]. При этом он утверждал, что «наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех»[3]. Но соратники Сталина знали: как раз особого успеха не было, его надо было обеспечивать.

На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 15 января 1930 г. была создана специальная комиссия для выработки мер по кулачеству в составе: «Молотов (председатель), Яковлев, Ягода, Евдокимов, Бергавинов, Голощекин, Ейхе, Варейкис (последние четверо с правом замены), Муралов, Карлсон, Демченко, Шеболдаев, Андреев, Кабаков, Каганович, Хатаевич, Янсон, Леонов, Юркин, Косиор Ст., Сырцов»[4]. В Украине такая комиссия в составе С. В. Косиора (председатель), В. А. Балицкого, Н. Н. Демченко и В. И. Порайко была создана через неделю[5].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г., раскулачиваемые делились на 3 категории: первая («контрреволюционный актив») – крестьяне, принимавшие участие в антисоветских и антиколхозных выступлениях. Они подлежали аресту, а их семьи – высылке в отдаленные районы страны; вторая – «крупные кулаки

---

[1] ГАЛО. Ф. 1176. Оп. 3. Оп. 3. Л. 144.

[2] Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Государственное издательство политической литературы, 1949. С. 169.

[3] Там же. С. 169.

[4] Полиция и милиция России: страницы истории. М.: Наука, 1995. С. 182.

[5] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 7. Л. 116.

и бывшие полупомещики, активно выступающие против коллективизации». Их вместе с семьями выселяли в отдаленные районы страны. Третья категория: кулаки, которые подлежали спецпоселению в пределах тех же административных районов. У всех кулаков конфисковывались средства производства, скот, хозяйственные и жилые постройки, предприятия по переработке сельскохозяйственной продукции и запасы семян.

Дела по арестованным по первой категории рассматривались «тройками» по внесудебному рассмотрению дел, созданными при Полномочных представительствах ОГПУ. «Тройка» включала в себя представителей крайкома ВКП(б) или ЦК союзной республики и прокуратуры. Основная масса арестованных должна была высылаться в лагеря. Относительно «наиболее злостного актива» применялись расстрелы. Семьи арестованных или расстрелянных кулаков высылались в северные районы СССР. Для непосредственного руководства операцией по выселению кулаков второй категории и их семей в округах и окружных отделах ОГПУ организовывались «тройки» во главе с начальником окротдела ОГПУ. На случай осложнений при ПП ОГПУ создавались мобильные группы из частей ОГПУ. Там, где «чекистско-военного резерва» не хватало, разрешалось использовать «в скрытом виде военные группы из надежных, профильтрованных Особыми органами ОГПУ частей Красной Армии»[1].

Общее руководство операцией по массовому выселению крестьянства и «изъятию контрреволюционного актива» было возложено на заместителя начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ СССР С. В. Пузицкого, который 3 февраля 1930 г. возглавил специальную оперативную группу ОГПУ. 7 февраля 1930 г. В. А. Балицкий подписал совершенно секретный оперативный приказ № 42167 по ГПУ УССР «Об организации операции по массовому выселению кулацко-контрреволюционных элементов с территории Украины». Из приказа следовало, что 20–25 февраля 1930 г. должна была начаться операция по выселению из районов сплошной коллективизации в Северный Край 20 000 семейств из числа наиболее активных и богатых кулаков. Выселение должно было сопровождаться арестом «активных кулацко-контрреволюционных элементов, активных бандитов из кулаков и кулацко-церковный контрреволюционный актив»[2].

---

[1] Рассказов Л. П. ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917–1941 гг.): Автореф. дис. ... д. юр. наук. СПб., 1994. С. 28.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3190. Л. 2.

Для руководства операции в каждом окружном отделе ГПУ УССР организовывалась так называемая оперативная тройка, возглавляемая начальником окротдела, которая должна была разработать детальный план действий. Особое внимание следовало обратить на «усиление перлюстрации корреспонденции, в частности обеспечение стопроцентного просмотра писем, идущих в Красную Армию, а также усиление просмотра писем, идущих за границу и из-за границы»[1]. В каждом районе создавалась оперативная группа, возглавляемая ответственным работником ГПУ. В ее состав входили уполномоченные по агентуре, следствию и необходимое количество сотрудников, в том числе и мобилизованных партийными организациями.

Отдельно выделим два пункта из приказа, поясняющих, на наш взгляд, судьбу раскулачиваемых: «38. Выселяемым кулакам при конфискации у них имущества должны быть оставлены лишь самые необходимые предметы домашнего обихода (а также теплая одежда), некоторые элементарные средства производства в соответствии с характером их работы на новом месте (ввиду отправки на Север и использования их на лесоразработках, они берут с собою – топор, пилу, лопату и др. инструменты, которые должны грузиться в отдельном вагоне), причем общее количество вещей и продовольствия должно составлять 25–30 пудов. Денежные средства высылаемых также конфискуются с оставлением, однако, на руках у кулака минимальной суммы (до 500 рублей на семью), необходимой для переезда и устройства на месте.

39. Высылаемых кулаков следует обязать, в счет полагающихся им для перевозки 25–30 п. вещей, брать не менее чем на 2 месяца продовольствия»[2].

В тот же день, 7 февраля, Балицкий направил начальникам окротделов ГПУ телеграмму, в которой сообщал, что ориентировочная цифра высылаемых кулаков, названная им в телеграмме № 41822 от 3 февраля 1930 г. «сокращается... в связи с общим сокращением украинской цифры с 50 тысяч до 20 тысяч семейств», предписывал «ни в коем случае не затрагивать середняков и бедноту», «прекратить имеющуюся в ряде мест при арестах контрреволюционного актива погоню за голым количеством, включая сюда не только село, но и город в части, не имеющей прямого отношения к кулакам в деревне», требовал «усилить агентурную работу всемерно обеспечить районы от возможных эксцессов и выступлений»[3].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3190. Л. 5.

[2] Там же. Л. 13.

[3] Там же. Л. 97–98.

Всеволод Балицкий прекрасно понимал, что обеспечить выселение лишь оперативным составом невозможно. Поэтому в оперативном приказе № 44722 по ГПУ УССР от 11 февраля 1930 г. он подчеркивал, что «в первую очередь для ликвидации восстаний и бандитизма используются войска ОГПУ... Полевые войска РККА, как правило, в операции не участвуют. Привлечение их может быть допущено только в последнюю очередь при недостаточности всех остальных сил и с особого моего и командующего войсками УВО, в каждом отдельном случае, разрешения»[1]. Как видим, использовать красноармейцев в выселении кулаков боялись, боялись в первую очередь из-за большого количества среди них крестьянских детей, нервы которых могли и не выдержать воистину душераздирающего зрелища.

С началом операции по депортации населения Балицкий выехал на Юг Украины и ежедневно информировал руководство о ее ходе. В своем письме от 20 февраля 1930 г. он называет С. В. Косиору «основные дефекты в колхозном строительстве». В их числе называются «засоренность членской массы и руководящего состава колхозов классово-чуждыми антисоветскими элементами, организация кулацких «колхозов», эксплуатация ими бедноты и батрачества, сильные тенденции некоторой части колхозников против обобществления ими тех или иных объектов хозяйства, преступная бесхозяйственность, организационные неувязки, формальный подход к созданию колхозов и принудительное втягивание в колхозы»[2].

Еще через день в письме из Херсона «дорогому Станиславу Викентьевичу» (Косиору) Балицкий делится своими «впечатлениями по вопросам раскулачивания, выселения кулачества и практического проведения коллективизации» на опыте Одесского и Николаевского округов. Письмо было написано на основе личных впечатлений от бесед с крестьянами («я был без ромбов и никаких внешних признаков “власти” у меня не было») и содержало такие ключевые тезисы: «беднота и середнячество, за исключением более зажиточной прослойки середняков относятся к раскулачиванию и коллективизации положительно»; кулак «покорился “судьбе”, растерян, ожидал значительно худшего и понял лозунг “ликвидация кулачества как класса“ буквально, как физическое уничтожение»; «много случаев недопонимания проводимой политики со стороны комсомольцев из крестьян и отдельных партийцев. Военные спецы реагируют отрица-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3190. Л. 27об.–28об.

[2] Там же. Д. 3185. Л. 22–23.

тельно и заметно зашевелились, в связи с практическим проведением коллективизации и раскулачивания»[1].

О ходе операции Балицкий информировал не только украинское руководство. 25 февраля 1930 г. он писал председателю Центральной контрольной комиссии ЦК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе, что в Одесском, Николаевском и Херсонском округах раскулачивали глубоких стариков и старух, а также инвалидов на костылях, и некоторые коммунисты и комсомольцы «отказались от проведения раскулачивания, а один комсомолец сошел с ума при проведении этой операции»[2].

Начальник Секретно-оперативного управления ГПУ УССР И. М. Леплевский в рапорте на имя В. А. Балицкого сообщал, что «за время с 18 февраля по 12 марта из пределов Украины выселено 12 539 кулацких семей, общей численностью 57 720 человек», что фактически остается выселить 5 785 семей численностью 33 879 человек, а «учитывая то, что за истекшие сутки с 9 часов 12 марта по 10 часов 13 марта из Полтавского, Кременчугского, Лубенского и Прилукского округов отправлено 3 эшелона выселенных кулаков в количестве 1 148 семейств, численностью 5 769 человек, остается выселить 4 637 кулацких семей, общей численностью в 28 110 человек»[3].

В приказе от 31 марта 1930 г. № 74. Всеволод Балицкий подчеркивал, что «19 марта 1930 г. органами ГПУ УССР при активном участии бедноты и крестьянского актива закончена операция по выселению кулачества из районов сплошной коллективизации на Украине. Несмотря на исключительную сжатость сроков подготовки, отсутствие опыта в проведении такого рода массовой работы, а также значительной сложности самой работы, вся операция по выселению кулачества на Украине проведена вполне успешно: работа закончена своевременно, намеченная планом контрольная цифра выселения кулаческих хозяйств в целом перевыполнена. Наиболее успешно и четко выполнили работу по выселению кулаков следующие Окротделы ГПУ: Криворожский (начальник М. М. Тимофеев. – *Прим. авт.*), Харьковский (начальник И. М. Блат. – *Прим. авт.*), Днепропетровский (начальник Ф. А. Леонюк. – *Прим. авт.*), Николаевский (начальник А. Б. Розанов. – *Прим. авт.*), Одесский (начальник А. А. Емельянов. – *Прим. авт.*), Запорожский (начальник М. К. Александровский. – *Прим. авт.*), Херсонский (начальник – В. Я. Левоцкий. – *Прим. авт.*), Полтавский (начальник Ю. И. Бржезовский. – *Прим. авт.*), Прилуцкий (начальник Ф. А. Миронов. – *Прим. авт.*).

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 3185. Л. 32–34.

[2] Ивницкий Н. Раскулачивание в начале 30-х годов и судьба раскулаченных // Россия в XX веке. Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 333.

[3] ЦГАООУ. Д. 1. Оп. 20. Д. 3190. Л. 61–63.

В перечисленных округах перед проведением выселения были приняты исчерпывающие предварительные организационно-оперативные меры и проведена вполне достаточная подготовительная работа, что обеспечило плановое, непрерывное проведение операции и в значительной степени предупредило возможные эксцессы и противодействие выселению...

Вместе с тем необходимо отметить, что со стороны отдельных окротделов замечена недостаточная предусмотрительность, растерянность и даже искривления.

Купянским (начальник Д. М. Медведев. – *Прим. авт.*) и Изюмским Окротделами (начальник П. Ф. Коломиец. – *Прим. авт.*) операция была проведена крайне беспечно, с нарушением целого ряда основных директив. Напрочь отсутствовала правильная фильтрация намеченных к выселению лиц»[1].

По мнению В. В. Кондрашина, термин «раскулачивание» применительно к периоду после февраля 1930 г. вообще неправомерен, поскольку кулака в деревне после массовой чистки начала 1930 г. уже не было «не только как класса, но и как социального слоя»[2]. Тем не менее в целом по СССР на протяжении 1930 г. было раскулачено и выслано в отдаленные районы 115 231 крестьянская семья, в 1931 г. – 265 795, а всего за два года – 381 026 семей[3].

Сталинский «великий перелом» (то есть ускоренная индустриализация и форсированно-принудительная коллективизация) был такой сногсшибательной сменой политики, что это не могло не послужить причиной недовольства и сопротивления среди самых широких слоев населения. Это вызвало появление оппозиции и в самой большевицкой партии, и даже среди ее руководителей. Самое активное сопротивление режиму начали оказывать крестьяне, возмущенные насилием и садизмом активистов. Чекисты принимали активное участие в подавлении данного сопротивления. Именно об этом говорят информационные сообщения ГПУ УССР о ходе коллективизации в Украине в начале 1930 г., которые, как правило, за подписью Всеволода Балицкого или Карла Карлсона направлялись в Москву в ОГПУ.

В докладной записке о политическом состоянии крестьян Украины в связи с «политикой ликвидации кулачества как класса» за пе-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 2174. Л. 31.

[2] Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2008. С. 75.

[3] Там же. С. 76.

риод с 20 января по 12 февраля 1930 г. Балицкий сообщал, что в январе произошло 37 массовых выступлений крестьян, в которых приняло участие 12 тыс. человек, на 9 февраля 1930 г. было арестовано 11 865 лиц, в ответ на политику «раскулачивания» крестьяне совершили 40 террористических актов[1]. С 1 февраля по 15 марта арестовано 25 000 человек, а из 18 округов, раннее охваченных массовыми протестами, «напряженное положение», как выражались чекисты, осталось в пяти – Киевском, Тульчинском, Белоцерковском, Винницком и Могилев-Подольском[2].

Балицкий был вынужден лично возглавить «оперативный штаб» по борьбе с выступлениями крестьян. Он руководил подавлением этих выступлений в разных регионах Украины. В частности, 16 марта 1930 г. сообщал С. В. Косиру, заместителю председателя ОГПУ СССР Г. Г. Ягоде и начальнику СОУ ОГПУ СССР Е. Г. Евдокимову: «Вчера приехал в Тульчинский округ. Весь округ охвачен волнениями и восстаниями. Из 17-ти районов округа, поражены 15 районов. На сегодняшний день волнения происходят в 153 селах. Совершенно изгнана Советская власть и актив из 50 сел, где вместо сельсоветов, в большинстве избираются старосты. Колхозы ликвидированы в большинстве сел округа...

В некоторых селах – вооруженные выступления. Вырыты окопы вокруг сел, занятые вооруженными, не пускающими в село. В отдельных селах поют «Ще не вмерла Украина» и выбрасывают лозунги – “Долой Советскую власть! Да здравствует самостійна Україна!”...

Весь округ разбит на оперативные участки; каждому оперативному сектору приданы вооруженные отряды коммунистов и войсковые конные группы ГПУ. Отдан приказ о решительном подавлении выступлений.

Я также остаюсь в этом округе для оперативного руководства»[3].

В марте 1930 г. 45% из всех крестьянских выступлений были зафиксированы именно в Украине[4]. Особое беспокойство вызвали восстания в пограничных районах. В Кремле даже начали опасаться возможного вмешательства Польши. 19 марта 1930 г. Балицкий получил непосредственно от Сталина указание принять более решительные меры в отношении пограничного Тульчинского округа, а также вновь возникавших волнений. Сталин, крайне недовольный ситуа-

---

[1] Craziosi A. Collectivisation, Révoltes Paysannes et Politigues Gouvernementales // Cahiers du Monde Russe. 1994. No 3. P. 480–481.

[2] Ibid. P. 579.

[3] Ibid. P. 549–550.

[4] См.: Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. С. 42.

цией, требовал, чтобы Балицкий «не речи произносил, а действовал более решительно»[1]. Балицкий был оскорблен. Он довольно резко ответил Сталину, подчеркивая, что лично выезжает на «угрожающие участки», а не руководит «только из вагона»[2]. Так оно и было, а решительности Балицкому хватало. Недаром Георгий Орджоникидзе, выезжавший в ту пору с инспекцией в Украину, констатировал, что восстания в пограничных Тульчинском, Шепетовском и Могилевском округах «подавлено вооруженной силой»[3].

Между прочим заметим, что, по словам секретаря Коллегии ГПУ УССР Якова Письменного, сопровождавшего Всеволода Балицкого в этой карательной поездке, председатель ГПУ УССР, наверное, потрясенный увиденным, не удержался и сказал в узком чекистском кругу, что «Сталин перегнул с коллективизацией»[4]. Вполне возможно и то, что Сталину могли передать эти слова.

Одно из наиболее известных крестьянских восстаний получило название Павлоградского – по наименованию одного из районов Днепропетровского округа. Сотрудники окружного отдела ГПУ сумели предотвратить подготовку восстания, начав в 1929 г. оперативное дело «Организаторы». Паутина заговора против большевистской власти, по информации ГПУ, протянулась между несколькими районами Днепропетровского округа и Харьковом. В феврале 1930 г. по делу «Организаторы» в Днепропетровском и смежных округах было арестовано 79 человек по обвинению в подготовке вооруженного восстания. Его будущих руководителей выследили и арестовали прямо во время совещания. 21 особо опасный, по мнению коммунистического правосудия, повстанец был расстрелян. Но один из организаторов восстания, житель села Богдановка К. Я. Шопин, избежал ареста и приступил к восстановлению разорванных связей[5].

О дальнейшем ходе событий Всеволод Балицкий в апреле 1930 г. информировал так: «5-го апреля с/года в Павлоградском, Петропавловском и Близнецовском районах Днепропетровского округа появилась банда численностью в 30 человек, впоследствии возросшая до 80 человек вооруженных винтовками, обрезами, дробовиками и револьверами. В тот же день ею были произведены на-

---

[1] Там же. С. 43.

[2] Там же.

[3] См.: Васильев В., Виола Л. Коллективизация и крестьянское сопротивление на Украине (ноябрь 1929 – март 1930 гг.). Винница, 1997. С. 233.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 49.

[5] Даниленко В. М. Антирадянські повстання селян в Україні напередодні голодомору // Павлоградське повстання 1930: Док. і мат. Київ: Український письменник, 2009. С. 17.

леты на села: Осадчее, Солнцево, Богдановербку, Путятино, Коховку, Марьевку, Богдановку и Терновку, где были разгромлены колхозы и убиты 30 человек совпартактивистов.

Высланным на место отрядом ГПУ и милиции банда была ликвидирована на 7-го апреля с/года, потеряв в бою 13 человек убитых и 5 раненных. Там же было захвачено 56 человек непосредственных участников банды, в том числе руководящий состав.

При ликвидации банды взято: 10 винтовок, 3 обреза, 8 дробовиков и одна бомба. Остатки банды распылились по соседним селам»[1].

Повстанцы были разбиты сводным отрядом под руководством заместителя начальника Днепропетровского окружного отдела ГПУ Зиновия Моисеевича Галицкого. Вначале в его распоряжении было 15 чекистов, вскоре их количество возросло до 35. Им помогали почти две сотни милиционеров, в том числе 58 конных[2]. Сразу после подавления восстания органами ГПУ арестовано несколько сот человек, после отсева за решеткой осталось 360 человек. Такого массового количества арестованных в одном округе крестьян в Украине еще не было. За участие в восстании к уголовной ответственности привлекли 210 человек[3].

7–19 мая 1930 г. чрезвычайная сессия Днепропетровского окружного суда под председательством начальника местного окружного отдела ГПУ Фомы Акимовича Леонюка (члены Беликов, Велигодский, секретарь Ивановский), прокурора Подлужного рассмотрела дело павлоградских повстанцев. 27 были приговорены к расстрелу, 164 получили от 3 до 10 лет лишения свободы, 19 человек по суду оправданы[4].

Это только отдельные примеры, иллюстрирующие ту войну, которую развернула большевистская власть против крестьянства. По сообщениям Информационного отдела ГПУ УССР с 1 января по 12 июня 1930 г., в Украине было осуществлено 1 535 террористических актов. Их мотивами назывались: коллективизация (в 970 случаях), раскулачивание (169), «классовая месть» (98), посевная кампания (33), хлебозаготовки (16), изъятие кулацкого актива (12), репрессии и др.[5]

---

[1] Даниленко В. М. Антирадянські повстання селян в Україні напередодні голодомору. С. 59.

[2] Там же. С. 20.

[3] Там же. С. 22.

[4] Там же. С. 264–274.

[5] Винниченко І. І. Україна 1920–1980-х: депортації, заслання, вислання. Київ, 1994. С. 21.

Не только Николай Бухарин и его сторонники, провозглашенные «правыми», но и немало рядовых членов партии (не говоря уже о беспартийных), критиковали линию группы Иосифа Сталина, создавая тем самым для режима обстановку нестабильности. В Кремле считали, что эти внутренние сложности вместе с имевшим место кризисом в международных отношениях ослабляют позиции СССР, содействуют активизации «контрреволюционных», «вредительских», и, что особенно опасно, националистических сил. Активизация последних связывалась в значительной степени с политикой «коренизации» (значит, и «украинизации»). И тогда в конце 1920-х гг. принято решение провести несколько открытых политических процессов, чтобы осудить «националистов», сделав участниками этих процессов лиц, давно находящихся в агентурной разработке.

В уже упоминавшемся докладе Всеволода Балицкого на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У в мае 1928 г. отдельное внимание было уделено «усилению активности вражеских интеллигентских групп», а резолюция по докладу ГПУ требовала «усилить работу с группами, ведущими активную антисоветскую работу, проводя при этом необходимые аресты»[1]. И с арестами не задержались.

В июне 1928 г. Балицкий прислал тогдашнему генсеку КП(б)У Л. М. Кагановичу уже упомянутую докладную записку «Об оживлении украинской контрреволюции». Власть не забыла и о технической интеллигенции. Еще в 1927 г. в Сочи Сталин встретился с полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Ефимом Евдокимовым. Чекист доложил генсеку, что, по его мнению, все нелады в угольной промышленности не случайны. Они являются следствием деятельности людей, сознательносрывающих производство и делающих это по указанию иностранных разведок. На что Сталин ответил: «Когда окончишь дело, пришли его в ЦК». Санкция вождя на поиск врагов вдохновила Евдокимова, который позже свидетельствовал: «Вы сами понимаете, это меня вздыбило, как боевого коня. Вернулся я, собрал братву, извиняюсь за выражение, товарищей, говорю – так и так, беритесь»[2].

Северокавказские чекисты и в самом деле быстро взялись за дело, но первые аресты среди «старых специалистов» не принесли желаемого результата. Арестованные никак «не кололись», и вредительство доказать было невозможно. Грубые действия ростовских чекистов вызвали протест даже со стороны некоторых партийных

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 52.

[2] Евдокимов Е. Г. Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 6–7.

и государственных работников, которые начали обвинять чекистов в «головотяпстве и действиях методами 1918–1919 годов». Однако Евдокимов упрямо продолжал гнуть свою линию: «Что было неясно на первых порах? Неясны были особенности контрреволюционной деятельности вредителей. Тогда еще не было и таких слов, как вредительство. Мы в то время работали ощупью, нюхом, и в этом деле в начале центральный аппарат ОГПУ – говорю прямо – никакой помощи не оказал»[1].

Сдвинуть дело с места помог новый первый секретарь Северо-Кавказского крайкома А. А. Андреев, пославший соответствующую телеграмму в ЦК ВКП(б). Параллельно Е. Г. Евдокимов направил высшему партийному руководству материалы следствия. Направил «в обход» ОГПУ СССР. «Процесс пошел», хотя полпред ОГПУ по Северо-Кавказскому краю и имел после этого тяжелый разговор с В. Р. Менжинским[2]. Масла в огонь подлил начальник Экономического управления ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю К. И. Зонов, который после допросов всех главных обвиняемых «пришел к выводам о Харьковском, Московском и заграничном центрах этой организации»[3].

ГПУ УССР поддержало инициативу ростовских чекистов. Молниеносно раскрыли «Харьковский центр», якобы существовавший с 1923 г. и, по словам В. А. Балицкого, охватывал своей деятельностью всю Донецкую каменноугольную промышленность. Организация проводила, как утверждалось, колоссальную вредительскую работу, направленную на разрушение советского угольного хозяйства, была связана с контрреволюционными группами в других трестах, опиралась на поддержку иностранных держав и выполняла задания их разведывательных органов. Донугольская организация являлась польской диверсионной группой, работала по директивам французского военного министерства и французского посольства в Москве, была связана с антисоветскими кругами в Германии.

По версии чекистов, руководил организацией непосредственно Московский центр, состоявший из крупнейших специалистов, работников советских центральных учреждений. А из-за границы, из Парижа, вредительские директивы вроде бы давало «Объединение бывших собственников приисков Донбасса» – «Совет Съезда Горнопромышленников Юга России». Организация для осуществления

---

[1] Евдокимов Е. Г. Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. С. 6–7.

[2] Там же.

[3] Хрестоматия по истории России 1917–1940. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 279–280.

вредительской работы получала из-за границы от бывших шахтовладельцев и иностранных разведок громадные средства. О масштабах работы этой организации можно было судить по тому, что в Украине было арестовано более 100 высококвалифицированных специалистов-инженеров, которых объявили членами организации[1].

Однако нюансы создания «шахтинского дела» были. О них, в частности, красноречиво свидетельствуют наградные листы на участников следствия – начальника Сталинского оперативного сектора ГПУ А. Б. Розанова, уполномоченных Экономического управления ГПУ УССР Ф. Я. Чечерского и И. Я. Казбека-Каплана, подписанные В. А. Балицким.

Из них следует, например, что Розановым «была выявлена и ликвидирована крупнейшая вредительская группа на Буденовском, Рутченковском, Щегловском и Екатерининском рудоуправлениях Донугля. Рядом признаний тов. Розанову удалось доказать проведение членами организации грандиозной вредительской работы по директиве Харьковского центра и непосредственно из-за границы. Тов. Розанов установил наличие связи между контрреволюционной организацией в Сталинском округе и Московским центром... В частности, благодаря следствию, проведенному т. Розановым, полностью уличен член Московского центра инженер Именитов – одна из центральных фигур процесса по делу об экономической контрреволюции в Донбассе. Тов. Розановым доказано получение денег членами организации в проведение ими в грандиозных размерах экономического шпионажа»[2].

Чечерский отличился тем, что «подтвердил показаниями обвиняемого инж[енера] Завадского наличие вредительской работы в Донецко-Грушевском рудоуправлении, в частности доказал умышленное затопление и завал специалистами-вредителями шахта “Пролетарская”. Тов. Чечерский разработал и выявил связи организации с польским консульством в Харькове и польским консульством в Москве, провел колоссальную работу по детальному установлению финансирования организации закордонными источниками... Благодаря признанию обвиняемого Бояринова, допрошенного тов. Чечерским, стало известно о так назыв[аемом] “Крымском совещании” контрреволюционной организации, состоявшемся в Ялте в 1926 г.»[3].

Казбек-Каплан в 1928 г. провел основное следствие по делу контрреволюционной организации в Южно-Рудном тресте: «Благодаря

---

[1] ОГА СБУ. Одесса. Д. 2151. Л. 18.

[2] Там же. Л. 18–19.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12 . Д. 3196. Л. 53–54.

блестящим следственным способностям тов. Казбека и колоссальной работе, проведенной им, организация, насчитывающая 46 видных специалистов треста и рудников, была в короткий период полностью выявлена и обезврежена»[1].

9 февраля 1928 г. заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода доложил председателю Совнаркома СССР А. И. Рыкову о раскрытии мощной контрреволюционной организации, действующей в течение нескольких лет в шахтоуправлениях Шахтинского района Северо-Кавказского края и в харьковском «Донугле»[2]. В мае 1928 г. В. А. Балицкий информировал Политбюро ЦК КП(б)У об арестах «шахтинцев» в Донбассе[3]. А 18 мая 1928 г. специальное присутствие Верховного суда СССР под председательством ректора Московского государственного университета А. Я. Вышинского открыло судебные заседания в московском колонном зале Дома Союзов. Заседания по «Шахтинскому делу» продолжались 41 день. 44 человека были приговорены к различным срокам заключения, 5 человек – расстреляны. Шахтинский процесс послужил образцом для других открытых политических процессов[4].

Тем не менее 11 января 1929 г. Президиум ЦИК СССР отклонил предложение о награждении Е. Г. Евдокимова, В. А. Балицкого и других за расследование «Шахтинского дела»[5]. Ждать наград чекистам пришлось больше года. Может быть из-за того, что на открытом процессе не все прошло так «гладко», как планировали его организаторы. Например, несмотря на проведенную следователями подготовку, 23 из 53 обвиняемых отказались признать себя виновными, 10 признали свою вину лишь частично.

И все же 3 апреля 1930 г. Е. Г. Евдокимов (назначенный к тому времени начальником Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР) и В. А. Балицкий свои ордена Красного Знамени получили. Вместе с ними были награждены сотрудники Экономического управления ГПУ УССР: начальник управления И. М. Блат, его заместитель С. С. Мазо и оперуполномоченный Л. С. Арров. Ф. М. Чечерский, который тоже представлялся председателем ГПУ УССР к высшей правительственной награде, «удовлетворился» знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (V).

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2335. Л. 47–48.

[2] Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 302.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 125.

[4] Подробнее см.: Кислицын С. А. Шахтинское дело. Начало сталинских репрессий против научно-технической интеллигенции в СССР. Ростов н/Д., 1993.

[5] Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. С. 315.

Суд над «шахтинцами» стал прологом борьбы с «вредителями» по всей стране. В июне 1928 г. Балицкий отчитывается на заседании Политбюро ЦК КП(б)У об «очищении аппарата Днепростроя»[1]. Вскоре он подписывает обвинительное заключение в деле о вредителях в «Югстали»[2] и делает на закрытом заседании Политбюро ЦК КП(б)У сообщение «О политическом положении страны»[3].

Итак, Всеволод Балицкий последовательно проводит линию на поиск «вражеских элементов» среди представителей технической интеллигенции. Об этом, в частности, ярко свидетельствовали подписанные им и присланные в ЦК КП(б)У 25 марта 1929 г. «Сведения о настроениях технической интеллигенции». В них подчеркивалось «лицемерие и двурушничество, выявившиеся в официальном выражении своего полного и абсолютного доверия партии и власти при одновременном ироническом отношении и злостном высмеивании в своем кругу основных политических и хозяйственных мероприятий правительства...»[4]. Интересно, что в упомянутом документе нашло отражение отношение технической интеллигенции к «Шахтинскому процессу». Он оценивался как «продукт творчества ГПУ с целью оправдания всех неудач хозяйственной политики, которую проводит партия»[5].

Не забывали шеф ГПУ и его подчиненные и о «националистических контрреволюционных организациях». К их участникам относили, прежде всего, представителей старой национальной интеллигенции. Самый одиозный и самый известный пример – фабрикация дела «Союза освобождения Украины» («СВУ») и подготовка открытого политического процесса в этом деле.

Еще в июне 1929 г. Балицкий информировал ЦК КП(б)У: «Организация объединяла антисоветски настроенную интеллигенцию, бывших выдающихся участников петлюровского движения, деятелей автокефальной церкви и представителей кулачества... Несмотря на то, что много участников ликвидированной ныне органами ГПУ Украины контрреволюционной организации “Союз освобождения Украины” были в разное время амнистированы Советской властью, они не отказались от дальнейшей преступной контрреволюционной деятельности и создали организацию, целью которой было объединить вокруг себя украинские антисоветские элементы и путем мас-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 335об.

[2] Ченцов В. В. Політичні репресії в Радянській Україні в 20-ті роки. С. 172.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 4. Л. 316.

[4] ГАЛО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 895. Л. 21.

[5] Там же. Л. 20.

совой агитации, пропаганды и вредительства, опираясь на поддержку международной буржуазии, вызвать восстание против Советской власти... Большинство обвиняемых уже созналось в своей преступной контрреволюционной деятельности. Органами Государственного политического управления Украины ведется энергичное следствие. Обвиняемые в ближайшее время станут перед пролетарским судом»[1]. Кстати, эта докладная записка и некоторые другие документы ярко свидетельствуют, как спешил Балицкий: ведь когда он подписывал эти документы, от первых арестованных еще не были добыты необходимые показания.

Процесс «СВУ», который современники абсолютно точно назвали «театром в театре»[2], длился с 19 марта по 9 апреля 1930 г. Судили 45 человек, среди них 2 академика ВУАН, 15 профессоров вузов, 2 студента, 1 директор средней школы, 10 учителей, 1 теолог, 1 священник УАПЦ, 3 писателя, 5 редакторов, 2 кооператора, 2 юриста и 1 библиотекарь. 15 подсудимых работали в системе ВУАН. 31 человек когда-то входил в различные украинские политические партии, один был премьер-министром, два – министрами правительства Украинской Народной Республики, шестеро – членами Украинской Центральной Рады. Двое подсудимых по национальности евреи, среди подсудимых – три женщины.

Этот процесс стал своего рода политическим сигналом для наступления на те украинские силы, олицетворением которых были представители старой, прежде всего академической, интеллигенции, а также деятели Украинской автокефальной православной церкви. Недаром же старший оперуполномоченный Секретного отдела Киевского окротдела ГПУ Соломон Соломонович Брук, как вспоминал один из подсудимых, на допросах повторял: «Нам нужно украинскую интеллигенцию поставить на колени, эта наша задача – и она будет выполнена; кого не поставим – перестреляем!»[3]

В контексте ликвидации НЭПа, «раскулачивания», насильственной коллективизации и массового сопротивления крестьянства процесс «СВУ» превращался в трагическую интродукцию «укрощения» тех представителей интеллигенции Украины, чья деятельность и самое существование в условиях даже контролируемой «украинизации» напоминали об освободительном движении украинцев 1917–1920 гг.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2994. Л. 185, 186, 190.

[2] Поскольку он проходил в помещении Харьковского оперного театра, на сцене которого был устроен зал заседаний суда, а зрители, входившие по специальным пропускам, сидели в зале.

[3] Снєгірьов Г. Набої для розстрілу (Ненько моя, ненько...). Лірико-публіцистична розвідка. Київ, 1990. С. 110.

Не случайно журнал «Большевик Украины» в 1930 г. в одной из передовых статей писал: «В процессе СВУ украинский пролетарский суд рассматривает дело не только о контрреволюционных отбросах петлюровщины, а судит в исторической ретроспекции весь украинский национализм, националистические партии, их предательскую политику, их подлые идеи буржуазной самостоятельности, независимости Украины»[1]. Именно поэтому, по замыслу организаторов, это должен был быть суд не столько над конкретными лицами, сколько над целым периодом национально-освободительной борьбы украинского народа. А отдельные подсудимые, которых тщательно подбирало ГПУ, должны были символизировать этот период, его философию, мировоззренческие основы.

Основными действующими лицами на процессе «СВУ» стали 45 человек. Еще 700 (а не 400, как считалось ранее) арестовали вскоре в связи с этим делом[2]. Всего же, по некоторым подсчетам, по делу «СВУ» арестовано, уничтожено или сослано свыше 30 тыс. человек.

Ключевой вопрос, возникающий, когда речь идет о деле «СВУ»: что в обвинении отвечает действительности, а что существовало лишь в головах чекистов, которые, используя индивидуальные методы шантажа, заставляли своих жертв давать показания? С одной стороны, существует немало свидетельств того, что против большевистского режима велась бескомпромиссная борьба. Вот что, например, свидетельствовал священник УАПЦ Владимир Хуторянский, арестованный как участник «СВУ» 1 января 1934 г. Осужденный на 5 лет заключения, он отбывал срок на Соловках, и был расстрелян, как и многие другие узники-соловчане, 3 ноября 1937 г.

Сохранилось донесение информатора об одном из разговоров, когда Владимир Хуторянский сказал, что, «несмотря на аресты среди украинцев.., там, на Украине, осталось еще много народа, который работает. Там есть еще много наших братьев-украинцев, которые при благоприятных условиях осуществляют свою работу. Мы через Украинскую автокефальную церковь осуществляли консолидацию своих сил и я лично работал в бывшем Брацлавском уезде, а потом меня перекинули на польскую границу...»[3]

С другой стороны, сохранилось немало свидетельств того, что в таком виде, как это изображалось в 1929–1930 гг., «СВУ» не суще-

---

[1] Українська контрреволюція перед пролетарським судом // Більшовик України. 1930. № 5/6. С. 9.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 67098 ФП. Т. 238. Докладная записка о результатах работы по вскрытию украинского контрреволюционного подполья в связи с делами «СВУ». Л. 1.

[3] Управление ФСБ РФ по Архангельской области. Д. П-14799. Л. 6.

ствовало. Подтверждается это и многими секретными служебными документами ГПУ, не доступными ранее, которые позволяют глубже понять дело «СВУ».

Все началось из того, что с 18 мая по 18 июня 1929 г. в Киеве была арестована группа молодых людей, обвиненных в принадлежности к нелегальной организации. Среди них были и те, которые с 1928 года сотрудничали с ГПУ. Входя в контакт с «националистически настроенными» лицами, стимулируя их вести «националистические» разговоры и выуживая из них информацию, они фиксировали ее и сообщали об этом чекистам. Именно этих провокаторов использовали для того, чтобы сломать и принудить студентов Николая Павлушкова и Бориса Матушевского свидетельствовать против вице-президента ВУАН, литературоведа, уже упоминавшегося академика Сергея Александровича Ефремова и других будущих участников процесса «СВУ».

Всеволод Балицкий в течение длительного времени (с 1923) направлял процесс «отслеживания» Ефремова, арестованного 21 июля 1929 г. 18 декабря того же года Политбюро ЦК КП(б)У утвердило состав суда над участниками «СВУ». 23 декабря Балицкий лично в присутствии заместителя наркома юстиции УССР М. В. Михайлика провел допрос академика. В декабре 1929 г. подготовка процесса «СВУ» вступает в завершающую фазу. Тогда в ГПУ УССР появляется ряд документов, где детализируется все, что связано с «СВУ». Эти документы поступают в ЦК КП(б)У, ЦК ВКП(б) и ОГПУ СССР. С ними знакомится И. В. Сталин, который 2 января 1930 г. присылает в Харьков шифрограмму С. В. Косиору и В. Я. Чубарю: «Когда предполагается суд над Ефремовым и другими? Мы здесь думаем, что на суде надо развернуть не только медицинские фокусы, имевшие своей целью убийство ответственных работников...[1] Наша просьба согласовать с Москвой план ведения дела на суде»[2].

3 января 1930 г. Политбюро ЦК КП(б)У обсудило сталинское письмо о деле «СВУ» и в специальном постановлении сформулировало «основные моменты» в этом деле. Окончательную редакцию этого документа осуществили В. А. Балицкий, А. П. Любченко и С. В. Косиор. Все детали процесса «СВУ» согласовывались с московским руководством, хотя ГПУ УССР предлагало и свою «драматургию» процесса. Эту «драматургию» содержали уже упомянутые докумен-

---

[1] Ни одного факта таких убийств не только не было доказано, но даже не было приведено в ходе подготовки и на самом процессе «СВУ».

[2] Замятина Т. Иосиф Сталин: «Виновных судит ускоренно. Приговор – расстрел». Рассекречен личный архив вождя народов // Известия. 1992. 11 июня.

ты, подписанные преимущественно начальником Секретного отдела ГПУ УССР В. М. Горожаниным и начальником 2-го отделения того же отдела Б. В. Козельским, которые, в свою очередь, все согласовывали с Балицким. Что это за документы?

Это, прежде всего, большая по объему «Докладная записка о результатах работы по вскрытию украинского контрреволюционного подполья по Украине в связи с делом “СВУ”, «Меморандум по делу Одесского филиала “Союза освобождения Украины”, «Докладная записка о деятельности медицинской линии “СВУ”, «Ориентировочный список арестованных по Киеву, которые подлежат представлению на процессе», некоторые другие документы.

Здесь находим в систематизированном изложении немало «линий» деятельности «СВУ», о них потом упоминалось на процессе, а также и тех, что не были реализованы, поскольку чекистам не удалось придать им вид реально опасных. В связи с этим чрезвычайно интересными являются два документа – «Ориентировочный список арестованных по Киеву, подлежащих представлению на процессе» и «Кандидаты к процессу с периферии». В них не только фамилии тех, кто оказался на скамье подсудимых, но и тех эвентуальных обвиняемых, которых готовили к процессу.

Особого внимания заслуживают рукописные коррективы, сделанные на этих документах. Скажем, в «Ориентировочный список» членов «Президиума СВУ», т. е. в состав руководителей организации, попросту дописана писательница Л. М. Старицкая-Черняховская, а также историк академик М. Е. Слабченко, которому со временем отведут скромную роль руководителя Одесского филиала. Возле четырех кандидатов на «церковную линию» твердо дописано: «Будет взят ряд лиц с периферии». Возле «кандидатов на процесс с периферии» поставлены «плюсы» рядом с фамилиями отдельных лиц, а рядом с другими никаких пометок нет, или, как, например, возле фамилии учителя З. Гудзь-Засульского «плюс» заменен на «минус». По нашему мнению, эти примечания сделаны лично Всеволодом Балицким, внимательно читавшим также и другие документы и делавшим на них пометки.

Что поражает более всего в анализе содержания упомянутых документов? Прежде всего то, что в них, собственно, не зафиксировано ни одного конкретного преступления тех лиц, которых обвиняли в участии в «СВУ». Это кажется парадоксальным, но на самом деле так оно и есть. Речь идет об определенных «преступных» намерениях, разговорах, каких-то «заговорщических» проектах, но не о конкретных действиях.

Другая приметная черта документов, подготовленных в ГПУ УССР в конце 1929 г., – их абсолютный антиукраинизм. Когда знако-

мишься с их содержанием, нельзя не прийти к выводу, что фабрикация дела «СВУ» и подготовка открытого процесса в этом деле были решающим этапом на пути к активной дискредитации политики «украинизации». Фактически все украинское в этих документах становится «петлюровским», «националистическим», «вредительским» и т. п.

В этой связи показательна «Докладная записка о результатах работы по вскрытию украинского контрреволюционного подполья по Украине в связи с делом “СВУ”». Этот довольно большой по объему документ содержит итоги работы ГПУ в тогдашних окружных центрах Украины и убедительно свидетельствует: основной удар организаторы дела «СВУ» направили против украинской интеллигенции, причем, не только старой. Под «националистические» подводились буквально все кружки, объединения, например кружки для изучения украинского языка на Винничине[1].

Даже на Востоке Украины, на Луганщине, разоблачили «контрреволюционную шовинистическую группировку». Но из кого? Понятно, из учителей украинского языка, создавших «кружок украинизаторов». Как указано, «группа имела своей целью организовать вокруг себя украинцев-шовинистов, влиять на учительство и студенчество»[2]. Упомянутому академику ВУАН Михаилу Елисеевичу Слабченко, работавшему в Одессе, инкриминировали то, что он сплотил вокруг себя группу «будущих молодых профессоров», опять-таки обвиняемых в «шовинистической работе»[3].

Возникает вопрос: а кто именно и по каким критериям определял степень «шовинизма» или «национализма»? Малообразованные следователи из ГПУ, которым, собственно, были чуждыми украинская среда, украинская культура? Все «туземное», т. е. украинское, для них автоматически превращалось в «националистическое». И они при этом твердо знали, что не ошибаются, именно этого от них и ждало начальство. Таким образом, фабрикуя дело «СВУ», чекисты как бы подводили базу для следующих тотальных погромных антиукраинских акций, которые станут массовыми в 1932–1933 гг., а затем органично впишутся в ежовский «большой террор».

Еще одна особенность упомянутых документов – стремление всячески дискредитировать УАПЦ, подготовить почву для ее уничтоже-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 67 098 ФП. Т. 238. Докладная записка о результатах работы по вскрытию украинского контрреволюционного подполья по Украине в связи с делом «СВУ». Л. 57.

[2] Там же. Л. 60.

[3] Там же. Л. 4.

ния. Не случайно в одном из упомянутых документов, подготовленных в ГПУ в декабре 1929 г., подробно планировалось, что именно инкриминировать деятелям УАПЦ. Прежде всего, это «атеизм большинства автокефального духовенства». И здесь снова вопрос: кто и по каким критериям должен был определить меру этого атеизма? Далее – это «петлюровское прошлое большинства автокефалистов», использование деятелями «СВУ» УАПЦ как «орудия антисоветского влияния на широкие массы для ведения подпольной работы», «украинизация церкви и религии – средство для осуществления цели СВУ»[1].

О. С. Зинкевич в статье «Дело Украинской автокефальной православной церкви на процессе Союза освобождения Украины и ее ликвидация в 1930 г.» высказывает предположение: следователи ГПУ, увидев заранее, что им не по силам добиться во время следствия от деятелей УАПЦ В. М. Чехивского и его брата М. М. Чехивского уступчивости, решили созвать «чрезвычайный собор» УАПЦ 28–29 января 1930 г.[2] Этот «собор», состоявшийся накануне процесса «СВУ», одобрил резолюцию о связи УАПЦ с «СВУ», о «контрреволюционности» УАПЦ и, разумеется, о ее самоликвидации.

Однако документы, ранее не доступные для О. С. Зинкевича и других исследователей, свидетельствуют, что В. М. Чехивский и М. М. Чехивский еще в 1929 г., до созыва «собора», начали давать необходимые ГПУ свидетельства после того, как с ними «поработали». Сам «собор» был лишь плановой акцией ГПУ УССР, которая должна была проиллюстрировать «крах» УАПЦ.

Говоря о политическом замысле дела «СВУ», немецкий исследователь Герхард Зимон отмечает, что тяжелее ответить на вопрос о том, что в обвинениях против участников процесса «соответствовало действительности, а что существовало лишь в головах работников ОГПУ»[3]. Как мы уже показали на основании тех служебных документов ГПУ, что нам удалось обработать, можно утверждать, что «СВУ» в том виде, как это подавалось в 1929–1930 гг., не существовало.

Теперь есть возможность понять механизмы, с помощью которых чекисты добивались признаний от участников процесса «СВУ». Например, от академика С. А. Ефремова. Дело в том, что в камеру, где он находился, чекисты подсадили информатора, дававшего подроб-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф.6. Д. 67 098 ФП. Т. 238. Докладная записка ГПУ УССР В. А. Балицкому. Л. 8.

[2] Зінкевич О. Справа Української Автокефальної Православної Церкви на процесі Спілки визволення України і її ліквідація у 1930 р. // Сучасність. 1988. № 7–8. С. 219.

[3] Simon G. Nationalismus und Nationalitätenpolitik in der Sowjetunion. Von der totalitären Diktatur zur nachstalinschen Gesellschaft. Baden-Baden, 1986. S. 599.

ные отчеты о том, как ведет себя академик, что он говорит, как настроен. Отчеты датированы ноябрем 1929 г. Процитируем отрывки из этих отчетов: «16.11. Ефремов продолжал писать, как он сам высказался, «вынужденное признание» в том, чего не было. Нервничал он, все повторяя – "отвратительное существование". На мой вопрос, много ли ему еще придется писать, он ответил, что немного, что размазывать, как другие, он не будет, да и не может, поскольку нечего писать...

18.11. Ефремов вернулся с допроса очень взволнованный и на мой вопрос "Ну как там?", ответил: "В таком пакостном и в таком плачевном и глупом состоянии я еще никогда не был. Лучше бы сразу взяли и покончили со мной, чем это мучение каждый день своими допросами... Я был бы уже рад, если бы действительно была организация со всеми теми людьми и деталями, которых ныне привязывают к ней. Тогда бы я начистоту сказал и конец делу. Тогда б я и детали все рассказал бы, потому что сам бы их знал. А то теперь рассказывай о деталях, которых я не знаю... Кроме того, следствие ведется крайне односторонне и заинтересовано не в выяснении и выявлении правдивой действительности, а лишь в подтверждении факта существования организации... Следователь говорит мне, что он ждал от меня большего. Он хочет, чтобы я писал по 500 страниц, как другие, а возможно и больше, так как меня считают главой. А что мне писать? Если бы мне дали прочитать свидетельство тех, кто создал эту мифическую организацию, я бы просто подтвердил это..."

Нужно отметить, что во время этого разговора Ефремов был очень взволнован и убит и говорил со слезами в голосе и на глазах.

19.11. Ефремов начал писать ответы на записанные вчера вопросы следователя и снова начал волноваться и приходить в негодование... Пиши, а что пиши? Следователь говорит, что я пишу лишь то, что им известно и стремлюсь не писать то, что им, по моему мнению, неизвестно... Он, кажется, симпатичный человек и сочувствует моей судьбе и сочувствует мне, но никак не понимает меня... Я ему говорю, что когда я уже признал некоторые факты, то я никому из официальных лиц уже не могу сказать, что это не так, а только ему одному чистосердечно говорю, что я признаю то, чего не было, однако он все равно не верит, говорит, что он и я знаем, что это было. Хотя бы "они" мне конкретно сказали, что я должен писать...»[1]

В конце концов так и произошло: академику «подсказали». Это была настоящая человеческая трагедия, которую пережил не один Сергей Ефремов, но и другие участники процесса «СВУ». Тем не ме-

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 430–431.

нее, заслуги Всеволода Балицкого и подчиненных ему чекистов были надлежащим образом оценены партийным руководством.

28 апреля 1930 г. на заседании Политбюро ЦК КП(б)У было принято решение «О награждении работников ГПУ за разоблачение СВУ» орденом Красного Знамени. Высшую награду страны предлагалось вручить начальнику 2-го отдела СО ГПУ УССР Б. В. Козельскому, старшему уполномоченному СО Киевского окротдела ГПУ С. С. Бруку, старшему уполномоченному КРО ГПУ УССР З. М. Ушакову-Ушимирскому, начальнику СО ГПУ УССР В. М. Горожанину, начальнику СО Киевского окротдела ГПУ Г. Б. Загорскому, начальнику Киевского окротдела ГПУ В. Т. Иванову, начальнику Николаевского окротдела ГПУ А. Б. Розанову, начальнику Днепропетровского окротдела ГПУ Ф. А. Леонюку[1].

Обосновывая необходимость награждения Валерия Горожанина вторым орденом Красного Знамени, Балицкий, в частности, отмечал, что тот «проводит агентурные разработки, которые предшествуют ликвидации “Союза Освобождения Украины”, обеспечил политическое разложение ее главных деятелей. При участии тов. Горожанина было достигнуто изобличение роли украинской автокефальной церкви, как повстанческого оружия “СВУ”, осуществление ее политического разложения и обезвреживание»[2]. Однако в Москве по каким-то причинам отклонили ходатайство украинского руководства, и чекисты остались без наград.

Кто знает, но может быть отказ в награждении украинских чекистов был вызван тем скандалом, который возник в ГПУ УССР весной 1929 г.? В тот момент в адрес крупнейших заводов Украины, а также на имя тогдашнего Председателя ОГПУ СССР В. Р. Менжинского и на имя И. В. Сталина поступило анонимное письмо, содержавшее факты из жизни ГПУ УССР. В нем, в частности, отмечалось: «В наших органах имеется большая семейственность, отсутствует прямота и до неимоверных размеров развита дипломатия.

В больших размерах имеется бюрократия, зажим, произвол и бесправие сотрудников.

В больших размерах развиты среди сотрудников, а главным образом, среди начальствующего состава, пьянство, преступность и барахольство. С чем не ведется должным образом борьба, а наоборот, все это всячески замазывается и покрывается даже от партийных органов, дабы не подорвать “авторитет” органов...»[3]

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 184. Л. 87.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2816. Л. 20.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2994. Л. 193.

А далее в письме подробно освещались факты, назывались фамилии руководящих работников ГПУ. Среди обвиненных анонимом (а в основном речь шла о пьянстве, разврате, растратах казенных средств) были: бывший начальник Екатеринославского окротдела ГПУ П. П. Ивонин; бывший начальник Волочиского пограничного отряда ГПУ Д. М. Давыдов-Малишкевич, бывший начальник Особого отдела 7-го корпуса Цыбин; начальник Особого отдела 1-го кавалерийского корпуса Л. Й. Пейзнер; начальник Белоцерковского окротдела ГПУ С. С. Любомирский; бывший начальник Уманского окротдела ГПУ А. П. Абаш; бывший начальник Особого отдела 2-й кавалерийской дивизии Доценко; начальник Зиновьевского окротдела ГПУ М. М. Иодко; начальник Черниговского окротдела ГПУ Ф. Г. Клейнберг; начальник Особого отдела 17-го корпуса И. С. Веселов; начальник Уманского окротдела Р. Л. Юхвиц; начальник Особого отдела 2-й кавдивизии И. И. Ильицкий; начальник Особого отдела 95-й дивизии Дементьев; начальник Волочиского пограничного отряда ГПУ И. Ю. Купчик; начальник Полтавского окружного отдела Ю. И. Бржезовский.

Упомянутые в письме факты в основном подтвердились. Тем не менее, срочно созванное открытое собрание партийной и комсомольской организаций ГПУ, оперативного состава и отряда особого назначения (всего присутствовало 525 человек) расценили письмо как «контрреволюционное», требуя «наиболее решительной и беспощадной расправы с контрреволюционными агентами»[1].

2 марта 1929 г. разгневанному Всеволоду Балицкому пришлось написать Станиславу Косиору объяснение. Он признал, что некоторые факты в анонимке взяты из приказов ГПУ УССР за последние 5–6 лет, «хотя подобраны и освещены тенденциозно»[2]. Вместе с тем он сообщал: «Мной отдано распоряжение о выявлении авторов анонимки. Предварительные данные следствия дают мне основание считать, что анонимка выпущена 1–2 сотрудниками Особого отдела»[3]. Профессиональная интуиция не подвела председателя ГПУ УССР – автором анонимки оказался сотрудник Особого отдела Фомин, который «за демагогические, необоснованные обвинения» был выявлен и отправлен в концлагерь[4].

И тут следует отметить, что серьезные нарушения допускали не только те чекисты, что назвал Фомин. Так, например, Владимир

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2994. Л. 192.

[2] Там же. Л. 191.

[3] Там же. Л. 191.

[4] ГАХО. Ф. 99. Оп. 3. Д. 354. Л. 427.

Иванович Окруй, в 1924–1928 гг. возглавлявший Зиновьевский окружной отдел ГПУ, избил нескольких своих сотрудников и допускал незаконные денежные операции[1]. Казалось, его ждет суд. Но Всеволод Балицкий считал по-другому. Он учел большие оперативные заслуги подчиненного (участие в ликвидации анархистских и уголовных группировок в Москве в 1921 г.; разгром нескольких атаманов в 1922 г. на Подолье; ликвидацию «съезда степных атаманов» и атамана Заболотного на Одессщине в 1924 г.; раскрытие «белогвардейской контрреволюционной организации Юга России в Таврии» в 1925 г.)[2]. Взвесив все это, Балицкий назначил Окруя 12 июля 1928 г. начальником Мариупольского окружного отдела ГПУ.

Между прочим, Балицкому приходилось не один раз защищать своих подчиненных. Например, в июне 1928 г. до Политбюро ЦК КП(б)У дошла история с сотрудниками Уманского окружного отделения ГПУ. В повестке дня заседания от 15 июня есть вопрос, обозначенный так: «Сообщение об Умани». Первой среди докладчиков стоит фамилия Балицкого. Что же именно случилось в Умани?

Причина была банальной. Сотрудники Уманского окружного отдела ГПУ под руководством уже упомянутого начальника Александра Петровича Абаша (Бунюса) сфабриковали дело «контрреволюционной организации» во главе с неким мифическим «Николаем», разумеется, украинским националистом. Он якобы приказал Михаилу Даценлову из села Перегоновка Уманского округа поджечь скирду сена. Уманские чекисты сильно побили 15-летнего юношу, который не только дал фальшивые свидетельства, но и уговорил сокамерников оклеветать его, поскольку в противном случае им всем угрожает расстрел. То же самое было сделано и с другими арестованными: на допросах их беспощадно били, требуя остальных «контрреволюционеров» сознаваться, чтобы избежать избиений.

9 июня 1928 г. Всеволод Балицкий специальным письмом информировал Лазаря Кагановича об инциденте, указав: «Следствие по делу уже закончено и виновные сотрудники Уманского Окротдела ГПУ в нанесении арестованным побоев и в допущении угроз во время допросов сняты с работы и предаются суду. Уволено всего 7 лиц во главе с начальником Отдела тов. Абашем. В Умань мной откомандирован мой заместитель тов. Карлсон, который выехал вместе с вновь назначенным начальником Окротдела тов. Юхвицем (работник Центра) и целой группой сотрудников для замены большинства работников старого состава.

---

[1] ОГА СБУ. Винница. Д. 7544. Л. 32.

[2] Там же. Л. 27.

Бывший нач. Отдела Абаш и несколько сотрудников Уманского Окротдела, виноватые в запугивании и избиении арестованных, отданы мной в Суд Чрезвычайной Сессии»[1].

Несмотря на все это, на заседании Политбюро ЦК КП(б)У 15 июня 1928 г. предложили приговорить виновных к смертной казни. Но такое предложение не приняли, а решили так: «Поручить чрезвычайной сессии суда вынести приговор в соответствии с имеющимся законодательством, не применяя высшей меры социальной защиты»[2].

Абаша из ГПУ убрали и... отправили на партийную работу[3]. Победила корпоративность: Балицкий не дал в обиду своих коллег. Однако упомянутый эпизод ярко иллюстрирует и другую неопровержимую истину: непреодолимой оказалась тенденция к фабрикации разного рода «дел», формированию «контрреволюционных» организаций, к беззакониям в условиях, когда у чекистов оказывалось в руках все больше власти.

Именно это подтверждают и документы, раскрывающие механизм фабрикации дела «СВУ», а также другого резонансного дела – «Украинского национального центра» («УНЦ»), приговор по которому был вынесен в закрытом порядке в феврале 1932 г. В центре дела «УНЦ» стоял бывший глава Украинской Центральной Рады академик ВУАН и Российской академии наук, историк М. С. Грушевский. Он же, собственно, выступил и в роли, так сказать, Герострата чекистских замыслов, отказавшись в Москве от предыдущих показаний, данных под давлением Балицкому и его сотрудникам.

Еще в 1960-е гг., в период хрущевской «оттепели», открылись факты, убедительно подтверждавшие: дело «УНЦ» было инспирировано. Например, Н. И. Шраг, бывший член ЦК УПСР, проходивший по делу «УНЦ» и выживший, 11 марта 1965 г. свидетельствовал: «На следствии в 1931 году ко мне применялись запрещенные методы следствия. Частые допросы в ночное время, стояние на ногах во время допросов, крики и оскорбления следователей Пустовойтова, а иногда Когана (правильно М. А. Каган. – *Прим. авт.*) физически и морально измучили меня и деморализовали. Кроме того, во время моего ареста умерла моя дочь, это нанесло мне большую травму... Ни

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 6. Л. 341–341об.

[2] Там же. Л. 339.

[3] А. П. Абаш дослужился до первого секретаря Новоград-Волынского окружного комитета КП(б)У Киевской области. 4 июля 1937 г. он был арестован, обвинен в участии в контрреволюционной троцкистской террористической организации и 9 сентября 1937 г. расстрелян в Киеве. (См.: Реабілітовані історією: Житомирська область. Житомир, 2006. Кн. 1. С. 235.)

о какой организации я ничего не знал, вредительством и подготовкой восстания не занимался. По требованию следователя я назвал участниками контрреволюционной организации бывших членов УПСР, своих знакомых... Посещения и встречи в домашних условиях по поводу разных семейных торжеств со своими товарищами... я выдавал за совещания участников контрреволюционной организации. Т. е. я писал все, что от меня требовали, лишь бы меня не вызывали ночью и не кричали»[1].

Преподаватель Промакадемии УССР Н. М. Васильковский, который также остался жив, в своих жалобах в 1954 и 1957 гг. писал: «Свидетельства, данные мной в 1931 году, лживые. Они были добыты следствием методами физического и психического принуждения... Очных ставок не было, не было выдвинуто хотя бы конкретных обвинений каких-либо лиц в письменной форме. При таких условиях судопроизводства в 1931 году выявятся разночтения, а отсюда легко будет видеть вымышленный характер всего обвинения»[2].

Несмотря на такого рода свидетельства, в течение многих лет официально утверждалось, что «УНЦ» существовал, а его лидером был Михаил Грушевский. Особенно поражает то, что это была не только версия для массовой пропаганды, но и, так сказать, для служебного употребления. На ней воспитывали новые поколения чекистов. Так, в учебнике «История советских органов государственной безопасности», подготовленном в Высшей школе КГБ при Совете Министров СССР, отмечалось: «В 1929–1932 годах органы ГПУ Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии и других советских республик уделяли большое внимание борьбе с подрывной деятельностью антисоветских националистических организаций, поддерживающих связь с националистической эмиграцией и реакционными силами ряда капиталистических государств. На Украине органы государственной безопасности разоблачили буржуазно-националистическую организацию “Украинский националистический (так в книге. – *Прим. авт.*) центр” во главе с националистом Грушевским, а также “Украинскую военную организацию” и другие»[3].

Сегодня доказано, что осужденные по этому делу «УНЦ» 50 человек (срок заключения от трех до шести лет) стали жертвами лживых обвинений. В 1934–1941 гг. 33 из них снова осудили за «антисовет-

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 83–84.

[2] Там же.

[3] История советских органов государственной безопасности. Учебник / ред. коллегия: Чебриков В. М. и др. М., 1977. С. 259.

скую деятельность» и «шпионаж». 21 человек был расстрелян, 12 получили новые сроки. Большинство из них умерло в лагерях[1].

Но возвратимся к событиям 1929 года. 9 декабря начальником Секретно-оперативного управления ГПУ УССР был назначен Израиль Моисеевич Леплевский. Он родился в Брест-Литовске Гродненской губернии. В личном деле, хранящемся в ОГА СБУ в Киеве, указано 3 различные даты его рождения. В машинописной автобиографии – 1895 г., в служебной аттестации – 1896 г., в «Послужном списке сотрудника ГПУ» и в «Наградном листе» – 1894 г.[2] Не проясняют ситуацию и другие, известные нам, документы Леплевского. В анкете члена ВУЦИК он собственноручно указал 1894 г.[3], а в регистрационном бланке члена ВКП(б) (образца 1936) – 1896 г.[4].

Едва достигнув двенадцатилетнего возраста, не имея никакого образования, однако выучившись самостоятельно писать и читать, стал работать в шапочной мастерской, позже – служащим на складе аптекарских товаров. В 1905 г. вступил в Бунд, в котором состоял до 1914 г., т. е. до призыва на действительную военную службу. Служил рядовым в 154-м Дербентском и 3-м Бессарабском полках на турецком фронте. После Февральской революции избран председателем полкового комитета и председателем комитета воинского гарнизона в Турции. Весной 1917 г. командирован в Тифлис за революционной литературой и вступил там в РСДРП(б). Вскоре оказался в Екатеринославле, где к тому времени проживала его мать. Там был избран членом боевой организации, участвовал в октябрьском перевороте и боях с войсками Украинской Центральной Рады. После изгнания большевиков с Украины перебрался в Саратов, где как командир отряда местной губернской ЧК принимал активное участие в подавлении эсеровского восстания.

По личной просьбе, в июне 1918 г. откомандирован в Самару, где его старший брат Григорий работал заместителем председателя гу-

---

[1] Подробнее см.: Пристайко В., Шаповал Ю. Михайло Грушевський: справа «УНЦ» і останні роки (1931–1934). Київ, 1999.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 1309. Л. 1–25.

[3] ЦГАВОУ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1369. Л. 1.

[4] РГАСПИ. Ф. 17. Регистрационной бланк члена ВКП(б) № 085591. Его отец был рабочим-табачником и после ликвидации мелкой промышленности Брест-Литовского крепостного района поехал на заработки в Варшаву. Вскоре по семейным обстоятельствам был вынужден вернуться домой. По словам старшего брата И. М. Леплевского Григория, «содержание семьи очень многочисленной – 9 человек детей – целиком легло на весьма энергичную, предприимчивую мать, добывавшую средства к существованию мелкой лавочной торговлей». (Леплевский Г. М. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России: энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 511.)

бисполкома. С октября 1918 г. И. М. Леплевский стал помощником заведующего Секретно-оперативным отделом Самарской губернской ЧК и неоднократно выезжал на подавление эсеровско-крестьянских восстаний.

Летом 1919 г. по собственному желанию откомандирован в распоряжение Екатеринославского губкома КП(б)У. Прибыв на место назначения, стал членом центрального бюро фракции КП(б)У, вскоре заболел сыпным тифом. В это время в город вошли белогвардейские войска. Пришлось снова заниматься подпольной работой[1]. После прихода «красных» получил назначение в Екатеринославскую губернскую ЧК, где работал с декабря 1919 г. по февраль 1923 г. Потом возглавлял Подольский губотдел ГПУ, был начальником Одесского окружного отдела ГПУ.

На посту начальника Одесского окротдела ГПУ Леплевского сменил А. А. Емельянов, бывший перед этим заместителем начальника Управления пограничной охраны и Войск ГПУ УССР. По словам Г. Н. Шмушко, работавшего в то время уполномоченным Информационного отдела, местные чекисты встретили нового начальника в штыки. Они проводили так называемые итальянские забастовки, а попросту говоря – саботировали работу. В конце концов в Одессу приехал В. А. Балицкий, созвал оперативное совещание, где заявил, что А. А. Емельянов не оправдал себя и провалил работу, а аппарат занимался саботажем, за что и обещал его разогнать. Но Леплевский своих в обиду не дал: в том же 1930 г. началась массовая переброска работников Одесского окружного отдела ГПУ на более высокие должности[2].

После процесса «СВУ» В. М. Горожанина отозвали в Москву и 5 мая 1930 г. начальником Секретного отдела ГПУ УССР был назначен Генрих Самойлович Люшков, который перед этим почти 5 лет проработал начальником Информационного отдела и Политконтроля ГПУ УССР. Он родился в Одессе в феврале 1900 г. в семье мелкого портного. С 1908 г. учился в шестиклассном начальном казенном училище, после его окончания в 1915 г. трудился и одновременно учился на вечерних общеобразовательных курсах, которые закончил в объеме 6 классов гимназии. С 1917 г., по его словам, «вступил в боевую дружину Социалистической Молодежи, и потом в июле 1917 г. в партию. Принимал участие в боях 1 декабря 1917 года и 14-15-16 января 1918 года при захвате Власти Советами... В феврале 1919 года при разгроме белогвардейцами подполья был арестован... Из-под

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 1309. Л. 1–2.

[2] Там же. Д. 67398 ФП. Т. 2. Л. 180–181.

стражи убежал и, получив документы, через Николаев прибыл в Екатеринославский Губком... Изъявил желание пойти в Красную Армию и был направлен под Николаев, после взятия которого был зачислен в 1-ый Николаевский советский полк красноармейцем-политработником»[1]. Чекистскую карьеру начал в июне 1920 г., а в октябре 1925 г. назначен начальником Информационного отдела ГПУ УССР, в июне 1929 г. стал секретарем партийной ячейки ГПУ УССР.

Парторганизация центрального аппарата ГПУ УССР к тому времени насчитывала 301 человек (из них 11 женщин), из которых 238 были членами ВКП(б), а 63 – кандидатами в члены ВКП(б). Трое украинских чекистов (среди них и Всеволод Балицкий) вступили в большевистскую партию до 1917 г., 25 – в 1917-м, 23 – в 1918-м; 46 – в 1919-м; 36 – в 1920-м; 12 – в 1921-м; 3 – в 1922-м; 4 – в 1923-м; 5 – в 1924-м; 24 – в 1925-м; 39 – в 1926-м; 40 – в 1927-м; 41 – в 1928 г. По социальному происхождению большинство (127 чел.) составляли выходцы из служащих, 112 чекистов происходили из рабочих и 62 – из крестьян. По национальности на первом месте были русские – 107 человек (35,5%); на втором – украинцы – 82 человека (27,2%), на третьем – евреи – 80 человек (26,6%). 175 чекистов-коммунистов находились в Красной армии во время гражданской войны. ГПУ УССР издавало две газеты – «Начеку» и «К ногтю»[2].

О том, как партийная организация ГПУ следила за чистотой своих рядов, можно судить по тем выговорам, которые выносились чекистам. Некоторые из них даже исключались из партийных рядов на несколько лет. Но, проанализировав данные о «штрафникам», можно сделать вывод, что «мелкие шалости» не влияли на их карьерный рост. Главным мерилом их службы была личная преданность и готовность беспрекословно выполнять любой приказ.

На должности начальника Информационного отдела ГПУ УССР Г. С. Люшкова сменил помощник начальника Одесского окружного отдела ГПУ Ефим Фомич Кривец. Скорее всего, это назначение состоялось благодаря Израилю Леплевскому, который хорошо изучил во время совместной работы в Одессе этого скромного и замкнутого чекиста.

Кривец родился 10 марта 1897 г. в семье белорусского железнодорожного рабочего в Варшаве (по другим данным – в селе Кривцы Ляцкой волости Виленской губернии). Детство и юность провел в г. Двинске. Там же в 1912 г. окончил высшее начальное городское училище. В 15 лет пошел работать письмоводителем.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 1310. Л. 20.

[2] ГАХО. Ф. 5. Оп. 2. Д. 27. Л. 2–3.

В августе 1915 г. вместе с семьей переезжает в Брянск. В мае 1916 г. призван на военную службу, на которой находился до октября 1917 г. О дальнейшей карьере рассказывал так: «После освобождения из военной службы снова пошел работать на Брянский арсенал помощником секретаря завкома. В марте 1918 г. переехал в Екатеринославль, где не остался и поехал в Камышин, поскольку отец был туда эвакуирован с Двинской артиллерийской мастерской, где он работал чернорабочим. В Камышине был всего 3 месяца и потом при новой эвакуации переехал в Ржев, на протяжении 10 дней в октябре 1918 г. работал начальником милиции 2-го района города. Оттуда был отозван Брянской губернской ЧК, где работал с 25 октября 1918 г. до 15 декабря 1919 г. председателем Коллегии следователей и заведующим юридическим отделом. По распоряжению ВЧК отправлен в Полтаву, где работал до 26 июля 1921 г. заместителем заведующего юридическим отделом, уполномоченным по контрреволюции и секретарем губчека»[1].

С 30 июля 1921 г. являлся уполномоченным по контрреволюции Киевской губернской ЧК (с 3 декабря того же года по совместительству был еще и заместителем политотделения). 8 марта 1922 г. назначен начальником Секретного отдела и заместителем начальника Секретно-оперативной части Киевского губернского отдела ГПУ. Потом работал в Киеве в Контрразведывательном отделе: с 22 сентября 1922 г. – начальник отдела, с 1 декабря 1922 г. – заместитель начальника отдела, а с 1 февраля 1923 г. – уполномоченный[2].

С 18 августа 1923 г. стал уполномоченным Контрразведывательного отдела ГПУ УССР, а 23 апреля 1924 г. – помощником начальника этого же отдела. С 16 декабря 1925 г. работал помощником начальника Киевского окротдела ГПУ, а с 21 октября 1927 г. – помощником начальника Одесского окротдела ГПУ. К моменту назначения в Информационный отдел Кривец получил знак почетного работника ВЧК-ГПУ, боевое оружие от Коллегии ОГПУ СССР и серебряные часы от ВУЦИК.

В июле 1930 г. XVI съезд ВКП(б) утвердил решение о ликвидации в СССР округов как административно-территориальных единиц. В связи с этим началась реорганизация территориальных органов ОГПУ. В соответствии с постановлением ВУЦИК и Совнаркома

---

[1] ЦГАВОУ. Ф. 288. Оп. 7. Д. 818. Л. 5.

[2] Такое понижение по службе совсем не означало, что Кривец плохо справлялся с обязанностями. Просто новый начальник Киевского губотдела ГПУ УССР (он же полпред ГПУ по Правобережной Украине) Е. Г. Евдокимов провел на эту должность своего ближайшего помощника Н. Г. Николаева-Журида.

УССР от 2 сентября 1930 г. при районных исполнительных комитетах, в зависимости от оперативной необходимости создавались районные отделения ГПУ, а в 18 городах УССР по особому перечню – городские отделения ГПУ. На территории Украины было организовано 9 оперативных секторов:

1-й (Харьковский) – начальник Я. К. Крауклис;
2-й (Донецкий) – начальник И. М. Блат;
3-й (Киевский) – начальник В. Т. Иванов;
4-й (Днепропетровский) – начальник Ф. А. Леонюк;
5-й (Одесский) – начальник Ю. М. Перцов;
6-й (Винницкий) – начальник А. Г. Грозный-Сафес;
7-й (Житомирский) – начальник П. В. Семенов;
8-й (Полтавский) – начальник А. Б. Розанов;
9-й (Сумской) – начальник В. Я. Левоцкий.

Отдельной территориальной единицей оставался Молдавский областной отдел ГПУ.

Первоначально оперативный сектор ГПУ состоял из:

– секретариата, объединяющего весь технический и обслуживающий персонал;

– контрразведывательного отделения, выполнявшего оперативные функции по: всем видам военно-политического шпионажа и диверсий; национальным колониям; обслуживанию иностранных представительств, консульств и миссий; украинской контрреволюции, повстанчеству, политическому и уголовно-политическому бандитизму; монархическим группам и организациям; бывшим махновцам;

– секретного отделения, сферой деятельности которого были: украинские контрреволюционные организации; кулацко-контрреволюционные группировки; кулацкие контрреволюционные группировки и одиночки; сельская интеллигенция и учащаяся молодежь; террористические проявления на селе; духовенство и церковники; бывшие члены антисоветских партий;

– экономического отделения, занимавшегося выявлением и борьбой с экономической контрреволюцией, вредительством, экономическим шпионажем, должностными и хозяйственными преступлениями; борьбой с ажиотажем, спекуляцией и фальшивомонетчиками; оперативным обслуживанием проведения хозяйственно-политических компаний; слежкой за научно-технической интеллигенцией;

– информационного отделения, занимавшееся освещением политических настроений всех слоев населения, политическим контролем за печатью, зрелищами и связью;

– учетно-статистического отделения, которое вело всевозможное оперативное делопроизводство;

– разведывательного отделения, проводившего негласную работу среди населения.

В целях введения единообразия в части ношения знаков отличия личным составом местных органов ГПУ УССР устанавливался следующий порядок:

- начальник сектора – 3 ромба;
- заместитель начальника сектора – 2 ромба;
- начальник отделения сектора, начальник городского отделения – 1 ромб;
- старший уполномоченный сектора, начальник районного отделения, районный уполномоченный – 3 прямоугольника;
- уполномоченные сектора, городских и районных отделений – 2 прямоугольника;
- помощники уполномоченного сектора, городских и районных отделений – 1 прямоугольник[1].

Оперативные сектора еще не успели приступить к работе, как в их составе произошли существенные изменения. «В целях создания мощного чекистского аппарата, который объединил бы всю оперативную работу по борьбе со шпионажем, белогвардейско-кулацкой и повстанческой контрреволюцией», контрразведывательные и восточные отделения ОГПУ расформировывались, а их функции передавались в особые отделения, ранее занимавшиеся лишь обслуживанием воинских частей. Теперь особые отделения создавались при оперативных секторах и обслуживали не только воинские части, но и всю территорию оперативных секторов[2].

29 сентября 1930 г. вместо назначенного начальником 2-го (Донецкого) оперативного сектора ГПУ И. М. Блата начальником Экономического управления ГПУ УССР стал Соломон Самуилович Мазо. Он родился 7 июня 1900 г. в городе Двинске Витебской губернии в мещанской семье комиссионера-посредника. В 1908 г. поступил в частную гимназию. В 1915 г., ввиду приближения фронта, переехал с матерью в Харьков, где продолжал образование в гимназии, давал уроки и служил в разных конторах. В 1918 г. поступил на юридический факультет Харьковского университета, но диплома юриста не получил.

---

[1] Положение о структуре, оперативных и административных функциях и правах местных органов ГПУ УССР (секторов, городских и районных аппаратов) // Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: Справочник / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. С. 505–522.

[2] Приказ ОГПУ № 299/137 «О расформировании КРО и ВО ОГПУ» // Лубянка: органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: Справочник / сост.: А. И. Кокурин, Н. В. Петров. С. 504–505.

Позднее в своей автобиографии он писал: «С конца 1918 года определенно становлюсь коммунистом... В конце 1919 года иду добровольцем в Красную Армию. Служил сначала красноармейцем 5-го полка запасной армии (Казань), потом слушателем Высшей Военной школы Республики (артиллерийское отделение). Из-за близорукости в августе 1920 года был комиссован и направлен в Харьков. ЦК присылает в политуправление Харьковского военного округа, откуда еду в Донецкую губернию. В апреле 1921 года ЦК меня демобилизует и направляет в Харьковский губернскую ЧК»[1].

В Харьковской губернской ЧК – губотделе ГПУ Мазо работал помощником уполномоченного Секретного отдела, возглавлял отделения цензуры и политконтроля, с 30 июля 1923 г. стал начальником отдела политконтроля ГПУ УССР, с 5 января 1926 г. – помощником начальника Экономического управления ГПУ УССР, с 16 апреля 1927 г. – начальником 1-го отдела ЭКУ ГПУ УССР, с 1 декабря 1929 г. – заместителем начальника ЭКУ[2].

Тем временем в Москве пристально следили за карьерой Всеволода Балицкого, за его деятельностью в Украине, и оценивали ее положительно. Импонировал его «имидж» серьезного, опытного, решительного чекиста, который не сторонился черновой работы, умел принимать на себя ответственность. Интересную характеристику Балицкому дал А. И. Мильчаков, который в 1927–1928 гг. работал первым секретарем ЦК комсомола Украины. В беседе с московском педагогом В. Г. Бейлинсоном в 1966 г. он говорил: «Одна из самых

---

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 9880. Л. 13–14.

[2] Характеризуя работу С. С. Мазо, Балицкий отмечал: «В 1921 г., будучи на работе в Харьковской губчека, провел большую работу по борьбе со спекуляцией и должностными преступлениями... В 1922 г. разработал и ликвидировал ряд антисоветских группировок в Харьковской губернии... На работе политконтроля, фактически являясь организатором ее, которую возглавлял в течение нескольких лет проявил большие чекистские способности и инициативу и благодаря неутомимой энергии и умелому руководству аппаратом сумел поставить работу отдела на должную высоту. Работая в ЭКУ ГПУ УССР на руководящих ответственных должностях, проявил максимум энергии и инициативы для борьбы с преступностью и бесхозяйственностью в госаппарате и хозорганах. Организовал и поставил на надлежащую высоту работу по борьбе с фальшивомонетчиками по всей Украине. Под его руководящем и непосредственном участии разработан и ликвидирован ряд организаций фальшивомонетчиков на Киевщине и других округах... В 1926 г. разработал большое дело о злоупотреблениях в Харьковском коммунальном хозяйстве. В 1927 г. осуществил разработку и ликвидацию большого дела по злоупотреблениям в «Донугле». В 1928 г. тов. Мазо принимает непосредственное активное участие в ликвидации контрреволюционной организации Донбасса – «Шахтинское дело». Благодаря особой энергии и умелому подходу к ведению следствия со стороны тов. Мазо был выявлен и ликвидирован ряд крупнейших вредительских группировок в Рудоуправлении Донугля». (ОГА СБУ. Харьков. Д. 9880. Л. 27.)

ярких личностей, которые мне встречались. Большие и разные природные способности, крепкое базовое образование он подкреплял неутомимым самосовершенствованием. Человек напряженного аналитического ума, сильного характера и высочайшего профессионализма, Балицкий – сподвижник Дзержинского. Балицкий на всю жизнь был захвачен идеей учителя о позитивном участии ВЧК, органов внутренних дел и государственной безопасности в спасении детей, в строительстве повсеместно эффективной педагогики»[1].

Следует особо остановиться на взаимоотношениях В. А. Балицкого с руководителем трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, известным советским писателем и педагогом Антоном Семеновичем Макаренко. Они неоднократно встречались как в Харькове, так и в Киеве по служебным делам, и симпатизировали друг другу. «По словам Балицкого, – свидетельствует Мильчаков, – он еще в 1925 году влюбился в Макаренко. С того времени пользуется консультациями и советами Макаренко, между ними устанавливаются товарищеские отношения на равных. В компании, на совещаниях Балицкий обращается к Макаренко как к мэтру ...Идея детского учреждения – коммуны как памятника Дзержинскому принадлежала Балицкому, и он прорабатывал ее с Макаренко. От Балицкого я знал, что в самом начале этой затеи было обговорено: заведующим этой коммуной станет Макаренко»[2].

В 1926 г. Антон Макаренко познакомился с председателем шефского комитета куряжской трудовой колонии, студенткой второго курса Харьковского института народного образования Натальей Балицкой – родной сестрой председателя ГПУ УССР. По свидетельству очевидцев, Макаренко сразу влюбился в умную и очень красивую Наташу; даже имел намерение на ней жениться. Существует версия, что В. А. Балицкий этого не допустил, поскольку родной брат жениха был белогвардейцем и эмигрантом[3].

На 1936 г. в УСРР действовало 14 трудовых коммун и трудовых колоний: Трудкоммуна № 1 имени Дзержинского в Харькове; трудкоммуна № 2 имени Балицкого в г. Прилуки Черниговской области; Одесская трудколония № 3 в Одессе; Киевская трудколония № 4 в селе Таганча Каневского района Киевской области; Киевская трудколония № 5 в Броварах Киевской области; Киевская трудколония № 6

---

[1] Цит. по: Хиллиг Г. Деятельность А. С. Макаренко и В. А. Балицкого по борьбе с детской беспризорностью // Вестник Брянского государственного университета. Педагогика и психология. 2009. № 1. С. 44.

[2] Там же. С. 44–45.

[3] Хиллиг Г. А. С. Макаренко и НКВД // Советская педагогика. 1990. № 9. С. 119.

на хуторе Вольный Киевской области; Днепропетровская трудколония № 7 в с. Войновка Александровского района Днепропетровской области; Винницкая трудколония № 8 в с. Якушинцы Винницкого района Винницкой области; Харьковская трудколония № 9 в с. Андреевка Балаклеевского района Харьковской области; Трудколония № 10 имени Горького в с. Куряж Харьковской области; Харьковская трудколония № 11 в Ахтырке Харьковской области; Харьковская трудколония № 12 в Змиеве Харьковской области; Донецкая трудколония № 13 в с. Желанное Донецкой области; Черниговская трудколония № 14 в с. Густыня Черниговской области[1].

Несмотря на то что трудкоммуна № 2 в Прилуках носила его имя, Балицкий особое внимание уделял трудкоммуне № 1 имени Дзержинского в Харькове. Издаваемая в трудкоммуне газета «Дзержинец» называла Балицкого «лучшим другом коммунаров» и подчеркивала, что «наш коллектив коммунаров с честью поддержит коммуну, которая носит имя первого чекиста – Ф. Э. Дзержинского и постоянным руководителем и советником, которым является его лучший соратник – В. А. Балицкий»[2].

О встрече с ним один из харьковских коммунаров воспоминал: «От площади Тевелева[3] наш путь за город, в дачный поселок Померки к председателю ГПУ Украины Всеволоду Аполлоновичу Балицкому. Он очень занят и давно не был в коммуне, и нам очень хотелось его порадовать. Идея коммуны, как живого памятника Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому принадлежала ему. Во дворе дачки нас встретила жена Балицкого Людмила Александровна – миниатюрная, хрупкая женщина. Мы знали, что она отличная наездница, гонщица на мотоциклах, водит автомобиль и скоро станет летчицей. Вслед за ней вышел и сам Всеволод Аполлонович, отдыхавший здесь после многодневных военных маневров. В его могучей фигуре с гривой светлых волос было что-то львиное и вместе с тем очень доброе.

Он... сказал, что на маневрах не спал трое суток и немного приболел. Затем попросил Людмилу Александровну угостить нас чаем и занять. Мы не стали утруждать его рассказами, видя, как у нашего бати слипаются глаза. Из вежливости отказались и от чая, но Людмила Александровна повела на веранду и усадила за стол. Всеволод Аполлонович, извинившись ушел к себе. Заметив, что мы

---

[1] Архив ГУМВД по Харьковской области. Коллекция документов. Приказ НКВД УССР № 17 от 10 января 1936 г.

[2] Привет участникам всеукраинской олимпиады художественной самодеятельности трудколоний НКВД УССР // Дзержинец (Харьков).1936. 1 мая.

[3] Ныне площадь Конституции – одна из центральных площадей Харькова.

голодны, Людмила Александровна накормила нас обедом, а уж потом попотчевала чаем с малиновым вареньем. Выяснилось, что Всеволод Аполлонович не приболел, а серьезно болен. У него высокая температура, и он храбрится только ради гостей. Мы поблагодарили за обед и попрощались»[1].

Л. А. Балицкая не только поила коммунаров чаем, но и принимала активное участие в жизни трудкоммуны имени Дзержинского даже после переезда в 1934 г. в Киев. Так, в январе 1937 г. она вместе со своим мужем и К. М. Карлсоном принимала коммунара Е. Ройтенберга, написавшего наркому письмо, направленное против секретаря парткома коммуны Н. А. Огия[2].

Балицкий всегда и во всем поддерживал Макаренко. В 1935 г. он выдвинул его на должность помощника начальника Отдела трудовых колоний (ОТК) НКВД УССР. Наверное, для того чтобы подчеркнуть свою близость к всесильному наркому, Макаренко в присутствии знакомых называл его «Аполлоном».

Он очень хотел написать книгу о чекистах и в качестве консультанта избрал самого наркома. В своей записной книжке он писал, что Балицкий «отличает несколько типов происхождения (чекистов. – *Прим. авт.*): “Гимназисты”, “Местечковые” (евреи. – *Прим. авт.*), “Военные”. Последние с трудом понимают характер дисциплины “Ч” (чекистов. – *Прим. авт.*).

Он считает, что нужно дать и нечто о положении женщины в семье. Она редко видит мужа и поэтому беднеет духовно...

Чванство – тип внутренний и внешний и это, он говорит, нужно изобразить...»[3].

В своих дневниках А. С. Макаренко дает очень интересные характеристики В. А. Балицкому и его заместителю К. М. Карлсону. По его словам, Карлсон «представитель спокойного массивного характера. Ночная работа, недопитые стаканы чаю. Телефон он берет спокойно, говорит тихо, даже как будто сонно и отвечает больше междометиями и глаголами или отглагольными существительными.

– Ну? ... Да! – Знаю. – Отправили? – Угу!

Наводнение.

При этом он смотрит мимо трубки с таким же сонным пренебрежением.

---

[1] Гладыш С. Д. Дети большой беды. М.: Звонница – МГ, 2004. С. 198–199.

[2] Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000. С. 30.

[3] Там же. С. 184.

Б. (Балицкий. – *Прим. авт.*) – его противоположность – быстрый, яркий, увлекающийся, открыто благородный»[1].

Скорее всего, именно Всеволод Балицкий не дал хода заявлению секретаря парторганизации Трудкомуны имени Дзержинского Н. А. Огия на имя секретаря парткома НКВД УССР Я. К. Крауклиса, в котором сообщалось, что 5 сентября 1936 г. в своем выступлении на праздничном выпуске воспитанников коммуны помощник начальника Отдела трудовых колоний А. С. Макаренко (тогда он уже работал в НКВД УССР) заявил: «Все мы работаем под руководством партии и тов. Сталина, и если тов. Сталин сделает хоть тысячу ошибок, а один, имя которого не хочу называть, поведет вас по правильной дороге, то все же идти за тов. Сталиным». На этом письме Я. К. Крауклис написал резолюцию своему заместителю по парткому: «т. Стрижевскому. Как только Киндыба сядет в ОТК, мы через некоторое время Макаренко удалим. Я не верю ему ни на копейку. Это враг». Но, несмотря на это неверие секретаря парткома и гневную статью Огия под названием «Бдительность всегда и везде» в 33-м номере газеты «Дзержинец», Макаренко не тронули[2]. Остановить прыть работников НКВД УССР мог только сам нарком.

4 мая 1936 г. в Киевском оперном театре состоялся концерт участников всеукраинской олимпиады художественной самодеятельности трудовых колоний НКВД УССР, на котором присутствовал весь политический бомонд республики – С. В. Косиор, П. П. Постышев, Г. И. Петровский, А. П. Любченко, И. Э. Якир, В. А. Балицкий, Н. Н. Попов, известный деятель Коминтерна Вильгельм Пик. Зрители увидели 25 концертных номеров[3]. На следующий день Балицкий принял участников «олимпиады чекистских воспитанников» в киевском клубе НКВД, где заявил, что «несмотря на то, что вы вчера имели шумный и бурный успех, нельзя забывать, что это только начало. Зазнаваться не следует, а работать надо еще очень много и много»[4]. По итогам олимпиады он подписал приказ, поощряющий «за отличную подготовку олимпиады» руководителей трудовых колоний, сотрудников Отдела трудовых колоний НКВД УССР и 90 коммунаров[5].

---

[1] Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). С. 184–185.

[2] Там же. С. 148–150.

[3] Перша українська олімпіада трудових комун, колоній і прийомників-розподільників НКВС УСРР // Вісті. 1936. 5 мая.

[4] Ройтенберг Е. Встреча с наркомом // Дзержинец (Харьков). 1936. 13 мая.

[5] Абаринов А., Хиллинг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). С. 94.

Покровительство Балицкого, правда, не спасало Макаренко от его гнева. Так, в июне 1936 г. в Дофиновском приемнике-распределителе в Одесской области вспыхнула драка, в результате которой трем воспитанникам были нанесены ножевые ранения, один воспитанник был ранен в глаз, а 10 человек избиты. Как было официально отмечено, начальник Отдела трудовых колоний НКВД УССР Л. С. Ахматов и его помощник А. С. Макаренко, «желая умалить значение волынки... и тем самым оградить себя от ответственности», в рапорте на имя заместителя наркома внутренних дел УССР З. Б. Кацнельсона указали, что инцидент выразился в «2–3 локализованных ссорах и что ничего серьезного не произошло»[1].

Когда Балицкий узнал об истинных масштабах случившегося, то своим приказом объявил выговор Ахматову и Макаренко «за введение в заблуждение руководства НКВД УССР информацией, несоответствующей действительному положению вещей»[2]. Через пять дней, после объявления приказа, Макаренко подал рапорт на увольнение. Хотя он писал, что это «ни в какой связи не стоит с полученным мною выговором в приказе наркома», можно согласиться с биографами советского педагога о взаимосвязи между этими двумя событиями[3].

Не менее интересно и отношение Балицкого к другим деятелям и чекистам. Он стремился при случае демонстрировать родство с простыми «солдатами революции». Так, летом 1929 г. он вместе с начальником погранвойск УССР и начальником Особого отдела УВО Н. М. Быстрых и секретарем коллегии ГПУ УССР Я. В. Письменным во главе группы из 26 курсантов-пограничников осуществил пятисоткилометровый конный переход, в котором проверялись выносливость коней и умение всадников. 6 июля группа финишировала возле здания Киевского окружного отдела ГПУ на улице Розы Люксембург[4].

Весной 1926 г. в печати появилось сообщение о том, что по инициативе Аэрохима СССР будет организована воздушная экспедиция за границу. Украинское общество друзей авиации и химии живо откликнулось на этот почин. Была создана Всеукраинская комиссия по организации заграничных перелетов под председательством Балицкого. И вскоре перелет по маршруту «Москва – Тегеран – Москва» со-

---

[1] Архив УВД по Харьковской области. Коллекция документов. Приказ НКВД УССР № 279 от 9 июля 1936 г.

[2] Там же.

[3] Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). С. 121–122.

[4] Кузьмин Г. Э. «Динамо», которое вы не знаете // Киевские новости. 1992. № 33.

стоялся[1]. За участие в этом авиаперелете Всеволод Балицкий 24 сентября 1926 г. был награжден вторым орденом Красного Знамени[2].

26 апреля 1926 г. прошло собрание первого в Украине Харьковского пролетарского спортивного общества «Динамо». С этой даты, по мнению некоторых авторов, и берет свое официальное начало динамовская история знаменитого украинского клуба, хотя ее Устав и учредительные документы Балицкий окончательно утвердил лишь в октябре того же года[3].

5-го июня 1931 г. состоялось торжественное открытие в Харькове крупнейшего в то время 15-тысячного стадиона имени В. А. Балицкого. Это было роскошное по тем временам сооружение: стадион площадью 18 га имел основное и запасное футбольные поля, четыре теннисных корта, гандбольную, волейбольную и баскетбольную площадки, гимнастический городок, стрелковый тир, площадки для игры в скракли и крокет, вместительные душевые, физкультурный павильон со спортивными залами, кабинетами и специальной спортивной библиотекой. На праздник прибыло свыше 15 000 человек.

Об открытии праздника известили четыре фанфариста. Под звуки оркестра на стадионе промаршировали 5 000 динамовцев. Потом Всеволод Балицкий торжественно объявил об открытии стадиона и под звуки «Интернационала» был поднят флаг. После парада 500 красноармейцев полка ГПУ демонстрировали массовые упражнения, после чего состоялась футбольная встреча между динамовцами Москвы и Харькова. Со счетом 3:2 победили гости[4].

Кстати, еще два стадиона, которые носили имя В. А. Балицкого, открылись в трагическом для Украины 1933 г.: в июне в Киеве (ныне стадион «Динамо» имени В. В. Лобановского), а в сентябре – в Донбасе, в Горловке[5].

В 1931 г. в штате ГПУ УССР появился Секретно-политический отдел. Он был образован в соответствии с приказом Балицкого за № 92 от 4 апреля 1931 г. на базе Информационного и Секретного отделов «с целью объединения и усиления агентурно-оперативной работы по контрреволюционным элементам городского и сельского населения, разворачивающим свою деятельность, а также для улучшения использования материалов осведомления и данных, полу-

---

[1] Всесвіт. 1926. 15 марта. № 5 (28). С. 15.

[2] Кокурин А., Петров Н. ГПУ-ОГПУ (1922–1928) // Свободная мысль. 1998. № 7. С. 123.

[3] Грот Ю., Александрова Ю. «Динамо» рождалось в Харькове. Харьков, 1999. С. 10.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 29.

ченных вследствие оперативной работы»[1]. Первым начальником Секретно-политического отдела ГПУ УССР стал Генрих Люшков.

СПО входил в состав Секретно-оперативного управления и первоначально состоял из четырех отделений.

1-е отделение (антисоветские партии) решало задачи:

«а) Разоблачение, прорабатывание и учет антисоветского элемента на производстве, освещение политических настроений среди рабочего класса;

б) Насаждение агентур и изобличение и ликвидация террористических групп среди рабочей молодежи на промышленных предприятиях;

в) Агентурно-оперативное обслуживание всех учебных заведений и учреждений, которые обслуживают промышленность;

г) Разработка антисоветских политических партий и антипартийных организаций и группировок (троцкисты, анархисты, меньшевики, бундовцы, сионисты, децисты, грузинские меньшевики, дашнаки)».

2-е отделение (украинская контрреволюция) решало следующие задачи:

«а) Разработка антисоветских украинских партий (УПСР, УСДРП, УСФ, УКП, социалисты, самостийники, земледельцы, бывшие члены галичских политических партий);

б) Разработка украинской контрреволюционной общественности и эмигрантов из Галиции;

в) Разработка ВУАН, научных институтов Академии, научных объединений и организаций, связанных по работе с ВУАН;

г) Разработка наркомата образования со всеми его органами (Головнаука, Главлит, Головполитпросвещение, театральные объединения);

д) Разработка литературных объединений, издательств, прессы;

е) Разработка артистических и музыкальных кругов, кинообъединений, музеев и библиотек;

є) Разработка общеобразовательных вузов, украинской профессуры, украинского городского учительства, украинского Красного Креста».

Задачи 3-го отделения (сельская контрреволюция):

«а) Изобличение и ликвидация кулаческо-повстанческих контрреволюционных организаций и группировок, надзор за кулаческими семьями, семьями казненных и сосланных кулаков;

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 158.

б) Разоблачение и разработка контрреволюционных организаций и групп, которые в своей работе ориентируются на право-оппортунистический элемент на селе;

в) Разработка “третьей силы на селе” – бывших красных партизан;

г) Разоблачение контрреволюционных организаций среди сельской интеллигенции и молодежи (учителя, медицинские работники, агрономический персонал);

д) Разоблачение террористических организаций среди кулацкой молодежи;

е) Учет и оперативное реагирование на все антисоветские проявления на селе (массовые выступления, теракты, поджоги, листовки);

э) Освещение политических настроений среди всех прослоек крестьянства;

ж) Освещение и оперативное обслуживание всех политических и хозяйственных кампаний на селе;

з) Общее освещение и оперативное обслуживание Наркомзема УССР (кроме дел по вредительству), колхозцентра, совхозцентра, сельскохозяйственных коопераций, сельских кредитовых систем и других советских учреждений, которые могут быть использованы кулаческими идеологами и организациями – периферийных органов союзных и украинских сельскохозяйственных центров и коопераций, колхозов, совхозов, МТС, низового советского аппарата;

и) Общее освещение и оперативное обслуживание сельскохозяйственных вузов, техникумов, курсов (профессура, агрономическая интеллигенция и студенчество), сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов;

к) Разработка антисоветских политических партий и группировок, которые в своей основной массе опираются на село (правые и левые социалисты-революционеры, народные социалисты, трудовики, трудовая крестьянская партия (кондратьевцы), трудовая крестьянская партия (масловская “Крестьянская Россия”)».

4-е отделение (церковное):

«а) Разработка легально существующих церковных объединений (обновленцы, старо-славяне, украинские автокефалисты, грузинская церковь, армянская церковь, греческая церковь);

б) Разработка и разоблачение подпольных церковно-монархических контрреволюционных организаций и групп (ультра-православные подгорковцы, разные братства, странствующие монахи);

в) Разоблачение антисоветского элемента в церковных советах;

г) Агентурно-оперативная работа среди верующих и изобличение контрреволюционных элементов, группирующихся вокруг церкви;

д) Информационное освещение и агентурная разработка всех видов сектантства (евангелисты, баптисты, хлысты, скопцы);

е) Разработка еврейских религиозных объединений»[1].

Одновременно во всех оперативных секторах ГПУ УССР создавались секретно-политические отделения. В Харьковском, Днепропетровском, Киевском, Одесском и Полтавском оперсекторах ГПУ эти отделения поделили на четыре группы: рабочая, украинская контрреволюция, сельская, религиозно-монархическая. В других оперсекторах отделения состояли из трех групп, а работа по селу и «обслуживанию» украинской контрреволюции были объединены в одну группу.

14 апреля 1931 г. Всеволод Балицкий издал приказ «О реорганизации экономических органов ГПУ УССР», в котором отмечал: «Требования к органам ГПУ в области борьбы с контрреволюцией, вредительством, экономическим шпионажем и др. в народном хозяйстве чрезвычайно увеличились. Экономические органы, стоящие на важнейших позициях борьбы с контрреволюцией в народном хозяйстве, приобрели особое значение. Это обстоятельство требует уделить экономическим органам ГПУ особое внимание и создать обстановку, в которой четкость и своевременность выполнения возложенных на них заданий были бы обеспечены»[2].

Согласно этому приказу, Экономическое управление ГПУ УССР было реорганизовано. Теперь оно состояло из четырех основных отделений и одного специального.

1-е (промышленное) отделение контролировало все отрасли промышленности, проводило там борьбу с контрреволюцией и вредительством, экономическим шпионажем и «группировками и организациями, возникающими на этой базе.

2-е (сельскохозяйственное) отделение обслуживало сельскохозяйственные и советские органы, связанные с ними (Наркомзем, Кохозцентр, Тракторцентр, сельскохозяйственные предприятия по зерновым, техническим и другим культурам, по животноводству, сельскохозяйственные строительные организации и сельскохозяйственные научно-исследовательские учреждения). Вело борьбу с должностными преступлениями и политическими группировками, «растущими на этой базе и признающими вредительство как метод борьбы с советской властью».

---

[1] Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 159–161.

[2] Там же. С. 161.

3-е (торгово-кооперативное) отделение контролировало товарное обращение и пищевую промышленность, вело борьбу с контрреволюцией, экономическим шпионажем и «политическими организациями и группировками, которые принимают вредительство как средство борьбы с социалистическим хозяйством».

4-е отделение (финансы, наркоматы, частный капитал) обслуживало Наркомздрав, Наркомтруд и другие наркоматы, не попадающие под юрисдикцию первых трех отделений, боролось с контрреволюцией и должностными преступлениями, валютчиками, спекулянтами и фальшивомонетчиками, проводило агентурно-оперативную работу по частнокапиталистическому сектору.

5-е отделение (специально-техническое) занималось использованием «по специальности» осужденных специалистов.

В 1929 г. в Красной Армии началась большая «чистка» командного состава. В приказах ОГПУ СССР по этому вопросу особое внимание обращалось на освобождение из армии «чуждых элементов». Работниками особых органов в армии был разоблачен ряд контрреволюционных организаций и группировок среди младшего, среднего и даже старшего начальствующего состава. Лишь за два года (1929–1930) из РККА 16 695 военнослужащих, ликвидировано 594 «контрреволюционные организации и группировки», арестовано 2 603 лица. В первой половине 1930 г. особые отделы ОГПУ СССР арестовали 106 человек начальствующего состава, которые, как это отмечалось в приказе ОГПУ СССР № 251/119 от 9 августа 1930 г. «О борьбе с контрреволюцией и шпионажем в частях Красной Армии», возглавляли контрреволюционные группы и организации. Как свидетельствуют архивные материалы и документы, абсолютное большинство уголовных дел на арестованных военнослужащих было заведено на основании донесений тайных агентов и информаторов. Они не были подкреплены другими материалами и тщательно не проверялись[1].

Чистка частей Красной Армии в Украине была связана прежде всего с проведением коллективизации и массовыми депортациями населения, что вызывало недовольство красноармейцев – выходцев из крестьян. Только за три недели марта 1930 г. в 74 гарнизонах УВО особисты зафиксировали 1 724 отрицательных выступления против коллективизации, а из 5 500 красноармейских писем домой, просмотренных чекистами, лишь 1 005 содержали положительную информацию относительно политики режима. Такое инакомыслие в ар-

[1] Коровин В. В. История отечественных органов безопасности. М.: Норма-Инфа, 1998. С. 32–33.

мии было недопустимым и началось «очищение». Например, лишь за 10 суток – с 5 по 15 февраля 1930 г. – в частях УВО арестовано 105 «самих болтливых» красноармейцев. В тот же месяц в округе ликвидировано 19 антисоветских группировок, а в следующем – 10[1].

Для того чтобы обеспечить политическую стойкость армии при проведении раскулачивания, 2 февраля 1930 г. ОГПУ СССР разослало на места специальный циркуляр «Об арестах красноармейцев за связь с кулачеством и проведение антисоветской агитации»: «необходимо добиться... чтобы ни одного скрытого кулака в армии не осталось», «семьи, члены которых служат в армии, выселяться не будут», но это «совсем не означает, что выявление и быстрая чистка от кулацких элементов армии должна быть послаблена... Сначала нужно удалить члена семьи, а потом применять те или другие репрессивные методы относительно семьи»[2]. Дела красноармейцев, чьи семьи раскулачивались, направляли в Особое совещание, а дела военнослужащих войск ОГПУ – в Коллегию ОГПУ СССР. Особое внимание обращалось на фильтрацию красноармейских отрядов, которые присылались в село[3].

Балицкий старался как можно быстрее «очистить» УВО от подозрительных элементов, поэтому в своем приказе за № 39 от 14 февраля 1930 г. указывал, что «несмотря на большую важность очищения Рабоче-Крестьянской Красной Армии от... кулацких и антисоветских элементов, приобретающую особое значение в связи с операцией, проводящейся по кулачеству, наблюдаются случаи недостаточно внимательного и формального отношения некоторых местных органов ГПУ к этой работе.

В частности, со стороны ряда окружных отделов ГПУ отмечается недостаточно быстрое и исчерпывающее выполнения разнообразных запросов Особых органов по делам, связанных с чисткой армии.

Приказываю:

Запросы Особых органов о компрометирующих материалах на военнослужащих выполнять в срочном порядке, не допуская задержек.

Ответа на запросы Особых органов, связанных с делами, которые касаются чистки армии, давать с исчерпывающей полнотой, не ограничиваться формальными справками о наличии по учету данных, которые компрометируют.

---

[1] Гриневич Л. Військове будівництво в Радянській Україні (1917 – початок 30-х років XX ст.) // Історія українського війська (1917–1995). Львів, 1996. С. 284–285.

[2] Рассказов Л. П. ГПУ-ОГПУ-НКВД в механизме формирования и функционирования политической системы советского общества (1917–1941 гг.): автореф. дис. ...д. юр. наук. С. 28.

[3] Там же.

На лиц, виновных в задержке особых органов по делам, связанным с изъятием кулаческих элементов из армии, накладывать суровые дисциплинарные взыскания»[1].

14 июня 1930 г. полпред ОГПУ по Сибирскому краю и начальник Особого отдела Сибирского военного округа Л. М. Заковский прислал из Новосибирска в Конотопский окружной отдел ГПУ УССР шифрованную телеграмму. Речь шла о наличии на территории округа повстанческой организации во главе с кулаком Я. В. Шкорбатым. Организация якобы имела ячейки на Галайбинских хуторах и намечала выступление в ближайшие дни[2].

26 июня 1930 г. временно исполняющий дела начальника Конотопского окротдела ГПУ Л. Г. Мунвез рапортовал начальнику СО ГПУ УССР Г. С. Люшкову о раскрытой в селах и хуторах Борзнянского района «подпольной организации» из 50 человек и просил «в срочном порядке» дальнейших указаний[3]. С политической окраской и руководством заговорщиков другой конотопский чекист, Занченко, уже определился: «Во главе данной организации, по всей видимости стоит остаток неликвидированных участников СВУ в Киеве, осуществляя свое руководство через местного белого офицера Зарубу Кирилла»[4].

1 июля Г. С. Люшков вместе с начальником 2-го отделения Секретного отдела ГПУ УССР С. М. Долинским-Глазбергом направляют в Конотоп указание об оперативной разработке «контрреволюционеров»[5]. В тот же день Занченко, рассмотрев «агентурный материал об организации кулачества и антисоветского элемента, имеющих цель – борьбу с существующим строем», постановил начать агентурную разработку, дав ей кличку «Весна». Врид. дела начальника 1-го (секретного) отделения Гутман и врид. дела начальника окротдела ГПУ Феденюк с этим согласились[6].

Для расширения следствия в Конотоп был командирован старший уполномоченный Секретного отдела ГПУ УССР М. А. Каган, который уже 27 июля вместе с Феденюком утвердил план операции по

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 164–165.

[2] Документи з агентурної розробки і слідчої справи «Весна» Конотопського окружного відділу ДПУ, оперативно-слідчої групи ДПУ та Київського оперативного сектора ДПУ УСРР (1930–1931 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1. С. 153.

[3] Там же. С. 160–161.

[4] Там же. С. 158.

[5] Там же. С. 162–163.

[6] Там же. С. 164–165.

аресту лиц, подозреваемых в рамках агентурной разработки «Весна»[1]. Первые аресты прошли не совсем удачно: основной подозреваемый, Я. В. Шкорбат, вместе с сыновьями сумел уйти от группы захвата, возглавляемой Гутманом. Судьба этих людей, кстати, не установлена и поныне. Это исчезновение не смутило чекистов. 31 июля Феденюк и Каган закрыли агентурную разработку «Весна» и начали следствие по делу под тем же названием[2].

С первых допросов арестованных «подпольная организация» начала увеличиваться подобно надувному шарику. В нее чекисты зачисляли все новых и новых участников. А тут еще и председатель ОГПУ СССР В. Р. Менжинский в своем оперативном приказе от 9 августа 1930 г. напомнил подчиненным о необходимости усиления борьбы со шпионажем, контрреволюционными и антисоветскими проявлениями в РККА, отметив, что ряд «кулацко-белогвардейских и бандитско-повстанческих контрреволюционных организаций за последний период времени, стремившихся установить связи в Красной Армии в целях получения реальной поддержки и оружия в момент восстания», и часть «старых специалистов», стали на «путь прямого вредительства и контрреволюционной работы»[3].

В контексте этого приказа и стали разрабатывать сотрудники ГПУ УССР членов «конотопской организации», связывая их с бывшими царскими офицерами. Значительная роль в этом деле принадлежала Генриху Люшкову. В его аттестации отмечалось: «Личные выезды в районы, руководство агентурой, результативные допросы ряда крупных обвиняемых во многом способствовали развитию дела, причем т. Люшков сумел взять нужные темпы в работе»[4]. В конце концов получилась «Контрреволюционная организация “Левобережный штаб повстанческих войск освобождения Украины” (Борзненский центр). Обвинительное заключение по делу 14 января 1931 г. составил Г. С. Люшков, а утвердил И. М. Леплевский[5]. 17 января 1931 г. судебная тройка при Коллегии ГПУ УССР приговорила 12 руководителей этой организации к расстрелу[6].

---

[1] Там же. С. 165–167.

[2] Там же. С. 168–170.

[3] Советская военная контрразведка: Сб. док. М., 1998. Вып. 2. С. 230–232.

[4] ОГА СБУ. Киев. Д. 1310. Л. 9.

[5] Документи з агентурної розробки і слідчої справи «Весна» Конотопського окружного відділу ДПУ, оперативно-слідчої групи ДПУ та Київського оперативного сектора ДПУ УСРР (1930–1931 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1. С. 212–222.

[6] Там же. С. 224–225.

Одним из расстрелянных был уроженец Борзны бывший прапорщик Г. Т. Обмач, проживавший в Киеве. Уже 17 сентября 1930 г. на допросе, проведенном уполномоченным Секретного отдела ГПУ УССР Южным, он дал показания о связи «борзненского центра» с «киевской организацией», действующей еще с 1924 г.[1] Подобные показания дали и другие арестованные.

Остальное оказалось делом техники, тем более что у чекистов был очень достойный кандидат в руководители «киевской организации» – главный военрук гражданских вузов Киева В. А. Ольдерогге. Генерал-майор царской армии, вступивший добровольно в РККА в марте 1918 г., командующий армиями Восточного фронта в 1919 г., награжденный орденом Красного Знамени за разгром войск адмирала А. В. Колчака, агентурно разрабатывался чекистами с 1924 г. Начальник Киевского оперсектора ГПУ В. Т. Иванов и начальник особого отделения Киевского оперсектора ГПУ Г. Б. Загорский принялись за работу с новыми силами. О том, каким образом они и их подчиненные добивались признательных показаний от военспецов о киевском филиале «Всесоюзной военно-офицерской организации», последние позднее вспоминали так.

Бывший начальник боепитания артшколы Ф. Т. Пшеничный: «Не давали есть по трое суток, такое же количество суток меня заставляли стоять, как в строю по команде “смирно”, били морду, имитировали расстрел, подготавливали к повешению, подготавливали к битью шомполами, когда обессилел и не мог стоять, дали подпорки, но заставляли стоять, после чего сразу шесть следователей в конвейерной системе стали меня допрашивать»[2].

Бывший преподаватель института обмена и распределения А. Н. Козлов: «Меня били и очень сильно курсанты Киевской школы милиции, во время допросов держали по целым дням на стуле, доводя до полнейшего изнемогания и упадка сил, поддерживали одним лишь чаем, а если кто и засыпал на длительных допросах, то спать не давали и будили»[3]. На глазах А. Н. Козлова киевские чекисты выдергивали у арестованных священников из бороды по одной волосинке, причиняя тем боль и страдания.

---

[1] Документи з агентурної розробки і слідчої справи «Весна» Конотопського окружного відділу ДПУ, оперативно-слідчої групи ДПУ та Київського оперативного сектора ДПУ УСРР (1930–1931 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1. С. 186–188.

[2] Документи органів ОДПУ про перебування осіб, засуджених за справою «Весна», у Соловецькому та Усть-Вимському таборах (1931–1932 рр.) // Там же. 2002. № 2. С. 353–354.

[3] Там же. С. 354.

Другие осужденные говорили о том, что Василий Иванов применял к ним репрессивные меры, сажал на «стул пытки», держа их на этом стуле до 12 суток до тех пор, пока они не потеряют окончательного сознания от усталости и таким образом заставляли их сознаться в участии в контрреволюционной организации, ставившей своей целью свержение Советской власти[1].

За ходом следствия в Украине внимательно наблюдали в Москве и еще осенью 1930 г. В. Р. Менжинский проинформировал И. В. Сталина о вражеских кознях в РККА, в частности указывая: «Считаю необходимым представить Вам сообщение о подобной организации, открытой Украинским ГПУ, представляющей выдающийся интерес»[2].

Чтобы следствие протекало в нужном русле, В. Р. Менжинский направил в октябре 1930 г. В. А. Балицкому личное письмо. Он напомнил, что пришлось посылать на Украину начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ СССР А. Х. Артузова, начальника Транспортного отдела ОГПУ СССР Г. И. Благонравова и начальника Экономического управления ОГПУ СССР Г. Е. Прокофьева «для того, чтобы вывести ГПУ УССР из настроения благополучия и заставить его с опозданием на годы заняться наконец уничтожением контрреволюции, обеспечивая в то же время правильный ход мероприятий»[3]. Все это, по мнению председателя ОГПУ, говорило «о крайне ненормальном положении, особенно при теперешнем международном положении, когда темп в нашей работе является одним из главных условий борьбы против интервенции. Что здесь не случайная ошибка, а неправильная оценка политической ситуации, это видно из того, как было проведено сельскохозяйственное дело»[4].

Особенно жестко Вячеслав Менжинский критиковал Всеволода Балицкого за недостаточную борьбу с украинской контрреволюцией: «Неужели же даже вскрытие Вами военной организации не подсказало Вам, что разработка кулака на деревне, руководимого петлюровцами, при хорошем ведении дела приведет Вас к связи с Красной армией. Я не говорю уже о том, что это давало Вам в руки возможность открыть кучу перекрасившихся коммунистов, работающих на Польшу и Петлюру. Между тем, даже в Вашем старом докладе, против которого Вы в Москве так горячо выступали при отрицании

---

[1] Там же. С. 354.

[2] Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М.: Продюсорский центр Икс-хистори; Кучково поле, 2008. С. 388.

[3] Там же. С. 388.

[4] Там же. С. 388.

к[онтр]-революционной работы украинских шовинистов, Вы все же считали, что они стремятся использовать легальные возможности и овладеть командными высотами в советских учреждениях»[1].

Возмущался Менжинский и тем, что украинские контрреволюционеры пользуются «привилегиями» – отбывают наказание в Украине, в то время как их всех надо отправлять на Соловки, и даже после отбытия наказания они должны пребывать в ссылке в Сибири. Далее он писал: «Приветствуя Ваши намерения произвести массовые операции, должен сказать, что меня смущают следующие обстоятельства: 1) отсутствие, несмотря на все наши нажимы, польской работы... 2) у меня создается впечатление, что борьба с украинской контрреволюцией разных оттенков до сих пор сводилась к отдельным эффектным делам, а не носит систематического характера»[2]. Без излишней дипломатии Менжинский предупреждал Балицкого: «Скажу Вам прямо, что подобное отношение к делу раскрытия вредительских организаций я буду выжигать каленным железом»[3].

Председатель ГПУ УССР не замедлил с ответом и уверил, что сделает всё возможное для устранения недостатков, сообщил о «значительном развороте военно-повстанческой организации и больших успехах по этому делу»[4].

Спустя некоторое время Всеволода Балицкого вызвали для личного доклада в Москву и – одобрили его действия. Вместе с тем В. Р. Менжинский все время держит руку на пульсе следствия и буквально забрасывает ГПУ УССР руководящими директивами. 11 октября 1930 г. он позитивно оценивает начатые мероприятия по делу «Весна», но отмечает неудовлетворительную агентурную работу в РККА. Он приказывает изъять из армии «сомнительный комсостав», требует особое внимание к техническим частям и военно-учебным заведениям. Массовые аресты должны были использоваться и «для капитальной проверки, чистки и пополнения агентуры, особенно в Красной Армии»[5].

30 октября 1930 г. председатель ОГПУ СССР приказывает В. А. Балицкому направить подробные личные ориентировки по делу «Весна» во все полпредства ОГПУ, а последним развернуть проработку фигурантов дела и ежедневно отчитываться внеочередными

---

[1] Зданович А. А. Органы государственной безопасности и Красная Армия: деятельность органов ВЧК-ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). С. 672.

[2] Там же. С. 673.

[3] Там же. С. 390.

[4] Там же. С. 390.

[5] Там же. С. 388–389.

телеграммами. 6 ноября 1930 г. В. Р. Менжинский предписывает ГПУ УССР арестовать разрабатываемых по делу «Правобережной контрреволюционной организации» и обеспечить «максимально глубокое интенсивное следствие в расчете добиться выявления конкретных фактов активной польско-петлюровской работы»[1].

5 декабря 1930 г. заместитель председателя ОГПУ СССР Г. Г. Ягода и начальник Секретно-оперативного управления ОГПУ СССР Е. Г. Евдокимов разослали во все Полномочные представительства ОГПУ «Ориентировку по ликвидируемой ГПУ УССР шпионско-диверсионной повстанческой организации II отдела польского Главного штаба. Дело "Весна"». В ориентировке сообщалось, что ГПУ УССР раскрыта и в настоящее время ликвидируется крупнейшая всеукраинская организация, созданная поляками для подготовки всеукраинского вооруженного восстания. Организация, охватывавшая значительную часть территории бывших округов УССР (Винницкий, Днепропетровский, Запорожский, Каменец-Подольский, Киевский, Конотопский, Криворожский, Мариупольский, Могилев-Подольский, Нежинский, Полтавский, Прилуцкий, Роменский, Харьковский, Черкасский, Черниговский, Шепетовский), города – Харьков, Одессу, Киев, восстановила связи за пределами УССР (Северо-Кавказский край, Закавказье, Центрально-Черноземная и Западные области, Белоруссию, Москву и Ленинград). Конкретная работа шла по линии шпионажа, создания диверсионных ячеек и организации боевых повстанческих отрядов. На день издания приказа «арестовано непосредственных членов организации и по их связям до 3 400 человек»[2].

15 февраля 1931 г. В. А. Балицкий направил телеграмму И. В. Сталину с изложением показаний арестованного начальника 1-го отделения и помощника начальника штаба Украинского военного округа С. С. Ивановского о деятельности «харьковской военной контрреволюционной организации», готовившей захват Харькова, под непосредственным руководством «Московского центра»[3].

Малоисследованным остается вопрос о реакции высшего руководства РККА на арест военных специалистов. В своих воспоминаниях жена тогдашнего заместителя командующего войсками УВО И. Н. Дубового, Н. Д. Чередник-Дубовая, отмечает, что Балицкий

---

[1] Там же. С.389.

[2] Документи з агентурної розробки і слідчої справи «Весна» Конотопського окружного відділу ДПУ, оперативно-слідчої групи ДПУ та Київського оперативного сектора ДПУ УСРР (1930–1931 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 1. С. 208–209.

[3] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 262.

ознакомил Иону Якира и Ивана Дубового с показаниями некоторых арестованных, но те не поверили. Причем командующий УВО говорил жене своего заместителя: «Балицкий настаивает на своем. Выход один – ехать в Москву и просить разобраться во всем подробно и объективно... Большая драка будет с Балицким, большая!»[1]

30 декабря 1930 г. Якира и Дубового вызвали в Москву. Скорее всего поездка командующего войсками УВО и его заместителя в Москву была вызвана проверкой показаний на М. Н. Тухачевского. Это следует из заявления И. В. Сталина на Военном совете при наркоме обороны в июне 1937 г.: «Мы обратились к т. т. Дубовому, Якиру и Гамарнику. Правильно ли, что надо арестовать Тухачевского, как врага. Все трое сказали нет, это должно быть какое-нибудь недоразумение, неправильно... Мы очную ставку сделали и решили это дело зачеркнуть»[2].

Пытался И. Э. Якир спасти и начальника 1-го отделения и помощника начальника штаба УВО С. С. Ивановского. В обвинительном заключении, составленном начальником 7-го отделения Особого отдела УВО и ГПУ УССР М. С. Ямницким и начальником следгруппы и помощником начальника того же отдела В. П. Карелиным, предусматривалось расстрел заменить 10 годами тюрьмы. На этом документе В. А. Балицкий 3 мая 1931 г. написал: «Утверждаю. Ввиду искреннего раскаяния и настоятельной просьбы Комвойск УВО передать для использования (в тюрьме) на спецработе – 10 лет (десять) к[онц]л[агеря]»[3]. «Спецработа в тюрьме» предусматривала агентурное сотрудничество с ОГПУ. Таким образом, председатель ГПУ УССР «открытым текстом» сообщил своему начальству, а скорее всего напомнил, о заслугах С. С. Ивановского в помощи следствию.

Почти аналогичной была ситуация и с еще одним арестованным – помощником начальника штаба УВО С. Г. Бежановым – бывшим полковником генерального штаба, награжденным орденом Красного Знамени «за разгром банд» Бакича, Унгерна и Дитерихса. Правда, в обвинительном заключении предлагался просто расстрел. Но военный прокурор УВО поставил свою резолюцию – расстрел заменить

---

[1] Командарм Якир. Воспоминания друзей и соратников. М.: Воениздат, 1963. С. 109–110.

[2] Справка Комиссии Президиума ЦК КПСС «О проверке обвинений, предьявленных в 1937 году судебными и партийными органами тт. Тухачевскому, Якиру, Уборевичу и другим военным деятелям, в измене Родины, терроре и военном заговоре» // Военные архивы России. Вып. первый. М., 1993. С. 105.

[3] Документи ДПУ УСРР у справі «Харківської організації всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (Справа «Весна») (1930–1931 рр.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 2. С. 140.

заключением в концлагеря на 10 лет. 3 мая 1931 г. Балицкий утвердил документ, поддержал прокурора УВО и «ввиду искреннего раскаяния» Бежанова и «настоятельной просьбы» И. Э. Якира согласился с предложением прокурора УВО, а также передать Бежанова для использования в качестве «консультанта по спецвопросам»[1].

Отметим, что в отдельных ситуациях и без чьих-либо просьб Балицкий предлагал заменять расстрел 10 годами концлагерей. Так было с командиром 30-й Иркутской стрелковой дивизии П. П. Мясоедовым[2] и бывшим начальником штаба этой же дивизии М. М. Катанским[3].

Однако решение Балицкого и настоятельную просьбу Якира не учли и постановлением Коллегии ОГПУ СССР от 20 мая 1931 г. С. Г. Бежанова, С. С. Ивановского, М. М. Катанского и П. П. Мясоедова приговорили к расстрелу[4]. Такой суровый приговор, на наш взгляд, можно объяснить лишь желанием руководства ОГПУ СССР, подвергавшегося в ту пору мощной критике со стороны чекистов-оппозиционеров (о чем еще пойдет речь), «спрятать концы в воду» и избавиться от нежелательных свидетелей. Не зря начальник особого отдела Днепропетровского оперсектора ГПУ УССР Г.А.Клювгант-Гришин позднее хвастался: «Знает и Украина и Москва мою личную работу и моего аппарата в деле раскрытия военно-офицерской организации в частях 7 стрелкового корпуса и 30 дивизии. Я ведь был основным докладчиком в Москве. Сколько неприятностей я перенёс от Мессинга, Ольского и т. д, которые не верили в дело»[5].

Кроме того, установлено, что И. Э. Якир лично участвовал в допросах некоторых арестованных. Так в своей докладной записке от 27 января 1931 г. на имя В. Р. Менжинского В. А. Балицкий рапортовал, что «бывший комдив 44 (44-й стрелковой дивизии. – *Прим. авт.*) Штромбах на допросе в моем присутствии с участием т. Якира, а также на очной ставке с резидентом Разведки Чешского Генштаба Водседалеком, заявил, что наряду с передачей важнейших мобилизационных документов в его задачу входило открытие фронта про-

---

[1] Там же. С. 134.

[2] Документи ДПУ УСРР у справах Дніпропетровської та Полтавської регіональних військово-офіцерських контрреволюційних організацій» (Справа «Весна») (1931 рр.) // Там же. С. 184.

[3] Там же. С. 194.

[4] Документи ДПУ УСРР у справі «Харківської організації всесоюзної військово-офіцерської контрреволюційної організації» (Справа «Весна») (1930–1931 рр.) // Там же. С. 141.

[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 49732 ФП. Л. 107об.–108.

тивнику в момент начала интервенции»[1]. Заканчивалась докладная оптимистично: «Многочисленными показаниями ряда видных членов организации все больше устанавливается широкая работа, развернутая организация по Союзу (Ленинград, Москва, Ростов, Минск и др.). Следствие продолжается усиленным темпом. Наиболее интересные протоколы прилагаются»[2].

После вскрытия «военных контрреволюционных организаций» разными оперативными секторами ГПУ УССР основной упор был сделан на связи украинских заговорщиков с другими регионами СССР. Общее количество осужденных по делу «Весна» нуждается в дальнейшем уточнении как в союзном масштабе, так и по Украине. В июле 1931 г. начальник Учетно-статистического отдела ГПУ УССР Я. В. Письменный рапортовал, что всего через судебную «тройку» и Коллегию ОГПУ прошли 2 014 человек, в том числе 305 военнослужащих и 1 706 гражданских. Из арестованных военнослужащих: расстреляно – 27 человек; приговорены к расстрелу с заменой 10-ю годами заключения в концлагерь – 23 человека; приговорены к различным срокам заключения – 215 человек, к ссылке – 40 человек. Из арестованных гражданских лиц: расстреляно – 546 человек; приговорены к различным срокам заключения – 842 человека, к ссылке – 166; «осуждены к другим мерам социальной защиты» – 76, освобождено – 79 человек[3].

В другой справке ГПУ УССР (без даты) сообщалось об общих результатах уголовных дел на лиц, арестованных по делу «Весна». Всего рассмотрено дел на арестованных – 2 539; расстреляно – 561, приговорены к высшей мере наказания с заменой 10 годами заключения в концлагерь – 23, осуждено к различным срокам заключения с размещению в концлагерь – 1 162 человека (из них на срок до 10 лет – 462 человека, до 5 лет – 543, до 3 лет – 157), содержится в местах исправительно-трудовых учреждений – 39 человек, сослано – 380, ограничены в правах – 67, получили условный срок – 131, освобождены – 176 человек[4].

Как видим, эти два документа немного противоречат друг другу. Кроме того, сотрудниками Отраслевого государственного архива

---

[1] Доповідні записки органів ДПУ УСРР по справі «Весна» та нормативно-розпорядчі документи ОДПУ щодо посилення боротьби з «контрреволюцією в РСЧА та за її межами (1931 р.) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2002. № 2. С. 239–241.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 309.

[4] Там же. С. 314–315.

СБУ во время подготовки публикаций документов по делу «Весна» было выявлено значительно большее количество арестованных по этому делу, чем отображено в сводках ГПУ УССР.

За успешное проведение следствия по делу «Весна» ряд сотрудников ГПУ УССР получили высшие ведомственные награды – знак почетного работника ВЧК-ГПУ (V): М. А. Каган – начальник отделения Секретно-политического отдела ГПУ УССР, В. П. Карелин – помощник начальника ОО УВО и ГПУ УССР, Г. А. Клювгант-Гришин – начальник ОО Днепропетровского оперсектора ГПУ, А. Ф. Ковгаров – помощник начальника ОО 14 стрелкового корпуса; Н. Ш. Новаковский – начальник 4 отделения ОО УВО и ГПУ УССР, Э. М. Правдин – уполномоченный ОО УВО и ГПУ УССР, Я. Д. Южный – старший уполномоченный СПО ГПУ УССР. Всеволод Балицкий отмечал, что оперативные успехи в разоблачении «военно-офицерской организации» были достигнуты благодаря «исключительной энергии, четкости в оперативном руководстве и непосредственном участии в практической работе со стороны тов. Леплевского»[1].

Председатель ОГПУ СССР Вячеслав Менжинский был чрезвычайно больным человеком, отсутствовал на работе по нескольку месяцев и во всем прислушивался к своему первому заместителю Генриху Ягоде. Такая ситуация не устраивала многих заслуженных чекистов. Внутри центрального аппарата ОГПУ СССР постоянно велась извне незаметная, но довольно жестокая борьба за власть. Об этом Артузов упоминал как о «томительном периоде политической борьбы в коллегии ОГПУ за руководство, борьбы, полной недостойных приемов, выдвижении и задвижении людей, захвате важных (ведущих) отделов»[2].

Еще в октябре 1929 г. из ОГПУ был уволен заместитель Менжинского М. А. Трилисер, боровшийся против «правого уклона»

---

[1] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 1309. Л. 17. Пройдет 7 лет, и арестованный начальник Управления мест заключения НКВД капитан госбезопасности Н. Ш. Новаковский расскажет на допросе следователю – лейтенанту госбезопасности С. Ф. Кожевникову, что Н. И. Добродицкий и В. П. Карелин «дали установку аппарату не заниматься контрразведывательной работой внутри СССР, а ограничиться лишь пограничными районами. Вследствие этого в 1928–1931 гг. не было разоблачено ни одно серьезное шпионское дело, за исключением дела Штромбаха, следствие по которому было свернуто и его шпионские связи не были задеты» (ОГА СБУ. Киев. Д. 72106 ФП. Л. 26). Арестованный 18 марта 1931 г. командир-комиссар 44-й стрелковой дивизии Я. А. Штромбах, бывший лейтенант Австро-Венгерской армии, чех по национальности, кавалер ордена Красного Знамени, был осужден постановлением Коллегии ОГПУ СССР 20 мая 1931 г. (ОГА СБУ. Чернигов. Д. 10064. Т. 2. Л. 10.)

[2] Гладков Т. К. Награда за верность – казнь. М.: Центрполиграф, 2000. С. 501.

и призывавший к широкой самокритике во всем, что происходило на Лубянке, включая даже оперативные вопросы[1]. Трилисера заменил полпред ОГПУ по Ленинградскому военному округу С. А. Мессинг. В его партийной характеристике, между прочим, отмечался «недостаток идейности, которая обозначается как в его работе, так и в личной жизни», «отсутствие надлежащих товарищеских взаимоотношений с рабочими-коммунистами», «неумение признавать свои ошибки»[2]. Он не сумел сработаться с Менжинским и Ягодой, однако заручился поддержкой Е. Г. Евдокимова, начальника Особого отдела ОГПУ СССР Я. К. Ольского, полпреда ОГПУ по Московской области Л. Н. Бельского. Распри продолжились.

В 1931 г. чекисты-оппозиционеры выступили с резкой критикой операции «Весна», называли дело «дутым» и высказывали недоверие к свидетельствам арестованных военных специалистов. В. Р. Менжинский и Г. Г. Ягода смогли представить это дело как «групповую борьбу» против руководства ОГПУ.

В своих мемуарах ветеран советской госбезопасности М. П. Шрейдер, ссылаясь на разговор с Л. Н. Бельским, утверждает, что заявление оппозиционеров-чекистов рассматривали на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Сталин, выслушав аргументы сторон, заявил, что чекисты, которые выступают против председателя ОГПУ, склочники и не способны надлежащим образом проводить борьбу с вредителями[3].

25 июля 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О ГПУ» (докладчик т. Сталин) и назначило заместителями председателя ОГПУ: первым – И. А. Акулова, освободив его от должности заместителя наркома РКИ; вторым – Г. Г. Ягоду; третьим – В. А. Балицкого, освободив его от обязанностей полномочного представителя ОГПУ в Украине и председателя ГПУ УССР[4]. В тот же день И. В. Сталин подписал директивное письмо, адресованное секретарям ЦК ВКП(б) республик, краевых и областных обкомов партии с поручением дать разъяснения узкому активу работников ОГПУ о причинах последних изменений в руководящем составе ОГПУ.

Дальше объяснялось, что «т. т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом Отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника Секретно-Оперативно-

---

[1] Кокурин А. И., Петров Н. В. ОГПУ (1929–1934) // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 95; Гладков Т. К. Награда за верность – казнь. С. 345–347.

[2] Бережков В. И. Питерские прокураторы. Руководители ВЧК-МГБ. 1918–1954. СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 1998. С. 123.

[3] Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 14.

[4] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 275.

го Управления с направлением его в Туркестан на должность ПП (полномочного представителя. – *Прим. авт.*) на том основании, что: а) эти товарищи вели внутри ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди сотрудников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является "дутым" делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ.

2. Тов. Акулов переведен на должность 1-го заместителя пред. ОГПУ, т. Балицкий на должность 3-го заместителя пред. ОГПУ, а тов. Булатов назначен заведующим отделом кадров ОГПУ для того, чтобы укрепить ОГПУ партийно-политически и поднять на соответствующую высоту дело формирования, обучения и распределения кадров ОГПУ.

3. ЦК отметает подобные разговоры и шушуканье о «внутренней слабости» органов ОГПУ и «неправильности» линии их практической работы как слухи, идущие, без сомнений, из враждебного лагеря, и подхваченные по глупости некоторыми горе-коммунистами»[1].

Интересную трактовку событий дал на допросах в 1939 г. арестованный Станислав Реденс: «В 1931 г. при проведении следствия по делу "Весны" и "Промпартии" Ольский вместе с Евдокимовым, Мессингом и Воронцовым стали требовать от арестованных отказа от своих показаний и некоторых из них били. Так, Евдокимов бил руководителя террористической группы "Промпартии" Предтеченского и требовал от него отказа от своих показаний по террору. От группы военных заговорщиков требовали отказа от своих показаний относительно Тухачевского. Тоже они делали и по ряду других дел... ЦК ВКП(б) узнало про подозрительный характер следствия по делу "Весна" и "Промпартия", сняло с работы в ОГПУ Ольского, Мессинга и Воронцова и откомандировало их на хозяйственную работу»[2].

Но новое назначение Всеволода Балицкого состоялось. Кажется, он начал обретать для работы те масштабы, о которых втайне давно мечтал. А в Украине ему устроили громкие проводы. На прощание 27 июля 1931 г. наградили орденом Трудового Красного Знамени УССР. 3 августа он присутствовал на заседании Политбюро ЦК КП(б)У, где утверждался новый состав Коллегии ГПУ УССР: С. Ф. Реденс – председатель, К. М. Карлсон – заместитель пред-

---

[1] Кокурин А., Петров Н. ОГПУ (1929–1934) // Свободная мысль. 1998. № 7.

[2] Золотарьов В. Свояк Сталіна (сторінки біографії комісара держбезпеки 1 рангу Станіслава Реденса) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД- КГБ. 2004. № 1/2. С. 242.

седателя, Ф. А. Леонюк – начальник Секретно-оперативного управления, С. С. Мазо – начальник Экономического управления, Н. С. Бачинский – начальник Административно-организационного управления, А. А. Емельянов – начальник Управления пограничной охраны[1].

Еще через два дня Балицкий выпустил последний свой приказ за № 191 от 5 августа 1931 г., где обратился к подчиненным, для них его отъезд стал большой неожиданностью[2]. Он подчеркивал, что Украина является плацдармом, на котором классовый враг при поддержке международной буржуазии старается покачнуть мощь Советского Союза; отмечал блестящую работу ГПУ и милиции; выражал благодарность всем сотрудникам и заявлял: «Я никогда не забуду тот опыт политической и чекистской работы, которые я здесь получил, и в своей дальнейшей работе буду стараться перенести свой опыт в новую свою работу»[3].

По поводу нового назначения Всеволода Балицкого 28 августа 1931 г. председатель ОГПУ В. Р. Менжинский издал специальный приказ с обращением к сотрудникам ГПУ УССР, где отмечал, что «12-ть лет бессменно тов. Балицкий стоял во главе органов и войск ОГПУ на Украине, будучи их руководителем, организатором и воспитателем. Огромны, неисчислимы успехи и победы органов и войск ОГПУ на Украине за все время существования Советской власти. Прекрасные, героические страницы вписали в историю ВЧК-ОГПУ украинские чекисты под правильным политическим и оперативным руководством Всеволода Апполоновича. Сложные и хитрые происки и козни наших классовых врагов всегда неизменно, умело и своевременно вскрывались четким аппаратом органов, разбиваясь о гранит чекистской закалки, партийной преданности и классовой выдержки чекистов Украины. Стойкий, боевой и преданный генеральной линии партии и рабочего класса чекистский отряд вырастил тов. Балицкий, воспитал его в духе большевистской партийности и лучших партийных традиций»[4].

Политбюро ЦК ВКП(б) в своем постановлении от 5 августа 1931 г. отметило: «Воспретить т. т. Евдокимову, Реденсу, Балицкому и др. ответственным работникам ОГПУ, передвигаемым с места на место, брать с собой кого бы то ни было из близких им работников тех обла-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 205. Л. 146.

[2] Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 93.

[3] Там же. Л. 93.

[4] Архив ГУМВД Харьковской области, коллекция документов, приказ ОГПУ СССР № 487 от 28. 08. 1931.

стей и районов, откуда их переводят»[1]. Тем не менее на Лубянке высадился украинский десант: Н. М. Быстрых был назначен начальником Главного управления пограничной охраны и ВОГПУ СССР; И. М. Леплевский – вначале заместителем начальника, а затем и начальником Особого отдела ОГПУ СССР[2]; Г. С. Люшков стал начальником 2-го отделения и помощником начальника Секретно-политического отдела ОГПУ СССР; Я. В. Письменный – начальником Отдела центральной регистрации ОГПУ СССР; учившийся в институте красной профессуры М. К. Александровский – начальником отделения Особого отдела ОГПУ СССР; Н. Л. Рубинштейн – заместителем начальника Отдела кадров ОГПУ СССР.

По словам секретаря Секретно-оперативного управления ГПУ УССР Э. А. Инсарова, Леплевский сообщил, что «Балицкий предложил ему подобрать группу человек в 40 чекистов для того, чтобы забрать их в аппарат ОГПУ СССР»[3]. В 1931–1932 гг. в центральный аппарат ОГПУ были назначены: А. Я. Герцовский – старшим инспектором отдела центральной регистрации; С. А. Громов-Шмеркин – старшим уполномоченным ОО; А. И. Евгеньев – оперуполномоченным при 3-м зампреде ОГПУ; Э. А. Инсаров – старшим уполномоченным ОО; М. А. Каган – оперативным секретарем СПО; Э. М. Колтунов-Правдин – уполномоченным ОО; Я. Б. Лоев – помощником начальника отделения ЭКУ; А. И. Мазуренко – сотрудником для поручений при 3-м зампреде ОГПУ; П. А. Судоплатов (с должности заведующего культурно-воспитательной частью трудкоммуны ГПУ УССР) – инспектором ОК; Б. В. Рогачев – секретарем ОО; З. М. Ушаков – помощником начальника 1-го отделения ОО; Я. Д. Южный – старшим уполномоченным ОО.

Выехали с Украины на тогдашнюю союзную периферию и некоторые руководящие сотрудники: Н. С. Бачинский – заместителем полпреда ОГПУ по Центральной-Черноземной области; И. М. Блат – полпредом ОГПУ по Западной области; А. Г. Грозный – заместителем полпреда ОГПУ по Восточно-Сибирскому краю в Иркутске; Н. И. Добродицкий – заместителем полпреда ОГПУ по Северо-Кавказскому краю; В. Т. Иванов – полпредом ОГПУ по Ивановской промышленной области; М. Н. Иодко – начальником Тагильского

---

[1] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 276.

[2] По мнению некоторых исследователей, это назначение лично инициировал Г. Г. Ягода, отметив успехи Леплевского в деле «Весна». (См.: Мерзляков В. КРО ОГПУ: люди и судьбы двадцатых // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М., 2000. С. 250.)

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 67032 ФП. Л. 350.

оперсектора ОГПУ; Л. И. Леонов-Немировский – начальником ЭКО ПП ОГПУ по Нижегородскому краю; В. И. Окруй – начальником Восточно-Казахского облотдела ГПУ; М. А. Панов-Бройде – начальником ИНО ПП ОГПУ по Средней Азии; Д. Я. Патрушев – начальником Острогожского оперсектора ОГПУ; М. К. Ромейко – начальником Западно-Казахского облотдела ГПУ; Е. Д. Элькин – управляющим делами ПП ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

Расставляя кадры, Всеволод Балицкий укреплял свои позиции. Казалось, он прибыл в Москву «всерьез и надолго». Но произошло совсем не так, как думалось многим. Среди вновь назначенных был, как мы видели, не только Балицкий. Например, появление Ивана Акулова на должности 1-го зампреда ОГПУ многие на Лубянке не восприняли. В ОГПУ работали профессиональные чекисты, которые оберегали свою корпоративность и кастовость.

А кем был для них Акулов? Тривиальным партийным функционером. Чему мог научить профессионалов этот дилетант? Разве лишь одному – еще больше любить партию. Позднее Акулов говорил, что «партийная работа, политическая работа, которая проводилась в органах НКВД, Ягоду почти совершенно не интересовала. Я ни в одном учреждении, ни у одного руководящего работника не встречал такой ведомственности и исключительности, какая была присуща Ягоде. Ягода воспитывал этот дух ведомственности, исключительности и корпоративности, и многие работники, занимавшие немалые места в аппарате, следовали за ним. Сознание того, что чекисты – прежде всего большевики, что это вооруженный отряд партии, отряд, поставленный на один из ответственнейших участков нашей работы, сознание, что чекисты – прежде всего члены партии, это сознание аппарату не прививалось»[1].

Иван Акулов взялся «поднимать» партийную работу в ОГПУ. В своих воспоминаниях М. П. Шрейдер писал по этому поводу: «На некоторое время Ягода был отодвинут на второй план, и Акулову удалось в короткий промежуток времени повысить роль партийных организаций в органах, в частности им были организованы Курсы высшего руководящего состава ОГПУ (КВРС), и вообще он всячески популяризировал идею Дзержинского о том, что только настоящий коммунист может быть хорошим чекистом. Однако чувствовалось, что Ягода, претендовавший на роль первого зампреда (а фактически, если учитывать тяжелую болезнь Менжинского, и на роль председателя ОГПУ), был крайне недоволен назначением Акулова, и вокруг

[1] Акулов И. А. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 15.

последнего вскоре начались закулисные интриги. Мы, разумеется, не знали всех подробностей, но явно ощущали эту скрытую борьбу между ягодинцами и группой большевика-ленинца Акулова; борьбу, из которой Ягода в конце концов вышел победителем»[1].

Не удивительно, что, по словам сотрудника Иностранного отдела В. Г. Кривицкого, центральный аппарат ОГПУ «встретил Акулова в штыки»[2]. Единственным из крупных лубянских чекистов, кто помогал новому 1-му зампреду и «откровенничал» с ним, был начальник Иностранного отдела ОГПУ СССР А. Х. Артузов[3]. Этот организатор захвата Бориса Савинкова и Сиднея Рейли после провала заключительного этапа операции «Трест» в конце 1927 г. был смещен с должности начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ и находился в опале у руководства. К тому же у него сложились довольно прохладные отношения с Генрихом Ягодой, и потому его ориентация на Акулова целиком понятна.

Поведение Артузова вызвала острую реакцию со стороны других старожилов Лубянки, о чем он позднее сам писал Сталину: «Я приветствовал назначение и направление ЦК на работу в ОГПУ Акулова. А Слуцкий (секретарь парткома) изобразил это перед Ягодой как подхалимство перед “чужим” зампредом. Как следствие этого меня прекратили замечать, не вызывали на совещания, третировали. В. Р. Менжинский меня не поддерживал»[4].

Итак, с первого дня его появления в ОГПУ Генрих Ягода делал все возможное, чтобы усложнить работу первого заместителя и подключил к этому всех своих сторонников из числа руководящих сотрудников. На кого же мог опираться Акулов? С кем советоваться? По нашему мнению, такой опорой был Балицкий. Во-первых, они вместе работали в Украине и неплохо знали друг друга. Во-вторых, Балицкий издавна не ладил с Ягодой. Впрочем, особого выбора у Балицкого-то и не было – Лубянка его не ждала.

По словам Якова Письменного, перевод председателя ГПУ УССР в Москву был неожиданным и часть новоиспеченных москвичей стали «принимать посильное участие в той борьбе, которая велась между Балицким и Акуловым, с одной стороны, и Менжинским и Ягодой, с другой стороны. Это был период нарастания недовольства Балицкого отношением к нему со стороны руководства партии. Он был недоволен своим положением третьего заместителя пред-

---

[1] Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста. М.: Возвращение, 1995. С. 15.

[2] В. Кривицкий. Я был агентом Сталина. М.: Современник, 1996. С. 139.

[3] Гладков Т. П. Награда за верность – казнь. С. 522.

[4] Там же. С. 501–502.

седателя ОГПУ, он считал, что должен занимать более крупное, самостоятельное положение. Он опасался безрезультативности своей борьбы, так как считал Акулова мягким и нерешительным, особенно в сложных условиях московского аппарата, и потому счел его неподходящим для себя партнером»[1].

О «драке» между В. А. Балицким, Г. Г. Ягодой и Я. С. Аграновым (переведенным с поста начальника Секретно-политического отдела ОГПУ СССР полпредом ОГПУ по Московской области) вспомнил в своем выступлении на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. и Н. И. Ежов[2].

Работа Всеволода Балицкого в должности третьего заместителя председателя ОГПУ нуждается в дальнейшем изучении. Например, пока что не удалось определить круг его должностных обязанностей, выяснить, чем именно он занимался. Исходя из того, что Балицкий награждал сотрудников Иностранного отдела ОГПУ СССР[3], можно предположить, что он был куратором советской разведки. В пользу этой версии говорят и направленные им записки на имя И. В. Сталина с приложением перехваченных японских дипломатических и военных документов[4].

23 сентября 1931 г. в Москве сотрудниками ОО ОГПУ СССР были задержаны прибывшие из-за рубежа террористы РОВС – штабс-капитан А. А. Потехин и Д. Ф. Потто, через некоторое время задержали еще одного члена РОВС – князя Лобанова-Ростовского[5]. 8 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав сообщение В. А. Балицкого о белогвардейцах-террористах, поручило решить этот вопрос комиссии в составе Сталина, Молотова, Ворошилова, Крыленко, Крестинского и Балицкого[6].

В этот период Всеволод Балицкий довольно часто встречался со Сталиным. В журнале посетителей кабинета генсека зарегистрированы его визиты. Как заместитель председателя ОГПУ Балицкий довольно часто направлял Сталину наиболее значимые, с точки зрения чекистов, документы. Так, например, 30 мая 1932 г. он сообщал о рас-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 93.

[2] Ежов Н. И. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 19.

[3] Снегирев В. Другая жизнь Дмитрия Быстролетова // КГБ открывает тайны. М.: Патриот, 1992. С. 15–16.

[4] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 291, 298.

[5] Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 348–349.

[6] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. С. 310.

крытой Особым отделом ЛВО контрреволюционной группировке на линкоре «Марат»[1], а 11 октября 1932 г. направил изъятые при обыске у Х. Г. Раковского работы «Назад к партийной программе, Советской конституции, к ленинизму», «Новый этап социальной дифференциации и классовой борьбы в СССР», «Два слова о внутрифракционных спорах»[2].

21 августа 1932 г. в деревне Головино под Москвой 15 человек создали «Союз марксистов-ленинцев», который возглавил бывший секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) столицы, а потом исключенный из партии Мартемьян Никитич Рютин. В принятом обращении «Ко всем членам ВКП(б)» давалась разгромная критика существующего режима и подчеркивалась необходимость отстранения И. В. Сталина от власти. В манифесте, в частности, говорилось: «Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис... Ложью и клеветой, расстрелами и арестами... всеми способами и средствами они будут защищать свое господство в партии и стране, ибо они смотрят на них, как на свою вотчину»[3]. В манифесте подчеркивалось, что авантюристические темпы индустриализации означают обнищание рабочих, коллективизация проводится с помощью насилия и террора, раскулачивание направлено главным образом против середняцких и бедняцких масс, а экспроприация деревни привела страну «к глубачайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревне, так и в городах...»[4]

14 сентября 1932 г. в ЦК ВКП(б) поступило заявление членов партии Н. К. Кузьмина и Н. А. Стороженко, где сообщалось, что они получили для ознакомления манифест «Ко всем членам ВКП(б)», текст которого прилагался. Уже на следующий день ОГПУ арестовало большую группу членов «Союза марксистов-ленинцев»[5], а 22 сентября в Ессентуках забрали автора обращения М. Н. Рютина. Общее руководство следствием было поручено В. А. Балицкому. Именно он 24 сентября 1932 г. провел первый допрос Мартемьяна Рютина, заявившего о том, что «решил бороться против Сталина еще в мае 1928 г.»[6]

---

[1] Там же. С. 311.

[2] Там же. С. 326.

[3] Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов / под ред. А. Н. Яковлева. С. 94–95.

[4] Там же. С. 94.

[5] Там же. С. 95.

[6] Старков Б. А. Дело Рютина // Они не молчали. М.: Политиздат, 1991. С. 166–167.

27 сентября 1932 г. состоялось внеочередное заседание Президиума ЦКК ВКП(б), ход которого отражен в протоколе:

«**ПРИСУТСТВУЮТ:** Рудзутак, Енукидзе, Шкирятов, Ильин, Кривов, Ройзенман, Ульянова, Криницкий, Горгаев, Беленький, Арнштам, Петерс, Догидов, Антипов, Сахарова, Анцелович, Сольц, Ярославский. Члены ЦКК: Дирин, Мальцев, Стасова, Балицкий, Рыскин. От ОГПУ: Молчанов.

СЛУШАЛИ: О контрреволюционной группе Рютина, Галкина и др.

ПОСТАНОВИЛИ: Исключить из членов партии... ЦКК предлагает ОГПУ выявить еще не раскрытых члены группы Рютина, выявить закулисных вдохновителей этой группы и отнестись к ним как к белогвардейским преступникам, которые не желают раскаяться до конца и сообщить всю правду о группе и ее вдохновителях, со всей суровостью революционных законов...»[1].

На допросе 28 сентября Рютин признал: «Никакие вдохновители за мной не стояли и не стоят. Я сам был вдохновителем организации, я возглавил ее. Я один полностью писал и платформу и обращение»[2]. Этот допрос проводил начальник СПО ОГПУ СССР Г. А. Молчанов[3].

11 октября 1932 г. Коллегия ОГПУ в составе В. Р. Менжинского, Г. Г. Ягоды и В. А. Балицкого в присутствии помощника прокурора по ОГПУ Пруса рассмотрела дело «Союза марксистов-ленинцев». Рютину вынесли смертный приговор[4].

Это был первый случай, когда к смертной казни присудили известного большевика. И. В. Сталин на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) поставил вопрос о применении к М. Н. Рютину смертной казни. Против этого выступило большинство его членов во главе с С. М. Кировым. Дескать, нельзя расстреливать большевика лишь за другие взгляды. Жизнь Рютину оставили. За «другие взгляды» он получил 10 лет. Против этого приговора уже никто не возражал[5].

В 1931–1932 гг. Всеволод Балицкий принимал участие и в судебных заседаниях Коллегии ОГПУ СССР. Напомним, что право «вне-

---

[1] Ваксберг А. Как живой с живыми // Реабилитированы посмертно. М.: Юридическая литература, 1989. Вып. 1. С. 34.

[2] Старков Б. А. Дело Рютина // Они не молчали. С. 167.

[3] Пройдет несколько лет и на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) станет вопрос о том, кто именно выдвинул Г. А. Молчанова на должность начальника Секретно-политического отдела ОГПУ СССР. Выяснится, что решение о его назначении единодушно было принято на совещании при участии Менжинского, Акулова, Ягоды и Балицкого. (Акулов И. А. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 15–16.)

[4] Старков Б. А. Дело Рютина // Они не молчали. С. 169.

[5] Там же. С. 170–171.

судебной расправы» было предоставлено сразу после образования ВЧК. И с самого начала это право осуществлялось коллективным органом – Коллегией (Президиумом) ВЧК в Москве и коллегиями губернских ЧК на местах. Коллегии ВЧК, ВУЧК и губернские ЧК проводили специальные судебные заседания и выносили приговоры – от самых незначительных и вплоть до расстрелов. В ОГПУ СССР выносить приговоры должна была Коллегия и – с 1924 г. – Особое совещание (ОСО) при Коллегии ОГПУ. Но выносить смертные приговоры могла лишь Коллегия.

На заседаниях Коллегии ОГПУ СССР рассматривались дела, проведенные не только центральным аппаратом, но и полномочными представительствами (ПП) ОГПУ СССР. При этом следствие велось на местах, в Москву, за редким исключением, арестованных не этапировали, а присылали лишь следственные дела с предложениями о мере наказания. В Москве дело рассматривалось в отделах центрального аппарата ОГПУ. Дальше с рекомендацией отдела оно направлялось на заседание Коллегии для вынесения окончательного решения или отсылалось назад в ПП ОГПУ (с рекомендацией о доследовании, прекращении, передаче дела в суд или прокуратуру). На Коллегию ОГПУ (как и на ОСО) ни обвиняемые, ни свидетели, ни представители защиты не вызывались.

Заседания Коллегии формально делились на распорядительные и судебные, но сводились к ознакомлению с заранее подготовленными протоколами, краткому их обсуждению и подписанию. За несколько часов заседания выносилось 30–50, а иногда и больше приговоров. В судебных заседаниях принимала участие не вся Коллегия, а специально выделенная для этого группа ее членов – как правило, не больше трех человек. Руководили судебными заседаниями Коллегии ОГПУ СССР в 1926–1934 гг. В. Р. Менжинский или Г. Г. Ягода. В 1920 – начале 1930-х гг. Коллегия ОГПУ СССР была основным органом, который «осуждал» к расстрелу по политическим делам. Например, в 1926 г. Коллегия приговорила к расстрелу 517 лиц, в 1927 г. – 779, в 1928 г. – 440, в 1929 г. – 1383, в 1930 – 1229[1].

Осенью 1932 г. Всеволод Балицкий был назначен председателем Мобилизационного совещания при Коллегии ОГПУ СССР, членами которого были: начальник отдела кадров Д. А. Булатов, начальник Мобилизационного отдела А. Г. Лепин, начальник Особого отдела И. М. Леплевский, начальник Главного управления пограничной охраны и ВОГПУ Н. М. Быстрых, начальник Транспортного отдела

[1] Расстрельные списки. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995. С. 280–281.

Т. А. Прохоров и начальник главной инспекции милиции и уголовного розыска Д. В. Усов[1].

15 ноября 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О паспортной системе и разгрузке городов от лишних элементов», в котором отмечалось, что с целью «разгрузки Москвы и Ленинграда и других больших городских центров СССР от лишних, не связанных с производством и учреждениями, а также от кулацких, уголовных и других антиобщественных элементов, которые укрываются в городах, счесть необходимым:

1) Ввести единую паспортную систему по СССР с отличием всех других видов удостоверений...

2) Организовать в первую очередь в Москве и Ленинграде аппарат учета и регистрации населения, регулирование выезда и въезда.

3) Для изготовления конкретных мероприятий как законодательного, так и организационно-практического характера, составить комиссию в составе тт. Балицкий (председатель), Агранов (полпред ОГПУ по Московской области. – *Прим. авт.*), Усов, Кадацкий (председатель исполкома Ленинградского совета. – *Прим. авт.*), Медведь (полпред ОГПУ по Ленинградскому военному округу. – *Прим. авт.*), Реденс (председатель ГПУ УССР. – *Прим. авт.*), Кузоятов (Харьков), Акулов (секретарь ЦК КП(б)У по Донбассу. – *Прим. авт.*), Гроссман (начальник Донецкого облотдела ГПУ. – *Прим. авт.*), Ананченко (член бюджетной комиссии ЦИК СССР от УССР. – *Прим. авт.*), Якимович (начальник административно-финансового сектора и член Коллегии Наркомзема – *прим. авт.*).

23 ноября 1932 г. Балицкий направил И. В. Сталину письмо с проектами постановлений ЦИК и СНК СССР:

1) О внедрении единой паспортной системы в городах Союза СССР.

2) О системе учета и регистрации населения Союза ССР.

3) Инструкцию СНК «Об учете и регистрации населения (прописку), регулирование выезда и въезда в города Москва, Ленинград, Харьков»[2].

Эти проекты вскоре вступят в силу: 27 декабря 1932 г. будет принято соответствующее общее постановление ЦИК и Совнаркома СССР.

Но введением паспортной системы Всеволоду Балицкому пришлось заниматься недолго.

---

[1] Кокурин А. И., Петров Н. В. ОГПУ (1929–1934) // Свободная мысль. 1998. № 8. С. 106.

[2] Изменение паспортной системы носят принципиально важный характер // Источник. 1997. № 6. С. 104–105.

ГЛАВА 4

ГОЛОД, ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОР, ЭТНИЧЕСКИЕ ЧИСТКИ (1932–1935)

Большевистская коллективизация и попытка любой ценой забрать у крестьян зерно толкали страну в бездну. Продразверстка урожая 1932 г. провалилась во всех хлебных регионах СССР. Централизованные ресурсы продовольствия таяли на глазах.

6 июля 1932 г. в Харькове в помещении Государственной оперы начала работу III конференция КП(б)У. Из 252 делегатов конференции, а это в основном секретари сельских районных комитетов[1], решающим голосом обладали 158 лиц (или 62,7%). Именно эти люди вместе с руководителями райисполкомов были непосредственными исполнителями жестких директив центра. Они прекрасно понимали, чем обернутся Украине требования неуклонного выполнения хлебозаготовительных планов. Им, в частности, было известно постановление ЦК ВКП(б) от 23 июня 1932 г.: «Ограничиться уже принятыми решениями ЦК и дополнительного завоза хлеба на Украину не осуществлять»[2]. Однако у них еще теплилась надежда, что прибывшие на III конференцию высокие московские гости В. М. Молотов и Л. М. Каганович доложат тогдашнему центральному руководству о реальном положении дел в сельском хозяйстве Украины.

Определенные надежды возлагало на конференцию и высшее партийно-государственное руководство Украины, которое не имело никаких иллюзий относительно того, к чему на самом деле все идет. Они точно знали то, что впоследствии сформулировали современные исследователи: хлебозаготовки урожая 1931 г. стали непосредственной причиной голода в Украине в первой половине 1932 г. Тогда количество заготовленного в зимние месяцы хлеба было меньше трети

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 385. Л. 6.

[2] Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. Київ, 1990. С. 190.

от объема, заготовленного летом и осенью. Зимой 1932–1933 гг. было собрано почти такое же количество хлеба, что и предыдущей зимой, однако теперь оно составляло две трети от объема, собранного в нормальное время. Чем объяснить то, что из украинского села удалось выжать такое же количество зерна, что и раньше? Объяснение крайне простое – беспощадный и жестокий грабеж села[1].

Доклад С. В. Косиора отражал точку зрения ЦК КП(б)У на причины возникших трудностей. Во-первых, серьезной, хотя и не главной причиной, были названы сложные климатические условия 1932 г. (как известно, сложные климатические условия всегда мешали большевикам руководить хозяйством бывшего Советского Союза). Во-вторых, трудности весенней посевной кампании связывались «с неудовлетворительным управлением организацией хозяйства колхозов, проведением прошлогодней осенней уборочной и хлебозаготовительной кампании». В-третьих, источником многих проблем была названа бесхозяйственность в колхозах[2].

«Уборочная, как и хлебозаготовительная кампания, – подчеркивал С. Косиор, – будет происходить в условиях обостренной классовой борьбы. Эта борьба уже развернулась, особенно там, где началась уборка урожая. Всяческие контрреволюционные элементы, кулачье, подкулачники, которые пролезли в колхозы, используя прошлогодние ошибки, ведут теперь борьбу против скирдования хлеба, распространяют всяческие слухи, агитируют разбирать хлеб. Наименьшая разболтанность, бездеятельность с нашей стороны – на руку врагу. Нам, нашим сельским организациям, нужно немедленно подняться, взять управление крепко в руки, мобилизовать все свои силы, силы колхозников, чтобы дать губительный отпор кулаку и его агентурам и ни в коем случае не допустить никаких потерь. Мы должны так поставить всю свою работу, чтобы целиком собрать урожай и обеспечить успешное выполнение плана хлебозаготовок»[3].

В докладе фактически ничего не было сказано об ошибочности «военнокоммунистических», грубых административных методов руководства аграрным сектором, которые прежде всего и послужили причиной катастрофического состояния на селе. Руководители КП(б)У фактически не хотели об этом говорить. Почему?

В значительной степени ответ на этот вопрос дает письмо Председателя Совета Народных комиссаров УССР Власа Яковлевича Чу-

---

[1] Кульчицький С. В. Ціна «великого перелому». Київ, 1991. С. 306.

[2] Третя конференція КП(б)У. 6–9 липня 1932 р.: Стеног. звіт. Харків, 1932. С. 10–11.

[3] Там же. С. 17.

баря к Молотову и Сталину, посланное в Москву еще до III конференции, а именно 10 июня 1932 г. Вот отрывок из него: «Ваши упреки в том, что мы, украинцы, не знаем, что делается на селе и, что мы не занимались как следует селом, целиком и полностью справедливы. Оптимистическая оценка положения нашего села перед посевной кампанией была ошибочной и базировалась больше на поверхностных впечатлениях ответственных работников, бывавших на селе (недостатка в количестве работников, сидевших месяцами на селе, не было), чем на анализе учетных данных статистики, оперативной отчетности по ряду заготовительных кампаний и изучения действительного положения дел в районах, где эти товарищи работали как уполномоченные.

Переоценка наших возможностей имела место в принятом нами плане хлебозаготовок, в плане мясозаготовок и др. Сейчас, перед новым урожаем, когда исчерпываются старые ресурсы, в период наивысшего напряжения сил для выполнения плана весенней посевной кампании, вскрываются с особой остротой все слабые места. Количество районов, находящихся в тяжелом положении, растет (очевидно, часть этого прироста идет за счет выявления ранее не выявленных, а часть за счет исчерпания внутрирайонных ресурсов к концу хозяйственного года).

Сейчас уже можно считать минимум 100 районов (вместо 61, считавшихся к началу мая), нуждающихся в продовольственной помощи и срывающих план весеннего посева. Они же будут срывать обработку и уборку урожая технических культур и хлеба»[1].

Вот, оказывается, что думали в Кремле: украинцы весьма «оптимистически» относились к возможностям села, а затем сами себе создали проблему с голодом, который, повторим, начался уже в конце 1931 – начале 1932 г. По мнению московских вождей, местные руководители переоценивали собственные возможности в хлебозаготовках. Понятно, здесь в словах и «признаниях» В. Я. Чубаря была игра – нужно покаяться и вдруг удастся уговорить облегчить жесткие условия хлебозаготовки. Не зря в конце своего письма он отмечал: «Правильное ведение хозяйства нарушено у нас в УССР на таком большом участке, что требует внесения специальных корректив в планы хлебозаготовок, мясозаготовок и других заданий в области сельского хозяйства, о чем придется входить в ЦК и Совнарком особо»[2].

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 62–63

[2] Там же. С. 63.

Характерно, что и в письме Чубаря и в еще одном чрезвычайно интересном документе – письме Председателя ВУЦИК Григория Ивановича Петровского к Молотову и Сталину без всяческих эвфемизмов употреблялось понятие «голод», как известно, строго запрещенное в официальных открытых публикациях. Процитируем отрывок из письма «всеукраинского старосты»: «В работе по посевной кампании в районах Прилукском, Лохвицком, Варвинском, Чернухинском, Пирятинском и Мало-Девицком я стал, так сказать, лицом к селу, но это, конечно, не значит, что до этого времени мы, украинские коммунисты, не знали, что у нас делается на селе (хотя нас теперь и обвиняют в оторванности от деревни). Мы знали, что в хлебозаготовках у нас будет суровый нажим и горшки будут биты. По-моему, взявшись выполнить 510 млн. пудов хлебозаготовки на Украине, ЦК КП(б)У виноват в том, что он без возражения это сделал, подчиняясь повелительной необходимости сохранить взятые нами темпы социалистического строительства, а также учитывая напряженное состояние международного положения. В этом смысле я понимал необходимость выполнения директивы ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках, которая и была принята нами к неуклонному исполнению.

Однако, мы знали, что выполнение хлебозаготовок на Украине будет нелегкое, но то, что я теперь увидел на селе, говорит за то, что в этом деле сильно переборщили у нас, перестарались. Я был во многих селах этих районов и везде видел, что порядочная часть села охвачена голодом. Немного, но есть и опухшие от голода, главным образом, бедняков и даже середняки. Употребляют такие суррогаты, что дальше некуда, да и суррогатов этих подчас нет. На больших собраниях по селам меня, конечно, ругают почем зря, бабы плачут, а бывает и мужики. Иногда критика создавшегося положения заходит очень глубоко и широко – зачем создали искусственный голод, ведь у нас был урожай; зачем посевматериал забирали – этого не было даже при старом режиме; почему украинцам нужно при тяжелых условиях ехать за хлебом в нехлебные края, а не привозят хлеб сюда и т. д.

Трудно при таких условиях давать объяснения. Ругаешь, конечно, тех, кто наделал перегибы, но в общем вертишься, как карась на сковородке. На отчаянный крик о помощи посевматериалом и хлебом для продовольствия, я относительно посевматериала кое-что обещал, заставляю крестьян выискивать семена у себя на местах, а насчет продовольственной помощи хлебом, я не могу ничего обещать или обещаешь мало. Сейчас на почве голода по селам развиваются массовые

кражи, главным образом, птицы – крадут кур, уток, забирают остатки картофеля, режут ночью телят и коров и съедают их»[1].

Следовательно, еще до конференции партийно-государственное руководство в Харькове и Москве прекрасно знало, что на самом деле происходит. Это очень важный момент для понимания многих коллизий на III конференции. На пяти (из шести) ее заседаниях продолжалось обсуждение доклада С. Косиора. В дебатах выступили 33 докладчика. Среди них секретари 18 райкомов партии, секретари обкомов и другие делегаты. Некоторые районные руководители делали попытку в своих докладах не только очертить сложность ситуации на селе, но и показать, что нельзя перекладывать основную ответственность за эту ситуацию на низовые звенья, прежде всего на недавно созданные районы. Неслучайно, кстати, в напечатанном в 1932 г. стенографическом отчете III конференции были изъяты или тщательно отредактированы именно те фрагменты выступлений районных руководителей, которые имели острую критическую направленность, показывали реальную картину, сложившуюся в разных регионах Украины.

Однако осторожные попытки кое-кого из руководителей УССР, а особенно представителей районов, указать на сложность ситуации в сельском хозяйстве Украины не вызвали доверия у двоих уже упомянутых сталинских посланцев, принимавших участие в работе конференции, – В. М. Молотова и Л. М. Кагановича. Последний, обращаясь к делегатам конференции, говорил: «Вы должны подготовить и развернуть работу, чтобы целиком выполнить план хлебозаготовки, решительно преодолевая все и всяческие демобилизационные, а часто капитулянтские, правооппортунистические расположения духа относительно хлебозаготовки. Вы должны на селе, в районе переломить настроение некоторых активистов, которые сегодня у вас демобилизованы»[2].

В своих выступлениях Вячеслав Молотов и Лазарь Каганович не просто значительно сузили спектр факторов, ставших причиной сложностей в сельском хозяйстве Украины. Эти выступления, в сущности, засвидетельствовали, что центр однозначно занял жесткую позицию не только относительно украинского крестьянства, но и отно-

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 63–64.

[2] Третя конференція КП(б)У. 6–9 липня 1932 р.: Стеногр. звіт. С. 156. (Тут следует заметить, что местный актив, секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов и других руководящих работников «ломали», прежде всего карая, исключая из партии и отдавая под суд как предателей и организаторов саботажа. Например, в 1931 г. и в первой половине 1932 г. сменилось 80% секретарей райкомов партии.)

сительно руководства УССР. Очень точную характеристику миссии Молотова и Кагановича дал один из британских дипломатов, который в своем сообщении от 18 июля 1932 г. указал: «Хотя Молотов и Каганович любезно подсластили пилюлю недовольства центрального правительства, восхваляя заметные достижения украинских большевиков в области промышленности, из их выступлений было понятно, что они прибыли главным образом для того, чтобы дать украинской партийной организации суровый нагоняй»[1].

Делегаты конференции приняли резолюцию, утвержденную 9 июля 1932 г. Пленумом ЦК КП(б)У, в которой принимался «к безусловному выполнению» установленный для Украины план хлебозаготовок – 356 млн пудов по крестьянскому сектору. (Этот план со временем трижды сокращался, а к 1 ноября 1932 г. от крестьянского сектора Украины поступило лишь 136 млн пудов хлеба[2].)

11 августа 1932 г. И. В. Сталин пишет письмо Л. М. Кагановичу, где подробно останавливается на положении дел в УССР и аргументирует необходимость заменить руководство Украины: «Плохо по линии ГПУ. Реденсу не по плечу руководить борьбой с контрреволюцией в такой большой республике как Украина.

Если не возьмемся теперь же за выправление положения на Украине, Украину можем потерять. Имейте в виду, что Пилсудский не дремлет, и его агентура на Украине во много раз сильнее, чем думает Реденс или Косиор. Имейте также в виду, что в Украинской компартии (500 тысяч членов, хе-хе) обретается не мало (да, не мало!) гнилых элементов, сознательных и бессознательных петлюровцев, наконец – прямых агентов Пилсудского. Как только дела станут хуже, эти элементы не замедлят открыть фронт внутри (и вне) партии, против партии. Самое плохое это то, что украинская верхушка не видит этих опасностей»[3].

Среди тех, кто, по мнению Сталина, «видел опасность», был и 3-й зампред ОГПУ СССР. Генсек предлагал вернуть Балицкого на пост председателя ГПУ УССР, с сохранением ему должности зампреда ОГПУ СССР, а Реденса понизить до должности заместителя председателя ГПУ УССР[4].

Кстати, в 1932 г. Балицкий очень часто был на приеме у Сталина, чаще, чем в предыдущие и последующие годы[5]. В конце упомянутого

---

[1] Україна: голод 1932–1933 років // Всесвіт. 1989. № 11. С. 154.

[2] Кульчицький С. В. 1933: трагедія голоду. Київ, 1989. С. 33

[3] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. М.: РОССПЭН, 2001. С. 273–274.

[4] Там же. С. 274.

[5] См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. М.: Новый хронограф, 2008. С. 565.

письма вождь сделал приписку: «P. S. Насчет Балицкого и Реденса я уже говорил с Менжинским. Он согласен и всячески приветствует это дело»[1].

Конечно же, В. Р. Менжинский был рад подвернувшейся возможности избавиться от оппозиционного заместителя, который реально мог его подсидеть. Вскоре представился случай спровадить еще одного соперника: после образования Донецкой области в сентябре 1932 г. И. А. Акулов был назначен секретарем ЦК КП(б)У по Донбассу и первым секретарем Донецкого обкома партии.

Осенью 1932 г. ЦК КП(б)У рекомендовал ГПУ УССР «проведение массовой операции по нанесению оперативного удара по классовому врагу» для выявления «контрреволюционных центров, организующих саботаж и срыв хлебозаготовок и других хозяйственно-политических мероприятий». 18 ноября 1932 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление о ликвидации «контрреволюционных гнезд» и разгром «кулацких групп» в Белоцерковском, Борзнянском, Менском, Павлоградском, Уманском районах, а также об «изъятии и осуждении наиболее злостных счетоводов и бухгалтеров колхозов, срывающих выполнение плана хлебосдачи и организующих расхищение колхозного хлеба. Охватить этой операцией до 300 человек»[2].

Для выполнения данного постановления уже на следующий день состоялось совещание начальников облотделов ГПУ (Винницкого – Д. М. Соколинский, Днепропетровского – Я. К. Крауклис, Донецкого – М. Б. Гроссман, Киевского – А. Б. Розанов, Одесского – Ю. М. Перцов, Харьковского – М. М. Тимофеев, Черниговского – В. А. Двинянинов). На совещании был согласован план относительно ареста 3495 лиц, из них: «по линии украинской контрреволюции – 1180, по белой контрреволюции – 247, по польской контрреволюции – 341, по национальной контрреволюции – 540, по сельской контрреволюции – 812, по церковникам и сектантам – 420, по контрреволюционным группам промышленности – 63, по вредительству в сельском хозяйстве – 135»[3].

В конце октября на Северный Кавказ и Украину выехали чрезвычайные комиссии ЦК ВКП(б) во главе с Л. М. Кагановичем и В. М. Молотовым, чтобы любой ценой взять хлеб[4]. По возвращении в Москву было решено укрепить руководство ОГПУ в Ростове-

---

[1] Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936. С. 274.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 9. Л. 59–61.

[3] Ковтун Г. К., Войналович В. А., Данилюк Ю. З. Масові незаконні репресії 20-х – початку 50-х років на Полтавщині // Реабілітовані історією. Київ; Полтава, 1992. С. 15.

[4] Голод 1932–1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів. С. 238.

на-Дону и Харькове опытными сотрудниками, хорошо знакомыми с местной спецификой. В конце ноября полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю вместо Р. А. Пилляра назначен Е. Г. Евдокимов (с должности полпреда ОГПУ по Средней Азии), который в 1923–1929 гг. возглавлял органы госбезопасности в Ростове–на-Дону.

В конце ноября в Украину выехал и Всеволод Балицкий. Его командировка была оформлена постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 ноября 1932 г. «Об особоуполномоченном ОГПУ на Украине»: «Ввиду особой государственной важности быстрого улучшения работы органов ОГПУ на Украине и ввиду наличия у т. Балицкого большого опыта украинской работы ЦК ВКП(б) постановляет: предложить ОГПУ направить в качестве особого уполномоченного ОГПУ на Украине сроком на 6 месяцев заместителя председателя ОГПУ т. Балицкого с подчинением ему ПП ОГПУ Украины т. Реденса и всего аппарата ОГПУ Украины, обязав т. Балицкого через каждые две декады представлять в ЦК ВКП(б) краткий доклад о работе органов ОГПУ Украины»[1].

1 декабря 1932 г. Политбюро ЦК КП(б)У опросом приняло постановление «О тов. Балицком»: «Учитывая командировку тов. Балицкого на длительное время на Украину для усиления работы ГПУ – внести Пленуму ЦК предложение (опросом) избрать тов. Балицкого членом Политбюро ЦК КП(б)У»[2].

Кстати, тогдашний председатель ГПУ УССР С. Ф. Реденс был лишь кандидатом в члены Политбюро ЦК КП(б)У. Со временем, комментируя эту командировку заместителя председателя ОГПУ СССР, газета «Известия» напишет, что Балицкий «в дни жестокого кулацкого сопротивления коллективизации снова направляется на Украину, чтобы помочь миллионам колхозников преодолеть кулацкий саботаж и обеспечить молодым колхозам Украины возможность спокойно расти и расцветать»[3].

Всеволод Балицкий исходил из того, что в Украине существует «организованный саботаж хлебозаготовок, осеннего сева, организованное массовое воровство в колхозах и совхозах, террор в отношении наиболее стойких, выдержанных коммунистов и активистов села; переброска десятков петлюровских эмиссаров, распространение к. р. петлюровских листовок», и делал вывод о «безусловном

---

[1] Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936. М.: МФД, 2003. С. 340.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 109.

[3] Известия. 1935. 27 ноября.

существовании на Украине организованного контрреволюционного повстанческого подполья, связанного с закордоном и иноразведками, главным образом польским главштабом»[1].

Развивая теорию о существовании в Украине крестьянского заговора (а на 20 ноября 1932 г. в Украине было арестовано 766 работников сельского хозяйства, в том числе председателей колхозов, директоров совхозов, руководителей среднего звена), Балицкий 5 декабря 1932 г. издал «Оперативный приказ ГПУ УССР № 1». К сожалению, ни в Отраслевом государственном архиве СБУ, ни в других государственных архивах Украины данный приказ пока обнаружить не удалось. Судить о нем можно лишь по ссылкам на приказ в других документах. В частности, есть ссылки на поставленную основную и главную задачу – «немедленного прорыва, вскрытия и разгрома к[онтр]-р[еволюционного] повстанческого подполья и нанесения решительного удара по всем к[онтр]-р[еволюционным кулацко-петлюровским элементам, активно противодействующим и срывающим основные мероприятия советской власти и партии на селе»[2]. 11 декабря 1932 г. заместитель председателя ГПУ УССР К. М. Карлсон дал указание всем начальникам областных управлений милиции ознакомиться в местных ГПУ с оперативным приказом Балицкого.

Для выполнения этого приказа была создана специальная Ударно-оперативная группа во главе с заместителем председателя ГПУ УССР К. М. Карлсоном. О ее деятельности Балицкий со временем напишет: «В 1932–1933 годах тов. Карлсон лично руководил следствием по делу о контрреволюционной организации в сельском хозяйстве Украины (дело “Конденсатор–Недовольные”). В результате энергичного и умелого разворота следствия была вскрыта и ликвидирована мощная контрреволюционная повстанческая и вредительская организация, охватывающая своим влиянием 133 района Украины, насчитывающая 3 000 человек, имевшая свои к. р. ячейки в 114 колхозах, 102 МТС и 67 районных центрах Украины. Контрреволюционная организация имела связи с заграничным и с Московским контрреволюционным центром и деятельно подготавливала восстание весной 1933 года»[3].

Под руководством начальника ЭКУ ГПУ УССР С. С. Мазо было быстро вскрыто дело о контрреволюционной организации в сельском хозяйстве УССР, которую следователи связали с контррево-

---

[1] Архив ГУМВД Харьковской области . Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 3.

[2] Там же. Т. 3. Л. 3.

[3] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 190.

люционными организациями в Москве, Ростове и Минске. В эту мифическую группу включили: агронома киевского «Облтрактора» Т. К. Беляева, главного редактора Всеукраинского института заочного сельскохозяйственного образования А. Г. Головко, агронома Укровощтракторцентра А. Я. Гончаренко, агронома планового сектора Наркомзема СССР Ф. В. Кияшко, референта Одесского областного зерноуправления О. В. Маньковского, заведующего группой днепропетровского «Облтрактора» И. Г. Пасечника, старшего референта планового управления Наркомзема СССР С. К. Фоменка, научного сотрудника Одесского селекционного института И. А. Шабанова, агрономов Укртракторцентра И. А. Бабака, И. Г. Зинченко, О. С. Пономаренко и И. В. Родзевича.

В Москве арестованных украинских специалистов отнесли еще и к общесоюзной контрреволюционной организации в сельском хозяйстве, имевшей целью «подорвать крестьянское хозяйство и вызвать голод в стране». 35 членов разоблаченной организации во главе с бывшим заместителем Наркомзема СССР галичанином Ф. М. Конаром Коллегия ОГПУ СССР 11 марта 1933 г. приговорила к смерти[1].

Сотрудники ГПУ УССР объявили и об изобличении «большой шпионской сети» на промышленных предприятиях, транспорте, объектах оборонительного строительства, в разведывательных органах Красной Армии[2]. По приказу Балицкого также использовались решительные меры относительно предотвращения массовых выездов крестьян за границы Украины за хлебом. Чекисты начали принимать участие в поисках спрятанного зерна[3].

Вот как докладывал о тогдашней ситуации сам Всеволод Балицкий: «За 4 месяца после начала хлебозаготовок до 15 ноября было арестовано по хлебозаготовительным делам 11 тыс. чел. За месяц с 15 ноября по 15 декабря – 16 тыс. чел., в том числе 435 партийцев, 2260 чел. из колхозного аппарата, в том числе 409 председателей и 441 бухгалтер и счетовод, а также 107 предсельсоветов. К расстрелу тройкой приговорено 108, но еще на рассмотрении 100 человек. За 2 последние декады в ямах и черных амбарах (7 тыс. ям и 100 амбаров) найдено 700 тыс. пудов хлеба. Единоличники прячут у колхозников, особенно тех колхозов, которые выполнили хлебозаготовки...

Последние 2–3 дня на Харьковщине мы применили новую форму воздействия. Приходит в колхоз сотрудник ОГПУ в форме и ведет беседу с председателем, членами правления в сдаче хлеба. Разговор

---

[1] Правда. 1933. 12 марта.

[2] Архив ГУМВД Харьковской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. арк. 3.

[3] Голод 1932–1933 років на Україні. С. 342, 336.

настойчивый. В результате колхоз «Червонный Господарь» за 2 дня повысил хлебосдачу с 58% плана до 96%, «Нов[е] Життя» с 54% до 80% и т. п. Думаем, это распространить и на другие области»[1].

19 декабря 1932 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР опять возвращаются к вопросу о хлебозаготовках на Украине. Они признают ситуацию неудовлетворительной и поручают «исправить» ее Л. М. Кагановичу и П. П. Постышеву. О том, какой стиль наведения порядка они признавали, ярко свидетельствует телеграмма, посланная Кагановичем Сталину уже 21 декабря 1932 г.: «Вечером 20 и 21 декабря на заседании Политбюро ЦК КП(б)У наметили ряд практических мер по усилению хлебозаготовок. В виду того, что значительная часть уполномоченных отсиживается, покрывает бездеятельность, а порой прямое предательство районных работников, разослали решительное предупреждение всем уполномоченным, а 10 наихудших сняли с работы и дело об их пребывании в партии передали в ЦКК. Из десяти снятых 7 были посланы ЦК КП(б)У и 3 обкомами.

38 основных районов Украины должны еще дать 32 мил. пудов хлеба – свыше 40% оставшегося к заготовке без гарнца хлеба по республике. Еще 50 мощных районов должны дать около 30% оставшегося к заготовке хлеба. Из 38 основных районов – 21 в Днепропетровской и 15 в Одесской областях. На этих районах сосредоточиваем наше внимание. Подобрали еще 40 руководящих работников уполномоченными в эти основные районы, а около сотни крепких военных и харьковских работников им в помощь. Одновременно нажимаем на районы, где осталось выполнять немного.

Так как есть большая опасность, что Киевская, Винницкая область снизят темпы и затянут выполнение оставшихся 7–8% плана, послали им категорическую директиву закончить план в ближайшие дни. Еще более решительную телеграмму послали Донецобкому.

Крайне неблагополучно с Харьковской областью. Харьковчане не мобилизовались на выполнение плана. Единоличники области должны сдать еще около 6 мил. пудов. Сложилось впечатление, что обком пасует перед этой задачей. Пришлось сердито поговорить с Тереховым. Предложили более энергично взяться за хлебозаготовки, в частности у единоличников.

По нашему настоянию отменены 2 постановления ЦК КП(б)У от 29 ноября и 15 декабря, которые, по нашему мнению, дают основание местным организациям придерживать хлебозаготовки под видом за-

---

[1] Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 68–69.

крепления и создания колхозных фондов и повторной проверки ресурсов совхозов. Подробно расскажу по приезду.

Сегодня постановили арестовать и отдать под суд с опубликованием в печати четырех наиболее злостно срывавших хлебосдачу директоров совхозов.

Косиор по своему желанию выезжает вновь в Днепропетровск, Чубарь в Чернигов. Хатаевичу поручили наблюдение за Харьковым.

В 4 часа я выехал в Одессу. Привет. КАГАНОВИЧ»[1].

Тем не менее все эти акции и массовые аресты, а лишь в ноябре 1932 – январе 1933 гг. ГПУ УССР ликвидировало 1 208 «контрреволюционных» колхозных групп, не улучшили ситуации с хлебозаготовками. И тогда 13 февраля 1933 г. В. А. Балицкий издал оперативный приказ № 2 «Об очередных задачах агентурно-оперативной работы органов ГПУ УССР». Это также чрезвычайно интересный документ, в котором уведомлялось о том, что анализ ликвидированных за период с 5 декабря дел «говорит за то, что в данном случае мы столкнулись с единым, тщательно разработанным планом организации вооруженного восстания на Украине к весне 1933 года с целью свержения советской власти и установления капиталистического государства, так называемой Украинской независимой республики»[2]. Перед ГПУ УССР была поставлена «ближайшая, основная и главная задача» – обеспечение весеннего сева[3].

Для выполнения этого приказа районные отделы ГПУ разгружались от «малоперспективных дел», а им на помощь откомандировывались опытные сотрудники областных отделов ГПУ. Причем в районы, где действовали «повстанцы и шпионы», присылались сотрудники особых отделов, в промышленные районы с большими совхозами – сотрудники экономических отделов, во все другие – сотрудники секретно-политических отделов ГПУ[4].

Впрочем, оперативно-следственные группы облотделов ГПУ уже действовали на периферии с конца 1932 г. Например, руководитель одной из них – начальник отделения ОО Киевского облотдела ГПУ Яков Ефимович Флейшман рапортовал, что «благодаря личной разработке дела, непосредственному руководству следствием и участию в допросах разоблачил большую петлюровско-повстанческую организацию на Звенигородщине, которую создал польсько-петлюровский агент Титаренко-Кузьменко. По делу было изъято до 30 ак-

---

[1] Там же. С. 69–70.

[2] Архив ГУМВД Харьковской области. Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 3–4.

[3] Там же. Т. 3. Л. 4.

[4] Там же.

тивных участников организации, оружие и контрреволюционные открытки. Руководители расстреляны»[1].

Кроме того, еще в декабре 1932 г. Я. Е. Флейшман вместе с помощником начальника отделения ОО ОГПУ СССР З. М. Ушаковым отчитались о том, что они вскрыли «украинскую контрреволюционную кулацкую петлюровскую повстанческую организацию “Союз украинской державности”» на территории Уманского, Бабанского, Христиновского, Тальновского, Букского, Звенигородского, Лысянского, Городищенского, Смелянского и Шполянского районов. По этому делу проходил 191 арестованный. 74 человека расстреляли, остальных заключили в концлагеря сроком на 5–10 лет или на 3–5 лет выслали в Северный край[2].

Оперативный приказ № 2 содержал и абсолютно конкретные указания начальникам периферийных органов ГПУ. Так, начальник Киевского облотдела ГПУ А. Б. Розанов получил подсказку о «безусловном существовании в Киеве подпольного центра»; начальник Черниговского облотдела ГПУ В. А. Двинянинов должен был «основное внимание обратить на ликвидацию низовой периферии и изъятие оружия», пересмотреть все уже ликвидированные дела «под углом зрения возможной активности нерепрессированных участников и пособников, и увязки их с разоблаченным подпольем»;

начальник Днепропетровского облотдела ГПУ Я. К. Крауклис должен был активнее разоблачать повстанцев среди бывших петлюровцев, махновцев, галичан и поляков;

начальнику Донецкого облотдела ГПУ М. Б. Гросману в «максимально короткий срок» предстояло развернуть следствие по делу «Казаки», по которому проходило много эсеров;

начальник Винницкого облотдела ГПУ Д. М. Соколинский должен был обратить главное внимание на выявление членов «УВО» и причислить к их числу арестованных по делам «Взрыв», «Связисты», «Интеллигенты»;

начальнику Харьковского облотдела М. М. Тимофееву указывалось на отсутствие дел «по весьма пораженным в прошлом повстанчеством» Лубенскому, Роменскому и Кременчугскому районам;

работникам Одесского облотдела ГПУ приказывалось как можно быстрее развернуть работу по вскрытию и ликвидации повстанческой организации «Неугомонные». Исходя из того, что в области сотрудники ГПУ УССР разоблачили ряд ячеек «УВО», местные чеки-

---

[1] ОГА СБУ. Днепр. Д. 4904. Л. 13.

[2] Реабілітовані історією. Черкаська область. Книга перша. Сміла: Тясмин, 2006. С. 185–194.

сты должны были зачислить в нее лиц, проходивших по делу «Отец», и активизировать поиск участников этой мифической организации на объектах оборонительного значения[1].

Начальникам Дорожно-транспортных отделов ГПУ (а к тому времени на территории Украины действовали Донецкий в Харькове, Екатерининский – в Днепропетровске, Южный в Харькове, Юго-Западный – в Киеве) Балицкий приказывал «пересмотреть все разработки и материалы по шпионажу и диверсиям на транспорте, спешно приступить к их тщательной разработке и ликвидации. Особое внимание обратить на выходцев из-за границы, главным образом поляков и галичан, которые проходят по делам»[2]. Кроме того, приказывалось решительно очистить промышленные предприятия от подозрительных элементов, усилить агентурную работу в высших учебных заведениях[3].

Как видим, Всеволод Балицкий лично определял направления главных ударов по украинскому крестьянству, приказывал выискивать врагов даже там, где местные органы ГПУ не имели никаких разработок, требовал «во всех случаях террористические акты рассматривать исключительно как акты политического характера»[4].

В оперативном приказе № 2 фамилия начальника Одесского облотдела ГПУ не указывалась, поскольку 29 января 1933 г. Ю. М. Перцов был смещен с должности[5] за должностные преступления. Он тратил на свою любовницу актрису Зою Вансович значительные государственные средства и систематически в рабочее время устраивал выпивки, длившиеся иногда по несколько дней[6]. Вскоре Перцов, под непосредственным руководством которого в марте 1922 г. было арестовано свыше 600 членов «Казачьей рады Правобережной Украины»[7], Коллегией ОГПУ СССР был осужден к лишению свободы за контрабанду[8].

Кстати, Одесское ГПУ в 1920–1930-е гг. традиционно поставляло руководству ГПУ УССР дефицитные товары. На пассажирских пароходах ближневосточной линии всегда был связист Иностранного отдела ОГПУ, возивший почту. Через него и заказывались необходимые товары. По прибытии парохода в порт начальник Одесского

---

[1] Архив ГУМВД Харьковской области . Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 8–9.
[2] Там же. Т. 3. Л. 13.
[3] Там же. Т. 3. Л. 8–10–12.
[4] Там же. Т. 3. Л. 10.
[5] ОГА СБУ. Киев. Ф.12. Д. 1640. Л. 21.
[6] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 37281 ФП. Л. 81.
[7] Пролетарская правда. 1923. 11 февраля.
[8] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 33032 ФП. Л. 21.

ГПУ или его заместитель давали распоряжение контрольно-пропускному пункту пропустить связиста, и сотрудник Одесского ИНО Д. А. Медведовский провожал его к руководству.

Поездки в Стамбул были для чекистов не просто служебной необходимостью, а имели «премиальный характер». В разное время ими были «награждены» Н. И. Добродицкий, С. И. Западный, Н. Л. Рубинштейн, В. П. Карелин, М. С. Ямницкий, а также З. М. Ушаков, привезший большой запас контрабанды[1].

Снабжал заграничным дефицитом харьковское и местное руководство начальник ИНО Одесского ГПУ Аркадий Маркович Ратынский (Футер). Во время своей первой поездки в Стамбул он получил от начальника отделения КРО ГПУ УССР В. П. Карелина «большой список вещей» для В. А. Балицкого, К. М. Карлсона, Н. И. Добродицкого и других руководителей. Дали свои поручения и начальник Одесского окротдела ГПУ А. А. Емельянов и его заместитель Е. Ф. Кривец – всего на сумму свыше 1500 американских долларов. Возвратился Ратынский через неделю с шестью тяжелыми чемоданами. В одесском порту его уже ждала телеграмма Балицкого о пропуске без осмотра[2] . Это дело содержится в одном томе.

Как рассказывал впоследствии сам Ратынский, вскоре новый начальник Одесского оперсектора ГПУ Ю. М. Перцов сообщил ему, «что у него есть большой список заказов от Балицкого и Карлсона. Я поехал в Константинополь, Перцов дал 1600 долларов. Особенно он нажимал на то, чтобы привезти для Балицкого спортивное оборудование, так называемую «домашнюю лодку» и дал мне рисунок этой лодки. Добродицкий и Карелин поручили привезти пластинки и вещи. Перцов дал мне отдельный заказ приблизительно долларов на 150, но денег не дал, а приказал взять “пока” из сумм ИНО. Пробыл я в Стамбуле снова дней 7, закупил все. В контрольно-пропускном пункте снова телеграмма Балицкого о снятии меня с осмотра»[3]. В одном томе.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 37281 ФП. Л. 78.

[2] Там же. Л. 79–80.

[3] Там же. Л. 78. Вместе с тем рядовым работникам без санкции руководства перевозить контрабанду категорически запрещалось. Так, в 1924 г. сотрудник Транспортного отдела ГПУ УССР Р. Я. Розенберг был исключен из партии «за допущение провоза контрабанды сотрудником» (правда, потом исключение заменили на выговор). А другой чекист-транспортник М. А. Черноусов получил выговор «за нарушение директивы ГПУ о запрете при выездах заграницу получать приглашение на обеды и банкеты» (ГАХО. Ф. 99. Оп. 3. Д. 364. Л. 306). Несколько по другой причине был снят с работы начальник Донецкого облотдела ГПУ М. Б. Гроссман, заявлявший, что всю хлебозаготовку выполняет только ГПУ под его руководством: «Я больной, искалеченный старик и работаю за обком, а они ничего не делают. Мы – ГПУ, зарабатываем хлеб,

Казалось бы, решительные действия чекистов в Украине по выполнению «плана хлебозаготовок» должны были поднять авторитет Всеволода Балицкого в глазах высшего руководства страны и укрепить его шанс остаться в Москве, в ОГПУ СССР. Скорее всего, он и сам хотел этого. Однако все произошло совсем не так. В Политбюро ЦК ВКП(б) убедились, что без его «железной руки» в Украине не обойтись. К тому же у С. Ф. Реденса не сложились отношения с руководством ГПУ УССР, и позднее С. В. Косиор даже скажет, что «Реденс был выжит с Украины троцкистским аппаратом ГПУ УССР»[1].

16 февраля 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании рассмотрело кадровый вопрос ОГПУ: зампредом ОГПУ СССР был назначен Я. С. Агранов (с должности полпреда ОГПУ по Московской области); полпредом ОГПУ по Московской области – С. Ф. Реденс; полпредом ОГПУ СССР по Украине и председателем ГПУ УССР – В. А. Балицкий, номинально все еще сохранивший за собой должность зампреда ОГПУ СССР[2].

18 февраля 1933 г. Политбюро ЦК КП(б)У приняло постановление «О председателе ГПУ УССР», в котором «согласилось» с по-

---

а не обком и облисполком». О продовольственном снабжении своих сотрудников руководство Донецкого областного ГПУ не забывало и 11 февраля 1933 г. узаконило на бюро обкома передачу в свое ведение рыболовной артели «Прибой» для снабжения рыбой. 4 августа 1933 г., когда Гроссман уже был не у дел, секретарь парторганизации Донецкого облотдела ГПУ С. И. Заславский (он же начальник СПО) направил в ЦКК ВКП(б) заявление: «За ряд неэтичных антипартийных и античекистских проступков в конце февраля 1933 года был снят с работы б[ывший] начальник ДОО ГПУ член ЦКК ВКП(б) Гроссман. Снятие с работы явилось результатом расследования ГПУ УССР по моему заявлению на имя Председателя ГПУ УССР. Мне стало известно, что т. Гроссман по линии партии не получил никакого взыскания. Больше того, он назначен директором какого-то завода в Харькове и теперь, как член ЦКК даже не подлежит чистке и таким образом может избегнуть ответственности перед партией за свои грехи перед ней.

Излагая ниже известные мне факты антипартийных проявлений со стороны Гроссмана в соответствии с инструкцией по чистке ЦК ВКП(б), я прошу подвергнуть т. Гроссмана чистке». (Цит. по: Золотарев В. А., Стёпкин В. П. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе. Люди и документы. 1919–1991. Донецк, 2010. С. 25.) В чекистской среде даже появился термин «гроссмановщина», который стал определением плохой оперативной работы. Кроме того, по словам первого секретаря Донецкого обкома КП(б)У С. А. Саркисова, М. Б. Гроссман «в Донбассе вел себя в морально-бытовом отношении возмутительно, превратив свой дом в притон. Этим своим омерзительным поведением он дезорганизовал работу, вызвал отвращение среди сотрудников ГПУ. В конце 1932 г. Акулов (в то время секретарь Донецкого обкома КП(б)У. – *Прим. авт.*) был вынужден поставить перед Балицким вопрос о снятии Гроссмана. Гроссмана сняли и оставили работать в Харькове. Его сильно поддерживал Постышев, что вызвало недовольство в Донбассе». (ОГА СБУ. Чернигов. Д. 56297 ФП. Л. 221.)

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 535. Л. 109.

[2] Голодомор 1932–1933 років в Україні: Док. і матеріали. Київ: Видавничий Києво-Могилянська академія, 2004. С. 686.

становлением ЦК ВКП(б) и утвердило заместителями председателя ГПУ К. М. Карлсона и И. М. Леплевского[1].

Вне всякого сомнения, это назначение нужно рассматривать в контексте постановления ЦК ВКП(б) от 24 января 1933 г., где украинская парторганизация сурово осуждалась за невыполнение планов хлебозаготовок. Это постановление вызвало серьезные кадровые изменения. Самым значительным из них было назначение П. П. Постышева вторым секретарем ЦК КП(б)У с сохранением за ним должности секретаря ЦК ВКП(б)[2].

«Второй первый секретарь» – так называли в партийно-правительственных кругах Постышева, который имел большие полномочия от И. В. Сталина, и в случае необходимости мог совещаться с ним непосредственно, обходя тогдашнего первого секретаря ЦК КП(б)У С. В. Косиора. Поскольку упомянутое постановление содержало отрицательные оценки деятельности работы парторганизации Украины, всем стало понятно, что Постышев приехал для «наведения порядка». Прибыли в Украину и другие большевистские функционеры, из них отметим Н. Н. Попова, теперь третьего секретаря ЦК КП(б)У.

Вот как говорил об этом через год, в январе 1934 г., на открытии XII съезда КП(б)У Г. И. Петровский: «Указания товарища Сталина, большая материальная помощь со стороны Центрального Комитета Всесоюзной коммунистической партии и правительства колхозам, присылка нам испытанных большевиков товарищей Хатаевича, Вегера, Попова, Балицкого и особенно Павла Петровича Постышева помогли нам ликвидировать отставание и прорыв в сельском хозяйстве, исправить допущенные ошибки и искривления в проведении ленинской национальной политики»[3].

Как же воспринял свое возвращение в Украину сам Всеволод Балицкий? По словам Я. В. Письменного, это «тяжело отразилось на его настроении, он снова считал себя незаслуженно обиженным. Тогда и потом Балицкий неоднократно говорил, что он “перерос украинский масштаб”, что в качестве председателя ГПУ УССР он больше сидеть не может, но что продвигаться ему не дают»[4].

По возвращении Балицкого в Украину в чекистском руководстве республики в феврале–марте 1933 г. произошли значительные

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 281. Л. 194.

[2] Постанова ЦК ВКП(б) з 24 січня 1933 р. та завдання більшовиків України // Більшовик України. 1933. № 3. С. 3.

[3] XII з'їзд КП(б)У. 18–23 січня 1934 р.: Стеногр. звіт. Харків, 1934. С. 3.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 445886 ФП. Т. 3. Л. 93.

изменения: заместителем председателя ГПУ УССР был назначен И. М. Леплевский (с должности начальника ОО ОГПУ СССР); начальником Оперативного отдела ГПУ УССР – П. Г. Шостак-Соколов (с должности заместителя начальника Донецкого облотдела ГПУ); начальником ОО ГПУ УССР и ОО УВО – Л. А. Иванов (с должности начальника отделения ОО ГПУ УССР, до 20 декабря 1932 г. – начальник отделения ОО ОГПУ СССР); начальником СПО ГПУ УССР – М. К. Александровский (с должности помощника начальника СПО ГПУ УССР, до 22 декабря 1932 г. – начальник 6-го отделения и помощник начальника ОО ОГПУ СССР); управляющим делами ГПУ УССР – Я. В. Письменный (с должности начальника УРО ОГПУ СССР); начальником Донецкого облотдела ГПУ – В. Т. Иванов (с должности полпреда ОГПУ по Ивановской промышленной области); начальником Одесского облотдела ГПУ – Ф. А. Леонюк (с должности зампреда ГПУ УССР и начальника ОО ГПУ УССР и ОО УВО); начальником Харьковского облотдела ГПУ – З. Б. Кацнельсон (с должности заместителя полпреда ОГПУ по Московской области).

Произошли изменения и среди руководителей ГПУ УССР среднего звена, свидетельствовавшие о том, что Балицкий вновь формирует свою «команду». Это обстоятельство не осталось незамеченным соратниками. Так, Л. Г. Словинский, переведенный с должности управделами ГПУ УССР на должность начальника отдела пожарной охраны ГПУ УССР, позднее свидетельствовал, что после своего возвращения в Украину Балицкий «начал сплачивать вокруг себя определенный круг лиц, лично ему преданных и способных беспрекословно выполнять любые его указания и распоряжения»[1].

Д. Н. Медведев, переведенный с должности начальника СПО Киевского областного отдела ГПУ на должность начальника Новоград-Волынского районного отдела ГПУ, так комментировал свое перемещение: «Вдруг в Новоград-Волынский был направлен без каких бы то объяснений. Оказывается, возвратился на Украину Балицкий и ему понадобилось мое место, ведь он расставлял свои кадры»[2].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43787 ФП. Л. 40.

[2] Письмо Д. Н. Медведева к Н. И. Ежову любезно предоставлено авторам О. И. Капчинским (Москва). Возмущение будущего легендарного партизана и Героя Советского Союза можно было понять: вроде бы в Киеве работал нормально, в честь пятнадцатилетия органов коммунистической госбезопасности был награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (Буяков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД: 1932–1942 гг. Часть II: Знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». Владивосток: Русский Остров, 2008. С. 186). После этого Д. Н. Медведев успел провести несколько громких дел, среди которых следует выделить дело «Украинского революционного-

Но не только Балицкий проводил «своих» людей. Центральный аппарат ГПУ активно комплектовал проверенными кадрами также Израиль Леплевский. Помощником начальника СПО ГПУ УССР был назначен Б. В. Рогачев (с должности секретаря ОО ОГПУ СССР); начальником отделения по украинской контрреволюции ОО ГПУ УССР – З. М. Ушаков (с должности помощника начальника отделения ОО ОГПУ СССР). Ушаков считался личным другом Леплевского и другом его семьи[1], но среди московских чекистов имел репутацию «пакостного человека и карьериста», производившего «очень неприятное впечатление своим подхалимством перед начальством и огромным желанием выслужиться»[2].

Все вновь назначенные на руководящие посты чекисты много лет работали под руководством Балицкого в Украине и были ему хорошо известны. За исключением Зиновия Борисовича (Залмана Боруховича) Кацнельсона. Он родился 24 ноября 1892 г. в Бобруйске Минской губернии в семье мелкого комиссионера и акушерки. В 1910 г. закончил гимназию в Москве, в 1915 г. – 4 курса юридического факультета Московского университета[3] (хотя в анкетах писал, что имеет высшее юридическое образование[4]). Осенью того же года поступил в спецклассы Лазаревского института восточных языков. Позже в анкетах о знании восточных языков не упоминал, указывал лишь, что «пишет и читает по-немецки и по-французски»[5].

Некоторые исследователи указывают на то, что Кацнельсон был знаком с Балицким по совместной учебе в Московском университете

демократического союза» («УРДС»), ставящего своей целью «вооруженное свержение советской власти и установления «Самостийной демократической Украины». Обвинительное заключение по этому делу составили сотрудники СПО Киевского облотдела ГПУ: начальник отдела Д. Н. Медведев, помощник начальника отдела С. И. Гольдман и оперуполномоченный 2-го отделения Б. И. Борисов-Коган, а утвердил заместитель начальника облотдела Я. З. Каминский. 19 участников «УРДС» были расстреляны, 6 – приговорены к 10 годам заключения в концлагерь, 33 – к 5 годам заключения в концлагерь, 5 – к 3 годам заключения в концлагерь, 3 – к 5 годам высылки, 2 – к 3 годам высылки, 2 – освобождены по решению суда. (См.: За сценарієм ДПУ (Кримінальна справ «Українська революційно-демократична спілка»). Документи і матеріали. Київ, 2004. С. 307–356.)

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 72106 ФП. Л. 30

[2] Шрейдер М. П. НКВД изнутри. Записки чекиста. С. 60

[3] Петров Н. В., Скоркин К. В. Кто руководил НКВД, 1934–1941. Справочник. М., 1999. С. 228; Воронов В. Ю., Шишкин А. И. НКВД СССР: Структура, руководящий состав, форма одежды, знаки различия 1934–1937 гг. М.: Русская Разведка, 2005. С. 265.

[4] ГАХО. Д. 99. Оп. 3. Д. 354. Л. 240; См. также: Наше минуле. Київ, 1993. № 1. С. 68.

[5] Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. Харків: Фоліо, 2002. С. 123.

и Лазаревском институте, и что они вместе входили в «студенческий меньшевистский кружок»[1]. Возможно, они, действительно знали друг друга по университету, но в Лазаревский институт восточных языков Кацнельсон поступил лишь во второй половине 1915 г., когда Балицкий уже был в Тифлисе, а в меньшевиках-интернационалистах прапорщик Кацнельсон пребывал в марте–сентябре 1917 г., когда Балицкий уже был «твердым большевиком».

В РКП(б) Кацнельсон вступил 17 сентября 1917 г. С июня 1918 г. работал следователем военного отдела ВЧК, с января 1918 г. – член Коллегии ОО 3-й армии, с ноября 1919 г. – заместитель председателя ОО Юго-Западного фронта. С 1920 г. возглавлял Особый отдел XII армии[2]. Вот тогда он неоднократно пересекался по работе с Балицким[3].

С декабря 1920 г. Кацнельсон являлся помощником начальника Административно-организационного управления ВЧК, с января 1921 г. – полпредом ВЧК по Северному краю и по совместительству – председателем Архангельской губернской ЧК и начальником Особого отдела охраны северных границ. В его личном деле хранится только одна характеристика, составленная Архангельским губпарткомом 21 апреля 1921 г. Однако в ней не указана важная сторона деятельности Кацнельсона – «фильтрация» пленных белых офицеров, проходившая по крымскому образцу.

Вернувшись в Москву, Кацнельсон в июле 1922 г. возглавил финансовое отделение Экономического управления ГПУ, а с 4 сентября 1922 по 28 апреля 1925 г. работал начальником ЭКУ ГПУ/ОГПУ СССР. В мае–декабре 1925 г. З. Б. Кацнельсон был полпредом ОГПУ по ЗСФСР и председателем Закавказской ЧК. По словам А. М. Ершова, возглавлявшего в то время в Тбилиси отделение Контрразведывательного отдела, тогдашний заместитель председа-

---

[1] Тумшис М. А., Папчинский А. А. Правда и ложь А. Орлова // Отечественная история. 1999. № 6. С. 179

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 343. Л. 27.

[3] Представление о работе Кацнельсона на должности начальника ОО 12-й армии дает его доклад РВС: «Приступил к реорганизации работ Особого Отдела Армии и... к установке контроля на въезд и выезд из армейской зоны, а также контроля по линии железных и шоссейных дорог, мной намечен следующий порядок работы. Для обслуживания частей, расположенных на фронте, мною при каждой дивизии прикрепляется Отделение Особого Отдела, на которые возлагается: 1) обязанность обслуживать район расположения частей дивизии; 2) насаждение секретно-осведомительной агентуры в Штабах частей; 3) использование специальных заданий, возлагаемых комиссарами дивизий; 4) контроль и проверка лиц, переходящих через боевую линию фронта». (Цит. по: Кочик В. Салют, Мария! // Секретные материалы 20 века. 2000. № 15. С. 14.)

теля Грузинской ЧК Л. П. Берия «подставил ножку» Кацнельсону, обвинив его в «неправильной национальной политике»[1].

Впрочем, вряд ли Кацнельсон горевал по поводу своего возвращения в Москву. В декабре 1925 – апреле 1929 г. он командовал всеми пограничными войсками и войсками ОГПУ СССР. А вот затем в его карьере последовал резкий спад – в мае 1929 – феврале 1930 г. Кацнельсон всего лишь начальник Секретно-оперативного управления и заместитель полномочного представителя ОГПУ по Северо-Кавказскому краю. В чем таилась причина его ростовской ссылки, выяснить пока не удалось, но опала налицо. Затем последовал уход из ОГПУ и десятимесячная работа членом правления Госбанка СССР. С 31 декабря 1930 г. Кацнельсон – полпред ОГПУ по Московской области. Был награжден орденом Красного Знамени, двумя знаками почетного работника ВЧК-ГПУ.

Не успел Кацнельсон обосноваться в своей харьковской квартире по улице Кооперативной, дом 22, как председатель ЦКК ВКП(б) и нарком Рабоче-крестьянской инспекции СССР Я. Э. Рудзутак получил письмо от сотрудников типографии ОГПУ. Они сообщали «о безобразиях, граничащих с преступлениями», упоминали, в частности, страсть З. Б. Кацнельсона к проституткам[2]. Вот такого начальника обрел Харьковский областной отдел ГПУ.

10 марта 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление: «Предоставить право рассмотрения дел по повстанчеству и контрреволюции на Украине с применением высшей меры социальной защиты тройке в составе тт. Балицкого, Карлсона, Леплевского»[3]. Вместе с Павлом Постышевым Балицкий объехал голодающие районы Украины и применял на местах решительные и жесткие меры для добывания зерна. Это позволило ему со временем говорить, что его вместе с Постышевым прислали спасать Украину, которую Косиор с Реденсом довели до гибели[4].

О том, как именно осуществлялось «спасение», председатель ГПУ УССР рассказал в своем выступлении на второй Донецкой областной партконференции в январе 1934 г. Там Балицкий заявил, что ликвидация прорыва в сельском хозяйстве УССР заставила «очистить совхозы и колхозы от чужих и вражеских нам элементов и пересмот-

---

[1] Попков Б. С., Оппоков В. Г. Бериевщина // Военно-исторический журнал. 1990. № 3. С. 83.

[2] Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий меч диктатуры пролетариата. М.: Яуза, Эксмо, 2004. С. 95.

[3] Сталинское политбюро в 30-е годы: Сб. док. М., 1995. С. 63.

[4] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468. Т. 1. Л. 48.

реть руководящие районные кадры». За десять месяцев 1933 г. было заменено «более крепкими работниками» 237 секретарей районных партийных комитетов, 249 председателей райисполкомов, 158 председателей районных контрольных комиссий[1]. Лишь в декабре 1933 г. и в январе 1934 г. в колхозах Украины ликвидировано 85 так называемых контрреволюционных кулацких группировок, вследствие чего репрессировано около 400 лиц, преимущественно руководящих работников[2].

Однако Всеволод Балицкий не сказал о другом – о том, что одной из главных задач председателя ГПУ УССР на то время было сохранение втайне самого факта существования голода и его фатальных последствий. Так, например, в постановлении Политбюро ЦК КП(б)У от 13 марта 1933 г. подобное поручение специально было дано ему относительно села Старошведское: власть опасалась, что сведения о голоде в этом селе могут попасть за границу[3].

Большевики никогда не признавали своих ошибок. И в ситуации с созданным ими искусственным голодом было решено списать все на «скрытых врагов» и «украинских буржуазных националистов». Именно по этому сценарию в Украине разворачивалась грандиозная антиукраинская акция. Усилив политический террор, голодом сталинское руководство решило свернуть политику «украинизации». Это была решающая фаза усмирения «украинизированной» самими большевиками Украины, ликвидация того «националистического» потенциала, который, по замыслу организаторов Голодомора, уже никогда не должен был после этого возродиться.

В разгар голода Всеволод Балицкий проявлял постоянную заботу о работниках своего ведомства. В апреле 1933 г. он, в частности, пишет Станиславу Косиору докладную записку, где сообщает, что «с целью создания собственной продовольственной базы для улучшения бытовых условий работников ГПУ и милиции при областных отделах... существуют подсобные хозяйства» и обращается с просьбой предоставить им семенную помощь (3,5 ц овса, 1,8 ц ячменя и т. п.)[4]. В одном томе Характерно примечание Балицкого: «В случае положительного решения ЦК вопрос будет мной согласован в Москве»[5]. Резолюция Косиора была такой: «Поддержать перед ЦК ВКП(б) просьбу ГПУ УССР об отпуске подсобным хозяйствам и совхозам

---

[1] Васильев В. 30-е годы на Украине // Коммунист. 1990. № 17. С. 78.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 101. Д. 1391. Л. 2.

[3] Там же. Оп. 16. Д. 9. Л. 190.

[4] Там же. Л. 319.

[5] Там же.

семенной помощи»[1]. И следующей весной, через год, Политбюро ЦК КП(б)У будет помогать ГПУ. По решению от 23 апреля 1934 г. для совхозов ГПУ на пересев вымерзших озимых из республиканского фонда было отпущено: проса – 900 пудов, гречки – 600, кукурузы – 300, подсолнечника – 120 пудов.

Голод 1932–1933 гг. и события, связанные с этой трагедией, вызвали новую волну репрессивных акций. Однако роль и место ГПУ в этих акциях не проанализированы комплексно до сих пор, хотя немало аспектов проблемы нуждаются в изучении. Например, докладные записки и информация ГПУ-НКВД – своего рода «фотография» реальной ситуации. Сохранилось немало чрезвычайно выразительных документов 1934–1935 гг., отражающих последствия того, что переживала Украина во время Голодомора. Так, в одной из справок (датированной маем 1934) о негативных настроениях крестьян из писем, которые поступают из села в Красную Армию, читаем: «По вопросам работы колхозов и экономическому положению колхозников преобладают сообщения о недостатках хлеба на селе, опухании, смертности и случаях самоубийств на почве голода. Пишущие в ряде случаев просят красноармейцев оказать помощь присылкой продуктов.

«На сегодняшний день в нашем колхозе вся работа стоит, потому что народ голодный и опухший и умирает. Многие побросали хаты и уехали. Мать больна, приезжай, иначе ты ее не увидишь. Если бы было, что кушать, то может еще пожила бы» (Лебедин, Харьковской области).

«... Хлеб колхоз не дает; хлеб отдали государству, а сами голодные и босые. У нас здесь страшный голод, много народу задавилось от голода. У нас одна женщина задавила своих 4-х детей и сама две недели пожила голодная».

«... Дорогой сын. Придется нам всем помирать с голоду, ибо в нашем хуторе очень много голодающих. Уже поели всю полову, так что умираем все. В нашем сельсовете голод кругом, трудно нам дождаться нового урожая» (Городницкий район).

«... У нас кушать нечего. Едим буряк и капусту. Помоги нам, не забывай, что твои братья умерли от голоду, пришли нам сколько сможешь хлеба».

В отдельных сообщениях пишущие, указывая на материальную необеспеченность села, советуют красноармейцам по окончании службы не возвращаться домой»[2].

---

[1] Там же. Л. 319.

[2] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 32.

Однако знание реальной ситуации порождало у власти не сочувствие, не желание помочь, а прежде всего скрыть масштабы трагедии, снять с себя вину, списать все на врагов режима. Еще в декабре 1932 г. начались аресты членов, как утверждалось в чекистских документах, «крупной, широко разветвленной контрреволюционной националистической “Украинской военной организации” (“УВО”), имевшей целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания и установление в Украине фашистской диктатуры»[1]. Балицкий считал, что дело «УВО» заслуживает «самого серьезного внимания и нуждается в боевых оперативных темпах для его дальнейшей ликвидации и разгрома»[2].

Весной 1933 г. для проведения следствия в деле «УВО» была сформирована Ударно-следственная группа во главе с начальником Секретно-политического отдела ГПУ УССР М. К. Александровским. Заместителем начальника группы был назначен заместитель начальника ОО ГПУ УССР В. П. Карелин (позже его заменил на этой должности заместитель начальника СПО ГПУ УССР Б. В. Козельский). В состав «ударно-следственной группы» входили сотрудники ГПУ УССР: начальник Оперативного отдела П. Г. Шостак-Соколов и его заместитель М. Е. Амиров-Пиевский; заместитель начальника ИНО С. И. Самойлов-Бесидский; начальник 2-го отделения СПО С. М. Долинский-Глазберг и его помощник А. М. Шерстов; оперуполномоченные СПО Л. М. Бесчинский, Я. Л. Герсонский, С. А. Пустовойтов, И. И. Соколов-Шейнис, С. С. Чистов; уполномоченные СПО Г. Н. Бордон, С. М. Миллер, М. И. Проскуряков, В. В. Руднев, Д. В. Шелюбский; секретарь СПО А. А. Цукерман; оперуполномоченные ОО С. С. Бренер, О. Г. Герчиков, Н. П. Дальский-Билоус, В. Л. Писарев-Фукс; уполномоченный ОО Ф. Т. Овчинников; оперуполномоченный Оперативного отдела С. Р. Березин-Геверц; В. М. Блюман (специально был отозван для ведения следствия с должности начальника СПО Одесского облотдела ГПУ); заместитель коменданта Л. И. Лелеткин; начальник спецкорпуса тюрьмы И. Г. Нагорный. Находились среди членов группы и «специалисты» из областей: начальник 4-го отделения СПО Одесского облотдела ГПУ З. Н. Глебов-Юфа и оперуполномоченный Днепропетровского облотдела ГПУ Б. Г. Гринер. «Ударно-следственные группы» по раскрытию «УВО» были созданы во всех облотделах ГПУ УССР (кроме Молдавской АССР). Вспомним всех «ударников» поименно:

---

[1] Архив ГУМВД Харьковской области 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 97.

[2] Там же. Т. 3. Л. 7.

Киевский облотдел ГПУ: начальник СПО М. Г. Чердак и его помощник С. И. Гольдман; оперуполномоченные СПО Б. И. Борисов-Коган, Погребинский; уполномоченные СПО Г. И. Коркунов, Н. П. Погребной, А. З. Ямпольский, М. З. Ямпольский; начальник 2-го отделения ОО Бутаров; уполномоченные ОО Ершов, Пономарев, Г. Л. Ракита, Яковенко;

Одесский облотдел ГПУ: начальник СПО Г. Б. Загорский и его помощник А. М. Симхович; начальник 2-го отделения СПО Н. А. Григоренко; оперуполномоченные СПО З. Д. Лифшиц, Чаплин, Ю. М. Толкачов; уполномоченные ОО Э. А. Шперлинг, Белов, Бринер; уполномоченный ЭКО Г. П. Рудницкий; помощник уполномоченного ИНО Вольфин;

Винницкий облотдел ГПУ: начальник СПО И. Я. Бабич и его помощник С. С. Брук; начальник 4-го отделения СПО С. Д. Вольский-Гитлер; оперуполномоченные СПО Н. Д. Грушевский и Левин; помощник уполномоченного СПО К. Н. Гречихин;

Днепропетровский облотдел ГПУ: начальник СПО М. И. Говлич и его помощник Я. С. Хозе; начальник 2-го отделения СПО Д. Г. Лифарь; уполномоченные СПО С. И. Гапонов и Похилов;

Харьковский облотдел ГПУ: начальник СПО Г. М. Осинин-Винницкий и его помощник Л. Т. Якушев; начальник 2-го отделения СПО Б. Я. Лисицкий; оперуполномоченные СПО М. И. Вишневецкий и Б. К. Цветухин; уполномоченный СПО Ф. А. Цветухин;

Черниговский облотдел ГПУ: начальник СПО М. И. Шелудченко и его помощник Я. Г. Гудзь; начальник 2-го отделения Беляновский; оперуполномоченный СПО С. И. Дрибинский;

Донецкий облотдел ГПУ: начальник СПО С. И. Заславский и его помощник М. М. Герзон, уполномоченные СПО Высоцкий и Кесс;

Каменец-Подольский пограничный отряд ГПУ: начальник И. Б. Шумский, уполномоченные СПО С. М. Спивак и Хейфман[1].

Приведенные составы ударно-следственных групп позволяют не только поименно назвать сотрудников ГПУ УССР, причастных к фабрикации дела «УВО», но и понять, из какого контингента выбирали следователи ее вымышленных членов. Ведь работники Секретно-политического отдела разрабатывали, как правило, интеллигенцию и крестьянство, а сотрудники Особого отдела – военнослужащих и лиц, подозреваемых в подготовке восстания.

Дело «УВО» нанесло сокрушительный удар главным образом по выходцам из Галиции. По сути это была настоящая охота на галичан,

---

[1] Там же. Т. 1. Л. 97–98.

чему содействовал приказ Балицкого: «Особое внимание обратить на членов “УВО”, которые пролезли в партию и прибыли из-за границы с фиктивными партийными билетами братских компартий. Они, как установлено следствием, являются наиболее активными организаторами подполья, шпионажа и диверсий»[1]. На самом деле жертвами репрессивных акций стали многие деятели Компартии Западной Украины, действовавшие в предыдущие годы в условиях подполья и преследований со стороны польских властей.

По инициативе Всеволода Балицкого вопрос о коммунистах-галичанах рассматривался 31 мая 1933 г. на заседании ЦКК КП(б)У, на котором многие из них были исключены из партии. Еще через восемь дней Политбюро ЦК КП(б)У согласилось с вышеупомянутым решением, назвав арестованных «группой семнадцати», хотя фактически в приложенном к решению списке зафиксировано 31 лицо[2].

В приказе ГПУ УССР № 452 от 23 сентября 1933 г. Балицкий отмечал, что, несмотря на «исключительную оперативную сложность этого дела, значительную разветвленность организации, а также наличие целого логова разных контрреволюционных течений и ориентаций в ее составе, следствие было проведено в минимально короткий срок. Нанесен сокрушительный удар по контрреволюционному подполью. Успехи по разгрому “УВО” были достигнуты исключительно благодаря революционной преданности, чекистской оперативной четкости и самоотверженности в работе всех работников, работавших по делу “УВО”». Этим самым приказом всем участникам «ударно-следственных групп» была объявлена благодарность от лица Коллегии ГПУ УССР[3].

Участие в расследовании дела «УВО» расценивалось самими чекистами как незаурядная заслуга, и они все время ее подчеркивали. Так, Марк Ефимович Амиров-Пиевский писал: «В 1933 году принимал участие в разработке “УВО”, руководил внешним наблюдением за самыми активными фигурантами “УВО” (Бадан, Копач-Холодный, Слипанский, Романюк, Березинский, Эрстенюк и другие). Мной лично был выявлен в Харькове представитель центра “УВО” Букшованный, который прибыл из-за границы. Он жил под фамилией Кривицкий. Букшованный был сопровождаем до Пятигорска, где был тайно снят и доставлен в ГПУ УССР. Провел выявление и арест Сирко Василия»[4].

---

[1] Архив ГУМВД Харьковской области 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 7.

[2] Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. Київ, 1993. С. 146–147.

[3] Архив ГУМВД по Харьковской области Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 3. Л. 7.

[4] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2551. Л. 10.

Однако не у всех чекистов участие в следствии по делу «УВО» вызывало приятные воспоминания. Вот что вспоминал об этом периоде своей работы Соломон Соломонович Брук: «В феврале 1934 года я был переведен из Винницы на работу в ГПУ УССР (Брук был назначен начальником 1-го отделения Секретно-политического отдела ГПУ УССР. – *Прим. авт.*). Здесь на меня был целый ряд заявлений по «ПОВ» и «УВО», которые предъявляли обвинение мне в неправильном проведении следствия. Заявлений этих было десятки, а вокруг меня была создана чрезвычайно напряженная и тяжелая атмосфера. Я писал объяснения, получал запросы из Москвы, отзывался из отпуска... Находясь в подавленном состоянии, я был вызван вскоре после октябрьских праздников к Козельскому, который мне заявил, что у него есть еще одно заявление на меня. Я очень разволновался и начал в повышенном тоне отказываться давать объяснение. Тогда Козельский мне сказал, что я могу не волноваться, если я буду придерживаться их линии... Эти люди готовы идти за Балицким в огонь и в воду»[1].

Соломон Брук быстро понял, в чьих руках его судьба, и принял новые правила игры. Согласились выполнять все приказы в обмен на покровительство Всеволода Балицкого и десятки других чекистов. Они знали, что нет такого переплета, из которого бы их не вытянул председатель ГПУ УССР. Но доверие «хозяина» надо было отрабатывать.

Разоблачив и арестовав основные силы «УВО», руководство Секретно-политического отдела ГПУ УССР начало распускать среди подчиненных слухи о существовании нового центра организации. В ускоренном темпе «разоблачили» несколько «боевых террористических организаций», которые якобы должны были уничтожить В. А. Балицкого и П. П. Постышева. Например, бывший заведующий отделом иностранной информации газеты «Комсомолец Украины» В. С. Еленюк на допросе 5 декабря 1933 г. в присутствии председателя ГПУ УССР и второго секретаря ЦК КП(б)У рассказывал, что хотел убить руководителя украинских чекистов во время его возвращения с заседания Политбюро ЦК КП(б)У, однако подчиненный ему террорист «не смог узнать о времени заседания Политбюро, а я не был в состоянии выяснить, в какой машине ездит Балицкий»[2].

«УВО» с полным основанием можно назвать «резиновой организацией», куда добавляли и добавляли так называемых участников

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 201.

[2] Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції (20–50-ті роки XX ст.). Київ, 1994. С. 124–125.

на протяжении нескольких следующих лет. По некоторым данным, лишь в 1933–1934 гг. по этому делу было осуждено по меньшей мере 148 лиц[1]. Главным вдохновителем фабрикации дела «УВО» являлся, бесспорно, Всеволод Балицкий. И, как никогда, был прав А. П. Любченко, когда в своем выступлении на XII съезде КП(б)У отметил: «А я вам прямо скажу, что ГПУ Украины с приездом товарища Балицкого стало политически оценивать факты, делать из них выводы. Яворский, которого раньше брали отдельно, Бадан, которого раньше брали отдельно, Эрстенюк, которого раньше брали отдельно, – все эти Баданы, Яворские, Эрстенюки, они пред большевистским глазом опытного чекиста и большевика предстали как организация, руководившая контрреволюционной подрывной работой против диктатуры пролетариата»[2].

Сам Балицкий в выступлении на XII съезде КП(б)У в 1934 г. вспомнил имя профессора М. В. Чичкевича, обвиненного им в «терроризме». «Мы, – подчеркивал шеф ГПУ, – его подвергали допросу вместе с П. П. Постышевым. Он очень долго не говорил относительно того, что эта форма (речь идет о терроризме. – *Прим. авт.*), этот метод борьбы применяется организацией, он долго не сознавался, что в том, что такого рода директива дана из-за пограничного центра, из Берлинского центра, но со временем, увидев такую компанию, как Постышев и Балицкий, решил сознаться (аплодисменты)»[3].

Вскоре профессор Чичкевич окажется на Соловках. Однако самое интересное то, что в делах соловецких узников сохранились его свидетельства о том, как из него сделали «террориста». Принципиально, что это были оценки, высказанные не для официальных лиц, не для следователей, а в разговорах с соловецкими узниками из Украины, то есть это был пересказ того, что происходило на самом деле. Вот отрывок из одного разговора в апреле 1937 г.: «Гуцуляк рассказывал, как Балицкий и Постышев позвали к себе Чичкевича и предложили ему писать о действиях УВО в блоке с троцкистами. Чичкевич пошел домой и купил себе несколько бутылок водки, выпил, пришел своевременно, но ничего не написал. Тогда Балицкий с Постышевым приказали его арестовать и спустя некоторое время вызвали к себе в кабинет арестованного Чичкевича, угостили папиросой. “Ну как, – спрашивают, – осознали? Будете говорить правду? Вы же хотели убить...” Балицкий показывает на себя и Постышева. Чичкевич кив-

---

[1] Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. С. 132.

[2] XII з'їзд КП(б)У. 18–23 січня 1934 р.: Стеногр. звіт. С. 446.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 429. Л. 156.

нул головой, составили протокол и дальше уже он писал на заказ следователя»[1].

Технической стороной фабрикации дела «УВО» руководил начальник Секретно-политического отдела ГПУ УССР Михаил Константинович Александровский. Он родился 1 мая 1898 г. в местечке Волошки Ровенского уезда Волынской губернии в еврейской семье. Систематического образования не получил. В мае 1917 г. вступил в киевскую организации РСДРП(б).

Свою большевистскую деятельность начал в санитарно-техническом отряде агитацией против старой администрации, из-за чего начальник материально-хозяйственной части покончил жизнь самоубийством. Потом работал в партийной организации Особой армии в Ровно и Луцке, где познакомился с будущим начальником отдела по борьбе с бандитизмом ВУЧК М. Г. Михайловым. Весной 1918 г. был арестован немцами, освобожден, проводил подпольную работу в Киевской губернии, принимал участие в вооруженном восстании против П. П. Скоропадского и убийстве 33 гетманских офицеров. Потом находился на подпольной работе в Ровно.

После прихода красных войск в Ровно стал уездным комиссаром юстиции, начальником судебно-уголовного розыска, председателем судебно-следственной комиссии, сотрудником уездной ЧК, был организатором повстанческих отрядов в демаркационной линии, трудился на оккупированной поляками территории, был ответственным политработником в 3-м киевском крепостном полку. Убежать с «красными» из Киева в конце августа 1919 г. он не смог и остался в городе на подпольной работе, но в чем она заключалась, в автобиографиях не писал. С восстановлением большевистской власти стал заместителем военного комиссара 1-го продовольственного полка по обеспечению продразверстки и борьбе с бандитизмом, а в мае 1920 г. переведен в армейский особый отдел[2].

Чекистскую карьеру начал уполномоченным по информации Особого отдела XII армии, служил уполномоченным и начальником информации Особого отдела 7-й краснознаменной дивизии. В апреле 1921 г. отозван в Секретно-оперативную часть ВУЧК.

В сентябре 1922 г. ему поручили сформировать и возглавить экономическое отделение Секретно-оперативной части ГПУ УССР. Борьбу с «экономической контрреволюцией» он вел почти три года на должностях начальника 1-го отделения, помощника и заместите-

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 37.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2174. Л. 28–31.

ля начальника экономической части ГПУ УССР. Особо отличился во время расследования «дела Брянского завода» в Екатеринославле, за что в 1924 г. награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ[1]. В июле 1925 г. назначен начальником Запорожского окротдела ГПУ, который возглавлял 5 лет. В апреле 1930 г. награжден орденом Красного Знамени. Г.А.Клювгант-Гришин позднее писал об Александровском: «Резко бросились в глаза отличие руководителей прежних органов, где я работал, от настоящего. Развитый, культурный, нажимистый[2]...Он очень увлекался литературой. Подбор литературы колоссальный и по вкусу»[3].

Почти параллельно с «УВО» было сфабриковано дело «Польской военной организации» («ПВО»), которой приписывали «активную шпионскую, диверсионную, террористическую и повстанческую работу с целью свержения диктатуры пролетариата на Украине» и «отторжения УССР от Советского Союза и захвата ее польским империализмом»[4]. Начиная с 1929 г. против ряда польских коммунистов, проживавших в СССР и занимавших ответственные партийные, военные и советские посты, выдвигались обвинения в принадлежности к так называемой «ПВО», а в 1933 г. были осуществлены первые аресты по этим обвинениям.

Известно, что реальная «ПВО» была создана в начале первой мировой войны на польских территориях Российской империи как подпольная патриотическая военная организация. Ее основная задача – разнообразная поддержка (в том числе и разведкой) «легионов» Юзефа Пилсудского, принимавших участие в войне на стороне Австро-Венгрии. Сначала «ПВО» действовала против России, а в 1917–1918 гг. – против Германии. До конца 1918 г. «ПВО» существовала даже в Москве[5]. После восстановления независимости Польши в конце 1918 г. «ПВО» влилась в Войско Польское и формально прекратила свое существование. На территориях Белоруссии и Украины она просуществовала до 1921 г. и принимала участие в советско-польской войне 1919–1920 гг. Вот почему «ПВО» рассматривалась советским руководством как «контрреволюционная организация». После

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2174. Л. 20.

[2] Там же. Ф. 6. Д. 49732 ФП. Л. 100.

[3] Там же. Л. 104.

[4] Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків в Україні у 1930-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1995. № 1, 2. С. 120.

[5] См.: Польща та Україна у тридцятих-сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т 8. Великий терор: польська операція, 1937–1938. Частина перша. Варшава-Київ: Інститут національної пам'яті РП, 2010. С. 76.

1921 г. в связи с окончанием советско-польской войны, а также репатриацией польского населения деятельность «ПВО» утратила смысл. Однако в СССР осталось довольно значительное число поляков.

По словам начальника 4-го (польского) отделения ОО ГПУ УССР Н. Ш. Новаковского, всю работу по разгрому «ПВО» в Украине возглавляли лично Балицкий и Александровский[1]. Во время «развертывания» следствия по делу «ПВО» один из арестованных, преподаватель Института польской пролетарской культуры при АН УССР М. М. Лапинский-Михайлов, дал показания о том, что польским шпионом и представителем II отдела польского Генерального штаба является... помощник начальника Особого отдела ОГПУ СССР И. И. Сосновский[2].

Игнатий Игнатьевич Сосновский (настоящая фамилия – Добржинский) – личность в ОГПУ СССР легендарная и даже в определенной мере уникальная. Дело в том, что в 1919–1920 гг. он как подпоручик II (разведывательного) отдела польского Генерального штаба, был главным резидентом польской разведки в Советской России по кличке «Сверщ». В июне 1920 г. арестован на конспиративной квартире опергруппой под руководством Ф. П. Карина. Это был большой успех ВЧК, поскольку польские разведчики, как правило, в плен живыми не сдавались, и Добржинский – первый из тех, кого чекистам повезло взять живым.

На Лубянке его допрашивали А. Х. Артузов, Р. А. Пилляр, В. Р. Менжинский и член ЦК Компартии Польши Юлиан Мархлевский. Им быстро удалось перевербовать польского разведчика, и тот выдал практически всех своих товарищей по оружию. Решающую роль сыграло обещание Феликса Дзержинского Добржинскому не расстреливать идейных пилсудчиков из его агентуры, а выпустить в Польшу под их честное слово – не заниматься больше шпионажем против большевиков. И действительно, многих арестованных польских разведчиков отпустили домой[3].

Вскоре Добржинский, уже как чекист Сосновский, выехал на Западный фронт и внес большой вклад в разгром польского подполья, и даже предотвратил покушение на жизнь командующего фронтом Михаила Николаевича Тухачевского. Кроме того, он обратился с письмом ко всем полякам, в котором рассказывал о своем прозрении

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 72106 ФП. Л. 26–27.

[2] Ежов Н. И. Выступление на Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 20.

[3] Это дало основание М. П. Фриновскому позднее говорить, что «русских стреляли, а поляков выпускали по этому делу».

и призывал прекратить борьбу с Советской властью. За эти подвиги Сосновский в 1921 г. награжден орденом Красного Знамени, принят в члены большевистской партии и по указанию Дзержинского зачислен в штат ВЧК. Это решение вызвало конфликт между Дзержинским и Пилляром, который в знак протеста покинул ВЧК и выехал на подпольную работу в Верхнюю Силезию[1]. Решительно протестовал против такого решения и начальник Особого отдела Западного фронта Ф. Д. Медведь.

Свою преданность большевикам надо было постоянно доказывать. Что Сосновский постоянно и делал. Только в 1921 г. с его активным участием ликвидированы «контрреволюционные подпольные группы» в Киеве, Житомире, Черкассах и Харькове. Он принимал участие в следствии по делам организации профессора С. Н. Таганцева и «Западного областного комитета» в Гомеле. Именно ему удалось склонить к сотрудничеству руководителя этого комитета А. О. Стауница-Опперпута, сыгравшего позднее ключевую роль в операции «Трест». Со временем Сосновский принимал участие в захвате Б. В. Савинкова и ликвидации контрреволюционной организации «Центр действия»[2]. За свою работу он был награжден двумя знаками почетного работника ВЧК-ГПУ. Но, несмотря на все заслуги, «своим» для большинства чекистов он так и не стал. Интересный «аргумент» недоверия к Сосновскому привел Ефим Евдокимов: «Нужно посмотреть лишь на морду этого Сосновского – чужая морда!»[3].

Говорят, жизнь – наилучший драматург. Это правда. Произошло так, что для проверки сообщения «о шпионской деятельности Сосновского» в Киев был направлен... сам Сосновский. Он начал передопрашивать упомянутого Лапинского-Михайлова, снова подтвердившего свои показания о «подрывной, вредительской, диверсионной и шпионской работе поляков». Тогда Сосновский в присутствии Лапинского-Михайлова позвонил кому-то по телефону и представился, чтобы арестованный понял, кто именно его допрашивает! Как только чекист назвал себя, Лапинский-Михайлов изменился в лице и сразу стал давать совсем другие показания[4]. Сосновский увез арестованного с собой в Москву, где тот был расстрелян 1 июня 1934 г. за подготовку вооруженного восстания, шпионаж и участие в контр-

---

[1] Гладков Т. П. Награда за верность – казнь. С. 522–523.

[2] Зданович А. Свой или чужой? – Свой! // Тайные операции российских спецслужб с IX по XXI век. М.: Гелеос, 2000. С. 208–209.

[3] Евдокимов Е. Г. Выступление на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 4.

[4] Балицкий В. А. Выступление на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 22.

революционной организации[1]. И это несмотря на то, что Балицкий требовал возвращения Лапинского-Михайлова «для предоставления дополнительных показаний и для дальнейшего распутывания всего этого дела»[2].

В 1933–1934 гг. лишь Киевским облотделом ГПУ под руководством А. Б. Розанова в деле «ПВО» осуждено 70 человек[3]. О том, как именно украинские чекисты фабриковали это дело, узнаем из докладной записки Генерального прокурора СССР И. А. Акулова Сталину в январе 1935 г. В ней сообщалось, что в Прокуратуру СССР поступили заявления от одиннадцати осужденных в деле «ПВО» о неправильных методах следствия. К записке Акулов прибавил заявление осужденных, в котором утверждалось, что никакой «контрреволюционной работы» они не вели, а лживые свидетельства давали «исключительно исходя из заявления» заместителя начальника Киевского областного отдела ГПУ З. М. Галицкого о том, что «партия нуждается в самопожертвовании и жертвах ряда людей»[4]. Но ни одного решения по этому факту фальсификации принято не было[5].

В 1934–1935 гг. усилились репрессии против лиц польской национальности, и прежде всего против представителей Коммунистической партии Польши (КПП), Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) и Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ). По санкции Политбюро ЦК ВКП(б) в Украине и в Белоруссии были организованы процессы, по которым проходили члены «ПВО». Так, в постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 мая 1934 г. отмечалось: «Разрешить ОГПУ выполнить приговоры в отношении руководителей разоблаченной “Польской военной организации” (“ПВО”) и провокаторов в компартии Польши»[6]. В декабре 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает постановление о закрытии особых переправ, организованных НКВД для сотрудников Коминтерна[7].

20 сентября 1935 г. Политбюро ЦК КП(б)У поручило Всеволоду Балицкому вместе с секретарем ЦК КП(б)У Н. Н. Поповым на

---

[1] Расстрельные списки. Ваганьковское кладбище. 1926–1936. М., 1995. С. 248.

[2] Балицкий В. А. Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. С. 22.

[3] Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків в Україні у 1930-ті роки // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1995. № 1/2. С. 119.

[4] Хаустов В. Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М., 1997. С. 12.

[5] Там же.

[6] Там же.

[7] Там же.

основании материалов НКВД разработать проект докладной записки в ЦК ВКП(б) о результатах раскрытия «ПВО» в Украине и связи членов этой организации с отдельными деятелями польской секции Коминтерна, в частности с только что арестованным представителем Компартии Западной Украины в польской секции Коминтерна В. Ю. Стасюком[1]. 22 февраля 1936 г. Балицкий подписал «Ориентировку по польской работе», которая вместе с материалами «Волынского центра ПВО» была разослана на места[2].

Кроме того, только в первой половине 1933 г. руководимые С. С. Мазо экономические органы ГПУ УССР, как отмечалось в одном из чекистских документов, разоблачили «диверсионную, вредительскую деятельность агентов "Интележенс (так в документе. – *Прим. авт.*) – Сервис" – представителей английской фирмы «Метро-Виккерс» на крупных электростанциях Украины, контрреволюционную деятельность немецких специалистов-фашистов, ряд больших организаций, групп и одиночек-воров в разных областях народного хозяйства», «осуществили значительную работу по борьбе со спекуляцией, нанесли ощутимый удар по срывникам советской и колхозной торговли», очистили «ряд областей промышленности, сельское хозяйство и заготовительные организации от антисоветских и контрреволюционных элементов»[3].

Выискивая «врагов народа» среди обыкновенных граждан, Мазо закрывал глаза на мошенничества своих подчиненных. Так, сотрудник ЭКУ ГПУ УССР И. Н. Янкелович был исключен из партии за злоупотребление служебным положением. Чекист незаконно получил квартиру, брал взятки у негласных сотрудников и явно жил не на свои законные 285 рублей в месяц. Казалось, что Янкеловича ждет суд, но благодаря заступничеству руководства его восстановили в партии, и он продолжал выискивать «врагов» на «экономическом фронте»[4].

С 9 по 11 июня 1933 г. в Харькове проходило совещание начальников экономических отделов областных (Винницкого – Л. И. Рейхман, Днепропетровского – А. М. Берман, Донецкого – Г. М. Никельберг, Киевского – В. В. Кирст, Одесского – Д. В. Орлов-Подольский, Харьковского – А. С. Глуховцев, Черниговского – А. Г. Масловский) и городских отделов ГПУ УССР. После его проведения Балицкий

---

[1] Рубльов О., Репринцев В. Репресії проти поляків в Україні у 1930-ті роки. С. 140.

[2] Там же. С. 140.

[3] Архив ГУМВД Харьковской области . Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 52.

[4] ГАХО. Ф. 99. Оп. 3. Д. 354. Л. 411–412.

не только отметил, что «экономические органы ГПУ быстро перестроились и нанесли сокрушительный удар по контрреволюции в народном хозяйстве», но и назвал существенные недостатки в их работе: низкие темпы перестройки и укрепления агентурного аппарата; небольшое число агентов-разработчиков и агентов среди среднего и низшего технического персонала; неудовлетворительное проведение противодиверсионной работы; плохое обслуживание военной, рудной и сахарной промышленности; загруженность сотрудников мелкими, несущественными делами[1].

15 июня 1933 г. председатель ГПУ УССР издал приказ за № 262, в котором поставил перед сотрудниками «важнейшее задание в ближайший период – изобличение контрреволюционного подполья среди среднего и низшего технического персонала в промышленности и сельском хозяйстве (техники, мастера, квалифицированные рабочие, бригадиры и т. п.)». Сотрудники Экономического управления ГПУ УССР должны были «решительно усилить работу по предотвращению аварий и пожаров в народном хозяйстве», а Соломон Мазо должен был «в каждом случае серьезной аварии немедленно проверять и докладывать мне об употребленных облотделом ГПУ мер по предотвращению и расследованию аварий»[2].

В соответствии с приказом Экономическому управлению ГПУ УССР необходимо было: сосредоточиться на изобличении «наиболее острых проявлений контрреволюции»; перестроить работу с агентурами; наиболее квалифицированную агентуру прикрепить к руководству; выделить квалифицированных сотрудников для системной работы с агентурами; организовать рейдовую (маршрутную) агентуру; расширить институт резидентов; обеспечить квалифицированную разработку агентурных дел; усилить помощь «городским и районным участкам, перестроив работу гласного аппарата таким образом, чтобы две трети квалифицированного оперативного состава находились на периферии»; усилить оперативную помощь заместителям начальников политотделов совхозов по ГПУ[3].

В 1933 г. Всеволоду Балицкому довелось сокрушить новый «националистический уклон», лидером которого на этот раз объявили Николая Алексеевича Скрыпника, старого большевика, бывшего наркомюста и прокурора УССР, а в 1927–1933 гг. – народного комиссара просвещения УССР (в феврале 1933 г. назначен председателем Госплана и заместителем Председателя Совнаркома УССР).

---

[1] Архив ГУМВД Харьковской области . Ф. 48. Оп. 1. Д. 1. Т. 1. Л. 53.

[2] Там же.

[3] Там же. Т. 1. Л. 53–54.

Интересно, вспоминал ли он, авторитетный чекист времен Гражданской войны, свою статью «Десять лет ЧК-ГПУ», напечатанную в газете «Коммунист» 28 декабря 1927 г. Тогда Скрыпник написал о не ограниченной никакими законами классовой борьбе, отмечая: «Реорганизация ЧК в ГПУ не означает ограничения той борьбы – это есть лишь использование для борьбы с буржуазией обычных “законных” методов... ЧК есть непосредственный орган коммунистической партии... ЧК – исполнитель политической расправы со всеми теми, кто стоит на пути и препятствует коммунистической партии, противопоставляет себя ей в политической борьбе против всего того, что чуждо, враждебно, что тянется к власти, думая сбросить руководство коммунистической партии».

Теперь Н. А. Скрыпнику пришлось в полной мере ощутить на себе действия исполнителей «политической расправы». В феврале 1933 г. его отстранили от должности наркома просвещения, а вскоре против него развернули целенаправленную политическую кампанию. Ее ключевым инициатором стал Павел Постышев, а Всеволод Балицкий, используя возможности своего ведомства, должен был доказать, что Скрыпника окружали враги, что сфера его деятельности находилась в руках «националистической контрреволюции».

Попутно заметим, что до сих пор в Украине и за ее пределами нет работ, которые бы освещали роль Постышева в руководстве карательными, в том числе и прежде всего антиукраинскими, акциями. Между тем очень много документов подтверждают, что эта роль была одной из основных и для этого сталинского посланца в борьбе с «украинскими националистами» мелочей не было. Например, 28 марта 1934 г. он пишет Балицкому записку такого содержания: «Всеволод Апполонович! Надо обязательно семьи арестованных контрреволюционеров националистов выгнать из квартир и обязательно выселить их из пределов Украины на север. С работы членов семей арестованных надо немедленно снять, с учебы – тоже.

Повторяю, надо как можно скорее выселить семьи из Украины, а также и всех тех, кто с ними жил в одних “гнездах”. Хотя, может быть, на последних пока фактического материала и не имеется, но все равно – это несомненно одна шайка-лейка.

Это не только мое личное мнение. П. Постышев»[1].

Еще один пример касается школьников. Поскольку Постышева коммунистическая пропаганда и агитация любили изображать «другом пионеров и школьников», это особенно интересный пример.

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 36.

17 апреля 1935 г. Балицкий присылает ему специальное сообщение об антисоветских проявлениях среди учеников сельских школ. В этом чрезвычайно характерном документе речь идет не только об «антисоветских проявлениях», но и о фактах «контрреволюционных **террористических настроений** (выделено нами. – *Прим. авт.*) некоторых школьников, главным образом старших классов, выявляющиеся в разговорах, которые оправдывают террор над вождями партии и правительства и даже в высказывании желаний принять участие в таком терроре»[1].

Постышев отнесся ко всему этому чрезвычайно внимательно и серьезно. Он, в частности, пишет указание секретарю Винницкого обкома КП(б)У В. И. Чернявскому и требует серьезно заняться «изучением состояния школ в сельских районах, принять меры к укреплению органов Наркомпросвещения и педагогического состава школ...»[2]. По своей сути это был призыв к тотальной «чистке» системы образования, которое было проведено весьма жестко.

Нельза забывать и том, что Балицкого и Скрыпника связывали давние отношения. Немало документов в 20-е гг. они подписали вместе. Характерно, что когда в январе 1932 г. праздновалось 60-летие Скрыпника, в печати появилось и приветствие, присланное Балицким из Москвы: «Дорогому Николаю Алексеевичу, величайшему зодчему Советской Украины и КП(б)У, непримиримому борцу за генеральную линию партии, представителю стальной ленинской гвардии, старому чекисту, соратнику Дзержинского – горячий дружеский привет и наилучшие пожелания в день 35-летия вашей борьбы за большевизм. Еще раз искреннее приветствие и пожелание жить еще много лет для борьбы за победу коммунизма. Ваш В. Балицкий»[3].

Прошло немногим больше года, и Балицкий вынужден будет забыть эти слова, определяя «направление главного удара» против «скрыпниковщины» (так теперь стали называть то, что было связано с именем и деятельностью Скрыпника). Прежде всего, этот удар был нанесен по Наркомату просвещения УССР, который Скрыпник возглавлял, да и по всей системе образования. «Драматурги» из ГПУ начали трактовать его деятельность и особенно деятельность его окружения исключительно как «вредительскую», «контрреволюционную», и даже «шпионскую». На протяжении лишь 1933 г. из аппарата Наркома просвещения было «вычищено» 200 «националистических, вражеских элементов», а в областных управлениях народного

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Вісті ВУЦВК. 1932. 27 січня.

образования по политическим мотивам заменили 100% руководства, в районных – 90%. Все они подверглись разным формам репрессий. 4 000 учителей были уволены из школ Украины как «классово вражеские элементы». Значительно расширялась сеть русских школ и классов[1].

Понятно, что дело не ограничивалось лишь сферой образования. В 1933 г. было введено новое «украинское правописание» (вместо «скрыпниковского», утвержденного в 1928 г.). Это сопровождалось поисками «националистов» в Институте научного языка при ВУАН. Серьезно пострадала и сама академия, поскольку Н. А. Скрыпник был секретарем ее фракции, и Всеукраинская ассоциация марксоленинских институтов (ВУАМЛИН), которую он возглавлял определенное время. Сам Скрыпник, не выдержав постоянной травли, 7 июля 1933 г. застрелился в своем кабинете.

Как свидетельствует Александр Семенко, «над сыном и женой наркома приняли шефство-опекунство высокие партийцы – Балицкий, Косиор»[2]. О том, что сына Скрыпника опекал Балицкий, писал также Иван Кошеливец, отмечая: в 1938 г. жену Скрыпника репрессировали, а сын оказался в детском доме, где его след потерялся[3].

Поскольку в сферу влияния Наркомата просвещения входило также развитие культуры, искусства, литературы, репрессии не обошли и этот «фронт». Уже начало 1933 г. ознаменовалось арестами среди писателей, которые значительно усилились после самоубийства 13 мая 1933 г. Николая Григорьевича Хвылевого (Фитилева). Многие из литераторов попадали за решетку по инициативе самого председателя ГПУ УССР. Например, в постановлении на арест писателя Павла Михайловича Губенко (Остапа Вишни) отмечалось, что арест проводится на основании личного распоряжения Балицкого[4].

Писатели (и вообще украинская интеллигенция), как уже отмечалось, давно были «под колпаком» ведомства Балицкого. Поэтому кое-кто из них, очевидно в целях самосохранения, стремился при случае упоминать имя шефа ГПУ. Например, о нем вспомнил в выступлении на Харьковской областной партийной конференции драматург Иван Микитенко: «И здесь мы должны отметить в самом деле большую и почетную роль славных органов ГПУ и руководителя ГПУ тов. Балицкого в очищении нашей литературы от предателей и шпионов, от всех этих Яловых, Досвитних, Пилипенков, Грицаив,

---

[1] См.: Шаповал Ю. І. Україна 20–50-х років: сторінки ненаписаної історії. С. 126.

[2] Семенко О. Харків, Харків... Харків; Нью-Йорк, 1992. С. 84.

[3] Кошелівець І. Микола Скрипник. München, 1972. С. 63.

[4] Ільєнко І. О. В жорнах репресій. Київ, 1995. С. 172.

Речицких, Озерских, Остапов Вишен и им подобных. Мы можем сказать, что если враги украинской советской культуры так люто ненавидят тов. Балицкого, то это свидетельствует, что тов. Балицкий есть настоящий друг социалистической Украины, украинской советской культуры и литературы. И именно поэтому актив советской литературы Украины отдает свои горячие симпатии стойкому и верному большевику Всеволоду Аполлоновичу Балицкому и всем нашим лучшим большевикам-чекистам, которые помогают партии утверждать украинскую советскую культуру и литературу на наших пролетарских позициях»[1]. Таким образом, пароксизм изобличения «врагов» в украинской советской литературе подкреплялся прославлением спасительной миссии ГПУ и лично «подлинного друга» литературы и культуры товарища Балицкого[2].

Погром украинских писателей достиг такого размаха, что 17 мая 1935 г. С. В. Косиор обратился к Балицкому с просьбой «разъяснить» всем подведомственным последнему органам, что всяческие аресты, обыски и другие виды репрессий не могут быть проведены без предварительной санкции Секретариата ЦК КП(б)У. По неполным подсчетам, лишь за период с декабря 1932 по май 1937 г. (время третьего пришествия Всеволода Балицкого в Украину) был репрессирован 71 украинский писатель[3].

Имя и дела Балицкого неоднократно упоминались и на пленуме правления Союза советских писателей Украины, где, в частности, П. П. Постышев в докладе цитировал добытые в ГПУ признания «контрреволюционеров-националистов» поэта Олексы Влызько, драматурга Николая Кулиша и др.[4] Вспомнил Постышев и еще одно имя – выдающегося режиссера, основателя и руководителя знаменитого харьковского, а потом и киевского театра «Березиль» Александра Степановича (Леся) Курбаса. В октябре 1933 г. его как «националиста» отстранили от руководства театром, а в декабре того самого года арестовали. Осужденный, со временем он оказался на Соловках,

---

[1] ГАХО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 117. Л. 151.

[2] Показательным в этом отношении может быть рассказ Якова Качуры «Потомок Богуна», напечатанный в четвертом номере журнала «Жизнь и революция» за 1934 г. Рассказ начинается с цитирования указаний председателя ГПУ УССР: «Уцелевшие остатки националистической контрреволюции попробуют перестроиться, пойдут в глубокое подполье, глубже законспирируются и оттуда будут стараться проводить свою каинову работу, будут стараться вредить нашему социалистическому строительству». (Цит. по: Дзюба И. Пятьдесят лет спустя // Дружба народов. 1989. № 4. С. 218.)

[3] Подсчитано по: З порога смерті: Письменники України – жертви сталінських репресій. Київ, 1991.

[4] Постишев П. Шлях Української літератури. Промова на Пленумі Правління Спілки радянських письменників України // Червоний шлях. 1935. № 5. С. 10–11.

а расстрелян был в урочище Сандармох (в Карелии) в ноябре 1937 г. вместе с другими соловецкими узниками[1].

В следственном деле упомянутого драматурга Николая Кулиша сохранился чрезвычайно интересный документ – сообщение его сокамерника, которого чекисты обязали сообщать о том, что говорит Кулиш: «Общий вывод относительно строительства культуры на Украине Кулиш делает печальный. Балицкий, – говорит он, – может только разрушать. Ему скажут, так он еще три тысячи арестует за одну ночь. А вот создавать некому. Все ценное и талантливое разогнано и уничтожено»[2].

Число расстрелянных в Украине в 1933 г. нуждается в дальнейшем уточнении. В одном из документов ГПУ УССР, датированном 29 марта 1934 г., указано, что в 1933 г. в Украине был казнен 1 141 человек. Из них по постановлению ОГПУ – 474, по постановлению ГПУ УССР – 667, умерло 5 человек[3]. В служебной записке начальника УСО ГПУ УССР М. М. Букшпана на имя начальника Учетно-статистического отдела ОГПУ СССР Я. М. Генкина от 31 марта 1934 г. указано, что в течение 1933 г. по постановлению судебной «тройки» при Коллегии ГПУ УССР расстреляно 805 человек, из них по делам территориальных органов ГПУ – 615 человек, по делам транспортных органов – 52 человека, по делам органов милиции – 138 человек[4]. Эти архивные данные противоречат утверждениям историка О. Б. Мозохина, утверждающего в своих работах, что в 1933 г. ГПУ УССР приговорило к расстрелу 69 человек[5].

Кроме «УВО» и «ПВО» вскоре было сфабриковано дело так называемого «Блока украинских националистических партий (УКП, боротьбистов, эсеров, есдеков и др.)», который, по словам Всеволода Балицкого, представлял собой «прямую агентуру международной контрреволюции, в первую очередь, немецкого и польского фашизма»[6]. По сути, это было продолжение предыдущих антиукраинских акций. Следствием в этом деле руководил уже новый на-

---

[1] Подробнее: Остання адреса. Розстріли соловецьких в'язнів з України у 1937–1938 роках. 2-е вид., доопр. і доп. Т 1–2. Київ: Сфера, 2003.

[2] Цит. по: Шаповал Ю. І. Сталінізм і Україна // Український історичний журнал. 1992. № 1. С. 47.

[3] Голодомор 1932–1933 років в Україні. За документами ГДА СБУ. Анотований довідник. Львів: Центр дослідження визвольного руху, 2010. С. 319.

[4] Розсекречена пам'ять: Голодомор 1932–1933 років в Україні в документах ҐПУ-НКВД. Київ: Стилос, 2008. С. 538.

[5] Мозохин О., Гладков Т. Менжинский. Интеллигент с Лубянки. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 432; Мозохин О. Б. Право на репрессии: Внесудебные полномочия государственной безопасности (1918–1953). Жуковский. М.: Кучково поле, 2006. С. 312.

[6] XII з'їзд КП(б)У. 18–23 січня 1934 р.: Стеногр. звіт. С. 119.

чальник СПО ГПУ УССР Б. В. Козельский, сменивший в этой должности назначенного начальником Особого отдела ГПУ УССР и Украинского военного округа М. К. Александровского.

Борис Владимирович Козельский (настоящее имя – Бернард Вольфович Голованевский) родился в мае 1902 г. в еврейской семье в Проскурове, закончил семиклассное коммерческое училище в Киеве. Как отмечал Козельский в автобиографии, «до 1919 г. активного участия в революционной работе не принимал. В указанном году вступил добровольцем в Красную армию (58 стрелковая дивизия). В дивизии пробыл до начала 20 года на разной работе, со временем работал инструктором Политуправления XII армии, где вступил в РКП. Из политотдела XII армии я был перекинут на политработу в Днепровскую Военную Флотилию, где пробыл... до февраля 21 года. Из-за расформирования Днепровской Военной Флотилии, был откомандирован на Черноморский флот, где пробыл на политической и культурно-просветительской работе до августа 21 года. Находясь в Киеве на лечении во время чистки партии, был исключен с характеристикой "пассивный член партии". Считая, что активность лучше всего можно доказать непосредственной работой, требовал командировки в органы ЧЕКА. В сентябре 21 г. УКРПУРОМ был откомандирован в В. У. Ч. К., где начал работу по борьбе с бандитизмом (секретным сотрудником Секретно-оперативного управления ВУЧК. – *Прим. авт.*)»[1].

С 10 ноября 1921 г. Козельский – сотрудник для поручений Полномочного представительства ВУЧК на Правобережной Украине. С 1 января 1923 г. – уполномоченный по борьбе с бандитизмом Контрразведывательного отдела Киевского губернского отдела ГПУ. В августе 1924 г. его отзывают для работы в центральном аппарате ГПУ УССР. По нашему мнению, это произошло благодаря усилиям или В. М. Горожанина или Н. И. Добродицкого, которые к тому времени осели в Харькове и подбирали своих людей. Карьеру в ГПУ УССР начал 15 ноября 1924 г. помощником уполномоченного Контрразведывательного отдела. С 1 мая 1925 г. – уполномоченный Секретного отдела, с 15 июля 1928 г. возглавил 2-е отделение СО, с 1 января 1930 г. – помощник начальника СО[2].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 1385. Л. 20.

[2] Оценивая работу Козельского в центральном аппарате ГПУ УССР, Всеволод Балицкий писал: «В 1925 г. т. Козельский достиг довольно значительных результатов по разгрому украинской контрреволюции. Ряд активных контрреволюционных организаций ликвидированы под непосредственным руководством и при непосредственном участии т. Козельского...

С апреля 1931 г. Козельский работал помощником начальника только что созданного Секретно-политического отдела ГПУ УССР. В том же году снова принят в ВКП(б) и награжден Знаком почетного работника ВЧК-ГПУ. С 1 марта 1932 г. – заместитель начальника СПО ГПУ УССР, принимает участие в раскрытии, по официальной версии ГПУ, «ряда повстанческих организаций». В декабре 1932 г. в честь пятнадцатилетия органов ВЧК-ГПУ награжден орденом Трудового Красного Знамени УССР.

Обязанности начальника Секретно-политического отдела Козельский начал выполнять с середины декабря 1933 г. Думаем, Балицкому было непросто провести его на эту должность. Ведь приказ НКВД УССР о назначении Козельского начальником Секретно-политического отдела появился лишь 9 ноября 1934 г., а приказ НКВД СССР– только 16 января 1935 г.

В декабре 1933 г. Балицкий ходатайствовал перед Постышевым о представлении к награждению орденом Красного Знамени К. М. Карлсона, Б. В. Козельского, С. А. Пустовойтова, С. С. Мазо, М. К. Александровского и начальника Иностранного отдела ГПУ УССР В. П. Карелина. В письме на имя второго секретаря ЦК КП(б)У, в частности, отмечалось, что «за последний год органами ГПУ УССР нанесен решительный удар по контрреволюции, которая осуществляла на Украине широкую разрушительную работу... Ликвидированы самые крупные контрреволюционные организации:

1) Украинская военная организация («УВО»);
2) Польская организация военная («ПВО»);
3) Организация украинских эсеров;
4) Заговор в сельском хозяйстве и прочее»[1].

Обратим внимание на то, что в этом списке отсутствует фамилия заместителя председателя ГПУ УССР Израиля Леплевского, который в 1933 г. поработал не менее «ударно». Дело в том, что во второй половине 1933 г. резко обострились отношения между Балицким и Леплевским. Про первопричины этого конфликта известно немного. 26 июня 1937 г. в письме-доносе наркому внутренних дел СССР

В дальнейшем т. Козельский, руководя борьбой с активной украинской контрреволюцией, принимал непосредственное участие в разработке и ликвидации Всеукраинской повстанческой организации “Союз освобождения Украины”, старавшихся...

При проведении разработки “СВУ” выявил повстанческую деятельность “СВУ”, ее террористические принципы и ориентацию “СВУ” на иностранную интервенцию.

В 1930–1931 г. активно участвовал в разработке ряда значительных повстанческих организаций “Украинского национального центра” и “Военно-офицерской организации” (дело “Весна”)» (ОГА СБУ. Киев. Д. 1385. Л. 37–39).

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2886. Л. 87–88.

Н. И. Ежову и тогда уже наркому внутренних дел УССР И. М. Леплевскому было написано: «Кацнельсон сам и через Рубинштейна (имевшего большое влияние на Балицкого) обрабатывал Балицкого на то, что, мол, Леплевский (бывш[ий] тогда замом у Балицкого) выживает Балицкого и добился того, что создал впечатление в аппарате у ряда руководящих работников НКВД, в том числе и у меня впечатление, что это так»[1].

Это письмо подготовил А. О. Броневой. Он был чуть ли не единственным чекистом, которого Балицкий на совещаниях называл просто по имени – «Саша» (они были знакомы еще с Житомира), в 1933 г. тот возглавлял Отдел кадров ГПУ УССР и хорошо знал ситуацию. На момент написания письма Балицкий еще не был арестован и потому, по нашему мнению, этим свидетельствам можно верить в той части, что Леплевский собирался «выжить» Балицкого из Украины. Относительно интриг начальника Харьковского облотдела ГПУ З. Б. Кацнельсона и особоуполномоченного ГПУ УССР Н. Л. Рубинштейна, то, описывая их, Броневой, по нашему мнению, оказывал услугу Леплевскому: дескать, я не интриган, за власть не боролся, меня оговорили и все претензии Балицкого ко мне безосновательны. Поступок Броневого Леплевский оценил по заслугам, т. е. не арестовал его. Интересно, что, отрекаясь от своего многолетнего покровителя, Броневой заявлял, что не был «человеком Балицкого», так как все любимцы наркома жили в отдельных особняках, а у него была лишь квартира.

В 1956 г. бывший сотрудник оперативного отдела ГПУ УССР И. Г. Гудзь напишет военному прокурору, что в 1933 г. секретарь Леплевского Э. А. Инсаров-Поляк и шурин Леплевского – оперуполномоченный ИНО ГПУ УССР Д. И. Джирин «вели среди работников разговоры, заявляя, что все успехи НКВД в оперативной работе являются в результате оперативности Леплевского. Эти разговоры дошли до Балицкого, который немедленно удалил Леплевского из Украины... Во время отъезда Леплевского, на вокзале из провожающих никого не было, кроме Амирова-Пиевского (заместителя начальника Оперативного отдела ГПУ УССР. – *Прим. авт.*). Леплевский к нему обратился в озлобленном тоне со следующими словами “Я, мол, уезжаю из Украины, но я еще сюда вернусь и рассчитаюсь со всеми”[2]. Заметим, что так оно в конце концов и произошло.

---

[1] Доповідна записка А. О. Бронєвого наркомам внутрішніх справ СРСР та УРСР, від 26 червня 1937р. // Наше минуле. 1993. № 1. С. 72.

[2] Скарга Йосифа Генріховича Гудзя від 26 січня 1956 року // Наше минуле. 1993. № 1. С. 53.

5 января 1934 г. Леплевский был назначен полпредом ОГПУ по Саратовскому краю. Переехали в Саратов и другие украинские чекисты: Э. А. Инсаров-Поляк в качестве секретаря полпреда; Д. И. Джирин возглавил Оперативный отдел; начальник ОО Донецкого облотдела ГПУ З. М. Ушаков (успевший заработать в Украине в 1933 г. знак почетного работника ВЧК-ГПУ[1]) стал начальником ОО; С. А. Громов, который в 1931 г. работал начальником Оперативного отдела ГПУ УССР, начал руководить Общим отделом. Еще один сторонник Леплевского – начальник ОО ГПУ УССР Л. А. Иванов усилиями Балицкого переведен начальником милиции в Горький. В 1935 г. к «команде» Леплевского присоединится заместитель начальника ОО УГБ НКВД УССР В. П. Карелин. Дело в том, что партийная организация НКВД УССР начала интересоваться его денежными комбинациями во время его работы в Иностранном отделе. Встал даже вопрос о его исключении из партии. Пришлось ему срочно оставлять Украину и перебираться в Минск (где в то время И. М. Леплевский возглавлял НКВД БССР) на должность начальника Особого отдела[2].

В марте–апреле 1934 г. ЭКУ ГПУ УССР выявило разветвленную систему хищения продуктов и имущества в Киеве и других городах Украины. К преступным действиям были причастны работники хозяйственного объединения Киевского областного исполкома, созданного в феврале 1933 г. для удовлетворения потребностей партийно-хозяйственной номенклатуры, ряд хозяйственных организаций Киева и других городов. Закрытая система распределения продуктов использовала валютные операции «Торгсина», конфискованные у крестьян продукты и драгоценности для многочисленных спекуляций и собственного обогащения. По уголовному делу (обвинительное заключение утвердил В. А. Балицкий) было осуждено 78 человек[3].

На допросе в 1937 г. бывший начальник оперативного отдела Киевского облотдела ГПУ А. Я. Санин-Затурянский показал, что в 1932–1933 гг., в разгар голода, начальник Киевского облотдела А. Б. Розанов и его приближенные: начальник кооперативного отдела П. С. Литвак, Жолнер и Розов продавали через кооператив ГПУ «Торгсину» большие партии муки, сахара и других продуктов, а за вырученную валюту приобретали «торгсиновские» вещи. Во время следствия по делу киевского хозяйственного объединения Киевского облисполкома А. Б. Розанов и его заместитель М. Г. Чердак про-

---

[1] Буяков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД: 1932–1942 гг. Ч. II: Знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». Владивосток: Русский Остров, 2008. С. 249.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 72106 ФП. Л. 29.

[3] Там же. Ф. 13. Д. 15. Л. 208–209.

рабатывали сотрудников, чтобы те держали язык за зубами. Что те и делали[1].

16 апреля 1933 г. за допущенные нарушения в торговле Сумским городским отделом Харьковского областного отдела ГПУ (незаконный обмен продовольствия на мануфактуру и другие товары) были отстранены от должности и арестованы начальник горотдела Ю. К. Клаусен, оперуполномоченный А. Р. Винокур, уполномоченный Д. С. Левитан, помощник уполномоченного Д. Е. Цырлин и секретарь С. И. Навроцкий. И хотя подписанный Карлом Карлсоном приказ предупреждал других руководителей ГПУ, что за незаконные коммерческие операции виновные будут привлекаться к уголовной ответственности[2], никто из сумских чекистов осужден не был.

В то время, когда К. М. Карлсон разоблачал финансовые нарушения своих подчиненных, высокие московские посланцы искали финансовые нарушения руководства ГПУ УССР. В первой половине 1934 г. в Харькове работала комиссия советского контроля, зафиксировавшая многочисленные финансовые злоупотребления в Главмилиции и ГПУ УССР. Они проявлялись в бесконтрольной и незаконной трате скрытых от государства денежных средств. Делалось это путем составления фальшивого баланса. Вопрос рассматривался на самом высоком уровне и по итогам проверки ЦК ВКП(б) принял специальное постановление за подписью И. В. Сталина. Оно поступило в Харьков 24 мая 1934 г. Этим постановлением Всеволоду Балицкому был объявлен выговор за «допущение в подчиненном эму аппарате незаконного расходования средств»[3].

По результатам проверки, которую воглавлял уполномоченный комиссии советского контроля Шаблиевский, «за грубые недостатки в финансово-хозяйственном состоянии рабоче-крестьянской милиции УССР» были сняты с должностей заместитель председателя ГПУ УССР К. М. Карлсон и начальник УРКМ УССР П. В. Семенов. Это был серьезный удар по авторитету Балицкого. Ему, правда, удалось в известной мере защитить подчиненных, которые, как могли, спасали своего шефа: от комиссии Шаблиевского сумели скрыть свыше миллиона рублей, потраченных на нужды ГПУ[4]. Шаблиевский также настаивал на исключении управляющего делами ГПУ УССР Я. В. Письменного из партии за крупное расходование государствен-

---

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 011474. Л. 22–23.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 9. Д. 666. Л. 153.

[3] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 40.

[4] АУ ФСБ РФ Омской области. Д. 193674. Л. 42.

ных средств на свой особняк. Однако Балицкому удалось отстоять своего любимца[1].

Уже в июле К. М. Карлсон был назначен начальником Управления НКВД по Харьковской области (вместо Я. К. Крауклиса). В следующем месяце П. В. Семенов, которому постановлением ЦК ВКП(б) было запрещено в течение двух лет занимать руководящие должности, стал начальником 8-го отделения ОО УГБ НКВД УССР.

Больше всех пострадал начальник Финотдела ГПУ УССР А. С. Янишевский, награжденный в декабре 1933 г. знаком почетного работника ВЧК-ГПУ. 4 июня 1934 г. он был отстранен от должности и отправлен на работу в ГУЛАГ ОГПУ СССР. Балицкий оценил то, что Янишевский никого из руководства не «подставил», поэтому за ним три года сохраняли квартиру в доме НКВД в Харькове. В 1937 г. его вернули уже в Киев, где он мгновенно получил работу в Управлении шоссейных дорог НКВД УССР и новую квартиру[2].

В выступлении на XII съезде КП(б)У в январе 1934 г. Всеволод Балицкий заявил: «...Мы должны повысить еще больше свою большевистскую внимательность, так как уцелевшие остатки контрреволюционного подполья, начиная от земледельческо-гетьманских контрреволюционных кругов до “левых” укапистских и боротьбистских групп включительно, работая в подполье на платформе единого национального фронта, переходят на фашистские позиции борьбы с ними»[3]. Закончил он выступление так: «Накануне XVII съезда... партия, которая выросла, окрепла, поднялась на высшую историческую ступень перед лицом огромных задач социалистического строительства, стоящих перед ней, под руководством нашего ЦК, под руководством нашего Сталина, пойдет к новым боям, к новым победам за дело коммунизма»[4].

На XVII съезде ВКП(б) В. А. Балицкого избрали членом ЦК ВКП(б). Такой чести высочайшее партийное руководство удостоило еще только одного чекиста – Г. Г. Ягоду, а полпред ОГПУ по Дальневосточному краю Т. Д. Дерибас стал кандидатом в члены ЦК. В. Р. Менжинский, видимо, по состоянию здоровья, в ЦК не избирал-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 193.

[2] Как мы уже отмечали, в принципе, финансовые злоупотребления не были чем-то новым или странным в деятельности спецслужбы. В том же 1934 году упомянутый финансовый скандал не был единственным в ГПУ УССР. Например, за проведение незаконных коммерческих операций и злоупотребления служебным положением на 3 года 6 месяцев лишения свободы был осужден начальник Херсонского городского отдела ГПУ Г. Г. Каминский (Черный).

[3] XII з'їзд КП(б)У, 18–23 січня 1934 р.: Стеногр. звіт. С. 120.

[4] Там же. С. 121–122.

ся. Все это свидетельствовало о незаурядном партийном авторитете Балицкого.

В начале 1934 г., а именно 18 января, состоялся Пленум ЦК КП(б)У, утвердивший повестку дня XII съезда КП(б)У. Среди рассмотренных был и вопрос о перенесении столицы Украины из Харькова в Киев. Процитируем стенограмму:

«**Тов. Постышев:** Товарищи! ЦК ВКП(б) и лично тов. Сталин предлагают нам столицу Украины перенести в Киев, с чем мы согласились.

Тов. Балицкий: Никто не аплодирует».

Тов. Постышев: Потом будут аплодировать»[1].

21 января 1934 г. постановлением Политбюро ЦК КП(б)У председателем Правительственной комиссии для подготовки переезда назначили Всеволода Балицкого[2]. Среди прочих комиссия решала и жилищный вопрос, то есть вопрос о размещении партийно-государственных чиновников. Для сотрудников ГПУ УССР было выделено здание бывшей гостиницы на улице Воровского, дом 2[3].

На заседаниях Политбюро ЦК КП(б)У 18 февраля, 27 марта и 11 апреля 1934 г. рассматривался вопрос о строительстве правительственного центра в пределах древней части Киева, на Старокиевской горе. Среди ряда решений были и такие: «Предложить ВУЦИК издать постановление (без опубликования в печати) о снесении Михайловского монастыря.

... Поручить комиссии в составе тт. Попова, Балицкого и Затонского установить историко-художественную ценность и принять нужные меры к снятию наиболее ценных фресок и мозаик»[4]. Комиссия вынесла вердикт о том, что Михайловский собор «не составляет ни исторической, ни культурной, ни архитектурной ценности и потому может быть снесен»[5].

В начале апреля Всеволод Балицкий утвердил план строительства Киева, разработанный группой архитекторов во главе с П. Г. Юрченко. По этому плану уничтожению подлежали Трехсвятительская церковь (XII в.), Михайловский Златоверхий собор и большое неоклассическое здание середины XIX в. Как известно, фрески из Михайловского собора были не просто сняты, а и частично вывезено в Третьяковскую галерею и Эрмитаж.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 446. Л. 3.

[2] См.: Мачулин Л. И. Украинская столица для Красного императора. Харьков, 2009. С. 112–113.

[3] Там же. С. 144.

[4] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 231.

[5] Там же. .

В марте 1934 г. были утверждены решения относительно переезда центральных учреждений в Киев. Так, 26 марта Политбюро ЦК КП(б)У решило выделить 10 миллионов рублей для «административного строительства» в будущей столице, из них 1 миллион предназначался ГПУ УССР[1]. Этому же учреждению решением от 30 марта выделялось 2,5 млн рублей на жилищное строительство[2]. По финансовым затратам ГПУ уступало лишь Совнаркому, ЦК КП(б)У и столичному военному округу. И это без учета затрат на содержание штатных работников и многочисленного отряда информаторов, проведение разного рода операций.

Переезд правительства в Киев, разумеется, не мог обойтись без поисков «контрреволюционеров». Поэтому Козельский заявил своему агенту-провокатору, авторитетному ученому, академику АН УССР философу В. А. Юринцу, что у него есть сведения о подготовке аварии правительственного поезда во время переезда из Харькова в Киев. Никаких сведений у академика, естественно, не было и быть не могло, но... Юринец написал заявление и отдал его начальнику 5-го отделения СПО ГПУ УССР А. М. Шерстову. Опытный оперативник, принимавший участие в следствии по делам «СВУ», «УНЦ», «Трудовой крестьянской партии», «УВО», «ПОВ» и награжденный за это в 1933 г. знаком почетного работника ВЧК-ГПУ, полученным заявлением остался очень недоволен, поскольку в нем концы с концами не сходились. Шерстов приказал «написать покрепче, ибо прокурор с таким материалом санкции на арест не даст»[3]. Так и вышло: Юринец написал другой вариант, который всех устроил[4].

Вскоре Постышев на бюро Киевского обкома КП(б)У отметил «большую работу, проделанную Киевским областным отделом НКВД под руководством т. Розанова А. Б. по очищению г. Киева от контрреволюционных и антисоветских элементов и по укреплению революционного порядка при переезде столицы Украины в Киев»[5]. Большая работа состояла в очистке города от «социально чуждого элемента» – в спешке ликвидировали два десятка бандформирований и арестовали несколько тысяч воров. 28 уголовников расстреляли, а более 2 тыс. отправили в концлагеря. Кроме того из Киева выселили около 20 000 человек.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 11. Л. 108.

[2] Там же. Л. 106.

[3] Цит. по: Золотарьов В. А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. С. 262.

[4] Там же.

[5] ОГА СБУ. Одесса. Д. 2151. Л. 20.

Спецпоезд с членами правительства прибыл в Киев 24 июня 1934 г. На вокзале их встречали делегации местных рабочих, комсомольцев и пионеров. После короткого митинга вожди сели в открытые автомобили и двинулись по бульвару Тараса Шевченко. Возле Киевского оперного театра кавалькада остановилась. Элита заняла места на трибуне. Прошли демонстрация трудящихся и военный парад. А в 20. 00 состоялся расширенный пленум Киевского горсовета. Потом – массовые гулянья, салют и катания на пароходах по Днепру с факелами. 24 июня 1934 г. в Киеве было объявлено нерабочим днем. Но его надлежало отработать в следующие выходные.

В Киеве центральный аппарат ГПУ УССР разместился в здании бывшего Института благородных девиц по улице 25-го Октября (ныне Международный центр культуры и искусств по улице Институтской, дом 1), а его председатель стал жить в бывшем особняке О. Бельского по улице Герцена, дом 14 (ныне здесь находится Институт педиатрии, акушерства и гинекологии). Всеволод Балицкий не пожалел казенных денег (около миллиона рублей) на обустройство своего «пролетарского гнезда» в Кмитовом яру. Под непосредственным руководством Людмилы Балицкой были созданы сохранившиеся и поныне вазы, мостики, искусственная каменная композиция, относящиеся к малым формам архитектуры. Ручьи на дне яров запрудили и получились живописные пруды. Дача была ограждена высоким забором с несколькими глухими воротами, усадьба превратилась в изолированный от внешнего мира «райский уголок». Церковь святого Федора, находившаяся как раз против усадьбы Балицкого, была снесена.

Комиссию по размещению сотрудников центрального аппарата ГПУ УССР в Киеве возглавлял Яков Вульфович Письменный, который, по словам члена этой же комиссии М. В. Френкеля, «работе комиссии совершенно не уделял внимания. Ездил по городу с проститутками и по 8–10 дней не принимал к себе на доклад»[1]. В работе комиссии были допущены злоупотребления и незаконные действия. Так, например, для того чтобы предоставить Н. Л. Рубинштейну достойную четырехкомнатную квартиру по улице Воровского дом 25, пришлось выселить 4 семьи. Одна из семей ни за что не желала покидать родное жилище и была выселена с помощью сотрудников оперативного отдела. Хозяйка квартиры при этом хотела выброситься с пятого этажа, но в последний момент была задержана М. В. Френкелем, который позднее свидетельствовал: «Я Рубинштейну доложил о том,

[1] Цит. по: Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки / авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. Київ: Либідь, 2009. С. 195.

что семья эта не хочет выезжать и что дело кончится тем, что я получу 10 лет. Рубинштейн в присутствии Евгеньева в его кабинете ответил мне: “Вы боитесь 10 лет, так вы их получите от меня”. Семья эта была выселена при прямом давлении на ее владельца как на члена партии со стороны районного партийного комитета»[1].

Постановлением ЦВК СССР от 10 июля 1934 г. на базе ОГПУ был организован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) СССР и НКВД союзных республик. Наркомом внутренних дел СССР был назначен Г. Г. Ягода, первым заместителем наркома – Я. С. Агранов, вторым – Г. Е. Прокофьев.

Всеволоду Балицкому пришлось удовлетвориться лишь должностью наркома внутренних дел УССР, поскольку с ликвидацией ОГПУ была ликвидирована и его должность заместителя председателя ОГПУ СССР. Окончательно стало понятно, что борьбу с Ягодой за первенство в органах госбезопасности Балицкий проиграл. Могло ли быть по-другому? Вряд ли. При всех своих оперативных, организаторских и хозяйственных способностях Балицкий не имел такого опыта работы в центральном аппарате ОГПУ и таких связей среди партийной и советской элиты, какие были у Ягоды. Работа в Харькове сводилась к «топорной» борьбе с «украинским национализмом», а работа в Москве требовала прежде всего умения хорошо и быстро ориентироваться в сложной внутриполитической и персональной борьбе. Ягода неоднократно доказывал Сталину свою преданность, а Балицкий так и не смог до конца убедить генсека в собственных выдающихся качествах.

Что касается личных отношений между союзным и украинским наркомами внутренних дел, то, по словам Я. В. Письменного, «к Ягоде Балицкий относился все время враждебно, считая его ниже себя, и не способным руководить ОГПУ. По поводу Ягоды он сказал, что Сталину во главе ОГПУ нужен безмолвный, послушный человек, не имеющий собственной мысли»[2]. И хотя признание получили под давлением, игнорировать его не следует, ведь косвенно это подтверждал и сам Балицкий.

Процитируем стенограмму его выступления на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б): **«Балицкий.** Теперь относительно вопроса о нашем центральном руководстве. Что я спорил с т. Ягодой, это очень многим известно. (**Голос с места.** Да, с давних времен.) В последнее время, принимая во внимание, что он был ру-

---

[1] Цит. по: Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки. С. 195.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 50.

ководителем, эти споры носили вежливый и деликатный характер. Нужно принять во внимание, что субординация заставляла так делать. (**Голос с места.** Субординация мешала?) Относительно субординации я должен сказать, что поскольку речь идет о нашем аппарате, если ты член ЦК, ты должен прийти в ЦК и сказать. Но субординация в нашем аппарате обязательная. Это не нужно доказывать»[1].

В штате НКВД УССР, в отличие от наркоматов других республик и российских краевых и областных управлений НКВД, был лишь один заместитель наркома. По нашему мнению, это объясняется двумя факторами. Во-первых, Балицкий «зарезервировал» место для «опального» Карлсона, для которого с июля 1934 г. в Киеве держали отдельный кабинет. Во-вторых, авторитарный стиль руководства наркома отводил его заместителю Кацнельсону чисто номинальную роль, о чем он сам говорил: «Я непосредственно оперативной работой вообще не руководил, ею руководил только лично Балицкий. Все указания и директивы по всем делам давались только им лично»[2].

Кацнельсон как заместитель наркома непосредственно руководил УШОСДОР, УМЗ, ОАГС, УПО, УСО, ОГСК, управлением мер и весов, отделом резервов и картографии, переселенческим отделом, обществом «Динамо». В УГБ НКВД УССР он был куратором Учетно-статистического и Специального отделов УГБ НКВД СССР. Кацнельсон решал все технические и мелкие вопросы, просматривал и утверждал следственные дела, поступавшие со всей Украины; принимал решение о возможности отправки следственных дел в суды, на Особое Совещание или на доследование; утверждал обвинительные заключения (кроме особо важных дел, которые утверждались лично Балицким); редактировал протоколы обвиняемых; руководил «чекистским обслуживанием» и освещением хода сельскохозяйственных кампаний; отвечал за выселение «антисоветского элемента» из пограничной полосы; оформлял аресты, санкционированные наркомом; давал санкции на арест по мелким делам; решал вопросы о расселении арестованных.

Но оперативных или руководящих указаний по агентурно-следственным делам Кацнельсон без санкции Балицкого не давал, а директивы подписывал лишь после согласования с наркомом. Начальники областных управлений НКВД за решением оперативных вопросов обращались исключительно к Балицкому, а к Кацнельсону они мог-

---

[1] Балицкий В. А. Выступление на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 21.

[2] Протокол допиту З. Б. Кацнельсона від 7 вересня 1937 р. // Наше минуле. 1993. № 1. С. 69–70.

ли обращаться только во время отпуска наркома. Самостоятельно заместитель наркома был уполномочен разрешать принципиальные вопросы по делам Иностранного отдела, по вопросам села, духовенства и сектантства.

20 августа 1934 г. в НКВД УССР состоялись ощутимые кадровые изменения: С. М. Циклис стал начальником Административно-хозяйственного управления, Я. В. Письменный – начальником отдела кадров, а А. О. Броневой возглавил Транспортный отдел. Позже Циклис будет утверждать, что не хотел работать в аппарате АХУ, но по настоянию Балицкого, заявившего, что Письменного нужно снять с работы, вынужден был согласиться: «А если мне казалось, что то или другое решение неверное, то товарищ Балицкий мне отвечал: “Я член ЦК ВКП(б)!”. Поэтому указания товарища Балицкого были для меня директивами партии»[1].

Как известно, особенно ощутимый толчок эскалации террора был дан после убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. Тогда по предложению И. В. Сталина было принято постановление ЦИК СССР «О порядке ведения дел о подготовке или осуществлению террористических актов». Согласно постановлению срок расследования уменьшался до 10 дней, рассмотрение дел в суде проводился без участия адвоката и прокурора, обжалование приговора и ходатайство о помиловании не удовлетворялось, а приговор выполнялся немедленно после вынесения. 9 декабря Г. И. Петровский подписал постановление ВУЦИК УССР «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс УССР», где были учтены вышеупомянутые положения, которые стали основанием тотального террора в следующие годы[2].

После убийства Кирова с молниеносной скоростью были «раскрыты» не только ленинградская, но и белорусская (в Минске) и украинская (в Киеве) группа «террористов», сформированная из арестованных уже ведомством Балицкого лиц, преимущественно литераторов.

По версии следствия, центральная организация ОУН, руководимая Евгением Коновальцем, в 1934 г. перебросила в Украину эмиссаров с заданием организовать на территории Украины свои филиалы для проведения контрреволюционной агитации, вредительства, саботажа и террора против вождей компартии. За короткое время эмиссарам удалось организовать несколько террористических групп из числа уцелевших членов «УВО» в Киеве, Харькове, Одессе и других городах, и начать подготовку терактов.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 57428 ФП. Л. 154.

[2] Про внесення змін до Кримінально-процесуального кодексу УССР. Постанова Всеукраїнського центрального Виконавчого Комітету // Більшовик. 1934. 10 грудня.

Дело стряпали наспех. Так, например, арестованного 6 ноября глухонемого поэта Олексу Влызько следователи допрашивали даже без переводчика. Одним из главных пунктов обвинения была его записка: «Сегодня я сяду на бюст Сталина (Сосо Джугашвили)». Влызько отличался эксцентричным поведением и, дабы привлечь к себе внимание, брился наголо, забирался на памятники, прыгал с моста в реку, нелегально перешел советско-иранскую границу. Но всегда был лоялен к власти и, отойдя от футуризма, все чаще писал стихи, прославлявшие Ленина и партию[1].

Большую роль в фабрикации дела «ОУН» сыграл оперуполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Николай Дмитриевич Грушевский. В его служебной характеристике отмечалось, что «благодаря его энергичной и умелой работе с арестованными, особенно с руководителем ОУН на Украине Антоном Крушельницким, членом центра Козинским и др. ему удалось в короткий срок выявить практическую работу организации и ряда ее участников»[2].

Позднее Н. Д. Грушевский признает, что литератор Антон Крушельницкий и его сыновья были арестованы по ложному доносу секретных агентов В. А. Юринца и Карбоненко и «что даже по одному их изложению видно было, что это фальшивки. Однако такая агентурная работа поощрялась руководством наркомата Балицким и Кацнельсоном, причем такой агент как Юринец преподносился как образец высококвалифицированного агента, центрального агента, как его называли»[3].

18 декабря 1934 г. был вынесен приговор выездной военной коллегии Верховного суда СССР в Киеве под руководством В. В. Ульриха. Среди обвиняемых – 37 человек, из которых 28 приговорили к расстрелу. Следует отметить, что значительная часть из этих 28 была сформирована из лиц, проходивших по делу «УВО». Комментируя этот процесс, советская пресса писала, что большинство обвиняемых прибыли в СССР из Польши или Румынии для проведения терактов и что при аресте у многих были изъяты револьверы и ручные гранаты[4].

---

[1] Філіпчук Н., Бантишев О. Сьогодні я сяду на бюст Сталіна. Ол. Влизько // Голос України. 2010. 11 ноября.

[2] Філіпчук Н., Бантишев О. Велика чистка в НКВС, або Правда із задзеркалля // Голос України. 2010. 10 жовтня.

[3] Протокол допиту М. Д. Грушевського від 12 серпня 1937 р. // Наше минуле. 1993. С. 147–148.

[4] Вироки військової колегії Найвищого Суду Союзу РСР в м. Києві в справах про терористів-білогвардійців // Більшовик. 1934. 18 грудня.

Отметим, что ложными являлись не только обвинения, но даже объективные данные, поскольку большинство из казненных 15 декабря 1934 г. в Киеве лиц были известными писателями, культурными и государственными деятелями (писатели К. С. Буревий и Г. С. Косынка, поэты О. С. Влызько, И. А. Крушельницкий и Д. Н. Фалькивский[1]).

Режим на сто процентов воспользовался гибелью С. М. Кирова. В полной мере это ощущалось в Украине, в которой еще в 1920-е гг., по откровенной оценке одного из известнейших соловецких узников из бывшей партийно-государственной номенклатуры Петра Кирилловича Солодуба (когда-то он работал управляющим делами Совнаркома УССР, а перед арестом возглавлял Сектор перспективного планирования в союзном Наркомате тяжелой промышленности), в государственном строительстве проходили два процесса. «С одной стороны, – писал Солодуб в апреле 1934 г. в (чрезвычайно интересном по содержанию и большом по объему документе) заявлении в ОГПУ СССР, – группа бывших боротьбистов, а частично Раковский, Скрипник, Затонский, я и прочие, стремились к развитию украинской государственности, как экономически независимого организма. С другой стороны, – центр, подчиняясь необходимости планомерной организации производства и распределения, шел по линии централизованного пользования экономическими ресурсами Украины»[2].

Теперь пришло время расплачиваться за латентное или откровенное стремление отстаивать хотя бы ограниченную украинскую автономию. Именно поэтому репрессивные акции после убийства Кирова затронули не только украинских интеллектуалов, но и представителей управленческого партийно-государственного аппарата. В значительной мере этому содействовали «закрытые письма» ЦК ВКП(б) в партийные организации от 18 января 1935 г. и от 29 июля 1936 г., которые, в частности, ориентировали на поиски «троцкистской контрреволюции»[3].

Характерным для Украины было то, что эту «контрреволюцию» снова связали с «националистами». На январском (1936) Пленуме ЦК КП(б)У П. П. Постышев подчеркивал: «Троцкисты в своей кон-

---

[1] Поэт Дмитрий Никанорович Левчук (литературный псевдоним Дмытро Фалькивский) в молодости служил в ЧК и во многих своих стихотворениях прославлял «красный террор» и писал, что расстреливал саботажников и заговорщиков «сотнями в ряд».

[2] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 38.

[3] Политические процессы 50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. С. 191–210.

трреволюционной борьбе против партии и Советской власти имеют здесь на Украине свою специфику. В чем заключается эта специфика? Эта особенность деятельности троцкистов на Украине заключается в том, что троцкисты велели и ведут здесь свою контрреволюционную работу в блоке с разными националистическими и другими контрреволюционными организациями»[1].

В 1936 г. в Украине были сфабрикованы дела «объединенного троцкистско-националистического блока» (или «боевой организации») и «троцкистско-террористической организации». В течение 1935–1936 гг. по областям Украины прокатилась волна разоблачений других «контрреволюционных организаций» наподобие сфабрикованного дела «Социал-демократической партии Украины» на Харьковщине. Во втором полугодии 1935 г., по сравнению с первым полугодием, количество дел, которые рассматривали спецколлегии областных судов, увеличилось на 95,9%, а «в первом полугодии 1936 г., по сравнению со вторым полугодием 1935 г. – на 20,8%. Чаще всего осужденным предъявляли обвинение в «контрреволюционной» и «троцкистской» агитации. По официальным данным, в 1935 г. в Украине было арестовано 24 934 человека, в 1936 – 15 717, в 1937 – 159 573[2].

В январе 1935 г. Балицкий делает специальное сообщение на заседании Политбюро ЦК ЦК(б)У о «переброске бывших активных троцкистов и зиновьевцев из больших промышленных городов (Донбасс, Харьков, Днепропетровск, Киев, Одесса) в другие города и районы», а также о «составлении списков исключенных в 1926–1928 гг. за принадлежность к троцкистам и троцкистско-зиновьевскому блоку»[3].

После убийства С. М. Кирова повысились требования к охране высшего партийно-государственного руководства. Сотрудники оперативного отдела УГБ НКВД УССР начали охранять руководителей круглые сутки – и дома, и на работе. Появилось специальное постановление об ограничении посещения квартир руководящих работников УССР. Личные охранники С. В. Косиора А. Н. Логвиненко и К. З. Солдатенко фактически исполняли обязанности заведующих приемной первого секретаря ЦК КП(б)У. Они сами приглашали партийных деятелей, советских руководителей, рабочих, докладывали об их прибытии и пропускали в кабинет. Когда же С. В. Косиор выезжал из Киева, то его обязательно сопровождал начальник Оперативного

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 38.

[2] Там же. С. 39.

[3] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 12. Л. 38.

отдела УГБ НКВД УССР П. Г. Шостак-Соколов [а с декабря 1936 г. – начальники 1-го отдела (охраны) УГБ НКВД УССР капитаны госбезопасности М. Е. Амиров-Пиевский и А. Г. Мирошниченко] и А. Н. Логвиненко. К. З. Солдатенко оставался в персональном вагоне Косиора и сообщал ЦК КП(б)У и своему руководству о перемещении первого секретаря[1].

Кроме сотрудников для особых поручений за каждым руководителем были закреплены и специальные охранники из числа сотрудников Оперативного отдела УГБ НКВД УССР, всюду их сопровождавшие. Таким образом, чекисты охраняли членов правительства круглосуточно. Интересное наблюдение по этому поводу принадлежит полковнику И. В. Дубинскому, вспоминавшему о своем посещении Киевского цирка в 1936 г.: «Как раз против нас в правительственной, обитой красным бархатом, ложе увидел бледное, аскетическое, насупленное лицо Постышева... Позади пепельного ежика секретаря ЦК столпились работники НКВД. Среди них мощными плечами и рыжей головой выделялся начоперод Соколов-Шостак. Что? Оберегали жизнь того, на кого, судя по сообщениям газет, коварные террористы точили ножи?.. Нет! Так караулят важного пленника! Но вряд ли Постышев предугадывал тогда, что он пленник, а Соколов, лебезящий перед ним, возглавляет его бдительный конвой»[2].

Дубинский оказался прав. Сотрудники Оперативного отдела (а позже сотрудники отдела охраны) выполняли и такие функции, которые не входили в круг их прямых должностных обязанностей: не только охраняли партийных вождей, но и пристально следили за каждым их шагом. Вот что рассказал об этом на допросе П. Г. Шостак-Соколов: «Балицкий неоднократно требовал от меня, чтобы я информировал его лично о всех сторонах жизни, как служебной, так и личной, членов Политбюро ЦК КП(б)У. Где они бывают в частной жизни? Кто у них бывает на дому? Что вообще дома происходит? Каковы взаимоотношения между ними? Докладывать обо всех услышанных разговорах. Особенно Балицкий подчеркивал необходимость интересоваться отношениями членов Политбюро ЦК КП(б)У с Москвой, как при их переговорах с Москвой, так и при личных поездках в Москву. У кого бывают, как долго находятся у того или другого члена Политбюро ЦК ВКП(б)? Для использования этого распоряжения мне было предложено использовать все имеющиеся в моем распоряжении возможности, подчеркивая необходимость проявлять при этом максимум осторожности»[3].

---

[1] Солдатенко К. З. Лучшие годы // О Станиславе Косиоре: Воспоминания, очерки, статьи / сост. М. Б. Погребинский. М., 1989. С. 192–195.

[2] Дубинский И. В. Особый счет. М.: Воениздат, 1989. С. 189.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 56297 ФП. Л. 56.

Выполняя это указание Балицкого, П. Г. Шостак-Соколов приказал своему заместителю М. Е. Амирову-Пиевскому и начальнику 4-го (охранного) отделения Оперативного отдела УГБ НКВД УССР Л. А. Чернову запрашивать у сотрудников информацию, интересующую Балицкого[1].

В 1938 г. на допросах арестованный Амиров-Пиевский признает, что сотрудники для особых поручений при С. В. Косиоре А. Н. Логвиненко, при П. П. Постышеве Ф. А. Ильин «выполняли все мои задачи, они информировали меня об интимной жизни Косиора и Постышева, о том, что творится в ЦК. Этим интересовался Балицкий. Он часто спрашивал меня об этом»[2].

Кроме сотрудников УГБ НКВД УССР для сбора нужной информации о руководстве использовались также вахтенные охранники и домашние служанки, которых предварительно вербовали. По словам П. Г. Шостак-Соколова, начальник 5-го отделения Оперативного отдела УГБ НКВД УССР К. К. Энклер по его заданию подслушивал телефонные разговоры по «ВЧ» членов Политбюро ЦК ВКП(б) с Москвой[3].

Шостак-Соколов регулярно докладывал Балицкому о результатах слежки за высшим руководством УССР: «Основной интерес со стороны Балицкого был проявлен по отношению к товарищам Косиору, Постышеву, Любченко. При докладах Балицкому о результатах наблюдений за членами Политбюро, он проявлял особый интерес и требовал доклада в деталях о товарище Любченко»[4].

Аналогичная работа проводилась чекистами относительно областного руководства. По словам особоуполномоченного НКВД УССР Н. Л. Рубинштейна, «Балицкий старался иметь компрометирующие материалы на секретарей обкомов КП(б)У, лишь бы держать их в руках. Он давил на начальников областных УНКВД, чтобы они сообщали ему все, что заметят, и все, что может компрометировать секретарей обкомов»[5].

Конечно, не все вышеприведенные свидетельства следует принимать безоговорочно. И все же, по нашему мнению, они в принципе соответствуют действительности. Ведь известно, скажем, что начальник Управления НКВД по Ленинградской области Ф. Д. Медведь, согласно инструкциям, ежедневно информировал московское руко-

---

[1] Там же. Л. 57.

[2] Там же. Ф. 6. Д. 48960 ФП. Д. 181об.

[3] Там же. Ф. 6. Д. 56297 ФП. Л. 57.

[4] Там же. Л. 57.

[5] ОГА СБУ. Харьков. Д. 011474. Л. 37.

водство о жизни своего лучшего друга – первого секретаря обкома ВКП(б) С. М. Кирова[1].

Укрепление режима, ухудшение отношений СССР с Германией и Польшей и усиление антинемецкой и антипольской пропагандистских кампаний привели к тому, что властные структуры относились к немецкому и польскому населению с особой предубежденностью. Уже в ноябре 1933 г. на Пленуме ЦК КП(б)У отмечалось «загрязнение колхозов, школ, клубов, институтов польскими и немецкими фашистскими элементами» и выдвигалось требование очистить эти организации от врага[2].

Получив партийный приказ, сотрудники ГПУ УССР быстро взялись за этнические чистки, ведь «разработок» было достаточно. Так, еще 15 марта 1931 г. Балицкий отмечал, что «немецкие, польские и чешские колонии являются постоянным объектом для шпионажа и вредительства», и высказывал беспокойство тем, что в «15 сельсоветах Новоград-Волынского района, из которых четыре немецких, один польский и один чешский, нет информаторов»[3].

После массовых партийных кампаний по изобличению «вредителей» среди национальных меньшинств в апреле–июле 1934 г. ГПУ/НКВД УССР, как указано в одном из документов, нанесли «значительный удар по наиболее активным фашистским элементам, которые проводили контрреволюционную работу... В порядке оперативного нажима проведены репрессии по отношению к фашистскому активу в национальных колониях и районах»[4].

Уже 22 мая 1934 г. Всеволод Балицкий отчитывался об аресте «пока что 85 человек, преимущественно пасторов, сектантских проповедников, кистеров, лиц из церковного актива, кулаков», и о подготовке арестов «еще почти 60 человек»[5]. Вскоре начальник Новоград-Волынского окротдела НКВД Я. Е. Флейшман «провел лично большую работу по созданию крепкого агентурного аппарата в пограничных районах округа, вследствие чего удалось разоблачить и ликвидировать ряд серьезных национал-фашистских формирований... и разоблачить контрреволюционные националистические формирования ксендзов на Волыни (агентурное дело “Уникум”)»[6].

Эти операции были направлены и поддержаны высшим руководством УССР. В июне 1934 г. П. П. Постышев и А. П. Любченко

---

[1] Бережков В. И. Питерские прокураторы. С. 89.

[2] Євтух В. Б., Чирко Б. В. Німці в Україні (1920-і – 1990-і роки). Київ, 1994. С. 43.

[3] Архив ГУМВД Харьковской области . Приказ ГПУ УССР № 65 от 15. 03. 1931.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 101. Д. 1393. Л. 11.

[5] Там же. Л. 11.

[6] ОГА СБУ. Днепр. Д. 4904. Л. 13.

направили И. В. Сталину письмо, в котором просили разрешения на проведение еще более решительных карательных акций относительно лиц, проводивших «фашистскую работу»[1]. В Москве дело «немецких фашистов» было взято на контроль. 17 июля 1934 г. заместитель наркома внутренних дел УССР З. Б. Кацнельсон и начальник Особого отдела УГБ НКВД УССР М. К. Александровский в директиве № 87569 сообщали начальникам областных управлений НКВД и пограничных отрядов о том, что отныне все следственные дела по «гитлеровской полиции» нужно направлять на рассмотрение Особого совещания при НКВД СССР.

Несмотря на определенные «успехи» подчиненных в борьбе с «фашистами», Балицкий в своей директиве от 15 ноября 1934 г. отмечал: «Еще не разоблачено и глубоко не зацеплено контрреволюционное подполье. В связи с этим предлагается:

С целью окончательного уничтожения немецкого контрреволюционного подполья, проводящего шпионско-диверсионную работу, осуществить репрессивные мероприятия относительно контрреволюционных и антисоветских элементов, применяя против них аресты и высылки, добиваться вынесения смертного приговора наиболее злостным...

Обратить самое серьезное внимание на правильность и качество следственной работы по немецким делам, обеспечить цельность следствия относительно каждого арестованного исчерпывающими оперативными мероприятиями. В частности, практиковать допросы свидетелей, которые могут разоблачить преступную деятельность обвиненных, особенно свидетелей из местного советского актива, которые хорошо знают антисоветскую и контрреволюционную работу обвиняемых»[2].

28 февраля 1935 г. Балицкий сообщает С. В. Косиору и П. П. Постышеву, что в 1934 г. Польша и Румыния «развивали большую разведывательную работу и активность по созданию диверсионных линий на случай войны» и основное внимание направляли «на армию и основные стратегические железнодорожные узлы»[3]. В 1934 г. было задержано 234 агента польских и румынских разведок, считая и тех, кто работал в тылу[4].

---

[1] Євтух В. Б., Чирко Б. В. Німці в Україні. С. 60.

[2] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 245–246.

[3] Польща та Україна у тридцятих-сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т 8. Великий терор: польська операція, 1937–1938. Ч. перша. С. 96, 98.

[4] Там же. С. 98.

В директивном письме за № 60727 от 5 мая 1935 г. помощник начальника Особого отдела УГБ НКВД УССР С. И. Самойлов-Бесидский и начальник отделения того же отдела Л. И. Ривлин приказывали начальникам ОО УГБ областных управлений НКВД начать ликвидацию фашистских организаций в немецких колониях Одесской области и развернуть следствие в Днепропетровской области, отыскать и арестовать 88 бывших работников сельскохозяйственной концессии «Друззаг».

Балицкий последовательно и настойчиво утверждал, что в Украине есть «немецкие и польские фашисты», которые постараются создать свои опорные пункты на Правобережной Украине и в Донбассе[1]. Об этом он говорил на январском (1936) Пленуме ЦК КП(б)У

20 июля 1936 г. в телефонограмме начальникам областных управлений НКВД Балицкий обращал внимание на то, что следствие по немцам тормозится, начальники вопросами качественной следственной работы не занимаются, приказывал «усилить темпы оперативной и следственной работы по немецкой линии с учетом тщательного, еще большего изобличения роли и деятельности немецких консульств, особенно за последние годы»[2].

Исходя из установок наркома, начальник Управления НКВД по Донецкой области В. Т. Иванов начал интенсивный поиск немецких шпионов. Под руководством заместителя Иванова Г. Б. Загорского в 1936 г. разоблачено 5 «немецких диверсионных групп»:

«Узел» – в Артемовском, Горловском, Константиновском, Краматорском, Постышевском и Марьинском районах Донецкой области, Днепропетровской области, на Кавказе, в Закавказье и в Сибири; арестовано около 50 человек, расстреляно 8;

«Авторитет» – в Константиновке, Славянске, Киевской области и Закавказье; арестовано около 40 человек, расстреляно 7;

«Педагоги-Предатели» – на оборонительных предприятиях Славянского, Краматорского и Константиновского районов; осуждено 16 человек;

«Кольцо» – на оборонных предприятиях Артемовского, Славянского, Краматорского и Константиновского районов и колхозах Александровского, Краматорского и Константиновского районов; арестовано свыше 80 человек;

«Люксембуржцы» – в Красному Луче; арестовано свыше 100 человек[3].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 472. Л. 70.

[2] Цит. по: Шаповал Ю. І., Золотарьов В. А. Всеволод Балицький: особа, час, оточення. С. 247.

[3] ОГА СБУ. Донецк. Д. 108143. Л. 11–12.

«Плодотворно» работали и другие сотрудники УНКВД по Донецкой области. Начальник особого отдела В. М. Орловский-Горощик ликвидировал «немецкие контрреволюционные фашистско-диверсионно-повстанческие организации»:

Редактор» во главе с политэмигрантом Гольцем;

«Перелет» на заводах Дзержинского и Краматорского районов во главе с Г. Беком, 6 человек расстреляно, еще 12 осуждено;

«Радисты» во главе с Герценом и Вольфом, арестовано около 100 человек;

«Интеграл» во главе с иностранным специалистом Р. Слезачеком[1].

Начальник секретно-политического отдела М. М. Герзон обезвредил «большие немецкие диверсионные организации»:

среди спецпереселенцев в Старобельском районе, основанную киевским немецким консульством и насчитывавшую 11 штурмовых отрядов;

на химических заводах Константиновки (дело «Сумерки»), руководимую московским немецким консульством через корреспондента Йоста;

на государственных электростанциях Донбасса, руководимую гестапо;

«немецкую шпионскую организацию, основанную харьковским консульством»;

«большую немецкую резидентуру на оборонных предприятиях Горловского и Краматорского районов, возглавляемую специальным агентом харьковского консульства»[2].

Начальник отделения Особого отдела УГБ УНКВД по Донецкой области Д. С. Левитан «провел» следующие дела: «Пролог», «Ренегаты», «Филиал», «Сегмент», по которым привлечено и предано суду 30 человек, двое из которых расстреляны. 8 иностранных специалистов были выдворены за рубеж. По всем перечисленным делам «вскрыты немецкие контрреволюционные организации, резидентура на шахтах «Юнком» и «Американка»[3].

В 1936 г. проводилась массовая депортация из Киевской и Винницкой областей Украины в Казахстан польских и немецких семей. Для проведения этой операции создали специальную государственную комиссию, членами которой были С. В. Косиор (председатель), П. П. Постышев, А. П. Любченко, Н. Н. Попов, В. А. Балицкий, И. Э. Якир, Н. Д. Шаров (начальник Управления НКВД по Киевской

---

[1] ОГА СБУ. Донецк. Д. 4476. Л. 22–23.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 15282. Л. 75.

[3] Операция Азбука / Наконечный С. И. и др. Донецк: Промінь, 2009. С. 96–97.

области), Д. М. Соколинский (начальник Управления НКВД по Винницкой области)[1].

Уже 29 сентября 1936 г. Балицкий рапортовал Косиору и Постышеву об окончании операции и выселении 15 000 семей (11 494 польских и 3506 немецких), общей численностью 69 977 человек. Из Киевской области выселены 7521 семья, из Винницкой – 7479 семей[2]. Депортациями на Подолье непосредственно занимался начальник ОО УГБ Управления НКВД по Винницкой области А. И. Геплер, под чьим личным руководством выселено 5233 польских и немецких семей[3].

За «чистками» других народов никогда не забывали об украинцах. Даже тех, которые были «интегрированы» в систему. В 1934 г. обострились отношения Афанасия Любченко с могущественным шефом чекистов Украины. Это стало особенно заметно после назначения Любченко (в апреле 1934) Председателем Совнаркома УССР. По словам Письменного, Балицкий ожидал, что именно ему предложат эту должность[4].

О том, что Балицкий не любил Любченко, свидетельствовал и Якир: «Решающее значение имели отношения в пределах республики и ЦК: как это Любченко вылезет впереди Балицкого по должности как Председатель Совнаркома Украины. Я знаю, что в этом вопросе с Балицким был и Постышев, мало того, проявлял большую активность и настойчивость. Оба они, и Балицкий, и Постышев, ругали меня за поддержку “петлюровцев”...»[5]

С 1933 г., когда Постышев и Балицкий повели атаку на Н. А. Скрыпника, начался сбор компромата на А. П. Любченко. Так, например, бывший член КПЗУ, преподаватель Федор Приступа 17 мая 1933 г. свидетельствовал: «В блок “УВО” входили бывшие партии боротьбистов и укапистов через своих представителей: Любченко А. П., Хвылю А. А., Полоза, Приходько А., Гринько, Солодуба, Самборского, Христового, Досвитнего и др. Все эти лица принимали самое активное участие в работе “УВО”... Любченко А. П. стал за последние 4–5 лет самым популярным и авторитетным среди национали-

---

[1] Бондарчук Ю. П. Масові депортації населення Поділля // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1997. № 1/2. С. 130.

[2] Польща та Україна у тридцятих-сорокових роках XX століття. Невідомі документи з архівів спеціальних служб. Т 8: Великий терор: польська операція, 1937–1938. Ч. перша. С. 248.

[3] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 1723. Л. 24.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 93.

[5] Бачинський П., Табачник Д. Гибель премьера: версии и факты // Радуга. 1990. № 2. С. 88.

стов украинских»[1]. В своих свидетельских показаниях бывший вице-президент Всеукраинской академии сельскохозяйственных наук А. Слипанский называл Любченка «организатором, вдохновителем и политическим руководителем боротьбистской контрреволюционной организации и всего контрреволюционного блока»[2].

Такого рода свидетельства (а они составили громадный том) были до определенного времени умышленно «законсервированы» Балицким, который периодически вставлял палки в колеса Любченко и его людям.

Интересный случай произошел в Кремле в 1936 г. во время приема украинских деятелей культуры. В то время существовал порядок, что прежде чем пропустить за кремлевские стены кого-то из посторонних, их проверяли в ГУГБ НКВД СССР. После проверки, которая наверняка проходила с участием украинского НКВД, некоторым артистам и даже самому начальнику Управления по делам искусства при СНК УССР А. А. Хвыле комендант Кремля П. П. Ткалун наотрез отказался выписывать пропуска. Их отвели в сторону, и тогда начальник оперативного отдела ГУГБ НКВД СССР К. В. Паукер поднял скандал: «Хвылю завтра может вызвать Сталин и что же его не пропустят?». В конце концов, во дворец попали все «отведенные». Позднее Ткалун вспоминал, что сообщил об отведенных НКВД лицах Любченко, «на которого особенно отвод Хвыли произвел очень сильное впечатление»[3]. Отметим, что именно по заказу А. А. Хвыли поэт М. Т. Рыльский и композитор Л. Н. Ревуцкий написали «Песню о Сталине», которой открывалась декада украинского искусства в Москве[4].

В декабре 1934 г. – январе 1935 г. в Харькове и Полтаве арестовали литераторов П. З. Ванченко, В. Я. Вражлывый, Г. Д. Эпик, А. И. Ковинька, Н. Г. Кулиш, Г. И. Майфет, А. С. Панив, В. П. Пидмогильный, В. Ф. Штангей. Поводы для арестов были различны. Например, в постановлении на арест Александра Ивановича Ковиньки оперуполномоченный Секретно-политического отдела УГБ УНКВД по Харьковской области Г. Н. Бордон (в 1925 его увольняли из ГПУ, «поскольку на работу смотрит как на временную»[5]) отмечал: «На

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 51391 ФП. Т. 3. Л. 57, 59.

[2] Там же. Л. 18.

[3] Черушев Н. С. Коменданты Кремля в лабиринтах власти. М.: Вече, 2005. С. 477–478.

[4] Цілик С. М., Селегій П. О. Таємниці письменницьких шухляд: Детективна історія української літератури // Наш час. 2011. С. 57.

[5] ГАХО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1202. Л. 1.

стр. 198 рукописи пишется о том, что на заседании контрреволюционной организации украинских националистов прибывает курьер, от центра организации, из заграницы с письмом, в котором предлагается перейти к методам террора против Соввласти. Руководитель организации оглашает директиву центра словами:

...С границы...Динамит...Взрывать...Жечь...Уничтожить...Травить...

Усмотрел, что это место рукописи является доказательством террористических устремлений обвиняемого»[1].

Вначале их делом непосредственно занимался начальник 2-го отделения Секретно-политического отдела УГБ УНКВД по Харьковской области Б. Я. Лисицкий, в характеристике которого отмечалось: «Энтузиаст своего дела... Лично принимает большое участие в следственной работе по делу «Весенние стрельцы» – фашистской террористической организации среди писателей. В процессе следствия все арестованные писатели сознались. Часть – о своем участии в фашистской организации, а отдельные участники и в террористических намерениях»[2].

Поскольку арестованные литераторы в прошлом были боротьбистами, то сотрудникам ГПУ не пришлось особо напрягаться с названием очередной «контрреволюционной организации», о ликвидации которой Всеволод Балицкий оповестил личный состав НКВД УССР в своем приказе от 28 марта 1935 г.: «СПО УГБ НКВД УССР раскрыл и ликвидировал контрреволюционную организацию украинских эсеров-боротьбистов. Предварительным и судебным следствием установлено, что боротьбистская организация имела целью отторжение Украины от Советского Союза и превращение ее в колонию немецкого и польского фашизма. Организация ставила своей непосредственной задачей убийство руководителей Советской власти и коммунистической партии, создав для непосредственного выполнения террористических актов несколько террористических групп в Киеве, Харькове и Полтаве»[3].

За фабрикацию «дела боротьбистов», по которому было осуждено 17 человек, начальнику СПО УГБ НКВД Б. В. Козельскому объявили благодарность; начальники отделений того же отдела С. М. Долинский-Глазберг, Н. Д. Грушевский, С. А. Пустовойтов и начальник СПО УГБ НКВД по Харьковской области М. И. Говлич были награждены денежной премией в размере двух месячных окладов;

---

[1] З порога смерті. Письменники України – жертви сталінських репресій. С. 249.

[2] ОГА СБУ. Харьков. Д. 8394. Л. 48.

[3] Архив ГУМВД Харьковской области. Приказ НКВД УССР № 261 от 28 марта 1935 г.

помощник начальника СПО УГБ УНКВД Харьковской области Л. Т. Якушев, начальник отделения СПО УГБ УНКВД Харьковской области Б. Я. Лисицкий, оперуполномоченный СПО УГБ УНКВД Харьковской области Г. Н. Бордон и уполномоченные СПО УГБ НКВД УССР М. И. Проскуряков, М. И. Хает, Д. В. Шелюбский получили премии в размере месячного оклада.

В ноябре 1934 г. разворачивается атака на председателя Госплана УССР Юрия Михайловича Коцюбинского (сына классика украинской литературы Михаила Коцюбинского), который был близким товарищем А. П. Любченко. Решением от 3 ноября 1934 г. Политбюро ЦК КП(б)У уволило Коцюбинского с его должности и откомандировало в Москву «в распоряжение ЦК ВКП(б)»[1]. Там его вскоре арестовали.

Сначала Коцюбинского несколько дней допрашивали в Москве Б. В. Козельский, С. С. Брук и начальник 1-го отделения Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР В. Г. Петровский-Палий, потом перевезли в Киев. Перед отправкой на Украину Коцюбинский имел разговор с Я. С. Аграновым, во время которого он пожаловался на С. С. Брука. И последнего по распоряжению заместителя наркома внутренних дел СССР отстранили от следствия.

В Киеве с Коцюбинским «работали» Б. В. Козельский и оперуполномоченный Н. А. Григоренко. Соломону Бруку запретили даже заходить в кабинет, где происходили допросы, о чем тот вспоминал: «Козельский старался свалить на меня всю ответственность за неудачную работу с Коцюбинским в Москве. На этой почве у нас был большой спор. Я допустил резкие выражения. Тогда на совещании следственной группы у Балицкого последний заявил, что мне нужно поехать в командировку в Днепропетровск. Я понял это так, что меня желают изолировать от всего следствия и резко высказался против линии следствия с Коцюбинским. Балицкий принял половинчатое решение – в Днепропетровск я не поехал»[2].

Н. А. Григоренко провел очные ставки Коцюбинского с арестованными помощником прокурора Западно-Сибирского края И. Д. Фалькевичем, начальником сектора легкой промышленности Госплана УССР Д. Б. Наумовым-Лекахом, начальником сектора топлива и металлургии Госплана УССР Я. А. Туном, начальником технико-экономического сектора «Укргипровода» Б. С. Раппортом-Дарьиным. Григоренко позднее вспоминал, что ему «установка была дана такая,

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 341. Л. 83.

[2] Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 109.

чтобы очные ставки провести одна за одной и завершить следствие. Так было и сделано»[1].

Архивы сохранили заявление на имя Балицкого, написанное Коцюбинским. Оно убедительно показывает, как с ним «работали», каких именно свидетельств требовали от него. В частности, речь идет о том, что почти на каждом допросе он просил предоставить возможность «изложить все мои свидетельства о моей прошлой троцкистской деятельности в виде заявления... Мне в этом... отказано. Козельский, Брук, Григоренко сказали, что бумага и чернила мне будут предоставлены лишь для описания деятельности троцкистского центра на Украине в период 1931–1934 гг., что прошлое для них и так понятно и их не интересует»[2].

Одним из тех, кто проходил по делу «контрреволюционной троцкистской организации», был ректор Киевского государственного университета Р. С. Левик, признание из которого добывал Б. И. Борисов-Коган. 13 ноября 1934 г. Левика лично подвергли допросу Балицкий и Постышев. Процитируем отрывок из протокола этого допроса:

«**Вопрос тов. Балицкого:** С кем контрреволюционная группа, куда вы входили, поддерживала связи в Москве?

Ответ: Мне связи контрреволюционной группы, в которую я входил, в Москве неизвестны. Я только знаю, что в 1932 г. участник группы Бервицкий старался связаться в Москве с Сырцовим. Связался ли он, мне не известно.

Вопрос тов. Балицкого: Кто входил в контрреволюционную группу в ВУАМЛИНе[3]?

Ответ: В группу в ВУАМЛИНе входили: я – Левик, Шведов, Трублаевич, Наумов, Винокур, Шахар, Рубач, Карпенко и Блудов. Близкими к группе были Семкивский и Гуревич...

Вопрос тов. Балицкого: По линии контрреволюционной организации поддерживали ли вы связь с Коцюбинским?

Ответ: Лично я связь с Коцюбинским не поддерживал. Я знал, что он бывший троцкист и мы считали его “своим” человеком. Наумов говорил со мной о необходимости Коцюбинского, как своего человека, ввести в состав ВУАМЛИНа и назначить директором Института экономики...

Вопрос тов. Постышева: С кем из работников Украинской Советской Энциклопедии поддерживала связь Ваша группа?

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 164.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 38485 ФП. Т. 8. Л. 142.

[3] ВУАМЛИН – Всеукраинская ассоциация марксо-ленинских институтов.

Ответ: В Украинской Советской Энциклопедии связь нами поддерживалась с Фалькевичем...

Вопрос тов. Балицкого: Есть ли контрреволюционная группа в ВУАМЛИНе закрытой, самостоятельной и дикой группой?

Ответ: Нет. Я знаю, что наша группа в ВУАМЛИНе есть только звеном единой контрреволюционной организации...»[1]

17 мая 1935 г. постановлением Особого совещания при НКВД СССР «за контрреволюционную троцкистскую деятельность» Коцюбинский был приговорен к 5 годам ссылки. А чуть раньше постановлением того же совещания осуждены 25 коммунистов-руководителей, которым инкриминировалось создание троцкистской организации, якобы имевшая свои группы в ВУАМЛИНе и в Госплане УССР. В октябре 1936 г. Юрия Коцюбинского снова арестовывают по обвинению в руководстве «контрреволюционной троцкистско-террористической организацией, которая готовила террористические акты над руководителями партии и советской власти». В отличие от допросов 1935 г., где Коцюбинский возражал против участия в троцкистской деятельности после 1930 г., теперь он признал себя виновным в создании, якобы по заданию Г. Л. Пятакова, троцкистского центра в Украине. Весной 1937 г. Ю. М. Коцюбинского и других участников «троцкистской организации» расстреляли.

По этому делу до 3-х лет ссылки получил заведующий плановым управлением объединения «Сталь» Б. И. Шульман. Во время его ареста в Киеве оперуполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Я. Л. Грозный-Левчинский неожиданно узнал, что Шульман является шурином Я. В. Письменного. Грозный-Левчинский не решился произвести арест и вызвал своего начальника С. С. Брука, который впоследствии вспоминал: «Я приехал и Шульмана решили арестовать. Вопрос о связи Шульмана с Письменным на почве контрреволюционной деятельности мы не ставили перед Шульманом, поскольку о сотрудниках НКВД в те годы вообще без указаний руководства у арестованных не спрашивали»[2].

Сам Яков Письменный в это время находился в отпуске вместе с Балицким в Сочи. Получив от сестры «закодированное» сообщение о «болезни» Шульмана и поняв, в чем дело, он зашел к шефу и все ему рассказал. Балицкий объяснил, что если в Харькове, где жила сестра Письменного Анна, станет известно об аресте ее мужа, то ее исключат из партии. Так и произошло, но нарком поручил начальнику СПО УГБ УНКВД по Харьковской области М. И. Говличу добиться

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 43185 ФП. Т. 8. Л. 143–147.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 111.

в Харьковском обкоме КП(б)У восстановления А. В. Письменной в партии[1]. Оперуполномоченный СПО УГБ НКВД УССР Б. И. Борисов-Коган завербовал Шульмана, и тот был выслан в Донбасс с «разведывательным заданием»[2]. Так был найден выход из щекотливой ситуации.

По постановлению ЦИК и Совнаркома СССР от 7 октября 1935 г. для работников госбезопасности вводились персональные звания: сержант государственной безопасности, младший лейтенант государственной безопасности, лейтенант государственной безопасности, старший лейтенант государственной безопасности, капитан государственной безопасности, майор государственной безопасности, старший майор государственной безопасности, комиссар государственной безопасности 3-го ранга, комиссар государственной безопасности 2-го ранга, комиссар государственной безопасности 1-го ранга.

Сравнивая персональные звания начальствующего состава ГУГБ и командного состава РККА, укажем, что при одинаковом количестве позиций (одиннадцать), они заметно расходились по сути. Первое из специальных званий начальствующего состава ГУГБ – сержант – в армейской практике дореволюционного прошлого предоставлялось военным, которые принадлежали к младшему начальствующему составу. Звания лейтенанта, старшего лейтенанта, капитана и майора государственной безопасности – ранг выше, чем соответствующие звания в РККА. Например, звание старшего майора государственной безопасности отвечало званию комдива РККА[3].

Постановлением ЦИК и СНК СССР от 26 ноября 1935 г. было установлено звание генерального комиссара государственной безопасности, которое присвоили наркому внутренних дел СССР Г. Г. Ягоде. В тот же день появилось постановление «Об утверждении лиц руководящего состава Главного управления государственной безопасности НКВД Союза ССР в специальных званиях».

Комиссарами государственной безопасности 1-го ранга утвердили: заместителей наркома внутренних дел СССР Я. С. Агранова и Г. Е. Прокофьева, В. А. Балицкого и начальников Управлений НКВД: по Дальневосточному краю Т. Д. Дерибаса, по Ленинградской области – Л. М. Заковского и Московской области – С. Ф. Реденса. (5 июля 1936 г. это звание будет присвоено еще и начальнику ГУШОСДОР НКВД СССР Г. И. Благонравову.)

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 104.

[2] Там же. Л. 111.

[3] Таничев П. П. Воинские звания. М., 1989. С. 52.

Комиссарами государственной безопасности 2-го ранга утвердили начальников отделов ГУГБ НКВД СССР: особого – М. И. Гая; секретно-политического – Г. А. Молчанова; экономического – Л. Г. Миронова; оперативного – К. В. Паукера; иностранного – А. А. Слуцкого; транспортного – А. М. Шанина; наркомов внутренних дел: Белоруссии – И. М. Леплевского и ЗСФСР – С. А. Гоглидзе; начальников УНКВД: по Харьковской области – К. М. Карлсона, по Казахской АССР – Л. Б. Залина, по Саратовскому краю – Р. А. Пилляра; начальника ГУРКМ НКВД СССР Л. Н. Бельского и заместителя наркома внутренних дел УССР З. Б. Кацнельсона[1].

Завершался год 1935-й, а новый, 1936 г., начнется для Всеволода Балицкого с больших неприятностей.

---

[1] Известия. 1935. 27, 30 ноября.

ГЛАВА 5

ФИНИШНАЯ ПРЯМАЯ (1936–1937)

Еще осенью 1935 г. сотрудники Секретно-политического отдела УГБ НКВД УССР начали следствие по делу «Боевой троцкистской террористической организации», во главе которой якобы стояли профессор М. А. Нырчук и профессор М. И. Мухин. Б. В. Козельский и начальник 1-го отделения С. С. Брук приказали следователем Б. И. Борисову-Когану, З. Н. Глебову-Юфе, Н. А. Григоренко, Н. Д. Грушевскому, Я. Л. Грозному-Левчинскому «не зарываться вглубь» и запретили без их разрешения фиксировать любые фамилии. На основании показаний арестованных украинских ученых сотрудники СПО ГУГБ НКВД СССР начали следствие против директора Горьковского пединститута И. К. Федотова, арестовали председателя Луховицкого райисполкома Московской области Г. Я. Маренко и профессора Всесоюзной промышленной академии О. П. Загорулько, которые сразу начали давать показания о существовании в СССР большой троцкистской организации.

Узнав об этих арестах, Козельский не на шутку испугался. Он понял, что дело разворачивается не по его сценарию и в круг подозреваемых попадут близкие ему люди. Тогда, как свидетельствовал позже Н. Л. Рубинштейн, начальник Секретно-политического отдела УГБ НКВД УССР прибежал к Балицкому, схватился за голову и предложил: «Всеволод Аполлонович, арестуйте меня, что я наделал!». Шеф стал успокаивать подчиненного, дескать, тот нервничает из-за тяжелой болезни сына, предложил успокоиться и подлечиться[1].

1 января 1936 г. из ГУГБ НКВД СССР поступила телеграмма, в которой сообщалось о том, что в Горьком разоблачен «эмиссар Троцкого» – В. П. Ольберг. Прочитав телеграмму, Козельский сказал Бруку: «Теперь видишь? Мои опасения подтвердились, дело идет к развязке!». На следующий день в кабинете начальника СПО про-

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 26.

звучал выстрел. Первыми туда вбежали С. С. Брук и секретарь наркомвнудела УССР А. И. Евгеньев, а за ними П. М. Рахлис и Н. Л. Рубинштейн. Майор государственной безопасности Козельский уже не дышал.

Балицкий приказал Рубинштейну не вспоминать о том, что Козельский приходил к нему и требовал ареста, предложил разрабатывать версию о том, что самоубийство начальника СПО «возникло на почве семейно-бытовых дрязг». Когда же особоуполномоченный НКВД УССР составлял заключение о прекращении дела, то в конце привел полный текст предсмертной записки Козельского. Однако этот текст теперь был разделен на два предложения. Первое: «Прощайте, тов. Балицкий, Елочка и сын». Перед вторым, по подсказке Балицкого, вставили слова: «И дальше пишет, обращаясь к семье: “Я ошибся, теперь рассчитываюсь”»[1].

Уже через два часа после самоубийства подчиненного Балицкий собрал начальников отделов НКВД и объявил, что Козельский застрелился потому, что болел сифилисом, его нервная система была истощена беспощадной борьбой с врагами народа – троцкистами, а также тяжелой болезнью сына. При существующей системе подхалимства и неукоснительного выполнения всех указаний наркома эта оценка случившегося была воспринята как единственно правильная[2].

Позже лейтенант госбезопасности А. С. Кузовлев вспоминал, что Балицкий на совещании «объяснил причины самоубийства Козельского его переживаниями, связанными с тяжелой болезнью сына»[3]. Против таких объяснений никто не возражал. Впрочем, люди из ближайшего окружения наркома не очень-то верили своему шефу. Например, врач санитарного отдела НКВД УССР Парташников, на протяжении длительного времени наблюдавший Б. В. Козельского, считал, что версия о его болезни сифилисом и сильное нервное расстройство является абсолютно неверной, поэтому категорически доказывал одному из руководящих работников НКВД ее несостоятельность, но с ним не соглашались[4]. Пожалуй, ближе всех к истине был Соломон Брук, объяснивший друзьям причину самоубийства своего начальника: «Интеллигент вонючий, испугался!»[5].

В день самоубийства Козельского после разговора с Балицким заместитель начальника Секретно-политического отдела П. М. Рахлис

---

[1] Там же. Л. 27.
[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43787 ФП. Л. 43–44.
[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 283.
[4] ОГА СБУ. Киев. Д. 43787 ФП. Л. 44.
[5] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 166.

приказал С. С. Бруку, Н. А. Григоренко, Я. Л. Карпейскому, Б. И. Борисову-Когану и А. М. Шерстову написать некрологи[1].

3 января 1936 г. были устроены пышные похороны. Прощание с телом «стойкого большевика, прекрасного товарища и друга, Бориса Владимировича Козельского» состоялись в клубе НКВД УССР на улице Розы Люксембург, дом 17. За гробом самоубийцы к Байковому кладбищу шло все высшее руководство Украины. Газеты напечатали ряд некрологов: «Памяти большевика, борца», «Чекист и научный работник», «Памяти друга», «Незабываемый образ» – за подписями С. В. Косиора, П. П. Постышева, И. Э. Якира и других. Отдельный некролог под названием «Талантливый чекист», подписанный Балицким, содержал такие слова: «Не жалея сил, работая денно и нощно, он подорвал свой организм, отдавая всего себя только работе». Свои сочувствия жене покойного выразили Постышев и его жена Татьяна Постоловская, Елизавета Косиор, Людмила Балицкая, Сара Якир, сотрудники НКВД и, конечно, народный комиссар внутренних дел УССР, пожелавший Елизавете Марковне Козельской «воспитать Диму и сделать из него хорошего большевика»[2]. На следующий день отозвалась на «преждевременную смерть верного сына большевистской партии, почетного чекиста-орденоносца» газета «Правда». И только заместитель начальника Отдела трудовых колоний НКВД УССР А. С. Макаренко запишет в своем дневнике 2 января 1936 г.: «Жалко не столько К., сколько Б.»[3]. Знаменитый педагог как в воду смотрел, предчувствуя грядущие неприятности для своего покровителя.

11 апреля в 1936 г. Секретариат ЦК КП(б)У постановил: «Установить персональную пенсию в сумме 300 руб. в месяц родителям умершего т. Козельского – тт. Голованевскому Владимиру Давидовичу и Голованевской Анне Моисеевне»[4].

Тем временем нужно было искать нового начальника Секретно-политического отдела УГБ НКВД УССР. И его быстро нашли. По предложению Балицкого им стал Пейсах Меерович Рахлис, работавший заместителем Козельского. Рахлису пришлось пережить немало неприятностей, связанных с 1923 г. Тогда, будучи секретарем парткома Киевского губотдела ГПУ, он вместе с парторганизацией поддержал политическую линию Льва Троцкого. Однако в отличие от

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 166.

[2] Вісті. 1936. 3 січня.

[3] Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). Марбург, 2000. С. 184.

[4] Рубльов О. С., Черченко Ю. А. Сталінщина й доля західноукраїнської інтелігенції. 20–50-ті роки XX ст. С. 340.

коллег позже не отрекся от своей позиции, «покаянного» письма не подписал и был снят с работы. Балицкий постоянно напоминал чекисту о его «киевских грехах» и советовал не рассказывать о них сослуживцам. Все это, разумеется, не проходило бесследно для психики чекиста, в служебной карточке которого отмечалось: «состояние здоровья – неврастеник»[1].

Конечно, назначая Рахлиса начальником ведущего отдела, Балицкий исходил не только из его деловых и оперативных качеств. Он выдвигал «управляемого» подчиненного, о чем не раз говорил в узком кругу: «Рахлис теперь послушный, он же был троцкистом»[2].

В то же время на людях нарком «всячески пытался повысить авторитет» нового начальника Секретно-политического отдела, сделал его подразделение ведущим отделом УГБ НКВД УССР и часто ставил в пример всему остальному аппарату. Балицкий лично занимался СПО, собирал следователей, инструктировал их и все время подчеркивал, что по-настоящему с троцкизмом первой стала «работать» Украина, что «параллельный центр» Пятакова через Логинова разоблачила Украина, что по троцкизму в области хорошо действуют[3].

В СПО был установлен такой порядок, что никто из следователей не мог фиксировать показания важных арестованных без санкции начальника отдела или его помощника капитана госбезопасности С. С. Брука. Следствие по делам троцкистов вели лишь «доверенные люди» – старшие лейтенанты госбезопасности Н. А. Григоренко, Я. Л. Грозный-Левчинский, Б. И. Борисов-Коган, лейтенант госбезопасности Н. Д. Грушевский.

Если Балицкий «держал на прицеле» Рахлиса за его троцкистское прошлое, последний, в свою очередь, то же делал с Бруком. Как-то он попросил своего приятеля – парторга отдела Григоренко – уговорить Брука рассказать об ошибках в 1923 г. Брук возмутился и заявил, что не знает, что именно от него требует руководство. Ведь в 1923 г. он выступил с предложением организовать в ГПУ УССР комиссию по борьбе с бюрократизмом и злоупотреблениями. Комиссию тогда создали, и возглавил ее сам Балицкий[4]. Однако после продолжительных размышлений Брук на всякий случай публично все-таки «покаялся».

В ноябре 1935 – апреле 1936 г. происходило массовое присвоение специальных званий сотрудникам НКВД СССР. В НКВД УССР к маю 1936 г. специальные звания ГУГБ получили 3174 сотрудника,

---

[1] Архив МВД Республики Узбекистан. Служебная карточка Рахлиса П. М.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 66.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 49.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 169–170.

из них: комиссара госбезопасности 1-го ранга – 1 (В. А. Балицкий); комиссара госбезопасности 2-го ранга – 2 (З. Б. Кацнельсон – заместитель наркома внутренних дел УССР, К. М. Карлсон – начальник УНКВД по Харьковской области); комиссара госбезопасности 3-го ранга – 1 (С. С. Мазо – начальник ЭКО УГБ НКВД); старшего майора госбезопасности – 6 (М. К. Александровский – начальник ОО УГБ НКВД УССР и начальник ОО ГУГБ НКВД КВО, В. Т. Иванов – начальник УНКВД по Донецкой области, С. Н. Миронов – начальник УНКВД по Днепропетровской области, А. Б. Розанов – начальник УНКВД по Одесской области, М. М. Тимофеев – начальник УНКВД по Черниговской области, Н. Д. Шаров – начальник УНКВД по Киевской области); майора госбезопасности – 11 (Г. Б. Загорский – заместитель начальника УНКВД по Донецкой области, Я. З. Каминский – заместитель начальника УНКВД по Харьковской области, Б. В. Козельский – начальник СПО УГБ НКВД УССР, Я. К. Крауклис – начальник УМЗ НКВД УССР, Е. Ф. Кривец – заместитель начальника ЭКО УГБ НКВД, В. Я. Левоцкий – заместитель начальника ТО УГБ НКВД УССР, П. В. Семенов – заместитель начальника УНКВД по Харьковской области и начальник ОО ГУГБ НКВД ХВО, Д. М. Соколинский – начальник УНКВД по Винницкой области, П. Г. Соколов-Шостак – начальник Оперативного отдела УГБ НКВД УССР, М. Г. Чердак – заместитель начальника УНКВД по Одесской области, С. М. Циклис – начальник АХУ НКВД УССР); капитана госбезопасности – 69; старшего лейтенанта госбезопасности – 310; лейтенанта госбезопасности – 705; младшего лейтенанта госбезопасности – 1099; сержанта госбезопасности – 970.

Кроме того, большая группа сотрудников НКВД УССР, хотя и не получила спецзвания, продолжала свою работу на должностях оперуполномоченного и помощников оперуполномоченных. Подавляющее большинство их работало в оперативном, специальном и учетно-статистическом отделах.

Мы провели социально-статистический анализ 90 сотрудников НКВД УССР, которым было присвоено звание от капитана госбезопасности и выше, т. е. наивысшего начальствующего состава[1].

Начнем анализ из определения времени вступления в органы госбезопасности (см. табл. 1).

---

[1] Золотарьов В. А. Начальницький склад НКВС УСРР у середині 30-х рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2001. № 2. С. 326–342; Золотарьов В. А. Начальницький склад НКВС УСРР напередодні «єжовщини»: соціально-статистичний аналіз // Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки / авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. С. 60–83.

Таблица 1. Время вступления в органы ВЧК–ГПУ

Годы вступления	Абсолютное количество	%
1917	1	1,2
1918	12	13,3
1919	21	23,3
1920	21	23,3
1921	21	23,3
1922–1924	4	3,4
Не выяснено	10	11,2

Важно подчеркнуть, что абсолютное большинство украинских чекистов относились к «революционному призыву», т. е. пришли в ВЧК в годы Гражданской войны и имело опыт проведения военных и карательных акций на собственной территории. Все чекисты на момент вступления были молодыми людьми, о чем свидетельствует табл. 2.

Таблица 2. Возраст вступления в ВЧК-ГПУ

Годы вступления	Абсолютное количество	%
17–21	37	41,2
22–27	36	40,0
28–31	6	6,6
Не выяснено	11	12,2

В табл. 3 показано распределение сотрудников по образовательному уровню на момент получения спецзвания. Отметим, что классическое дореволюционное высшее образование получил только З. Б. Кацнельсон, а из трех самоучек двое (М. К. Александровский и А. В. Сапир) возглавляли отделы УГБ НКВД УССР.

Таблица 3. Образовательный уровень (на середину 1930-х гг.)

Уровень образования	Абсолютное количество	%
Высшее и неоконченное высшее	6	6,6
Среднее	15	16,7
Неполное среднее	6	6,7
Начальное	50	56,5
Самоучки	3	3,3
Не выяснено	10	11,2

Априори можно было бы считать, что органы госбезопасности формировались исключительно по классовому признаку, поскольку должны были играть роль «щита и меча» того, что называли диктатурой пролетариата. Однако данные табл. 4 и 5 свидетельствуют совсем о другом.

Таблица 4. Социальное происхождение

Социальный слой	Абсолютное количество	%
Из служащих	22	24,4
Из ремесленников	18	20,0
Из рабочих	14	15,8
Из мещан	7	7,8
Из крестьян	6	6,7
Из торговцев	5	5,6
Из мелких собственников	4	4,4
Не выяснено	14	15,5

Таблица 5. Социальное положение

Социальный слой	Абсолютное количество	%
Служащие	26	28,9
Рабочие	25	27,8
Ремесленники	9	10
Учащиеся	7	7,8
Преподаватели	3	3,3
Крестьяне	1	1,1
Без определенного рода занятий	5	5,6
Не выяснено	14	15,5

Приведенные данные свидетельствуют, что большинство (60,2%) составляют сотрудники с «социально-чуждым» происхождением. Эти данные противоречат расхожему мнению о том, что чекисты подбирали кадры из лучших представителей рабочего класса, которое и сегодня отстаивают некоторые исследователи[1]. А вот с другим постулатом о том, что весь руководящий состав НКВД составляли коммунисты, мы полностью согласны, хотя перед тем как стать

[1] Плеханов А. М. ВЧК-ОГПУ в годы новой экономической политики. М.: Кучково поле, 2006. С. 218.

большевиками, эти чекисты входили в другие политические партии и движения (табл. 6).

Таблица 6. Время вступления в ВКП(б)

Период	Абсолютное количество	%
До 1917	8	8,9
1917	9	10
1918–1920	41	45,6
1921–1924	4	4,4
1925–1928	14	15,5
1929–1932	6	6,6
Кандидат	1	1,1
Не выяснено	7	7,8

Девять чекистов перед вступлением в ВКП(б) успели побывать в рядах других партий: четверо были меньшевиками, двое – анархистами, двое – членами ЕКП, один – «боротьбистом».

Закончить наш статистический анализ хотелось бы пресловутым национальным вопросом.

Таблица 7. Национальный состав

Национальность	Абсолютное количество	%
Евреи	60	66,7
Русские	14	15,6
Украинцы	6	6,7
Латыши	3	3,3
Белорусы	2	2,2
Поляки	1	1,1
Не выяснено	4	4,4

Напомним, что в 1926 г. национальный состав населения УССР был следующим: украинцы – 75,4%, русские – 8,1%, евреи – 6,5%, поляки – 5%, немцы – 1,5%, молдаване и румыны – 1,1%, болгары – 0,5%, татары и тюрки – 0,5%, венгры – 0,3%, греки – 0,3%, белорусы – 0,2%, армяне – 0,07%, другие национальности – 0,5%[1].

[1] Енциклопедія Українознавства. Львів, 1996. Т. 5. С. 1733.

Статистика свидетельствует, что, несмотря на политику украинизации в УССР в 1930-е гг., продолжала существовать, по сути, колониальная администрация и на ключевых должностях в партийно-советском и чекистском аппарате республики украинцы составляли меньшинство.

Особенно удручающей была картина в НКВД. Конечно же, украинцев здесь служило немало, но на руководящие должности их практически не пускали. Так, например, в Харьковском областном отделе ГПУ – областном УНКВД в 1932–1938 гг. на должностях начальника облотдела/облуправления; заместителя начальника облотдела/облуправления; начальников оперативного отдела, ЭКО, КРО, СПО, ОО, ТО побывало 44 человека, из которых лишь 2 (4,55%) были украинцами. В то же время евреев было 32 (72,72%), русских – 6 (13,64%), белорусов – 2 (4,55%), латышей – 2 (4,55%)[1]. Среди 33 руководителей управлений и отделов НКВД УССР, а также начальников областных УНКВД, занимавших эти посты при В. А. Балицком в 1936–1937 гг., картина похожая: евреи – 21 человек (63,64%), украинцы – 4 (12,12%), русские – 4 (12,12%), латыши – 3 (9,09%), белорусы – 1 (3,03%)[2].

Как видим, среди лиц, получивших спецзвание, не было А. О. Броневого – одного из виднейших украинских чекистов. На допросе в 1937 г. Н. С. Бачинский скажет: «Броневой что хотел, то и делал: разъезжал по Украине, часто устраивал себе отпуск и т. д., но все это ему сходило с рук, т. к. он являлся старейшим соратником Балицкого. Провалившись на одном оперативном деле, Броневой был уволен из органов НКВД»[3]. Что же это было за дело?

Весной 1935 г. сотрудниками Транспортного отдела УГБ УНКВД по Харьковской области была арестована группа железнодорожников во главе с начальником паровозного депо «Октябрь» М. П. Богдановым. Во время следствия все они сознались в «преступной халатности» и дело, получившее агентурное название «Промывка», передали в прокуратуру. Но начальник экономического отделения ТО УГБ НКВД УССР А. И. Кардаш обратил внимание на то, что «большинство обвиняемых в прошлом белые и троцкисты, неоднократно исключавшиеся из партии», и усмотрел в этом попытку врагов «прикрыть» свою вредительскую работу халатностью. Он

---

[1] Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941. Харків: Фоліо, 2003. С. 456–462.

[2] Золотарьов В. А. Керівний склад НКВС УРСР під час «великого терору» (1936–1938 рр.): соціально-статистичний аналіз // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2009. № 2. С. 86–115.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 50.

сумел убедить руководство наркомата забрать дело из прокуратуры и продолжить следствие. Во время новых допросов некоторые обвиняемые признались не только в сознательном вредительстве, но и в существовании на транспорте с 1927 г. организованной группы троцкистов, проводивших контрреволюционную деятельность. Кардаш, повышенный до помощника начальника ТО УГБ НКВД УССР, со всей серьезностью отнесся к этому делу и заявил руководству, что «это первое дело, по которому с исключительной ясностью установлен переход врагов-троцкистов от антисоветской и контрреволюционной агитации к прямым диверсионным, вредительским и террористическим актам»[1], неоднократно выезжал в Харьков и принимал активное участие в следствии.

По окончании следствия В. А. Балицкий поручил С. С. Мазо лично ознакомиться с делом и сделать свои выводы. Начальник ЭКО УГБ НКВД УССР внимательно изучил дело и дал высокую оценку работе следователей. После этого было решено организовать в Харькове открытый показательный процесс с участием Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского. Организация очередного спектакля требовала от чекистов тщательной подготовки обвиняемых. Для согласования деталей будущего процесса в ТО ГУГБ НКВД СССР в Москву выехал начальник Транспортного отдела УГБ НКВД УССР А. О. Броневой. В УНКВД по Харьковской области продолжались бесконечные совещания под руководством К. М. Карлсона по подготовке процесса.

После одного из таких совещаний, длившихся до утра 18 ноября 1935 г., А. И. Кардаш написал А. О. Броневому в Москву откровенное письмо с описанием оперативных мероприятий. По сути, Кардаш описывал, какими именно методами чекисты достигали успеха в работе с арестованными. И все было бы хорошо, если бы Броневой в Москве по ошибке не передал письмо Генеральному прокурору СССР. А. Я. Вышинский оценил предложенные чекистами методы как провокационные и устроил скандал. 27 ноября в Харьков послана телеграмма с приказом арестовать А. И. Кардаша. Разбираться с ним приехали особоуполномоченный НКВД СССР В. Д. Фельдман, помощник начальника ТО ГУГБ НКВД СССР Р. А. Листенгурт и С. С. Мазо. Они сразу заявили ошарашенному арестованному, что его работа по делу «Промывка» является провокационной, само дело – «липовым», что он специально отослал письмо в прокуратуру для компрометации органов НКВД, и даже придумал термин «подсадка агента»[2].

---

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 010175. Л. 215.

2 Там же. Л. 215–218.

А. Я. Вышинский собирался отдать А. О. Броневого под суд. Однако В. А. Балицкому удалось спасти своего давнего соратника и ограничиться лишь его увольнением из НКВД. Позже он устроил Броневого заместителем наркома здравоохранения УССР[1].

После длительного следствия А. И. Кардаш был освобожден и позже вспоминал: «Через некоторое время я был принят Балицким, который меня тепло встретил и заявил дословно: «Я человек не злопамятный. Ваше письмо, конечно, глупое, но побили Вас и хватит. Направляю вас начальником ОШОСДОР в область, представляю к званию и возвращу на оперативную работу»[2].

Новым начальником ТО УГБ НКВД УССР 9 марта 1936 г. был назначен капитан госбезопасности Я. В. Письменный, не имевший никакого опыта оперативной работы и занимавшийся в основном развитием динамовской авиации. В августе 1935 г. как командир пятерки «Динамо Украина» он совершил перелет Киев–Памир–Москва–Киев (6 000 км) и, как и планировалось, приземлился на стадионе имени В. А. Балицкого во время празднования дня авиации[3]. Для того чтобы хоть как-то ввести вновь назначенного начальника Транспортного отдела УГБ НКВД УССР в курс дела, его лучший друг С. С. Мазо стал часто закрываться с ним в своем кабинете и давать разные советы по проведению оперативной работы. В НКВД УССР даже стали шутить, что Мазо по совместительству возглавил Транспортный отдел[4].

Н. С. Бачинский отмечал, что «Письменный не имел никакого оперативного опыта и почти не работал в отделе. Все свое время он отдавал динамовской авиации, а работу НКВД считал второстепенной важности. Являясь крупным очковтирателем, создавал шум вокруг транспортного отдела и через пару месяцев Балицкий стал отмечать оперативные “достижения” ТО»[5].

По словам заместителя начальника Транспортного отдела УГБ НКВД УССР капитана госбезопасности С. И. Заславского, Письменный был груб, бесчеловечен, безнаказанно издевался над сотрудниками, «не видел ни одного арестованного, не брал в руки ни одной разработки или дела формуляра. Руководил телеграммами на периферию, корректировкой документов для Москвы и приказами»[6].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Т. 1. Л. 126.

[2] ОГА СБУ. Харьков. Д. 010175. Л. 220.

[3] См.: Письменный Я. Киев-Памир. Записки командира динамовского высокогорного спортивного перелета Киев–Хорог–Москва–Киев. Київ, 1935.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 346.

[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 50.

[6] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 445886 ФП. Л. 42.

Я. В. Письменный откровенно отдавал предпочтение авиации и даже заявил, что «на земле плохо, может быть в небе лучше»[1]. В январе 1936 г. за свои летные подвиги был награжден орденом Красной Звезды, а в мае 1937 г. совершил рекордный беспересадочный перелет Киев–Батуми[2] на расстояние 1 340 км.

14 февраля 1936 г. в честь пятнадцатой годовщины пограничной охраны НКВД СССР большой группе чекистов вручили высокие правительственные награды. Были среди них и сотрудники НКВД УССР. Так, среди одиннадцати человек, награжденных орденом Красного Знамени, были: начальник 23-го пограничного отряда И. П. Воронов, начальник 24-го пограничного отряда Г. И. Валейко, начальник 26-го пограничного отряда Н. И. Кулеша.

Орден Красной Звезды получили В. А. Балицкий, М. К. Александровский, А. Г. Лепин, начальник отдела боевой подготовки УПВО НКВД УССР М. Д. Кальмар, начальник политотдела УПВО НКВД УССР Л. М. Сороцкий, начальник отдела управления УПВО НКВД УССР С. Ф. Терпиловский, начальник 20-го пограничного отряда С. Ф. Шорох и еще 23 человека. Кроме того, пять украинских пограничников были награждены орденом Знак Почета.

Следует отметить, что Балицкого не устраивала работа начальника УПВО НКВД УССР комдива А. Г. Лепина, которого он критиковал при любом удобном случае. В этом его поддерживал Александровский, постоянно твердивший о неосведомленности комдива относительно состояния дел в войсках. Делалось это с целью изгнания Лепина из Украины. В свете этих интриг и следует рассматривать назначение в июне 1936 г. заместителя начальника Управления НКВД по Харьковской области майора государственной безопасности П. В. Семенова заместителем начальника УПВО НКВД УССР. Ближайшему окружению Балицкий объяснил этот ход «необходимостью укрепления УПВО своими людьми»[3]. Однако никто в наркомате не имел никаких сомнений, что это сделано во имя грядущей замены Лепина Семеновым. Полковник Н. И. Кулеша, например, прямо говорил, что «на Лепина Балицкий положиться не может и уберет его, и что нужны другие люди для того, чтобы навести порядок»[4].

О Семенове, своем преданном слуге, «стойком, принципиальном большевике, с высокой политической и достаточной общеобразова-

---

[1] Абаринов А., Хиллиг Г. Испытание властью. Киевский период жизни Макаренко (1935–1937 гг.). С. 85.

[2] Тов. Письменний про свій політ // Вісті. 1937. 27 травня.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 132.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 204.

тельной подготовкой»[1] Балицкий никогда не забывал. Летом 1935 г., невзирая на то, что Семенову постановлением ЦК ВКП(б) было запрещено в течение двух лет занимать руководящие должности[2], он назначил его заместителем начальника Управления НКВД по Харьковской области и начальником ОО ГУГБ НКВД Харьковского военного округа.

Балицкий неоднократно подчеркивал, что возвращение Семенова на руководящую должность в НКВД УССР дело ближайшего будущего и всячески поддерживал авторитет последнего. Нарком требовал, чтобы Семенов присутствовал на всех наиболее важных совещаниях, на которые приглашались лишь начальники отделов УГБ НКВД УССР и начальники областных УНКВД, и ругал секретарей, если они забывали вызывать того из Харькова[3].

В марте 1936 г. Семенов обратился к ЦК КП(б)У с просьбой поддержать в ЦК ВКП(б) его заявление о снятии выговора, поскольку им были «учтены допущенные ошибки», что «в совершенных проступках не было элементов» его «личной заинтересованности», и что «своей работой за эти два года» он «старался искупать свою вину»[4]. «Искупление» заключалось в арестах «националистов» и «троцкистов» в Красной Армии. Балицкий поддержал Семенова, охарактеризовав его как «квалифицированного оперативного руководящего работника крупного масштаба, пользующегося большим авторитетом, обладающим силой воли с большим кругозором»[5]. Вскоре партийный выговор был снят и путь наверх открыт.

Летом 1936 г. после одного из совещаний Балицкий пригласил к себе Семенова и предложил ему стать заместителем начальника УПВО НКВД УССР. Тот сначала отказывался. Во-первых, его устраивала работа в Харькове; во-вторых, он не желал бросать учебу на вечернем отделении академии РККА. Нарком предложил подумать и заявил, что И. Э. Якир поможет решить все проблемы с учебой. Семенов принял условия игры и согласился на переезд в Киев.

Думаем, здесь как раз уместно рассказать не только об умении расставлять «своих» людей и опираться на них, но и о некоторых других качествах Балицкого. В предыдущем разделе мы уже упоминали чекиста С. Н. Миронова. Теперь вспомним о его жене, Агнессе, которая оставила интересные воспоминания, позволяющие не только

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 39116 ФП. Л. 182.
[2] ГАХО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 501. Л. 8.
[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 131.
[4] ГАХО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 501. Л. 8.
[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 39116 ФП. Л. 182.

составить впечатление о быте чекистов, но и увидеть Балицкого в неслужебной обстановке.

Проживали Мироновы в Днепропетровске в старинном двухэтажном особняке. На втором этаже – комнаты для гостей, кинозал, бильярдная комната, туалеты с ванными в каждом крыле. На первом этаже был просторный кабинет начальника УНКВД с выходом на веранду[1].

Когда Балицкий узнал, что Мироновы официально расписались лишь летом 1936 г., он стал требовать от начальника днепропетровского областного УНКВД сыграть свадьбу. Агнесса Миронова позже вспоминала: «Денег нам на свадьбу Балицкий дал, ну, конечно, государственных, а каких же еще? Знаете, тогда в конвертах давали? И место для свадьбы подобрали на берегу Днепра, на даче наркомата! Чего там только не было! Сотрудники все организовали с блеском – всем хотелось повеселиться...

Я носила тарелку с рюмкой водки, и все пели: "Кому чару пить?" Я к каждому подходила, он выпивал водку, целовал меня и клал на тарелку деньги. Я опять наливала рюмку и шла к следующему. И вот подхожу к Балицкому – а он красивый был, высокий, статный, блондин, настоящий Зигфрид – все пропели про чару и ждут: что же будет? Я знала, что Балицкому нравлюсь, но здесь сидела его жена – маленькая, жалкая, злая, глаз с него не спускала. И он лихо выпил водку, но меня под ее взглядом поцеловать не осмелился, зато на тарелку положил серебряный рубль. Тогда это была редкость»[2].

Вспоминает Миронова и о встрече с Балицким в санатории ЦК КП(б)У в Хосте: «Были в тот вечер Постышев, Чубарь, Балицкий, Петровский, Уборевич, а затем из Зензиновки, где отдыхал И. В. Сталин, приехал Микоян...

Тамадой был Балицкий, я уже говорила о нем – стройный, живой, веселый, затейник. Увидел, что мы расселись, притворно рассвирепел:

– Что это такое? Почему все дамы вместе, а мужчины отдельно? Встать! Встать всем!

И хватает даму за руку, мужчину за руку и сажает рядом, потом другую пару. Подскочил ко мне, а я закапризничала:

– Не хочу сидеть с кем попало! Хочу сначала увидеть, с кем вы меня посадите!

Он задумался, замялся на секунду, поднял брови и тихо мне:

– Вы сядете со мной!

---

[1] Яковенко М. М. Агнесса. М., 1997. С. 64.

[2] Там же. С. 39.

И кинулся рассаживать других. Рассадил. Посадил меня, но еще сам не садится. А напротив – его жена, глаза сощурила, смотрит на меня презрительно... И вдруг общий хохот: Миронов принес стул и втиснулся между мной и Балицким. Тот заметил:

– Мне это не нравится!

Шепнул на ухо двум прислужникам, те взяли стул вместе с Мироновым, подняли и отнесли к назначенной ему даме. Все хохочут чуть ли не до слез.

Наконец Балицкий сел, стал за мной ухаживать, но недолго – тамада должен тосты говорить, трапезу вести... А я стараюсь не смотреть напротив, не натыкаться на колючки злых глаз его жены.

После ужина – танцы. С кем только я не танцевала! Начали мы с Балицким...

Мне жарко, я выскочила в вестибюль... заиграла на рояле... Тут в вестибюль входит Балицкий, Петровский. Балицкий шутливо:

– Опять она! Всюду она! – Будто бы наткнулся на меня случайно, неожиданно. Это он нарочно – он же ко мне и вышел.

Но Миронов тут как тут, шипит на ухо, как только аккорды затихли:

– Прекрати! Разошлась!.. – очень ему не понравился мой успех...

Через несколько дней Балицкий пригласил нас к себе. Он жил поодаль от санатория – в особняке из прежних чьих-то богатых дач. Приглашен был лишь узкий круг приближенных.

И, как всегда, там, где Балицкий, было очень весело. Пили шампанское, танцевали. Мы опять танцевали с Балицким. Балуясь, я раскрыла китайский зонтик и прикрыла им наши лица.

Потом Миронов сердился:

– Ты опять перепила шампанского? Зачем ты затеяла с этим зонтиком? Это было просто нетактично...

Балицкие уезжали раньше нас. Им подали вагон. Провожали их несколько пар – мужья с женами. Ритуал был такой: дама пожимала Балицкому руку, а жене его преподносились цветы, и они обнимались.

Я в свою очередь пожала Балицкому руку, подала его жене цветы и только хотела обнять ее, как вдруг она меня резко, демонстративно от себя оттолкнула. Я закусила губу – стыдно перед всеми. Я думала, Миронов не заметит, а он, как только они отъехали, злорадно шепнул мне на ухо: “Что, съела?”[1]

Волновался С. Н. Миронов не зря, ведь еще в середине 1920-х гг. в Харькове ходили слухи, что «Балицкий возит ответственных ра-

[1] Яковенко М. М. Агнесса. М., 1997. С. 71–74.

ботников к арестованным женщинам в тюрьму и устраивает там оргии»[1].

Позже, в 1937–1938 гг., арестованные подчиненные Балицкого охотно, с подробными деталями, описывали его аморальное поведение. Один из приближенных наркома, С. М. Циклис, на допросах в августе 1938 г. рассказал оперуполномоченному аппарата особоуполномоченного НКВД СССР лейтенанту госбезопасности П. Н. Всеволодовскому, что «все мы... были совершенно разложены в бытовом отношении. Оргии, пьянство, увеселительные поездки, кутежи с женщинами легкого поведения заполняли наше время... Неоднократно в моем присутствии рассказывались антисоветские анекдоты, в которых высмеивались мероприятия советской власти и партии.

На банкетах, которые давал Балицкий, постоянно присутствовали Кацнельсон, Карлсон, Бачинский, Лепин, Александровский, Мазо, Козельский, Крауклис, Чирский, Письменный, Рубинштейн, я – Циклис, Джавахов, Морозов, Амиров, Словинский, Евгеньев...

Были еще официальные банкеты, на которые приглашались, в частности, Косиор, Постышев, Якир, Любченко и другие. Под конец банкета оставались Балицкий, Кацнельсон, Бачинский, Рубинштейн, Евгеньев, Чирский, Лепин, Семенов, с женой которого Балицкий был в интимной связи, и Постышев оставался. И банкет превращался в сплошную пьянку. В этих пьянках принимали участие и жены. Жены Семенова, Чирского, Лепина, Шарова использовались Балицким. Об этом я знал от обслуживающего персонала. К Кацнельсону часто приезжала из Москвы жена расстрелянного бывшего директора Госбанка. Тогда же организовывался интимный вечер с участием Балицкого, Кацнельсона, Шарова, Рубинштейна, Бачинского. Это устраивалось на квартире Шарова, Кацнельсона, Бачинского...

Когда Балицкий направлял жену за границу, попойки происходили на пароходе “Днепр”. Причем Бачинский, Шаров, Рубинштейн, Тимофеев, Семенов, Чирский давали возможность Балицкому приударить за чьей-то женой. В таких случаях они чаще спаивали Семенова, Тимофеева, Шарова»[2].

Амурные дела «главного чекиста» наверняка были известны руководителям Украины. Интересный диалог по этому поводу состоялся 8 января 1937 г. на утреннем заседании Пленума ЦК КП(б)У между Балицким и первым секретарем ЦК ЛКСМУ С. И. Андреевым.

---

[1] Беседовский Г. З. На путях к термидору. М.: Современник, 1997. С. 147.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 239, 247об., 261.

«**Андреев:** Троцкисты под видом вечеринок приглашают молодежь и начинают ее обрабатывать. Вечеринки, конечно, с девушками. А вы знаете, что молодые люди очень быстро податливые на этот счет.

Балицкий: Это не только молодежь (*смех в зале*).

Андреев: Товарищ Балицкий, я Вас думаю отнести к молодым (*смех в зале*).

Балицкий: Я говорю не о себе»[1].

Мы еще вернемся к «амурным делам» Всеволода Балицкого, а пока расскажем о его даче в курортном поселке Хоста – ныне микрорайон города Сочи, расположенный по обеим берегам реки Хоста у впадения ее в Черное море, в бухте Тихой у мыса Видного. В 1932 г. здесь была специально оборудована дача для Балицкого. Кроме него здесь отдыхал узкий круг руководящих сотрудников (С. С. Мазо, Я. В. Письменный и др.). На содержание дачи совершенно бесконтрольно расходовались сотни тысяч рублей. По свидетельству бывшего директора хостинской дачи ГПУ УССР М. В. Френкеля, «для питания отдыхающих в Хосте продукты и в большом количестве вина приобретались, как правило, в Торгсине... Отдыхающей в 1932 г. в Хосте жене Балицкого – Балицкой Людмиле Александровне захотелось покушать обязательно молодой телятины. Я заявил ей, что достать этого сейчас невозможно, так как убой молодняка запрещен специальным постановлением Совнаркома Союза. За такое указание я в резкой форме получил замечание и для выполнения барской прихоти жены Балицкого из Харькова по распоряжению Письменного руководителем совхозов Антоновичем в Хосту был доставлен вагон телят. Телята были порезаны, а мясо полностью не использовано, так как очень скоро “приелось”... Проводимые банкеты обыкновенно продолжались до утра. К столу доставлялись остродефицитные продукты и дорогостоящие вина. Банкеты эти нередко заканчивались дебошами.

На Октябрьские дни того же 1932 года по инициативе Балицкого был организован банкет человек на 30. На банкет были приглашены все видные работники, отдыхавшие в то время в Сочи. Пили и ели до утра. Присутствовавший на банкете Рубинштейн разыгрывал из себя форменного шута: прятал в карманы дорогого костюма пирожные и т. п... Блат (полпред ОГПУ по Западной области. – *Прим. авт.*), напившись вдребезги пьяным, лежал в передней и во всеуслышание плакал. Рубинштейн, уехавший с банкета последним, приставал всю дорогу к встречным женщинам, ругал их матерщиной и всячески оскорблял. Банкет превратился в пьяную оргию»[2].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 519. Л. 155.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 49855 ФП. Т. 2. Л. 88–89.

Уже упомянутый Н. Л. Рубинштейн примерно в это же время, пребывая в отпуске в Сочи, устроил там выходку в своем стиле. Как-то, вдребезги напившись, он разогнал всех посетителей ресторана, оставив только несколько женщин, и заставил играть оркестр по своему заказу. Наслушавшись музыки, Рубинштейн ночью отправился в Сочи и, встретив там какого-то дворника, снял с него верхнюю одежду, нарядился в нее, а дворника одел в форму сотрудника ОГПУ[1]. И все это сошло чекисту с рук.

В 1936 г. специально для Балицкого и его семьи была построена и оборудована дача, известная под наименованием «Валки» (ныне село Валки, Володарск-Волынского района Житомирской области). Смета по строительству и оборудованию дачи предусматривала расход свыше миллиона рублей. Все силы были брошены на эту дачу, все остальные работы приостановлены, никто из работников АХУ НКВД УССР другими делами заниматься не хотел. Когда начальник квартирного отделения М. В. Френкель обращался к С. М. Циклису с вопросом ремонта вновь построенных домов для сотрудников НКВД, тот отвечал: «Пусть горят все твои дома. Пока Валки не закончу, говорить не буду». После усыновления Балицкими годовалого мальчика, которого нарекли Юрием, для него были оборудованы специальная комната на даче в Валках и на даче в Святошинском районе Киева (в доме, где ранее проживал бывший начальник УШОСДОР НКВД УССР И. К. Якимович)[2]. Циклис специально командировал секретаря ХОЗО АХУ НКВД Иткина в Харьков на трикотажную фабрику для пошива Юрию Балицкому костюмчиков. Отметим, что харьковская трикотажная фабрика НКВД всегда обшивала руководство[3], ибо в стране победившего социализма все было дефицитом.

Главным идеологом и организатором всевозможных выпивок и развлечений на даче в Валках (где зачастую бывал и П. П. Постышев) был Николай Станиславович Бачинский. Ни одна из поездок наркома внутренних дел не обходилась без начальника милиции.

---

[1] Там же. Л. 90.

[2] Там же. Л. 91–92. Якимовича, своего личного друга, занимавшего ответственную должность в Наркомземе СССР, Балицкий с большими трудностями провел на должность начальника Ушосдор НКВД УССР. Соответствующее постановление Политбюро ЦК КП(б)У было принято 3 февраля 1936 г. (ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 407. Л. 58). При приезде Якимовича в Киев нарком встретил его исключительно тепло, выделил 20000 рублей на обустройство квартиры. Своему окружению Балицкий говорил, что Якимович ему в НКВД очень нужен и он собирается его даже назначить своим заместителем. Но проработал Якимович в Украине месяца три, после чего внезапно (без согласования с Балицким!) был отозван в Москву и назначен начальником охраны лесов при Совнаркоме СССР (ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 46–47).

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Т. 1. Л. 83.

Именно Бачинский уговорил Балицкого пригласить в Украину своего давнего приятеля – заместителя наркома внутренних дел Белорусской ССР Н. Д. Шарова, который в апреле 1935 г. возглавил Управление НКВД по Киевской области вместо назначенного начальником Управления НКВД по Одесской области А. Б. Розанова[1]. Бачинский проводил линию на изоляцию наркома от рядовых сотрудников НКВД. Он заявлял свите, что Балицкий должен беречь здоровье и работать по 3–4 часа в день, не принимать мелких руководителей, а иметь дело лишь с руководством наркомата. При отсутствии наркома Бачинский обсуждал со свитой, как им лучше «развеселить» Балицкого, «подставить ему девочку» и тому подобное[2]. Своим подчиненным начальник УРКМ НКВД УССР постоянно внушал, что Балицкий является настоящим мудрым руководителем, который умело проводит собственную политику. Надо учиться у Балицкого тому, как надо умело расставлять людей, которые беспрекословно выполняют его указания[3].

С начала 1930-х гг. в СССР начал формироваться не только культ «вождя народов». Были и культы поменьше – разных партийных и советских руководителей. Не отставали от них и чекисты. По словам Я. В. Письменного, «в этот период как сам Балицкий, так и группа, что его окружала, стала раздувать авторитет Балицкого как значительного государственного деятеля, обставляя его ореолом “вождя”, выдающегося вождя органов ГПУ, одного из руководителей партии на Украине. Это делалось на примере самого Балицкого, который везде говорил, что вместе с Постышевим приехал спасать Украину из прорыва. Он всегда говорил о том, что является одним из руководящей тройки на Украине и самым независимым членом политбюро ЦК КП(б)У.

В разговорах со мной Балицкий очень часто критически отзывался о Косиоре, как руководителе ЦК, не говоря уже о некоторых других членах политбюро.

Таким образом постепенно пышным цветом вырос вождизм Балицкого как внутри НКВД да и вне его. Организованное массовое распространение его портретов стало обычным явлением. От коллектива, от аппарата Балицкий постепенно оторвался, имел дело лишь с узкой группой своих людей. Его же появления среди рабочих НКВД стало носить характер парадных выходов вождя»[4].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 39116 ФП. Л. 16об.–17.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 57–58.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 4329 ФП. Л. 33.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 94.

Заместитель секретаря НКВД УССР И. Л. Стрижевский свидетельствовал: «Я проводил работу по раздуванию авторитета Балицкого, выставляя его как большого государственного деятеля, который далеко перерос НКВД УССР. С этой целью я через партийный комитет добился такого положения, что все культурные и другие организации коллектива были названы именем Балицкого (школа, пионерский клуб, стадион, клуб сотрудников, подшефные колхозы, в Черниговской и Винницкой областях)»[1].

Всячески поднимал авторитет своего наркома и С. С. Мазо. Так, в разговоре с директором киевской кинофабрики С. Л. Ореловичем он заметил, что Балицкий вовсе не думает о своей популяризации среди работников культуры, тогда как Ягода окружил себя известными писателями (В. М. Киршон, А. А. Фадеев, А. Н. Афиногенов, В. А. Герасимов), постоянно общается с ними, что способствует популяризации Ягоды в стране. После этого разговора Орелович стал рекламировать украинского наркома среди работников культуры как человека непорочного, аскетичного, до конца преданного делу рабочего класса[2].

По словам Ореловича, три года проработавшего замначальника УМЗ НКВД УССР, «Балицкий сам превозносил себя сверх всякой меры и такое отношение к себе воспитывал во всех... На всех совещаниях и при всяких случаях он говорил о своей большой значимости. О себе он любил говорить и говорил это с каким-то особенным вкусом»[3].

По приказу начальника УПВО НКВД УССР А. Г. Лепина и начальника политотдела УПВО НКВД УССР Л. М. Сороцкого, в войска НКВД посылались тысячи портретов Балицкого и тетради с его портретами и биографиями, в казармах развешивались лозунги с цитатами из его речей. Однажды во время доклада по делам УМЗ Балицкий выразил большое неудовольствие тем, что его не знают в лицо. В ответ пообещали, что разошлют его портреты во все подразделения и ведомства УМЗ[4].

Характерно и то, что имя Балицкого постепенно, но все чаще стало фигурировать среди имен высших партийно-государственных сановников, на жизнь которых якобы готовились покушения. Б. В. Козельский и П. М. Рахлис в Секретно-политическом отделе, М. К. Александровский в Особом отделе по делам о терроре добива-

---

[1] Там же. Д. 45886 ФП. Л. 212.

[2] Там же. Л. 217–218.

[3] Там же. Л. 218.

[4] Там же. Л. 219.

лись от следователей того, чтобы Балицкий неизменно фигурировал как объект террористических намерений[1]. Обвинения в подготовке этих «покушений» становились основанием для репрессий. Приведем лишь один документ: «Секретарю ЦК ВКП(б) И. В. Сталину.

При рассмотрении дела осуждена к расстрелу Белозир Л. И. за то, что она, будучи членом контрреволюционной подпольной террористической организации украинских националистов, завербовала в эту организацию Щербина и Терещенко, которые должны были во время Октябрьских празднеств 1934 года в Киеве совершить теракт над тт. Постышевым и Балицким.

Белозир на всех допросах упорно отказывалась дать какие бы то ни было показания, а также заявила, что она отказывается от помилования. В силу этого прошу указания о возможности приведения в исполнение приговора над осужденной Белозир Л. И.

Тт. А. Я. Вышинский и В. А. Балицкий считают возможным приговор исполнить.

3 февраля 1935 г.

В. Ульрих»[2].

В начале 1935 г. начальник Оперативного отдела УГБ Управления НКВД Харьковской области А. Я. Санин получил от агентуры информацию о том, что технический секретарь комиссии по проведению чистки в областной организации КП(б)У Азаренко допустил ряд нарушений при проверке отдельных коммунистов. Когда об этом стало известно Балицкому, он решил использовать этот факт, чтобы скомпрометировать Шаблиевского, разоблачившего год назад злоупотребление в украинской милиции. Тем более что обидчик вместе с Е. М. Ярославским возглавлял «чистку» Харьковской областной парторганизации. Разработка Азаренко была поручена Н. Л. Рубинштейну и начальнику СПО УГБ УНКВД Харьковской области М. И. Говличу, которые блестяще справились с заданием. Благодаря «делу Азаренко» Балицкому в известной мере удалось подорвать авторитет Шаблиевского и Е. М. Ярославского в ЦК ВКП(б), но этого ему было мало[3].

В канун проведения Харьковской областной партийной конференции, где должен был выступать с докладом о проведении партийной чистки Е. М. Ярославский, в бывшую столицу приехал З. Б. Кацнельсон и приказал А. Я. Санину сделать стенограмму до-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 94.

[2] Цит. по: Волкогонов Д. А. Тріумф і трагедія. Політичний Портрет Й. В. Сталіна. К.: Політвидав,1989. Кн. 1. С. 356.

[3] ОГА СБУ. Харьков. Д. 011474. Л. 27–28.

клада Е. М. Ярославского, якобы «имевшего задание от ЦК КП(б)У скрыть те злоупотребления в техническом аппарате харьковской областной комиссии по чистке, которые были разоблачены чекистами, и приуменьшить роль НКВД в проведении чистки». Этот приказ был связан с тем, что такие стенограммы существовали в 2–3 экземплярах и никому не выдавались.

Санин сделал проводку от микрофона в зале оперного театра, где проходила партконференция, к комнате, в которой находилась стенографистка НКВД. Но необычные условия работы помешали ей выполнить задание как следует. Тогда Санин попросил в секретариате конференции стенограмму выступления якобы для ознакомления и отвез ее на железнодорожный вокзал Кацнельсону. Когда об исчезновении стенограммы стало известно Ярославскому и первому секретарю Харьковского обкома КП(б)У Н. Н. Демченко, то они позвонили начальнику УНКВД Харьковской области К. М. Карлсону и приказали немедленно вернуть документ. Последний дал распоряжение работникам транспортного отделения УГБ НКВД станции Люботин забрать у Кацнельсона стенограмму и доставить ее Ярославскому. Таким образом, задание Балицкого было провалено.

Вскоре Е. М. Ярославский делал доклад на заседании Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) о результатах чистки в Харькове. Во время обсуждения выступил Балицкий. Он отметил «засоренность» комиссии по чистке «враждебным элементом» и рассказал о компромате на Шаблиевского. Возмущенный этим выступлением, Ярославский заявил, что сотрудники НКВД не только не помогали, но и мешали проведению чистки, рассказал о похищении стенограммы. Нарком внутренних дел УССР, почувствовав негативную реакцию зала, мгновенно решил отмежеваться от неловких действий подчиненных и послал записку докладчику, в которой сообщал о своем согласии немедленно уволить А. Я. Санина из НКВД. Е. М. Ярославский записку вернул, написав на обороте, что считает такое увольнение нецелесообразным и ненужным. Конфликт был исчерпан, но при встрече Балицкий сказал Санину, что тот никудышный чекист: «не смог обеспечить выполнения наиважнейшего задания!»[1]

Через год Санин за какую-то мелкую вину во время поездки на теплоходе на курорт был отстранен от должности. Он жаловался знакомым, что «середняку всегда перепадает, а вот когда кто значительнее, то ему все гладко проходит»[2]. Приведенный пример красноречиво

---

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 011474. Л. 18–19.

[2] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 56297 ФП. Л. 77.

свидетельствует о том, что Балицкий своих обид никому не прощал, хотя и заявлял: «Я человек не злопамятный»[1].

В 1933 г. благодаря стараниям заместителя председателя ГПУ УССР И. М. Леплевского заместителем начальника Киевского облотдела ГПУ был назначен его давний сослуживец – бывший заместитель начальника Одесского облотдела ГПУ З. М. Галицкий. Буквально за несколько дней до его приезда из Одессы начальник Киевского облотдела ГПУ А. Б. Розанов заявил на оперативном совещании, что к его новому заместителю Балицкий относится недоброжелательно. Этого хватило, чтобы началась травля Галицкого. Его «прорабатывали» за бытовое разложение, вынесли строгий выговор по партийной линии и в январе 1934 г. все-таки выгнали с работы в органах ГПУ[2].

Балицкий подозревал, что секретарь С. В. Косиора В. Г. Канов поддерживал прежнего секретаря председателя ГПУ УССР А. М. Когана. Вскоре П. М. Рахлис получил задание «поработать по Канову». Заказ был выполнен. На стол Балицкому лег протокол допроса арестованного члена-корреспондента АН УССР М. Х. Орлова, где отмечалось, что Канов присутствовал при троцкистских разговорах. Невзирая на то, что компромат был слабеньким, Балицкий дал ему ход, Канова сняли с должности и отправили в Чернигов. При этом Балицкий откровенно заявил: «Я ему отомщу»[3].

Не складывались у Балицкого отношения с прокурором УПВО НКВД УССР бригвоенюристом А. П. Берзином и его заместителем Романовичем, которые, по словам Н. Л. Рубинштейна, «стояли на непримиримых позициях относительно борьбы с безобразиями в наших органах» и написали в Москву, ЦК КП(б)У, Военную прокуратуру и наркому внутренних дел УССР несколько заявлений по нескольким позорным фактам[4].

Балицкому это не понравилось, и он приказал скомпрометировать Берзина. Сначала чекисты по линии оперативного отдела собирались отправить к прокурору проститутку, она должна была привести его в гостиницу и там устроить скандал[5]. Впоследствии решили действовать иначе и воспользоваться делом Романовича, на которого были материалы, что он является сыном священника и в молодости имел троцкистские настроения. З. Б. Кацнельсон приказал заместителю

---

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 010175. Л. 220.

[2] Там же. Д. 011474. Л. 24.

[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 66.

[4] Там же. Д. 44539 ФП. Л. 37.

[5] Там же. Л. 66–67.

секретаря парткома НКВД УССР Л. И. Стрижевскому раздуть это дело и связать Романовича с Берзином. Так и случилось. А. П. Берзина сначала сильно «проработали» на заседании партийного комитета, потом на партийных собраниях наложили взыскание, а затем Кацнельсон направил эти материалы в Москву с требованием убрать прокурора как человека, себя скомпрометировавшего[1], написавшего «документ троцкистского порядка с клеветой на органы НКВД в целом»[2].

В Москве эти аргументы признали убедительными и назначили нового прокурора УПВО НКВД УССР – бригвоенюриста Н. Н. Гомерова. Он, в отличие от своего предшественника, сработался с чекистами, «прикрыв» некоторые дела. А председатель трибунала Г. М. Кулик перед судебным заседанием всегда советовался с Н. Л. Рубинштейном о мере наказания сотрудников НКВД[3].

Это позволяло руководству НКВД УССР гасить ненужные скандалы. Например, когда летом 1936 г. опять «отличился» начальник отдела связи НКВД УССР С. А. Ольшанский, то его просто тихо перевели в Харьковское облуправление НКВД вначале на должность начальника отдела связи, а затем повысили до начальника Оперативного отдела УГБ[4].

Балицкий, Кацнельсон и Стрижевский принимали все меры для того, чтобы «приручить» тех секретарей районных комитетов КП(б)У, в которые входили парторганизации НКВД. Кроме того, что нарком «давил» на них своим авторитетом, партийным вождям преподносились дорогие подарки – ружья и фотоаппараты[5]. Это происходило в рамках исповедуемой Н. С. Бачинским «теории» о том, что для создания себе хороших условий нужных людей следует «купить»[6].

Так в Киеве обрабатывали первого секретаря Ленинского райкома КП(б)У (к которому сначала относилась парторганизация НКВД УССР) Олийника и второго секретаря Давыдова. Кроме того, Кацнельсон приказал закрепить за Олийником автомобиль УШОСДОР НКВД УССР[7].

После организации в Киеве Кировского райкома КП(б)У и прикрепления к нему партийной организации НКВД УССР Балицкий

---

[1] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 50045 ФП. Л. 174–175.
[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 37.
[3] Там же. Л. 38.
[4] Там же. Л. 63.
[5] ОГА СБУ. Чернигов, Д. 50045 ФП. Л. 171.
[6] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 57.
[7] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 50045 ФП. Л. 171.

поручил С. М. Циклису поработать с новоизбранным первым секретарем райкома Смородиным, чтобы тот стал «своим человеком». Силами АХУ НКВД УССР был сделан ремонт здания райкома, Смородину предоставлена квартира из жилищного фонда НКВД, оказана материальная помощь, сделаны дорогие подарки. Не удивительно, что Балицкий, Кацнельсон и Стрижевский не желали замены секретаря Кировского райкома партии, ведь он был «послушным» и вопросов, касающихся партколлектива НКВД, без Балицкого (мнение которого передавалось через Стрижевского) самостоятельно не решал[1].

Умелая обработка Балицким руководящих партработников позволила обменять партийные билеты в 1936 г. для начальствующего состава НКВД УССР практически без проверки. По распоряжению наркома Стрижевский выделил группу лиц, которая проходила обмен партийных документов в первую очередь, отдельно от всей парторганизации НКВД. Они шли в райком уже с заполненными регистрационными бланками и сразу получали новые партбилеты. Как позже признавал сам Стрижевский, делалось это «исходя из моего любимого принципа, который я проводил в комитете, – обеспечить безопасность определенному кругу лиц»[2].

Кроме того, по прямому указанию Балицкого и Кацнельсона, некоторые чекисты, в прошлом известные как троцкисты (в первую очередь начальник политотдела УПВО Л. М. Сороцкий, начальник СПО П. М. Рахлис, помощник начальника ЭКО А. И. Рыклин), были «прикрыты», чтобы вопрос об их троцкистском прошлом не затрагивался и им была предоставлена возможность пройти проверку[3].

26 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об освобождении Г. Г. Ягоды от обязанностей наркома внутренних дел СССР и назначило на эту должность Николая Ивановича Ежова, который оставался по совместительству секретарем ЦК ВКП(б) и председателем Комиссии партийного контроля, с тем чтобы он «девять десятых своего времени отдавал НКВД»[4].

Тот факт, что Сталин остановился именно на персоне Ежова, не был случайным. В связи с этим американский исследователь Роберт Такер замечает: «В период максимального подъема волны террора настоящим руководителем карательных органов мог быть лишь сам

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 47.

[2] Там же. Д. 39116ФП. Л. 16 об.–17.

[3] Там же. Л. 17.

[4] Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. док. сост. О. В. Хлевнюк, А. В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: АИРО-XX, 1995. С. 150.

Сталин. Однако в роли формального главы НКВД он нуждался в человеке, который без лишних вопросов, автоматически мог выполнять его заказы и желания. В идеале такой человек выглядел бы кое-где сообразительным, опытным и полностью готовым к услугам, политическим нулем без претензий на реальное влияние, но тем не менее таким, который создавал бы впечатление влиятельной фигуры. Таким человеком был Николай Ежов»[1].

Еще 25 сентября Постышев сообщил Балицкому о назначении Н. И. Ежова. Вечером того же дня Постышев приехал к Балицкому в наркомат, и они вдвоем просидели до поздней ночи. В то же время «свита» (З. Б. Кацнельсон, Н. С. Бачинский, С. С. Мазо, Я. В. Письменный, Н. Л. Рубинштейн и другие) сидела в секретариате, причем, по словам С. М. Циклиса, «совершенно наглядна была паника... На второй день было совещание общее, на котором Балицкий сделал сообщение о назначении наркомвнудел т. Ежова. Сообщение это носило характер услужливый. Чувствовалось, что Балицкий выступал расстроенным, не было улыбок, присущих Балицкому...[2] В конце он заявил, разгуливая по кабинету, что “события разворачиваются и теперь ухо надо держать востро”[3].

Как опытный интриган, Балицкий быстро понял, что «Ежов очень хитрый человек, имеет большой стаж работы в ЦК, знает хорошо “кухню” и как обрабатывать людей. В этих вопросах Ягода мальчик против Ежова. Ежов имеет своих людей в аппаратах НКВД, которые ему через головы руководителей доносят о том, что там творится»[4].

Вскоре, как впоследствии отмечал С. М. Циклис, «в работе почувствовался холодок. Балицкий уже начал не приезжать на работу, рано стал уезжать с работы... К нему на квартиру стали ездить Кацнельсон, Письменный, Бачинский и Мазо... Они говорили, что у Балицкого убийственное настроение, что все зависит от предстоящей поездки в Москву, и как Балицкий договорится с наркомом тов. Ежовым. Говорили о том, что он сделал глупость, не став председателем Совнаркома Украины и что не поехал замнаркома путей сообщения...

После приезда из Москвы Балицкий начал рассказывать, что его хорошо принял нарком тов. Ежов и что, по-видимому, Балицкий поедет в Москву 1-м замнаркома»[5].

---

[1] Tucker R. Stalin in Power. The Revolution from Above, 1928–1941. New York; London, 1990. P. 377.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 256об.

[3] Там же. Л. 262.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 50.

[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 257.

Но чтобы оправдать высокое доверие нового руководителя НКВД СССР, необходимо улучшить свою работу. Ну а начинать, по традиции, следовало с кадровых изменений. Прежде всего, Балицкий стал добиваться назначения своим вторым заместителем начальника УНКВД по Харьковской области К. М. Карлсона.

Помощник начальника 1-го отделения отдела кадров НКВД СССР старший лейтенант госбезопасности С. Н. Лазутин, готовя справку на Карлсона для утверждения заместителем наркома внутренних дел УССР, пошел на сознательную фальсификацию. В графе «Имел или имеет партийные выговоры (какие, когда, за что)» Лазутин написал: «Нет». Новый начальник отдела кадров НКВД СССР М. И. Литвин хорошо знал о грехе Карлосона в 1934 г., поскольку в 1933–1936 гг. возглавлял отдел кадров ЦК КП(б)У, был секретарем ЦК КП(б)У и вторым секретарем Харьковского обкома партии. Знал, но справку Лазутина утвердил. 14 октября 1936 г. Карлсон был назначен заместителем Балицкого[1].

Начальник Управления НКВД по Черниговской области старший майор госбезопасности М. М. Тимофеев 16 декабря 1936 г. был назначен начальником УНКВД Винницкой области. Начальник УНКВД по Винницкой области старший майор госбезопасности Д. М. Соколинский 16 декабря 1936 г. возглавил УНКВД по Днепропетровской области, а 23 января 1937 г. – 3-й отдел (КРО) УГБ НКВД УССР.

Начальником Управления НКВД по Харьковской области стал С. С. Мазо, передавший дела начальника ЭКО УГБ НКВД УССР своему заместителю Е. Ф. Кривцу. После расформирования ЭКО Кривец 16 декабря 1936 г. был назначен начальником Управления НКВД по Черниговской области. Там он успел, по его собственному признанию, «раскусить» обком, в котором засели троцкисты, и получить звание старшего майора госбезопасности. Однако уже 23 января 1937 г. он был переведен начальником облуправления НКВД в Днепропетровск.

Это назначение сопровождалось рекомендациями наркома, о чем Кривец говорил так: «Балицкий проинструктировал меня о линии моего поведения в Днепропетровске относительно такого крупного секретаря обкома ВКП(б) как Хатаевич. Балицкий особенно подчеркивал необходимость соблюдать осторожность во взаимоотношениях с Хатаевичем, чтобы не сломать себе голову... Предупредил меня,

---

[1] Про затвердження т. Карлсона К. М. заступником наркома внутрішніх справ УСРР. Постанова ЦВК УСРР // Вісті. 1936. 15 октября.

чтобы не перегнуть палку и чтобы вообще не придираться к работникам партийно-советского аппарата. Балицкий в работе рекомендовал мне опираться на замначальника управления Долинского (С. М. Долинский-Глазберг, капитан государственной безопасности. – *Прим. авт.*), которого он хорошо знает, которому доверяет»[1].

После расформирования в декабре 1936 г. Иностранного отдела УГБ НКВД УССР его прежний начальник капитан госбезопасности А. В. Сапир сначала пересел в кресло начальника Управления НКВД по Молдавской АССР, а с февраля 1937 г. стал работать помощником 3-го отдела (КРО) УГБ НКВД УССР.

25 декабря 1936 г. майор госбезопасности П. Г. Шостак-Соколов был снят с должности начальника Оперативного отдела УГБ НКВД УССР и назначен сначала заместителем начальника УРКМ НКВД УССР, а затем, 23 января 1937 г., начальником Управления НКВД по Черниговской области. 16 декабря 1936 г. начальником только созданного Контрразведывательного отдела УГБ НКВД УССР стал М. К. Александровский, возглавлявший перед этим ОО УГБ НКВД УССР и ОО ГУГБ НКВД КВО. Следует отметить, что на работу особых отделов в Украине существенно влияла личная дружба В. А. Балицкого с командующим войсками Киевского военного округа командармом 1-го ранга И. Э. Якиром.

Александровский тоже дружил с Якиром и часто бывал у него дома[2]. Поэтому «особисты» работали так, чтобы не портить отношения с военным командованием. Да и сам Балицкий считал, что работники особых отделов в дивизиях и корпусах должны поддерживать дружеские отношения с командирами[3]. Случалось даже, что по просьбе Якира он отстранял от должности «неудобных» чекистов. Так, по настоятельному требованию командира 8-й механизированной бригады комдива Д. А. Шмидта командующий войсками Киевского военного округа добился от Балицкого снятия начальника Особого отдела этого военного соединения Н. И. Холмова[4].

Несмотря на такую «идиллию» между командующим войсками КВО и НКВД УССР, в третьем квартале 1936 г. по Украине прокатилась волна арестов среди военных. 5 июля в Киеве был задержан (а фактически арестован) и направлен в Москву комдив

---

[1] Золотарьов В. А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. Харків: Фоліо, 1997. С. 138.

[2] Кокін С., Пшенніков О. Без строку давності. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1999. № 1/2. С. 200.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 50.

[4] Там же. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 159–161.

Д. А. Шмидт[1]. Через два дня «взяли» начальника штаба 18-й тяжелой авиационной бригады майора Б. И. Кузьмичева; 15 августа – командира-военкома 25-й Чапаевской стрелковой дивизии комбрига М. О. Зюка; 2 сентября – заместителя командующего войсками Харьковского военного округа комкора С. А. Туровского и командира-военкома Летичевского укрепрайона комдива Ю. В. Саблина[2].

Что явилось первопричиной арестов прославленных красных командиров и какую роль сыграл в этом Балицкий, пока не установлено. Видимо, это была все-таки не местная, а московская инициатива. Недаром на вопрос, «что он знает о деле Шмидта», заместитель начальника Особого отдела УГБ НКВД УССР Ю. И. Бржезовский ответил: «Честное слово, ничего, кроме того, что знаете вы. Не верите... клянусь маткой бозкой ченстоховской... Шмидт – это не наша, московская разработка. Я солдат. Приказали – я его взял, отвез Ягоде и Гаю (начальнику ОО ГУГБ НКВД СССР. – *Прим. авт.*) в Москву»[3].

Преемником Александровского в ОО УГБ НКВД УССР и ОО ГУГБ НКВД КВО неожиданно для многих стал бывший заместитель начальника УРКМ НКВД УССР старший майор милиции Исаак Юльевич Купчик. Позже он показал, что «новое назначение сопровождалось разговором с Балицким... Давая мне установку в работе он заявил, что считает работу особого отдела легкой. По его словам, в армии все благополучно, крупных дел по армии быть не должно. Коснувшись Якира, он сказал, что этот человек не вызывает никаких сомнений, хотя и слывет либералом, подчеркивал свою личную дружбу с Якиром»[4].

Своей стремительной чекистской карьерой Купчик был полностью обязан Балицкому, который не только выдвигал его на ответственные должности, но и прикрывал многочисленные грехи. Позднее на допросе 13 августа 1937 г. Купчик покается перед следователем, старшим лейтенантом госбезопасности Ю. Н. Толкачевым в том, что во всех партийных и служебных документах скрывал тот факт, что его отец в 1901–1905 гг. имел свою торговлю в Бахмуте, а в 1914–1917 гг. вместе с отцом Я. В. Письменного там же владел магазином красок. Не участвовал Купчик в Красной гвардии, на

---

[1] Кокін С., Пшенніков О. Без строку давності. До 60-річчя «викриття» органами НКВС «Військово-фашистської змови у Червоній Армії» // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1998. № 1/ 2. С. 140.

[2] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. С. 54, 380, 390, 405, 459.

[3] Цит. по: Дубинский И. В. Особый счет. М.: Воениздат, 1989. С. 185.

[4] ОГА СБУ. Киев. Д. 43296 ФП. Л. 34.

самом деле он был только членом караульной дружины в Бахмуте. Приписывал себе арест в Киеве комендантом города полковником Е. Коновальцем по подозрению в большевизме и побег из-под стражи (в это время он спокойно грыз гранит науки, готовясь к поступлению в вуз), ранение и контузию, которых на самом деле не было, работу в тылу белых и т. д. и т. п. Из-за своего вранья Купчик жил «под вечным страхом разоблачения»[1].

Хорошо осведомленный о прошлом своего подчиненного, Балицкий не сомневался в том, что новый начальник Особого отдела УГБ НКВД УССР будет послушным исполнителем. Сам Купчик, которому 25 декабря 1936 г. было присвоено звание майора госбезопасности, по собственному признанию, «знал, что попадает в очень сложный переплет»[2]. С одной стороны, ему было нужно выполнять указания Балицкого и всеми силами покрывать И. Э. Якира, с другой – он должен был реагировать на требования нового начальника Особого отдела УГБ НКВД УССР комиссара госбезопасности 2-го ранга И. М. Леплевского усилить борьбу с троцкизмом в Красной Армии.

В своей деятельности Купчик сделал акцент на оперативной работе среди красноармейцев и командиров младшего и среднего звена, подозреваемых в троцкизме. Для стимулирования сотрудников отдела он внедрил так называемую карточную систему, когда учитывались лишь количественные показатели всей оперативной работы каждого сотрудника. Желая получить больше всего плюсов в карточке, учет которых вел лично начальник отдела, сотрудники, соответственно пытались завести больше всего дел-формуляров и потому вербовали кого попало и арестовывали тех, кто не имел защиты[3].

Чтобы подстраховаться перед союзным руководством, Купчик посылал в Москву справки с ходатайством на арест и крупных командиров. Однако составлялись эти справки таким образом, что материалов там было недостаточно и разрешения на арест украинские особисты не получали. Тогда начальник 5-го (особого) отдела УГБ НКВД УССР начинал шуметь в наркомате, что «нам не дают арестовывать»[4] и что «Леплевский придирается и требует от Украины развертывания дел в то время, когда важнейшие арестованные в Москве не признают себя виновным»[5].

---

[1] Там же. Л. 27–29.

[2] Там же.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 113.

[4] Там же. Л. 35.

[5] Там же. Л. 113.

И все-таки, чувствуя ослабление позиций Балицкого и из соображений личной страховки, Купчик составил справку на Якира. Будучи в Москве, он показал ее Леплевскому, не поставив в известность наркомвнудела УССР. После этого позвонил с Лубянки своему заместителю Ю. И. Бржезовскому и приказал доложить Балицкому о справке с компроматом на командующего войсками КВО. Понятно, что такие действия подчиненного вызывали возмущение наркома, который с большим недовольством сказал: «Я вас взял в Особый отдел затем, чтобы вы проводили мою линию работы! Я имел все основания так думать. Я вам дал указания о Якире. А вы, не спросясь, составляете документ, который будет доложен Ежову». Купчик оправдывался тем, «что вопрос о Якире давно назрел и все равно ставить его придется». Нарком предупредил особиста, чтобы тот «впредь без его санкции никаких документов не выпускал»[1].

Когда в начале 1937 г. «особистами» был поставлен вопрос о троцкистском прошлом начальника штаба КВО комдива В. П. Бутырского, командира 17-го стрелкового корпуса В. Э. Гермониуса и военного коменданта Киева полковника И. А. Голубкова, Якир решил действовать через Балицкого. По его просьбе нарком принял Голубкова, после чего приказал Ю. И. Бржезовскому подготовить справку о том, что «ничего троцкистского» в прошлом киевского коменданта нет, поэтому окружная парткомисия оставила И. А. Голубкова в партии[2].

Одним из военных, попавших под подозрение Всеволода Балицкого, был командир Киевской бригады резерва главного командования полковник И. В. Дубинский. На проходившем 20 августа 1936 г. в помещении Киевского оперного театра партийном активе города и области, на котором присутствовали Косиор, Постышев, Любченко, Балицкий, он недостаточно убедительно заклеймил своего друга Д. А. Шмидта. Выступление Дубинского было осуждено как содержавшее «примиренческие взгляды в отношении троцкистско-зиновьевских бандитов» и признано «бесхребетным и небольшевистским»[3].

Дубинский знал лично наркомвнудела УССР и оставил любопытные, хотя и очень субъективные, воспоминания. Позволим себе привести два отрывка из них. Первый эпизод касается собрания киевского гарнизона осенью 1936 г.: «В зал с папкой под мышкой вошел Балицкий. Торопливым шагом проследовал в президиум. Ему дали слово... Балицкий рассказал активу о кознях врагов. Сообщил,

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 37318 ФП. Л. 36.

[2] Кокін С., Пшенніков О. Без строку давності // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1999. № 1/2. С. 200.

[3] Черушев Н. С. 1937 год: элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. С. 53.

что Шмидт и Саблин полностью сознались. Очередь за разоблачением их сообщников. Торжествуя, поведал, что нынче привезли Юрия Коцюбинского. Он назвал большое число членов преступной организации. НКВД уже занялось искоренением подлого гнезда»[1].

Второй эпизод – описание встречи наркома обороны К. Е. Ворошилова спустя несколько недель: «Ворошилова ждали в Киеве. Вышла встречать наркома в пешем строю и наша танковая бригада. “Будьте бдительны! – приказал начальник гарнизона Фесенко (речь идет о заместителе командующего войсками КВО комкоре Д. С. Фесенко. – *Прим. авт.*). – Может, Шмидт был не один...” Подлинная истерия, терроромания!

Получив участок на улице Ленина я построил бригаду в две линии... Со стороны оперы появился кортеж. В головной машине, рядом с шофером, стоял Ворошилов и приветствовал бойцов. На заднем сиденье находился Балицкий. Напуганный “делом” Шмидта, он, очевидно, решил лично взять на себя охрану наркома. Во второй машине следовали Косиор, Постышев, Любченко.

Общая истерия сказалась и на мне. С трепетом ожидал приближения головной машины. “Чтобы все было тихо, спокойно, чтобы ничего не произошло”, – молил я судьбу. Уже наши танкисты, отвечая наркому, крикнули: “Ура!”. Но тут Балицкий заметив меня на правом фланге бригады, впился в меня пристальным взглядом. Машина шла вперед, а он, медленно поворачивая голову, все смотрел и смотрел на меня. И так с повернутой головой он ехал, пока машина не свернула за угол Крещатика...

Каково было мне? Я решил про себя, что завтра пойду к нему, объяснюсь, спрошу, почему такое недоверие? Потребую очной ставки со Шмидтом»[2].

По нашему мнению, И. В. Дубинский сильно преувеличивает внимание всемогущего наркома внутренних дел к своей персоне. Если бы Балицкий действительно хотел его уничтожить, то уничтожил бы. Но его воспоминания, на наш взгляд, прекрасно передают атмосферу времени.

Балицкого очень беспокоили настоящие намерения Ежова. Следует заметить, что это волновало не только наркома. Например, возможные кадровые перестановки активно интересовали одного из сотрудников польской разведки, работавшего в СССР. В своем сообщении от 9 декабря 1936 г. он, в частности, рассматривает стремление Ежова сменить руководителя НКВД УССР и пишет о сопро-

---

[1] Дубинский И. В. Особый счет. С. 171.

[2] Там же. С. 173.

тивлении Политбюро ЦК КП(б)У этим намерениям: «Последнее поставило предварительным условием назначения нового наркома (предусматривался Агранов, от которого окружение Ежова очень хочет избавиться) согласование этого вопроса и кандидатуры от политбюро ЦК КП(б)У, причем Г. И. Петровский в частном порядке предупредил Ежова, что политбюро ЦК КП(б)У согласится лишь на такого кандидата, который уже работал в Украине и хорошо знает ее условия. Политбюро ЦК КП(б)У решило защищать Балицкого, который умеет прекрасно лавировать между отдельными группировками в политбюро и который кроме того смог создать себе замечательные связи в провинциальных организациях. Вот почему проведение им ответственнейших и острых операций (несколько дел в провинции по чистке от оппозиционных элементов, дело Коцюбинского, дело Порайко и тому подобное) отличались большой гибкостью и умением не касаться при этом нейтральных элементов из среды коренных украинских работников, которых Балицкий знает почти всех лично и умеет с ними поддерживать хорошие отношения, если только они не заступают за пределы защиты местных интересов и ввязываются в "большую оппозиционную" политику»[1].

Интересно, что далее в сообщении высказывается предположение о том, что заменить Балицкого могли бы лишь К. М. Карлсон или З. Б. Кацнельсон, но они не могут этого сделать из-за своего происхождения (латыш и еврей). Поэтому не подходит и И. М. Леплевский: «Наркомвнудел СССР имеет лишь одну надлежащую кандидатуру – Заковского (польский разведчик, наверное, не знал, что по национальности он был латышом. – *Прим. авт.*), который определенное время работал в Украине в Одессе и который создал там большие персональные связи и симпатии. Однако Заковский работает в настоящее время в Ленинградской области... и снять его оттуда не представляется возможным»[2].

А дальше автор сообщения делает такой вывод: «Вот почему следует считать, что положение Балицкого остается крепким, несмотря на позицию московского центра... Снять Балицкого Ежов может без согласия политбюро ЦК КП(б)У только в том случае, если бы он назначил его в центральный аппарат Наркомвнудел СССР, но на эту операцию он не пойдет»[3].

И действительно, Николай Ежов не спешил приглашать Всеволода Балицкого на Лубянку. Интересный разговор по этому пово-

---

[1] РГАСПИ. Ф. 453. Оп. 1. Д. 55. Л. 92.

[2] Там же. Л. 92.

[3] Там же. Л. 92.

ду состоялся между шефом НКВД УССР и Н. Л. Рубинштейном. Последний впоследствии свидетельствовал: «Я спросил Балицкого, почему до сих пор Агранов является первым заместителем наркома внутренних дел, в то время, как он политически скомпрометирован и ему ЦК ВКП(б) не доверяет? Балицкий ответил, что на должность заместителя предполагалась кандидатура Евдокимова (Е. Г. Евдокимов занимал в то время должность первого секретаря Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). – *Прим. авт.*), и вопрос о нем уже обсуждался на Политбюро, но Сталин его кандидатуру отвел потому, что Евдокимов, Шеболдаев и Лившиц совместно принимали решение, когда они все работали в Ростове (речь идет о 1932–1933 гг., когда Е. Г. Евдокимов был полпредом ОГПУ по Северно-Кавказскому краю, Б. П. Шеболдаев возглавлял местный крайком ВКП(б), а Я. А. Лившиц – Северо-Кавказскую железную дорогу. – *Прим. авт.*).

Тогда я спросил Балицкого "А как же в отношении вас?" Он мне ответил: "Я член ЦК, имею известный оперативный авторитет и, если попаду в Москву, то, поскольку у Ежова должного оперативного авторитета нет, может статься, что Сталин будет вызывать меня и Ежова вместе, что Ежову будет неприятно"»[1].

Определенное проявление недоверия к себе со стороны Ежова Балицкий почувствовал после проведения 23–30 января 1937 г. в Москве судебного процесса «Параллельного антисоветского троцкистского центра». Среди семнадцати подсудимых был и заместитель наркома путей сообщения Я. А. Лившиц, который рассказал на допросах о своей личной дружбе с покойным Б. В. Козельским. Последний, якобы «не стесняясь, полностью откровенно, рассказывал о своих настроениях, троцкистской работе, обо всем»[2]. Хорошо зная, как «готовятся» подобные процессы, Балицкий не сомневался в том, что не все показания осужденных были преданы огласке, часть из них приберегли для последующих разработок. Поэтому во время своего очередного визита в Москву он попросил двух комиссаров госбезопасности 3-го ранга – начальника секретариата НКВД СССР Я. А. Дейча и начальника 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР В. М. Курского ознакомить его с протоколами допросов Я. А. Лившица, но ему отказали.

Он долго обдумывал эту ситуацию, а вернувшись в Киев, заявил Рубинштейну, что скорее всего Лившица перед расстрелом допрашивали о нем, Балицком, и поскольку теперь он «помазан», ему и не позволяют прочитать протоколы. По его мнению, Лившица заставили

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 24–25.

[2] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 27.

дать показания на Козельского о том, что он троцкист, «чтобы скомпрометировать украинский аппарат НКВД. Это сделал Ежов исключительно с целью побить Балицкого»[1].

Впрочем, расправа над Лившицем взволновала не только Балицкого. П. М. Рахлис объяснял Н. А. Григоренко: «Вы понимаете, как это плохо. Лившиц там наговорит, а затем оправдывайся, хотя он меня почти не знает». А на вопрос Григоренко, действительно ли Козельский был связан с Лившицем, Рахлис ответил: «Попробуй разберись»[2].

Еще одним тревожным сигналом стало восстановление, по инициативе Ежова, в партии бывшего секретаря председателя ГПУ УССР А. М. Когана. Узнав об этом, Балицкий действительно разволновался: «Из этого факта нужно сделать выводы, начинается большая игра»[3]. Вскоре Балицкому припомнили прошлое. Его стали критиковать за то, что, работая в Москве в должности заместителя председателя ОГПУ СССР, он якобы вел неправильную кадровую политику. В действительности связано это было в первую очередь с деятельностью тогдашнего заместителя начальника отдела кадров ОГПУ СССР Н. Л. Рубинштейна, который «разгонял» многих сотрудников центрального аппарата из Москвы[4].

Зачем Ежову понадобилось дискредитировать Балицкого? Однозначно ответить на этот вопрос достаточно трудно. Скорее всего, нарком внутренних дел СССР пытался подчеркнуть свою высокую компетентность и решимость продемонстрировать то, что по-настоящему руководить борьбой с «врагами народа» в стране может лишь он, а наличие огромного количества неразоблаченных «контрреволюционеров, троцкистов, шпионов и диверсантов» стало возможным лишь при полной бездеятельности прежнего руководства НКВД СССР.

Вот почему критиковали не только региональное чекистское руководство. Сокрушительной критике со стороны союзного наркома подвергся его первый заместитель Агранов. По словам Н. Л. Рубинштейна, «Балицкий, вернувшись из Москвы, рассказал мне, что он был в кабинете у Ежова, когда он ругал Агранова за провал оперативной работы. Балицкий воспроизвел эту картину, презрительно отзы-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 31–32. Интересно, что тогда же на всякий случай директор Киевской кинофабрики С. Л. Орелович нашел и изъял рецензию Балицкого на кинофильм «П. К. П.» (название расшифровывается так: «Пилсудский купил Петлюру»), сценарий которого написал Я. А. Лившиц, чтобы имя Балицкого никак не было связано с именем троцкиста Лившица (Там же. Л. 207).

[2] Там же. Д. 45886 ФП. Л. 171.

[3] Там же. Д. 44539 ФП. Л. 24.

[4] Там же. Л. 141.

ваясь о Ежове и сопровождая это площадной бранью по его адресу»[1]. Кстати, так о Ежове отзывался не только Балицкий. Например, начальник УНКВД по Саратовской области комиссар госбезопасности 2-го ранга Р. А. Пилляр говорил своему шоферу, что Н. И. Ежову «следует дать по голове за его отношение к старым чекистам»[2].

На февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) Н. И. Ежов яростно критиковал своего предшественника Г. Г. Ягоду за развал чекистской работы, а говоря о троцкистах, действовавших в самом НКВД, не забыл про Козельского[3]. В резолюции Пленума ЦК ВКП(б) «Уроки вредительства, диверсии и шпионажа японо-немецко-троцкистских агентов», принятой 3 марта 1937 г. по докладу наркомвнудела СССР, покойный начальник СПО УГБ НКВД УССР был назван в числе чекистов, которые «систематически информировали участников троцкистской организации об имевшихся в НКВД материалах об антисоветской деятельности последних»[4].

Остановившись на недостатках чекистов в работе, союзный нарком прошелся и по наркомвнуделу УССР: «Вот такие феодальные князьки сидят, которые живут, как хотят, а сюда приезжают как-нибудь отчитаться. И часто такой феодальный князек работал лучше, чем в центральном аппарате. Он сам развертывал работу по-своему, и получалось лучше. Немножко был такой феодализм на Украине». Балицкий обиделся и прервал докладчика: «Но это хорошо, а не плохо», на что Ежов снисходительно ответил: «А вместе работали на Украине неплохо»[5].

Сам же В. А. Балицкий, начал свое выступление на утреннем заседании пленума 3 марта со своеобразного покаяния. Заявив, что, как и все «старые чекисты, слушая обсуждение всех вопросов на пленуме и особенно доклад Н. И. Ежова, безусловно испытывали острое чувство стыда», он сообщил, что арестованные члены «троцкистской группы» бывшего председателя Госплана и заместителя председателя Совнаркома УССР Ю. М. Коцюбинского еще в сентябре 1934 г. давали показания против заместителя наркома тяжелой промышленности СССР Г. Л. Пятакова. Однако «ставить тогда вопрос в отношении Пятакова было трудно. Пятаков занимал, как известно, крупное по-

---

[1] Там же. Л. 25.

[2] Викторов Б. А. Восставшие чекисты // Они не молчали. М.: Политиздат, 1991. С. 302.

[3] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 10. С. 27.

[4] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 23.

[5] Там же. С. 20.

ложение, был членом ЦК. Но уже тогда, если бы наша центральная агентура работала как следует... то мы Пятакова могли бы разоблачить значительно раньше»[1]. Другими словами, если бы в Секретно-политическом отделе ГУГБ НКВД СССР серьезно подошли к нашим сигналам...

Жалел Балицкий, что без внимания остались сигналы украинской агентуры в октябре 1934 г. о том, что член троцкистской организации Юрия Коцюбинского «профессор Раппопорт-Дарьин заявлял: в центре внимания троцкистской организации стоит проблема войны», и если бы на Лубянке «как следует, по-настоящему, по-большевистски, по-партийному обратили внимание на это обстоятельство, мы бы могли скорей разоблачить изменническую деятельность троцкистов»[2].

К своим ошибкам Балицкий отнес вынесение относительно мягкого приговора разоблаченной в конце 1934 г. в Харькове «террористической троцкистской группе, возглавляемой Перацким и Милославским» (обвиняемые получили «всего 10 лет»), и то, что, разоблачив «троцкистскую деятельность» на «культурном фронте» группы Ю. М. Коцюбинского, члены которой получили по 5 лет ссылки, не была вскрыта ее террористическая деятельность. «Основной центр, руководивший террором в составе Коцюбинского, Логинова и Голубенко тогда еще не был нами открыт. Правда, я должен сказать, что от того же самого Наумова мы получили некоторые сведения о Голубенко... Но я должен сказать и признать свою вину в том, что я не добился, не настоял у нас в ЦК КП(б)У на аресте Голубенко... Здесь, конечно, моя вина, в частности, в том, что я не поднял крика по-настоящему у себя в ЦК КП(б)У»[3].

Подробно остановился наркомвнудел УССР и на своих взаимоотношениях с бывшим наркомвнуделом СССР: «Что я спорил с т. Ягодой, это очень многим известно. (*Голос с места: Да, с давних времен.*) В последнее время, принимая во внимание, что он был руководителем, эти споры носили вежливый и деликатный характер. Нужно принять во внимание, что субординация заставляла так поступать. (*Голос с места: Мешала субординация?*) Относительно субординации я должен сказать, поскольку речь идет о нашем аппарате, если ты член ЦК, ты должен принять меры, придти в ЦК и сказать. Но субординация в нашем аппарате обязательна. Это не приходится до-

---

[1] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 20.

[2] Там же. С. 21.

[3] Там же.

казывать. Что касается Ягоды, то у него получилась беспомощная, странная речь. Я думаю, что т. Ягода... должен был понять одно, что он наделал кучу политических ошибок, очень много ошибок. Что он оторвался от ЦК и что, наконец, он совсем не оперативный руководитель. Это он должен понять. А он выходит на трибуну и говорит следующее: я виноват в том, что я всех связей не держал у себя в руках. Я думаю, что было бы еще хуже, если бы эти связи он один держал, это было бы еще хуже. Тов. Ягода хотел себя сделать оперативным руководителем, он и сейчас мечтает об этом, как бы он занялся оперативной работой. (**Молотов**. Неужели вы думаете, что главное – это оперативность или неоперативность. Не в этом главное. **Голос с места.** А политическая сторона. **Молотов.** Где политическая сторона?) Я сейчас как раз хотел об этом говорить. (**Молотов.** Главное политическая сторона дела, вы – коммунист, а не только чекист.) Я и хотел сказать, что у Ягоды не было политического лица. Возьмем, например, нашу работу по правым. Ягода не может указать ни одной директивы по этому вопросу. А как дело обстояло с троцкистами, об этом здесь говорилось достаточно. Партийное руководство, политическое руководство, связь с ЦК – в таком аппарате, как наш, это основа из всех основ»[1].

Высказал Балицкий свое мнение и о «засоренности» аппарата НКВД: «Прежде всего, относительно Козельского. Хотя по показаниям Лившица связь Козельского с Лившицем относится к 1931–1932 годам. Это ни в коем случае не уменьшает моей вины и вообще все дело о Козельском надо рассмотреть как следует. Мы этим сейчас основательно займемся. Не надо забывать, что Лившиц на Украине работал в органах ЧК в первые годы советской власти. У него, конечно, оставались и должны были остаться кое-какие связи, потом он опять возвращался на Украину, был на хозяйственной работе. Нужно будет сейчас еще крепче взяться и раскрыть все его связи. Предательская роль Молчанова совершенно мне ясна, на ней останавливаться не буду»[2].

А вот на покровительстве Генриха Ягоды Игнатию Сосновскому Балицкий остановился довольно подробно. Вообще, следует отметить, что в своем выступлении наркомвнудел УССР в отношении своего бывшего шефа был более сдержан, чем, например, секретарь Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Е. Г. Евдокимов, начальник Управления НКВД по Московской области С. Ф. Реденс и начальник Управления НКВД по Ленинградской области Л. М. Заковский.

---

[1] Там же. С. 21–22.

[2] Там же. С. 22.

Закончил свое выступление Всеволод Балицкий на оптимистической ноте, отметив, «что все-таки перелом в работе уже начался. Мы опоздали, безусловно, но сейчас и по вопросам агентурной работы, и по вопросам общего разворота работы мы безусловно имеем перелом... Сейчас наша задача – перестроившись в своей работе на основе решения ЦК ВКП(б), работать по-большевистски, по-настоящему, для того, чтобы смыть позорное пятно, которое на нас лежит, которое лежит на органах НКВД и восстановить прежний авторитет ЧК-НКВД»[1].

Среди присутствовавших на пленуме был и начальник Управления НКВД по Харьковской области С. С. Мазо. Возвращаясь с заседаний в гостиницу «Москва», он рассказывал о ходе событий своим друзьям – Я. В. Письменному, Н. Л. Рубинштейну, а также инспектору при начальнике Управления НКВД по Харьковской области старшему лейтенанту госбезопасности И. Г. Ветлицину-Южному. Последний позже вспоминал, что в этих рассказах «была проявлена особенная растерянность и нервозность по вопросу разоблачения на пленуме настоящих причин самоубийства Козельского. Все волновались, что теперь у Балицкого могут быть неприятности. Письменный и Рубинштейн были недовольны тем, что Балицкого «затирают», что его следовало бы назначить заместителем наркома внутренних дел СССР. Здесь же Мазо сообщил, что Рыкова и Бухарина арестовали. На что кто-то с сарказмом заметил: «Ну, теперь остался один вождь – Сталин»[2].

Вернувшись из Москвы, Балицкий провел в наркомате актив по итогам Пленума ЦК ВКП(б). Однако в своем выступлении «на вредительской работе» Козельского он практически не останавливался. Все же попытки разоблачения покойного начальника Секретно-политического отдела, по словам очевидцев, «прерывались репликами Балицкого»[3]. Тем не менее начальник 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ НКВД УССР старший майор госбезопасности Д. М. Соколинский подверг острой критике пышные похороны самоубийцы[4]. Его выступление было крайне нежелательным для наркома и он оценил его «как демагогическое»[5]. Чекисты не сомневались в том, что «Давиду перепадет за это выступление»[6]. Были ли приняты

---

[1] Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 22.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 153.

[3] Там же. Д. 45886 ФП. Л. 172.

[4] Там же. Л. 171.

[5] ОГА СБУ. Киев. Ф.6. Д. 43787 ФП. Л. 44.

[6] ЦГАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 171.

против «демагога» какие-то санкции, неизвестно, однако вскоре его убрали из центрального аппарата.

Соколинский – не единственный из тех, кто не забывал про Козельского. Еще летом 1936 г. начальник СПО УГБ Управления НКВД по Днепропетровской области старший лейтенант госбезопасности Исаак Соколов-Шейнис написал Балицкому о том, что самоубийца был «скрытым троцкизмом», но нарком оставил это заявление без внимания. Интересно, что в начале 1937 г. уже на самого И. И. Соколова-Шейниса, пересевшего к тому времени в кресло начальника отделения СПО УГБ НКВД УССР, поступило заявление о его «троцкизме», проявленном в 1923 г. Расследование, которое проводил заместитель секретаря НКВД УССР полковой комиссар Л. И. Стрижевский, не подтвердило эту анонимку[1].

Начальник отделения 4-го отдела УГБ Управления НКВД по Винницкой области старший лейтенант госбезопасности Н. А. Лин подал заявление о том, что по указанию Козельского бывшим начальником отделения Секретно-политического отдела ГПУ УССР И. И. Илюшиным-Эдельманом был уничтожен формуляр на Я. А. Лившица. Н. Л. Рубинштейн допросил по этому поводу старшего лейтенанта госбезопасности Б. Я. Аглицкого и выяснил, что дела-формуляра на Лившица вообще не было[2].

Однако «бдительный» Лин продолжал «топить» своего прежнего начальника и сообщал, что Козельский «замазывал» дела бывшего чекиста И. С. Решала и начальника админоргсектора объединения «Сталь» Б. Ф. Лейбовского, приводя конкретные факты близости многих репрессированных троцкистов к Лившицу[3]. Отметим, что до августа 1934 г. Лин работал уполномоченным 1 отделения СПО УГБ НКВД УССР – подразделения, которое непосредственно «разрабатывало» троцкистов и было в курсе всех дел.

В такой обстановке осторожный С. М. Циклис советовал Балицкому все-таки что-то делать. Например, разрушить памятник Козельскому на кладбище. На что нарком очень сильно возмутился – дескать, начальник Административно-хозяйственного управления просто паникует. Тогда Циклис обратился к З. Б. Кацнельсону с просьбой уговорить Балицкого, но заместитель наркома ответил, что они уже обсуждали этот вопрос и не считают необходимым разрушать памятник[4].

---

[1] Там же. Д. 44539 ФП. Л. 31.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Однако памятник все-таки разрушили. Это случится дней через пять после отъезда В. А. Балицкого из Киева в 1937 году. (См.: ОГА СБУ. Киев. Д. 57428 ФП. Л. 258.)

17 марта 1937 г. Балицкий в последний раз выступил на Пленуме ЦК КП(б)У. Разумеется (а как же иначе?!), он коснулся тех ошибок, которые допустил в своей работе НКВД. Среди прочих назвал и такую: «...Несмотря на то, что была разоблачена большая троцкистская организация Коцюбинского, но мы взяли одного Коцюбинского, взяли троцкистов на культурном фронте, а до центров не добрались. К центру в составе Коцюбинского, Логинова, Голубенко мы добрались, как вам известно, значительно позже, значительно опоздали»[1].

Вместе с тем в выступлении была и мысль о перегибах в «разоблачении» врагов: «Иногда, это часто бывает у нас в партийных организациях, есть стремление перестраховаться. Лучше перестраховаться и, черт возьми, какой-то десяток мы выбросим из партии, посадим кого-то, лучше ударить, чем не добить. Это тоже бывает иногда правильно, лучше ударить более крепко, но если мы размахнемся и станем направо и налево бить, у нас могут быть очень большие неприятности, потому что мы сами будем этих врагов делать. Бывает это у нас»[2] .

По воспоминаниям современников, Всеволод Балицкий все больше раздражался и переживал из-за того, что у него не было соответствующего контакта с новым руководством НКВД СССР. На протяжении многих лет работы при Ф. Э. Дзержинском, В. Р. Менжинском и Г. Г. Ягоде он привык самостоятельно руководить ГПУ-НКВД УССР, решать все сложные и принципиальные вопросы. С появлением нового начальства началось систематическое вмешательство центра в его работу и появились всевозможные ограничения. Теперешние чекистские сановники, к которым принадлежал не только Н. И. Ежов, но и начальник Административно-хозяйственного управления НКВД СССР старший майор госбезопасности С. Б. Жуковский (бывший член Комиссии партийного контроля), начальник отдела кадров НКВД СССР, старший майор госбезопасности М. И. Литвин, не привыкли терпеть «самостоятельность» на местах. Особенно это касалось хозяйственных и финансовых вопросов, в которых Балицкий привык быть бесконтрольным. Передавая Циклису очередную директиву Жуковского о ведении хозяйства, Балицкий как-то разъяренно бросил: «Я создавал, я строил, я сколачивал, а теперь мне вздумали указывать! Буду лично говорить с наркомом!»[3]

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. І. Сталінізм і Україна // Український історичний журнал. 1992. № 4. С. 16.

[2] Там же. С. 16.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 57428 ФП. Л. 257об.

С Балицким почти не считались и в кадровых вопросах, отправляя из Украины в другие места многих сотрудников. Так, начальник Управления НКВД по Днепропетровской области старший майор госбезопасности С. Н. Миронов 16 декабря 1936 г. был назначен начальником Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю; начальник 3-го (контрразведывательного) отдела УГБ НКВД УССР старший майор госбезопасности М. К. Александровский 11 января 1937 г. – заместителем начальника IV (разведывательного) управления РККА (вместо корпусного комиссара А. Х. Артузова).

Решение по Александровскому было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 января 1937 г. по предложению наркома обороны СССР маршала К. Е. Ворошилова. Тогдашний начальник IV (разведывательного) управления Красной армии комкор С. П. Урицкий отмечал, что «назначение Александровского в Разведуправление состоялось полностью мимо меня. Когда я получил согласие Наркома Обороны на освобождение Артузова, он (Ворошилов. – *Прим. авт.*) имел ряд переговоров в наркомате Ежова о замене Артузова. Назывались разные кандидатуры, в том числе и Александровского»[1].

Выехали из Украины и известные чекисты «среднего звена»: начальник СПО УГБ УНКВД по Одесской области капитан госбезопасности Г. М. Осинин-Винницкий был назначен начальником СПО УГБ УНКВД по Азово-Черноморскому краю; начальник ТО УГБ УНКВД по Винницкой области капитан госбезопасности Е. Э. Каневский – начальником ТО УГБ УНКВД по Челябинской области; прежний помощник начальника ТО УГБ УНКВД по Харьковской области капитан госбезопасности Н. Я. Боярский – начальником ТО УГБ УНКВД по Свердловской области.

Кроме того, Н. И. Ежов стал потихоньку «щипать» В. А. Балицкого за прежние грехи его подчиненных. Так, приказом НКВД СССР № 015 от 5 февраля 1937 г. назначенный 21 декабря 1936 г. на должность начальника Оперативного отдела УГБ НКВД СССР капитан госбезопасности М. Г. Джавахов был снят с должности «за развал работы» в бытность свою начальником 25-го Молдавского погранотряда НКВД. Наркому внутренних дел УССР было предписано использовать Джавахова «на менее ответственной работе»[2]. Через две недели «штрафника» назначили начальником Запорожского горотдела НКВД вместо капитана госбезопасности Л. И. Рейхмана, ставшего заместителем начальника УНКВД по Киевской области.

---

[1] Горбунов Е. А. Военная разведка в 1934–1939 годах // Свободная мысль. 1998. № 3. С. 55.

[2] ОГА СБУ. Запорожье. Д. 3153. Т. 2. Л. 2.

13 января 1937 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О неудовлетворительном партийном руководстве Киевского обкома ЦК(б)У и недостатках в работе ЦК КП(б)У». Это был серьезный сигнал: огонь сокрушительной критики переносится на Павла Постышева. Значительную роль здесь сыграл прежний покровитель Постышева – Лазарь Каганович. 16 января 1937 г. при его участии состоялся Пленум Киевского обкома КП(б)У. Постышева обвинили в пособничестве «враждебным элементам» и развале работы. Тогда же его освободили от обязанностей секретаря столичной парторганизации в связи, как объявлялось официально, с невозможностью совмещать эту должность с постом секретаря ЦК КП(б)У.

В марте 1937 г. Павел Постышев уехал из Украины. Чекисты устроили ему громкие проводы, на которых начальник Управления НКВД по Киевской области Н. Д. Шаров напился, плакал и обратился к Постышеву с просьбой забрать его с собой, ведь работать без него будет невозможно[1]. Как проходили чекистские гулянки с участием «второго-первого секретаря ЦК КП(б)У», как называли Постышева в политических кулуарах, красноречиво описал С. М. Циклис. В своем заявлении о встрече нового, 1937 года, он, в частности, указывал: «Постышев, окруженный женщинами, пляшет и напевает песенку “Капитан, капитан...”. Музыканты с барабаном из кожи лезут вон, а один из музыкантов начинает плясать с Постышевым. Балицкий доволен, заливается со смеху и танцует фокстрот непристойно обнимая женщин. Бачинский, подливающий коньяк Постышеву и Балицкому, “старейший теоретик” таких оргий, выпивший до бессознательности, потирает руки, доволен. Крауклиса жена тянет в комнату спать. Крики: “Циклис не дает, скупится, не дает шампанское”»[2].

Балицкий говорил Письменному, что Постышев выделяется из всего состава политбюро и что он по своим настроениям ему очень близок... С Постышевым сурово обошлись, но это не удивительно, т. к. Постышев «определенным образом» относится к руководству партии[3].

Первого секретаря Куйбышевского обкома ВКП(б) П. П. Постышева арестуют по ордеру № 978, который подписал М. П. Фриновский, в ночь на 22 февраля 1938 г. на его московской квартире по улице Серафимовича, дом 2. Вместе с Постышевым арестуют и его жену – Т. С. Постоловскую[4]. Продержится он почти полтора месяца, но уже

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Д. 39116 ФП. Л. 16об.

[2] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. С. 78.

[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 69.

[4] Исаев В. Н. Соратник Сталина. М.: Звонница-МГ, 1999. С. 324, 328.

9 апреля 1938 г. напишет заявление Ежову: «Этим своим заявлением я хочу поставить Вас в известность, что я прекращаю всякое отпирательство и намереваюсь дать органам следствия откровенные свидетельства о контрреволюционной деятельности против партии и Советской власти, которую я проводил в течение нескольких лет»[1].

А еще через двадцать дней оперуполномоченный 4-го (секретно-политического) отдела 1-го Управления НКВД СССР П. И. Церпенто, который вел следствие по делу П. П. Постышева, сообщит руководству, что переданный в ЦК ВКП(б) протокол допроса бывшего первого секретаря Куйбышевского обкома партии был написан по заданию майора госбезопасности Г. М. Лулова им, Церпенто, и капитаном госбезопасности Ю. С. Визелем «без участия Постышева, без его признания вины. Постышев в первый раз узнал о содержании “своих” свидетельств в то время, когда они были ему даны на подпись»[2]. 5 мая того же года Церпенто, который, кстати, 22 июля 1937 г. был награжден за борьбу с «врагами народа» орденом Красной Звезды, еще раз подтвердил, что все свои признания Постышев «лишь подписал, нисколько не прилагая усилий до того, чтобы хоть что-то сказать о своей вине»[3].

Эти заявления Церпенто не спасли Постышева, которого продолжали беспощадно истязать. Сохранились свидетельства людей, видевших его в Лефортовской тюрьме: переломанные ноги, выбитые зубы, все тело в ранах и рубцах. А упомянутого чекиста арестовали 9 июля 1938 г. На допросах Церпенто подтверждал, что по указанию своего начальника Лулова были сфальсифицированы все протоколы допросов Постышева[4].

Следствие констатировало, что «Постышев П. П. в течение нескольких лет был членом центра право-троцкистской организации в Украине. В проведении враждебной работы был связан с Косиором, Чубарем, Балицким, Якиром, Ашрафяном, Вегером, Косаревым и другими. Принимал активное участие в организации и руководстве диверсионно-вредительской работой в Украине. С 1920 г. был агентом японской разведки, которую снабжал важнейшими шпионскими сведениями по Советскому Союзу»[5]. «Японского шпиона» и «правого троцкиста» Постышева расстреляют 26 февраля 1939 г.

---

[1] Там же. С. 337.

[2] Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М.: АО Книга и бизнес, 1992. С. 184–185.

[3] Там же. С. 333.

[4] Там же.

[5] Там же.

А задолго до этого, в начале 1937 г., критика Павла Постышева стала еще одним тревожным сигналом для Балицкого. Однако он продолжал свою политику «регулируемых репрессий», расположение к которой он продемонстрировал на Пленуме ЦК КП(б)У, проходившем с 31 января по 2 февраля 1937 г. Пленум открыл С. В. Косиор, отметивший, что в 1935–1936 гг. в Украине «разоблачения врагов происходило за счет непосредственно аппарата НКВД»[1]. Потом начались выступления, ораторы пытались превзойти друг друга в разоблачении троцкистов. В это время нарком внутренних дел УССР вел себя по-разному: одних защищал, а других почти уничтожал.

Так, например, когда обвинения в троцкизме прозвучали в адрес бывшего прокурора ГПУ УССР Григория Железногорского и бывшего помощника прокурора ГПУ УССР Льва Крайнего-Карпиловского, то Балицкий прервал выступающего: «Сказать, что Железногорский троцкист это неправильно. Я, например, считаю, что Крайний недоказанный троцкист. У него очень много в прошлом плохого, которое свидетельствует против него, но троцкизм у него не доказан, не доказан»[2].

Совсем другой разговор был у Балицкого со вторым секретарем Одесского обкома КП(б) У Ф. Я. Голубом. Процитируем стенограмму:

«**Т. Балицкий:** Вы троцкистам протежировали сначала.

Т. Голуб: Всеволод Аполлонович, это не так.

Т. Балицкий: Безусловно так. Вы знали.

Т. Голуб: Я не знал.

Т. Балицкий: Глупости это, знали!»[3].

Атака на второго секретаря Одесского обкома КП(б)У была неслучайной, ведь еще 11 января 1937 г. начальник Управления НКВД по Одесской области А. Б. Розанов сигнализировал наркому, что «Голуб протежирует и поддерживает ряд троцкистов»[4]. Кроме того, арестованный как член контрреволюционной организации А. М. Манюрин дал показания против Голуба. Об этом впоследствии свидетельствовал З. Б. Кацнельсон: «Допрос Манюрина я проводил по поручению ЦК КП(б)У, персонально – Косиора и Постышева. Дело в том, что, когда Балицкий доложил в ЦК КП(б)У показания Манюрина, которые разоблачали... Голуба, ЦК КП(б)У нашел, что свидетельств Манюрина для ареста Голуба недостаточно. Поэтому мне было поручено передопросить Манюрина и сообщить в ЦК мое мнение от-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 17.

[2] Там же. Л. 209.

[3] Там же. Л. 211.

[4] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 238.

носительно правдивости свидетельств Манюрина. Балицкий предупредил меня, что необходимо будет делать очную ставку Манюрина с Голубом. Манюрин свои показания подтвердил»[1].

8–10 февраля 1937 г. Балицкий проводил городской и областной партийный актив в Одессе, где, как и везде, продолжалась охота на «скрытый троцкизм». И если в 1935 г. одесские чекисты под руководством начальника областного Управления НКВД А. Б. Розанова, его заместителя М. Г. Чердака и начальника СПО Г. М. Осинина-Винницкого арестовали 149 троцкистов и разоблачили 8 троцкистских групп, то в следующем году за решетку попали уже 643 троцкиста и было ликвидировано 47 контрреволюционных групп[2].

Но даже эти цифры уже не удовлетворяли наркома. Текст его доклада на активе не сохранился, но по воспоминаниям заместителя заведующего промышленным и транспортным отделом Одесского обкома КП(б)У Я. А. Черного, «общий тон доклада Балицкого можно было понять как сигнал к поискам в партии и советском аппарате врагов народа»[3]. В своем выступлении Розанов заявил, что на третьем активе говорят о неурядицах в Черноморском пароходстве, а «результата нет. Думаю, что тов. Балицкий сделает в настоящий момент, чтобы результат был». Нарком прервал его выступление словами: «Буду пытаться»[4].

Кроме того, Балицкий заявил одесским коммунистам, что невозможно плодотворно вести борьбу с врагами, пока областную прокуратуру возглавляет А. Н. Турин-Тальчинский. Дело в том, что он часто отказывал сотрудникам НКВД в санкциях на арест и называл их материалы шпаргалками. «Результат» не заставил себя ждать: 12 февраля областной прокурор повесился в туалете собственной квартиры. Через три дня повесилась и жена Турина[5]. Это было не единственное самоубийство среди руководства Одесской области: застрелился и заместитель председателя облисполкома С. А. Карга, старый чекист, награжденный Знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (V) за № 153.

На том же активе Балицкий и Розанов обвинили Ф. Я. Голуба в поддержке и протежировании троцкизму, в результате чего тот был отстранен от должности и отозван в Киев. В столице Балицкий имел длительную беседу с Голубом наедине, после которой 16 февраля 1937 г. последнего вызывал к себе З. Б. Кацнельсон и сразу провел

---

[1] Цит. по: Протокол допиту З. Б. Кацнельсона 7 вересня 1937 р. // Наше минуле. 1993. № 1. С. 71–72.

[2] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 291.

[3] Там же. Л. 381.

[4] Там же. Л. 326.

[5] Там же. Т. 3. Л. 55.

ему очную ставку с А. М. Манюриним-Броварским. В тот же день Голуба арестовали, а 23 сентября 1937 г. расстреляли.

Свое достаточно своеобразное отношение к троцкистам нарком внутренних дел УССР выразил на вечернем заседании Пленума ЦК КП(б) 31 января 1937 г. Процитируем стенограмму:

«**Т. Косиор:** Иногда всякими правдами и неправдами руководство протягивает людей, которые кажутся подходящими и смазывают все отводы и тому подобное. Но, все-таки, как говорят, коня не дадут выбрать, а здесь махровых, известных сволочей троцкизма, какие негодны, чтобы близко их подпускали, а их избирают.

Т. Балицкий: Если бы кони были, нужно было бы радоваться, а то троцкизм!

Голос с места: Против коней тов. Балицкий не отрицает.

Т. Балицкий: Лучше, чем троцкизм!»[1]

25 октября 1935 г. при проверке партийных документов в Харьковском авиационном институте по необоснованным обвинениям был исключен из ВКП(б) член партии с 1921 г. Г. С. Сухов. Отобрал у него партбилет и составил формулировку член Дзержинского райкома КП(б)У, начальник СПО УГБ Управления НКВД по Харьковской области М. И. Говлич. Когда протесты и жалобы Г. С. Сухова ни к чему не привели, он стал называть руководителей Дзержинского райкома бюрократами, а их методы проверки троцкистскими. Кроме того, в своем ближайшем окружении Сухов говорил, что «таких бюрократов надо стрелять», о чем, естественно, узнали чекисты.

14 мая 1936 г. по постановлению, подписанному капитаном госбезопасности М. И. Говличем и заместителем начальника Харьковского облуправления НКВД майором госбезопасности Я. З. Каминским, Г. С. Сухов был арестован по обвинению в террористических высказываниях. Начальник 1-го отделения СПО УГБ Управления НКВД по Харьковской области старший лейтенант госбезопасности Л. Н. Ширин и начальник 3-го отделения СПО УГБ Управления НКВД по Харьковской области лейтенант госбезопасности Б. Я. Лисицкий накануне судебного разбирательства дела Г. С. Сухова вызвали к себе свидетелей, «нажали» на них с целью получения компромата на арестованного. Кроме того, Лисицкий предоставил от своего агента заявление, в котором появлялись новые факты террористических высказываний Сухова. Тем не менее 27 декабря 1936 г. Г. С. Сухов по суду был оправдан[2].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. Л. 43.

[2] Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941. С. 145–146.

5 февраля 1937 г. первым секретарем Харьковского обкома и горкома КП(б)У стал кандидат в члены ЦК ВКП(б), бывший первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Николай Федорович Гикало[1]. Безусловно, такой карьерный поворот для опытного партийного функционера иначе как понижением не назовешь и он решил отыграться.

Гикало, носивший на груди не только ордена Ленина и Красного Знамени, но и знак почетного работника ВЧК-ГПУ (V), обратил внимание на то, что одним из вдохновителей дела Г. С. Сухова был бывший второй секретарь харьковского горкома КП(б)У, а ныне разоблаченный троцкист Бобровников и обратился непосредственно к наркому внутренних дел СССР с просьбой разобраться в том, как проводилось следствие. Разбираться в марте приехал особоуполномоченный НКВД СССР старший майор госбезопасности В. Д. Фельдман в сопровождении Н. Л. Рубинштейна. Последний получил от З. Б. Кацнельсона «установку снизить принципиальную значимость этого дела»[2].

Фельдман провел собственное расследование и приказал освободить Сухова[3]. Довольный Гикало передал высокому московскому гостю анонимку, в которой Я. В. Письменный обвинялся в защите своего родственника – троцкиста Б. И. Шульмана[4].

Разбираться с этим сигналом Фельдман не захотел, потому что в Москве его ожидали куда более важные дела – допросы арестованных заместителя начальника УНКВД по Саратовской области комиссара госбезопасности 3-го ранга И. И. Сосновского и наркома внутренних дел Белорусской ССР Г. А. Молчанова, которого он лично беспощадно избивал, требуя компромат на Г. Г. Ягоду. Он будет посылать на смерть десятки своих прежних коллег, пока сам не попадет за решетку за принадлежность к франко-немецкой разведке и участие в антисоветском заговоре в органах НКВД[5]. Проверку Я. В. Письменного, по указанию В. А. Балицкого, проведет Н. Л. Рубинштейн в «нужном ключе»[6].

Вскоре по инициативе Н. Ф. Гикало была проведена проверка деятельности УРКМ Управления НКВД Харьковской области, выявившая ряд злоупотреблений его начальника – майора милиции

---

[1] См.: О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 104; Лозицький В. С. Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки. Київ: Генеза, 2005. С. 164.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 29.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Л. 138.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 27.

[5] Спецслужбы и человеческие судьбы / сост. В. Ставицкий. М., 2000. С. 107.

[6] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 27.

Л. М. Берковича. Дело дошло до Политбюро ЦК КП(б)У, которое 23 апреля 1937 г. опросом приняло постановление: «Поручить комиссии в составе тт. Косиора, Балицкого и Гикало рассмотреть материалы по делу т. Берковича и свои выводы подать Политбюро»[1]. Кроме того, в НКВД УССР из Одессы поступили материалы о троцкистском прошлом Л. М. Берковича. Разбираться с этим вопросом поручили К. М. Карлсону. В конечном итоге майора милиции отстранили от должности и отправили работать заместителем начальника милиции в Горький.

Действия первого секретаря Харьковского обкома КП(б)У, который демонстративно действовал через голову Балицкого, вызывали у последнего возмущение. Нарком считал, что Гикало должен был предварительно переговорить с ним, а не требовать присылки людей из Москвы. Он расценил это как «поход Гикало против НКВД УССР и против себя персонально», высказал предположение, что тот «правый» и нуждается в тщательной проверке. Н. Л. Рубинштейн выехал в Одессу проверять слухи о том, что родной брат Гикало был расстрелян местной ЧК. Начальник Управления НКВД по Киевской области Н. Д. Шаров, длительное время работавший в Минске, стал «вспоминать» подозрительные поступки прежнего первого секретаря ЦК КП(б) Белоруссии. Однако вопреки всем попыткам чекистов никакого компромата, не нашли[2]. Тогда Н. С. Бачинский предложил Балицкому назначить начальником УРКМ УНКВД Харьковской области начальника 7-го (иностранного) отдела УГБ НКВД Белорусской ССР капитана государственной безопасности Д. М. Давыдова-Малышкевича. Последний много лет работал в ГПУ УССР и мог быть использован как против Н. Ф. Гикало, так и против И. М. Леплевского[3].

Кроме того, Балицкий попытался поссорить первого секретаря Харьковского обкома КП(б)У с А. П. Любченко, который позже свидетельствовал: «Балицкий, очевидно, желая поссорить меня с тов. Гикало, или мобилизовать меня против Гикало, по приезде меня из Харькова говорит мне: «А знаешь, почему Гикало не встретил тебя? Потому, что он считает тебя никчемным человеком»[4]. Приехав в Харьков на партийную конференцию, председатель СНК УССР пересказал эти слова вождю местных коммунистов.

Тем временем дело Сухова приобрело существенный резонанс. 1 апреля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело на своем за-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 439. Л. 63.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Л. 138–139.

[3] Там же. Л. 139.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 127.

седании «Вопросы НКВД Украинской СССР». Было принято постановление: «1. Согласиться с предложением НКВД СССР о мерах наказания работников Харьковского областного аппарата НКВД: т. т. Говлича М., Каминского, Ширина и Лисицкого, принимавших участие в травле и неправильном обвинении т. Сухова.

2. Назначить первым заместителем Наркомвнудела УССР т. Иванова, освободив его от работы начальника УНКВД Донецкой области.

3. Освободить от должности заместителя Наркомвнудела УССР т. Кацнельсона, отозвав его в распоряжение НКВД СССР.

Использовать т. Кацнельсона по хозяйственной работе в НКВД.

4. Назначить на пост начальника УНКВД Донецкой области т. Соколинского.

5. Утвердить приказ НКВД СССР о перемещении т. Рахлиса с работы начальника СПО НКВД УССР и назначить вместо него т. Абугова»[1].

Соответствующий приказ НКВД СССР № 248 по делу Сухова появился лишь 21 июня 1937 г. На харьковских чекистов был наложен арест на 20–30 суток, а всем сотрудникам НКВД СССР объяснили, за что такой заслуженный чекист, как Зиновий Кацнельсон, был снят с оперативной работы: «за присылку народному комиссару внутренних дел СССР справки по делу Сухова сугубо формальной, без проведения проверки существа дела, что свидетельствует о формально-бюрократическом отношение к оперативной работе»[2]. 29 апреля 1937 г. З. Б. Кацнельсона назначили заместителем начальника ГУЛАГ НКВД СССР, начальником Управления Дмитровского лагеря НКВД СССР и заместителем начальника строительства канала Волга-Москва. И тут надо вспомнить одну историю, спустя почти 20 лет сделавшую Кацнельсона и Балицкого одними из самых известных сотрудников НКВД на Западе.

26 апреля 1956 г. американский журнал «Лайф» напечатал статью А. Орлова «Сенсационная тайна проклятия Сталина», в которой приводились новые материалы о так называемой “антисоветской военной троцкистской организации в Красной армии”. Под фамилией «Орлов» скрывался бывший резидент иностранного отдела ГУГБ НКВД СССР в Испании майор госбезопасности Лев Лазаревич Фельдбин (Никольский), сбежавший в июле 1938 г. на Запад. Ссылаясь на своего кузена З. Б. Кацнельсона, чекист поведал миру про то, что в 1936 г. И. В. Сталин приказал Г. Г. Ягоде найти сведе-

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: МФД, 2004. С. 125–126.

[2] Цит. по: Золотарьов В. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941. С. 146–147.

ния о сотрудничестве видных большевиков с царской охранкой. По поручению наркома помощник начальника Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР майор госбезопасности И. В. Штейн стал изучать архивы царской охранки и в папке заместителя начальника департамента полиции С. Е. Виссарионова нашел документ, свидетельствующий о сотрудничестве с охранкой видного большевика... И. В. Сталина.

Орлов пишет: «Несколько мучительных дней Штейн прятал папку Виссарионова в своем кабинете. Наконец решение было принято. Он забрал папку и полетел в Киев, чтобы показать ее своему бывшему начальнику по НКВД, который был к тому же его лучшим другом. Это был В. Балицкий, очень влиятельный член ЦК Коммунистической партии Советского Союза. Балицкий также руководил НКВД Украины. Мой двоюродный брат Кацнельсон был близким другом Балицкого с первых лет революции, а теперь и его заместителем. Когда Балицкий изучил обжигающую руки папку, то был потрясен не менее Штейна. Он позвал к себе Зиновия. Они детальнейшим образом исследовали каждый документ в подшивке... Не оставалось и тени сомнения: Иосиф Сталин долгое время был агентом царской тайной полиции и действовал в этом качестве до середины 1913 года»[1].

В. А. Балицкий ознакомил с документом С. В. Косиора и И. Э. Якира. Командующий войсками КВО в свою очередь показал эти документы заместителю наркома обороны СССР маршалу Советского Союза М. Н. Тухачевскому и начальнику политуправления РККА армейского комиссара 1-го ранга Я. Б. Гамарнику. Военные решили арестовать генсека-провокатора и начали подготовку переворота. На 15–16 февраля 1937 г. – день, когда З. Б. Кацнельсон в Париже рассказал Л. Л. Фельдбину (Никольскому) «страшную тайну», заговорщики якобы пребывали в состоянии «сбора сил». Вскоре связь между братьями-чекистами прервалась, о раскрытии в Советском Союзе «заговора военных» Л. Л. Фельдбин (Никольский) узнал из сообщения советского радио, когда ехал в автомобиле в Барселоне[2].

С момента публикации прошло много времени. В 1991 г. в Москве был издан русский перевод книги А. Орлова «Тайная история сталинских преступлений», появилось немало публикаций посвященных самому сбежавшему чекисту[3], но серьезный исторический ана-

---

[1] Цит. по: Плимак Е., Антонов В. Сталин знал, что делал // Московские новости. 1996. № 10.

[2] Там же.

[3] См. например: Царев О., Костелло Дж. Роковые иллюзии. М.: Международные отношения, 1995; Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.; М.:

лиз его произведений не проведен и поныне. Это дает возможность некоторым историкам и журналистам будоражить публику версией о сотрудничестве И. В. Сталина с охранкой, а также твердить о реальности заговора крупных советских военачальников в целях свержения тирана[1].

Естественно, что в исследовании, посвященном В. А. Балицкому, мы не можем хотя бы кратко не коснуться этой версии, какой бы фантастической она ни казалась. Относительно проблемы сотрудничества И. В. Сталина с охранкой заметим, что полицейские архивы чекисты тщательно прорабатывали еще в 1920-х гг. Так, например, в наградном листе начальника Секретного отдела ГПУ УССР В. М. Горожанина В. А. Балицкий отмечал, что тот «в 1924–1927 гг. провел большую работу по разработке архивов бывшего департамента полиции, благодаря чему был раскрыт ряд провокаторов»[2]. И это было проделано по всему бывшему СССР. Поэтому утверждение о том, что такая работа началась лишь в 1936 г., не выдерживает никакой критики.

Проанализировав жизненный путь ключевого фигуранта версии Исаака Вульфовича Штейна (1904–1936)[3], мы увидим, что с Всеволодом Балицким он никогда не пересекался! Следовательно, ни о ка-

---

Олма-Пресс, Нева, 2001; Абрамов В. Евреи в КГБ. М.: Яуза, 2005; Кирпиченко В. А., Кобаладзе Ю. Г. Внешняя разведка: от СССР – к России // Красная звезда. 1993. 30 октября; Любимов М. Герой-предатель // Совершенно секретно. 1995. № 6; Карпов В. Судьба резидента // Новости разведки и контрразведки. 1995. № 23–24.

[1] См., например: Волков Ф. Взлет и падение Сталина. М.: Спектр, 1992. С. 18–19; Плимак Е., Антонов В. Сталин знал, что делал // Московские новости. 1996. № 10; Плимак Е., Антонов В. Тайна «Заговора Тухачевского» // Отечественная история. 1998. № 4. С. 123-128.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2816. Л. 13.

[3] Родился в 1904 г., член ВКП(б) с октября 1920 г. Окончил 3 курса Института народного хозяйства имени Г. В. Плеханова (1928). В 1919–1921 гг. был на комсомольской работе в Ташкенте, затем – сотрудник Ошского политбюро. С 1921 г. – корреспондент «РОСТА» в Ташкенте, с 1922 г. – секретарь Чрезвычайной комиссии по посевной компании в Ташкенте, в дальнейшем на учебе в Москве. С 1924 г. – заведующий агитпропом парткома ВКП(б) на текстильных фабриках «Томна» и «Демьян Бедный» в Кинешме, в 1925–1926 гг. заведующий агитпропом парткома ВКП(б) на текстильных заводах в г. Середа Ивановской губернии, затем с 1926 г. – на учебе в Москве. В органах ГБ в ноябре 1925–сентябре 1926 гг. и с февраля 1928 г. В мае 1929 – апреле 1931 гг. – начальник СО ПП ОГПУ по Ивановской Промышленной области. С апреля 1931 г. – начальник СПО ПП ОГПУ по Ивановской Промышленной области. С 7 июля 1931 г. – начальник СПО ПП ОГПУ по Северному краю. С 25 апреля 1933 г. – начальник СПО ПП ОГПУ по Казахстану. С 13 июля 1934 г. – начальник СПО УГБ УНКВД по Казахской АССР. С 7 октября 1934 г. – начальник 4-го отделения СПО ГУГБ НКВД СССР. С 21 апреля 1935 г. – начальник 7 отделения СПО ГУГБ НКВД СССР, с 10 января 1936 г. – начальник 1 отделения СПО ГУГБ НКВД СССР, затем с 9 сентября 1936 г. – начальник 1 отделения и помощник начальника

кой дружбе между ними речь идти не может. Под большим вопросом и факт их личного знакомства. Штейн застрелился 28 октября 1936 г. Приказ по НКВД СССР № 1070 о его исключении из списков личного состава датирован 5 ноября 1936 г. Приказы по личному составу рассылались во все республиканские и областные НКВД, то есть не знать о смерти своего «соучастника по заговору» З. Б. Кацнельсон не мог. Тем более что это самоубийство наверняка имело резонанс в чекистской среде. Почему же тогда замнаркома НКВД УССР не рассказал об этом своему кузену в Париже 15–16 февраля 1937 г.? Есть лишь один ответ на этот вопрос: потому что в это время во Франции он не был, а плодотворно трудился в НКВД УССР. Никаких подтверждений о пребывании З. Б. Кацнельсона во французской столице мы не нашли.

31 марта 1937 г. новым начальником 4-го отдела УГБ НКВД УССР стал старший майор государственной безопасности Ошер Иосифович Абугов – бывший начальник Управления НКВД по Кировской области, начинавший свою карьеру в Украине. Снятие с должности майора государственной безопасности П. М. Рахлиса стало неожиданным для сотрудников отдела, которым объяснили, что случилось это из-за ошибок их прежнего начальника в 1923 г. Сам Рахлис ужасно волновался, был на приеме у наркома, тот его подбодрил, пообещал найти для него в Москве хорошую работу. «Я не знаю, зачем ему нужно переводить меня из Украины»[1], – жаловался Рахлис знакомым. 17 апреля П. М. Рахлис был направлен в НКВД СССР и 16 мая 1937 г. возглавил 3-й отдел УГБ НКВД Узбекской ССР. На прощание нарком наградил его легковым автомобилем.

Перед отъездом Пейсах Рахлис передал Всеволоду Балицкому немало документов, среди которых были и материалы о троцкистском выступлении помощника начальника 4-го отдела УГБ НКВД УССР С. С. Брука в 1926 г. Нарком приказал заместителю секретаря НКВД УССР полковому комиссару Л. И. Стрижевскому провести расследование, ведь в партком НКВД УССР уже дважды поступали «сигналы» о «троцкистском прошлом» Брука. Но и на этот раз Соломон Брук, считавший, что с ним сводит счеты бывший муж его жены, отделался легким испугом. На партийном собрании парторг 4-го отдела УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Н. А. Григоренко просто зачитал решение парткома «указать Бруку на неправильное его выступление».

СПО ГУГБ НКВД СССР. Майор госбезопасности. В 1930 г. награжден знаком «Почетный работник ВЧК-ГПУ» (V).

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 172.

По нашему мнению, отправляя Рахлиса из Украины, Балицкий, во-первых, лишался главного свидетеля в фабрикации многих дел, на которого при необходимости можно было списать все промахи в оперативной работе. Во-вторых, он «очищал» аппарат от людей, в чьем прошлом можно было найти «троцкистские поступки». В-третьих, Балицкий все-таки пытался спасти своих людей от расправы.

Этим объясняется и перевод 2 апреля 1937 г. на должность помощника начальника 3-го отдела УГБ Управления НКВД по Куйбышевской области бывшего помощника начальника ЭКО УГБ НКВД УССР капитана госбезопасности А. И. Рыклина, который «в 1927 г. обнаруживал шатание по вопросам левого троцкистского уклона» и который «считал, что в партии большое притеснение и не дают выражать свою точку зрения»[1].

Впрочем, в Куйбышеве спастись ему не удалось, так как на него имелись данные, что в бытность его помощником начальника 3-го отдела УГБ УНКВД области к нему поступали материалы на троцкистов и правых, а он задерживал их у себя и «под всякими соусами отводил от них оперативный удар. 17–21 февраля 1938года на общем партийном собрании УГБ УНКВД области... выступил с открытой контрреволюционной речью, в которой пытался внести демобилизацию и отвлекал внимание коммунистов от политической бдительности»[2].

В 1938 г. А. И. Рыклина расстреляют в Киеве по приговору выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда СССР. В приговоре отмечалось, что, «будучи кадровым троцкистом, был завербован в 1935 году в антисоветскую право-троцкистскую террористическую организацию, существовавшую в НКВД УССР и по заданию руководителей этой организации проводил вредительскую работу, направленную к развалу агентурно-оперативной работы и предоставлял НКВД СССР фиктивные отчетности о якобы проделанной работе с врагами народа»[3].

Еще раньше сняли с оперативной работы заместителя начальника Управления НКВД по Молдавской АССР капитана госбезопасности Р. Э. Штурм-Лихтенберга, который «хотя и не принадлежал к оппозиции и не имел никаких шатаний, но перед XV съездом ВКП(б) голосовал против исключения Троцкого и Зиновьева из партии, предлагал подождать решения высшего партийного форума»[4].

---

[1] ГАХО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 27. Л. 63.

[2] Тумшис М. А., Золотарёв В.А. Евреи в НКВД СССР 1936–1938 гг. Опыт библиографического словаря. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. С. 577.

[3] ГАХО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 27. Л. 18.

[4] Там же. Л. 18.

Был переведен на должность заместителя начальника Управления РКМ НКВД УССР (то есть отстранен от работы в УГБ НКВД) и заместитель начальника Управления НКВД по Харьковской области Я. З. Каминский, который «забыл» сообщить парторганизации весной 1936 г. о том, что он в 1923 г. голосовал за платформу Троцкого. Неприятности у Каминского начались в начале 1937 г. с междугородного телефонного звонка. Звонил давний знакомый – начальник 2-го (оперативного) отдела УГБ УНКВД по Ленинградской области капитан госбезопасности М. С. Алехин. Он просил подтвердить факт его открытого разрыва с троцкизмом в феврале 1924 г. в Киеве.

И тут Каминский понял, в какую беду попал из-за собственной лжи. Ведь он утаил факт своего голосования за Троцкого вместе с другими сотрудниками Киевского губотдела ГПУ. После нескольких дней размышлений написал заявление на имя начальника Управления НКВД Харьковской области С. С. Мазо, в котором, в частности, отмечалось: «При проверке и обмене партдокументов в 1935–1936 годах я о своей ошибке не сказал, и этим совершил тяжелый проступок перед партией... Я должен заверить Вас в том, что единственной причиной тому было мое малодушие»[1].

Дело Каминского стали рассматривать в разных партийных инстанциях, и он очень испугался. Его приятельница Шаргей жаловалась знакомым: «Вы знаете, когда стоял вопрос о Каминском на бюро, то он вернулся домой в таком ужасном состоянии, что я с ним мучилась целую ночь у него на квартире. Я все время прикладывала ему компрессы, все время следила за ним и очень боялась, что он не выдержит такой удар!»[2] Однако, как оказалось, волновался чекист зря. Перед рассмотрением его дела секретарю Харьковского обкома КП(б)У М. Н. Налимову звонили по телефону Балицкий и Карлсон, и бюро обкома вынесло постановление: «Указать тов. Каминскому на допущенную им ошибку, которая состояла в том, что он не заявил при проверке партийных документов о своих шатаниях»[3].

Комментируя такое решение бюро обкома КП(б)У, председатель Харьковского облисполкома Г. К. Прядченко правильно отметил, что «за такие дела рядовых коммунистов исключали из партии, а Каминскому лишь указали!»[4]. Симптоматично, что такую «принципиальность» Прядченко проявил лишь тогда, когда сам очутился за

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 33032 ФП. Т. 1. Л. 199.

[2] Там же. Л. 230.

[3] Там же. Л. 183.

[4] Там же. Л. 203.

решеткой, а на заседании бюро он поддержал решение большинства, потому что не хотел ссориться со всемогущим ведомством.

И здесь возникает вопрос: были ли в действительности троцкисты в чекистских органах? Существовала ли действительно какая-то организация троцкистов среди них, когда Ежов стимулировал истерию поисков «скрытых троцкистов»? Среди исследователей есть и такие, которые почти безоговорочно принимают сталинско-ежовскую схему. К ним относится, в частности, С. И. Билокинь, всерьез считающий, что «целью заговора был военный переворот и установление военной диктатуры»[1]. Правда, этот автор сам в конечном итоге путается в собственных попытках что-то объяснить и вспоминает о «неформальных группах» чекистов. Так что же именно было – «неформальные группы» или серьезный и реальный «заговор»?

Документы не подтверждают наличие в это время каких-то «заговорщических организаций» в органах НКВД: не то было время, а инстинкт самосохранения у чекистов всегда был значительно сильнее их настоящих убеждений. Поэтому вряд ли можно считать серьезным аргументом «признание» арестованных чекистов (ими, кстати, преимущественно и оперирует С. И. Билокинь). Известно, как эти «признания» добывались.

Совсем другое дело – поддержка «своих» кадров. Это, как мы видели, во все периоды было присуще чекистским органам (и не только, как известно, чекистским). Следовательно, когда Всеволод Балицкий или его подчиненные защищали «своих», они исходили еще и из того, насколько легко использовать прошлые даже не «грехи», а «грешки» этих людей, для фабрикации дел об их «троцкизме», «колебаниях», «неправильных» выступлениях и т. п., чтобы развернуть все это в грандиозное «дело» (и не одно!). Этого, собственно, и хотел Николай Ежов, пришедший в НКВД с готовым планом репрессивных действий, в первую очередь, против тех деятелей, которые могли составить оппозицию лично Сталину.

Концепцию таких действий Ежов изложил в своей неопубликованной работе «От фракционности к открытой контрреволюции», над ней он стал работать в 1935 г., вскоре после убийства С. М. Кирова. Уже тогда Ежов обвинил в террористических стремлениях прежних участников оппозиции. Сталин собственноручно (по просьбе самого наркома НКВД) отредактировал рукопись и дал рекомендации, учтенные автором рукописи. Фактически Ежов задумал труд, который мог бы стать программным документом для ликвидации всех преж-

[1] Білокінь С. Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.). Джерелознавче дослідження. Київ: НАНУ, 1999. С. 276.

них оппозиционеров и инакомыслящих в стране[1]. Этим он расположил к себе Сталина: выбивая признания из прежних оппозиционеров, можно было преподать урок «на все времена» тем, кто в тайне был не согласен со сталинской политикой, но, учитывая жестокость расправы, вряд ли осмелился бы выразить это несогласие в форме «заговора» или «мятежа».

Уже 12 октября 1936 г. (а Ежова назначили в сентябре) Л. М. Каганович в письме к Г. К. Орджоникидзе отмечал, что «у т. Ежова дела идут хорошо! Он крепко, по-сталински, взялся за дело. С бандитами контрреволюционерами троцкистами расправимся по-большевистски. Такого подлого двурушнического, провокаторского обмана история еще не знала и потому революционная расправа должна быть соответствующей»[2].

Как мы уже писали, в свое время в ГПУ УССР действительно работали люди, которых уверенно можно назвать идейными троцкистами. Кроме Я. А. Лившица, это в первую очередь И. Я. Тепер – бывший анархист, бывший заведующий агитационно-пропагандистским отделом и редактор газеты «Путь к Свободе» в махновской армии. В годы Гражданской войны его завербовали чекисты и он стал проводить разложенческую работу среди повстанцев. За «большие заслуги по ликвидации махновского и политического бандитизма на Украине» был принят на работу в ГПУ УССР, но в начале 1928 г. уволен из ГПУ УССР и исключен из ВКП(б) за принадлежность к «контрреволюционной» троцкистской фракции. Спустя некоторое время Тепер поклялся, что его деятельность в ГПУ не будет использована им в интересах троцкистского подполья, и был назначен Балицким в Харьковский окротдел ГПУ, а затем переброшен в Трудовою коммуну ГПУ УССР, где он руководил культурно-просветительной работой.

Однако именно в 1928 г., после своего увольнения из ГПУ УССР, Тепер организовал кражу из одного советского учреждения 10 пудов типографского шрифта и специального оборудования. Это дало возможность всеукраинскому троцкистскому центру организовать подпольную типографию, ликвидированную впоследствии ГПУ УССР. Коллегия ОГПУ СССР, принимая во внимание добровольную явку с повинной И. Я. Тепера, приговорила его к 10 годам лагерей[3].

Бывшим троцкистом являлся и Сергей (Соломон) Иосифович (Осипович) Броневой (Факторович) – младший брат А. О. Броневого

---

[1] Подробнее см.: О партийности лиц, проходивших по делу так называемого «Антисоветского правотроцкистского блока» // Известия ЦК КПСС. 1989. № 5. С. 73.

[2] Сталинское Политбюро в 30-е годы. С. 152.

[3] АУВС по ХО. Приказ ОГПУ СССР № 35 от 27. 01. 1930.

и отец народного артиста СССР Леонида Броневого, исполнителя роли Генриха Мюллера в фильме «Семнадцать мгновений весны». В 1927 г. С. И. Броневой работал в Киевском институте народного хозяйства и был исключен из партии за троцкизм, но уже в 1928 г. его приняли на работу в Киевский окружной отдел ГПУ. Политические ошибки нужно было исправлять. Вскоре он отчитывался о том, что, «работая в ГПУ в Киеве, активно участвовал в разгроме троцкистской оппозиции, и лично арестовывал троцкистов, которые возглавляли оппозицию в Институте народного хозяйства и втянули меня в оппозицию»[1].

В 1932–1934 гг. С. И. Броневой трудился в ЭКУ ПП ОГПУ по Ивановской Промышленной области и, «руководя и непосредственно принимая участие в изъятии валюты... выкачал 6 миллионов рублей золотом», за что, одним из первых среди сотрудников ОГПУ СССР был награжден орденом Красной Звезды[2]. С 1933 г. возглавлял 6-е отделение ЭКУ ГПУ УССР, с 1935 г. работал начальником строительства парка культуры и отдыха в Киеве. Арестован 13 сентября 1936 г., а 9 марта 1937 г. приговорен к 5 годам лагерей.

Троцкистское прошлое имел и начальник Отдела трудовых колоний НКВД УССР Лев Соломонович Ахматов. После снятия с должности прокурора Днепропетровской области В. А. Балицкий пригрел его в своем ведомстве, сделал начальником Отдела трудовых колоний и некоторое время защищал от нападок. Но когда арестованный Н. В. Голубенко на допросах 12 и 29 июля 1936 г. назвал бывшего прокурора среди лиц, разделявших его троцкистские взгляды, нарком НКВД УССР распорядился Ахматова арестовать, что и было сделано 31 июля на его киевской квартире № 6 по улице Рейтарской, дом 24. На допросе 3 августа 1936 г. Ахматов признал свою вину в троцкистской и контрреволюционной деятельности. 8 марта 1937 г. он был расстрелян в Москве[3]. По словам начальника отделения Секретно-политического отдела УГБ НКВД УССР, лейтенанта госбезопасности Н. Д. Грушевского, допрашивавшего бывшего начальника Отдела трудколоний НКВД УССР, «с Ахматовым велась какая-то большая игра, в подробности которой я посвящен не был. Его в мое отсутствие, когда я был в командировке, вызвал к себе Балицкий. О чем они говорили, я не знаю, но после этого вызова Ахматов вообще перестал со мной разговаривать. Мне Ахматов называл Букшпана (начальник

---

[1] ГАХО. Ф. 23. Оп. 1. Д. 39. Л. 409–410.

[2] Там же. Л. 410.

[3] Амонс А. І., Абраменко Л. М. Репресовані прокурори в Україні: документи, нариси, матеріали. Київ: Істина, 2009. С. 87–93.

отдела резервов НКВД УССР. – *Прим. авт.*) и Макаренко. Я об этом доложил Рахлису (начальник СПО УГБ НКВД УССР. – *Прим. авт.*), который заявил мне: «Вы туда не суйтесь, я сам с Ахматовым поговорю». Фамилии А. С. Макаренко и М. М. Букшпана из протоколов убрали[1].

В ранг троцкистов попадали и чекисты, которые никакого отношения к троцкизму не имели. Так, в 1933 г. жена начальника ЭКО Днепропетровского облотдела ГПУ А. М. Бермана И. А. Берман пригласила к себе в гости на обед свою курортную знакомую Е. О. Фельдман с мужем – председателем Днепропетровского городского совета Н. В. Голубенко (который действительно в свое время был троцкистом). После этого супружеские пары встретились в полном составе еще лишь однажды – в 1935 г., но этого хватило, чтобы подтолкнуть А. М. Бермана к аресту.

На волне массового погрома троцкистов хотели сделать карьеру многие чекисты. Начальник ОШОСДОР Управления НКВД по Харьковской области А. И. Кардаш, не дождавшись от Балицкого ни спецзвания, ни возвращения на оперативную работу, сам решил напомнить о себе. Он буквально завалил всех своими жалобами и требованиями выяснить, кто не дает хода делу «Промывка», и направил письмо в НКВД УССР. По словам А. И. Кардаша, «кто-то сказал, что т. Балицкий, прочитав это письмо в той части, где я бросил упрек Ягоде и руководству ТО, относит это и к себе»[2]. Во время обсуждения на партийном активе УГБ УНКВД по Харьковской области доклада начальника облуправления С. С. Мазо о февральско-мартовском Пленуме ЦК КП(б)У Кардаш напомнил о деле «Промывка», назвав его «ярким примером того, когда интересам защиты чести ведомственного мундира, подчинялись интересы борьбы с контрреволюцией, а существующая “теорийка” не выносить сор из избы приводила к прямому обману ЦК»[3]. Назвал Кардаш ошибкой руководства и пребывание старшего майора госбезопасности И. М. Островского в должности начальника УШОСДОР НКВД УССР. Он составил докладную записку с фактами вредительства и направил ее Балицкому, а тот отвез ее в Москву[4].

По-видимому, действия Кардаша нервировали Балицкого, небезосновательно считавшего, что жалобы харьковчанина рикошетом ударят и по нему. Возмутителя спокойствия следовало как-то устра-

---

[1] Протокол допиту Грушевського М. Д. від 12 серпня 1937 р. // Наше минуле. 1993. № 1. С. 149.

[2] ОГА СБУ. Харьков. Д. 010175. Л. 223.

[3] Там же. Л. 223.

[4] Там же. Л. 223–224.

нить и повод скоро представился. Родной брат Кардаша лейтенант госбезопасности М. И. Гринёв, работавший инспектором при начальнике Управления НКВД по Черниговской области, 7 апреля 1937 г. был арестован за проведение «шпионской деятельности» в пользу Польши. На следствии он показал, что в 1922 г. при содействии своего брата, Кардаша, приобрел фиктивную справку, на основании которой встал на учет в Харьковский военкомат. В этой справке была ошибочно указана дата его рождения (1899, а не 1902), перешедшая во все официальные документы[1].

А. И. Кардаша вызвали в Киев и стали с ним разбираться. Во время встречи с В. Т. Ивановым он заявил: если следствие установит, что родной брат враг, «то как бы это не укладывалось в моей голове, я сочту за честь собственноручно его расстрелять»[2]. Братьям устроили очную ставку, после которой 20 апреля 1937 г. Кардаша арестовали по распоряжению Балицкого. Начальник 3-го отдела УГБ НКВД УССР М. Г. Чердак поручил допрашивать его помощнику начальника 2-го отделения старшему лейтенанту госбезопасности А. С. Литману, охарактеризовав Кардаша как большого жулика, вора и, возможно, польского шпиона. Чердак также предупредил, «что материалов на него никаких нет, и что его нужно будет “качать”[3]. Среди прочих от Кардаша были получены показания о том, что во время его работы в Одесском окротделе ГПУ он с санкции И. М. Леплевского получил от приехавшего из Турции агента пудру, духи и чулки[4].

Другому правдолюбцу – инструктору парткома НКВД УССР Якову Ивановичу Навольневу, собравшемуся «выносить сор из избы», повезло несколько больше. 26 января 1937 г. он попал на прием к Балицкому, чтобы согласовать свое выступление о недостатках работы партийной организации республиканского наркомата. Вот что потом вспоминал Навольнев: «Балицкий вначале меня встретил любезно, подал мне руку, пригласил сесть. В начале беседы я просил Балицкого расценить мой приход к нему, как к руководителю с целью помочь мне разрешить все вопросы, наболевшие за все время пребывания в коллективе, разрешить только в интересах партии...

Беседа начала протекать хорошо. Я, набравшись смелости и мужества, излагал факт за фактом логично, и дальше я интуитивно почувствовал некоторую незаметную перемену в глазах Балицкого и наконец, когда я начал излагать факт о том, что парткомитет бед-

---

[1] Там же. Л. 104.
[2] Там же. Л. 225.
[3] Там же. Л. 82.
[4] Там же. Л. 227.

ствует с помещением, что ввиду ремонта клуба, где находится парткомитет, совершенно невозможно работать и что парткабинет закрыт уже восемь месяцев из за отсутствия помещения, а наряду с этим для женсовета выделили и обставили три комнаты и женсовет претендует еще на две комнаты, он, Балицкий, с ехидной усмешкой заявил: "Вот как, хорошо, мы сейчас проверим". Снимая трубку телефона, вызвал Циклиса и спросил: "Циклис, помещение парткомита готово?" Не знаю, что ему ответил Циклис, после этого Балицкий мне заявил: "Хорошая Вы штучка! Так! Так! Обманывать меня пришли?". И после, уже в разъяренном, как зверь состоянии начал задавать мне вопросы, взяв карандаш, записывая в блокнот: "Фамилия Ваша? Откуда Вы родом? Кто Ваш отец? Кто Ваши братья? Где Вы работали и с кем? Кто Вас перетащил в Киев и когда?". Я страшно испугался, но все же, не теряя самообладания, давал четкие ответы на все вопросы. И после, снова последовали крики на меня, а особенно после того, когда я сообщил, что я работал 12 лет в партийных аппаратах Сталинского и Киевского Окружкомов и Обкомов КП/б/У. Он вскрикнул: "С троцкистами якшались? Мы знаем откуда это идет. Склоку в НКВД хотите затеять? Я тебе покажу склоку! Мы все проверим! Мы тебе покажем какая ты троцкистская штучка!" Сейчас же нажав кнопку звонка, дал распоряжение Шифману (младший лейтенант госбезопасности Ц. М. Шифман работал в секретариате НКВД УССР. – *Прим. авт.*) немедленно позвать всех членов парткомитета, своих заместителей и Циклиса.

Через несколько минут все появились и Балицкий им заявил: "Вот послушайте какая это штучка! Ваш инструктор пришел разрешения просить на критику! Слушайте! Слушайте! (обращаясь ко мне) Продолжайте! Все снова начните!" Я в чрезвычайно тяжелом состоянии начал снова излагать все то, что излагал Балицкому. Все присутствовавшие – Кацнельсон, Карлсон, Крауклис, Стрижевский, Циклис (кто еще не помню) слушая меня бросали реплики возмущения.

Кончилось это тем, что Балицкий дал указание завтра же созвать закрытое заседание Парткомитета и разобрать все указанные мною факты. Я же, еле стоя на ногах, пытался доказать происшедшую ошибку и свою правоту, что я это сделал только в интересах партии, принося Балицкому извинение.

С этим я покинул кабинет Балицкого. Выйдя из кабинета я разрядился[1] слезами как маленький ребенок»[2].

---

[1] Так в тексте документа. Правильно – разразился.

[2] Цит. по: Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки / авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. С. 202–203.

На следующий день в 12 часов дня состоялось заседание парткома НКВД. Открывая его, секретарь парткома Я. К. Крауклис заявил: «Заседание созвано для рассмотрения заявления инструктора Парткомитета Навольнева, который вчера был у наркома Всеволода Аполлоновича Балицкого и хотел его спровоцировать»[1]. Разбирались четыре с лишним часа. Инструктор признал свои ошибки, с критикой больше не выступал, но все равно был изгнан из НКВД. Л. И. Стрижевский переговорил с заместителем наркома здравоохранения С. И. Броневым, после чего Я. И. Навольнева направили директором санатория «Харакс» на южном берегу Крыма[2].

1 апреля 1937 г. Всеволод Балицкий был на приеме у И. В. Сталина. Он пробыл в кабинете генсека ровно один час, как свидетельствует запись в журнале[3]. О чем шла речь, неизвестно, но вполне возможно о каких-то новых перспективах работы. Как известно, Сталин умел обещать и умел успокаивать своих подчиненных. Назначение 15 апреля 1937 г. бывшего начальника ГУПВО НКВД СССР комкора М. П. Фриновского начальником ГУГБ и первым заместителем наркома внутренних дел СССР окончательно убедило Балицкого в том, что никаких перспектив в НКВД СССР у него нет. «У меня Фриновский был оперкомисаром, а теперь он будет нами командовать!»[4] – так комментировал он это назначение знакомым. Н. Л. Рубинштейн свидетельствовал, что «когда стало понятным, что Балицкий, который надеялся пойти первым заместителем к нему (то есть к Н. И. Ежову. – *Прим. авт.*), остается на Украине, со стороны Балицкого имел место целый ряд резких высказываний в адрес Ежова и даже оскорбительные выпады относительно него... Балицкий говорил, что было время, когда он, Постышев и Ежов одинаково котировались, а потом дело сложилось т. о., что Постышева Ежову удалось направить на Украину. Тоже самое произошло с ним, Балицким, а теперь он такой молодой и выпер так высоко»[5]. И хотя приближенные почувствовали у Балицкого «большие упаднические настроения», на публике не подавал виду. В частности, он заявил на совещании: «Уверен, что Михаил Петрович (Фриновский. – *Прим. авт.*) будет хорошо ко мне относиться»[6]. Подавленное настроение

---

[1] Там же. С. 204.

[2] ОГА СБУ. Киев. Д. 43565. Л. 69–80.

[3] См.: На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953 гг.): Справочник. С. 205.

[4] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 32.

[5] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 24.

[6] ОГА СБУ. Киев. Д. 57428 ФП. Л. 257–257об.

у наркома и его свиты чувствовалось все сильнее, но последующие события не мог предусмотреть никто.

8 мая 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос «О начальнике УНКВД Дальневосточного края», и постановило: «1. Для усиления чекистской работы на Дальнем Востоке перевести т. Балицкого с должности Наркома Внутренних Дел УССР на должность начальника УНКВД Дальне-Восточного края. 2. Отозвать т. Дерибаса в распоряжение НКВД СССР. Вопрос о дальнейшей работе т. Дерибаса решить по приезде его в Москву. 3. Подчинить т. Балицкому посланную решением ЦК ВКП(б) на Дальний Восток группу чекистов во главе с т. Мироновым [комиссар госбезопасности 3-го ранга Л. Г. Миронов возглавлял в то время 3-й (контрразведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР. – *Прим. авт.*][1]. 11 мая был издан соответствующий приказ НКВД СССР[2].

В тот же день, по воспоминаниям начальника Управления НКВД по Днепропетровской области Е. Ф. Кривца, «шифрованной телеграммой были вызваны в Киев все начальники облуправлений, где на совещании Балицкий объявил о своем переводе на Дальний Восток. Переброску свою Балицкий мотивировал укреплением руководства органов НКВД Дальнего Востока. Балицкий заявил, что новый нарком на Украину, по всей вероятности, будет назначен не скоро, а врио остается его заместитель Иванов. Балицкий прямо говорил, что всем начальникам облуправлений в практической работе необходимо опираться и ему больше доверять»[3]. (Замечание было не случайным. Украинские чекисты считали В. Т. Иванова политиканом, который всегда старался угодить «и нашим и вашим». Временами у него случались охлаждения во взаимоотношениях с Балицким, но своего шефа он держался крепко). После совещания все поехали на дачу НКВД УССР, где состоялась неофициальная часть: обед и прогулка по Днепру на пароходе[4].

По свидетельству Я. В. Письменного, решение о перемещении было для Балицкого «неожиданным и принял он это очень болезненно. В связи с этим назначением Балицкий был очень расстроен»[5]. Огорчены были и сотрудники, для которых, по словам начальника отделения 4-го отдела УГБ НКВД УССР старшего лейтенанта госбе-

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М., 2004. С. 162–163.

[2] ОГА СБУ. Киев, Ф.13. Д.408. Л. 360–360об.

[3] Золотарьов В. А. Секретно-політичний відділ ДПУ УСРР: справи та люди. С. 132.

[4] Там же.

[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 45886 ФП. Л. 69.

зопасности Н. А. Григоренко, отъезд наркома был «большой неожиданностью. Во всем наркомате буквально паника была»[1]. В 4-м отделе больше всего паниковал С. С. Брук, который стал составлять списки сотрудников для отъезда на Дальний Восток вместе с наркомом[2].

Впрочем, списки составляли не только в 4-м отделе, но и во всем наркомате. На Дальний Восток планировала выехать большая группа чекистов (Я. В. Письменний даже отказался ради Хабаровска от должности заместителя начальника 6-го отдела ГУГБ НКВД СССР). Однако делали они это не из-за преданности своему шефу, а из-за страха перед неопределенным будущим.

Перед отъездом Балицкий решил пересмотреть личные дела ответственных сотрудников наркомата. Делал он это из соображений собственной безопасности, потому что хорошо понимал, что компромат на подчиненных может быть использован против него. В деле заместителя начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР капитана госбезопасности Юлиана Игнатьевича Бржезовского было найдено анонимное заявление о том, что тот смолоду служил в легионерах[3].

Это был далеко не первый сигнал против «особиста». Так, еще в феврале в 1929 г. в анонимке (написанной, как установили, сотрудником Особого отдела ГПУ УССР Фоминым) сообщалось общественности о том, что «Бржезовский – по национальности поляк (что скрывает), зажиточных родителей, воспитывался у ксендза и в 14 лет конфирмовался. Служил в польской армии и в 1919 г. был в чине офицера польских легионов. В 1920 г. Бржезовский, находясь в рядах Красной Армии на Польском фронте (причем каким образом он попал в ряды Красной Армии, об этом история молчит, но существуют две версии: одна, что Бржезовский был захвачен в плен частями Красной Армии, а вторая, что он якобы добровольно перешел в Красную Армию), как сомнительный элемент был изъят из рядов Красной Армии и вступил в особый участок 2-й кавдивизии делопроизводителем, потом был выдвинут секретарем и работал им до 1923 г. В 1923 г. Бржезовский был назначен помощником начальника, подружился с комдивом 2-й кавдивизии Григорьевым (речь идет о будущем комдиве П. П. Григорьеве. – *Прим. авт.*) и женился на его сестре... В конце 1923 г. Бржезовский был отозван в Особый отдел УВО и работал начальником 2-го отделения, а в 1928 г. благодаря протекции т. т. Гарина (В. Н. Гарин работал в то время заместителем начальника ОО УВО. – *Прим. авт.*) и Карлсона (К. М. Карлсон в то

---

[1] Там же. Л. 69.

[2] Там же. Л. 172.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Л. 46.

время работал зампредом ГПУ УССР. – *Прим. авт.*) был выдвинут на должность начальника Полтавского окротдела. Бржезовский весьма хитрый человек и никаких оперативных или других заслуг за собой не имеет, кроме того большая часть оперативного и начальственного состава не доверяет ему как чекисту и часто о нем выражала разного рода сомнения»[1].

Относительно сокрытия национальности Фомин не соврал, поскольку в анкете делегата XI съезда КП(б)У Бржезовский собственноручно записал: «Член ВКП(б) с февраля 1920 г., в 1898 году рождения, белорус, образование низшее»[2]. Белорусом он числился и во всех чекистских документах[3]. Однако другие утверждения оказались обыкновенной клеветой. Расследования, проведенные ГПУ УССР, их опровергли[4].

На самом деле Ю. И. Бржезовский – чекист довольно заслуженный. Воевал на колчаковском и польском фронтах, был ранен в ногу. В 1921–1922 г. в качестве командира отряда сражался на Подолии против атамана Я. В. Гальчевского. Будучи начальником Полтавского окротдела ГПУ, действовал активно против оппонентов большевиков, был награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (XV), боевым оружием системы «Маузер» от Коллегии ОГПУ УССР, боевым оружием от ВУЦИК и РВС УВО[5].

Но «бдительные товарищи» не унимались. Во время партийной чистки в 1934 г. сотрудница ГПУ УССР Емец сообщила партколлективу, что, по словам бывшего чекиста Б. А. Потажевича, Бржезовский в 1920 г. во время наступления поляков якобы собирался украсть государственные средства и убежать в Польшу. Бржезовский отбросил эти обвинения, заявив, что в то время был уполномоченным ОО XII армии и никакого отношения к драгоценностям не имел. Работал он в то время под руководством известного чекиста И. М. Островского, который его хорошо знал. На защиту своего коллеги выступили тогда начальник Оособого отдела ГПУ УССР М. К. Александровский и начальник отделения того же отдела поляк А. К. Левкович. Они охарактеризовали Бржезовского как «старого проверенного видного сотрудника-особиста, хорошего партийца»[6].

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 2994. Л. 193–197.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 356. Л. 38.
[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2724. Л. 1, 18.
[4] ГАХО. Ф. 99. Оп. 3. Д. 354. Л. 427.
[5] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2724. Л. 14–15.
[6] ГАХО. Ф. 99. Оп. 3. Д. 354. Л. 427.

Балицкий полностью доверял Бржезовскому. Именно ему он поручил руководство такой «ответственной» работой, как выселение из пограничных районов «фашистского элемента», ему поручил готовить ту часть своего доклада Н. И. Ежову, в которой шла речь о разгроме троцкизма в армии. Для этого, кстати, на квартиру «особиста» были свезены учетные документы 5-го отдела. Все это давало основания Бржезовскому хвастаться перед сотрудниками тем, что «тов. Балицкий считает его своим первым консультантом по военным делам»[1]. Знал Балицкий и о том, что Леплевский не мог терпеть Бржезовского и Купчика, презрительно называя их «быстрыховцами» (от фамилии Н. М. Быстрых – бывшего начальника ОО УВО – *прим. авт.*). Нарком обещал подчиненным поговорить по этому поводу с Ежовым[2]. Балицкий заявил В. Т. Иванову и Н. С. Бачинскому, что поскольку на Бржезовского больше компромата нет, и за 15 лет работы в Украине он зарекомендовал себя с наилучшей стороны, то его следует считать проверенным, а анонимку изъять, чтобы не компрометировать ответственного работника.

Однако вечером того же дня из ГУГБ НКВД СССР поступило распоряжение об аресте Бржезовского[3]. 14 мая он был арестован в ресторане гостиницы «Континенталь», где был вместе с П. В. Семеновым и помощником начальника 5-го отдела УГБ НКВД УССР капитаном госбезопасности А. М. Ратынским[4]. Понятно, арест состоялся без согласования с Балицким.

Арестовали Бржезовского без санкции прокурора и сразу этапировали в Москву. Во время обыска в его квартире № 1 на площади Спартака, дом 4, были изъяты книжки Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, К. В. Радека и К. Каутского. Вдогонку за арестантом в Москву полетели 15 рапортов сотрудников НКВД УССР о «подозрительном поведении» прежнего коллеги, о том, что тот без всякой надобности собирал сведения о количественном состоянии, технике и финансовом положении Красной Армии, проваливал отдельные оперативные разработки.

Сначала Бржезовский отбрасывал все обвинения о связях с иностранными разведками, но на допросе 7 июня 1937 г. «сознался», что с 1923 г. был агентом румынской разведки и передавал данные о личном составе и вооружении частей Красной Армии. Во время следую-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43296 ФП. Л. 112.

[2] Там же. Л. 114.

[3] Там же. Д. 50045 ФП. Л. 47.

[4] Там же. Д. 43296 ФП. Л. 111. Заметим, кстати, что в свое время Г. Г. Ягода издал приказ, который запрещал чекистам посещать рестораны.

щих допросов он отказался от своих «чистосердечных признаний», но после соответствующей «обработки» 9 августа в 1937 г. написал заявление на имя Ежова, где «каялся» и опять признавал себя именно «румынским шпионом».

Кроме того, И. И. Сосновский дал на него показания как на агента польской разведки, от которого с 1926 г. получал сведения шпионского характера. Эти свои признания Сосновский подтвердил и во время очной ставки. Арестованный Б. И. Бузский показал, что Бржезовский был агентом польской разведки и находился на связи у резидента Сосновского. Для пущей убедительности в уголовном деле Бржезовский числился поляком. 21 августа 1937 г. он был осужден в особом порядке «как польский шпион» и в тот же день казнен[1].

Пока Балицкий сдавал дела, со всей Украины к нему ехали чекисты попрощаться, многие просили взять с собой. 15 мая приехал и начальник 22-го Волочиского пограничного отряда НКВД майор Е. Г. Шостак (родной брат П. Г. Соколова-Шостака), которого нарком недавно защитил от безосновательных обвинений в троцкизме[2]. Еще в материалах партийной чистки за 1929 г. отмечалось, что у помощника уполномоченного СО ГПУ УССР Е. Г. Шостака «в период борьбы с троцкизмом бывали сомнения, ведь очень хорошо знал Раковского и болезненно переживал, но колебаний не было. Работает по борьбе с оппозицией, очень активный и способствует выявлению оппозиционеров»[3].

Во время встречи Шостак попросил Балицкого взять его с собой на Дальний Восток, поскольку боится неприятностей. Нарком ответил, что ему «бояться нечего, что все в порядке, и что он был у Сталина, и что будет лично следить, чтобы ему было хорошо»[4]. Мы не зря привели эту подробность, потому что она позволяет предположить, что Балицкому на этом этапе Сталин еще подавал надежду на сохранение карьеры и жизни.

По словам начальника политуправления КВО армейского комиссара 2-го ранга М. П. Амелина, 15–17 мая Якир был у Балицкого, и нарком показал командующему КВО компромат на него самого и Амелина. Балицкий при этом сказал Якиру, что пока он находился в Украине, то эти материалы мог не посылать в Москву, но теперь вынужден будет доложить об этом Ежову и пообещал сообщить о по-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43296 ФП. Л. 283–284.

[2] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 50045 ФП. Л. 197.

[3] ГАХО. Ф. 15. Оп. 2. Д. 27. Л. 57.

[4] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 50045 ФП. Л. 197.

следствиях этого разговора. Балицкий якобы сказал Якиру, что посадил 20 чекистов на пересмотр разнообразных материалов и что по делам не осталось ничего такого, что новый нарком может против него использовать[1].

Несколькими неделями ранее Балицкий жаловался Якиру, что Н. И. Ежов и И. М. Леплевский настаивают на том, что в Украине существует крупный военный заговор и его необходимо раскрыть. Предупреждал Балицкий и об очередных кознях почетного чекиста Гикало, который, выступая на собрании актива Харьковского военного округа, заявил, что за арестованных троцкистов Шмидта и Туровского должен ответить их покровитель Якир и что ЦК ВКП(б) этого дела так не оставит[2].

Отметим, что в 1936–1937 гг. И. Э. Якир часто посещал В. А. Балицкого в его служебном кабинете и оставался с ним наедине по несколько часов. Секретарь НКВД УССР А. И. Евгеньев обычно в это время очень суетился. Он сам или с помощью Ц. М. Шифмана подбирал у себя и по отделам пачки протоколов. Такая же картина наблюдалась и во время посещений наркомвнудела УССР третьим секретарем ЦК КП(б)У Н. Н. Поповым[3].

Кстати, почти сразу после отъезда Всеволода Балицкого В. Т. Иванов послал докладную записку «О мероприятиях по борьбе с троцкистской контрреволюцией по Киевскому и Харьковскому Военным Округам», в которой были данные об арестах[4]:

	1935 г.	**1936 г.**	**Январь–апрель 1937 г.**
	620	**558**	**308**
За контрреволюционную троцкистскую деятельность	384	406	308
Командного состава и политработников	14	49	54
Младших командиров и красноармейцев	341	309	168
Вольнонаемных и окружения	29	48	57 только по КВО

[1] Кокін С., Пшенніков О. Без строку давності // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1999. № 1/2. С. 200–201.

[2] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина, 2010. С. 115.

[3] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 203.

[4] Кокін С., Пшенніков О. Без строку давності // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1999. № 1/2. С. 116.

14 или 15 мая 1937 г. В. А. Балицкого посетил и заместитель Председателя Совнаркома УССР Я. С. Шелехес. Вообще-то он был довольно частым гостем в НКВД УССР, навещая своего друга З. Б. Кацнельсона или В. А. Балицкого, засиживался у них по 2–3 часа, читал протоколы и уезжал «с отличным настроением». На этот раз Л. И. Стрижевский отметил, что в приемной он «столкнулся с Шелехесом, который выходил от наркома рассеянный, мрачный, мне показалось даже, в подавленном состоянии»[1].

Балицкий еще успел назначить директора милиции Н. С. Бачинского заместителем наркома внутренних дел УССР[2], принять участие в работе V Киевской городской (открылась 9 мая) и III областной (открылась 17 мая) партийных конференций[3]. Он сидел в президиуме, но не выступал. По-видимому, мысли были где-то далеко. С докладом о борьбе с «врагами народа» выступил начальник Киевского областного управления НКВД Н. Д. Шаров.

По поводу отъезда наркома из Украины на пароходе был устроен банкет, на котором присутствовали все высшие руководители УССР с женами. В прощальной речи Балицкий, в частности, отметил, что руководство немного затирает наркома образования В. П. Затонского, что бывший «боротьбист» А. П. Любченко – талантливый человек, но может сорваться[4]. Кроме того, наедине Балицкий заявил Любченко: «Вы меня не оценили и посмотрите, что будет без меня!»[5]

Напоминание о своем боротьбистском прошлом Председатель Совнаркома Украины воспринял как обиду и позже жаловался, что «этот наглец и сволочь в присутствии беспартийных жен и не только членов Политбюро, но в присутствии целого ряда работников, даже не членов ЦК, счел возможным, знаете, сказать о Любченко, как о боротьбисте...

Для меня название «боротьбист» является не только дискредитирующим, а просто сволочным!»[6] Любченко давно считал, что «Балицкий – это давно переродившийся человек... что это такой циник, для которого нет ничего святого»[7].

Балицкий вместе с женой на два дня поехал в Харьков попрощаться с матерью, которая проживала в ведомственном доме НКВД на улице Каразина, дом 6. Этажом выше размещалась квартира его родной

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 203–204.

[2] Пролетарская правда. 1937. 18 мая.

[3] Там же. 1937. 10, 18 мая.

[4] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 149.

[5] Там же. Л. 127.

[6] Там же. Л. 114, 149.

[7] Там же. Л. 127.

сестры Антонины Вазановой и ее мужа Дмитрия Константиновича Вазанова-Леонтьева – работника прокуратуры.

В 17 часов за Балицким заехал С. С. Мазо со своим заместителем капитаном госбезопасности Г. А. Клювгант-Гришиним. Нарком попрощался и поехал с чекистами. Утро следующего дня он провел с Н. Ф. Гикало, который позже вспоминал: «Я помню, как Балицкий уезжал отсюда. Он был страшно встревожен, не знал, куда ему деваться. Уезжал, да еще с таким постановлением ЦК... Чувствовалось, что человек исключительно переживает. Он мне в Харькове сказал, что на вечере сказал крепкое слово по адресу Любченко. Я удивился, чего ему надо было. Я спросил, для чего вам надо, уезжая на Дальний Восток, сказать крепкое слово Любченко. Он ответил: должен был сказать, чтобы он почувствовал...Он предупреждал: смотри, за тобой дело имеется»[1]. Обратим внимание: Гикало упоминает какое-то очень неприятное для Балицкого постановление ЦК. О чем шла речь, пока непонятно, какое именно постановление имелось в виду, еще надлежит выяснить.

Л. И. Стрижевский подготовил прощальный приказ Балицкого украинским чекистам. Он был коротеньким: «Выезжая, приказываю вам лучше и более крепко бить врагов революции». Что-то в этом стиле. Этот вариант новоиспеченный начальник Дальневосточного Управления НКВД немедленно забраковал, поскольку там не было ни слова о прошлых заслугах. Это «взбесило Балицкого». Поэтому он собственноручно переписал приказ, о чем с гордостью заявил Иванову, Карлсону и Бачинскому, когда устраивал им читку[2]. Вообще Балицкий очень придирчиво относился к текстам своих выступлений и приказов[3].

17 мая 1937 г. появился приказ НКВД УССР № 159, в котором после текста приказа НКВД СССР № 688 от 11 мая 1937 г. отмечалось:

«Согласно указаний Народного Комиссара Внутренних дел Союза ССР, временное исполнение обязанностей Народного Комиссара Внутренних Дел УССР передаю моему заместителю – Комиссару Государственной Безопасности 3-го ранга тов. Иванову В. Т.

Дорогие товарищи! На протяжении многих лет нашей совместной работы, выполняя директивы партии и правительства, чекисты

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 161.

[2] Там же. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 208.

[3] По словам Л. И. Стрижевского, «тогда начинались всем известные капризы и своеволие Балицкого. Он нередко, вымотав все нервы, мог с улыбкой заявить: “материал удачный, но я передумал выступать”» (ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 209).

Украины, беззаветно преданные делу Ленина-Сталина, самоотверженно боролись с контрреволюцией всех мастей.

Чекисты Украины беспощадно ликвидировали бандитизм и контрреволюционные организации в годы гражданской войны, разгромили националистические организации и кулачество, очищают нашу страну от фашистской агентуры, предателей-троцкистов и их правых приспешников.

ДИРЕКТИВЫ ПАРТИИ и УКАЗАНИЯ ВЕЛИКОГО СТАЛИНА – НЕРУШИМЫЙ ЗАКОН ДЛЯ ЧЕКИСТОВ

Партия требует от нас высокой революционной бдительности, повышения качества всей оперативной чекистской работы. Наш большевистский долг еще и еще раз проверить свои собственные ряды – чекистские кадры, вооружить их большевизмом, сделать наши кадры всегда готовыми выполнять требования партии, способными находить врага и выкорчевать его со всех участков, куда бы он ни пробрался, не забывая и своих собственных рядов, куда также стремится проникнуть враг.

Залогом успешной работы чекистов является наша беззаветная преданность партии и великому Сталину, большевистское руководство нашего стального Наркома Николая Ивановича Ежова.

Расставаясь с Вами, я уверен, что все чекисты Украины, бойцы и командиры наших частей, все сотрудники административных и хозяйственных управлений НКВД УССР отдадут все свои силы на выполнение поставленных партией и правительством задач.

В сложной оперативной обстановке на Дальнем Востоке я постараюсь передать приобретенный вместе с Вами на Украине опыт борьбы с контрреволюцией.

Желаю всем Вам, дорогие товарищи, дальнейших успехов в борьбе с врагами народа, новых побед в социалистическом строительстве нашей прекрасной, цветущей советской Украины.

Еще раз всем Вам горячий товарищеский привет.

Нарком Внутренних Дел УССР

Комиссар

Государственной

Безопасности 1 ранга В. Балицкий»[1].

19 мая 1937 г. Всеволод Балицкий попрощался с личным составом, заявив, что «по мнению т. Ежова и ГУГБ НКВД СССР троцкизм на Украине разгромлен» и отбыл в Москву. На перроне его провожали руководящие работники НКВД УССР с женами. Женщины дарили цветы и некоторые плакали.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 13. Д. 402. Л. 360–360 об.

В столице Балицкий был хорошо принят Н. И. Ежовым и М. П. Фриновским, которые сообщили ему, что он едет на Дальний Восток с особыми полномочиями. Встретился он и с членами тогдашнего союзного правительства[1].

В Москве В. А. Балицкий вызвал через А. И. Евгеньева к себе на квартиру С. М. Циклиса, про что последний вспоминал: «Поинтересовавшись очень коротко совещанием по ОТК, Балицкий, находясь в взволнованном состоянии заявил: “Вы знаете, я сегодня у наркома и замнаркома отстоял Розанова, чтобы его не арестовывали, т. к. Сосновский дает показания, что его завербовал агент польской разведки. Его, Розанова, завтра или послезавтра вызовут в Москву для допроса. Он трусишка и может черт-знает что болтать. Вы сегодня едете и должны предупредить его не впадать в панику...”[2] На мои доводы, а м. б. это так, что Розанов очень хорошо принимал Сосновского при его приезде в Киев, Балицкий возмущался. Когда я заявил, что если на минуту допустить, что он завербован, то я могу стать предупредителем шпиона, что сестра его жены замужем за бывшим белым, о чем мне говорил сотрудник Ковгаров [старший лейтенант госбезопасности А. Ф. Ковгаров в 1937 г. работал заместителем начальника 5-го (особого) отдела УГБ Управления НКВД по Одесской области. – *Прим. авт.*] В этот момент из соседней комнаты вышла Балицкая, по-видимому слышавшая весь разговор, т. к. двери были открыты и заявила: “Вот видишь, мы не сговаривались, а высказываем одно и то же мнение”. После пререканий с ней он заявил: “Ну, хорошо, раз вас большинство, тогда не надо...”[3] Балицкий сказал, что в НКВД слышал про Якира, что Якир связан с Тухачевским, но он в это не верит. Подробностей Балицкий о Якире не говорил, но сильно волновался. Далее перешел к разговору о себе, что хочет скорее ехать в ДВК, и что получил разрешение у наркома взять группу сотрудников с Украины с собой, в том числе и меня»[4].

Сохранились любопытные воспоминания Л. И. Стрижевского о возвращении начальника АХУ НКВД УССР из Москвы: «Циклис был как-то особенно пришиблен. Всегда замкнутый и мрачный он, в ответ на мой вопрос “Вы заболели в Москве?” – не выдержал и разрыдался. Сквозь слезы он что-то пытался рассказать, но потом передумал и взял себя в руки. Две его фразы я помню точно. Одна: “Если я пойду под суд, то за Евгеньева” и вторая “Балицкий думал,

---

[1] Там же. Ф. 5. Д. 57428. Л. 258об.

[2] Там же. Л. 262–263об.

[3] Там же. Л. 259.

[4] Там же. Л. 247об.

что лошадь подарена Карлсону – это не так". Потом Циклис избегал разговора»[1]. Придя в себя, Циклис поступил, как и надлежит чекисту: сразу доложил В. Т. Иванову и С. В. Косиору о своем разговоре с В. А. Балицким[2].

В столице Балицкий намеревался встретиться из И. Э. Якиром, который тоже покидал Украину, получив назначение командующим Ленинградским военным округом. Но друзьям встретиться не пришлось. Якир, по утверждению Н. Н. Попова, пребывал в мучительном неведении о том, доложил ли Балицкий Ежову о существовании компромата против него[3].

Ночью 28 мая 1937 г. салон-вагон, в котором командарм 1-го ранга ехал в Москву, внезапно отцепили в Брянске. В вагоне все еще спали. Отстранив проводника, в коридор вошли двое сотрудников НКВД, направились к купе, занятому Якиром. Не постучавшись, открыли дверь. Один из вошедших молча шагнул вперед, извлек из-под подушки командарма пистолет и лишь после этого разбудил спавшего Якира. На вопрос проснувшегося командарма о санкции ЦК, чекист попросил потерпеть до Москвы. Конвой приказал арестованному выйти из вагона. В обход вокзала повели его к ожидавшей у тупика закрытой черной машине. Следом бежал полураздетый адъютант В. Захарченко. Якир, заметив адъютанта, успел ему сказать, что ни в чем не виноват и попросил передать об этом семье[4].

На Лубянке Якира доставили в кабинет начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Бывший сотрудник НКВД А. Ф. Соловьев показал в своих объяснениях в ЦК КПСС от 29 ноября 1962 г.: «Я лично был очевидцем, когда привели в кабинет Леплевского... Якира. Якир вошел в кабинет в форме, а был выведен без петлиц, без ремня, в расстегнутой гимнастерке, а вид его был плачевный, очевидно, что он был избит Леплевским и его окружением. Якир пробыл на этом допросе в кабинете Леплевского 2–3 часа»[5].

Основной следователь по делу И. Э. Якира – помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности З. М. Ушаков-Ушомирский, который был, как тогда говорили, «хвостом Леплевского». Тот возил его всюду за собой – из Харькова в Москву, из Москвы в Харьков, из Харькова в Саратов, из Саратова в Минск, из Минска в Москву. Позднее Ушаков-Ушомирский писал:

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 206–207.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 57428. Л. 263.

[3] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 115.

[4] Дубинский И. В. Наперекор ветрам. М.: Воениздат, 1964. С. 264.

[5] Черушев Н. С. 1937 год: элита Красной Армии на голгофе. М.: Вече, 2003. С. 52.

«Тухачевского начал допрашивать я 25, а 26. 5. он признался. После этого я получил 30. 5. Якира»[1].

Уже 7 июня Якир написал письмо Ежову, в котором назвал Балицкого участником военно-фашистского заговора, а также отметил: «Я должен сообщить о специфическом, чтобы не сказать сознательно фальсифицированном, подходе к некоторым делам со стороны Балицкого и его людей. Наряду с большой работой по борьбе с контрреволюцией, проведенной на Украине, были и такие дела. Я имею в виду дело Любченко-Хвыли. Я не берусь говорить с полной ответственностью об этих людях, хотя думаю, что будучи людьми "второго сорта" – они всерьез связали свою судьбу с Советской властью. Но не об этом я хотел сказать, это надо всегда проверять, а о том, что материалы на них готовились примерно, по такому принципу: мало пяти показаний – пошлем еще пять, а их окажется мало – еще добавим. Говорилось это тогда, когда неизвестно было: будут ли еще и откуда такие сводки. В этом вопросе, как мне всегда казалось, решающее значение имели отношения в пределах республики и ЦК: как это Любченко вылезет вперед Балицкого по положению как Председатель Совнаркома Украины. Я знаю, что в этом вопросе с Балицким был и Постышев, мало того, проявлял большую активность и настойчивость. Оба они, и Балицкий, и Постышев ругали меня за поддержку "петлюровцев"...»[2].

Возникает вопрос, зачем Иона Якир, оговаривая своего друга Всеволода Балицкого и фактически посылая его на смерть, проявляет благородство и пытается спасти Афанасия Любченко, свидетельствуя, по сути, о фабрикации дела против Председателя Совнаркома УССР? По нашему мнению, это было следствием тонкой игры Израиля Леплевского, без санкции которого данное заявление в такой редакции никогда бы не появилось. Во-первых, у Ежова и Леплевского в то время не было стопроцентной уверенности в том, что собранного компромата хватит для того, чтобы «съесть» Балицкого. И тогда в игру был запущен еще один козырь – наркомвнудел УССР обманывал вождя и фабриковал дела против честных коммунистов. Во-вторых, отводя на некоторое время удар от Любченко, Ежов и Леплевский заручались его поддержкой в сборе компромата против Балицкого и Якира.

В это время А. П. Любченко пытался убедить И. В. Сталина и В. М. Молотова в личной преданности. В своих письмах предсе-

---

[1] Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия 1938–1941. М.: Вече, 2003. С. 389.

[2] Бачинский П. П., Табачник Д. В. Гибель премьера: версии и факты // Радуга. 1991. № 2. С. 88.

датель Совнаркома УССР открещивался от бывших соратников, уверял в том, что он «честный большевик», способный «научиться с энтузиазмом бить украинских националистов». Он пишет об атмосфере взаимного недоверия и ненависти, царившей во взаимоотношениях членов Политбюро ЦК КП(б)У, и отмечает, что наибольшим влиянием в украинской парторганизации в 1933–1937 гг. пользовалась неформальная группа П. П. Постышева, к которой относились В. А. Балицкий, Н. Н. Попов, И. С. Шелехес и И. Э. Якир. Командующего войсками Киевского военного округа Любченко называл «главным организатором похода за замену Косиора»[1].

Когда именно Балицкий узнал об аресте Якира – неизвестно, но 30 мая он как член ЦК опросом проголосовал за постановление Политбюро ЦК ВКП(б) за исключение Якира из партии и передачу его дела НКВД «за участие в военно-фашистском троцкистском правом заговоре и в шпионской деятельности в интересах Германии, Японии, Польши»[2].

Огромный Дальневосточный край (ДВК), в состав которого входили Амурская, Зейская, Камчатская, Нижнеамурская, Приморская, Сахалинская и Хабаровская области, а также Еврейская автономная область, Корякский и Чукотский национальные округа, по размерам и по оперативно-тактическому значению был одной из важнейших административно-территориальных единиц СССР. Однако состояние дел с разоблачением троцкистской организации в крае давно тревожил высшее московское руководство больше, чем реальные практические проблемы.

15 января 1937 г. первый секретарь Дальневосточного крайкома ВКП(б) Л. И. Лаврентьев (Картвелишвили) за «либерализм» и конфликты с командующим Особой Краснознаменной Дальневосточной армией (ОКДВА) маршалом В. К. Блюхером был заменен более «жестким» партийным руководителем, бывшим первым секретарем Сталинградского крайкома ВКП(б) И. М. Варейкисом. Новый партийный лидер сразу начал борьбу со «скрытым троцкизмом». Это вызвало волну самоубийств – начальника Дальневосточной железной дороги Л. В. Лемберга, управляющего трестом «Дальтрансуголь» И. Н. Котина, директора Акционерного Камчатского общества И. А. Адамовича[3]. Особенно доставалось от Варейкиса председате-

---

[1] Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917–1938 рр.): Монографія. Київ: Ніка-Центр, 2008. С. 338–339.

[2] Реабилитация: Полит. процессы 30–50-х годов / под общ. ред. А. Н. Яковлева. С. 292.

[3] Сутурин А. С. Дело краевого масштаба. Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1991. С. 14–15.

лю Дальневосточного крайисполкома Г. М. Крутову, а от начальника Управления НКВД по ДВК комиссара госбезопасности 1-го ранга Т. Д. Дерибаса партийный секретарь требовал немедленного разоблачения краевого «правотроцкистского подполья».

Недовольной действиями дальневосточных чекистов была и Лубянка, куда поступали сигналы о том, что Дерибас и его первый заместитель – комиссар государственной безопасности 3-го ранга С. И. Западный – не верят в существование здесь большого троцкистского заговора. И поэтому 23 апреля 1937 г. из Москвы прибыла специальная бригада чекистов во главе с начальником 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссаром госбезопасности 2-го ранга Л. Г. Мироновым[1] для «выявления и разгрома шпионско-вредительских троцкистских и других групп на железных дорогах и в армии»[2]. В состав бригады вошли такие известные чекисты, как помощник начальника 1-го (охранного) отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор госбезопасности А. А. Арнольдов (Кессельман), заместитель начальника 2-й части 1-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности Л. М. Хорошилкин и другие.

«Для оказания помощи железным дорогам на Дальнем Востоке» прибыла бригада во главе с помощником начальника 6-го (транспортного) отдела ГУГБ НКВД СССР майором госбезопасности И. А. Грачем. Сначала она очищала от врагов Амурскую железную дорогу (г. Свободный), а затем прибыла в Хабаровск для зачистки Дальневосточной железной дороги. В протоколах следствия, которые вела бригада Грача, приводились заведомо ложные факты взрыва мостов, организации крушения скорых поездов, массовых отравлений рабочих и служащих и т. п. При этом местные работники НКВД к следственной работе по этому делу не привлекались, и даже руководство отделом не было ознакомлено с протоколами допросов арестованных. Во время следствия бригадой Грача применялась так называемая конвейерная система допроса арестованных, сутками стоявших в кабинетах. Для многих следствие заканчивалось высшей мерой наказания.

28 апреля 1937 г. в Хабаровск был отправлен и заместитель начальника Дмитриевского лагеря НКВД комиссар госбезопасности 3-го ранга С. В. Пузицкий, но доехал ли он на Дальний Восток – неизвестно, потому что уже 9 мая его арестовали[3].

---

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 140.

[2] Кто руководил НКВД, 1934–1941: Справочник. С. 301.

[3] Там же. С. 352.

А. А. Арнольдов объяснил своему родному брату С. И. Западному, что «В Москве имеются сведения, что Дерибас и ты не верите в дела, поэтому и бригада послана выяснить, что у вас делается в крае и как свободно орудуют троцкисты»[1]. На встрече с оперативными сотрудниками Управления НКВД по ДВК Арнольдов высокомерно назвал их «таежниками», не умеющими работать новыми методами[2].

Л. Г. Миронов прославился не только своей феноменальной памятью, но и умением «наставлять на путь истинный» периферийное руководство НКВД. Так случилось и в данном случае. В одной из многочисленных телеграмм в Москву Л. Г. Миронов, отчитываясь об аресте 11 лиц начальственного состава РККА, сообщал, что «арест других готовим»[3]. Были арестованы заместитель командующего ОКДВА комкор М. В. Сангурский, помощник командующего ОКДВА по военно-воздушным силам комкор А. Я. Лапин, начальник автобронетанковых войск ОКДВА комдив С. И. Деревцов, командир 39-и стрелковой дивизии комдив Д. С. Фирсов, начальник СКО Приморской группы ОКДВА дивизионный комиссар П. Я. Левензон, комендант Нижне-Амурского укрепленного района комбриг А. А. Кошелев, комендант Благовещенского укрепленного района комбриг Б. В. Круглов.

Т. Д. Дерибас критически отнесся к работе московской бригады. Тогда-то, по ходатайству Л. Г. Миронова, был снят с должности начальник Управления НКВД по ДВК. Его обвинили в том, что он не очистил от троцкистов ОКДВА и ТОФ, не проявлял должной активности в разгроме оппозиции, поскольку первое дело о разоблачении троцкистов в ДВК он направил на Лубянку лишь 8 апреля 1937 г[4].

А Всеволод Балицкий прибыл в Хабаровск 3 июня 1937 г. Здесь, в старом доме на Волочаевской улице, в котором размещалось краевое Управление НКВД, нового начальника встретило немало его прежних подчиненных по Украине.

---

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 140.

[2] Там же.

[3] Волкогонов Д. А. Троцкий. Политический портрет. М.: Новости, 1992. Кн. 2. С. 252

[4] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин. НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 234.

ГЛАВА 6

ГИБЕЛЬ: ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОСЛЕДСТВИЯ, ВЕРСИИ

Первым заместителем начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю был С. И. Западный (Кессельман). Бывший начальник Учетно-осведомительного управления ГПУ УССР, он уже успел заработать на Далеком Востоке орден Красного Знамени и второй Знак почетного чекиста. Должность второго заместителя начальника Управления НКВД, а по совместительству начальника 5-го отдела УГБ и начальника Особого отдела ГУГБ НКВД ОКДВА занимал старший майор госбезопасности С. А. Барминский (некогда помощник начальника Киевского окротдела ГПУ и один из организаторов футбольной команды киевского «Динамо»). Начальником 6-го отдела УГБ УНКВД работал капитан госбезопасности М. Д. Витковский (бывший начальник отделения Дорожно-транспортного отдела ГПУ Юго-Западной железной дороги). Начальником Управления НКВД по Приморской области был капитан госбезопасности Я. С. Визель (когда-то начальник 1-го отделения Информационного отдела ГПУ УССР). Управление НКВД по Камчатской области возглавлял комбриг А. П. Лев (бывший сотрудник Крымской ЧК). Начальником Управления НКВД Нижне-Амурской области был капитан госбезопасности Л. Ф. Липовский (ранее сотрудник Особого отдела Екатеринославской губернской ЧК).

Не для всех из них встреча с В. А. Балицким оказалась приятной. В день его приезда по приказу НКВД СССР был арестован и отправлен в Москву М. Д. Витковский[1]. А вот Я. С. Визеля, поддерживавшего троцкистскую оппозицию во время своей работы в ГПУ УССР, новый начальник краевого Управления НКВД почему-то не трогал, несмотря на то что с октября 1936 г. шла разработка начальника Приморского областного Управления НКВД на принадлеж-

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 140.

ность к троцкистской оппозиции. «Делом Визеля» занимался особоуполномоченный НКВД СССР старший майор госбезопасности В. Д. Фельдман. В мае 1937 г. вопрос о снятии Визеля с работы и его отзыве в Москву был практически решен, но найти кандидатуру на замену никак не могли[1].

На второй день своего пребывания в Хабаровске В. А. Балицкий выдал санкцию на арест председателя крайисполкома Г. М. Крутова, которого немедленно арестовал его лучший друг С. И. Западный[2]. Крутова начал допрашивать начальник 4-го отдела УГБ Управления НКВД по Дальневосточному краю капитан госбезопасности С. М. Сидоров. Результаты первых допросов председателя крайисполкома не только ничего не дали, но и вызвали у Сидорова сомнения в правомерности самого ареста. Балицкого такое положение дел не устраивало и он поручил «разобраться» с Крутовым Арнольду Аркадьевичу Арнольдову, вместе с которым осуществлял «красный террор» в Одессе летом 1919 г.

На допросах кроме привычных избиений арестованных Арнольдов применял и своеобразное «ноу-хау». Он убеждал подследственных, что на самом деле они являются условно арестованными по заданию ЦК ВКП(б) и лично «товарища Ежова». Вот почему они должны помочь разоблачить троцкистов. Это задание ЦК такой же партийный приказ, который получают коммунисты для проникновения в заграничные фашистские организации[3]. То есть признание арестованного в том, что он враг, служит на пользу советской власти. По словам сержанта госбезопасности И. Ф. Гринберга, «после таких «расколов» некоторые арестованные становились «ручными» (по выражению Арнольдова) и подписывали любые показания, которые измышлял Арнольдов. Таким арестованным давали задания в камере «обрабатывать других арестованных в таком духе»[4].

Г. М. Крутов начал давать «развернутые» (то есть подробные) свидетельства о существовании в крае «право-троцкистского заговора». То же самое произошло после встречи Арнольдова и с начальником «Дальлеса» П. Г. Гербеком, который перед этим несколько месяцев категорически отказывался от всех выдвинутых ему обвинений.

---

[1] Буяков А. М. Ведомственные награды ОГПУ-НКВД. 1932–1940 гг. Ч. II. Знак «Почетный работник ВЧК-ГПУ (XV)». Владивосток: Русский Остров, 2008. С. 320–321.

[2] Сутурин А. С. Дело краевого масштаба. С. 20.

[3] О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-исторический журнал. 1993. № 3. С. 31.

[4] Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. М.: Вече, 2003. С. 411.

Восхищенный такими результатами Балицкий назвал Арнольдова чародеем[1].

Пока его подчиненные раскрывали всевозможные заговоры, сам начальник Управления НКВД по ДВК принял участие в краевой партийной конференции, о которой газета «Известия» сообщала: «Хабаровск. 5 июня. 4 июня на краевой партийной конференции тайным голосованием был избран крайком ВКП(б) в составе 71 члена и 34 кандидатов. Среди избранных в члены крайкома: тт. Варейкис, Балицкий, Блюхер, Хаханьян, Птуха, Викторов.

Под бурные овации конференция послала правительственную телеграмму товарищу Сталину.

На первом пленуме крайкома нового созыва первым секретарем избрали т. Варейкиса, вторым т. Птуху»[2].

Главное направление деятельности Всеволода Балицкого на Дальнем Востоке – изобличение участников «военно-фашистского заговора». По его приказу были брошены за решетку начальник штаба Приморской группы ОКДВА комдив А. Ф. Балакирев, начальник политотдела Амурской военной флотилии дивизионный комиссар В. С. Винокуров, помощник командующего ОКДВА дивизионный интендант Г. А. Дзыза, начальник политотдела Совгаванского укрепленного района бригадный комиссар И. Е. Масевицкий, начальник отдела ВОСО ОКДВА полковник К. М. Грунде, начальник отделения политуправления РККА полковой комиссар Д. Л. Рабинович, начальник ВВС приморской группы войск ОКДВА И. Д. Флоровский[3]. Проблем с арестами командиров меньшего ранга так же не было: маршал В. К. Блюхер давал «добро» на все запросы чекистов.

Вообще-то особисты старались согласовывать свои действия с командующим ОКДВА, но после приезда нового начальства ходатайств НКВД об увольнении или изъятии военнослужащих низшего звена уже не было. Так, например, в сводке Особого отдела ГУГБ НКВД ОКДВА № 62 от 10 июня 1937 г. В. К. Блюхеру просто сообщали об аресте 26 человек[4].

На помощь начальника выездной бригады ГУГБ НКВД СССР В. А. Балицкий рассчитывать не мог, поскольку 6 июня он получил секретную шифровку с Лубянки, в которой предписывалось тайно

---

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 2. С. 140.

[2] Известия. 1937. 6 июня.

[3] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. М.: ТЕРРА, 1998. С. 385, 392, 394, 399, 418, 430, 445.

[4] Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Из-во С. -Петерб. ун-та, 2007. С. 107.

арестовать Л. Г. Миронова и отконвоировать его в Москву. 7 июня начальник Управления НКВД ДВК отрапортовал о выполнении приказа[1]. На Лубянке Миронова сделали активным участником «заговора» Г. Г. Ягоды. На допросах он много чего рассказывал, в том числе и о своем пути в революцию: «В партию я вступил в 1918 г. по карьеристским и шкурническим побуждениям, так как другого пути выбиться в люди в первые годы революции я не видел. Октябрьскую революцию я встретил враждебно, ибо к тому времени уже был достаточно политически сформировавшимся человеком, состоя до этого в партии «Бунд». Развернувшиеся политические события показали мне, что только примазавшись к коммунистической партии, я смогу завоевать прочные жизненные позиции, связанные с личным благополучием и карьерой»[2].

Одним из наиболее активных в уничтожении военных в ОКДВА был С. А. Барминский, которому «ассистировали» А. А. Арнольдов и члены московской бригады капитан госбезопасности Л. М. Хорошилкин и старший лейтенант госбезопасности С. А. Костюк. В своей работе чекисты использовали провокаторов – арестованных полковника И. Л. Карпеля и военного инженера 1-го ранга М. И. Кащеева. Позднее Хорошилкин признавал, что «Кащеев был окончательно разложен, сидел в привилегированных условиях, получал обеды из столовой и деньги от Арнольдова и Костюка». Эти слова подтверждал лейтенант госбезопасности И. Д. Царьков: «Кащеева водили по Управлению как “собаку на цепи”[3]. Только стоило было ей «гавкнуть» и человека взяли». Всего Кащеев назвал членами контрреволюционной организации 198 лиц[4].

«Нежелательные» показания чекисты старательно скрывали. Так, например, к уголовному делу И. Е. Масевицкого не было добавлено его заявление на имя Балицкого, в котором он категорически возражал против своей причастности к контрреволюционному заговору. Это письмо было спрятано в архив органов государственной безопасности, и лишь во время дополнительной проверки уголовного дела в 1956 г. было изъято оттуда и включено в материалы дополнительного расследования[5].

Шифротелеграммой от 14 июня 1937 г. Всеволод Балицкий рапортовал союзному руководству, что «на 13 июня всего по делу военно-

---

[1] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 127.

[2] Лукин Е. На палачах крови нет. Типы и нравы Ленинградского НКВД. СПб.: Библиополис, 1996. С. 43.

[3] Сувениров О. Ф. Трагедия РККА 1937–1938. С. 188.

[4] Там же.

[5] Там же.

троцкистской организации ОКДВА и ТОФ проходит 472 участника, из которых арестовано военнослужащих 169, в том числе сознались 116, дополнительно арестовываем, согласно полученной санкции и по согласованию на месте 70 человек. Ожидаем санкцию на арест 117. Разыскиваем 27, уточняем показания на 89 человек»[1].

В Москве внимательно следили за чисткой ОКДВА. Так, 11 июня 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав доклад Генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, поручило выездной сессии Военной Коллегии Верховного Суда, находящейся на Дальнем Востоке, рассмотреть дело троцкистской террористической шпионско-вредительской организации, действовавшей в армейских строительных войсках, и «всех, признанных судом виновными в участии в этой организации, приговорить к высшей мере наказания»[2].

Стараниями чекистов круг заговорщиков постоянно увеличивался. Так, на допросе 19 июня 1937 г. арестованный И. С. Флоровский дал показания о причастности к военно-троцкистскому заговору 15 командиров ОКДВА (из них уже были арестованы 5 человек, подверглись аресту вслед за комдивом – 5 человек, остальных арестовали в конце 1937 – начале 1938 г)[3]. По словам сослуживцев, допрашивавший Флоровского начальник Особого отдела ГУГБ НКВД 19-го стрелкового корпуса С. А. Костюк обычно «сам ставил вопросы, сам же формулировал ответы и у него довольно складно получалось»[4].

Характеризуя работу нового руководства, начальник Управления НКВД по Сахалинской области комбриг В. М. Дреков позднее писал: «На Дальнем Востоке я работал пятнадцать лет, из них восемь – на Сахалине. Провокационные методы стали применяться в 1937 году с приездом на Дальний Восток московской бригады во главе с Балицким и Мироновым. Именно с появлением этих людей начались массовые аресты. Всякая критическая мысль в отношении показаний обвиняемых душилась»[5].

Отметим, что массовые аресты В. М. Дреков проводил весьма оригинальным способом. Так в июне 1937 г. комбриг приехал в Оху в районный отдел НКВД вместе с пулеметным взводом. Было окру-

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М.: МФД, 2004. С. 641.

[2] Там же. С. 219.

[3] Мильбах В. С. Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Из-во С. -Петерб. ун-та, 2007. С. 123.

[4] Там же. С. 121.

[5] Войнилович М. Дело № СУ-3246. Жизнь и смерть комбрига Дрекова. Южно-Сахалинск, 1991. С. 29.

жено здание районного отдела, расставлено несколько пулеметов, люди с оружием в руках расставлены по коридорам, за дверями, за углами. Из тюрьмы принесены охапки веревок, после чего в райотдел НКВД стали являться по вызову люди. Их немедленно арестовывали и под усиленным конвоем в дневное время по улицам Охи вели с руками за спиной[1].

Становилось понятно: и на Дальнем Востоке Всеволод Балицкий начинает действовать масштабно. Однако работать ему здесь пришлось недолго. 19 июня 1937 г. приказом НКВД СССР он был неожиданно снят с должности и отозван в Москву.

Кроме приказа Н. И. Ежов отправил ему и выдержки из письма начальника Управления НКВД по Западно-Сибирскому краю комиссара госбезопасности 3-го ранга С. Н. Миронова. Он присутствовал при встрече В. А. Балицкого и первого секретаря Западно-Сибирского крайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе. Во время этого разговора, состоявшегося, видимо, в Новосибирске по пути следования в Хабаровск, Балицкий имел неосторожность сказать о том, что арестованный Генрих Ягода на допросах «топит» всех, оговорил многих сотрудников НКВД. Далее Балицкий отметил: обстановка сейчас такая, что арестовать могут любого и могут получить от него любые показания, поскольку в Лефортовской тюрьме бьют арестованных. Упомянул он и о своей дружбе с арестованным И. Э. Якиром. В своих высказываниях косвенно осуждал Н. И. Ежова за многочисленные аресты. И вот ежовское письмо стало Балицкому своеобразным сигналом, что с такими настроениями в НКВД работать нельзя.

Балицкий понял: надо действовать, бороться, ведь речь теперь идет о его жизни и смерти. Он решил искать защиты у И. В. Сталина, которому написал и которого пытался убедить в своей преданности: «Чувства жалости к врагу нет, сам умело и не раз применял самые острые формы репрессии»[2]. Значительное место в своем заявлении на имя генсека ЦК ВКП(б) он отводил доказательствам того, что ничего не знал о вражеской работе И. Э. Якира[3].

Когда именно Всеволод Балицкий выехал из Хабаровска, пока неизвестно. В статье бывшего сотрудника Управления КГБ по Хабаровскому краю С. Николаева, посвященной истории органов госбезопасности Дальнего Востока в 1937–1938 гг., находим две разные

---

[1] Войнилович М. Дело № СУ-3246. Жизнь и смерть комбрига Дрекова. Южно-Сахалинск, 1991. С. 18.

[2] Цит. по: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 127.

[3] Там же.

и неконкретные даты – «в конце июня»[1] и «в первых числах июля»[2]. Вместе с тем, известно заявление арестованного начальника автобронетанковых войск ОКДВА комдива С. И. Деревцова от 25 июня 1937 г. на имя И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова (копия была послана В. А. Балицкому). Это позволяет предположить, что в тот день Балицкий еще находился в Хабаровске. В этом заявлении комдив отказывался от своих показаний, написанных им под диктовку А. А. Арнольдова: «Подписывая эти протоколы я понимал, что выполняю задания ЦК партии, но узнав от жены, что ее выселят, и убедившись по ряду фактов, я понял, что я являюсь не условно, а безусловно арестованным»[3].

В Москве 23–29 июня 1937 г. состоялся очередной Пленум ЦК ВКП(б). В официальном информационном сообщении о его работе, напечатанном в «Правде», сообщалось: «На днях закончился очередной пленум ЦК ВКП(б). Пленум рассмотрел проект «Положения о выборах в Верховный Совет СССР» и утвердил его. Далее Пленум рассмотрел вопрос:

а) об улучшении семян зерновых культур,

б) о ведении правильных севооборотов и

в) о мерах улучшения работы МТС»[4].

Но на повестке дня пленума, как теперь выяснилось, было и немало других вопросов, о ходе обсуждения которых мы уже никогда не узнаем точно, так как материалы пленума, находящиеся в бывшем Центральном партийном архиве (ныне – Государственный Архив Российской Федерации: Ф. 17, Оп. 2, Д. 614), содержат запись: «За 22–26 июня заседания пленума не стенографировались»[5]. Вместе с тем известно, что на этом партийном форуме ни В. А. Балицкий, ни Т. Д. Дерибас не присутствовали[6].

25 июня 1937 г. пленум принял решение утвердить следующее предложение Политбюро ЦК ВКП(б): за измену партии и Родине и активную контрреволюционную деятельность исключить из состава членов ЦК ВКП(б) и из партии: заместителя председателя Совнаркома СССР Н. К. Антипова, бывшего начальника Управления НКВД по ДВК В. А. Балицкого, наркома местной промышленности РСФСР И. П. Жукова, заместителя заведующего отделом ЦК

---

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 3. С. 136.

[2] Там же. № 2. С. 141.

[3] Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. М.: Вече, 2003. С. 411–413.

[4] Правда. 1937. 30 июня.

[5] Роговин В. З. 1937. М., 1996. С. 440.

[6] Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 56.

ВКП(б) В. Г. Кнорина, первого секретаря Крымского обкома партии Л. И. Лаврентьева, наркома пищевой промышленности РСФСР С. С. Лобова, бывшего первого секретаря Восточно-Сибирского обкома ВКП(б) М. О. Разумова, первого секретаря Западного обкома ВКП(б) И. П. Румянцева, бывшего первого секретаря Курского обкома ВКП(б) Б. П. Шеболдаева.

Из кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и из партии исключили: начальника Главного управления шоссейных дорог НКВД СССР комиссара госбезопасности 1-го ранга Г. И. Благонравова, бывшего первого секретаря Одесского обкома КП(б)У Е. И. Вегера, председателя Совнаркома Белорусской ССР Н. М. Голодеда, бывшего наркома зерновых и животных совхозов СССР М. И. Калмановича, бывшего наркома коммунального хозяйства РСФСР Н. П. Комарова, председателя Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства СССР Н. А. Кубяка, начальника строительства Дворца Советов в Москве В. М. Михайлова, бывшего заместителя наркома связи СССР В. И. Полонского, секретаря ЦК КП(б)У Н. Н. Попова, секретаря Союзного Совета ЦВК СССР И. С. Уншлихта. Из членов Ревизионной комиссии ЦК ВКП(б) исключили начальника политуправления Приволжского военного округа армейского комиссара 2-го ранга Л. Н. Аронштама и председателя Дальне-Восточного крайисполкома Г. М. Крутова. Заканчивалось это постановление словами: «Передать дела перечисленных выше лиц в Наркомвнудел»[1].

Как видим, Всеволод Балицкий сразу попал в группу партийных деятелей, судьба которых уже была предопределена. Кроме того, подавляющее большинство исключенных и так уже находились в НКВД. Кто именно сказал о Балицком «решающее слово», приведшее к его аресту, неизвестно. Как позднее отмечалось в одном из документов КГБ СССР, «материалов, которые стали основанием для его ареста, в деле нет»[2]. Скорее всего, его судьба была решена еще до упомянутого Пленума ЦК ВКП(б) – 7 июня, когда Иона Якир написал заявление Николаю Ежову и тем самым потянул своего приятеля за собой.

Еще на проходившем с 1 по 4 июня 1937 г. заседании Военного совета при Наркомате обороны СССР И. В. Сталин спросил корпусного комиссара Е. А. Щаденко, рассказывавшего о многочисленных финансовых нарушениях И. Э. Якира: «А вы знаете, что Якир и Балицкий в день, когда они получили постановление правитель-

---

[1] Пятницкий В. И. Заговор против Сталина. М.: Современник, 1998. С. 57.

[2] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 308.

ства о том, что оба они отзываются с Украины, три дня жгли какие-то бумаги?»[1]

3–4 июля 1937 г. состоялся Пленум ЦК КП(б)У, на котором, бесспорно, рассматривался и вопрос о Всеволоде Балицком. Однако, судя по нумерации листов в деле с материалами пленума, почти все материалы были уничтожены, а стенограмма выступлений, скорее всего, просто не велась. Сохранилась лишь анонимная записка: «О делах в НКВД Украины. Дела военные и дела чекистские были отданы на откуп Якиру и Балицкому. Поражение кадров оказалось очень большое. Это беспримерное массовое предательство и переход на службу к фашистам... Сволочей и предателей оказалось вокруг нас гораздо больше, чем мы себе это представляли еще 2–3 месяца тому назад. Способствовала широкому распространению предательской работы врагов бездеятельность в течении ряда лет органов НКВД»[2].

Пленум вывел «как недостойных звания членов ЦК» заместителя наркома внутренних дел УССР К. М. Карлсона – из членов, и начальника Управления НКВД по Харьковской области С. С. Мазо – из кандидатов в члены ЦК[3]. Узнав об этом по телефону от председателя Харьковского облисполкома Г. К. Прядченко (которого также вывели из членов ЦК КП(б)У), Соломон Мазо застрелился. На столе в своем рабочем кабинете он оставил записку примерно такого содержания: «Товарищи остановитесь, к чему приведет избиение коммунистов и выколачивание из них ложных показаний»[4].

Еще 7 июня 1937 г. приказом НКВД СССР № 132 «для выявления и разгрома шпионских, вредительских, диверсионных, заговорнических троцкистских и других к.-р. групп на территорию УССР, а также в частях РККА Киевского, Харьковского военных округов и укрепрайонов» в Украину были командированы 1-й заместитель наркома внутренних дел СССР комкор М. П. Фриновский, комиссар госбезопасности 1-го ранга Т. Д. Дерибас и начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга И. М. Леплевский[5].

Персональный состав комиссии, проверяющей работу НКВД УССР, не сулил Всеволоду Балицкому ничего хорошего. О его враж-

---

[1] Черушев Н. С. 1937 год. Был ли заговор военных? М.: Вече, 2007. С. 235.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 491. Л. 5–6.

[3] Там же. Л. 6.

[4] ОГА СБУ. Харьков. Д. 9880. Л. 28.

[5] Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1991: Справочник / под ред. акад. А. Н. Яковлева; авт.-сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2003. С. 586.

дебных отношениях с Израилем Леплевским было известно всем. Т. Д. Дерибаса тоже нельзя назвать объективным проверяющим, ведь он не мог не понимать, что на Дальнем Востоке Балицкий вскроет немало недостатков в его работе[1].

Правда, выяснить, приезжал ли в Киев Терентий Дерибас, нам не удалось. Существует версия, что именно он планировался на должность наркома внутренних дел УССР[2], но уже 10 июня 1937 г. постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) Дерибас был назначен начальником Управления НКВД по Азовско-Черноморскому краю вместо отзываемого в распоряжение НКВД СССР комиссара госбезопасности 3-го ранга Г. С. Люшкова[3]. Спустя 9 дней вышел приказ о назначении Дерибаса начальником Управления НКВД по Дальне-Восточному краю.

А вот Израиля Леплевского в Москве задержали неотложные дела по подготовке процесса по делу «военно-фашистского заговора в РККА». 9 июня 1937 г. он проводил очную ставку между Михаилом Тухачевским и Ионой Якиром[4], а на следующий день – оперативное совещание, на котором дал указание всем сотрудникам, принимавшим участие в следствии по делу военных, еще раз побеседовать с подсудимыми и убедить их, чтобы они в суде подтвердили показания, данные на следствии[5].

Главным проверяющим НКВД УССР был Михаил Фриновский. Позднее, на допросе 31 августа 1939 г., он так будет вспоминать о своем пребывании в Киеве: «В 1937 году по решению директивных органов я выезжал на Украину со специальным заданием. На Украине была вскрыта группа заговорщиков внутри аппарата НКВД УССР, возглавляемая Балицким, который в это время был уже начальником УНКВД ДВК. На Украине мною были арестованы Рубинштейн, Письменный, Бачинский и другие, а позже был арестован и Балицкий. Все эти лица были расстреляны»[6].

По воспоминаниям старшего майора госбезопасности Е. Ф. Кривца, возглавлявшего в то время Управление НКВД по Днепропетровской области, «Фриновский объявил о действительных причинах

---

[1] Не стоит забывать и такие слова Л. Д. Троцкого: «Иван Никитич Смирнов Дерибаса на фронте не дострелял за трусость» (Седов Л. Переезд в Алма-Ату // Знамя. 1990. № 7. С. 173).

[2] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. С. 78.

[3] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 234.

[4] Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. С. 371.

[5] Реабилитация. Политические процессы 30-х – 50-х годов / под ред. А. Н. Яковлева. С. 309.

[6] Золотарьов В. А. Олександр Успенський: особа, час, оточення. С. 158.

снятия Балицкого, т. е. за плохую работу украинского НКВД, в связи с этим обстановка в НКВД УССР резко изменилась»[1].

А в Киеве, в Наркомате внутренних дел УССР, начали снимать портреты В. А. Балицкого. По словам помощника начальника 4-го отдела УГБ НКВД УССР старшего лейтенанта госбезопасности Н. А. Григоренко, «когда снимались в Наркомате портреты Балицкого, мы были удивлены и заволновались. А Брук начал волноваться больше всех, его буквально невозможно было узнать. Я и Грушевский его не раз спрашивали, почему он так сильно волнуется. Он отвечал бранью и говорил, что мы ничего не понимаем»[2].

15 июня 1937 г. М. П. Фриновский представил активу НКВД УССР их нового руководителя – И. М. Леплевского, назначенного на эту должность приказом НКВД СССР днем ранее. Символично, что Политбюро ЦК КП(б)У отреагировало на этот назначение лишь 2 июля 1937 г.: «В соответствии с решением ЦК ВКП(б) провести в советском порядке решение об освобождении Балицкого В. А. от обязанностей Наркома Внутренних Дел УССР и утвердить Народным Комиссаром Внутренних дел УССР т. Леплевского И. М. Постановление Центрального Исполнительного Комитета УССР в газетах не публиковать[3]».

21 июня 1937 г. М. П. Фриновский выступил на заседании парткома УГБ НКВД УССР с участием парторгов и начальников отделов, где распекал аппарат за «политическую близорукость», упрекал в безынициативности[4]. При этом он припугнул украинских коллег той негативной реакцией, которая возникнет у Н. И. Ежова после его доклада о результатах командировки на Украину: «Я вот вызываюсь им в Москву и вынужден буду ему рассказать все то, что я обнаружил здесь. Его это немножко удивит, потому что такого плохого состояния оперативной работы, я должен прямо сказать, ни я, ни тов. Ежов полностью не ожидали»[5]. Среди прочих причин такого катастрофического положения комкор назвал и наличие польских шпионов внутри аппарата[6].

---

[1] Золотарьов В., Парфьоненко В. «Один із активніших працівників ЧК-ГПУ» (Сторінки біографії старшого майора державної безпеки Юхима Кривця) // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2003. № 1. С. 374.

[2] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 173.

[3] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 440. Л. 12.

[4] Сысоев Н. Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М.: Вече, 2002. С. 130.

[5] Черушев Н. С. Удар по своим. Красная Армия: 1938–1941. С. 373–374.

[6] Там же. С. 374.

И. М. Леплевский начал свою деятельность в Украине 15 июня 1937 г. Это был ревностный исполнитель ежовской репрессивной линии, послушно проводивший все инспирированные НКВД СССР акции, – операцию по «кулакам» и «уголовникам», начатую 1 августа 1937 г.; по полякам, инициированную 11 августа 1937 г.; по немцам, по румынской и харбинской линиям, по латышам, проведенные в ноябре–декабре 1937 г., и др. Леплевский просил центр увеличить «лимиты» (т. е. количество определенных кандидатов во «враги народа»). Проявлял он и собственную инициативу (например, в «разгроме» эсеровского подполья, бывших «боротьбистов», «церковно-сектантских кадров», «антисоветского сионистского актива» и т. п.)[1].

Одним из приказов И. М. Леплевского после его появления на Украине был приказ «Об упорядочении режима в тюрьмах» (№ 00168 от 25 августа 1937 г.). В нем, в частности, отмечалось, что «порядок содержания заключенных в ряде тюрем не отвечает требованиям, касающихся тюрем НКВД»[2]. В приказе подчеркивалось, что такое положение «особенно недопустимо ныне, когда в тюрьмах содержится значительное количество особо опасных преступников»[3]. Поэтому были приняты соответствующие меры, усилившие тюремный режим.

Леплевский не был уверен, хватит ли Сталину одного заявления Якира для «свержения» Балицкого. Для большей «аргументации» нужны были не только свидетельства о «контрреволюционной деятельности», но и о мотивах, заставивших заслуженного чекиста перейти во вражеский лагерь. Главными причинами вступления Балицкого в круг «мятежников» решили объяснить его недовольством своим положением среди высшего руководства страны и развратом и злоупотреблением служебным положением (это всегда срабатывало). Кроме того, нужно было дискредитировать Балицкого как руководителя НКВД, обесценить профессиональные успехи, выявить «вредительство» и «антипартийные настроения». Руководствуясь этими «генеральными направлениями», и проводили свою работу члены специальной следственной группы во главе с новым особоуполномоченным НКВД УССР капитаном госбезопасности Виктором Михайловичем Блюманом.

---

[1] Подробнее Ізраїль Леплевский // Шаповал Ю., Пристайко В., Золотарьов В. ЧК-ГПУ-НКВД в Україні: особи, факти, документи. Київ, 1997. С. 143–186; Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки / авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. Київ: Либідь, 2009.

[2] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 42.

[3] Там же.

17 июня 1937 г. как «участник антисоветского заговора» был арестован бывший третий секретарь ЦК КП(б)У Николай Николаевич Попов. В заявлении от 22 июня 1937 г. и на предварительном следствии он признал свою «вину», а также то, что, пользуясь служебным положением, занимался отбором и расстановкой «правотроцкистских кадров». В числе членов «центра заговора» он назвал В. А. Балицкого, И. Э. Якира, М. М. Хатаевича, А. П. Любченко, Н. Н. Демченко, Е. И. Вегера[1]. На допросе 7 июля 1937 г. в Москве Попов свидетельствовал, что «борьба Балицкого с украинскими националистами направлялась главным образом на кадры Скрипника», что «Балицкий смог сделать так, что арест Коцюбинского не дал серьезных последствий в деле разгрома националистического и троцкистского подполья на Украине»[2].

Свидетельства такого рода были немедленно использованы против членов «команды» Балицкого, устранение которого потянуло за собой аресты среди работавших с ним. До конца 1937 г. арестовано свыше 200 сотрудников УГБ, 134 сотрудника милиции, 38 командиров и политработников пограничных войск, 45 сотрудников УШОСДОРа, обвиненных в причастности к «троцкистско-террористической организации, агентуре ряда иностранных разведок, латышской фашистско-шпионской организации»[3].

Обратимся к некоторым примерам. Одним из первых, еще 7 июня, был арестован дивизионный комиссар Л. М. Сороцкий, который находился в резерве назначений НКВД УССР. Обвинялся он в шпионаже (поскольку в 1920–1922 гг. вел подпольную работу в Кишиневе и Чехословакии) и в троцкизме (так как в 1923 г. голосовал за Л. Д. Троцкого, о чем, кстати, в 1936–1937 гг. открыто говорил на партийном собрании УПВО НКВД УССР). Сороцкий привлекался к партийной ответственности за «зажим» критики, что, однако, не помешало ему получить ордены Трудового Красного Знамени Украины и Красной Звезды. Перед В. А. Балицким часто ставили требование убрать Л. М. Сороцкого с поста начальника политотдела Управления пограничной и внутренней охраны НКВД, с чем нарком категорически не соглашался, заявляя, что тот ему в УПВО «крайне нужен»[4]. Сороцкий оправдывал доверие и очень умело организовал партийную чистку в 1934 г., после которой Балицкий заявил С. М. Циклису:

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 38485 ФП. Т. 3. Л. 70.

[2] Там же. Л. 70.

[3] См.: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 42–43.

[4] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 44.

«Сороцкий крепко для нас поработал по чистке, ему необходимо отдохнуть и дать денег»[1]. Сороцкого более двух недель допрашивали беспрерывно, не выпуская из кабинета, причем следователи менялись, а дивизионный комиссар продолжал сидеть на стуле и подвергался избиениям, пока не сознался, что он румынский шпион[2].

15 июня комендант НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности А. Г. Шашков по ордеру № 55 арестовал находящегося в резерве НКВД УССР капитана госбезопасности Н. Л. Рубинштейна. Балицкий всегда подчеркивал, что Рубинштейн – это особенно доверенный человек, его «глаз» в НКВД, он подчиняется лишь ему лично. Рубинштейн часто ездил по областям. На вопрос друзей о цели поездок отвечал: это личное задание наркома, и он не имеет права о нем говорить[3].

1 июля 1937 г. Наум Рубинштейн написал заявление Николаю Ежову, в котором сознался, что родился в 1897 г. в Севастополе, а не в 1890 г. в Одессе, как писал раньше, что партбилет, выданный якобы в мае 1917 г., получил незаконно в Киеве в 1919 г. и что в 1920 г. вступил в брак по религиозному обряду[4]. К этому еще добавил, что «вел все время развратный образ жизни, не чурался для половой жизни проституток. Пьянствовал, и в пьяном виде появлялся в публичных местах»[5]. Обвинил он в разврате и своего бывшего руководителя: «Каждую пятидневку устраивались грандиозные кутежи в доме отдыха “Дедовщина” и на увеселительном судне “Днепр”. В этих пьянках принимало участие наше активное ядро – Балицкий, Кацнельсон, я, Чирский, Крауклис, Семенов, Циклис, Бачинский, Письменный и прочие. Иногда в пьяном виде появлялись в городе. В 1936 г. летом вся эта компания в пьяном виде поехала машинами в Чернигов, где продолжилась попойка у Тимофеева. Во время выпивок и гульбищ были женщины – жены сотрудников и приглашенных. Сам Балицкий открыто сожительствовал с женами Евгеньева, Шарова, Тимофеева, Чирского и других. Поездки на “Днепре” превращались в настоящие оргии.

В Киеве существовали притоны и “малины”, которые посещались руководящими работниками НКВД. Слышал, что такие “малины” есть на Подвальной и по Житомирской, к которым был близок Письменный. Письменный был наиболее развращен, имел большое

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43787 ФП. Л. 42.

[2] Там же. Л. 42.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 44.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 18.

[5] Там же. Л. 19.

количество женщин в самых разнообразных слоях, и Балицкий на этой почве был наиболее всего тесно связан с Письменным. Характерно, что Оперативный отдел поддерживал логово Аренштейн, прозванной “бабушкой русской проституции”. Аренштейн – близкая родственница расстрелянного троцкиста Ахматова (речь об уже упоминавшемся Л. С. Ахматове – бывшем начальнике отдела трудовых колоний НКВД УССР. – *Прим. авт.*). В этом притоне бывали очень ответственные работники, туда доставляли любых женщин. Соколов (речь идет о П. Г. Шостак-Соколове. – *Прим. авт.*) мне сообщал, что этот притон он освещает. Когда ее (Аренштейн. – *Прим. авт.*) арестовали (не по линии НКВД) за шантаж и провоцирование жен арестованных и дали 1,5 года, то ее быстро выпустили. Устраивались попойки в ресторане “Динамо”, куда привозили жен сотрудников»[1].

Рассказал Рубинштейн и о том, что «Балицкий широко культивировал подхалимство, любил изображать из себя вождя, неоднократно заявляя, что он не столько чекист, сколько руководящая партийная фигура». На восстановление и оснащение особняка Балицкого ушло около миллиона рублей, а его содержание в месяц доходило до 35 000 рублей. Когда Балицкий взял себе ребенка, то на оборудование детской комнаты было израсходовано около 35 тысяч рублей, в саду высажено 8 500 роз. Для Л. А. Балицкой по всей Украине напрасно искали ишака, поэтому за 5 000 рублей купили в Полтаве пони. В парке киевского особняка Балицкого был устроен зоологический сад, в доме создана оранжерея. Сам нарком и его жена «весьма тяготели к приобретению драгоценных вещей». Через начальника Административно-хозяйственного Управления НКВД УССР С. М. Циклиса для семьи покупались дорогие картины (по 5 000 рублей) и скульптуры. Л. А. Балицкая вместе с закрепленным сотрудником Оперативного отдела УГБ НКВД УССР лейтенантом госбезопасности А. И. Мазуренко ходила по антикварным магазинам и покупала дорогие вещи, за которые расплачивался С. М. Циклис. Сам Мазуренко, пользуясь поддержкой жены наркома, «был очень нахален и держал себя с сотрудниками вызывающе». Ходили даже слухи, что через Оперативный отдел Балицкая доставала какие-то вещи из музеев[2].

---

[1] Там же. Л. 59–61.

[2] Там же. Л. 20–21, 35, 36, 62. Отметим, что тридцатипятилетний Александр Игнатьевич Мазуренко боевых заслуг имел не много. В 1918 г. в составе красногвардейского отряда бился в Одессе против немецких войск и сторонников Украинской Центральной Рады, в 1921 г., будучи красногвардейцем 21-го Рославского полка, подавлял крестьянские восстания в Подольской губернии. Практически всю свою чекистскую

О том, каким образом старший лейтенант госбезопасности Ю. Н. Толкачев (которого вызвали из Одессы проводить следствие по делам арестованных чекистов) и особоуполномоченный НКВД В. М. Блюман добыли эти свидетельства, рассказал со временем секретарь 1-го отдела УГБ НКВД УССР младший лейтенант госбезопасности Иосиф Генрихович Гудзь. Он попал за решетку 27 июня 1937 г. и сидел с Рубинштейном в одной камере: «Наум Львович имел вид умалишенного, без какого-либо человеческого сознания и соображения, испугавшись вида этого человека, я начал просить коменданта не оставлять меня с ним, но меня с силой втолкнули и дверь захлопнулась. Я стоял у дверей, боясь двинуться с места, на мои вопросы, узнает ли он меня, Рубинштейн ответил мычанием. Через некоторое время я почувствовал ужасную вонь и тут же я выявил, что Рубинштейн потерял всякие человеческие устои, оправляясь в белье и одежде. Я потащил его в уборную, вымыл его, переодел в чистое белье и одежду и начал возвращать его к жизни. Через несколько дней мне удалось вернуть ему некоторое сознание, и он рассказал мне, что его в течение продолжительного времени пытали и избивали, заставляя признаться в шпионской деятельности, довели его до невменяемого состояния, и он подписал все, что требовали от него. Рубинштейн в течение дня и ночи не отходил от дверей камеры, вызывая коменданта, чтобы его вывели и расстреляли»[1].

Поведал Гудзь и о «личном вкладе» Леплевского в расследовании «заговора Балицкого»: «В первый день моего ареста в кабинет следователя Артемова пришел наркомвнудел Леплевский в сопровождении особоуполномоченного НКВД УССР по делам сотрудников Блюмана. Узнав у Артемова, что я не даю показаний, Леплевский начал угрожать мне расстрелом, заявив при этом, что у него есть право расстрелять без суда и следствия. Леплевский дал распоряжение Артемову бить меня смертным боем и утром принести ему протокол допроса. Это было 27 июня 1937 года. После ухода Леплевского Артемов мне заявил, что с меня живого не слезет пока я не дам показания»[2].

17 июня 1937 г. в Киеве в своей квартире № 19 по улице Левашовской был арестован начальник хозяйственного отдела и заместитель

карьеру прослужил фельдъегерем, помощником уполномоченного при Секретариате Президиума ГПУ УССР. С 1931 г. стал сотрудником для особых поручений при В. А. Балицком. Однако Мазуренко наград имел больше, чем многие заслуженные оперативники: в 1927 г. награжден серебряными часами от Коллегии ГПУ УССР и грамотой от ВУЦИК, в 1932 г. – боевым оружием от Коллегии ОГПУ; в 1933 г. – знаком почетного работника ВЧК-ГПУ, в 1936 г. – боевым оружием. (См.: ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 2305. Л. 10–32.)

[1] Скарга І. Г. Гудзя від 26 січня 1956 р. // Наше минуле. 1993. № 1. С. 53.

[2] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 56297 ФП. Л. 236.

начальника Административно-хозяйственного управления НКВД УССР капитан госбезопасности А. М. Берман. В допросах принимал участие сам М. П. Фриновский[1]. Допрашивали его преимущественно о троцкистском прошлом и злоупотреблении в хозяйственной деятельности. Во время следствия Берман несколько раз старался покончить жизнь самоубийством. Так, 5 августа в тюрьме УГБ НКВД УССР (улица Дегтяревская, дом 7б) он пытался повеситься, привязав полотенце к кровати. После того как надзиратели отобрали у него полотенце, начал душить себя руками и колоть пальцами глаза. На следующий день бился головой о кровать, а 10 августа разбил голову об оконную раму[2].

23 июня на даче НКВД № 4 в Одессе комендант местного Управления НКВД лейтенант госбезопасности Л. И. Лелеткин арестовал начальника 6-го отдела УГБ НКВД УССР майора госбезопасности Я. В. Письменного. На допросах, которые проводили особоуполномоченный НКВД УССР В. М. Блюман и начальник отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности М. Я. Детинко, Письменный, в частности, показал: «В период 1925–27 гг. Балицкий высказывался критически о Сталине, что Сталин не имеет нужного авторитета в партии, что его мало знает международный пролетариат и что в борьбе с оппозицией Сталин опирается на силу партийного аппарата.

Когда из состава Политбюро были выведенны Троцкий, Зиновьев, Каменев, Балицкий говорил, что Сталин подобрал в Политбюро послушных людей, что теперь Сталину некому возражать. В частности, о Ворошилове он тогда сказал: “Штаны снимает перед Сталиным”.

Во время высылки Троцкого за границу Балицкий говорил, что эта мера является слишком жестокой...

В последние годы он говорил, что Сталин жесткий руководитель, что человек для него ничто, что он управляет страной как восточный повелитель, и что в России, по-видимому, иначе нельзя. По случаю смерти Аллилуевой он говорил, что Аллилуева смягчающим образом влияла на жесткий характер Сталина, и что после смерти ее никто в этом не заменит.

В отношении Молотова. Я помню равнодушное отношение Балицкого, когда в его присутствии я в 1928–1929 гг. воспроизвел оскорбительную характеристику, данную Троцким. Балицкий также говорил, что теперешние члены Политбюро не имеют своего мнения и ничего не решают. Балицкий указывал на Кагановича, который в присутствии Сталина якобы терялся.

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 40546 ФП. Л. 2–3, 44.

[2] Там же. Л. 31–32, 34.

Балицкий все время хорошо относился к Каменеву, которого он считал “высоко одаренным государственным деятелем”.

Осенью 1934 г., когда я находился с Балицким в отпуске в Хосте, у меня было с ним много политических бесед... Балицкий сказал, что Сталин создал невозможный режим в партии и стране, что при таких условиях разрушается живая, творческая мысль, что ЦК распоряжается людьми как пешками и обижает старые, заслуженные кадры, что такая политика неизбежно приведет к катастрофе. В конце Балицкий сказал мне, что недовольство политикой партии, которое нарастает в стране, создает почву для объединения активных сил против Сталина и настоящего состава Политбюро»[1].

По словам Я. В. Письменного, мятежники должны были по сигналу из Москвы одновременно захватить власть в столице, Ленинграде, Киеве и других городах, а задача «заговорщиков» в НКВД УССР – сохранить правотроцкистские кадры в НКВД для возможного их использования в заговоре; установить правотроцкистские связи вне НКВД; сдерживать борьбу с правотроцкистской контрреволюцией; подготовить условия для использования аппарата НКВД в надлежащий момент[2].

24 июня 1937 г. начальник 2-го отдела УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности И. Д. Морозов вместе с начальником Краматорского горотдела НКВД старшим лейтенантом госбезопасности А. И. Мицулом арестовал начальника Управления НКВД по Черниговской области майора госбезопасности П. Г. Соколова-Шостака в его служебном кабинете. Продержался последний недолго и уже через три дня начал давать показания. «Работали» с ним преимущественно помощник начальника 3-го отдела УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности А. В. Сапир и оперуполномоченный следственной группы В. К. Козаченко. «Работали» так, что И. Г. Гудзь позже свидетельствовал: «Я лично однажды видел, как Соколова-Шостака вели на допрос. Его вели под руки два охранника, а ноги волочились по полу, так как ходить он не мог»[3]. 31 июля Соколов-Шостак «сознался», что в 1923 г. во время служебной командировки в Варшаву был завербован польской контрразведкой и с того времени работал на Польшу, однако никого не вербовал[4].

1 июля 1937 г. помощник особоуполномоченного НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности А. П. Демидов арестовал на-

---

[1] ЦДАГОУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 215–217.

[2] Там же. Л. 97.

[3] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 56297 ФП. Л. 237.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 185–187.

чальника Финансового отдела НКВД интенданта 1-го ранга УССР Л. Г. Словинского в его квартире № 21 по улице Левашовской, дом 36. Вскоре Ю. Н. Толкачев и старший инспектор аппарата особоуполномоченого НКВД УССР М. К. Артемов услышали о многочисленных финансовых нарушениях и моральном разложении Балицкого: «Киевский период отмечался кутежом, пьянками, развратными оргиями Балицкого и его приближенных лиц. Дело дошло до того, что Балицкий был в интимной связи с женами Шарова, Евгеньева, Семенова, Чирского и других.

Будучи на одной из прогулок по Днепру, я лично наблюдал, как Балицкий во время ночного купания в реке, не стыдясь присутствия мужей, похабно тискал и целовал Чирскую и Шарову.

Я неоднократно был свидетелем того, как Бачинский привозил жену Шарова на дачу к Балицкому во время отсутствия жены последнего.

Любовные похождения Балицкого не обошли и мою семью. В Харькове приехавшую с курорта мою бывшую жену Ксению (сейчас бывшая жена репрессированного шпиона Сосновского)[1], как-то случайно увидел на улице Балицкий. Спустя через несколько дней после этого, я, придя с вечерней работы, не застал жену дома. Жена явилась домой приблизительно к 3-м часам следующего дня и после моих настойчивых требований рассказала, что она была отвезена на дачу к Балицкому, где он имел с ней половое сношение. Вскоре после этого я с женой разошелся»[2].

Отметим, что Л. Г. Словинский, которого В. А. Балицкий называл не иначе, как «лорд-казначей», в 1920 г. после захвата красными войсками Крыма, как отмечалось в его личном деле, «принимал непосредственное участие в фактическом уничтожении белогвардейского офицерства»[3].

8 июля 1937 г. без санкции прокурора был арестован личный секретарь Всеволода Балицкого капитан госбезопасности А. И. Евгеньев, сознавшийся (правда, с опозданием, лишь 3 сентября 1937 г.), что в прошлом году он был втянут своим шефом в «антисоветский заговор», целью которого была «подготовка и осуществление восстания против советской власти и установление диктатуры»[4].

В тот же день, 8 июля, взяли и заместителя начальника Разведывательного управления Красной Армии старшего майора госбезопас-

---

[1] Речь идет о комиссаре государственной безопасности 3-го ранга И. И. Сосновском.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 43787 ФП. Л. 42–44.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 12. Д. 1326. Л. 4.

[4] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 44539 ФП. Л. 380.

ности М. К. Александровского[1]. Еще 22 июля 1937 г. И. В. Сталин получил протокол допроса секретаря ЦК КП(б)У Н. Н. Попова, где сообщалось о тесных связях Александровского с И. Э. Якиром и приводилось «неоспоримое доказательство» причастности чекиста к заговору: на одном из приемов в конце 1936 г. командующий войсками КВО провозгласил тост за Александровского как «лучшего начальника военной контрразведки»[2]. На допросах Александровский рассказал, что в 1935 г. вошел в состав руководящего центра «антисоветского террористического заговора» в НКВД УССР, куда был завербован руководителем этого заговора Балицким, вместе с которым собирался осуществить военный переворот. Вся работа чекистов–участников заговора была направлена на защиту заговорщиков от изобличения. Обвинялся Александровский и в принадлежности к троцкистской организации в Запорожье[3].

Ознакомившись с протоколом допроса Александровского от 8 августа 1937 г., Сталин написал Ежову: «Арестовать: 1) Каширина (Начальника управления боевой подготовки НКО. – *Прим. авт.*).

2) Дубового (командарма 2-го ранга, командующего Харьковским военным округом. – *Прим. авт.*).

3) Якимовича (начальника Главного Управления лесной охраны и лесных насаждений при РНК СССР. – *Прим. авт.*).

4) Дорожного (чекист)

5) и других».

В этом протоколе отметки «арестовать», «взять» были сделаны Сталиным напротив 30 фамилий[4].

О том, как вел себя Александровский во время следствия, рассказал впоследствии начальник отдела пожарной охраны НКВД УССР капитан госбезопасности С. Т. Карин-Даниленко: «В сентябре 1937 г., когда я попал к нему в камеру, он мне посоветовал не оказывать сопротивление, не подвергать себя пытке, а давать показания, которые нужны следствию. Иначе, говорил мне Александровский, вас уничтожат с жесточайшими мучениями, о чем он знает, как человек, который перенес эти мучения. “Я сам дал на себя и на другие выдуманные показания”, – сказал мне Александровский. Я спросил у него: “И на меня вы дали показания?”. Александровский ответил: «Нет, на тебя я

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 701117 ФП. Т. 3. Л. 76–77.

[2] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 222.

[3] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 701117 ФП. Т. 3. Л. 76–77.

[4] Реабилитация. Политические процессы 30-х-50-х годов / под ред. А. Н. Яковлева. С. 299.

не давал показания, ведь их не требовали. Но если бы они требовали, дал бы показания и на тебя”»[1].

11 июля 1937 г. в Одессе в кабинете начальника областного Управления НКВД Г. А. Клювганта-Гришина в присутствии руководящих сотрудников управления был арестован старший майор госбезопасности А. Б. Розанов. Еще 14 июня он был назначен начальником Управления НКВД по Воронежской области, но к месту назначения так и не выехал. На допросе Розанов рассказал своему бывшему подчиненному Ю. Н. Толкачеву: «Я знал, что уже несколько лет вокруг Балицкого существует тесная, замкнутая группа руководящих работников НКВД – Бачинский, Письменный, Рубинштейн и др. Эта группа объединена общими антипартийными настроениями, крупными злоупотреблениями, связанными с бытовым разложением...

Балицкий пренебрежительно отзывался об украинских членах правительства, о ЦК КП(б). В презрительных выражениях он говорил о секретаре ЦК Косиоре С. В.

В беседах со своими людьми, Балицкий постоянно высказывал мысль о том, что он давно перерос свое положение и что он намечается на крупный пост, как например, – пред. СНК УССР, зам. Наркомвнудел Союза, зам. Наркомпути и др.

Балицкий и его группа создали атмосферу круговой поруки, совершая преступления и покрывая преступников...

Одновременно с этим, сам Балицкий и его группа были совершенно разложены в бытовом отношении. Пьянство, разврат были здесь обычным систематическим явлением. Дом отдыха “Дедовщина” на который расходовались бешенные деньги, по существу являлся притоном, домом терпимости. Балицкий сожительствовал с женами Шарова, Тимофеева, Семенова, Евгеньева и др., совершенно не скрываясь. Эти жены отличались своим вызывающим поведением...

Балицкий мне сказал о том, что ЦК ВКП(б), по его мнению, ведет неправильную политику, что ЦК недооценивает крупных людей, затирает настоящих руководителей, заслуженных и опытных. Он ссылался на свою особу, добавив, что ущемление его касается не только лично его, но безусловно отражается и на группе преданных ему людей.

Балицкий прямо заявил, что “надо искать выход, надо думать о другом”. В дальнейшей беседе он сказал, что главное состоит в том, чтобы подобрать и расставить своих людей, имеющих общие интересы, чтобы иметь крепко сколоченное ядро надежных людей.

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 45886 ФП. Л. 318.

Балицкий заявил мне, что у него есть такая группа людей, преданных ему и готовых идти за ним “в случае чего”, как он выразился, до конца, готовых идти на все. Здесь же он спросил меня, согласен ли я примкнуть целиком к этой группе. Я ответил согласием»[1].

В ночь с 16 на 17 июля в своей квартире № 5 по улице Коммунистической, дом 517, был арестован заместитель наркома внутренних дел УССР, директор милиции Н. С. Бачинский[2]. В своем заявлении на имя И. М. Леплевского от 23 июля 1937 г. он признал себя участником контрреволюционной группировки, состоящей из сотрудников НКВД УССР и, в частности, отметил: «Я с Балицким непосредственно проработал 10 лет, с двухлетним перерывом моей работы в ЦЧО (В 1932–1934 гг. Н. С. Бачинский был заместителем полпреда ОГПУ по Центрально-Черноземной области в Воронеже. – *Прим. авт.*). Еще в прежние годы, 1927–1931 год, Балицкий отличался высокомерием, надменностью, карьеризмом и самобахвальством, ради чего он был склонен даже приврать в серьезных вопросах. Мы, окружавшие его, обычно делали поправку на его болтовню из бахвальства.

Расстался с Балицким в 1931 году и вновь встретился с ним в середине 1934 года, будучи командирован из Москвы на должность начальника Главмилиции.

В окружении Балицкого я застал ряд группировок, сложившихся на антипартийной, беспринципной почве. Здесь сказалось растленное влияние Балицкого на ближайших сотрудников.

Его излюбленным методом было натравливание одного отработника на другого и создание таких условий, при которых тот или иной работник, будучи скомпрометированным перед Балицким, становился от него в полную зависимость и должен был беспрекословно выполнять его волю. На разложение верхушки повлияли также и создание Балицким условий быта.

Балицкий в тратах на себя, и особенно, его жена, не знали никаких границ. Админхозуправление существовало в первую очередь для обслуживания Балицкого и жены, а затем уже, между прочим, для обслуживаний нужд Наркомата.

Попав в этот омут, я также начал жить такой жизнью. Образовалась группировка Бачинский, Рубинштейн, Циклис, Шаров. В борьбе за влияние на Балицкого, что он всяческими путями разжигал, я участвовал в ряде интриг, направленных против того или другого работника.

---

[1] Золотарев В. А., Стёпкин В. П. ЧК-ГПУ-НКВД в Донбассе: Люди и документы 1919–1941. Донецк: Апекс, 2010. С. 400–402.

[2] Скотніков С. Кримінальна справа за № 50045 // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1994. № 1. С. 94.

В результате такого руководства Балицкого аппарат особоуполномоченного, точнее сам Рубинштейн, использовался для всяких интриг и махинаций. Надо было кого-нибудь скомпрометировать – это можно сделать через Рубинштейна, добыть те или иные материалы – также через него. Если нужно убрать из аппарата неугодного сотрудника – Балицкий вызывает Рубинштейна и тот уже обязательно найдет материал. Таким образом, особоуполномоченный из аппарата, призванного содействовать вычищению органов НКВД, превратился в аппарат Балицкого по разным интригам и комбинациям. Я также в этом повинен, так как по ряду дел в этом направлении вместе с Рубинштейном выполнял волю Балицкого.

Наличие беспринципных группировок, бытовое разложение Балицкого и нас, его окружавших, создали обстановку, при которой начали формироваться антипартийные разговоры, которые перерастали в контрреволюционные. И в Наркомате, и в клубе, и на даче и везде Балицкий – центр внимания, а мы, его приспешники, аплодируем каждому его слову»[1].

Писал Николай Бачинский и о том, что, по мнению Всеволода Балицкого, тот достоин более высокой должности, что «работа в качестве наркома внутренних дел не удовлетворяет, что он ее перерос, что ему нужен больший масштаб, что он должен стать секретарем ЦК КП(б)У и т. п.

Рассказывая неоднократно о заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б), на которых он иногда присутствовал, присутствующим он говорил, что там особенно бросается в глаза, какие члены Политбюро маленькие люди, что там ощущается только воля Сталина, что члены Политбюро – люди без своей мысли»[2].

Видимо, Н. С. Бачинский представлял особый интерес для следствия и поэтому был доставлен в Москву. В его деле есть только один протокол допроса, датированный 17–20 сентября 1937 г. и подписанный помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитаном госбезопасности М. А. Листенгуртом и оперуполномоченным этого же отдела лейтенантом госбезопасности Я. А. Кривошеевым. На допросе директор милиции признал себя виновным в том, что весной 1936 г. был завербован Балицким, втянут в антисоветский заговор, существовавший в РККА и НКВД. Балицкий сообщил Бачинскому, что украинскую организацию заговорщиков якобы возглавлял секретарь ЦК КП(б)У Н. Н. Попов, а участниками заговора являлись чекисты З. Б. Кацнельсон, М. К. Александровский и С. М. Циклис[3].

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Т. 1. Л. 28.

[2] Там же. Л. 29–31.

[3] Там же. Л. 37–47.

1 августа 1937 г. в комнате № 111 московской гостиницы «Москва» был арестован отозванный в распоряжение НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга В. Т. Иванов. Только спустя полтора месяца после ареста он написал заявление на имя Н. И. Ежова, где сознался, что, будучи ослепленным авторитетом В. А. Балицкого, дал последнему согласие на участие в контрреволюционной организации, во главе которой, кроме самого Балицкого, был И. Э. Якир и некоторые другие члены Политбюро ЦК ВКП(б). Фамилии последних Иванов не назвал, видимо оставляя следователям простор для творчества.

На допросе 26 октября 1937 г., который проводили начальник 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР старший майор госбезопасности А. К. Залпетер и помощник начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности М. М. Подольский, Иванов подтвердил эти заявления. Следователи утверждали, что Балицкий в своих показаниях называет антисоветскую организацию военно-фашистским заговором. Иванов заявил, что эти слова своего бывшего шефа неточны, так как руководящая группа заговорщиков организовывала внутри партии недовольство с целью смены руководства партии и изменения ее политики. По указанию Балицкого чекисты-заговорщики якобы саботировали борьбу с контрреволюцией на Украине, активно внедряли в работу НКВД УССР вредительскую директиву Г. Г. Ягоды, запрещавшую допрашивать арестованных позже двенадцати и часа ночи. Во второй половине 1936 г. была получена письменная директива наркомвнудела Украины, запрещающая арестовывать троцкистов и правых на основе одного протокола допроса[1].

7 августа 1937 г. был арестован бывший начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР П. М. Рахлис. Держался он долго и «раскололся» лишь в... День чекиста. В его деле только один протокол допроса от 20 декабря 1937 г., в котором он свидетельствует, что в начале 1936 г. Балицкий сообщил ему о том, что в Украине существует антисоветский заговор в Красной Армии и НКВД, к нему примыкают правая троцкистская и националистически-фашистская организация. Руководят заговором И. Э. Якир, Н. Н. Попов и А. П. Любченко. «Вредительство» самого Рахлиса заключалось в свертывании борьбы с троцкистами, предотвращении арестов руководителей, в утаивании компромата на участников заговора. По заданию Балицкого он не фиксировал в протоколах допросов арестованных троцкистов компромат на М. К. Александровского, С. С. Мазо, начальника

[1] Золотарьов В. А. Комісар держбезпеки 3-го рангу: сторінки біографії Василя Іванова // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 1999. № 1/2. С. 380–381.

Транспортного отдела УГБ Управления НКВД Киевской области И. Я. Казбек-Каплана[1].

По нашему мнению, Балицкий действительно мог приказать не фиксировать в протоколах всех фамилий, которые называют арестованные. Однако мотивы были другими: он просто хорошо знал цену их признаний и к чему это может привести.

9 августа 1937 г. начальник 1-го отделения 2-го отдела УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности М. А. Елинский-Мироненко в Киеве арестовал заместителя начальника УПВО НКВД УССР комбрига П. В. Семенова в его квартире № 4 по улице Михайличенко[2]. 17 августа, после соответствующей «обработки» начальником отделения 3-го отдела УГБ НКВД УССР М. Я. Детинко, Семенов напишет заявление И. М. Леплевскому, в котором признает, что был завербован Балицким в июне–июле 1937 г. При этом даст убийственные характеристики своим бывшим приятелям: «Кацнельсон – Зина – хам, картежник и законченный циник, пьяница...

Письменный – Яша – развратник – самодур...

Рубинштейн – развратник, циник, человек, который никогда ничего не делал полезного... Балицкий и Кацнельсон иначе как Наумчик его не называли. Советник Балицкого по всяким вопросам “с заднего хода”. Особенно если кого-то нужно кого-то оклеветать или опорочить...

Наиболее колоритным с точки зрения морального разложения и активного участия в грязных контрреволюционных делах был Бачинский. Прирожденный подхалим-энтузиаст, лодырь – бездельник, живущий на широкую ногу и не по средствам. Играл роль сводника при Балицком, идеолог и организатор всяких выпивок и развлечений в Валках. Подхалимство Бачинского и заискивание перед Балицким доходило до потери человеческого облика»[3].

Со всеми упомянутыми лицами сам П. В. Семенов много лет общался в тесном кругу. Однако при этом, наверное, себя он считал «другим» человеком, честным партийцем и заслуженным революционером, отрицал свое участие в кутежах наркома[4]. Однако многочисленные свидетельства чекистов говорят совсем о другом.

Забегая вперед, отметим, что Балицкий в конце концов Семенова «не сдал» и фамилии его среди контрреволюционеров-заговорщиков

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 263. Оп. 1. Д. 33032. Т. 24. Л. 9–10.

[2] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 39116 ФП. Л. 2.

[3] Там же. Л. 15–16об.

[4] Там же. Л. 17.

не назвал. Однако Семенов обвинял своего бывшего шефа в чем только мог: «Балицкий систематически, но довольно тонко вел линию на дискредитацию Сталина, на дискредитацию членов Политбюро ЦК ВКП(б). За показными официальными фразами он настойчиво прививал отрицательное отношение к членам Политбюро, в ряде случаев проявлял свое озлобленное отношение к руководителям партии и правительства.

Особенно усиленно Балицкий культивировал среди своего окружения сознание того, что руководство партии его, Балицкого, незаслуженно затирает и не дает ему занять то положение в стране, которое он должен занимать. Все эти проявления Балицкий сводил к одному, что в стране неблагополучно, что трудности не суживаются, и что необходимы изменения в обстановке»[1].

Проводя чистку НКВД УССР, И. М. Леплевский прекрасно понимал, что при желании достаточный для ареста компромат можно взять на любого сотрудника, да и сам чувствовал себя не совсем уверенно: 29 июля 1937 г., спустя всего неделю после награждения орденом Знак Почета, был арестован заместитель начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР майор госбезопасности В. П. Карелин, весьма близкий к Леплевскому человек, работавший у него в Минске начальником Особого отдела УГБ НКВД БССР. Вначале его обвиняли в том, что передавал данные о ходе расследования по делу военно-фашистского заговора в РККА и о предполагавшихся арестах участников заговора. Позднее ему инкриминировалась работа на немецкую разведку и участие в антисоветской правотроцкистской террористической и диверсионно-вредительской организации, действующей в НКВД БССР[2].

Поэтому новый шеф НКВД УССР сознательно регулировал круг репрессируемых. Е. Ф. Кривец, которого тот спас от расправы, позже свидетельствовал: нарком «рассказал мне, что когда им были проведены аресты в Киеве, то ряд бывших работников НКВД УССР он неоднократно лично к себе вызывал на допрос, в процессе допроса спрашивал о разных лицах и в том числе обо мне. И вот, говорит Леплевский, Рубинштейн и Соколов (речь идет о Соколове-Шостаке. – *Прим. авт.*) заявили ему о моей причастности к заговорщической организации. «Я к вам хорошо отношусь, а потому по личным и политическим соображениям не хотел вашего провала и гибели и повернул дело так, что тут же назвал их подлецами, намеревавшимися оклеветать честного человека. Соколова даже сам

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 39116 ФП. Л. 30–31.

[2] Там же. Ф. 6. Д. 47838 ФП. Л. 315–316.

ударил по физиономии, оба они, кажется, сейчас же взяли свои слова обратно, так что вы это учтите»[1].

А вот на начальника Управления НКВД по Киевской области старшего майора госбезопасности Н. Д. Шарова Леплевский показания брать разрешил. Но несмотря на компромат[2], Шаров не потерял доверия Ежова, продолжал работать в столице УССР и даже был награжден орденом Красной Звезды.

Отделался легким испугом и начальник Управления НКВД по Винницкой области старший майор госбезопасности М. М. Тимофеев, на которого поступало немало сигналов. Причем за него вступился сам Н. И. Ежов, заявивший начальнику ГУЛАГ НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга М. Д. Берману: «Тимофеев парень работящий, хотя, говорят, на Украине он “замаран” в каких-то делах Балицкого. Но в лагерях его можно использовать»[3].

Когда анализируешь достаточно откровенные показания арестованных бывших подчиненных В. А. Балицкого, возникает резонный вопрос: что это на самом деле – клевета, месть, целенаправленная ложь или все-таки констатация действительных фактов? По нашему мнению, тут перемешалось все. Например, зададимся вопросом: а был ли Балицкий удовлетворен своим положением – должностью вечного руководителя провинциальной ЧК? Понятно, что нет. Его работа и оперативные способности заслуживали большего. Могла в его сердце накапливаться обида на руководство? Почему бы и нет? Или вспомним его слова о том, что в стране не все обстоит благополучно. Разве это – неправда? Мог ли сказать что-то другое в «ближнем кругу» человек, который, как никто, знал реальное положение в стране? Сказать, заметим, людям, которые в силу специфики своей деятельности также знали очень много.

Обвинение в разврате было козырной картой во внутриполитической борьбе. И эта карта вынималась руководством в случае необходимости уничтожить очередного партийного или советского функционера. Современные историки любят упоминать о том, что во время ареста Генриха Ягоды у него изъяли 3904 порнографических фотографии, 165 курительных трубок и мундштуков порнографического содержания, 11 порнографических фильмов[4]. Николая Ежова во

---

[1] Україна в добу «великого терору»: 1936–1937 роки / авт.-упоряд. Ю. Шаповал та ін. С. 387.

[2] ОГА СБУ. Чернигов. Д. 17740 ФП. Т. 2. Л. 82–85.

[3] Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941. С. 121.

[4] См.: Ильинский М. М. Нарком Ягода. М.: Вече, 2002. С. 13–17.

время следствия официально обвиняли в мужеложстве[1]. Об амурных приключениях Лаврентия Берии также известно всем.

Обвинялись в аморальном поведении и многие другие чекисты. Например, соратник Ф. Э. Дзержинского, любимый герой историков ВЧК, член ВКП(б) с 1900 г., начальник 9-го (специального) отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Г. И. Бокий[2] еще в 1920-х гг. организовал в Кучино «Дачную коммуну», где ее члены регулярно занимались попойками и групповым сексом[3].

Таким образом, случай с В. А. Балицким, которого, кстати, рядовые чекисты называли за глаза барином[4], совсем не был чем-то исключительным. Он просто лишний раз подчеркивает, что еще надлежит провести значительную работу по развенчанию многих мифов о коммунистических партийных работниках и государственных деятелях, увидеть их без политической «ретуши» такими, какими они на самом деле были. Надлежит также еще многое прояснить и в их судьбах, как и в судьбе героя нашего рассказа.

Нуждаются в дальнейшем изучении и обстоятельства, при которых был репрессирован Всеволод Балиций. Публицист Аркадий Ваксберг пишет, что Балицкий был арестован комиссаром госбезопасности 3-го ранга Г. С. Люшковым[5]. В поддержку этой версии говорят слова самого Люшкова, после своего бегства к японцам в июне 1938 г. заявившего, что приблизительно тогда, когда он был награжден орденом Ленина (2 июля 1937 г.), его (еще тогда начальника Управления НКВД по Азовско-Черноморскому краю) вызвали в Кремль. Здесь И. В. Сталин, Н. И. Ежов, В. М. Молотов и К. Е. Ворошилов назначили Люшкова начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю и поручили «очистить» вверенный ему регион от шпионов, саботажников и скрытых врагов. В личном разговоре Сталин поставил перед ним три задачи: арестовать В. А. Балицкого, ликвидировать арестованного комкора А. Я. Лапина и следить за маршалом В. К. Блюхером[6].

Можно ли верить этим словам Генриха Люшкова? Бывший сотрудник Управления КГБ по Хабаровскому краю С. Николаев, специально занимавшийся вопросами репрессий среди дальневосточных

---

[1] Брюханов Б. Б., Шошков Э. Н. Оправданию не подлежит. Ежов и ежовщина. 1936–1938 гг. СПб., 1998. С. 137.

[2] См.: Алексеева Т., Матвеев Н. Доверено защищать революцию: (О Г. И. Бокие). М.: Политиздат, 1987.

[3] Бобренев В. А., Рязанцев В. Б. Палачи и жертвы. М.: Воениздат, 1993. С. 364–366.

[4] Зинько Ф. З. Кое-что из истории Одесской ЧК. Одесса, 1998. С. 112.

[5] Ваксберг А. И. Нераскрытые тайны. М.: Новости, 1993. С. 132.

[6] Стефан Д. Тайна ночного побега // Тихоокеанская звезда. 1990. 23 февраля.

чекистов, считает, что нет. И приводит такие аргументы: «Мы не имеем никаких материалов о преследовании маршала. Что же о заданиях, которые касаются В. А. Балицкого и А. Я. Лапина, можно сказать, что Сталин таких задач Люшкову не мог дать по очень простой причине: в конце июня 1937 года, меньше чем через двадцать дней после своего назначения начальником Управления НКВД по Дальневосточному краю, В. А. Балицкий был отозван из Хабаровска и на момент назначения Люшкова находился уже в Москве. Там же был и А. Я. Лапин, а специалисты по ведению "следствия" уже беспощадно выбивали из него признание»[1].

Существуют две официальные даты ареста Всеволода Балицкого. Первую, 7 июля 1937 г., приводил в «Справке по архивно-следственному делу № 612517 по обвинению Балицкого В. А» от 26 апреля 1956 г. военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры СССР полковник юстиции Корюкин[2]. Вторую, 12 июля 1937 г., указывает в «Выводе по материалам дополнительной проверки по архивно-следственному делу № 612517 по обвинению Балицкого В. А.» от 24 июня 1958 г. следователь 1-го отдела Следственного управления КГБ СССР капитан Гришин[3].

Факты говорят все-таки о том, что Балицкий был арестован не позднее 7 июля по ордеру № 15 (без даты), подписанному Н. И. Ежовым. Немного удивляет тот факт, что между решением Пленума ЦК ВКП(б) об аресте Балицкого (25 июня) и самим арестом прошло довольно много времени. Однако обыск в служебном вагоне был проведен именно 7 июля[4]. Пока что неизвестно, на какой станции или в каком городе СССР был арестован В. А. Балицкий. Нет также сведений, когда его привезли в Москву. Но есть основания утверждать, что случилось это не позднее 14 июля 1937 г. Именно в этот день

---

[1] Николаев С. Выстрелы в спину // Дальний Восток. 1991. № 3. С. 136. Вместе с тем следует отметить, что Генрих Люшков довольно основательно «почистил» дальневосточных чекистов, среди которых были и его бывшие сослуживцы по ГПУ УССР. Первым 8 августа в своем служебном кабинете был арестован С. И. Западный (Кессельман). Судя по всему, его падению во многом способствовал родной брат А. А. Арнольдов (Кессельман). Западному вменялось в вину, что он, будучи завербованным в 1930 г. в правотроцкистскую организацию Я. Б. Гамарником, проводил антисоветскую работу в органах НКВД Дальневосточного края. Являлся одним из руководителей правотроцкистского заговора в Управлении НКВД края и непосредственно проводил шпионско-диверсионную работу против партии и ее руководства, готовил свержение советского государственного строя и реставрацию капитализма. Занимался вербовкой в организацию единомышленников. (См.: Золотарьов В. А. ЧК-ДПУ-НКВС на Харківщині: люди та долі. 1919–1941. С. 65–66.)

[2] ОГА СБУ. Харьков. Д. 106796. Л. 32.

[3] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 308.

[4] ОГА СБУ. Харьков. Д. 106796. Л. 32.

Балицкий подал заявление на имя наркома внутренних дел СССР, где, как он писал позднее, «пытался представить себя как человека, который лишь объективно виноват в том, что невольно способствовал антисоветской деятельности врагов народа»[1].

17 июля Всеволод Балицкий пишет новое заявление Николаю Ежову, в котором полностью отказывается от предыдущего послания, поскольку «гнусно обманул Вас... После долгого раздумья я пришел к выводу, что все равно я буду неизбежно разоблачен следствием, а поэтому я решил рассказать, как я самым гнусным образом обманывал партию и правительство, доверивших мне крупный государственный пост. Преступления мои перед страной огромны, я после многолетней честной работы очутился в стане самых худших врагов партии и народа»[2].

Далее в заявлении признается, что является участником антисоветского троцкистско-фашистского военного заговора, руководимого Я. Б. Гамарником и его помощником М. Н. Тухачевским, в который был «вовлечен Якиром после известной обработки в конце 1935 года»[3]. Кроме того, он, Балицкий, являлся членом «украинского центра» военного заговора вместе с И. Э. Якиром, Н. Н. Поповым, И. С. Шелехесом, Е. И. Вегером и Н. Н. Демченко. Основными целями заговорщиков было «свержение центрального руководства партией и страной вооруженным путем» или подготовка поражения Советского Союза в возможной войне с Германией, Польшей или Японией. Балицкий писал, что «работа руководимого мною Народного Комиссариата Внутренних дел УССР в своих главных оперативных направлениях была также поставленная на службу этим задачам заговора»[4].

Участниками заговора среди военных он назвал: начальника штаба КВО комдива В. П. Бутырского, заместителя командующего войсками ХВО комкора С. А. Туровского, начальника политуправления КВО армейского комиссара 2-го ранга М. П. Амелина и его бывшего заместителя Н. О. Орлова (перед арестом – начальник политуправления Приволжского ВО), командира 7-го кавалерийского корпуса комдива П. П. Григорьева, командира 1-го кавалерийского корпуса комдива М. А. Демичева, командира и военного комиссара 17-го стрелкового корпуса комдива В. Э. Гермониуса, командира

---

[1] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. М.: МФД, 2004. С. 257.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 258.

и военного комиссара 25-й Чапаевской стрелковой дивизии комбрига М. О. Зюка, командира и военного комиссара Летичевского укрепленного района Ю. В. Саблина.

Участниками заговора среди сотрудников своего бывшего наркомата, по утверждению Балицкого, были В. Т. Иванов, Н. С. Бачинский, С. С. Мазо, А. Б. Розанов, М. К. Александровский, Я. В. Письменный. Он также поручил Бачинскому завербовать Шарова, но выполнил ли начальник украинской милиции это задание, не знает. Заявление заканчивалось словами: «Я, несомненно, не вспомнил, а потому и не назвал всех известных мне участников заговора. На следствии я приложу все старания к тому, чтобы с максимальной полнотой вскрыть всю нашу преступную деятельность и всех заговорщиков»[1]. 21 июля М. П. Фриновский направил это заявление И. В. Сталину, который ознакомившись с документом, оставил на его первом листе надпись «Обсудить с Ежовым»[2].

В следственном деле В. А. Балицкого хранятся напечатанные на машинке протоколы его допросов, датированные 26 июля, 17 и 28 августа, 14 и 27 ноября 1937 г. Это ни в коем случае не означает, что допросы проходили лишь в эти дни. Допрашивали его второй заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар госбезопасности 2-го ранга Л. Н. Бельский, начальник 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР комиссар госбезопасности 3-го ранга Н. Г. Николаев-Журид и помощник начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР капитан госбезопасности М. А. Листенгурт[3]. Все трое незадолго до того стали, как принято было в те времена говорить, «орденоносцами» (у Бельского и Николаева – ордена Ленина, у Листенгурта – Красной Звезды). Ордена они получили за ликвидацию «военно-фашистского заговора»[4].

Применяли ли к Балицкому методы физического воздействия? Сомневаться в этом не приходится. Во время своих поездок по стране Лев Николаевич Бельский (он же Абрам Михайлович Левин) призывал подчиненных не церемониться с арестованными. Так, в августе 1937 г. в Киеве, по словам тогдашнего начальника отделения 5-го отдела УГБ НКВД УССР младшего лейтенанта госбезопасности А. Р. Долгушева, «Бельский всем дал ясную установку на оперативном совещании работников наркомата: “Шпик или участник организации, все равно он будет расстрелян. Так, чтобы взять от него, – дай-

---

[1] Там же. С. 258.

[2] Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. С. 257.

[3] ОГА СБУ. Харьков. Д. 106796. Л. 33.

[4] Правда. 1937. 23 июня.

те ему в морду". Все с одобрением отнеслись к этому»[1]. В Сталино, по словам местных чекистов, второй заместитель наркома внутренних дел СССР тоже «давал установки избивать арестованных»[2].

В правдивости таких свидетельств нет сомнения, ведь М. П. Фриновский характеризовал Н. Г. Николаева-Журида и М. А. Листенгурта как «следователей-колольщиков», которые «бесконтрольно применяли избиение арестованных, в кратчайший срок достигали "показаний" и умели грамотно, цветисто составлять протоколы»[3]. А ближайший помощник Н. И. Ежова старший майор госбезопасности И. И. Шапиро утверждал, что «Николаев и его группа были для Ежова самыми надежными, и в то самое время, самыми беспринципными, готовыми на все. Они не стыдились никаких средств, шли на прямую фальсификацию дел и свидетельств»[4].

Позднее Ежов, правда, характеризовал Николая Галактионовича Николаева-Журида как «продажную шкуру, которую нужно покупать»[5]. И покупал. По словам бывшего начальника Административно-хозяйственного управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности С. Б. Жуковского, Николаев-Журид часто требовал у него «то лучшую дачу, то помещения жены в особо хороший санаторий, то предоставления лучшей машины»[6]

О том, как оформлялись протоколы в 5-м отделе ГУГБ НКВД СССР, рассказал позднее Ф. П. Малышев, возглавлявший в 1937–1938 гг. 7-е отделение этого подразделения: «Тогда был порядок, при котором записи от руки не велись, а все вопросы и ответы писались на заметки, на основании которых составлялся протокол, а заметки уничтожались. Составленный таким образом протокол давался на корректировку начальнику... Николаеву... или Листенгурту, и после корректировки отпечатывался на машинке и давался на подпись арестованному»[7]. М. А. Листенгурт отличался своим умением красочно составлять протоколы, умело выстраивая цепочку взаимных

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 16. Оп. 31. Д. 95. Л. 205–206.

[2] ОГА СБУ. Луганск. Д. 6737-р. Л. 42.

[3] О масштабах репрессий в Красной Армии в предвоенные годы // Военно-Исторический журнал. 1993. № 5. С. 61–62.

[4] Рыбчинский А. Командарм Белов // Расправа. Прокурорские судьбы. М.: Юридическая литература, 1990. С. 185.

[5] Наумов В., Краюшкин А. Последнее слово Ежова // Московские новости. 1994. № 5.

[6] Жуковский В. С. Лубянская империя НКВД. 1937–1939. М.: Вече, 2001. С. 232.

[7] Черушев Н. С. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных (1918–1953). М.: Вече, 2004. С. 312.

связей между арестованным и его мнимыми сообщниками и используя при этом метафоры и образные выражения[1].

Михаил Александрович (Аронович) Листенгурт был основным следователем по делу Всеволода Балицкого и являл собой яркий образец чекиста, сделавшего блестящую карьеру во времена ежовщины[2]. О методах работы Листенгурта поведал бывший нарком внутренних дел УССР Александр Иванович Успенский, у которого тот в феврале–апреле 1938 г. возглавлял 5-й отдел УГБ НКВД УССР: «Листенгурт путем фальсификации следствия по неосновательно арестованным командирам еще больше расширил арест. На Украину Ежов повез с собой бригаду в составе Листенгурта и других работников (речь идет о приезде наркомвнудела СССР в феврале 1938 г. в Киев. – *Прим. авт.*). В Киеве каждый из этой бригады занимался тем, что подбирал и фальсифицировал материалы для арестов и да-

---

[1] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 200.

[2] Он родился 16 октября 1903 г. в Одессе в семье служащего маслобойного завода. В 1905 г. семья, спасаясь от еврейских погромов, бежала в Австро-Венгрию, некоторое время жила во Львове, но затем вернулась в Одессу. Вскоре после смерти отца в 1914 г. бросил 3-х классную частную школу Я. З. Калинера и пошел работать письмоводителем-мальчиком у частного присяжного поверенного в адвокатской конторе. Был учеником зубного врача и письмоводителем в Вознесенском уездном продовольственном комитете, чернорабочим в пекарне, работал в редакции газеты «Южный край». С осени 1920 г. трудился рядовым переписчиком в продовольственном транспорте 51-й стрелковой дивизии. Демобилизовавшись в мае 1921 г., уехал в Харьков, где его на год старший родной брат Рафаил работал секретарем у начальника СОУ ВУЧК Е. Г. Евдокимова. Через месяц Михаил стал сексотом Киевской губернской ЧК, а с августа 1921 г. уже работал делопроизводителем ВУЧК. Вскоре вместе с командой Е. Г. Евдокимова перебрался в Киев. Там полгода проработал секретарем контрразведывательного отдела полпредства ГПУ по Правобережной Украине, возглавляемого Н. Г. Николаевым-Журидом. В 1923 г. вместе с Е. Г. Евдокимовым и Н. Г. Николаевым-Журидом выехал в Ростов-на-Дону. На Северном Кавказе работал до августа 1936 г., дослужился до старшего лейтенанта госбезопасности, помощника начальника Особого отдела УГБ Управления НКВД по Азовско-Черноморскому краю. Был награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ (XV), оружием от Коллегии ОГПУ СССР, серебряными часами от Коллегии ОГПУ СССР и Северо-Кавказского крайисполкома. С 31 августа 1936 г. М. А. Листенгурт возглавлял отделение Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СРСР, где уже в марте 1937 г. досрочно заработал звание капитана госбезопасности. 22 июня 1937 г. назначен помощником начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Это произошло через несколько дней после того, как отдел вместо И. М. Леплевского возглавил Н. Г. Николаев-Журид. 22 июня 1937 г. был награжден орденом Красной Звезды, а 22 февраля 1938 г. – орденом Знак Почета. 21 сентября 1937 г. ему присвоено звание майора госбезопасности. Награды и звания давались атлетически сложенному Листенгурту дорогой ценой. Уже в 1930 г. в его индивидуальной санитарной карте отмечалось: «пьет мало, курит много... плохое состояние нервной системы, раздражителен, плачет». (Личный архив авторов. Санитарная часть ПП ОГПУ СКК. Индивидуальная санитарная карта № 195 от 07. 05. 1931 г. Индивидуальная санитарная карта № 112 от 27. 01. 1930.)

вал их на санкцию Ежову, который в пьяном виде, не читая материалов, санкционировал аресты. Особенно отличался в этом отношении Листенгурт. Приносил Ежову громадные списки командиров и политработников, а беспробудно пьяный Ежов подписывал их, не зная даже на сколько человек он дает санкцию»[1].

Старший майор госбезопасности А. И. Радзивиловский, работавший в феврале–марте 1938 г. заместителем наркома внутренних дел УССР, свидетельствовал: «Наблюдая работу Успенского и Листенгурта, я вскоре убедился в том, что... в частях РККА они создали такую обстановку в ходе следствия, что поставили под удар значительное число честных командиров Красной Армии. Листенгурт с ведома и по прямым указаниям Успенского создал систему поголовных массовых избиений арестованных, вымогая этим путем желательных для них показаний. Истязания арестованных приняли такой поощрительный характер, что в аппарате НКВД Украины имели место даже несколько смертных случаев в результате подобных «методов следствия»[2].

Сам же Михаил Листенгурт позднее был вынужден признать, что «в соответствии с указаниями Успенского в Особом отделе НКВД Украины была введена такая система избиений арестованных, которая приводила к тому, что наряду с действительными заговорщиками, вследствие избиений арестованные называли и невиновных, честных командиров. Арестовывали невиновных командиров, брали от них показания путем выколачивания и расстреливали людей невиновных, оговоренных»[3].

Для «подкрепления» показаний Н. И. Ежов приказал Н. Г. Николаеву-Журиду подготовить новые доказательства преступной деятельности Всеволода Балицкого. В августе 1937 г. арестованный командующий войсками Харьковского военного округа командарм 2-го ранга И. Н. Дубовой на допросе назвал В. А. Балицкого одним из руководителей националистической организации в Украине. Одновременно оклеветал он и А. Б. Розанова с С. С. Мазо. Сломленный морально и физически, Всеволод Балицкий тогда же дал новые собственноручные показания[4].

На следствии Балицкого обвинили в том, что он, будучи одним из руководителей «антисоветского военно-фашистского заговора»,

---

[1] Цит. по: Золотарьов В. А. Олександр Успенський. Особа, час, оточення. Харків: Фоліо, 2004. С. 111.

[2] Там же. С. 123–124.

[3] Там же. С. 124.

[4] Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 233–234.

готовил вместе с другими участниками этого заговора вооруженное восстание с целью свержения Советской власти и реставрации капитализма[1]. Балицкий, как записано в протоколе, себя виновным признал и свидетельствовал, что был завербован в конце 1935 г. в «антисоветский военный заговор» Якиром. Последний ввел его в состав «Украинского центра», состоявшего из третьего секретаря ЦК КП(б)У Н. Н. Попова, первого заместителя Совнаркома УССР И. С. Шелехеса, первого секретаря Одесского обкома КП(б)У Е. И. Вегера и наркома зерновых и животноводческих совхозов СССР Н. Н. Демченко.

«Центр» вместе с руководителями украинской антисоветской организации – Председателем Совнаркома УССР А. П. Любченко, председателем Винницкого облисполкома А. Л. Трилиским, начальником Управления искусств при Совнаркоме УССР А. А. Хвылей и другими – якобы готовил вооруженное восстание для отторжения Украины от СССР и реставрации в ней капитализма. Чтобы добиться этого, Балицкий и Якир разрабатывали план восстания в Киеве и на периферии. С этой целью «Украинский центр» через И. С. Шелехеса установил связь с польским консульством в Киеве[2].

На допросе 26 июля 1937 г. В. А. Балицкий еще раз подтвердил, что завербовал в антисоветскую организацию своих подчиненных М. К. Александровского, Н. С. Бачинского, В. Т. Иванова, С. С. Мазо, Я. В. Письменного и А. Б. Розанова. Вместе с ними он и проводил вредительскую работу в органах НКВД УССР, направленную на сохранение троцкистских кадров и перекладывание вины на арестованных троцкистов[3].

Так, например, относительно Николая Бачинского в протоколе допроса Балицкого, в частности, можно прочитать: «Знаю его по работе в ЧК-ГПУ на Украине очень давно. Я все время его выдвигал вплоть до должности моего заместителя по милиции. Он был мне очень предан. С Бачинским я был совершенно откровенен, делился с ним антисоветскими взглядами больше, чем с кем бы то не было другим. Он всецело разделял мои взгляды и сам был резко антисоветски настроен. Бачинский, как и я, обвинял центральное и украинское руководство в перегибах во время коллективизации, в массовых репрессиях и т. д. Он считал, что сталинское руководство не способно обеспечить оборону страны, и сопоставляя наши силы с силами капиталистических государств, утверждал, что поражение СССР

---

[1] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 308.

[2] Там же. Л. 308–309.

[3] Там же. Л. 308–311.

в предстоящей войне не вызывает никакого сомнения. Когда я сказал Бачинскому о том, что я являюсь участником антисоветского заговора, и сделал ему предложение также войти в состав этого заговора, то убеждать его особенно мне не приходилось, так как он был целиком готов к этому. Вербовал я Бачинского в начале 1936 г. у себя в служебном кабинете. На протяжении 1936 года с Бачинским о заговоре я говорил больше, чем с другими завербованными мною.

Чекистам–участникам заговора мною была поставлена следующая задача. Каждому из них я поручил осторожно подготовить и завербовать небольшое количество людей у себя в аппарате. Причем я строго требовал вербовку проводить лишь после тщательной проверки исключительно надежных людей»[1]. На том же допросе, как записано в протоколе, Балицкий свидетельствовал, что во время вооруженного переворота в Киеве руководители заговора рассчитывали на поддержку 8-й мотобригады комдива Д. А. Шмидта и на 6-й кавалерийский полк НКВД.

На вопрос: «Почему вы заявляете, что этот полк поддержал бы вас в антисоветском выступлении?» – Балицкий ответил: «Я много лет лично осуществлял шефство над этим полком и пользовался среди командиров и красноармейцев большой популярностью. Командиром полка был чрезвычайно преданный мне человек полковник Кулеша, которого я думал завербовать перед самым вооруженным выступлением...

Кулеша мной завербован не был. В этом просто не было никакой необходимости, а преждевременная вербовка его создала бы определенную опасность. Я хорошо знал Кулешу и был убежден, что он сделает все, что я ему прикажу»[2]. И хотя начальник Оперативного отдела Управления пограничной и внутренней охраны НКВД УССР полковник Н. И. Кулеша не был назван участником заговора, последнего все равно арестовали, сделали заговорщиком и расстреляли.

В чем конкретно заключалась вина Балицкого, как он покрывал троцкистов, видно из стенограммы выступления С. В. Косиора 29 августа 1937 г. на Пленуме ЦК КП(б)У: «**Т. Косиор:** Теперь я должен еще остановиться на роли Балицкого во всем этом деле. Сейчас совершенно установлено показанием Балицкого и рядом других, что Балицкий входил в якировский контрреволюционный центр. Тоже его не назвали, оберегли. Сейчас он сам об этом сказал. В этом центре он был вместе с Якиром и Поповым. При чем это было очень давно, я

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 50045 ФП. Л. 198–199.

[2] ОГА СБУ. Харьков. Д. 106796. Л. 32.

точно не знаю, во всяком случае много лет Балицкий вел контрреволюционную, двурушническую политику, заправлял делами НКВД со своей, контрреволюционной точки зрения, не боролся, а выгораживал контрреволюцию. Он покрывал троцкистов, правых, националистов.

У нас во всех было такое впечатление, что Балицкий ужасно громит контрреволюцию, что это гроза контрреволюции. Он, знаете, троцкистов прямо таки уничтожал, правых, конечно, меньше. Националистов, как говорят, за версту чуял, не выносил, брал их в работу. А на самом деле ничего похожего не было. Шума было ужасно много. Из всякого мелочного дела создавал как можно больше шума.

С места: И речи говорил.

Косиор: Он это умел делать. И у себя, и на ЦК, и в Москве показать – много шума, а на деле он даже не думал громить. Потому что под словом громить подразумеваются известные совершенно определенные вещи. Это значит громить до конца, на развод даже ничего не оставлять. А он ограничивался несколькими десятками людей, которые были на поверхности, второстепенных людей, даже расстреливал кое-кого, но на самом деле сберегал, не выдавал ни троцкистов, ни правых.

Если сейчас посмотреть, кинуть ретроспективный взгляд на громкие, большие дела, которые были на Украине, то оказывается, что по этим делам проходила пара десятков людей. Возьмите вы любое громкое дело, вроде хотя бы дела УВО – военная повстанческая организация, а проходило по этому делу всего несколько десятков человек (это неточно, основными фигурантами дела было около 150 лиц. – *Прим. авт.*). А троцкистов еще меньше.

Мы знаем, например, Киев. Разоблачили, разгромили троцкистское гнездо – Дзениса, Ашрафяна и т. д. Установлено, что Балицкий прекрасно знал, что Ильин – троцкист, Сапов – троцкист, Потапенко – троцкист, словом, основное руководящее гнездо – троцкисты, а все другое – люди поменьше. Но он всех не выдал.

Он прекрасно знал Хатаевича. Все знал, что делается у Хатаевича. Знал, что он там насаждал, учреждал троцкистско-правую организацию у себя, все посты, но он берег его. Кое-кого он таскал, правда, оттуда. Даже неприятные вещи говорил Хатаевичу. При мне сколько раз ругал Хатаевича и либералом, и черт его знает какими словами. Как ругал и Якира.

С места: А Филипова не арестовал.

Косиор: Наоборот, всячески оберегал этих людей. Он знал о Демченко все, и о его окружении знал. Некоторые пустячки были, а за основное не брались и только тогда уже дело развернулось, когда нельзя было иначе совершить. Тогда пошло.

Или о Попове. Нужно сказать, что многие документы пропали. Но и в тех, которые получил Леплевский, был ряд показаний, данных в 1933, 1934, 1935 гг., причем показаний очень серьезных, касающихся Попова. Он вел широкую контрреволюционную работу, а никто никогда не слышал о Попове потому, что его тщательно прятали, изымали из протоколов, убирали оттуда.

Он также берег и националистов. Это я считаю безусловно установленным. Относительно целого ряда людей он, правда, поднимал шум. У него были известные "коньки", он делал вид "держите меня" и на Хвылю набрасывался и т. д.

Так он драку вел с националистами. Теперь это установлено по целому ряду вещей, мы раскапываем такие связи и агентуру у тов. Леплевского.

Любченко: Станислав Викентьевич, а вот на Любченко дело создал, ездил даже к Сталину и требовал ареста.

Косиор: Ездил, поскольку были документы. Так благоволите сказать, что и я ездил. Ареста не требовал, а докладывал.

Как все это фабриковалось, я еще объяснить не могу, у меня нет достаточных данных, но я думаю, что это объяснится в ближайшее время, целиком ясно от чего и почему это происходило. Я не говорю, что он с Любченко был связан. Может быть, он абсолютно не был с ним связан, у него могли быть всякого рода соображения, своя политика. Тоже политикан, как смеялся тов. Сталин на пленуме, говорят, что все хотели быть председателями Совнаркома, даже Ягода. Не исключено, что может быть и Балицкий хотел быть председателем Совнаркома после контрреволюционного переворота. Я только одну из догадок высказываю, это объяснится фактами. Сейчас только факт, что он был членом контрреволюционной организации и все покрывал»[1].

Главным объектом травли на августовском Пленуме ЦК КП(б)У стал председатель Совнаркома УССР Афанасий Петрович Любченко. 28 августа 1937 г. Н. И. Ежов направил И. В. Сталину заявление Балицкого с пометкой «важно». В заявлении подробно рассказывалось о «контрреволюционных связях» Любченко с И. Э. Якиром, вынашивавших планы отторжения Украины от СССР. Сообщалось также о том, что пожар в книгохранилище Академии наук УССР был организован специально для того, чтобы уничтожить документы по «боротьбистам» и таким образом «прикрыть» Любченко[2].

30 августа 1937 г. А. П. Любченко в перерыве между заседаниями Пленума ЦК КП(б)У приехал в свою киевскую квартиру на улице Ле-

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 535. Л. 55–60.

[2] См.: Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. С. 157.

нина, застрелил жену Марию Николаевну Крупенник и застрелился сам. Позже на допросе в 1938 г. старший лейтенант госбезопасности М. М. Герзон, возглавлявший в июле–ноябре 1937 г. 4-й отдел УГБ НКВД УССР, показал, что начальник 2-го отдела УГБ НКВД УССР старший лейтенант госбезопасности Д. И. Джирин «имел все время сигналы от своих сотрудников, которые вели наблюдение за Любченко, что он готов каждую минуту к самоубийству. Об этом докладывалось Леплевскому, но он умышленно ничего не предпринимал». Нарком объяснял подчиненным, что «Любченко занимал такое положение на Украине, что нам бы его не оставили для ведения следствия, а забрали бы в Москву»[1]. То есть была уже тогда, по горячим следам происшедшего, версия об умышленном доведении Любченко до самоубийства.

По нашему мнению, такая версия имеет право на существование, поскольку и Израиль Леплевский, и Станислав Косиор прекрасно понимали, что допрашивать главу правительства УССР им не дадут, а на Лубянке тот будет говорить все, что ему продиктуют. Значит, ситуация в Украине может выйти из-под контроля. Поэтому самоубийство бывшего «боротьбиста» было им на руку.

Комиссар госбезопасности 3-го ранга Александр Успенский, возглавлявший НКВД УССР в январе–ноябре 1938 г., на допросе заявил: «Следствие по делу Балицкого, арестованного по решению ЦК ВКП(б), когда он уже был на Дальнем Востоке было также поручено Листенгурту Михаилу. В следствии по этому делу была целиком укрыта вся заговорщическая группа Леплевского – быв[шего] заместителя Балицкого на Украине, а сам Леплевский был направлен на пост Наркомвнудела Украины. Листенгурт Михаил мне рассказывал, что Балицкий настойчиво требовал занесения в его показания Леплевского и связанных с ним людей, но Ежов это дело отверг»[2].

Обвинялся Балицкий и чисто в служебных проступках, точнее в своеобразном стиле руководства, о чем говорил Н. И. Ежов 17 февраля 1938 г., выступая перед руководящими сотрудниками НКВД УССР в Киеве: «Испокон веков сложилось так с украинским аппаратом, что это была своеобразная вотчина украинских наркомов, атамана. Все наркомы и в особенности ваш “почтенный” шпик – польско-немецкий Балицкий считал аппарат своей вотчиной, своим аппаратом, а людей в аппарате своими людьми, которым ни до кого нет никакого дела, ни до всего остального. Он считал, что он сам по себе власть.

Говорить об очень таких довольно неприятных анекдотах из быта украинского аппарата при Балицком, когда подхалимство и угодни-

---

[1] ОГА СБУ. Киев. Ф. 6. Д. 70117 ФП. Л. 95.

[2] Цит. по: Золотарьов В. А. Олександр Успенський:особа, час, оточення. С. 160.

чество доходило до таких размеров, которые даже трудно представить себе, если прочесть Щедрина нужно, два Щедрина для того, чтобы написать сочно, по-настоящему размеры подхалимства и угодничества перед Балицким, чтобы хоть немножко представить обстановку, в которой варился и воспитывался аппарат»[1].

О методах воспитания аппарата НКВД УССР рассказывал и А. И. Успенский: «Вызывает Балицкий к себе работника и говорит: “Ты же в прошлом сионист, у тебя же отец имел магазин, как ты попал в КП(б)У, как ты попал в НКВД?”. Он туда-сюда, а потом говорит “Не дай погибнуть!”. Ну, ладно, оставайся, но смотри, чтоб ты слушался... Все, что говорил ему Балицкий он делал»[2].

Конечно, к этим словам Ежова и Успенского можно было бы относиться с большим недоверием, если бы в личных делах сотрудников НКВД УССР мы не находили им многочисленных подтверждений. Возьмем, к примеру, старшего лейтенанта госбезопасности Семена Абрамовича Ольшанского. Постановлением Киевского губотдела ГПУ от 4 сентября 1922 г. он был лишен навсегда права работать в ГПУ из-за «преступного пользования бланками». Будучи начальником продуктовой кладовой Киевского губотдела ГПУ, постановлением ГПУ УССР от 25 ноября 1922 г. был уволен за недостачу продуктов. Работая помощником инспектора киевского уголовного розыска, осенью 1924 г. привлекался к уголовной ответственности. Фигурировал в списке сотрудников ГПУ УССР, навсегда лишенных права работать в органах госбезопасности[3]. И что же? В 1931–1936 гг. С. А. Ольшанский, которого сами сотрудники называли «жуликом», руководил отделом связи ГПУ-НКВД УССР, был награжден знаком почетного работника ВЧК-ГПУ, трижды оружием от Коллегии ГПУ УССР, золотыми часами от ЦИК УССР[4].

Еще один пример – капитан госбезопасности Яков Ефимович Флейшман, возглавлявший в 1936–1938 гг. особые отделы УГБ Управлений НКВД по Киевской и по Днепропетровской областям. В свое время он исключался из партии за пьянство, обвинялся в дискредитации власти и бандитизме, расхищении секретных денежных фондов, присвоении конфискованных котиковых шуб.[5] И таких примеров мы можем привести великое множество[6].

---

[1] Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. С. 329–330.

[2] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 544. Л. 475.

[3] ОГА СБУ. Харьков. Д. 957771. Л. 9.

[4] Там же. Л. 16об.

[5] ОГА СБУ. Днепр. Д. 4904. Л. 43.

[6] По словам бывшего сотрудника отдела кадров ГПУ УССР Г. Н. Шмушко, его коллеги, просматривая личные дела сотрудников, изымали компромат, а в некоторые

И. В. Сталин дважды санкционировал расстрел В. А. Балицкого. В «Списках лиц, подлежащих суду Военной Коллегии Верховного Суда СССР», или так называемых сталинских списках, фамилию последнего встречаем два раза. 1 ноября 1937 г. И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, Л. М. Каганович и А. А. Жданов рекомендовали осудить его по 1-й категории (т. е. приговорить к расстрелу) в списке «бывших членов и кандидатов ЦК». 13 ноября те же лица (за исключением Жданова) написали «За» на списке «бывших сотрудников НКВД».

Но расстреливать Балицкого не спешили – видимо, берегли как источник компромата. Лишь 27 ноября 1937 г. Балицкий был осужден в «особом порядке», т. е. комиссией НКВД СССР, Прокурора СССР и Председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР за участие в антисоветском заговоре был приговорен к смертной казни[1].

Отметим, что именно 27 ноября датирован последний протокол его допроса:

«Вопрос: Что Вам известно о причастности к антисоветскому заговору на Украине – работника НКВД УССР Гришина?

Ответ: Гришина я знаю давно. Считал его весьма преданным мне человеком. Он неоднократно мне лично подчеркивал. В своих расчетах в отношении людей, которых я намечал к вербовке в заговор, я имел в виду и Гришина. Однако, я его не вербовал и разговоров с ним о заговоре не имел. Об участии Гришина в заговоре я никогда ни от кого не слыхал, в том числе не слыхал и от заговорщиков из числа бывших работников НКВД УССР.

Знаю, что Гришин был очень близок к Александровскому, у которого он был заместителем в Запорожье.

Записано с моих слов верно, мною прочитано.

В. Балицкий.

Допросил: Пом. нач. 5 отдела ГУГБ НКВД СССР
Майор гос. Безопасности Листенгурт»[2].

вкладывали подписанные Н. Л. Рубинштейном справки такого содержания: «Спецпроверке не подлежит». Начальник отделения отдела кадров НКВД УССР Э. Н. Вяткин сообщал, что на некоторых чекистов по два–три раза получали компромат, а его в деле нет. Во время аттестации сотрудников НКВД УССР Н. Л. Рубинштейн отдал свое факсимиле и сказал: «Ставьте, пока выдержит» (ОГА СБУ. Киев. Ф. 5. Д. 67398. Т. 2. Л. 183). Начальник отдела кадров НКВД УССР в 1934–1936 гг. Я. В. Письменный откровенничал с сотрудниками: «К черту спецпроверку и безграмотную молодежь, нужно держать курс на старые кадры, которые при наличии компрометирующих материалов, более ценны, чем советские безграмотные олухи». (Там же. Л. 189.)

[1] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 308; О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 86.

[2] ОГА СБУ, Киев. Ф. 6. Д. 49732 ФП. Л. 89.

Тогдашний начальник Лефортовской тюрьмы капитан госбезопасности П. А. Зимин свидетельствовал: «Мне известно, что некоторых арестованных перед расстрелом пытали следователи»[1]. Скорее всего, такая судьба постигла и Всеволода Балицкого. Из протокола видно, что он не «топил всех подряд» и не дал компромата на арестованного бывшего начальника УНКВД Одесской области капитана госбезопасности Г. А. Клювгант-Гришина, хотя последний на самом деле относился к наркому внутренних дел УССР совсем не так, как тот считал. Бывший начальник политотдела 81-й авиабригады бригадный комиссар С. Б. Немировский на допросе, показал, что зимой 1937 г. заместитель начальника УНКВД Киевской области Клювгант-Гришин говорил ему, что в руководстве НКВД УССР Балицким создана атмосфера жёсткой замкнутости, отсутствия и игнорирования партийности. Балицкий "окружил себя определённой группой людей, всех и всё зажал и не даёт ходу молодым растущим чекистам". На вопрос Немировского, почему Клювгант-Гришин не поставит этот вопрос в партийном порядке, последний ответил, что при Балицком это невозможно, что если он попытается только это сделать, то «Балицкий загонит его "куда Макар телят не гонял"»[2].

По официальной версии, он был расстрелян именно 27 ноября 1937 г.[3]

В этот день вместе с В. А. Балицким казнили целую группу бывших членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранных на 17 съезде ВКП(б), – второй секретарь Калинского обкома ВКП(б) А. С. Калыгина, нарком коммунального хозяйства Н. П. Комаров, председатель Всесоюзного совета по делам коммунального хозяйства СССР Н. А. Кубяк, нарком легкой промышленности СССР И. С. Любимов, первый секретарь Ивановского обкома ВКП(б) И. П. Носов, председатель СНК СССР Д. Е. Сулимов[4]. Из 95 членов ЦК ВКП(б), избранных на XVII съезде ВКП(б) и погибших в 1937–1940 гг., так и не были реабилитированы трое: В. А. Балицкий, Н. И. Ежов и Г. Г. Ягода. Из 20 лиц, которым постановлением ЦИК и Совнаркома СССР в 1935–1936 гг. были присвоены высшие звания комиссаров государственной безопасности 1-го и 2-го рангов, ежовско-бериевскую «чистку» переживет лишь один – С. А. Гоглидзе: его расстреляют 23 декабря 1953 г. вместе с Л. П. Берией.

---

[1] Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. С. 133–134.

[2] ОГА СБУ, Киев. Ф. 6. Д. 49732 ФП. Л. 41.

[3] О судьбе членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), избранного XVII съездом партии // Известия ЦК КПСС. 1989. № 12. С. 86.

[4] Там же. С. 86.

13 июля 1937 г. Политбюро ЦК КП(б)У утвердило постановление Киевского обкома КП(б)У о снятии со стадиона «Динамо» имени Балицкого и присвоении ему имени Н. И. Ежова[1]. А еще через одиннадцать дней «удовлетворили просьбу» парторганизации Киевской школы повышения квалификации начсостава рабоче-крестьянской милиции о снятии с этой школы имени Балицкого[2], которое она носила с 7 января 1929 г.

28 июля 1937 г. были упразднены постановления Президиума ЦИК УССР: от 2 февраля 1936 г. о переименовании села Ладан Прилукского района Черниговской области в село Балицкое (в 1928–1938 гг. здесь в помещениях бывшего Ладанского Покровского монастыря действовала Ладанская трудовая коммуна для беспризорных детей и малолетних правонарушителей); от 13 декабря 1936 г. о присвоении имени Балицкого киевской школе № 51; от 10 января 1936 г. о присвоении имени Балицкого конному заводу № 62 (ныне Дибровский конный завод № 62 в селе Петровцы Миргородского района Полтавской области)[3].

В июне 1938 г. Н. С. Хрущев (сменивший С. В. Косиора в январе того же года на посту первого секретаря ЦК КП(б)У) в отчетном докладе несколько раз упоминал имя Всеволода Балицкого, утверждая, что тот вместе с Ионой Якиром, Афанасием Любченко и Владимиром Затонским якобы собирался свергнуть коммунистическую власть с помощью польского правительства. Любченко вроде бы должен был обратиться с просьбой к Балицкому «поработать», чтобы украинцы подчинились полякам. Хрущев восклицал: «А что значит поработать Балицкому? Это значит залить кровью Украину, это значит вырезать больше половины населения Украины... Враги готовили кровавую баню против украинского народа»[4].

4 сентября 1938 г. Политбюро ЦК КП(б)У по представлению Главлита рассмотрело список литературы, авторами которой являются «враги народа». Среди других к изъятию были утверждены произведения Всеволода Балицкого: «Выше большевистскую бдительность и непримиримость в борьбе с классовым врагом. Речь на XII сьезде КП(б)», «Большевистская внимательность на каждом участке», «На страже красных рубежей». В письме Главлита подчеркивалось: «Все

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 6. Д. 440. Л. 17.

[2] Там же. Л. 28.

[3] Там же.

[4] Цит. по: Политическое руководство Украины. 1938–1939 / сост. В. Ю. Васильев, Р. Ю. Подкур, Х. Куромия, Ю. И. Шаповал, А. Вайнер. М.: РОССПЭН, 2006. С. 44–45.

другие произведения указанного автора также вредные, устаревшие, поэтому просим подтвердить это изъятие»[1].

Так стиралась память о некогда могущественном шефе НКВД УССР. Ну а вокруг факта его гибели начали возникать разного рода легенды и версии. Многим казалось, что он не мог быть просто расстрелян, а должен был погибнуть как-то необычно, что должно было свершиться некое «правосудие» над ним за содеянное.

В опубликованных воспоминаниях бывшего узника ГУЛАГа П. Василевского описывается его встреча в феврале 1950 г. в следственном изоляторе с неким Алексеем Михайловичем Киселевым. Он представился «бывшим управляющим делами СНК УССР» и поведал о том, что в 1939 г. «на берегу реки Печоры в Коми АССР, именно там, где тогда была известная печорская переправа и перевалочная база грузов дальше на Север», его окликнул какой-то заключенный. Киселев его не признал, пока тот не назвался... Всеволодом Аполлоновичем Балицким. «На переправе Балицкий работал обычным работягой, был полностью изможден физически, душевно, морально. До своего ареста Киселев очень часто с ним сталкивался по службе в Правительстве УССР, а со временем Балицкий посадил его... И вот судьба свела “коллег” вместе. Как выяснилось, Сталин Балицкому за какие-то личные заслуги во время гражданской войны сделал большую «услугу»: приказал изменить расстрел на 20 лет тогдашних лагерей, что в жестокие времена приравнивалось к смерти, только медленной. Балицкий понимал прекрасно весь ужас своего положения, всю безысходность в дальнейшем для таких, как он. Киселев с присущий ему добротой пожалел тогда бывшего палача и начал брать Балицкого каждый день в конторку дневным дневальным, немного его откармливая, чем мог. Так длилось несколько дней, пока на них кто-то не “стукнул”, и бывшего наркома забрали прочь.

Балицкий, находясь те несколько дней один на один с Киселевым, буквально “исповедовался” в своих многих проступках – преступлениях, в том числе не забыл и о голоде 1932–1933 гг.

Как говорил мне Киселев, Балицкий понимал свою обреченность, наверное, поэтому решил хотя так снять с души какую-то частицу морального бремени. Так-вот... численность 2 420 100 жертв (во время голода 1932–1933 гг. в Украине. – *Прим. авт.*) — имеет своим источником “исповеди” Балицкого...

По словам Киселева, Балицкий вынужден был сам себе набросить петлю на шею перед своими бывшими жертвами – харьковскими чекистами, которых он в свое время посадил и пытал. Они его узнали

---

[1] ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 16. Д. 15. Л. 270.

в Кожве над Печорой и там состоялся тот “суд чести”. В те года подобные “суды” случались довольно часто, а начальству списать такую “жертву” было легче, чем шапку зека»[1].

Эта версия вызывает очень большие сомнения хотя бы потому, что нам не удалось идентифицировать личность А. М. Киселева, по крайней мере среди управляющих делами Совнаркома УССР человек с такой фамилией не значится. Да и никаких «харьковских чекистов» В. А. Балицкий не репрессировал. Воспоминания П. Василевского можно бы было вообще не упоминать, если бы...

В 1956 г. П. А. Зимин, который с 13 июля 1937 г. по 22 декабря 1938 г. был начальником Лефортовской тюрьмы ГУГБ НКВД СССР, на допросе в КГБ СССР засвидетельствовал: «Ягода был осужден на открытом процессе к расстрелу, но на протяжении 1,5 лет после этого он содержался в Лефортовской тюрьме под номером 102. Что с ним стало после моего ареста, я не знаю»[2]. Как справедливо заметил А. И. Ваксберг, эти очень важные свидетельства нуждаются в тщательной проверке, хотя бы потому, что П. А. Зимин был арестован раньше, чем прошло полтора года после осуждения Ягоды на смерть. Конечно, он мог ошибиться в сроках, ведь прошло почти двадцать лет, большинство из которых он провел в лагерях. Но отбрасывать эти свидетельства очевидца не стоит[3], надо помнить и о словах Василевского.

Основная группа «участников заговора» в НКВД УССР была приговорена к расстрелу в Киеве уже 7 сентября 1937 г.: Аузен А. Я. – начальник уголовного розыска УРКМ НКВД УССР, майор милиции; Берман А. М. – заместитель начальника АХУ НКВД УССР, капитан госбезопасности; Бордон Г. Н. – оперуполномоченный 3-го отдела УГБ НКВД УССР; Гафанович Я. Э. – начальник аэроклуба «Динамо»; Грушевский Н. Д. – помощник начальника Старобельского окротдела НКВД, лейтенант госбезопасности; Джавахов М. Г. – начальник Запорожского горотдела НКВД, капитан госбезопасности; Кулеша Н. И. – начальник оперативного отдела УПВО НКВД УССР полковник; Купчик И. Ю. – начальник 5-го отдела УГБ НКВД УССР и ОО ГУГБ НКВД КВО, майор госбезопасности; Ольшанский С. А. – начальник 2-го отдела УГБ УНКВД по Харьковской области, старший лейтенант госбезопасности; Орелович С. Л. – директор Киевской кинофабрики; Письменный Я. В. – начальник 6-го отдела УГБ НКВД УССР, майор госбезопасности; Пустовойтов С. А. – начальник отде-

---

[1] Василевский П. Алгебра геноцида // Дзвін. 1990. № 5. С. 79–80.

[2] Ваксберг А. И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. С. 134.

[3] Там же. С. 134.

ления 4-го отдела УГБ НКВД УССР, старший лейтенант госбезопасности; Розанов А. Б. – начальник Управления НКВД по Воронежской области, старший майор госбезопасности; Рубинштейн Н. Л. – особоуполномоченный НКВД УССР, капитан госбезопасности; Селиванов П. М. – начальник УРКМ Управления НКВД по Одесской области, старший майор милиции; Семенов П. В. – заместитель начальника УПВО НКВД УССР, комбриг; Словинский Л. Г. – начальник финотдела НКВД УССР, интендант 1-го ранга; Соколов-Шостак П. Г. – начальник Управления НКВД по Черниговской области, майор госбезопасности; Сороцкий Л. М. – начальник политотдела УПВО НКВД УССР, дивизионный комиссар; Стрижевский Л. И. – заместитель начальника секретариата НКВД УССР, полковой комиссар; Шостак Е. Г. – командир 22-го Волочиского погранотряда НКВД УССР, майор; Шульман Б. И. – инженер, секретный сотрудник НКВД УССР; Энклер К. К. – начальник отделения 2-го отдела УГБ НКВД УССР, младший лейтенант госбезопасности.

Позднее в Москве будут казнены и другие участники «заговора Балицкого»: Александровский М. К. – заместитель начальника Разведывательного управления РККА, старший майор госбезопасности; Бачинский Н. С. – заместитель наркома внутренних дел УССР, директор милиции; Брук С. С. – помощник начальника 4-го отдела УГБ НКВД УССР капитан госбезопасности; Евгеньев А. И. – начальник секретариата УНКВД по ДВК, капитан госбезопасности; Иванов В. Т. – заместитель наркома внутренних дел УССР, комиссар госбезопасности 3-го ранга; Мазуренко А. И. – сотрудник для поручений при начальнике УНКВД по ДВК, лейтенант госбезопасности; Рахлис П. М. – начальник 3-го отдела УГБ НКВД Узбекской ССР, майор госбезопасности; Элькин Е. Д. – начальник УПО НКВД УССР, капитан госбезопасности.

17 июля 1937 г. в Москве была арестована Людмила Александровна Балицкая, 1894 г. рождения, русская, беспартийная, с незаконченным высшим образованием, проживавшая по адресу: Москва, ул. Мархлевского, д. 9, кв. 7.

От арестованного начальника санитарного отдела Управления НКВД по Харьковской области Георга Кондратьевича Герекке следователи В. М. Блюман, М. Я. Детинко и М. К. Артемов добились признаний о «шпионской деятельности» Балицкой в пользу Германии как минимум с 1925 г. Уже тогда она якобы передавала Герекке (немцу по национальности) на своей харьковской квартире по улице Чернышевской, дом 57, какие-то секретные документы[1]. «Немецким

[1] ОГА СБУ. Харьков. Д. 031106. Л. 32.

шпионом» Герекке назвал и М. К. Александровского, которого якобы «завербовали на почве чрезмерного ухаживания за женщинами»[1]. Для дискредитации Балицкой именно Георга Герекке избрали не случайно. Ведь он дружил с Балицкими еще с Луганска. Балицкий назначил его председателем санитарного отдела ГПУ УССР и несколько раз поручал сопровождать жену в ее поездках на лечение за границу.

Первая такая поездка состоялась летом 1927 г. Тогда Людмила Балицкая под фамилией Субботиной около 10 дней проходила обследование в берлинской клинике, а потом месяц лечилась в санатории «Грюневальд» под Берлином. Упоминая об этой поездке, Георг Герекке отметил: «Поскольку я ехал вместе с Балицкой, никаких осмотров, тем более личных обысков, нам при выезде не устраивали»[2].

Весной 1932 г. Балицкий вызвал Герекке в Москву и предложил поехать в Вену с его больным сыном. Врач согласился и три месяца находился возле мальчика, который лечился в клинике профессора Визера[3]. Герекке сопровождал Балицкую и в 1933 г., когда она снова проходила обследование в Берлине, потом около месяца лечилась в Карлсбаде и еще несколько недель – в санатории «Грюневальд». В Берлине он купил по ее просьбе «чемодан разных вещей для ухода за лицом общей стоимостью около 200 долларов». Во время поездок в Германию Герекке и Балицкая встречались с тем самым А. Л. Желяшкевичем, которого Балицкий в 1920 г. освободил из Харьковского губчека. Вскоре после своего освобождения Желяшкевич выехал в Германию, но своего спасителя не забыл и оказывал ему разные мелкие услуги.

В 1934 г. Людмила Балицкая снова ездила в Германию. На этот раз ее сопровождал харьковский профессор Скрипт. Перед этой поездкой по указанию Балицкого Герекке попросил Желяшкевича, чтобы его сестра сопровождала жену председателя ГПУ УССР в Берлине[4].

В деле Людмилы Балицкой хранится лишь один протокол допроса от 4 сентября 1937 г. Основное, что инкриминировали Балицкой: она знала об «антисоветской деятельности» мужа и не сообщила об этом: «**Вопрос:** Ваш муж – Балицкий В. А. арестован и сознался в своей преступной предательской деятельности. Что вам было известно по сути осуществляемой им антисоветской работы?

---

[1] Там же. Л. 34.
[2] Там же. Л. 52.
[3] Там же. Л. 55.
[4] Там же. Л. 56, 81, 83.

Ответ: О преступной деятельности моего мужа Балицкого мне ничего не известно.

Вопрос: Вы стремитесь скрыть антисоветскую деятельность мужа. Вы не могли не знать о ней.

Ответ: Я понимаю, что мне тяжело поверить. Однако я еще раз утверждаю, что об антисоветской деятельности мужа я ничего не знала»[1].

Со временем Балицкая написала заявление на имя следователя, оперуполномоченного 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР лейтенанта госбезопасности Я. А. Кривошеева. Вот этот небольшой, но очень выразительный документ: «Так как здоровье мое ухудшается с каждым днем и я не знаю, когда меня будут еще допрашивать, я хотела написать еще следующее: с мужем моим я прожила больше 20 лет. С 1919 года, или с конца 18 года он работал без перерыва в ЧК-НКВД. Я знала его, как человека, который борется с контрреволюцией. То, что Вы мне сказали на допросе, этого я не знала. С 1927 года, после больших голодовок, я начала болеть, с 1930 года болезнь моя резко ухудшается. Она приносила мне тяжелые физические страдания, истощила мою нервную систему. Эти страдания доводили меня до мысли о самоубийстве. Только жалость к моему больному сыну останавливала меня от этого. Дома меня всегда старались оградить от лишних волнений и переживаний. Меня несколько раз отправляли на лечение. Я была в клинике для нервнобольных. Вот условия, в каких я жила. Г[ражда]нин следователь, еще раз заверяю и клянусь Вам, что я ничего не знаю. Я уже полный инвалид, жить мне осталось немного. Моя просьба ускорить ведение следствия. 16/IX будет два месяца, как я арестована»[2].

Понятно, что никакие просьбы жены бывшего всесильного наркома на следователей не подействовали. 28 октября 1937 г. Л. А. Балицкая была приговорена в особом порядке к расстрелу и казнена в тот же день. Судьбы родного сына Балицкого Игоря (осенью 1937 г. ему исполнилось 19 лет и он был инвалидом детства) и приемного сына Юрия (осенью 1937 г. имел 2 года от роду) нам выяснить не удалось. Внук Всеволода Аполлоновича Михаил Юрьевич проживает в Ярославской области.

Репрессировали и других родственников Балицкого. В 1989 г. были напечатаны воспоминания Ирины Бошко, которая вспоминала о своей встрече в Лукьяновской тюрьме в 1938 г. с какой-то Лизой

---

[1] Цит. по: Шаповал Ю. Україна XX століття: особи та події в контексті важкої історії. С. 41

[2] Там же. С. 41–42.

Балицкой: «Как-то ночью, после зверского звона засова и ключей, в открытые двери втянули и бросили на пол молодую женщину, избитую так, что она не могла встать. Ее интеллигентное лицо было застывшим от боли, рот сжат. Она молчала...

Стон с соседней кровати возвратил меня к действительности. Это стонала та женщина, которую недавно бросили в нашу камеру. Ей тяжело было встать, чтобы пойти "до ветра". Увидев мой сочувственный взгляд, она тихо сказала: "Мне отбили почки, я мочусь кровью... Не смотрите на меня так... Ничего... и это пройдет".

Мы познакомились. Это была сестра бывшего наркома внутренних дел Украины Балицкого. Лиза Балицкая преподавала историю в Киевском государственном университете. Как член семьи "врага народа" была арестована и прошла наверное через все стадии особых методов допроса. И все-таки она улыбнулась. Когда боль немного отпустила ее, она неожиданно сказала:

– А знаете, даже здесь есть добрые люди. Когда меня, избитую, вытолкали из "ворона", какой-то надзиратель взял меня на руки (я не в состоянии была идти) и занес в коридор тюрьмы. Потом сказал: "Держитесь, голубка. Может, в скором времени все изменится".

Балицкая тяжело вздохнула:

– Скоро ли, не знаю.

Вскоре мы с Лизой расстались, и больше я ее не встречала»[1].

Наверное, речь идет о какой-то кузине Балицкого, ведь его родную сестру, как мы уже писали, звали Антониной и была она домохозяйкой. В Управлении СБУ и УВД по Харьковской области нет никаких сведений об аресте или осуждении гражданки А. А. Вазановой (Балицкой), 1903 г. рождения, однако ее муж Дмитрий Кириллович Вазанов, 1896 г. рождения был расстрелян.

А. И. Балицкая, мать наркома, пережила сына. В 1956 г. она обратилась в военную прокуратуру с просьбой пересмотреть дело ее сына[2], об аресте которого она узнала в 20-х числах июля 1937 г. от своей дочери А. А. Вазановой, приехавшей из Москвы[3].

Официальной проверкой, проведенной в 1956–1958 гг., было установлено, что обвинение Всеволода Балицкого в принадлежности к антисоветскому военному заговору не обосновано. Вместе с тем в одном из тогдашних документов отмечалось, что в период пребывания Балицкого в должности наркома внутренних дел Украины «подчиненными ему сотрудниками были сфальсифицированы дела

---

[1] Бошко І. Рік 1938-й, Київ, Лук'янівська в'язниця // Україна. 1989. № 20.

[2] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 308.

[3] ОГА СБУ. Харьков. Д. 031106. Л. 86.

на многих ответственных советских и партийных работников по обвинению их в осуществлении тяжких контрреволюционных преступлений. В расследовании ряда таких дел принимал участие непосредственно сам Балицкий...

Было установлено, что в аппарате НКВД УССР, руководимом Балицким, имели место грубые нарушения социалистической законности, применялись запрещенные методы ведения следствия, фальсифицировались следственные дела на необоснованно арестованных советских граждан, в том числе на ответственных работников советских и партийных органов, а также известных научных работников»[1].

А далее следователь 1-го отдела Следственного управления КГБ СССР Гришин писал: «Учитывая изложенное, –

СЧИТАЛ БЫ:

Ходатайство гражданки Балицкой А. И. о реабилитации ее сына Балицкого Всеволода Аполлоновича оставить без удовлетворения»[2].

С этим заключением согласились начальник 1-го отдела Следственного управления КГБ СССР Майоров, заместитель начальника Следственного управления КГБ генерал-майор Каплистов. Заместитель председателя КГБ СССР генерал-полковник П. И. Ивашутин это решение утвердил без каких-либо изменений.

Это заключение оставалось в силе до распада СССР в 1991 г. 1 апреля 1998 г. появилось еще одно официальное заключение. На сей раз – Военного суда МВО. Всеволод Балицкий признан не подлежащим реабилитации.

Оба заключения остаются в силе до сих пор.

---

[1] ОГА СБУ. Одесса. Д. 25468 ФП. Т. 2. Л. 310–311.

[2] Там же. Л. 311.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаш (Бунюс) А.П.
Абугов О.И.
Авраменко Н.А.
Аглицкий Б.Я.
Агранов Я.С.
Адамович И.А.
Азаренко
Акулов И.А.
Александровский М.К.
Алёхин М.С. исправить (во 2-й главе написано Н.С.)
Аллилуева Н.С.
Альфредов П.П.
Амелин М.П.
Амиров-Пиевский М.Е.
Ананченко исправить ЦВК на ЦИК
Андреев А.А.
Андреев С.И.
Антипов Н.К.
Антонов-Овсеенко В.А.
Антонович
Анцелович
Аренштейн
Арнольдов (Кессельман) А.А.
Арнштам
Аронштам Л.Н.
Арров Л.С.
Артамонов К.М.
Артёмов М.К. исправить (в тексте написано Артмова)
Артузов А.Х.
Аузен А.Я.
Афиногенов А.М.
Ахматов Л.С.
Ашрафян (Ашрафьян) З.А.

Бабак И.А.
Бабич И.Я.
Бадан-Яворенко А.И.
Бакич А.С. – исправить (в тексте Бекич)
Балакирев А.Ф.
Балицкая А.И. (мать)
Балицкая (Четверякова) Л.А. (жена)
Балицкая (Вазанова) Н.А. (сестра)
Балицкая Е. (Лиза) - родственница
Балицкий А.И.
Балицкий В.А.
Балицкий И.В. (сын)
Балицкий Л.А.
Балицкий М.Ю. (внук)
Балицкий Ю.В. (сын)
Баранов – чекист
Барминский С.А.
Батюшин А.Ф.
Бачинский Н.С.
Бежанов С.Г.
Бейлинсон В.Г.
Бек Г.
Беленький А.Я.
Беликов

Белов
Белозир Л.И.
Бельский Л.Н. (Левин А.М.)
Беляев Т.К.
Беляновский
Бервицкий
Бергавинов С.А.
Березин-Геверц С.Р.
Березинский (Биленький-Березинский) А.А.
Берия Л.П.
Берзин А.П.
Беркович Л.М.
Берман А.М.
Берман М.Д.
Беседовский Г.З.
Бесчинский Л.М.
Билаш В.П.
Билокинь С.И.
Биск И.С.
Благонравов Г.И.
Блат И.М.
Блудов (троцкист)
Блюман В.М.
Блюхер В.К.
Бобровников
Богданов М.П.
Богун И.
Боженко В.Н.
Бокий Г.И.
Болеросов М.
Бондаренко (бандит)
Бордон Г.Н.
Борисов (Коган) – секретарь Волынского губпарткома
Борисов-Коган Б.И.
Бошко И.
Бояринов
Боярский Н.Я.
Братин Е.М.
Бренер С.С.
Бржезовский Ю.И.
Бринер
Брон М.И. вствить инициалы в текст
Броневой А.О. исправить в 5-й главе, где написано «замнаркома здравохранения С.И.Броневой (с.41)»
Броневой Л.С.
Броневой (Факторович) С.О.
Брук С.С.
Брянцев С.А.
Буданов А.Е.
Бузский Б.И.
Букшованый (Кривицкий) А.И.
Букшпан М.М.
Булатов Д.А.
Буревий К.С.
Бутаров
Бутырский В.П.
Бухарин Н.И.
Буцик П.Е.
Былинин В.К.
Быстрых Н.М.

Вазанов-Леонтьев Д.К.
Ваксберг А.И.
Валейко Г.И.
Вальтер П.П.
Вансович З.
Ванченко П.З.
Варейкис И.М.
Василевский П.
Василенко Н.П.
Васильев М.П.
Васильковский Н.М.
Вегер Е.И.
Велигодский
Веселов И.С.
Веселовсий С.Ф.
Ветлицин-Южный И.Г.
Ветлицкий В.И.
Винниченко И.И.

Визель Ю.С.
Визель Я.С.
Викторов
Винокур А.Р.
Винокур Г. (троцькист)
Винокуров В.С.
Виссарионов С.Е.
Витковский
Вихман М.М.
Вишневецкий М.И.
Владимиров М.К.
Владимирский М.Ф.
Влизько О.Ф.
Волин (Эйхенбаум) В.М.
Волковский
Волобуев М.С.
Володин М.
Волченок А.С.
Вольский-Вольмир В.
Вольский-Гитлер С.Д.
Вольфин
Воровский В.В.
Воронов В.Ю.
Воронов И.П.
Воронов – сотрудник Киевского губотдела ГПУ
Воронцов И.А.
Ворошилов К.Е.
Вражлывый В.Я.
Врангель П.В.
Всеволодский П.Н.
Высоцкий
Вышинский А.Я.
Вяткин Э.Н.

Габинский (Каляев) И.П.
Гавриленко П. (махновец)
Гагиев Б.Г. (Габаев Г.Г.)
Гай М.И.
Галицкий З.М.
Галкин П.А.
Гальчевский А.Я.
Гамбаров
Гамарник Я.Б.
Гапонов С.И.
Гарин В.Н.
Гарькавый И.И.
Гафановия Я.Э.
Генкин Я.М.
Георгиева А.
Геплер А.И.
Герасимов Г.А.
Гербек П.Г.
Герекке Г.К.
Герзон М.М.
Гермониус В.Э. исправить (в тексте В.Е.)
Герострат
Герсон В.Л.
Герсонский Я.Л.
Герцовский А.Я.
Герчиков О.Г.
Гикало Н.Ф.
Глебов-Юфа З.Н.
Глуховцев А.С.
Глущенко Ф. (махновец)
Говлич М.И.
Говорухин С.С.
Гоглидзе С.А.
Голованевская А.М.
Голованевский В.Д.
Головко А.Г.
Голодед Н.М.
Голощекин Ф.И.
Голуб Ф.Я.
Голубенко Н.В.
Голубков И.А.
Голубович В.А.
Гольберг
Гольдман С.И.
Гольц
Гомеров Н.Н.
Гончаренко А.Я.
Горгаев

Горожанин В.М.
Грач И.А.
Гречихин К.Н.
Григоренко Н.А. исправить в 6-й главе (в тексте М.А.)
Григорьев П.П.
Григорьев – чекист
Гринберг И.Ф.
Гриневский-Осадчий Н.В.
Гринер Г.Н.
Гринёв М.И.
Гринько Г.Ф.
Гришин (сотрудник КГБ)
Грицай
Грозный (Сафес) А.Г.
Грозный-Левчинский Я.Л.
Громов-Шмеркин С.А.
Гроссман М.Б.
Грунде К.М.
Грундман Э.Я.
Грушевский М.С.
Грушевский Н.Д. (сотрудник ГПУ-НКВД)
Грюнвальд Н.Л.
Губенко П.М. (Остап Вишня)
Гудзь И.Г.
Гудзь Я.Г. (пом. Нач. СПО Черниговского ГПУ) вставить инициалы
Гудзь-Засульский З.
Гуревич (троцкист)
Гутман
Гуцуляк

Давыдов (секретарь райкома)
Давыдов (бандит)
Давыдов-Малышкевич Д.М. исправить (в тексте Малишкевич)
Дальский-Белоус Н.П.
Данишевский К.Х.
Даценлов М.
Двигубский А.М.
Двинянинов В.А.
Демченко Н.Н.
Деникин А.И.
Дейч М.А.
Дейч Я.А.
Демидов А.П.
Демичев М.А.
Деревцов С.И.
Дерибас Т.Д.
Детинко М.Я.
Джавахов М.Г.
Джирин Д.И.
Дзенис О.П.
Дзержинский Ф.Э.
Дзыза Г.А.
Дирин
Дитерихс М.К.
Добродицкий Н.И.
Догидов
Долгушев А.Р.
Долинский-Глазберг С.М.
Дорожный
Досвитний О. (Скрипаль-Мищенко А.Ф.)
Доценко
Дреков В.М.
Дрибинский С.И.
Дубинский И.В.
Дубовой И.Н.
Дукельский С.С.
Духовный

Евгеньев А.И.
Евгеньев-Шептицкий Е.А.
Евдокимов Е.Г.
Ежов Н.И.
Еленюк В.С. (Степан Наварский)
Елинский-Мироненко М.А.
Емельянов А.А.
Емец
Енукидзе А.С.
Ершов А.М.

Ершов – сотрудник Киевского ГПУ
Ефремов С.А.

Жданов А.А.
Железногорский Г.А.
Желяшкевич А.Л.
Житомирский (чекист)
Жолнер
Жомпкевич В.А.
Жуков И.П.
Жуковский С.Б.
Журковская-Дупакова П.М.

Заболотный С.Ф.
Заборенко В.М.
Загорский Г.Б.
Загорулько О.П.
Заковский Л.М.
Залин Л.Б.
Залпетер А.К.
Занченко
Западный (Кессельман) С.И.
Заруба К.
Заславский С.И. исправить в 5-й главе написано С.Л.
Затонский В.П.
Захарченко В.
Заярный Г.Л.
Зданович А.А.
Зигфрид
Зимин П.А.
Зимон Г.
Зинкевич О.С.
Зиновьев Г.Е.
Зинчарин
Зинченко И.Г.
Зинченко (махновец)
Зинько Ф.З.
Зонов К.И.
Зюк М.О.

Иваненко (чекист)
Иванов А.В.
Иванов В.И. – член комиссии НКВД УССР
Иванов В.И. – чекист
Иванов В.Т.
Иванов Л.А.
Иванов Ю. - чекист
Иванов – подпоручик
Ивановский С.С.
Ивановский (секретарь суда)
Иванюк (махновец)
Ивашутин П.И.
Иващенко
Ивонин П.П.
Игнатов С.С.
Игнатов – сотрудник Донецкого губотдела ГПУ
Иллюшин-Эдельман И.И.
Ильин Ф.А. (порученец Постышева)
Ильин «троцкист»
Ильин
Ильицкий И.И.
Именитов С.Г.
Инсаров-Поляк Э.А.
Иодко М.Н. исправить (в тексте написано М.М.)
Иткин

Йост

Кабаков И.Д.
Каган М.А.
Каганович Л.М.
Кадацкий И.Ф.
Казбек-Каплан И.Я. исправить (в 6-й главе написано Й.Я.)
Казимирчук
Калинер Я.З.
Калинин М.И.
Калманович М.И.
Калыгин А.С.

Кальмар М.Д.
Каменев (Розенфельд) Л.Б.
Каминский (Черный) Г.Г.
Каминский Я.З.
Кангер М.И.
Каневский Е.Э.
Канов В.Г.
Кантарович А. (Барон старший)
Каплистов
Каразин В.Н.
Карпенко В.И.
Капустянский А.Л.
Капчинский О.И.
Карбоненко
Карга С.А.
Кардаш А.И.
Карелин В.П.
Каретников С.Н.
Карин Ф.П.
Карин-Даниленко С.Т.
Карлсон К.М.
Карпейский Я.Л.
Карпель И.Л.
Карпенко П.И.
Карпенко (троцкист)
Катанский М.М.
Катюшкин Ф.П.
Каутский К.
Кацнельсон З.Б.
Качура Я.Д.
Каширин И.Д.
Кащеев М.И.
Квасец Г.Р.
Квиринг Э.И.
Кедров М.С.
Кесс
Кибенко – чекист
Киндыба
Киров С.М.
Кирст В.В.
Киршон В.М.
Киселёв А.М.
Кияшко Ф.В.
Клаусен Ю.К.
Клименко И.Я.
Клейнберг Ф.Г.
Клювгант-Гришин (Гришин) Г.А.
Кнорин В.Г.
Ковгаров А.Ф.
Ковинька А.И.
Коган А.М.
Коган Д. (анархист)
Козельский (Голованевский) Б.В.
Козельская Е.М.
Козлов А.Н.
Кожевников С.В. (сноска)
Колесов С.Г.
Коломиец П.Ф.
Колчак А.Г.
Комаров Н.П.
Коморный В.В.
Конар Ф.М.
Кондратьев Г.
Кондрашин В.В.
Коновалец Е.М.
Копач В.И. (Холодный С.И.)
Корж К.А.
Коркунов Г.И.
Королёв И.А.
Корольков Н.В.
Коротаев В.Н.
Корочаев
Корюкин
Косарев А.В.
Косинка Г.С.
Косиор С.В.
Костюхин Я.С. (Яшка-дурной)
Котлик
Котовский Г.И.
Кошелев А.А.
Кошеливец И.М.
Кошельков Я.
Кравченко И.В.
Козаченко В.К.

Костюк С.А.
Котин И.М.
Коцюбинський Ю.М.
Крайний (Карпиловский) Л.А.
Крауклис Я.К.
Крестинский Н.Н.
Кривец Е.Ф.
Кривицкий В.Г.
Кривов
Кривошеев Я.А.
Криницкий А.И.
Круглов Б.В.
Крупенник М.Н.
Крутов Г.М.
Кручинский И.М.
Крушельницкий А.В.
Крушельницкий И.А.
Крючков В.И.
Крыленко Н.В.
Ксандров В.Н. вставить инициалы в текст
Ксенофонтов И.К.
Кубяк Н.А.
Куйбышев В.В.
Кузнецов Я.П.
Кузовлев А.С.
Кузоятов
Кузьмин Н.К.
Кузьмичев Б.И.
Кулеша Н.И.
Кулик И.Ю.
Кулик Г.М.
Кулиш Н.Г.
Купчик И.Ю.
Курбас А.С. (Лесь)
Кусенко (махновец)
Курский В.М.
Кустелян М.
Кучин-Оранский Г.Д.

Лаврентьев (Картвелишвили) Л.И.
Лазарев Е.Л.
Лазутин С.Н.
Лапин А.Я.
Лацис М.И.
Лапинский-Михайлов М.М.
Лапчинский Г.Ф.
Лебедь Д.З.
Лев А.П.
Левензон П.Я.
Левик Р.С.
Левин (ГПУ)
Левитан Д.С.
Левкович А.К.
Левоцкий В.Я.
Лейбовский Б.Ф.
Лелеткин Л.И.
Лемберг Л.В.
Ленин В.И.
Леонов
Леонов-Немировский Л.И.
Леонюк Ф.А.
Лепин А.Г.
Леплевский Г.М.
Леплевский И.М.
Леушин И.Л.
Лившиц (Лифшиц) Я.А.
Лизанивский И.Н.
Лин Н.А.
Липовский Л.Ф.
Лисицкий Б.Я.
Листенгурт М.А.
Листенгурт Р.А.
Литвак П.С.
Литвин М.И.
Литман А.С.
Лифарь Д.Г.
Лифшиц З.Д.
Лобачов
Лобанов-Ростовский
Лобановский В.В.
Лобов С.С.
Логвиненко А.Н.
Логинов В.Ф.

Лоев А.Б.
Ломов-Оппоков Г.И.
Лопаев-Крылов
Лось (махновец)
Лулов Г.М.
Луначарский А.В.
Лунев (Минц) Л.Г.
Лыпкивский В.
Любимов В.С.
Любомирский С.С.
Любченко А.П.
Люксембург Р.
Люшков Г.С.

Магон Г.Я.
Мазо С.С.
Мазуренко А.И. (порученец Балицкого)
Мазуренко Ю.П.
Майоров
Майфет Г.И.
Макаренко А.С.
Малышев Ф.П.
Мальцев
Манцев В.Н.
Маньковский О.В.
Манюрин А.М.
Маренко Г.Я.
Мармузов М.П.
Мартынов Ф.Я.
Маруся (атаманша)
Мархлевский Ю.
Масальский (бандит)
Масевицкий И.Е.
Масловский А.Г.
Матушевский Б.Ф.
Махно Н.И.
Махортов
Медведев Д.Н. – нач. Изюмского окротдела (исправить неправильные инициалы Д.М.)
Медведев
Медведовский Д.А.
Медведь Ф.Д.
Мельгунов С.П.
Менжинский В.Р.
Мер Л.Н.
Мессинг С.А.
Микитенко И.К.
Микоян А.И.
Миллер С.М.
Милославский
Мильчаков А.И.
Миронов Л.Г. исправить в 4 главе слова - Экономичного - Миронов Л.М.
Миронов С.Н. - исправить С.М.
Миронов Ф.А.
Миронова А.И.
Мирошниченко А.Г.
Митрофанов И.И.
Михайлов В.М.
Михайлик М.В.
Михайличенко Г.
Михайлов М.Г.
Михайлова Е. (Женя)
Мицул А.И.
Мозохин О.Б.
Молотов В.М.
Молчанов Г.А.
Морозов И.Д.
Мосяков
Мрачный (Кливинский) М.
Мунвез Л.Г.
Муралов Н.И.
Мухин М.И.
Мухин – комполка
Мюллер Г.
Мясоедов П.П.

Навольнев Я.И.
Навроцкий С.И.
Нагорный И.Г.

Назаров Ф.Д. – полковник вставить инициалы в текст
Налимов М.Н.
Наумов-Лекхах Д.Б. (в тексте Наумов – троцкист)
Немировский С.Б.
Никельберг Г.М.
Николаев С.
Николаев-Журид Н.Г.
Николаенко И.Г.
Николаенко Ф.И.
Никольский Л.Л. (Фельдбин Л.Л., Орлов А.)
Никитин (чекист)
Новаковский Н.С.
Носарь Е.С.
Носов И.П.
Нырчук М.А.

Обмач Г.Т.
Овчинников Ф.Т.
Овчинников (чекист)
Огий Н.А.
Озерский Ю.И.
Окруй В.И.
Олийник
Ольберг В.П.
Ольдерогге В.А.
Ольский Я.К.
Ольшанский С.А.
Омелянович-Павленко М.В.
Онищенко П.И.
Оппельбаум (чекист)
Орджоникидзе Г.К.
Орелович С.Л.
Орлов М.Х.
Орлов Н.О.
Орлов-Подольский Д.В.
Орловский-Горошик В.М.
Осинин-Винницкий Г.М.
Оскилко В.П.
Островский И.М.
Оя А.М.

Павлов М.В. (чекист)
Павлушков Н.П.
Панив А.С.
Панов-Бройде М.А.
Папанин И.Д.
Парташников
Пасечник И.Г.
Патрушев Д.Я.
Паукер К.В.
Певзнер (чекист)
Пейзнер Л.И. исправить (в тексте написано Л.Й.)
Перацкий Б.В.
Переверзев Е.
Перцов Ю.М.
Петерс Я.Х.
Петлюра С.В.
Петренко Н. А.(Назар Стодоля)
Петровский Г.И.
Петровский-Палей В.Г.
Пидмогильный В.П.
Пик В.
Пиковский С.Г.
Пилипенко
Пилляр Р.А.
Пилсудский Ю.
Пирро А.П.
Писарев-Фукс В.Л.
Письменная (Шульман) А.В.
Письменный Я.В.
Плеханов А.М.
Погиба П.И.
Погребинский
Погребной Н.П. исправить (в тексте Погребный)
Подлужный
Подольский М.М.
Полевой – чекист
Полоз М.Н.
Полонский В.И.

Поляков – чекист
Пономаренко О.С.
Пономарёв
Поплавская Р.Л.
Попов Д.И. (махновец)
Попов Н.Н.
Порайко В.И.
Постоловская Т.С.
Постышев П.П.
Потажевич Б.А.
Потапенко
Потапов Н.Д.
Потехин А.А.
Потиенко В.
Потто Д.Ф.
Похилов
Правдин (Колтунов-Правдин) Э.М.
Приходько А.
Проворный И.В.
Прокофьев Г.Е.
Проскуряков М.И.
Прохоров Т.А.
Прус
Прядченко Г.К.
Пташинский П.Н.
Птуха В.В.
Пузицкий С.В.
Пустовойтов С.А.
Путилин А.И.
Пшеничный Ф.Т.
Пятаков Г.Л. заменить Ю.Л.
Рабинович Д.Л.
Рабинович (чекист)
Радек К.В.
Радзивиловский А.И.
Разниченко (чекист)
Разумов М.О.
Райский Н.М.
Ракита Г.Л.
Раковский Х.В.
Раппорт-Дарьин Б.С.
Ратынский (Футер) А.М.
Рахлис П.М.
Ревуцкий Л.Н.
Реденс С.Ф.
Рейли С.
Рейхель М.И. вставить инициалы в текст
Рейхман Л.И.
Речицкий
Решал И.С.
Ривлин Л.И.
Ричицкий А. (Писоцкий А.А.)
Родзиевич И.В.
Розанов (Розенбарт) А.Б.
Розов
Ровинская (Дора) – чекистка
Рогачев Б.В.
Розгоза (Рагоза) А.Ф.
Розенберг Р.Я.
Ройзенман Б.А.
Ройтенберг Е.
Ролан Р.
Романов (чекист)
Романович
Романюк М.Н.
Ромейко М.К.
Романюк
Рославец Н.А.
Ростовский А. (бандит)
Рубач
Рубинштейн Н.Л.
Рудзутак Я.Э.
Руднев В.В.
Рудницкий Г.П.
Румянцев И.П.
Рыклин А.И.
Рыков А.И.
Рыльский М.Ф.
Рыскин
Рютин М.Н.
Саблин Ю.В.
Савинков Б.В.
Саенко С.А.

Самборский Ю.Я.
Самойлов-Бесидский С.И.
Сангурский М.В.
Санин-Затурянский А.Я.
Сапов
Саркисов С.А.
Скоропадский П.П.
Селиванов П.М.
Семенко А.
Семененко В.И.
Семёнов Б.А.
Семёнов П.В.
Семкиевский
Серебрянский (Бергман) Я.И.
Середа (махновец)
Середницкий
Сидоров С.М.
Симонов
Симхович А.М.
Сирко В.П.
Скрипт
Скрыпник Н.А.
Слабченко М.Е.
Слезачек Р.
Слипанский А.Н.
Слуцкий А.А.
Словинский Л.Г.
Смородин
Соколинский Д.М.
Соколов-Шейнис И.И.
Сосновский (Добржинский) И.И.
Солдатенко К.З. исправить (в тексте Солдатенков)
Соловьёв А.Ф.
Солодуб П.К.
Сольц А.А.
Сороцкий Л.М.
Сочугов
Спивак С.М.
Сталин И.В.
Станиславский М.О.
Старж-Яубовский
Старицкая-Черняховская Л.М.
Стасова Е.Д.
Стауниц-Опперпут А.О. вставить пропущенный инициал А.
Стасюк В.Ю.
Стороженко Н.А.
Стрижевский Л.И. исправить (в тексте - И.Л.)
Судаков И.С.
Судоплатов П.А.
Сулимов Д.Е.
Сухов Г.С.
Сырцов С.И.
Таганцев С.Н.
Такер Р.
Тананайко Н.С.
Твердохлебов
Тевелев М.С.
Тепер И.Я.
Терпиловский С.Ф.
Тимофеев М.М.
Титаренко-Кузьменко
Ткалун П.П.
Толкачев Ю.М.
Томас
Торский В.Л.
Трепалов А.М.
Трилисский А.Л. исправить (в тексте С.М.)
Трилиссер М.А.
Трифановский Г.М.
Троцкий Л.Д.
Трублаевич
Тун Я.А.
Турин-Тальчинский А.Н.
Туровский С.А.
Тухачевский М.Н.
Тюленев (Петрашин)
Тычина – сексот ГПУ
Тютюнник Ю.И.
Уборевич И.П.
Ульянова Н.К.

Унгерн-Штернберг Р.Ф.
Уншлихт И.С.
Урицкий С.П.
Усов Д.В.
Успенский А.И.
Ушаков (Ушаков-Ушомирский) З.М. исправить (в тексте Ушимирский)
Фадеев А.А.
Фалькевич И.Д.
Фалькивский Д.Н.
Феденюк
Федотов И.К.
Фельдман А. (анархист)
Фельдман В.Д.
Фельдман Е.О.
Фесенко Д.С.
Филипов (Филиппов)
Фирсов Д.В.
Флейшман Я.Е. исправить Я.З.
Флоровский И.Д.
Фоменко С.К.
Фомин Ф.Т.
Фомин – сотрудник ОО УВО
Франс А.
Френкель М.В. (сотрудник НКВД)
Френкель (доктор)
Фриновский М.П.
Фрунзе М.В.
Хает М.И.
Хатаевич М.М.
Хаханьян Г.Д.
Хвылевый М. (Фитилёв Н.Г.)
Хвыля (Олинтер) А.А.
Хейфман
Холмов Д.И.
Хлевнюк О.В.
Хмельницкий Б.
Хозе Я.С.
Хорошилкин Л.М.
Хохотва Д.
Христовой Н.А.
Хрусталёв-Носарь Ю.С.
Хрущев Н.С.
Хуторянский В.
Царьков И.Д.
Цветухин Б.К.
Цветухин Ф.А.
Цейлих
Церпенто П.И.
Циклис С.М.
Цинцар Л.Л.
Цукерман А.А.
Цырлин Д.Е.
Чаплин
Чердак М.Г. заменить (в 5-й главе назван Черток)
Чередник-Дубовая Н.Д.
Черненко А.
Чернов Л.А.
Черноносов
Черноусов М.А.
Черный Я.А.
Чернявский В.И.
Четверякова М.В.
Чехивский В.М.
Чехивский М.М.
Чечерский Ф.М. исправить (в тексте Ф.Я.)
Чирский Р.А.
Чистов С.С.
Чичкевич М.В. вставить инициалы в текст
Чуб
Чубарь В.Я.
Чхеидзе
Шабанов И.А.
Шаблиевский
Шапиро И.И.
Шараевский Н.
Шаргей
Шаров Н.Д.
Шах А.
Шахар

Шашков А.Г.
Шварц С.С.
Шварц И.И. (Семен)
Шварцбард Ш.
Шведов И.Б.
Шеболдаев Б.П.
Шевченко Т.Г.
Шелехес Я.С.
Шелудченко М.И.
Шелюбский Д.В.
Шерстов А.М.
Ширин Л.Н.
Широков И.П.
Шифман Ц.М.
Шишкин А.И.
Шишков А.В.
Шкирятов М.Ф.
Шкорбатый Я.В.
Шмидт Д.А.
Шмушко Г.Н.
Шопин К.Я.
Шорох С.Ф.
Шостак Е.Г.
Шостак-Соколов (Соколов-Шостак) П.Г.
Шперлинг Э.А.
Шраг Н.И.
Шрейдер М.П.
Штаймазен М.А.
Штангей В.Ф.
Штейн И.В.
Штромбах Я.А.
Штурм-Лихтенберг Р.Э.
Шуб
Шульман Б.И. исправить (в тексте Б.М.)
Шумский И.Б.
Шумский А.Я.
Щаденко Е.А.
Щербинский Л.Ф.
Щепотьев В.А.
Щорс Н.А.
Эйхе Р.И.
Эллан-Блакитный В.М.
Элькин Е.Д.
Энклер К.К.
Эпик Г.Д.
Эрстенюк Н.В.
Южный Я.Д.
Юхвиц Р.Л.
Юринец В.А.
Юркин Т.А.
Юрченко П.Г.
Ягода Г.Г.
Якимович И.К.
Якир И.Э.
Якир С.Л.
Яковенко
Яковлев В.И.
Яковлев (Эпштейн) Я.А.
Якушев Л.Т.
Яловой М.Е.
Ямницкий М.С.
Ямпольский Я.З.
Ямпольский М.З.
Янишевский А.С.
Янишевский (Янушевский) В.П.
Янкелович И.Н.
Янов
Янсен М.
Янсон Н.М.
Янский
Япончик М. (Винницкий М.-Я. В.)
Ярещенко А.Г.
Ярославский (Губельман) Е.М.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМССР – Автономная Молдавская Социалистическая Советская Республика
АН – Академия наук
АО – административный отдел
АОУ – административно-организационное управление
АОЧ – административно-организационная часть
АССР – Автономная Социалистическая Советская Республика
АХО – административно-хозяйственный отдел
АХУ – административно-хозяйственное управление
ББ – борьба с бандитизмом
ВКП(б) – Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ВЛКСМ – Всесоюзный коммунистический союз молодежи
ВМН – высшая мера наказания
ВНУС – внутренняя служба
ВО – военный округ
ВОХР – военизированная охрана
ВРК – временный революционный комитет
ВТ – военный трибунал
ВУАН – Всеукраинская академия наук
ВУЧК – Всеукраинская чрезвычайная комиссия
ВУЦИК – Всеукраинский исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия
ВЦИК – Всероссийский исполнительный комитет
ГПУ – Государственное политическое управление
Губ. – губернский
Губотдел – губернский отдел
Губчека – губернская чрезвычайная комиссия
ГУГБ – Главное управление государственной безопасности
ГУЛАГ – Главное управление лагерей
ГУМ – Главное управление милиции
ГУПВО – Главное управление пограничной и внутренней охраны
ГУПО – Главное управление пограничной охраны
ГУРКМ – Главное управление рабоче-крестьянской милиции

ГУШОСДОР – Главное управление шоссейных дорог
ДВК – Дальне-Восточный край
ДОПР – Дом принудительных работ
ДТО – Дорожно-транспортный отдел
ДТЧК – Дорожно-транспортная чрезвычайная комиссия
ЕСДРП – Еврейская социал-демократическая партия
ИКП – Институт красной профессуры
ИНО – Иностранный отдел
ИНФАГО – Информационно-агентурный отдел
ИНФО – Информационный отдел
ИР – Инспекция резервов
ИРО – Информационно-регистрационный отдел
ИСО – Информационно-строительный отдел
ИТК – Исправительно-трудовая колония
ИТЛ – Исправительно-трудовой лагерь
КГБ – Комитет государственной безопасности
КГЧК – Киевская губернская чрезвычайная губернская комиссия
КМК – Комитет малоимущих крестьян
КП – Коммунистическая партия
КП(б)У – Коммунистическая партия (большевиков) Украины
КПК – Комиссия партийного контроля
КПП – Контрольно пропускной пункт
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КРО – Контрразведывательный отдел
НКВД – Народный Комиссариат Внутренних Дел
НКО – Народный комиссариат образования
НКЮ – Народный комиссариат юстиции
НЭП – новая экономическая политика
ОАЧ – организационно-административная часть
ОДТО – отделение дорожно-транспортного отдела
ОГПУ – Объединенное государственное политическое управление
Окротдел – окружной отдел
ОКТО – Окружной транспортный отдел
ОО – особый отдел
Оперсектор – оперативный сектор
ОПО – отдел пожарной охраны
ОТК – отдел трудовых колоний
ОШОССДОР – отдел шоссейных дорог
ПБ – политическое бюро
ПК – политический контроль
ПП – полномочное представительство
ППС – польская партия социалистическая

Полпред – полномочный представитель
РВТ – революционно-военный трибунал
РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия
РСДРП – Российская социал-демократическая рабочая партия
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТЧК – районная транспортная чрезвычайная комиссия
СБУ – Служба безопасности Украины
СВУ – Союз вызволення Украины
СНК – Совет народных комиссаров
СО – секретный отдел
СОО – секретно-оперативный отдел
СОУ – секретно-оперативное управление
СОЧ – секретно-оперативная часть
СПО – секретно-политический отдел
ТО – транспортный отдел
УАПЦ – Украинская автокефальная церковь
УВО – Украинская военная организация
«УВО» – Украинский военный округ
УВО – Украинская военная организация
УГА – Украинская Галицкая Армия
УГБ – управление государственной безопасности
УГРО – уголовный розыск
УКП – Украинская коммунистическая партия
УМЗ – Управление мест заключения
УНКВД – Управление народного комиссариата внутренних дел
УНР – Украинская народная республика
УНЦ – Украинский национальный центр
УОУ – Учетно-организационное управление
УПК – уголовно- процессуальный кодекс
УПСР – Украинская партия социалистов революционеров
УПСФ – Украинская партия социалистов-федералист
УРКМ – Управление рабоче-крестьянской милиции
УСД – украинские социал-демократы
УСДРП – Украинская социал-демократическая рабочая партия
УСО – учетно-статистический отдел
УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика
УСФ – Украинские социал-федералисты
УЧОСО – учетно-осведомительный отдел
УШОСДОР – Управление шоссейных дорог
ЦИК – Центральный исполнительный комитет
ЦК – Центральный комитет

ЦКК – Центральная контрольная комиссия

ЦУПЧРЕЗКОМ – Центральное управление чрезвычайных комиссий и особых отделов в Украине

ЧК – Чрезвычайная комиссия

ЧПО – Части пограничной охраны

ЭКО – экономический отдел

ЭКУ – экономическое управление

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 5

Часть первая
«ГИЛЬОТИНА УКРАИНЫ»

Глава 1. Восхождение (1892–1923) 9

Глава 2. Готовя «революцию сверху» (1923–1928) 70

Глава 3. «Великий перелом»
и переезд в Москву (1929–1931) 124

Глава 4. Голод, политический террор,
этнические чистки (1932–1935) 191

Глава 5. Финишная прямая (1936–1937) 260

Глава 6. Гибель: обстоятельства, последствия, версии 337

Часть вторая
ДОКУМЕНТЫ 0

Именной указатель 387

Список сокращений 400

Об авторах 0

Научное издание

История сталинизма

Шаповал Юрий Иванович,
Золотарев Вадим Анатольевич

«Гильотина Украины»:
нарком Всеволод Балицкий и его судьба

Ведущий редактор *Н. А. Волынчик*
Редактор *С. А. Суркова*
Художественный редактор *А. К. Сорокин*
Художественное оформление *П. П. Ефремов*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Н. Н. Доломанова*
Компьютерная верстка *С. В. Ветрова*
Корректор *Н. Н. Дунаева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 00.00.2017.
Формат 60×90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. XX.
Тираж 1000 экз. Заказ

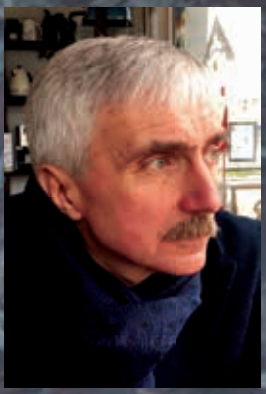
Издательство «Политическая энциклопедия»
127018, Москва, 3-й проезд Марьиной Рощи, д. 40, стр. 1
Тел.: 8(499) 685-15-75 (общий, факс), 8(499) 672-03-95 (отдел реализации)

«Гильотина Украины»:

нарком Всеволод Балицкий и его судьба

Шаповал Юрий Иванович (род. в 1953 г.) –

доктор исторических наук (1994), профессор (2000), заслуженный деятель науки и техники Украины (2003), главный научный сотрудник Института политических и этнонациональных исследований Национальной академии наук Украины.
Одним из первых в Украине начал изучение и публикацию ранее засекреченных документов из архивов ЧК-ГПУ-НКВД-КГБ, а также из архива Компартии Украины. Автор книг «Украина 20–50-х годов: страницы ненаписанной истории» (1993), «Украина XX столетия: личности и события в контексте трудной истории» (2001), «Невыдуманные истории» (2004), «Коснуться истории» (2013), «Пётр Шелест» (2013), «Александр Шумский. Жизнь, судьба, неизвестные документы» (2017) и др.
Всего имеет более 800 публикаций.
Печатался в Австрии, Великобритании, Германии, Италии, Канаде, Латвии, Польше, России, США, Франции, Чехии.



Золотарёв Вадим Анатольевич (род. в 1961г.).

Автор и соавтор 10 книг и более 70 научных статей, посвященных истории органов советской госбезопасности 1920–1930-х годов, часть из которых опубликована на немецком и польских языках: «ЧК-ГПУ-НКВД на Харьковщине: люди и судьбы. 1919–1941» (2003), «Александр Успенский: личность, время, окружение» (2004); «Секретно-политический отдел ГПУ УССР: дела и люди» (2005) и других.